М. В. Довнаръ-Запольскій.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ.

Томъ I.

Этнографія и соціологія, обычное право, статистика, бѣлорусская письменность.

Изданіе А. П. Сапунова.

КІЕВЪ.
Типографія 1-й Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятительская 5.
1909.

М. В. Довнаръ-Запольскій.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ.

Томъ I.

Этнографія и социологія, обычное право, статистика, бѣлорусская письменность.

Изданіе А. П. Сапунова.

КІЕВЪ.
Типографія 1-й Кіевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятительская 5.
1909.

J. J. Michalskich
o zbiorów

Въ настоящемъ томѣ собраны работы автора, касающіяся этнографіи, соціологіи, діалектологіи, статистики и письменности бѣлоруссовъ. Такимъ образомъ, въ нихъ затронуты весьма различныя стороны жизни бѣлорусской народности.

Когда впервые появлялись переиздаваемыя теперь статьи, литература о бѣлоруссахъ и Бѣлоруссіи была очень незначительна, неполна,—вообще, къ этой области знанія замѣтно значительное ослабленіе интереса въ русской и польской литературахъ въ періодъ съ половины 60-хъ годовъ до конца 80-хъ. Вотъ почему авторъ, побуждаемый желаніемъ пролить возможно больше свѣта для уясненія всего, что касается бѣлоруссовъ, дѣлалъ попытки освѣтить положеніе этой народности съ точки зрѣнія различныхъ наукъ. Правда, съ тѣхъ поръ (1888—1895, къ каковымъ годамъ относится основная часть печатаемыхъ статей) литература о Бѣлоруссіи въ нѣкоторыхъ ея областяхъ весьма расширилась (этнографія, діалоктологія); въ другихъ она, къ сожаленію, остается по прежнему бѣдной (экономическій бытъ, письменность, обычное право).

Выяснивъ основной мотивъ, въ силу котораго появлялись настоящія статьи, авторъ не можетъ не сознавать извѣстнаго рода неудобствъ, съ коими связано переизданіе работъ, появившихся впервые довольно давно, при большой бѣдности литературы, и не дополненныхъ новѣйшими матеріалами, иногда опирающихся на выводы науки, нынѣ ею оспариваемыя (это относится къ послѣдовавшему пересмотру нѣкоторыхъ положеній соціологіи); не безъ колебанія авторъ собралъ въ одинъ томъ статьи, часть которыхъ предназначалась для мѣстныхъ газетъ и, слѣдовательно, подвержена была условіямъ извѣстной спѣшности газетной работы, и даже болѣе—все это статьи, относящіяся къ очень раннему періоду научной дѣятельности ихъ автора. Но, рѣшаясь переиздать часть работъ, появившихся въ свѣтъ при указанныхъ условіяхъ, авторъ находитъ для того и нѣкоторое оправданіе. Всѣ эти работы носятъ спеціальный научный характеръ, иногда очень узкій. Ученый интересъ побуждаетъ изучающаго знакомиться съ предше-

ствующей литературой, и собраніе такихъ работъ въ отдѣльной книгѣ только облегчитъ библіографическіе поиски моихъ ученыхъ коллегъ. Съ другой стороны, выдвинутые мною въ свое время вопросы не были пересмотрѣны послѣдующей наукой: по однимъ вопросамъ увеличился лишь собранный матеріалъ, по другимъ разработка не подвинулась; можетъ быть, и тутъ не безполезно будетъ облегчить работу бібліографическихъ изысканіи.

Наконецъ, не могу не указать и на одинъ мотивъ личнаго свойства: я не счелъ себя вправѣ отказать члену Государственной Думы глубокоуважаемому изслѣдователю Витебской Бѣлоруссіи Алексѣю Парфеновичу Сапунову въ его желаніи видѣть мои работы собранными въ одномъ изданіи; подъ его теплымъ дружескимъ побужденіемъ и на его средства настоящая книга появляется въ свѣтъ. Я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить Алексѣю Парфеновичу Сапунову свою глубокую признательность за его дружеское вниманіе къ моимъ научнымъ трудамъ.

М. Д.-З.

Очерки семейственнаго обычнаго права крестьянъ Минской губ.[1]

Предлагаемые очерки основываются на матерьялѣ троякаго рода: главнымъ источникомъ служатъ рѣшенія волостныхъ судовъ, записанныя авторомъ въ Рѣчицкомъ, Бобруйскомъ и Пинскомъ уѣздахъ [2]), затѣмъ личныя наблюденія и, наконецъ, отвѣтъ нѣсколькихъ лицъ изъ Минскаго, Новогрудскаго и Мозырскаго уѣздовъ, постоянныхъ обывателей бѣлорусскихъ селъ, обязательно сообщившихъ свои наблюденія на предложенные имъ авторомъ вопросы. Тогда какъ въ личныхъ наблюденіяхъ и сообщеніяхъ всегда можно предполагать извѣстную долю субъективнаго отношенія къ предмету, рѣшеніе волостныхъ судовъ, какъ актъ, можетъ служить наиболѣе объективнымъ источникомъ для изученія правовой стороны народной жизни.

Поэтому, едва ли справедливо то скептическое отношеніе къ выводамъ, основаннымъ на этомъ матерьялѣ, которое нерѣдко проявляется въ нашей юридической литературѣ и поддерживается даже такими первостепенными юристами, какъ покойный Оршанскій [3]) и М. М. Ковалевскій [4]), которые ссылаются на произволъ „пьянаго" писаря. Съ такимъ взглядомъ на рѣшенія волостныхъ судовъ, какъ на источникъ обычнаго права, трудно согласиться, по крайней мѣрѣ въ сферѣ нашихъ наблюденій.

Прежде всего въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ мы будемъ наблюдать одно и то же отношеніе ихъ въ однородныхъ случаяхъ, и въ различныхъ мѣстностяхъ, и въ различное время, что указываетъ на то, что то или

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе", 1897 г.

[2]) Во время своихъ поѣздокъ я сдѣлалъ выписи рѣшеній волостныхъ судовъ Телеханской вол. Пинск. у., Горбацевичской вол. Бобруйскаго у. и Дерновичской вол. Рѣчицкаго у. (въ количествѣ болѣе 270 №№); сверхъ этого я занимался обзоромъ волостныхъ рѣшеній другихъ волостей—Доброславской, Погостъ-Загородской Пинскаго у., Игуменскаго у., Городокской Бобр. у. и нѣк. др.

[3]) Оршанскій, Нар. судъ и нар. право, 390.

[4]) См. его статью, въ Nouvelle Revue historique du droit etc., 1890, май—іюнь: „Etudes sur le droit coutumier russe", введеніе.

другое рѣшеніе есть актъ обычнаго права, а не измышленія писаря. Съ другой стороны, принимая во вниманіе историческія данныя, мы можемъ убѣдиться, что современныя нормы обычнаго права бѣлоруссовъ соотвѣтствуютъ тѣмъ даннымъ, которыя мы можемъ извлечь изъ историческихъ источниковъ, по крайней мѣрѣ за триста лѣтъ до нашего времени [1]). Мало того, въ нашихъ рѣшеніяхъ мы не разъ встрѣчаемъ указаніе на то, что то или другое дѣло рѣшено по „мѣстному обычаю". А въ одномъ дѣлѣ мы даже встрѣчаемъ любопытную борьбу мѣстнаго обычая съ властью Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ: оно четыре раза кассировало рѣшеніе и всякій разъ волостной судъ, опираясь на „мѣстный обычай", постановлялъ прежнее рѣшеніе.

Правда, въ области уголовныхъ рѣшеній можно встрѣтить, особенно за послѣднія 3—5 лѣтъ, болѣе частые случаи справокъ съ Уложеніемъ о наказаніяхъ. Это вполнѣ понятно: основы обычно-правовыхъ воззрѣній такъ или иначе подрываются, усложненіе жизни усложняетъ разнообразіе проступковъ, для сужденія о которыхъ еще не создался обычай, а между тѣмъ стройность и опредѣленность нашего уложенія о наказаніяхъ подкупаетъ судей. Но въ сферу семейной жизни, домашняго очага, еще не проникъ писанный законъ; традиціи семьи чрезвычайно дороги для крестьянина, наше же законодательство мало примѣнимо въ этомъ отношеніи къ крестьянскому быту, и здѣсь волостному судьѣ, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, приходится пользоваться завѣтами отцовъ и мирить ихъ, прилаживать къ новымъ жизненнымъ требованіямъ, отстаивая всякую мелочь народной традиціи.

Все это позволяетъ намъ видѣть въ рѣшеніяхъ волостного суда наиболѣе достовѣрный источникъ народно-обычнаго права.

Положивъ, такимъ образомъ, въ основу настоящей статьи рѣшенія волостныхъ судовъ, мы однако, приводимъ, по возможности и то, что намъ извѣстно изъ личныхъ наблюденій или разспросовъ.

Что касается способа пользованія всѣми этими источниками, то была принята во вниманіе возможность различныхъ уклоненій въ сферѣ обычнаго права въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Чтобы не принимать частностей за общее правило, я отмѣчаю въ скобкахъ уѣздъ или волость, гдѣ замѣчается такое уклоненіе. Въ особенности я старательно выдѣлялъ всѣ обычно-правовыя особенности крестьянъ Пинскаго у.,—хотя ихъ оказалось весьма не много,—такъ какъ населеніе его не однородно съ населеніемъ другихъ уѣздовъ.

Въ заключеніе этихъ предварительныхъ замѣчаній, я не могу не замѣтить, что предложенный очеркъ далеко не исчерпываетъ всего содержа-

---

[1]) См. интересную статью проф. Владимірскаго-Буданова въ „Чтеніяхъ" Истор. Общ. Лѣтоп. Нестора. Кіевъ, т. III.

нія собраннаго мною матерьяла, представляя лишь краткій обзоръ его, лишь главнѣйшіе факты и выводы, пополненіе которыхъ было-бы крайне желательно.

I.

Теперь перейдемъ къ предмету статьи. Прежде всего разсмотримъ вопросъ о томъ, какую форму семьи мы должны признать преобладающею у бѣлоруссовъ разсматриваемой мѣстности. Терминологія для опредѣленія родовъ семьи, какъ извѣстно, далеко не установлена. Существующія опредѣленія *большой*, *малой* семьи, *простой* и *сложной семейной общины* [1]) иногда употребляются не въ одномъ и томъ-же смыслѣ. А потому слѣдуетъ замѣтить, что мы будемъ, слѣдуя болѣе обычной терминологіи, называть малой семьей такую, которая состоитъ изъ родителей и неженатыхъ дѣтей, большой семьей—такую, въ которой живутъ родители съ женатыми и замужними дѣтьми, и наконецъ семейной общиной такую форму семьи, когда живутъ нераздѣльно братья или дяди съ племянниками, сдольники и пр.

Итакъ, какую форму семьи изъ трехъ названныхъ можно признать здѣсь господствующею? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить абсолютно. Дѣло въ томъ, что раздѣлы дѣлаютъ свое дѣло, они проникаютъ не только въ семейную общину и разлагаютъ ее, но все чаще и чаще замѣчаются даже выдѣлы женатыхъ сыновей отъ отца. Поэтому здѣсь и отвѣтъ можетъ быть данъ только приблизительный. Я думаю, что едвали будетъ ошибочнымъ признать преобладающею формою семьи въ Минской губ.—семью большую. Выдѣлъ сыновей при жизни отца, какъ увидимъ, все еще считается явленіемъ необычайнымъ, обусловливаемымъ спеціальнымъ положеніемъ той или другой семьи, а также не признаваемымъ за общее правило.

Стремленіе къ раздѣламъ при жизни родителей замѣчается лишь оазисами въ различныхъ мѣстностяхъ: въ однихъ ихъ совсѣмъ не знаютъ, въ другихъ, наоборотъ, именно эта послѣдняя форма прививается все больше и больше, съ каждымъ годомъ число такихъ семей увеличивается, и уже образуются правовыя нормы, опредѣляющія порядокъ раздѣла. Такъ, напр., въ Дерновичской волости (юго-восточный уголъ Рѣчицкаго у.) выдѣлъ сыновей при жизни отца почти неизвѣстенъ. Если онъ и бываетъ, то далеко не полный: отецъ строитъ сыновьямъ у себя на дворѣ отдѣльныя хаты, въ которыхъ помѣщается каждая новая семья, но земля, скотъ, орудія—все находится въ общемъ владѣніи, ѣдятъ вмѣстѣ, вмѣстѣ и работаютъ. Каждая семья имѣетъ лишь въ отдѣльномъ владѣніи платье и другія мелкія вещи, деньги лично ею заработанныя и пр., т. е. соблюдается тотъ же порядокъ,

---

[1]) Ср. Пахманъ, Обычное право, т. II, стр. 137.

какъ и въ семьѣ, живущей въ одной избѣ. Обостренныхъ отношенiи между отцомъ и сыновьями, подѣла землею и скотомъ почти не встрѣчается. Ни одного дѣла мѣстнаго суда (съ 60 годовъ до нашего времени) нѣтъ такого, гды бы сынъ жаловался на отца или наоборотъ.

То же слѣдуетъ сказать и относительно многихъ другихъ мѣстностей Рѣчицкаго, Мозырскаго, Минскаго и Новогрудскаго уѣздовъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать лично, или откуда у меня имѣются свѣдѣнія.

Но весьма оригинальное явленіе мы замѣчаемъ въ Пинскомъ уѣздѣ. Глухое Полѣсьѣ, болотистость этой мѣстности, сравнительно первобытный строй всего міровоззрѣнія пинчука—сохранили много архаичныхъ особенностей быта, во многихъ отношеніяхъ. Но не смотря на это здѣсь именно разложеніе большой семьи и семейной общины идетъ наиболѣе быстрыми шагами. Раздѣлы здѣсь охватываютъ весь уѣздъ повально и именно въ самые послѣдніе годы. Еще поколѣніе средняго возраста не знало ихъ, смотритъ съ ужасомъ на то, что дѣлаютъ молодые, но покоряется необходимости. Нормы раздѣловъ не установились: дѣла волостныхъ правленій переполнены жалобами родителей и дѣтей другъ на друга, указывающими на самыя ожесточенныя отношенія тѣхъ и другихъ. Но еще болѣе замѣчательно то, что именно здѣсь-же мы находимъ найболѣе типическіе остатки не только большой семьи въ строгомъ смыслѣ, но и семейной общины. Впослѣдствіи мы увидимъ, что экономическія причины заставляютъ здѣсь быстро разлагаться большія семьи и общины. Но гдѣ тяжесть экономическаго быта не довела семью до разложенія, тамъ въ томъ же Пинскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ самые строгіе и чистые типы ея. Здѣсь мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчать семейныя общины въ 15—25 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ другихъ уѣздахъ такія общины уже большая рѣдкость. Я имѣю лишь краткія указанія на существовавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минскаго уѣзда общины въ 25—30 человѣкъ и даже до 50, въ Бобруйскомъ у. встрѣчались семьи въ 17 челов. Такимъ образомъ очевидно, что тогда какъ въ бѣлорусскихъ уѣздахъ Минской губ. семейная община представляетъ собою отживающій типъ и нормальнымъ типомъ семейной организаціи мы должны признать большую семью, въ свою очередь стремящуюся перейти въ малую, —въ Пинскомъ уѣздѣ мы, повидимому, присутствуемъ при непосредственномъ переходѣ семейной общины въ малую семью. При этомъ типъ большой семьи остается здѣсь, конечно, не безъизвѣстнымъ, но онъ не успѣлъ еще укорениться, проникнуть во все населеніе, какъ вдругъ новый порядокъ вещей, новыя отношенія сразу вызываютъ къ еще болѣе простой формѣ семьи,—именно къ малой. Въ виду все болѣе усиливающихся раздѣловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже признается болѣе удобнымъ раздѣлъ при жизни отца, чтобы предупредить раздоры послѣ смерти главы

семьи. Такой порядокъ вырабатывается, напр., въ Горбацевичской и Городокской вол. Бобр. у.

Таково общее впечатлѣніе, которое выноситъ наблюдатель.

Но чтобы дать читателю болѣе осязательное представленіе о составѣ семейной общины, мы приведемъ нѣсколько указаній изъ имѣющихся у насъ рѣшеній волостныхъ судовъ о лицахъ, которыя входятъ въ составъ общины. Такая справка дастъ возможность ясно представить взаимное отношеніе членовъ, хотя, спѣшимъ замѣтить, она не можетъ дать выводовъ о количественномъ отношеніи общины къ семьѣ, какъ бы послѣднее ни было желательнымъ. Кромѣ того, тутъ же мы увидимъ и степень жизненности этого института въ средѣ крестьянъ: чѣмъ болѣе далекое родство отдѣляетъ сожительствующихъ членовъ, тѣмъ большую силу, кажется намъ, долженъ имѣть самъ институтъ.

Чаще всего мы встрѣчаемъ, что живутъ вмѣстѣ родные семейные братья. Такихъ общинъ повсемѣстно мнѣ приходилось встрѣчать очень много, и онѣ представляютъ обычный и простѣйшій видъ семейной общины. Иногда такая семья держится до самой смерти братьевъ, или до смерти одного изъ нихъ и разстраивается уже двоюродными братьями, хотя не рѣдко можно видѣть, что посѣдѣвшіе братья расходятся на отдѣльныя хозяйства, чаще всего вслѣдствіе несогласій среди младшихъ членовъ. Затѣмъ встрѣчаемъ указанія на сожительство дядей съ племянникомъ; изъ одного рѣшенія видно, что двое дядей жили съ племянникомъ, община разложилась, при чемъ племянникъ остался жить съ однимъ изъ дядей: сожительство такое иногда бываетъ настолько продолжительно, что племянникъ отдѣляется съ взрослыми уже сыновьями (Рѣч. и Бобр. уѣзды). Но эта община, основанная на чисто родственныхъ и при томъ близкихъ отношеніяхъ, представляетъ явленіе довольно понятное, какъ слабые пережитки родовой общины.

Для насъ особенный интересъ имѣютъ случаи сложенія *искусственной* общины, или по крайней мѣрѣ такой, въ которой члены не связаны близкимъ родствомъ, а для совмѣстнаго сожительства должны были сойтись на извѣстныхъ условіяхъ.

Я приведу нѣсколько примѣровъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Такъ, односельцы Антонъ и Корней Борисевичи въ с. Озаричахъ Пинскаго уѣзда (изъ другого дѣла видно, что они не считаютъ себя родственниками даже) согласились жить вмѣстѣ, при чемъ Корней принялъ на свое хозяйство Антона. Послѣдній „прожилъ семь лѣтъ, привелъ его (Корнеево) хозяйство въ хорошее состояніе, трудился какъ самъ, такъ равно и жена его и выкупилъ участокъ земли его, Корнея, который былъ въ арендѣ у еврея за тридцать рублей". Корней выгоняетъ изъ дому Антона, а потому послѣдній требуетъ за трудъ его 100 р. Корней признаетъ трудъ Антона и удовлетворилъ искъ по-

слѣдняго. Антонъ считался въ семьѣ Корнея—*семяниномъ*—обычный терминъ для подобнаго рода принятыхъ въ домъ; семяниномъ называютъ иногда и дальнихъ родственниковъ, также сожительствующихъ вмѣстѣ.

Въ Бобруйскомъ у. принятыя въ семью въ качествѣ семянина носятъ названіе *сдольниковъ*, и эта форма семейной общины является здѣсь довольно распространенной, не смотря на одновременно усиливающееся разложеніе большой семьи. И здѣсь сдольничество вызывается чисто экономическими причинами: вдова остается съ малолѣтними дѣтьми, не можетъ сама управлять хозяйствомъ и принимаетъ къ себѣ сдольника; захудавшій по тѣмъ или другимъ причинамъ домохозяинъ точно также подыскиваетъ себѣ сдольника съ здоровыми руками, а иногда и съ хозяйственнымъ инвентаремъ. Для большей прочности договора, обѣ стороны очень часто заключаютъ формальный договоръ въ волостномъ правленіи. Въ договорѣ точно опредѣляется, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ обѣ стороны, кто изъ нихъ будетъ завѣдывать хозяйствомъ, наконецъ самую существенную часть договора составляетъ условіе о землѣ [1]).

---

[1]) Приведемъ для примѣра два условія сдольника съ хозяиномъ: „1876 года февраля 19 дня, мы, крестьяне дер. Дѣдко, вдова Парасковія Росликъ и Иванъ Труханъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1. Я. Парасковія Росликъ, будучи въ немолодомъ вѣкѣ и оставшись вдовою съ малолѣтнимъ сыномъ Петромъ, не въ силахъ сама удержать оставшагося послѣ мужа моего хозяйства и обрабатывать землю и уплачивать за оную платежи, за лучше признала для поддержанія себя и хозяйства принять въ домъ свой Ивана Трухана, который обязанъ управлять всѣмъ хозяйствомъ, смотрѣть за онымъ какъ за своимъ собственнымъ, меня уважать какъ старшую, а малолѣтняго сына моего до достиженія совершенныхъ лѣтъ воспитывать, какъ свое собственное дитя; за что по смерти моей Иванъ Труханъ вступитъ въ права наслѣдства наравнѣ съ сыномъ моимъ Петромъ, т. е половину всего движимаго имущества и половинную часть земли; на случай же Иванъ Труханъ долго не захочетъ находиться у меня и не будетъ смотрѣть за хозяйствомъ, то я удерживать права имѣть не буду, но тогда къ половинѣ хозяйства и земли Иванъ Труханъ права имѣть не будетъ, а когда проживетъ со мною до совершеннолѣтія сына моего Петра, тогда будетъ имѣть право къ половинной части. Ни я, ни сынъ мой прекословить въ отдачѣ части не будемъ, причемъ вмѣняю въ обязанность Ивану и то, что уплата денегъ за разныя казенныя повинности лежать должна на обязанности его, Ивана, а зарабатывать деньги на эти надобности обязаны вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ.— 2. Я. Иванъ Труханъ, на все предложенное 1 пунктомъ вдовою Парасковіею Росликъ согласенъ и обязанъ исполнить въ точности. Подписи“ (Горбац. вол., книга сдѣлокъ 1876 г. ст. 2).

„1874 года апрѣля 29 дня мы, нижеподписавшіеся, крест. дер. Богушовки, Иванъ Корбутъ и Константинъ Тарасевичъ, заключили условіе въ слѣдующемъ: Я, Иванъ Корбутъ, будучи бездѣтнымъ и не въ состояніи выплачивать за отведенный мнѣ участокъ земли подъ № 13 и обрабатывать оный, уступаю крестьянину одной со мною деревни Константину Тарасевичу, и считая занимаемой имъ на моемъ участкѣ усадебной земли,—половину всей пахотной, сѣнокосной и подъ лѣсомъ въ

Сдольника или семьянина народъ никоимъ образомъ не смѣшиваетъ съ пріемышемъ. Пріемышъ это тотъ, кто принятъ въ дѣтствѣ за *сына мѣсто, за сына*, или *за дочь*. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, что крестьяне дѣлаютъ различіе даже между пріемышемъ въ собственномъ смыслѣ (за сына), отъ пріемыша, который, выросши, становится въ семьѣ уже въ качествѣ сдольника. Хозяинъ не будетъ называть такого пріемыша сыномъ, а пріемышъ хозяина—отцомъ. Въ Бобр. у. съ десяти лѣтъ полный пріемышъ считается въ семьѣ сдольникомъ.

Сдольникъ, являясь въ принимающую его семью, часто вноситъ съ собою и свою долю имущества, въ видѣ инвентаря, наличныхъ денегъ или даже земли. Такъ, въ одномъ случаѣ сдольникъ внесъ „40 руб., сало, муку и разную хозяйственную рухлядь". (Бобр.). Въ другомъ случаѣ споръ шелъ за засѣянное рожью такого сдольника поле (Пин.); одинъ семьянинъ въ Дерновичской вол. внесъ $3^1/_2$ осмины ржи, 1 осмину овса, 10 гарнцевъ ячменя, 1 осм. ярицы, 10 гарнцевъ картофеля и т. д. Однимъ словомъ, сдольникъ, кромѣ своего труда, вноситъ еще и капиталъ.

Положеніе, которое занимаетъ семьянинъ въ семьѣ, зависитъ отъ тѣхъ условій, при которыхъ онъ принятъ. Если принимающій его самъ заправляетъ хозяйствомъ, то сдольникъ является младшимъ, подчиненнымъ членомъ въ семьѣ. Одно, напр., рѣшеніе суда такъ опредѣляетъ положеніе такого сдольника: онъ принятъ въ семью „какъ родственникъ", „съ тѣмъ, что онъ обязанъ работать въ его, Якима, хозяйствѣ, какъ на своемъ собственномъ, нести должное повиновеніе и находиться съ Якимомъ до конца жизни" (Бобр. у.). Но если въ семьѣ нѣтъ хозяина, или хозяинъ умираетъ, оставивъ младшихъ членовъ семьи, то и сдольникъ становится во главѣ хозяйства, и его прерогативы по отношенію къ остальнымъ членамъ ничѣмъ не отличаются отъ власти и значенія главы семьи, хозяина.

количествѣ 9 десятинъ. Постройка, произведенная Тарасевичемъ, должна оставаться за нимъ и не тронутой съ занимаемаго ею теперь мѣста, при чемъ ставлю въ условіе, что плату за половину участка долженъ вносить Тарасевичъ; кромѣ того онъ долженъ отбывать всѣ общественныя и натуральныя повинности за полный участокъ, т. е. какъ за свою, такъ и за мою половину надѣла и уплачивать за меня мірской сборъ. За полъ-участка же, который я оставляю за собой, я долженъ выкупной платежъ вносить самъ, а также казенныя подати лежатъ на мнѣ. Обязательства, налагаемыя мною на Тарасевича, обязательны для него до смерти моей и жены моей или же до переуступки мною законно оставленнаго себѣ полъ участка земли другому лицу, въ такомъ случаѣ Тарасевичъ всѣ причитающіеся платежи и повинности долженъ нести за полъ-участка.—Я, Константинъ Тарасевичъ, принимаю въ свое вѣчное и потомства моего пользованіе переуступленный мнѣ Иваномъ Корбутомъ полъ-участка земли, всѣ вышеположенные на меня обязательства долженъ исполнить. Условіе же, заключенное между нами на счетъ участка земли въ 1867 г. апрѣля 2 дня, настоящимъ условіемъ уничтожается и теряетъ силу. Подписи" (Тамъ же, кн. 1874 г., ст. 2).

Такъ, напр., мужъ и жена Наумчики и сынъ ихъ Ковалько (пасынокъ Наумчика) жаловались суду на притѣсненія со стороны семьянина—главаря и просили раздѣла. Судъ не только не удовлетворилъ ихъ просьбы, потому что не соглашался главярь семьи, но даже наказалъ Христину Наумчикову, которая была признана причиной ссоры въ семьѣ (Дерн. в.). Въ одномъ судебномъ рѣшеніи мы даже встрѣчаемъ своего рода наставленіе суда, что разъ семьянинъ „какъ старшій управляетъ хозяйствомъ по смерти отца" (т. е. бывшаго хозяина), то ему должны остальные члены семьи повиноваться „какъ старшему".

Цѣль, которая соединяетъ эти искусственныя семейныя общины,—это общіи трудъ: одинъ изъ участниковъ имѣетъ землю, но почему либо неуспѣшно ее обрабатываетъ, за неимѣніемъ ли скота, посѣвовъ и т. п. Входящій въ соглашеніе приноситъ не только свой трудъ, который онъ полагаетъ на обработку земли, но также и кое какое имущество, и за то получаетъ, конечно, право на имущество, пріобрѣтаемое съ момента договора общими трудами. Поэтому имущественныя отношенія играютъ огромную роль въ такой семьѣ. Не только движимое имущество становится общимъ достояніемъ, но и земля. Срокъ договора, подразумѣваемый, или же прямо выраженный въ условіи,—смерть одного изъ контрагентовъ. Если этотъ срокъ выполненъ, то сдольникъ или его наслѣдники пріобрѣтаютъ такія же права на землю, какъ и члены семьи—родственники.

Права сдольника на землю въ народномъ представленіи имѣютъ большое значеніе, и волостной судъ, хотя иногда стороны и не были связаны формальнымъ условіемъ, хотя такая передача надѣльной земли и не находитъ себѣ одобренія въ средѣ членовъ крестьянскихъ присутствій, тѣмъ не менѣе прилагаетъ всѣ усилія для подтвержденія правъ сдольника, выдѣляя ему части земли наравнѣ съ прямыми наслѣдниками [1]). Если наслѣдни-

---

[1]) Приводимъ одно изъ такихъ рѣшеній (Горбац. вол.): „Крест. дер. Сычкова Осипъ Рудакъ жаловался на односельца своего Антона Рудака, который захватилъ противозаконно въ свою пользу двѣ трети изъ участка земли, который получилъ въ надѣлъ при дѣйствіяхъ Люстраціонной коммисіи его нынѣ покойный отецъ Корнѣй, а ему оставилъ въ пользованіе лишь одну третью часть. Такъ какъ Антонъ Рудакъ былъ только сдольникомъ его отца, то онъ, считая себя прямымъ наслѣдникомъ на оставшуюся послѣ смерти отца землю, проситъ судъ предоставить ему право пользоватся еще одною третью частію, т. е. двумя третями земли.—Спрошенный Антонъ Рудакъ показалъ, что онъ не желаетъ дать Осипу земли для пользованія потому, что у него большая семья и кромѣ, что землею онъ пользуется уже довольно долгое время.—*Справка:* по ревизской сказкѣ по дер. Сычковѣ подъ № 2 имѣется слѣдующая запись: Корнѣй Яковлевъ Рудакъ—умеръ; его сыновья: 1. Иванъ—умеръ, 2. Осипъ 12 лѣтъ.—Антонъ Петровъ 27 л., его сыновья: 1. Иванъ 2 л., и 2. Викторъ 1 года.—По выкупному акту по дер. Сычкова подъ № 1 на имя Кирилла Яковлева Рудака записанъ участокъ земли въ 22, 18, десят.—Антонъ Рудакъ добавилъ, что

ковъ нѣтъ, то земля вся должна перейти къ сдольнику. Иногда подобныя сдѣлки разстраиваются до срока; въ такомъ случаѣ удовлетвореніе обѣихъ сторонъ судомъ зависитъ отъ условій договора и отъ причинъ, почему семья разстроилась. Такъ, какъ видно изъ одного рѣшенія, дядя принялъ племянника „въ помощь къ себѣ" (значитъ, въ качествѣ сдольника), но послѣдній ушелъ, причемъ все таки получилъ отъ дяди шесть десятинъ земли. Въ другомъ случаѣ было заключено условіе, срокъ котораго истекалъ со смертью принимавшаго; земля должна была перейти въ личное владѣніе сдольника, но стороны, вслѣдствіе ссоры, разошлись, и сдольникъ получилъ обратно только внесенныя имъ деньги. Иногда, впрочемъ, сдольникъ, разъ условіе нарушено при такихъ обстоятельствахъ, что раздѣлъ земли невозможенъ, требуетъ отъ принявшаго его хозяина плату за проработанное время,—и судъ въ такихъ случаяхъ никогда не отказываетъ.

Въ этомъ отношеніи, очевидно, принимается въ разсчетъ трудъ, положенный семьяниномъ на обработку земли,—принципъ, котораго держатся бѣлоруссы и въ другихъ случаяхъ, какъ ниже увидимъ.

Всякая семья или семейная община, естественная или искусственная, имѣетъ своего представителя. Онъ не носитъ опредѣленнаго названія, какъ большакъ въ великорусской, или домачинъ въ сербской общинѣ; названіе, которымъ опредѣляютъ такого представителя семьи,—это *хозяинъ*, *бацька* для сыновей, *дзядзька* для живущихъ въ семьѣ младшихъ родственниковъ и пріемныхъ членовъ. Значеніе такого хозяина опредѣляется прежде всего тѣмъ, что онъ завѣдуетъ всѣми мужскими въ домѣ работами. Отъ него зависитъ, какъ распредѣлить работу, кому какое назначить дѣло, что именно дѣлать въ тотъ или другой день и т. д. Распредѣленіе работъ дѣлается съ вечера, за ужиномъ. Старшіе въ семьѣ, взрослые сыновья, братья или семьянины въ общинѣ, принимаютъ участіе въ домашнихъ совѣтахъ по поводу работъ, но только въ болѣе важныхъ случаяхъ. Передъ началомъ запашки, жатвы, сѣнокоса, передъ продажею хлѣба, покупкой скота, постройками и т. п., хотя домашніе и обмѣниваются мыслями не разъ и уже успѣютъ согласиться даже на этотъ счетъ, но все таки хозяину надлежитъ оффиціально начать объ этомъ рѣчь за ужиномъ, если за дѣло предстоитъ приняться въ слѣдующій же день, или въ воскресенье за обѣдомъ. Передъ жатвой, сѣнокосомъ и пр. хозяинъ еще разъ отправляется

этою землею онъ пользуется уже 17 лѣтъ.—Волост. судъ, по выслушаніи сторонъ и наведенной справкѣ изъ ревизскихъ сказокъ и выкупныхъ документовъ, руков. 107 ст. о Полож. предлагалъ дѣло кончить миромъ; но за непослѣдованіемъ таковаго, разрѣшая настоящее дѣло, судъ нашелъ, что Осипъ Рудакъ до настоящаго времени не простиралъ претензіи къ Антону Рудаку за землю и что Антонъ Рудакъ по его показанію пользуется этой землею уже около 17 лѣтъ, а потому судъ рѣшилъ: въ жалобѣ Осипу Рудаку отказать. Подписи судей".

осмотрѣть поле, лугъ, приноситъ съ собою нѣсколько колосьевъ, травы; передъ закупкою чего нибудь, или передъ продажею онъ еще разъ справляется, хотя-бы раньше и то и другое и третье ему было известно,—и тогда уже начинаетъ рѣчь, сообщивши результаты предварительныхъ развѣдокъ. Отвѣчаютъ прежде всего старшіе члены семьи, наконецъ высказываетъ свое мнѣніе хозяйка, а хозяинъ дѣлаетъ уже распоряженіе; распредѣленіе обычныхъ работъ на слѣдующій день дѣлается безъ совѣта, самимъ хозяиномъ. Но никакой работы не могутъ предпринять даже старшіе члены семьи безъ порученія хозяина. Если кто либо изъ семьи находитъ нужнымъ то или другое сдѣлать, считаетъ, что уже пора начать ту или другую работу, то онъ только сообщаетъ объ этомъ хозяину, предлагаетъ ему сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе. Хозяинъ почти всегда бываетъ и казначеемъ семьи; у него хранятся общія деньги, онъ получаетъ выручки отъ продажи, производитъ и платежи и т. п. Впрочемъ, иногда этимъ завѣдуетъ хозяйка. Наконецъ, ему-же принадлежитъ наблюденіе за поведеніемъ молодыхъ членовъ семьи; онъ слѣдитъ за дочерьми, своими и своихъ сообщинниковъ, слѣдитъ за ихъ нравственностью, за поведеніемъ парней, заставляетъ лѣнивыхъ работать, наказываетъ провинившихся; отпускаетъ на заработки свободныхъ отъ общихъ работъ, отдаетъ внаймы младшихъ членовъ, если это оказывается нужнымъ и т. п. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ сообщаетъ, что онъ въ Пинскомъ и Мозырскомъ уѣздахъ встрѣчалъ семьи въ 40 душъ, а въ др. уѣздахъ душъ по 25, и вездѣ въ такихъ семьяхъ, „воля отца, матери или старшаго дяди, вообще, самаго старшаго въ семействѣ члена, священна для всего семейства; безъ его воли ничто важное не бываетъ въ семействѣ, при спорахъ члены прибѣгаютъ къ его посредству“.

Хозяинъ окруженъ знаками уваженія и почета. Онъ садится за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ—„на куту“—въ углу подъ образами, такъ что сидѣть на кутѣ—синонимъ хозяина дома; прочіе члены по старшинству, рядомъ съ нимъ, женщины на противоположной сторонѣ стола, хозяйка всегда съ краю. Онъ представитель и хранитель домашняго благочестія; онъ творитъ общую молитву передъ пищей и начинаетъ самъ есть, а за нимъ остальные члены по старшинству. Онъ же наблюдаетъ за соблюденіемъ праздниковъ и всѣхъ необходимыхъ обрядовъ; среди послѣднихъ особенно важная роль хозяина тамъ, гдѣ выражается почитаніе душъ умершихъ предковъ; онъ во время „дзядоў“ (поминальная вечера) послѣ молитвы призываетъ души умершихъ „дзядоў, бабокъ“ „на вечеру“, отливаетъ имъ часть пищи на столъ, ставитъ ее за окно на ночь и пр. Подобные же обряды совершаются имъ и послѣ смерти кого-нибудь изъ членовъ семьи [1]).

1) Ср. Довнаръ Запольскій, Замѣтки по бѣлорусской этнографіи, Живая Старина.

Несомнѣнно, что въ этихъ чертахъ бѣлорусскаго хозяина легко узнать великорусскаго большака, сербскаго домачина, вообще на немъ лежатъ черты древняго домовладыки. Однако, власть хозяина въ семьѣ не бываетъ деспотической, потому что всякая несправедливость съ его стороны, всякое угнетеніе кого либо изъ членовъ, неумѣлое распоряженіе имуществомъ, неопытность его въ работахъ, лѣнь, пьянство и т. п. неминуемо ведутъ за собою общій протестъ членовъ, который кончается раздѣломъ или, въ рѣдкихъ случаяхъ, тѣмъ, что дѣла въ свои руки беретъ старѣйшій изъ членовъ, напр., второй братъ или-же старшій сынъ при отцѣ. Хозяинъ можетъ и долженъ дѣлать лишь то, что требуется общимъ интересомъ семьи, и только въ этомъ отношеніи и съ этою цѣлью остальные члены ему повинуются. Хозяинъ въ то же время долженъ быть умѣлымъ и хорошимъ работникомъ, чтобы имѣть право наставлять и понуждать другихъ. При косьбѣ, напр., хозяинъ всегда становится первымъ, съ правой стороны отъ него остальные: отъ скорости работы перваго косаря зависитъ работа остальныхъ, такъ какъ эти равняются съ первымъ и т. п. Хозяинъ является представителемъ и пріобрѣтателемъ общаго семейнаго имущества, но онъ не можетъ имъ распоряжаться во вредъ семьи.

Для подтвержденія сказаннаго о власти главы семьи—независимо отъ его родственныхъ отношеній,—мы приведемъ характерную выдержку изъ одного судебнаго рѣшенія. По поводу жалобъ младшихъ членовъ семьи на главаря-сдольника, „судъ постановилъ: такъ какъ въ хозяйственномъ быту необходимо, чтобы одинъ изъ членовъ семейства былъ главою и наблюдалъ за хозяйственнымъ порядкомъ, а прочіе члены должны подчиняться его власти и исполнять безпрекословно всѣ его законныя распоряженія, безъ чего не можетъ быть должнаго порядка въ хозяйствѣ, а потому, Осипу (жаловавшемуся на главаря), какъ много младшему противъ Антона, внушить повиновеніе къ Антону, какъ старшему члену и извѣстному своимъ хорошимъ поведеніемъ; а за ругательство наказать Осипа 10 ударами розогъ; а Антона жену, какъ дозволявшую присваивать себѣ болѣе власти, чѣмъ указываетъ законный порядокъ, посадить на одни сутки въ карцеръ; Антона же за данное послабленіе своей женѣ оштрафовать въ 75 коп. въ мірскую сумму“ (Бобр.). Таковъ сложный приговоръ суда. И эта мотивировка не случайна—она только подробнѣе другихъ. Въ нашихъ рѣшеніяхъ мы можемъ указать цѣлый рядъ аналогичныхъ поученій и словесныхъ и тѣлесныхъ строптивымъ младшимъ членамъ семьи. Судъ обязываетъ младшаго брата „во всемъ повиноваться и слушаться старшаго брата“, слушаться отца, старшаго родственника и пр.—повторяется въ очень многихъ рѣшеніяхъ.

Въ отношеніи имущества отецъ или вообще главарь не можетъ распоряжаться землею произвольно, не можетъ ни продать ее, ни передать.

(Дерн. в.), и даже если онъ продастъ при малолѣтствѣ дѣтей, то судъ признаетъ такую продажу недѣйствительной и возвращаетъ землю законному наслѣднику (Пин. и Рѣч.) Впрочемъ, за дурное поведенiе сына, сопротивленiе отцовской власти, родители могутъ лишить его по крайней мѣрѣ части всего имущества, передавъ остальное чужому лицу,--такiе случаи намъ извѣстны изъ рѣшенiй нѣкоторыхъ судовъ; хотя бывали ли случаи полнаго лишенiя наслѣдственнаго имущества, неизвѣстно. Юридическое значенiе отца прекращается надъ сыновьями съ момента раздѣла его съ ними: если онъ продолжаетъ заниматься хозяйствомъ, то оставляетъ себѣ равную часть съ сыновьями. По одному дѣлу сынъ жаловался на своего брата и отца: при раздѣлѣ отецъ не далъ ему равной части гумна и хлѣба и препятствовалъ ему владѣть третьей частью сѣнокоса. Судъ удовлетворилъ просьбу сына, признавъ права сына на $^1/_3$ всего имущества (Пин.); то-же подтверждается и другими случаями. Разъ отецъ раздѣлилъ сыновей при своей еще жизни, то для него остается лишь сфера нравственнаго влiянiя. Онъ можетъ, поселившись при одномъ изъ сыновей, помогать ему въ работѣ, совѣтами и пр.

Разумѣется, если семья не распалась со смертью отца, то она продолжаетъ существовать въ видѣ общины. Хозяиномъ въ такомъ случаѣ становится кто-либо изъ старшихъ членовъ—братъ умершаго, старшiй сынъ, семьянинъ или примакъ, если нѣтъ братьевъ или взрослыхъ сыновей покойнаго. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ распорядительницей хозяйства дѣлается мать семейства, жена умершаго; это не считается правиломъ и болѣе или менѣе высокое положенiе хозяйки по смерти мужа зависитъ отъ ея личныхъ качествъ. Въ такомъ случаѣ старшiй изъ мужскихъ членовъ всетаки распоряжается мужскою работою, но общiя деньги и общiй ходъ дѣлъ переходитъ въ руки хозяйки. Случаевъ избранiя главаря мнѣ не приходилось встрѣчать, и его, кажется, не бываетъ. Дѣло, повидимому, устраивается само собой, а не устроится—слѣдуетъ раздѣлъ. Такъ, напр., въ рѣшенiяхъ судовъ встрѣчаемъ указанiя, что старшимъ въ семьѣ былъ примакъ, племянникъ умершаго сдольника и пр. Во всякомъ случаѣ, вновь признанный хозяинъ, хотя и не отецъ всей семьѣ, пользуется всѣми правами хозяина, и власть и значенiе его тѣмъ больше, чѣмъ въ болѣе близкомъ родственномъ отношенiи онъ находится ко всей семьѣ, напр., если онъ старшiй изъ братьевъ. Влiянiе такихъ представителей семьи, какъ отчимъ, примакъ, семьянинъ, всецѣло зиждется на ихъ умѣнiи управлять. Во всякомъ случаѣ, народный обычай признаетъ за такимъ хозяиномъ полныя права; судъ наказываетъ пасынка за непочтенiе къ отчиму, не разрѣшаетъ раздѣла, требуемаго младшими членами, при нежеланiи дяди-главаря (напр., Пин.) или старшаго брата и т. п.

Въ семьѣ поддерживается самое строгое распредѣленiе труда на муж-

скія и женскія работы. Мужскими работами считаются: запашка, посѣвъ, бороненіе, косьба, возка сѣна и сноповъ съ луга и поля, молотьба, досмотръ скота зимою, возка и рубка дровъ, наконецъ, изъ приготовленія одежды—заготовленіе лаптей. Женщины обязаны приготовлять пищу для всей семьи, носить воду, засѣвать огородъ, дѣлать на немъ гряды, полоть его, полоть ленъ, картофель, копать картофель, и выдергивать ленъ на полѣ, убирать коноплю, жать хлѣбъ; ткать сукно и полотно, и шить бѣлье всей семьѣ, смотрѣть за молочными продуктами. Въ завѣдываніи женщинъ находится носильное бѣлье и вообще платье. Кромѣ того въ большихъ же семьяхъ существуетъ еще болѣе мелкое распредѣленіе труда, сообразно возрасту и умѣнію членовъ. И это раздѣленіе наблюдается точно, особенно въ большихъ семьяхъ и общинахъ. Но въ малыхъ семьяхъ работы мужа, жены и дочерей часто перепутываются, и не рѣдко встрѣтить дѣвушку, которая прекрасно коситъ, молотитъ, пашетъ и т. п. Во всякомъ случаѣ это вызывается лишь настоятельною потребностью и безъ нужды никто не вмѣшается въ работу другого. Дѣлать для мужчины женскую работу считается даже „зазорнымъ". Мужчина самъ ни за что не станетъ доставать изъ печки пищи: для этого должна придти хозяйка или невѣстка, которой поручено приготовленіе пищи (это занятіе принадлежитъ старшей женщинѣ въ семьѣ и только вслѣдствіе старости самой хозяйки передается старшей невѣсткѣ или братовой). Мужчина не можетъ достать изъ сундука бѣлья, хлѣба или сала передъ отправленіемъ въ дорогу—все это дѣло хозяйки [1]).

Какъ хозяинъ является главнымъ распорядителемъ мужскихъ работъ, такъ хозяйка, мать для родныхъ дѣтей, „цетка" для старшихъ членовъ общины, и „баба", „хаджайка" для равныхъ,—является распорядительницею всей женской половины общины. Она обыкновенно бываетъ самая старшая въ домѣ женщина, чаще всего жена хозяина. Она, какъ уже было сказано, иногда является представительницей общины. Народный судъ въ такихъ случаяхъ поддерживаетъ ее. Такъ, однажды мать заявила суду, что старшій сынъ ея и его жена желаютъ раздѣла, а она и младшій сынъ и его

---

[1]) Чтобы представить себѣ эту строгость въ распредѣленіи занятій, я приведу одинъ случай. Случилось мнѣ быть въ гостяхъ у одного старика, старшины волости. Отъ него мы вмѣстѣ возвратились въ волостное правленіе и на слѣдующій день условились проѣхать вдвоемъ въ сосѣднее село. Вдругъ старикъ заявляетъ, что ему еще нужно „сбѣгать" домой (верстъ за 10). „Зачѣмъ"—„А якже, объяснилъ онъ,—заўтра нядзѣля, а я поѣду па своей волосци у грязнай сарочцѣ и штаняхъ?" „Якежъ я начальство буду"?—добавилъ онъ смѣясь.—„Такъ отчего-же вы не надѣли дома: вѣдь мы только что были у васъ".—„Э, да ня було хаджайки (старшей невѣстки). Яна мые и шіе, яна дае, а я хиба што знаю?"—объяснялъ онъ. Я воспользовался случаемъ поразспросить его, почему существуетъ то или другое распредѣленіе обязанностей въ семьѣ. Сущность его объясненій сводится къ тому, что „што хто зрабиў ля хозяйства, няхай той и выдае усимъ".

жена не желаютъ; старшій сынъ съ женою служитъ причиною ссоръ въ семьѣ. Тогда судъ не только приказалъ имъ жить нераздѣльно, но опредѣлилъ старшаго сына наказать 16 ударами розогъ, а его жену четырехдневнымъ арестомъ.

Положеніе женщины въ бѣлорусской семьѣ далеко не можетъ быть названо угнетеннымъ. Она является полной хозяйкой въ своей сферѣ, помощницей и совѣтницей мужа. По отношенію къ дѣтямъ народный взглядъ требуетъ также полнаго почтенія со стороны послѣднихъ къ матери. Дѣти вообще находятся на ея попеченіи; только парни, лѣтъ съ 14, когда они уже подростаютъ на столько, что годятся для болѣе легкихъ работъ при обработкѣ земли, напр., боронятъ, возятъ снопы, сѣно и пр. переходятъ въ непосредственное распоряженіе домохозяина. До этого же времени они, а дѣвушки до самаго выхода замужъ, находятся исключительно въ вѣдѣніи матери; въ то-же отношеніе становятся и невѣстки, хотя положеніе послѣднихъ нѣсколько тяжелѣе. Мать также обязана приготовить для дочери приданое. Юридическое положеніе женщины сводится къ тому, что она можетъ, при неимѣніи прямыхъ наслѣдниковъ, наслѣдовать отцовское имущество и землю, если останется на родительскомъ хозяйствѣ, о чемъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже. Она же признается опекуншей своихъ дѣтей до ихъ совершеннолѣтія, считается въ это время полной хозяйкой въ распоряженіи землей и др. имуществомъ. Распоряженія, сдѣланныя матерью во время малолѣтства дѣтей, признаются законными и не подлежатъ отмѣнѣ. Такъ, по одному дѣлу вдова вошла въ соглашеніе съ деверями относительно раздѣла земли; черезъ пять лѣтъ сыновья заявили недовольство раздѣломъ, но судъ въ ихъ искѣ отказалъ (Пин.).

Какъ участникъ въ общемъ трудѣ, женщина получаетъ права на имущество, пріобрѣтенное общими ея съ мужемъ трудами. Но она лично не имѣетъ никакого права на имущество, которое взято мужемъ изъ его семьи, составляло его семейную собственность. Такъ, одно рѣшеніе волостного суда дало такой результатъ: Семенъ Мяликъ жаловался на второго мужа своей братовой, жены умершаго его брата Антона, въ томъ, что та завладѣла строеніями, столярными инструментами, коровою и пр. имуществомъ его покойнаго брата. На судѣ обвиненіе подтвердилось, но выяснилось и то, что имущество пріобрѣтено мужемъ и женою вмѣстѣ, кромѣ коровы и столярныхъ инструментовъ. И судъ предоставилъ вдовѣ, хотя у нея и не было дѣтей, владѣть благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, а корову и инструменты, „какъ взятые покойнымъ нынѣ Антономъ Мяликомъ отъ своихъ родителей, за неоставленіемъ послѣ себя дѣтей покойнымъ, возвратить въ домъ родителей покойнаго“ (Пин.).

Другое дѣло указываетъ, что жена по мужу наслѣдуетъ часть имущества, пріобрѣтеннаго совмѣстно на землѣ т. е. хлѣба и пр. (ib).

Впослѣдствіи еще разъ мы коснемся правъ наслѣдованія женщины; но для настоящей нашей цѣли приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть равноправное положеніе мужа и жены въ имущественномъ отношеніи, равнымъ образомъ и сравнительно высокое ея нравственное положеніе относительно дѣтей и мужа.

Чтобы покончить съ характеристикою положенія старшихъ членовъ семьи, здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о престарѣлыхъ и вдовыхъ ея членовъ. Разъ семья не раздѣлилась, то престарѣлые члены ея живутъ, разумѣется, въ ней. Если отецъ дѣлается старъ, завѣдывать хозяйствомъ не хочетъ, онъ передаетъ его старшему сыну. Съ этого момента отецъ не властенъ распоряжаться имуществомъ и землею. Все его значеніе въ домѣ сводится на то нравственное вліяніе, которое онъ можетъ оказать. Если сыновья затѣваютъ раздѣлъ, то онъ не можетъ воспрепятствовать ему, разъ всѣ согласны; онъ вправѣ требовать себѣ лишь извѣстную часть имущества на прокормленіе. Родители обыкновенно напередъ, передавая хозяйство сыну, выговариваютъ себѣ извѣстную часть имущества, которую они передадутъ тому изъ сыновей, у котораго будутъ жить. Если же этого они не сдѣлаютъ почему либо, то судъ самъ, въ случаѣ споровъ, дѣлаетъ такой выдѣлъ. Такъ, по одному дѣлу, судъ удержалъ изъ общаго имущества въ пользу старика отца амбаръ, который старикъ долженъ былъ отдать своей замужней дочери съ тѣмъ, чтобы она его до смерти одѣвала, а невѣстка (сынъ умеръ) получила шубу съ тѣмъ, что она должна кормить старика (Пин.). Но эта семья была безземельная. Въ другихъ случаяхъ отцу выдѣляется еще участокъ земли. Такъ, по одному рѣшенію изъ Рѣчицкаго у., видимъ, что отецъ, состарѣвшись, оставилъ себѣ участокъ земли и поселился у младшаго сына. По смерти отца судъ присудилъ младшему сыну $^2/_3$ отцовскаго участка, а $^1/_3$ старшему; мотивъ тотъ, что отецъ былъ болѣзненный (значитъ, не могъ помогать въ работѣ), и содержалъ его младшій сынъ безъ помощи старшаго.

Тотъ же принципъ приводится и въ другихъ рѣшеніяхъ. Такъ, по одному рѣшенію изъ Пинскаго у. отцу была оставлена на прокормленіе $^1/_7$ часть земли, которая и досталась кормившему его сыну (Пин.). За старухою—матерью въ этомъ случаѣ, кажется, не признается права оставлять за собой часть земли (если произошелъ раздѣлъ, хотя бы по распоряженію ея покойнаго мужа), но за то судъ обязываетъ сыновей кормить и одѣвать ее до смерти. Имѣющееся у насъ по этому поводу рѣшеніе говоритъ, впрочемъ, глухо: оно не разрѣшило сыновьямъ раздѣлиться вообще, но обязало содержать мать при себѣ (Пин.). Матери чаще всего выдѣляется часть изъ строеніи, скота и хлѣба, передаваемыхъ ею тому сыну, у котораго она поселяется. Сынъ, у котораго селятся старики всегда бываетъ младшій. ему же достается отцовская селитьба. Разсчетъ, заставляющій придерживаться кре-

стьянъ этого обычая, заключается въ томъ, что младшій сынъ всегда моложе, семья у него меньше, и какъ бы ни стары были родители, все-таки ихъ трудъ можетъ пригодиться въ малой семьѣ.

Что касается вдовыхъ членовъ семьи, то вопросъ о вдовцѣ не имѣетъ особеннаго интереса. Если вдовецъ имѣетъ малолѣтнихъ дѣтей, онъ, независимо отъ своего возраста, женится нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти своей жены. Правда, вдовецъ очень рѣдко женится на дѣвушкѣ; развѣ очень бѣдной, опороченной или съ какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ. Вдовецъ и вдова—обычная пара. Если же вдовецъ имѣетъ взрослыхъ дѣтей, то его юридическое положеніе въ семьѣ не измѣняется со смертью жены.

Положеніе вдовы—совсѣмъ другое. Въ немъ надо различать нѣсколько сторонъ: надо различать положеніе старой женщины, остающейся вдовой послѣ раздѣла дѣтей, или когда раздѣлъ произойдетъ уже при ней, и положеніе вдовы. остающейся главою семьи, до ея раздѣла, или опекуншей при подрастающихъ дѣтяхъ. Объ обоихъ случаяхъ мы уже говорили, а объ опекѣ рѣчь будетъ впереди. Если же женщина остается вдовою при малолѣтнихъ дѣтяхъ послѣ раздѣла семьи ея мужа, то она вступаетъ въ управленіе хозяйствомъ и можетъ принять къ себѣ въ домъ примака или сдольника. Она является хозяйкою въ домѣ, распоряжается семейнымъ имуществомъ, и даже отецъ покойнаго мужа не можетъ отнять этого имущества [1]).

---

[1]) Сошлемся на слѣд. примѣръ изъ рѣшеній Телеханской вол. Пин. у.: „Борисъ Курятникъ жаловался словесно волостному суду на жену сына своего, нынѣ умершаго Купріана, Людмилу о неотдачѣ ему, Борису, амбара и одрины и избы, которыя строенія имъ были построены при жизни сына.—Вслѣдствіе жалобы Бориса Курятника была спрошена крестьянка Людмила Ятковска, которая показала: что она не въ состояніи дать ему требуемаго строенія, такъ какъ имѣетъ четверыхъ дѣтей, безъ земли, а содержать его при себѣ она не отказывается. По выслушаніи жалобы Бориса Курятника, и показанія Людмилы Ятковской, волостной судъ, состоящій изъ трехъ судей, предложилъ обѣимъ сторонамъ примириться, но обѣ стороны не примирились. Рѣшилъ: Людмила Ятковска обязана отдать Борису Курятнику амбаръ съ тѣмъ, чтобы онъ. Курятникъ, таковой передалъ дочери своей Евдокіи, которая обязана будетъ одѣвать его до смерти; жить же Курятникъ долженъ у Людмилы Ятковской, которая обязана его кормить и уплачивать всѣ повинности за него до смерти и послѣ оной, если будетъ требоваться".

Въ данномъ случаѣ дѣло усложняется попеченіемъ о престарѣломъ отцѣ. Дѣло обстояло такъ: отецъ выдѣлилъ сына и дочь. слѣдовательно, распоряжаться имуществомъ уже не можетъ. По смерти сына. онъ хочетъ отнять имущество отъ семьи покойнаго, чему судъ воспрепятствовалъ однако. По отношенію къ престарѣлому отцу на вдовѣ его сына лежатъ обязанности поддерживать старика, которыя судъ въ данномъ случаѣ раздѣлилъ между невѣсткою и дочерью, оставивъ однако основную долю имущества въ семьѣ покойнаго сына, равно какъ и главнѣйшія обязанности по отношенію къ отцу. Однимъ словомъ, судъ смотритъ на вдову точно также, какъ смотритъ на отношенія сына—хозяина къ отцу.

Иное дѣло, если вдова выходитъ замужъ на другой надѣлъ; въ такомъ случаѣ земля остается за наслѣдниками, а права вдовы на распоряженія семейнымъ имуществомъ прекращаются.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вдова бываетъ хозяйкой въ домѣ мужа. Но если женщина остается вдовою до раздѣла, положеніе ея совсѣмъ иное. Связь, скрѣплявшая ее съ семьею мужа, порвалась. Ей предстоитъ дилемма: или оставаться въ семьѣ мужа въ качествѣ работницы, или же удалиться въ родную семью. Наблюденія надъ практикою народной жизни показываютъ, что послѣдній исходъ является наиболѣе обычнымъ. Въ имущественномъ отношеніи, вдова не имѣетъ правъ на общинное имущество ея мужа; но свое приданое и все, что было пріобрѣтено ею лично въ семьѣ мужа, вдова получаетъ обратно; точно также она имѣетъ право на движимое имущество, пріобрѣтенное ею совмѣстнымъ съ мужемъ трудомъ, о чемъ мы уже говорили; наконецъ, иногда вдовѣ предоставляется право требовать отъ семьи покойнаго мужа плату за проработанное время.

Но нѣтъ никакихъ данныхъ на то, чтобъ вдова, удаляющаяся изъ семьи мужа, могла разсчитывать на полученіе части изъ семейнаго имущества, въ видѣ временнаго или постояннаго пособія, на прокормленіе себя лично. Весь вопросъ въ дѣтяхъ: вдова можетъ ихъ взять съ собою, можетъ и оставить ихъ въ семьѣ мужа. Семья покойнаго обязана дать на прокормленіе дѣтей, „на воспитаніе“, какъ выражаются судебныя рѣшенія. Пособіе это бываетъ единовременное или, рѣже впрочемъ, постоянное. Такъ, изъ одного рѣшенія видно, что вдовѣ на „воспитаніе“ ребенка судъ присудилъ корову, цѣною въ 5 р., и полъ-копны ржи въ $2^1/_2$ р.; въ другомъ—по осминѣ овса и гречихи, по чашкѣ ржи, ячменя, пшеницы, двѣ бочки картофеля и телушку.

Перейдемъ къ положенію дѣтей въ семьѣ.

Дѣти съ раннихъ лѣтъ исполняютъ тѣ или другія хозяйственныя обязанности, и чѣмъ семья меньше, тѣмъ раньше крестьянскій подростокъ знакомится съ суровымъ трудомъ. Съ пяти лѣтъ ребенокъ няньчитъ своихъ крохотныхъ братьевъ и сестеръ, съ 7—8—онъ уже пастухъ, идетъ за возомъ и пр.; съ 12 лѣтъ для мальчика начинаются первыя упражненія въ земледѣліи: онъ сгребаетъ сѣно, боронитъ, съ пятнадцати лѣтъ берется за цѣпъ, косу, а еще года черезъ два и за соху, такъ что къ 20 годамъ онъ уже хлѣборобъ, прошедшій всѣ академическіе курсы крестьянскаго хозяйства. Дѣвушка къ 16—17 гг. знаетъ женскія работы. Разумѣется, интенсивность труда подростковъ всецѣло зависитъ отъ состава и экономическаго благосостоянія семьи.

Юридическія права дѣти получаютъ, по народному взгляду, только съ момента вступленія въ бракъ. До этого времени они не вмѣшиваются

въ общую семейную жизнь, съ нихъ меньше и требуется [1]). Но тѣмъ не менѣе за ними признается право частной собственности, если они успѣютъ ее пріобрѣсть отдѣльною работою; особенно много удобствъ для такихъ пріобрѣтеній предоставляется дѣвушкѣ: она должна копить приданое; почти всегда въ этомъ ей помогаетъ сама мать. Такими источниками служатъ издѣлія женскаго труда. Женщины обращаютъ въ свою исключительную пользу излишекъ отъ продажи произведеній, которыя ими обрабатываются. Онѣ обрабатываютъ и продаютъ ленъ, коноплю, выдѣлываютъ изъ нихъ полотно и нитки, отдѣляя лишь въ пользу семьи столько, сколько нужно для одежды, а изъ конопли—столько, сколько мужчинамъ нужно на веревки, шнурки. Особенно распространено воздѣлываніе конопли. Имъ же идетъ часть огородныхъ овощей, которыя онѣ продаютъ, а также молочные продукты и шерсть, получаемые со скота, который привела мать въ приданное отъ своихъ родителей. Наконецъ, собираніе грибовъ, ягодъ и орѣховъ доставляетъ также женской половинѣ не малый доходъ. Всѣми этими путями накопляется имущество, находящееся въ исключительномъ владѣніи женщинъ семьи, изъ котораго выдѣляется дочерямъ приданое. Въ подгородныхъ селахъ малоземельные родители отдаютъ своихъ сыновей и дочерей въ наемъ, при чемъ, смотря по обстоятельствамъ, деньги то поступаютъ въ общую казну, то составляютъ частную собственность дѣтей, то, наконецъ, семья только беретъ часть изъ нихъ. Это зависитъ отъ того, съ какою цѣлью хозяинъ отпускаетъ члена семьи на заработки, на какихъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе дѣти, до вступленія въ бракъ, фактически не владѣютъ своими пріобрѣтеніями; они сдаютъ ихъ матери и получаютъ только при женитьбѣ; деньги, нужныя на украшенія, выдаетъ мать. Такъ какъ за дѣтьми не признается юридическихъ правъ, то они не могутъ лично вступать въ какія бы то ни было обязательства. Сынъ, дочь отдаются въ наемъ отцомъ или матерью, и за исправное отбываніе ими службы отвѣчаетъ отецъ, и онъ же получаетъ слѣдуемыя за наемъ деньги независимо отъ того, въ чью пользу онѣ пойдутъ. Такъ, крестьянинъ Телеханской волости с. Богдановки жаловался волостному суду на другого крестьянина, „который отдалъ сына своего Даніила въ работники ему, Богдановичу, съ условіемъ въ годъ жалованья 11 р. и шанокъ картофеля“. Но сынъ черезъ три недѣли ушелъ со службы, а отецъ отдалъ его другому хозяину. Отецъ и сынъ оправдывались тѣмъ, что сынъ ушелъ „по своей охотѣ“. Но судъ, „за дозволеніе сыну самовольно оставлять службу“, взыскалъ съ отца убытковъ въ пользу истца 3 р., и штрафъ въ пользу волости въ 1 р. По другому рѣшенію видно, что отецъ отдалъ въ наемъ сына за 24 р. въ годъ и взялъ впередъ плату хлѣбомъ и скотомъ; сынъ ушелъ со службы, и судъ приговорилъ взыскать

[1]) Они „отгуливаюць свае“, какъ говорятъ бѣлоруссы.

деньги съ отца. Равными правами повсемѣстно пользуются и въ равныхъ условіяхъ считается по отношенію къ дѣтямъ и мать, отъ которой также зависитъ отдача въ наемъ дѣтей [1]). Точно также отецъ или мать отдаютъ дѣтей въ обученіе [2]) ремесленнику.

---

[1]) Для примѣра приводимъ образецъ такого условія изъ Горбацев. вол. Бобр. у. 1877 года Января 18 дня. Мы, нижеподписавшіеся, съ одной стороны Иванъ Вериго и помѣщикъ Доменикъ Вириша заключили условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Иванъ Вериго, имѣя сына по имени Антона, *отдалъ въ услуженіе помѣщику Виришѣ на два года,* срокъ службы долженъ считаться съ 1 Апрѣля 1877 г., при чемъ ставлю въ обязанность моему сыну Антону, что онъ долженъ повиноваться во всемъ Виришѣ и его женѣ; въ случаѣ неповиновенія я принимаю обязанность на себя, какъ отецъ, заставить сына своего быть вѣжливымъ человѣкомъ, по службѣ исполнять все, что будутъ отъ него они требовать гг. Вириши; во время службы сына черезъ два года бѣлье, какъ то: рубахи и подштанники обязуюсь давать самъ, а верхнюю одежду—свиту, кожухъ и штаны должны быть помѣщика, харчь для сына долженъ быть помѣщика хорошаго качества. За службу сына Вириша долженъ мнѣ ежегодно уплатить по тридцать рублей и деньги всѣ сполна за два года долженъ уплатить впередъ. Прогульныхъ дней быть не должно, въ случаѣ таковые по какимъ либо причинамъ окажутся, то сынъ мой тѣ дни долженъ отслужить послѣ окончанія срока службы.—На случай если мой сынъ сдѣлаетъ какое либо преступленіе или воровство, то я, какъ отецъ, отвѣтственность принимаю на себя, а если сынъ броситъ службу у помѣщика Вириши, въ такомъ случаѣ я подвергаю себя штрафу 25 рублей.—2, Я, Вириша принимаю къ себѣ въ услуженіе сына Ивана Вериго, Антона, и на все сказанное въ 1 пунктѣ условія согласенъ.—Подписи.

[2]) Приведемъ для примѣра одно изъ такихъ условій изъ той же волости (сдѣлка 1876 г.): Мы нижеподписавшіеся крест. дер. Богушовки Федора Перегудова и житель дер. Богушовки еврей Берка Іоселевъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1. Я, Перегудова, будучи вдовою и имѣю дѣтей, коихъ съ трудомъ могу пропитать, и не имѣя малѣйшаго хозяйства и собственной земли, за лучшее обдумалась: Старшаго сына отдать въ обученіе какою нибудь ремесла, а какъ въ дер. Богушовкѣ постоянно проживаетъ кузнецъ Еселевъ, то для обученія кузнечнаго мастерства старшаго сына моего Гавріила отдаю въ терминацію на 5 лѣтъ, т. е. по 15 іюля 1881 года, сказанному Еселеву съ обязательствомъ за науку сейчасъ уплатить ему 20 р. и кромѣ сего 6 мѣсяцевъ своего сына кормить и одинъ годъ одѣвать, а послѣдніе 4 года Еселевъ обязанъ его принять на свой столъ и давать верхнюю одежду и обувь, споднюю же одежду я обязуюсь черезъ всѣ пять лѣтъ давать своему сыну свою; на случай же придется выѣхать кузнецу изъ дер. Богушовки прежде окончанія срока терминаціи моему сыну, то срывать его не вправѣ, и онъ обязанъ тамъ быть, гдѣ и его хозяинъ, съ тѣмъ только, что тогда Еселевъ обязанъ его одѣвать какъ верхнею, такъ и споднею одеждою. Когда мой сынъ будетъ до исполненія срока внесенъ въ ревизскія сказки, то всѣ повинности подушные и мірскіе сборы уплачиваетъ кузнецъ; исходатайствованіе билета, если случится, на отлучку лежитъ на обязанности Еселева; при чемъ вмѣняется въ обязанность моему сыну Гавріилу хозяина своего слушать и ему повиноваться до окончанія 5 лѣтняго срока.—2, Я, Еселевъ, принимаю къ себѣ сына вдовы Перегудовой, Гавріила, обязуюсь его смотрѣть и учить кузнечной работѣ, на сколько самъ понимаю, обходиться съ нимъ обязуюсь честно и благопристойно, на предложенный пунктъ 1 условія во всемъ согласенъ.—Подписи.

Заканчивая характеристику положенія кровныхъ членовъ семьи, намъ слѣдовало бы коснуться взаимныхъ личныхъ отношеній мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ. Но эта сторона семейныхъ отношеній, конечно, слабо формулирована въ обычномъ правѣ. Это такая среда народныхъ обычаевъ, о которой въ настоящее время можно сказать весьма мало точнаго. Семейныя чувства вообще мало считаются съ закономъ, тѣмъ болѣе въ настоящее время, когда крестьянская семья реорганизуется, когда вѣковой обычай все болѣе и болѣе уступаетъ новымъ вѣяніямъ, въ которыхъ личныя отношенія играютъ большую роль. Мы можемъ лишь подѣлиться своими личными впечатлѣніями [1]).

Въ бѣлорусской семьѣ жестокое обращеніе мужа съ женой—явленіе очень рѣдкое, даже болѣе того—исключительное. Только пьянство мужа нарушаетъ мирный ходъ семейной жизни, но въ такой семьѣ жизнь вообще бываетъ ненормальной. Впрочемъ, обычай предоставляетъ право женѣ уйти отъ мужа (что равносильно разводу), если мужъ жестоко обращается съ ней. Но если жена уходитъ безъ причины, и дѣло доходитъ до волостного суда, послѣдній—на сторонѣ мужа. Такъ, въ одномъ случаѣ мужъ жаловался на тещу и брата своей жены, что вслѣдствіе ихъ наговоровъ жена покинула его. Въ свое оправданіе жена приводила то, что мужъ ея—человѣкъ болѣзненный, а семья мужа ее недолюбливаетъ. Интересенъ приговоръ суда: жена за оставленіе мужа и неуваженіе къ нему была приговорена къ общественнымъ работамъ на недѣлю; брата жены наказали пятнадцатью ударами, тещу—штрафомъ въ одинъ рубль, брата истца „за неведеніе хорошаго порядка въ домѣ“—оштрафовали въ одинъ рубль; всѣмъ вмѣстѣ судъ вмѣнилъ въ обязанность: „жить въ домѣ хорошо и чтобы споровъ не было“.

Обычай вмѣняетъ женѣ повиноваться мужу, но это повиновеніе не слѣпое, это повиновеніе младшаго члена семьи къ старшимъ. Отдѣльность личнаго имущества, раздѣленіе труда, узаконенное обычаемъ участіе въ общихъ дѣлахъ,—все это придаетъ женщинѣ извѣстную самостоятельность и устраняетъ частые поводы къ семейнымъ раздорамъ. Вообще, хорошее отношеніе мужа къ женѣ—явленіе вполнѣ обычное [2]).

---

[1]) Въ статьяхъ моихъ. помѣщенныхъ въ „Вил. Вѣстн.“ за 1890—1 гг. (№№ 202—262; 9—28), не вышедшихъ, къ сожалѣнію, отдѣльной книгой, мнѣ пришлось подробнѣе изложить наблюденія надъ личными отношеніями въ семьѣ.

[2]) Тамъ, гдѣ личныя впечатлѣнія не подтверждаются объективными данными, весьма важно наблюденіе многихъ лицъ, съ разныхъ сторонъ соприкасающихся съ народною жизнью. Вотъ что говоритъ объ отношеніяхъ мужа къ женѣ нар. уч. П. П. Демидовичъ, отвѣчая мнѣ на соотвѣтственный запросъ: „Мужъ считается главою семьи, а жена должна находиться въ полномъ его подчиненіи. Но подчиненіе жены мужу не во всякой семьѣ одинаково. Хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, но бываетъ, что это подчиненіе смѣняется совершенно обратнымъ явленіемъ, а именно подчине-

Столь же мягко отношеніе бѣлорусса къ своимъ дѣтямъ. Отецъ и мать любятъ своихъ дѣтей, и въ большой семьѣ работа дѣтей по возможности облегчается. Если вы спросите крестьянина, какъ дѣти должны относиться къ родителямъ и къ старшимъ вообще, онъ вамъ объяснитъ, что дѣти должны повиноваться родителямъ, дѣтей не должно „распускать" и пр., но всѣ эти правила обиходной морали не проявляются по отношенію къ дѣтямъ въ суровой формѣ. Споры родителей съ малолѣтними дѣтьми не доходятъ до суда. Другое дѣло споры взрослыхъ сыновей, отдѣлившихся отъ отца, или желающихъ отдѣлиться. Такія дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напримѣръ въ Пинскомъ у., въ подгородныхъ волостяхъ Бобр. у.) очень и очень нерѣдки; въ судебныхъ рѣшеніяхъ по этому поводу и сказывается народный взглядъ на отношенія родителей и дѣтей. Отчасти мы уже съ этимъ взглядомъ знакомы, потому что намъ приходилось говорить объ отношеніи младшихъ членовъ семьи къ хозяину. Отецъ, по отношенію къ взрослымъ дѣтямъ, занимаетъ положеніе хозяина.

Взглядъ суда на отношенія взрослыхъ дѣтей къ родителямъ весьма интересенъ. Судъ смотритъ такъ, что дѣти должны повиноваться родителямъ, но если они не повинуются, то родители сами виноваты въ этомъ. Въ одномъ случаѣ, напр., мать жаловалась суду на своихъ двухъ сыновей за непослушаніе. Свидѣтели показали, что братья живутъ „не спокойно между собою", а мать „даетъ имъ сама потачку". Судъ помирилъ тяжущихся такъ: старшаго присудили къ 15 ударамъ, младшаго къ 10, причемъ старшему вмѣнено въ обязанность повиноваться матери, младшему—повиноваться матери и старшему брату; самую мать судъ приговорилъ отправить на богомолье въ приходскую церковь на покаяніе за то, что она неумѣетъ мирить дѣтей. Вообще судъ очень строго преслѣдуетъ неповиновеніе дѣтей къ родителямъ, семейныя ссоры и пр., когда они ведутъ къ требованію дѣтьми раздѣла, вообще къ разрушенію семьи. Въ случаяхъ рѣзкаго непочтенія дѣтей къ родителямъ или младшихъ къ старшимъ, судъ присуждаетъ виновныхъ мужчинъ къ тѣлесному наказанію, а женщинъ къ штрафамъ, общественнымъ работамъ, къ заключенію при арестантской волостного правленія; въ другихъ случаяхъ судъ лишь вмѣняетъ въ обязанность „младшимъ повиноваться старшимъ". Но судъ не щадитъ и родителей и старшихъ, если они сами служатъ причиною раздоровъ. Мы не зна-

---

ніемъ мужа женѣ, а еще чаще равенствомъ мужа и жены Какъ бы то ни было, жена всегда считаетъ себя вправѣ заявить свой протестъ, если ея мужъ сдѣлаетъ что-нибудь по хозяйству не по ея нраву".—Относительно дракъ онъ говоритъ, что онѣ бываютъ очень рѣдко и вообще можно сказать, что драки между крестьянами-супругами не составляютъ обыкновеннаго явленія.

Крестьянинъ Ярмаковичъ намъ писалъ по этому поводу: „у насъ мужъ съ женою живутъ мирно; бываютъ ссоры только тогда, когду мужъ пьяница" и т. д.

емъ фактовъ, когда бы судъ наказывалъ такъ или иначе отца или вообще хозяина, но среди рѣшеній суда есть случаи наказанія работою матери за ссоры въ семьѣ (Бобр. у.).

Судъ неоднократно говоритъ, что дѣти, вообще младшіе члены семьи, должны исполнять „законныя въ хозяйственномъ быту распоряженія" домохозяина, слѣдовательно незаконное, т. е. неоснованное на обычномъ правѣ отношеніе родителей къ дѣтямъ, судъ неодобряетъ и самъ присуждаетъ раздѣлъ въ такой семьѣ. Въ одномъ, напр., случаѣ отецъ несправедливо относился къ сыну и не желалъ въ то же время выдѣлить ему часть имущества. Судъ заставилъ отца выдѣлить часть имущества сыну съ слѣд. мотивировкой: „хотя распоряженіе дѣтьми по праву и принадлежитъ родителямъ, но опросомъ свидѣтелей доказано жестокое обращеніе Авраама Ф. съ своимъ старшимъ сыномъ и его семействомъ" (Бобр. у.).

Такимъ образомъ, судъ не поощряетъ непочтительнаго отношенія дѣтей къ отцу, ссоръ въ семьѣ и пр., но въ то-же время и ненормальное отношеніе отца къ дѣтямъ порицается общественнымъ мнѣніемъ. И это послѣднее обстоятельство еще разъ указываетъ на то, что по народнымъ понятіямъ обоюдныя отношенія родителей и дѣтей не должны отличаться рѣзкостью, грубостью.

Мы разсмотрѣли положеніе представителей семьи, хозяина и хозяйки, и родителей къ дѣтямъ. Теперь намъ нужно перейти къ разсмотрѣнію положенія такихъ членовъ, которые принимаются въ семью и не связаны, до вступленія въ нее, кровнымъ родствомъ, именно положеніе невѣстки въ домѣ свекра, примака въ домѣ тестя и пріемныхъ сыновей и семьяниновъ. Тогда какъ положеніе невѣстки опредѣляется значеніемъ въ народномъ міровоззрѣніи брачной сдѣлки, положеніе примака, пріемыша и семьянина опредѣляется тѣмъ, въ какое отношеніе они поставлены къ землѣ тестя, или пріемнаго отца. А потому мы перейдемъ къ разсмотрѣнію этихъ сторонъ обычнаго права.

II.

Какъ и вездѣ въ Россіи, бѣлорусская молодежь обоего пола имѣетъ не мало случаевъ, чтобы познакомиться и сойтись задолго до того времени, когда наступитъ время вступленія въ бракъ. Средствами такого общенія служатъ собранія молодежи, которыя бываютъ въ разное время года и по разнымъ случаямъ. Это—„кирмаши" (ярмарки), „хвесты" (храмовые праздники), „прощи"—мѣста въ честь какого нибудь святого или праздника, подъ покровительствомъ котораго считается священный колодезь, источникъ, крестъ, часовня, обыкновенно стоящіе гдѣ нибудь въ уединеніи - въ лѣсу, болотѣ; туда и собираются въ извѣстные дни года жители окрестныхъ де-

ревень. На эти собранія стекается все окрестное крестьянство; старики,— чтобы повидаться съ родственниками изъ сосѣднихъ деревень, купить что нибудь у пріѣзжихъ продавцовъ, помолиться, а молодежь охотно собирается, чтобъ пѣть, танцовать; переборчивый парень,—чтобъ высмотрѣть себѣ невѣсту покрасивѣе и побогаче, а дѣвушка, особенно дочь богатыхъ родителей, чтобы показать себя „богатырямъ“ (богачамъ) сосѣдней деревни (для бѣдныхъ, говорятъ бѣлоруссы, и въ своемъ „кутку“ хватитъ мужей). Все это собирается въ разноцвѣтныхъ пестрыхъ костюмахъ. На дѣвушкахъ ярко горятъ красные „андараки“, волосы ихъ украшены яркими „китайками“, посеребряныя, а не то мѣдныя кольца и серьги, бусы, яркіе платки, сверху накинутая бѣлая свитка—весь праздничный нарядъ бѣлорусской красавицы. Парни не отстаютъ отъ дѣвушекъ: въ длинныхъ „чабоцяхъ“, въ камзолѣ чернаго или синяго цвѣта съ яркими стеклянными или металлическими пуговицами, въ поясахъ, охватывающихъ шесть—семь разъ станъ, въ свиткахъ и высокихъ бѣлыхъ валенныхъ шапкахъ, теперь обычно замѣняющихся фуражками съ козыркомъ,—присутствуютъ тутъ-же.

Въ своей деревнѣ парни и дѣвушки имѣютъ также не мало случаевъ къ сближенію. Лѣтомъ они собираются по праздникамъ для игръ; устраиваютъ такъ называемыя „игрища“—нѣчто вродѣ деревенскихъ баловъ и пр. Но болѣе интимнымъ характеромъ отличаются малолюдныя зимнія собранія молодежи—„вечорки“, посидѣлки. Дѣвушки извѣстнаго „кутка“ деревни собираются по вечерамъ у кого нибудь изъ сосѣдей, прядутъ и поютъ пѣсни, старуха разсказываетъ имъ сказки. Сюда же собираются и парни [1]).

Извѣстно этнологическое значеніе этихъ посидѣлокъ [2]). На сколько вліяетъ сближеніе молодыхъ людей обоего пола на заключеніе между ними браковъ,—въ этомъ случаѣ взгляды стараго и молодого поколѣнія совершенно противоположны. Тогда какъ молодое поколѣніе стремится добиться все большей и большей свободы выбора себѣ пары, старое и среднее даже поколѣніе этого совершенно не знало [3]). И теперь еще старое поколѣніе оказываетъ сильное сопротивленіе абсолютной свободѣ выбора. Особенно это относится къ большимъ семьямъ и общинамъ. Ни время отдачи замужъ или женитьбы, ни личныя симпатіи здѣсь не могутъ имѣть значенія разъ семьей предлагаемая связь признается неподходящей вполнѣ, или несвое-

---

[1]) Подробности о собраніяхъ бѣлорусской молодежи см. въ нашей статьѣ, „Живая Старина“, 1893. II.

[2]) Ср. напр., Ковалевскій, Первобытное право, в. II, 5—6.

[3]) „Якъ мы были маладые,—можно слышать нерѣдко разсказъ,—дыкъ ня було таго, кабъ исьци за того хлопца, зъ кимъ на вячоркахъ любилась; але такъ, якъ скажуць бацька зъ маткой исьци за каго, за таго ӣ идуць. Паплачамъ трохи, а потымъ ўсѣ тые маладощи и забудутца“.

временной. Уступка, которая дѣлается семьей, состоитъ въ томъ, что она стремится согласить свои интересы съ интересами молодежи. Родители разузнаютъ, съ кѣмъ „любится“ ихъ сынъ или дочь, и, если это не идетъ совершенно въ разрѣзъ съ интересами семьи, стараются избѣжать споровъ и раздора и сдѣлать по желанію парня или дѣвушки. Разумѣется, въ малыхъ семьяхъ дѣтямъ предоставляется больше свободы выбора: личныя чувства родителей, вліяніе которое имѣютъ сынъ или дочь, какъ единственные работники, большая очевидность пользы, приносимой ими въ хозяйствѣ,—все это скорѣе склоняетъ родителей къ уступкамъ личнымъ симпаніямъ дѣтей.

Во всякомъ случаѣ, соображенія экономическаго характера играютъ очень видную роль при заключеніи брака, а родители стремятся поставить ихъ на первомъ планѣ. Съ свадьбой старшаго сына всегда спѣшатъ, такъ какъ семья нуждается въ работницѣ. Напротивъ, старшую дочь стараются попридержать годъ—другой лишній въ домѣ, чтобы воспользоваться ея работой. Кромѣ того, и въ томъ и другомъ случаѣ нужны расходы, которые иногда тяжело ложатся на бюджетъ семьи, а дочери при томъ нужно скопить еще „выправу“, т. е. приданое изъ одежды, бѣлья и проч.

И эти соображенія настолько важны, что часто на два-три и больше года оттягиваютъ свадьбу бѣдныхъ. Въ одномъ актѣ мы имѣемъ соображеніе и другого еще характера, при чемъ мы встрѣчаемъ и указаніе на существованіе обычая уславливаться о женитьбѣ дѣтей до ихъ совершеннолѣтія. Одинъ крестьянинъ, напр., передалъ другому свой полунадѣлъ земли по письменному договору съ тѣмъ, однако, устнымъ условіемъ, чтобы получающій надѣлъ женилъ своего сына на его дочери. Когда черезъ одиннадцать лѣтъ взявшій надѣлъ не исполнилъ условія о женитьбѣ сына, то отецъ дочери отнялъ надѣлъ, и судъ оставилъ землю за нимъ (Рѣч. у.). Такимъ образомъ, судъ не призналъ незаконность такого договора, а счелъ его разстроившимся потому, что не было соблюдено и другое условіе. Очевидно, отецъ дочери, не имѣя возможности обрабатывать самъ землю и платить за нее подати, не желалъ передать ее въ чужія руки или въ руки общества, но передавалъ въ пользованіе и для обогащенія семьи своего будущаго зятя. Это же дѣло еще разъ подтверждаетъ сказанное нами о значеніи родителей въ женитьбѣ своихъ дѣтей вообще.

Институтъ приданаго въ видѣ денегъ мало извѣстенъ бѣлоруссамъ. Я имѣю свѣдѣнія о томъ, что оно начинаетъ распространяться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минскаго у. и доходитъ иногда до 100 и больше рублей, но все же считается явленіемъ новымъ, которое практикуется лишь у богатыхъ крестьянъ; иногда такимъ образомъ успѣваютъ выдавать состоятельные родители свою дочь, завѣдомо опороченную, за бѣднаго парня. Такимъ образомъ, оно не можетъ играть существенной роли въ крестьянскомъ

быту. Но съ другой стороны и „выправа“, „пасагъ“, которая дается невѣстѣ, хотя затрудняютъ семью, выдающую дочь, но не могутъ имѣть большого значенія для той семьи, въ которую вносится, во первыхъ, потому, что приданое принадлежитъ не ей, а невѣсткѣ, а во вторыхъ, потому, что оно состоитъ изъ такихъ вещей, которыя въ хозяйствѣ не имѣютъ значенія. Поэтому, все значеніе вновь вступающаго члена въ семью сводится исключительно къ цѣнности его, какъ рабочей силы, и выборъ невѣсты съ этой стороны очень строгъ. Красота, часто даже богатство, не имѣютъ значенія въ глазахъ бѣлоруса; ему прежде всего нужна хорошая работница, и только эти качества высоко стоятъ въ глазахъ хозяина. Единственное условіе, которое требуется отъ невѣсты, это ея непорочность; она имѣетъ еще и теперь повсемѣстно весьма важное значеніе. Опороченная дѣвушка съ трудомъ находитъ себѣ жениха, чаще всего вдовца или бѣднаго сироту. Дѣвушка, рѣшившаяся выйти замужъ и обманувшая семью и мужа на счетъ своей нравственности, не только сама и вся ея семья, родственники и сваты подвергаются поруганію, но часто такая свадьба совсѣмъ разстраивается, или же молодые расходятся и не живутъ по нѣскольку лѣтъ, пока какъ нибудь обѣ стороны не помирятся. Непорочность часто узнается до церковнаго вѣнчанія. Одна часть свадебнаго ритуала—*посадъ*, когда невѣсту садятъ на почетномъ мѣстѣ, совершается во многихъ мѣстахъ не послѣ вѣнчанія, а наканунѣ. Рѣдкая дѣвушка рѣшится сѣсть на посадъ, потерявши цѣломудріе, а если она не сядетъ, то это служитъ ея сознаніемъ. Тогда весь свадебный поѣздъ жениха, послѣ доброй перебранки, часто драки, упрековъ, требованій назадъ расходовъ, удаляется обратно, и свадьба разстраивается. Только заступничество жениха, принимающаго грѣхъ на себя, можетъ спасти дѣвушку, но и тогда она не избѣгнетъ укоровъ своей и жениховой родни. Замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ гдѣ сохранились болѣе древнія черты свадебнаго ритуала, непорочность требуется и отъ жениха, и отказъ его сѣсть на посадъ влечетъ за собою точно такія-же послѣдствія [1]).

Но при этомъ нравственною обязанностью считается для парня, опорочившаго дѣвушку, на ней жениться. На этомъ настаиваетъ не только вся семья дѣвушки, но вся ея родня, также и родственники жениха, такъ что парень рѣдко можетъ уклониться отъ женитьбы. Сожительство безъ церковнаго вѣнчанія „на сумленье“ (на совѣсть), хотя и встрѣчается, но рѣдко, обыкновенно, среди дальнихъ родственниковъ, которые однако по церковнымъ правиламъ не могутъ вѣнчаться.

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Бѣлор. свадьба въ культ.-религіозн. пережиткахъ, „Этн. Обозр“, кн. XIX, стр. 26 и слѣд.

Выше было упомянуто о свадебныхъ расходахъ и о выправѣ невѣсты [1]).

Не безъинтересно разсмотрѣть этотъ вопросъ подробнѣе, такъ какъ онъ играетъ важную роль въ крестьянскомъ быту. По одному моему источнику свадебные расходы исчисляются minimum рублей въ 30 со стороны жениха и рублей въ 20—25 со стороны невѣсты, а наибольшіе доходятъ у жениха до 75 р. и у невѣсты до 50 р. Главную роль въ расходахъ играетъ съ той и другой стороны водка, которая у жениха занимаетъ половину расходовъ, у невѣсты третью часть [2]). Выправа или посадъ, который обязательно должна внести невѣста, какъ бы она ни была бѣдна,—это одежда на годъ, а по прежнимъ порядкамъ непремѣнно на 7 лѣтъ, постель (подушки, пуховикъ, „пярина" и „ковдра"—одѣяло изъ домашней шерсти) и что нибудь изъ скота—овцу, свинью, корову. Но о приданомъ болѣе состоятельной невѣсты мы можемъ судить по нѣкоторымъ рѣшеніямъ валостныхъ судовъ. Одно рѣшеніе исчисляетъ такъ приданое: бочка въ 3 р., 2

---

[1]) Свадебнаго обряда я не привожу здѣсь, хотя онъ и касается нѣкоторыми своими сторонами обычнаго права. Свадебный обрядъ описанъ и разсмотрѣнъ мною въ слѣд. работахъ: „Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни", Кіевъ 1888 г.; „Бѣлорусская свадьба въ культ.-религіозныхъ пережиткахъ", Этногр. Обозр., кн. XVI, XVII, XIX; „Мотивы свад. пѣсенъ Пинчуковъ", Гродно 1893 г

[2]) Привожу примѣрную смѣту свадебныхъ расходовъ средней семьи (Минск. у).

Расходы у „молодого":

3—5 р. на водку во время запоинъ (3—5 гарнцевъ).

1 р. музыканту во время свадьбы.

5—10 р. водка на свадьбѣ.

3—10 р. священнику.

Мелкіе расходы:

Дружкамъ за выкупъ невѣсты 5—10 коп.

Брату невѣсты „ „ 5—15 коп.

За выкупъ сундука (куфаръ)—брату 5—30 коп

За проводы сундука музыканту 3—5 коп.

Непредвидѣнные расходы 50 к.—1 р. и болѣе.

По пріему родителей 3—4 р.

Расходы у невѣсты меньше:

На запоинахъ отъ 80 коп. до 1 р. 20 к.

Водка на свадьбѣ—3—8 р.

Коровай 1—2 р.

Мелкіе расходы: цвѣты, пояса и пр.—1—3 р.

Хотя смѣта наша составлена на основаніи фактическихъ данныхъ, но это свадьба небогатая, и потому всѣ расходы увеличиваются въ богатыхъ семьяхъ Сами же *статьи* расхода вездѣ остаются неизмѣнными.

Къ свадебнымъ расходамъ отчасти относится и свадебная одежда невѣсты и „куфаръ" (сундукъ для приданаго): подвѣнечный ситцевый уборъ—около 1 р. 50 к., куфаръ—2—3 р., свитки—7—10 р.

кубла (кадка для склада бѣлья, одежды)—4 р., веревка—1 р. 50 к., 2 топора на 2 р. 50 к., свитка—2 р., сани—1 р., бочка картофеля—3 р., 2 тюфяка—2 р., бычокъ—3 р., 47 возовъ навозу—9 р. 40 к., амбаръ—10 р., всего на 41 р. 40 к. (По другому акту невѣста имѣла корову, двое телятъ, овцу, свинью, и др. (Пин.).

Что касается юридическаго значенія брачной сдѣлки, то прежде всего отмѣтимъ, что нарушена она можетъ быть послѣ сватовства и послѣ сговора, т. наз. вторыхъ и третьихъ „запоинъ". Какъ для жениха, такъ и для невѣсты считается безславіемъ отказъ противной стороны, но послѣ сватовства онъ бываетъ чаще и считается болѣе возможнымъ, чѣмъ послѣ запоинъ. Нужны слишкомъ серьезныя причины, чтобы какая нибудь сторона отказалась послѣ сговора, и важнѣйшею, едва-ли не единственною признается нецѣломудріе невѣсты, если она сама признается въ этомъ, или достовѣрно узнается стороною. Во всякомъ случаѣ потерпѣвшая сторона требуетъ удовлетворенія и возвращенія понесенныхъ ею расходовъ. Такъ, напр., по одному рѣшенію такіе расходы исчислены въ 10 р. (Рѣч.). Другое дѣло высчитываетъ расходы въ той же суммѣ, но передаетъ при этомъ рядъ любопытнѣйшихъ подробностей [1]).

[1]) Крест. дер. Освва Афанасій Щерба заявилъ волостному суду о томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года пришелъ къ нему сватать его дочь Анну крест. дер. Барановичи Григорій Сулимъ за сына своего Андрея, на что онъ былъ согласенъ, а какъ происходило наканунѣ Петрова поста, и Григорій Сулимъ хотѣлъ совершить и вѣнецъ до поста чрезъ два дня послѣ сговора, но онъ Афанасій, какъ не имѣлъ еще ничего въ готовности, то предложилъ отложить вѣнецъ послѣ Петрова поста, чѣмъ Григорій Сулимъ остался недоволенъ, а жена его пришла къ нему, Афанасію, въ домъ и стала грубо высказывать, что она совсѣмъ не хотѣла брать за сына его дочь Анну, но уже мужъ сдѣлалъ запоины, то такъ и быть; и затѣмъ стала стучать по столу кулакомъ и высказывать разныя угрозы, что увидала его дочь Анна, испугалась и приняла во вниманіе. что если мать жениха, еще не взявши ее, уже угрожаетъ, то что же будетъ, когда она поступитъ въ ихъ домъ? Тогда навѣрное ей не будетъ хорошаго житья, а потому совсѣмъ отказалась идти замужъ за Андрея. Не желая силою неволить дочь свою Анну пойти замужъ помимо ея согласія, я объявилъ объ этомъ и Григорію Сулиму. Но тотъ сталъ упорствовать и требовать возврата его убытковъ, какъ бы затраченныхъ имъ при запоинахъ. 40 руб. А какъ ему хорошо извѣстно, что со стороны Григорія болѣе не вышло расходовъ, какъ на 10 рублей, каковые деньги онъ ему возвращаетъ, и дочь его носила къ нему два раза, но Григорій не соглашается взять денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ приходскаго священника, чтобы онъ если найдется его дочери Аннѣ другой женихъ, то не вѣньчать ее какъ давшую обѣщаніе его сыну Андрею, что священникъ принялъ къ свѣдѣнію и объявилъ его дочери Аннѣ, что пока она не удовлетворитъ Григорія Сулима, онъ не дастъ ей вѣнца. А какъ она во-первыхъ и не въ состояніи уплатить Григорію Сулиму 40 руб., а во-вторыхъ и вполнѣ знаетъ, что некуда было ему израсходовать такую сумму денегъ на запоины; на 40 руб. можно отгулятъ и всю свадьбу, а на запоины вышло съ его стороны водки не

Свадьба, т. е. вся процедура ритуала, имѣетъ въ глазахъ крестьянъ значеніе акта, скрѣпляющаго брачную связь. Церковное вѣнчаніе не играетъ существенной роли, и его исполняютъ только потому, что оно требуется священникомъ. Вѣнчаніе является лишь одной изъ частей ритуала, непосредственно послѣ или передъ которой, смотря по мѣстности, совершается важнѣйшая часть его — сажаніе молодыхъ на посадъ. Гдѣ она совершается передъ вѣнчаніемъ, тамъ въ указанныхъ нами случаяхъ, возможенъ разрывъ, но женихъ уже съ этого момента считается „человѣкомъ",— опредѣленіе, даваемое только женатымъ мужчинамъ, а невѣста, „жонкой",— женщиной. Слѣдовательно, народъ смотритъ на разошедшихся какъ на разведенныхъ.

Вступающая въ семью или въ семейную общину женщина пользуется всѣмъ необходимымъ для своего прокормленія, а также и одеждою по истеченіи года со времени свадьбы, изъ того, что добывается общимъ съ нею трудомъ семьи. Но она не пріобрѣтаетъ правъ на общее семейное имущество, получая лишь часть изъ имущества, пріобрѣтеннаго ею совмѣстно съ мужемъ. Все же, что пріобрѣтется общиною сообща, принадлежитъ не ей, а общинѣ, членами которой считаются и ея дѣти. Объ этомъ была уже рѣчь. Но за то она безконтрольно распоряжается своимъ личнымъ имуществомъ, внесеннымъ ею въ видѣ приданаго. Она владѣетъ не только этимъ

болѣе какъ на 5 руб., а закуска вся была его, какъ это было у него въ домѣ, и онъ ему предлагаетъ 10 руб., но тотъ не беретъ. Такъ какъ его дочери находится другой женихъ и онъ готовъ бы выдать дочь, но какъ Григорій Сулимъ ему препятствуетъ въ этомъ, то онъ проситъ дѣло разобрать по совѣсти, какъ удовлетворить Григорія Сулима и дать его дочери свободу выдти замужъ по ея желанію.— На предложеніе Григорію Сулиму, не согласенъ ли онъ примириться съ Афанасіемъ Щербою, имѣя въ виду, что силою заставить дочь Афанасія Анну выдти за его сына Андрея замужъ во-первыхъ нѣтъ возможности, а во вторыхъ и нельзя изъ этого брака ожидать хорошей жизни, и что Григорій Сулимъ показалъ, что онъ согласенъ разойтись съ Афанасіемъ Щербою, тогда только, когда тотъ вернетъ ему убытки 40 р., каковые онъ израсходовалъ на запоины и на вынутіе невѣстиной метрики о ея рожденіи изъ Голынской церкви и на перенесеніе таковой въ Горбацевичскую, гдѣ тоже уплатилъ и на заповѣди. Судъ разобравъ сію жалобу пришелъ къ тому заключенію, что такъ какъ суду хорошо извѣстно, какіе именно бываютъ расходы при запоинахъ, а равно извѣстно и сколько бываетъ расходовъ при вынутіи метрики и на заповѣди, и призналъ, что Григорій Сулимъ болѣе не израсходовалъ какъ 10 р., но не желаетъ таковыхъ принять отъ Афанасія Щербы, будучи затронутъ за самолюбіе отказомъ невѣсты, а потому дабы одержать верхъ надъ Щербою и его дочерью Анною, онъ требуетъ отъ нихъ возврата небывалыхъ расходовъ на 40 р., а потому Судъ по своему убѣжденію и по совѣсти постановилъ: чтобы Афанасій Щерба уплатилъ Григорію Сулиму 12 руб.; оно будетъ безобидно какъ для одного, такъ и для другого, и они болѣе одинъ къ другому не должны распространять никакой претензіи.—Подпись судей.

имуществомъ, но также и всею тою прибылью, которая съ него получается. Если она имѣетъ возможность заработать что либо на сторонѣ, то это также составляетъ ея личную собственность. Она можетъ ею распоряжаться по своему усмотрѣнію и, въ случаѣ смерти мужа, все ея имущество вмѣстѣ съ прибылью, если таковая получилась, безпрекословно ей выдается семьею покойнаго. Если супруги расходятся, то приданое возвращается женѣ [1]).

Взглядъ на невѣстку прежде всего какъ на работницу отражается и на томъ, что если она почему либо не работаетъ для семьи мужа, то послѣдняя отказывается кормить ее. Новыя условія крестьянской жизни служатъ иногда причиной продолжительнаго отсутствія мужа, напр. въ военной службѣ и т. п. Часто невѣстка не уживается съ семьей и уходитъ въ домъ родителей до возвращенія мужа. Тогда семья послѣдняго отказывается выдавать ей на содержаніе, а судъ не обязываетъ ее къ этому (Пин.). По одному рѣшенію видно, что сынъ, уходя на службу, сдѣлалъ распоря-

---

[1]) Приводимъ одно такое дѣло (Телеханской вол.), не лишенное любопытныхъ подробностей:

Крестьянка Вульковскаго сельскаго общества деревни Вульки Аксенія Иванова Мяликова проситъ о взысканіи съ ея мужа Марка Станиславова Мялика слѣдующаго имущества ея, а именно: бочки стоющей 3 рубля, двухъ кубловъ 4 руб., веревки (ужице)—1 р. 50 копѣекъ, двухъ топоровъ—2 руб. 50 к., свитки 2 рубля, саней—1 рубль, кортофеля одну бочку—3 рубля, двухъ холстовыхъ тюфяковъ—2 рубля, за проданнаго бычка 3 рубля и за 47 возовъ навоза за вывезенные на его поле 9 рублей 40 копеекъ, а всего на сумму 31 руб. 40 копеекъ, и кромѣ сего проситъ предоставить ей право взять свой амбаръ, перенесенный мужемъ на свой плацъ, стоющій 10 рублей сереб., а всего на сумму 41 рубль 40 копеекъ серебромъ. Отвѣтчикъ Марко Станиславовъ Мяликъ противъ иска жены своей Аксеніи Ивановой Мяликовой пояснилъ, что онъ прописаннаго имущества возвратить женѣ не желаетъ, потому что она его оставила. Имущество прописанное она дѣйствительно внесла къ нѣму Навоза же 47 возовъ не взято, а только 4 воза. Свидѣтель Феодоръ Осиповъ Мяликъ показалъ, что дѣйствительно сказанное имущество внесла Аксенія къ мужу своему Марку при выходѣ въ замужество, навоза же было не болѣе 12 возовъ. Волостной Судъ по соображенію обстоятельствъ сего дѣла, нашелъ искъ Аксеніи Ивановой Мяликовой съ мужа ея Марка Станиславова Мялика доказаннымъ только въ суммѣ 34 рублей 40 коп., такъ какъ изъ показанія свидѣтеля выяснилось, что навоза вывезено всего 12 возовъ, а не 47 возовъ, какъ истица заявила. Стороны примириться не пожелали, а потому *постановилъ:* на основаніи 107 ст. общ. полож. обязать Марка Станиславова Мяликова выдать задержанное имущество и амбаръ женѣ своей Аксеніи Ивановой Мяликовой и уплатить за проданнаго бычка 3 рубля и за 12 возовъ навоза 2 рубля 40 коп., въ случаѣ же не окажется прописаннаго имущества, взыскать съ Марка Мялика въ пользу Аксеніи Мяликовой по стоимости онаго 29 руб., а всего 34 рублей 40 копеекъ; въ искѣ же еще 7 рублей за навозъ Аксеніи Мяликовой отказать, какъ недоказанномъ. Настоящее рѣшеніе недовольной сторонѣ предоставляется право обжаловать въ Пинское Уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе въ тридцатидневный срокъ.

женіе, чтобы его женѣ данъ былъ изъ общаго имущества скотъ и хлѣбъ для пропитанія дѣтей, но не для ея самой (Пин.).

Указанный взглядъ достаточно рельефно обрисовывается еще въ томъ, что иногда вдова или ея родители требуютъ платы за проработанное ею время въ семьѣ мужа. Это бываетъ особенно тогда, когда мужъ умеръ молодымъ. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ отецъ вдовы потребовалъ съ семьи мужа плату за проработанное ею время въ видѣ 12 п. ржи, по 2 п. гречихи, овса, ячменя, проса и яровой пшеницы и 1 воза сѣна; на судѣ помирились: братъ покойнаго призналъ искъ и согласился выдать половину требуемаго (Рѣч.). По другому рѣшенію, хотя судъ и отказалъ выдать требуемое вознагражденіе, но только потому, что отецъ покойнаго предложилъ невѣсткѣ поселиться у него и на судѣ было доказано, что и раньше они жили мирно и со стороны семьи не было повода къ ея уходу [1]).

Къ вопросу о бракѣ примыкаетъ и вопросъ о разводѣ. О формальномъ разводѣ среди крестьянъ мало кто знаетъ. Но практикуется разводъ безъ посредства церкви: неполадившіе супруги просто расходятся. Изъ имѣющихся у насъ рѣшеній видно, что если разводъ бываетъ добровольный съ обѣихъ сторонъ, то жена получаетъ внесенное ею имущество. Если же

---

[1]) Приведемъ для примѣра слѣд. рѣшеніе вол. суда Телеханской вол.: Крестьянинъ Святопольской волости деревни Колонска Николай Осиповъ Ильчукъ жалуется на крестьянина села Озаричъ Семена Θеодорова Борисевича, что дочь его была въ замужествѣ за сыномъ его, и когда ея мужъ умеръ, то они выправили ее безъ времени, со скотомъ, который былъ данъ ей въ приданое, не давъ ни хлѣба, ни сѣна, отъ свиньи забрали поросятъ, каковые цѣнитъ 6 руб.; проситъ присудить для дочери, какъ работавшей въ ихъ хозяйствѣ 3 года, дать хлѣба, шанокъ ржи, сала 10 фунтовъ, сѣна для скота 40 пудовъ и 6 руб. за поросята. Семенъ Борисевичъ противу жалобы бывшаго своего свата, пояснилъ, что невѣстки онъ не прогонялъ, могла она жить у нихъ или до весны вмѣстѣ со скотомъ своимъ, а она безъ причины съ ихъ стороны, забравъ свой скотъ, овцу и свинью, уѣхала, то онъ не считая обязанностью давать ей ни хлѣба, ни сѣна, ни сала, поросятъ же онъ, дѣйствительно побилъ всѣхъ изъ сожалѣнія, что когда они забрали свинью и поросятъ сосуновъ отъ 4 дней оставили, одного поросенка—жареннаго—предъявили на судѣ; невѣстка же, какъ они жили хорошо, можетъ возвратиться къ нимъ и жить сколько пожелаетъ, хоть до выхода замужъ, да при томъ невѣстка привела съ собою корову и двое телятъ, а забрала три штуки скота и теленка. На основаніи 107 ст. полож. кр. волостной судъ склонялъ стороны къ примиренію, чего не послѣдовало, а посему *постановилъ*: какъ со стороны Семена Борисевича не было дано никакого повода къ оставленію ихъ невѣсткой, какъ онъ и нынѣ заявилъ, что она можетъ и теперь возвратиться къ нему со скотомъ своимъ и жить у него, сколько пожелаетъ, въ домогательствѣ Николая Ильчука о выдачѣ ему для дочери, хлѣба, сѣна, а также о взысканіи 6 руб. за поросятъ отказать, тѣмъ болѣе, что Ильчукъ, забравъ свинью, долженъ былъ брать вмѣстѣ и поросятъ, а когда не давали, то долженъ заявить старостѣ, и до рѣшенія дѣла оставить свинью. О чемъ объявить сторонамъ.

одна изъ сторонъ оставляетъ другую, то послѣдняя считаетъ себя вправѣ удержать имущество первой. Обѣ стороны въ спорахъ настаиваютъ на томъ, кто кого „прогналъ“ (Пин. и Боб.)[1]).

Другое лицо, которое посредствомъ брака является въ чужую семью,—это примакъ, т. е. зять, перешедшій жить въ семью жены. Причины, по которымъ семья дѣвушки ищетъ примака, обыкновенно состоятъ въ томъ, что въ семьѣ нѣтъ или не хватаетъ работника. Если крестьянинъ имѣетъ только дочерей, или если вдова остается на хозяйствѣ съ малолѣтними дѣтьми, наконецъ дѣвушки сироты, остающіяся на отцовской землѣ,—во всѣхъ такихъ случаяхъ ищутъ примака. Но въ примаки идутъ далеко неохотно и только по нуждѣ, когда семья отца многочисленна и малоземельна, или совсѣмъ безземельна,—вдовцы, сироты, отставные солдаты. Относительно положенія примака въ домѣ тестя или жены бѣлорусская пословица энергично выражается: „примачіи хлѣбъ—собачій“, свидѣтельствуя тѣмъ о зависимомъ и тяжеломъ положеніи примака.

Съ юридической стороны примакъ, по народнымъ воззрѣніямъ, становится въ тѣ же условія къ семьѣ тестя или къ женѣ, которая его приняла, какъ и невѣстка къ семьѣ мужа. Въ Бобруйскомъ у. о примакѣ говорятъ „вышелъ за жену“, его имущество называютъ „приданымъ“.

Примакъ также вноситъ свое имущество. Размѣры его бываютъ различны и зависятъ отъ условій и состоятельности обѣихъ сторонъ. Такъ, какъ указываетъ одно дѣло, примакъ внесъ 2 лошадей, 6 штукъ скота, двухъ телокъ, свинью, двухъ овецъ, кубелъ съ одеждою, чашу льняного семени и пр.—всего на 142 р. (Пин.). Въ другомъ случаѣ примакъ внесъ 8 штукъ скота и 2 лошадей, или же вноситъ постройки и скотъ и пр.

Внесенное примакомъ имущество, приданое, принадлежитъ лично ему, хотя онъ и обязанъ употреблять его для хозяйственныхъ потребностей семьи (лошадей напр.). Въ случаѣ выдѣла, развода и т. п. онъ получаетъ все свое обратно.

Но примакъ рѣдко вступаетъ въ семью жены безъ условій, полагаясь только „на сумленне“, развѣ ужъ очень бѣдный. Обыкновенно-же примакъ или его родители очень точно обозначаютъ съ родителями невѣсты условія, на которыхъ онъ вступаетъ въ семью.

Условія эти главнымъ образомъ касаются земли. Они бываютъ устныя и письменныя[2]). Обѣ стороны обязаны соблюдать условіе. Если послѣднее

---

[1]) Ср. примѣч. на стр. 118.

[2]) Ср. „Этнографъ Обозрѣніе“, 1891 г. № 1, стр. 111. „О семейныхъ дѣлежахъ бѣлоруссовъ“. *Н. В. Тесленко.*

Приведемъ нижеслѣд. условіе (Горбац. вол.): Я, нижеподписавшійся крест. дер. Ново Старцовъ, даю настоящее обязательство крест. Ѳедору Андрееву Тимко въ томъ, что, женивъ его на своей дочери Анастасіи и принимая въ свою семью,

нарушено тестемъ, то судъ выдѣляетъ изъ имущества и земли то, что слѣдовало бы получить примаку, какъ наслѣднику; если же условіе нарушено примакомъ, то судъ или заставляетъ его жить вмѣстѣ въ семьѣ тестя, или лишаетъ его правъ на имущество [1]).

Отношенія примака къ землѣ и имуществу семьи бѣлоруссы часто опредѣляютъ выраженіемъ, что такой-то пришелъ въ прiймы „за хозяина", „за сына"; послѣднее опредѣленіе дается и пріемнымъ сыновьямъ. Этими выраженіями указывается на то, что примакъ явился въ семью жены, выговоривъ себѣ извѣстную сумму правъ на имущество и землю. Если примакъ этого не сдѣлалъ, то онъ и не можетъ требовать ни того, ни другого. Такъ, въ одномъ случаѣ шелъ споръ о томъ, самъ ли прибылъ примакъ или же его взяла жена. Примакъ доказывалъ послѣднее, но братъ жены его доказывалъ, что онъ „самъ прибылъ и былъ у его сестры въ родѣ работника". На этомъ основаніи судъ отказалъ въ выдѣлѣ земли примаку. Въ другомъ случаѣ причина отказа въ выдѣлѣ земли та же: отвѣтчикъ утверждалъ, что примакъ жилъ въ семьѣ его отца только „временно" (14 лѣтъ), хотя судъ и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что по спискамъ земля не числится за примакомъ (Пин.). Но такая мотивировка не имѣетъ осно-

---

я долженъ считать его, какъ родного сына, и сообразно этому обходиться съ нимъ, т. е. у насъ должно быть все общее, какъ въ хозяйствѣ, такъ и имуществѣ. Но имѣя также родныхъ сыновей, хотя еще и малолѣтнихъ, желая обезпечить Федора Тимко на случай моей смерти, симъ обязуюсь и дѣтей моихъ (обязую) жить постоянно въ одной семьѣ. Въ случаѣ же если мои дѣти, достигнувъ возраста, почему либо неполадятъ съ Федоромъ, то онъ на случай раздѣла имѣетъ право взять себѣ третью часть моей земли и третью часть движимаго имущества въ настоящемъ его составѣ. Если же Федоръ, еще при жизни моей, не имѣя отъ меня ни въ чемъ обиды, или же по моей смерти при малолѣтствѣ моихъ дѣтей по какому либо капризу захочетъ бросить мое семейство, то онъ теряетъ право на прописанное выше мое обязательство, исключая обыкновеннаго приданаго, которое я долженъ дать за моею дочерью Анастасіею. Настоящее обязательство должно храниться или на рукахъ у самаго Федора Тимко или же у лица, которому онъ довѣряетъ. Крест Никифоръ Гаврильчинъ, а за него неграмотнаго росписался Яковъ Тимушевъ.

[1]) Приведемъ по этому поводу одно въ высшей степени любопытное рѣшеніе Горбацевическаго вол суда (за 1885 г.): Крест. села Дѣдно Никифоръ Треуховъ занесъ жалобу волостному суду, что родной сынъ его Иванъ, будучи *отданъ въ примы* къ крестьянину того же села Ивану Рослику, не хочетъ жить у него, Никифора, безъ жены, жены же Иванъ Росликъ не отпускаетъ на томъ основаніи, что дочь его вышла замужъ за Ивана потому, что онъ взятъ имъ въ примы, для того собственно, чтобы имѣть въ домѣ работника.—Возраженія отвѣтчика не записано.—Свидѣтелей выставляемо не было.—Волостной судъ. выслушавъ жалобу и показаніе отвѣтчика, рѣшилъ: оставить Ивана примакомъ въ домѣ Ивана Рослика, вмѣстѣ, съ его женою Настей на томъ основаніи, что *по мѣстнымъ обычаямъ примакъ считается неотъемлемымъ членомъ семейства, которое его приняло*.—Слѣдуютъ подписи судей.

ванія въ обычномъ правѣ, какъ сейчасъ увидимъ. Однимъ изъ доказательствъ на судѣ правъ примака на землю служитъ также и то, что тесть принимаетъ его „какъ неимѣющій сыновей на полное хозяйство" (Пин.), или, какъ говоритъ одно рѣшеніе, „былъ принятъ за семьянина, а не за работника" (Бобр.). Если примакъ не сдѣлаетъ соотвѣтственнаго условія устно или письменно передъ вступленіемъ въ чужую семью, или же если послѣдняя упорно отказывается признать за нимъ какое либо право на имущество и доказать своего права примакъ не можетъ, то онъ оказывается въ положеніи простого работника и какъ таковой имѣетъ право на вознагражденіе отъ семьи за проработанное время. И народное мнѣніе во всякомъ случаѣ признаетъ за нимъ это право, хотя судъ часто отказываетъ по неподсудности, такъ какъ цѣна иска превышаетъ его компетенцію. Такъ, въ одномъ случаѣ примакъ требовалъ отъ своей жены и падчерицы, принявшихъ его, за 16 лѣтній трудъ по 20 р. годовой платы и вознагражденіе за растраченное его имущество. Вопросъ о землѣ не былъ поднятъ, потому что онъ не былъ обусловленъ при заключеніи брака, но отвѣтчицы не отрицали иска по существу, и жена предлагаетъ ему возвратиться въ домъ. Судъ отказалъ по неподсудности (Пин.). Въ другомъ случаѣ общественное мнѣніе высказалось по этому вопросу болѣе опредѣленно. Примакъ 12 лѣтъ проработалъ на хозяйствѣ жены. Братъ жены, подросши, началъ прогонять примака. Тогда по жалобѣ его „крестьяне всей деревни признали, чтобы Артемъ Левошукъ (шуринъ примака) далъ ему половину хлѣба и сѣна урожая сего года и на будущее время пользоваться третьею частью". Это было дано ему обществомъ за его трудъ. Примакъ просилъ волостной судъ или утвердить рѣшеніе общества, или присудить ему за 12 лѣтъ по 50 р. въ годъ. Судъ отказалъ по неподсудности (Пин.), но принципъ обычнаго права ясенъ: примакъ, хотя и не обусловилъ при своемъ вступленіи въ хозяйство жены своихъ правъ на имущество, но крестьянское общество считаетъ его вправѣ требовать вознагражденія за рабочій трудъ и выдѣляетъ ему часть имущества. Въ другихъ случаяхъ, если примакъ не связываетъ вопроса о вознагражденіи себя съ вопросомъ о цѣнѣ иска, требуя лишь части земли и имущества, то и судъ не отказываетъ ему въ его требованіяхъ. Такъ, по одному рѣшенію судъ предоставилъ примаку половину всего имущества, наслѣдницей котораго была его падчерица (Пин.).

Во всякомъ случаѣ всегда примакъ напираетъ единственно на то, что онъ трудился, „трудился самъ на всемъ хозяйствѣ" (болѣе трудная работа), и „работалъ, сколько могъ" и т. п., и судъ также старается при помощи свидѣтелей констатировать этотъ фактъ [1]). Но нигдѣ мы не встрѣчаемъ даже

[1]) Приведемъ такой примѣръ: „1881 года февраля, 25 дня. Мы крестьяне Киселевичскаго сельскаго общества сего числа на сельскомъ сходѣ въ присутствіи сель-

намека на какое нибудь право на имущество по родству; очевидно, принципъ труда имѣетъ исключительное значеніе въ глазахъ крестьянъ.

Если примакъ успѣлъ оговорить свой будущій трудъ въ чужой семьѣ и можетъ сослаться на судѣ на существованіе договора его съ женою или тестемъ, то право его признается безспорнымъ. Часто примаки, для большей безспорности своихъ правъ обусловливаютъ еще и такъ, чтобы тесть умирая „отказалъ", т. е. завѣщалъ ему ту часть, которую отдалъ при жизни. Въ одномъ рѣшеніи по этому поводу былъ установленъ фактъ завѣщанія тестя въ пользу примака, хотя жена послѣдняго умерла на 7 лѣтъ раньше

скаго старосты, слушали жалобу крестьянина дер. Киселевичъ Ивана Рослика о томъ, что онъ былъ принятъ въ примы Григорьемъ Гаврильчикомъ къ дочери его Агафіи и что тесть его Григорій, будучи уже въ пожилыхъ лѣтахъ, остался вдовымъ въ 1866 г. и у него остался тогда еще малолѣтній сынъ Михаилъ, то онъ съ своею женою, а его дочерью, приняли хозяйство на себя, обрабатывали землю, уплачивали за оную всѣ денежныя повинности и отбывали натуральныя, а также одѣвали и содержали на своемъ иждивеніи какъ отца, такъ и сына его Михаила. Отецъ ихъ Григорій большею частью ходилъ по службамъ и болѣе или менѣе иногда помогалъ намъ въ хозяйственномъ отношеніи, а сынъ его какъ бывшій въ народномъ училищѣ, такъ и вышедши изъ онаго, требовалъ за нимъ ухода Теперь же какъ уже поднялся на ноги, также не хочетъ заниматься ремесломъ, а ходитъ по заработкамъ, но считая себя наслѣдникомъ послѣ отца, предлагаетъ ему выбраться изъ дому и съ земли и не дозволяетъ ему даже поставить себѣ на усадебной землѣ жилую хату, наговариваетъ отца, чтобы совсѣмъ ихъ выдалить, имѣя въ виду арендовать землю. А какъ онъ прожилъ болѣе 18 лѣтъ въ отцовскомъ домѣ и былъ принятъ за *семьянина, а не за работника* и никогда не ожидалъ, чтобы могъ быть удаленъ, старался удержать землю, обрабатывать таковую и отбывать всѣ какъ денежныя, такъ и натуральныя повинности, а потому всѣ средства затрачивалъ, также гдѣ и пріобрѣталъ, и въ настоящее время если будетъ выдаленъ съ земли, то долженъ остаться нищимъ, а потому проситъ общество обсудить его семейное положеніе и дать ему возможность къ существованію.—Обсудивъ сію жалобу Ивана Рослика, мы признали справедливою, и какъ намъ вполнѣ извѣстно, что хотя по именному списку и записана земля на Григорія, но онъ ею совершенно мало занимался, а сынъ его Михаилъ и совсѣмъ не занимался, а управляетъ какъ землею такъ и хозяйствомъ уже болѣе 15 лѣтъ зять его Иванъ Росликъ,—а потому выдаленіе его съ земли (судъ) призналъ неправильнымъ, и допустить это находитъ невозможнымъ потому, что самъ Григорій уже въ преклонныхъ лѣтахъ, землею заниматься не можетъ; а сынъ его имѣя 20 лѣтъ отъ роду, будучи разбалованъ, то такъ же какъ землею не занимался и заниматься не будетъ, а только имѣетъ въ виду то, что если онъ будетъ арендовать землю и сѣнокосъ, то будетъ на прогулъ имѣть деньги, а если же зайдетъ недоимка за землю, то уплата таковыхъ, конечно, падетъ на общество,—а потому единогласно приговорили: чтобы Иванъ Росликъ какъ жилъ до сихъ поръ, такъ долженъ жить и впередъ и какъ занимался землею, такъ и долженъ заниматься, а если сынъ Григорія Михаилъ захочетъ жениться и заняться хозяйствомъ и землею, то долженъ жить вмѣстѣ и обрабатывать землю вмѣстѣ, а если не захочетъ жить въ одной хатѣ, то пусть Иванъ поставитъ себѣ хату другую, а ему уступить хату отцовскую".—Подписи.

отца, примакъ женился на другой и продолжалъ жить вмѣстѣ, и по смерти тестя судъ призналъ его права (Пин.). Разъ тесть совершилъ передачу примаку, „принялъ его въ домъ и передалъ какъ зятю все хозяйство“, какъ выражается одно рѣшеніе, то онъ уже не вправѣ отказать ему въ имуществѣ. Въ одномъ случаѣ судъ самъ выдѣлилъ третью часть имущества (Рѣч.). Иногда примаки спѣшатъ укрѣпить за собою выговоренное имущество и требуютъ выдѣла при жизни тестя или тещи, не расчитывая на прочность своихъ правъ въ случаѣ ихъ смерти (Рѣч.). Это обстоятельство тогда оговаривается передъ бракомъ: долженъ ли примакъ жить до смерти хозяина или хозяйки опредѣленное время, или же можетъ уйти во всякое время. Иногда съ этимъ соединяется и большая или меньшая сумма правъ на имущество. Но судъ поддерживаетъ права примака. Въ одномъ случаѣ примакъ и его жена жаловались на брата жены, что послѣдній гонитъ ихъ изъ дому. Судъ однако призналъ надѣлъ общею собственностью и приказалъ имъ пользоваться совмѣстно. (Пин.).

Права примака признаются и въ случаѣ смерти его жены, связывавшей его съ своею семьею. Такъ въ одномъ случаѣ примакъ получилъ часть земли, хотя жена и умерла (Пин.). Изъ другого рѣшенія видно, что примакъ, по смерти своей жены, женился на другой и продолжалъ жить въ семьѣ первой жены, а при раздѣлѣ онъ получаетъ часть имущества, въ томъ числѣ и 3 надѣла (Рѣч.). Въ другомъ дѣлѣ примакъ тоже по смерти жены своей женился на другой и при раздѣлѣ получилъ половину земли; онъ пришелъ въ пріймы до надѣленія крестьянъ землей и надѣлъ записанъ былъ на его имя, хотя у него и былъ пасынокъ, сынъ владѣльца земли. Надѣлъ перешелъ къ его второй женѣ, принявшей въ свою очередь примака. Судъ призналъ завѣщаніе примака, передававшее свою часть земли роднымъ сыновьямъ, и отказалъ въ искѣ пасынку, подтвердивъ лишь его право на половину надѣла. (Пин.)[1]). Такимъ образомъ, примакъ, явившійся въ семью жены въ качествѣ семьянина, получаетъ права на землю въ той или другой мѣрѣ. Менѣе опредѣленнымъ вопросъ представляется тогда, когда примакъ не заключилъ предварительнаго условія: въ послѣднемъ случаѣ народный обычай сталкивается съ писаннымъ закономъ, которымъ иногда не прочь воспользоваться противная сторона. Но и сельское обще-

[1]) Замѣтимъ, что ссылка на выкупной актъ, по которому земля числилась за отчимомъ, на что и опиралась вдова его, не могла имѣть рѣшающаго значенія. Въ народномъ правѣ первенствующее значеніе имѣетъ батьковщина и оно, на сколько возможно, всегда отстаиваютъ ее, не смотря на выкупные акты; притомъ, если бы примакъ считалъ землю своею въ силу выкупного акта, онъ не выдѣлилъ бы своему пасынку половины надѣла, имѣя самъ двоихъ сыновей. Очевидно, онъ бралъ лишь то, что выговорилъ по условію за свой трудъ, остальное, какъ батьковщину, отдавалъ законному ея владѣльцу.

ство и волостной судъ стоятъ на сторонѣ примака. Колебанія можно встрѣтить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, при отсутствіи письменныхъ условій, примакъ требуетъ землю лично для себя, а не для семьи. Судъ иногда колеблется и отказываетъ[1]), но рѣдкіе случаи отказа не могутъ поколебать общаго принципа; примакъ, заключая условіе съ тестемъ, получаетъ права на землю лично, независимо отъ будущаго потомства; то же подтверждаютъ и приговоры суда.

Въ дѣлахъ, касающихся примака, весьма любопытно отмѣтить еще слѣд. обстоятельство: примакъ, заключивъ устное условіе, а иногда даже и имѣя письменное, обращается за утвержденіемъ своихъ правъ не прямо въ волостной судъ, но къ сельскому сходу; противники его начинаютъ дѣло въ судѣ, иногда даже въ мировомъ судѣ, или обращаются въ крестьянское присутствіе. Нѣтъ случая, чтобы сельскій сходъ отказалъ примаку, при чемъ приговоръ общества всегда настаиваетъ на двухъ вещахъ—на томъ, что примакъ былъ принятъ въ семью въ качествѣ семьянина, и на томъ, что примакъ „трудился на землѣ“, „платилъ подати“ и пр. Весьма понятно, почему примаки обращаются къ сельскому обществу: послѣднее гораздо консервативнѣе волостного суда, на который производитъ извѣстное воздѣйствіе кассація его рѣшеній начальствомъ и пр. [2]).

Необходимо также оговорить и то обстоятельство, что въ этихъ случаяхъ ни въ одномъ дѣлѣ при спорахъ нѣтъ и помину о какихъ бы то ни

[1]) Намъ извѣстенъ одинъ такой случай отказа изъ Бобр. у.: примакъ требуетъ половины земли у сына своего покойнаго тестя. Но жена примака умерла уже 16 лѣтъ назадъ, сыновья этого ихъ брака не живутъ при отцѣ, наконецъ, примакъ женатъ на другой. Судъ отказалъ въ искѣ примака, п. ч. онъ былъ принятъ „на имущество жены и что послѣ ея смерти имѣютъ право простирать претензію на имущество лишь оставшіяся послѣ нея дѣти“. Какъ ни категорично это утвержденіе, но оно противорѣчитъ цѣлому ряду фактовъ, утверждающихъ какъ разъ противное; мы не знаемъ, каковы были условія примака съ тестемъ, наконецъ, если примакъ плохой работникъ и хозяинъ (его родные сыновья ушли на работы), то симпатіи суда будутъ не на его сторонѣ.

[2]) Приводимъ, изъ массы аналогическихъ примѣровъ, одинъ приговоръ сельскаго общества Бобр. у.:

Мы, крестьяне Побоковичскаго сельскаго общества сего числа на сельскомъ сходѣ слушали просьбу крестьянъ Сидора Булацкаго и его шваґра Григорія Бошака въ слѣдующемъ: послѣ смерти перваго просителя отца Григорія Булацкаго крест. Григорій Бошакъ поступилъ пріемышемъ въ семью покойнаго Григорія Булацкаго, женился на дочери его Агафіи и въ настоящее время проживаютъ вмѣстѣ съ Сидоромъ Булацкимъ; просятъ оставшуюся послѣ смерти Григорія Булацкаго землю въ количествѣ $17^1/_2$ десятинъ предоставить пополамъ въ пользованіе Сидору Булацкому и Григорію Бошаку. По выслушаніи чего, между собою единогласно приговорили: оставшуюся послѣ смерти Григорія Булацкаго $17^1/_2$ дес. земли предоставить въ пользованіе пополамъ Сидору Булацкому и Григорію Башаку. Подписи.

было правахъ примака на имущество черезъ жену его. О послѣдней вовсе не упоминается, жива ли она или нѣтъ: примакъ самъ по себѣ требуетъ правосудія, и народный судъ удовлетворяетъ его лично, сообразно съ характеромъ выяснившагося на судѣ договора его съ тестемъ. Это вполнѣ понятно, потому что наслѣдованіе женщины на землю признается только въ особыхъ случаяхъ.

Что касается до отношенія сына, поступившаго въ пріймы, къ своей семьѣ, то и тутъ дѣло обставляется договоромъ его съ братьями или съ отцомъ.

На этотъ счетъ у насъ имѣется нѣсколько рѣшеній суда, и подразумѣваемость договора въ спорахъ примака съ наслѣдниками его отцовскаго надѣла не подлежитъ сомнѣнію.

Такъ, по одному изъ нихъ ушедшій въ пріймы просилъ судъ возстановить его права на владѣніе землею отца, въ размѣрѣ четвертой части, по числу братьевъ. Но послѣдніе ссылались на то, что братъ ихъ ушелъ уже 22 года тому назадъ и имѣетъ въ семьѣ жены землю. Судъ призналъ справедливость ихъ доводовъ и, ссылаясь на семейный списокъ, по которому примакъ числится не въ семьѣ своего отца, а въ семьѣ жены, отказалъ ему въ искѣ (Пин.). Въ другомъ случаѣ сынъ, ушедшій въ пріймы, жаловался суду на своего отца и брата, что они, владѣя его участкомъ, не платятъ за него повинностей. О землѣ онъ претензій не заявлялъ. Судъ обязалъ отца платить повинности за сына (Пин.). Во второмъ дѣлѣ судъ высказался неопредѣленно, но другіе факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что отходящій членъ семьи лишается правъ на землю въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ одномъ случаѣ два брата раздѣлились. Черезъ 60 лѣтъ сыновья ихъ заспорили: одинъ изъ нихъ, ушедшій съ матерью къ отчиму въ 54 г., женившійся и жившій все время тамъ, требовалъ отъ своего двоюроднаго брата, „хотя четвертую часть участка“. По семейному списку онъ былъ записанъ въ семьѣ отчима. Опираясь на это, судъ отказалъ ему, хотя эта ссылка лишь формальная: истецъ, прося $^1/_4$ части вмѣсто половины, самъ признавалъ себя не вполнѣ правымъ (Пин.). Тоже находимъ и въ другихъ рѣшеніяхъ (Бобр.), и вездѣ проглядываетъ одинъ и тотъ-же принципъ. Семья рѣшается отпустить сына въ пріймы только въ рѣдкихъ случаяхъ, собственно тогда, когда сынъ въ своей семьѣ, какъ работникъ, является излишнимъ, напр., по малоземельности, большому числу братьевъ и пр.; ясно, что семья, отказываясь отъ труда одного изъ своихъ членовъ, тѣмъ самымъ желаетъ ограничить его права на поземельную собственность. Вотъ почему у бѣлоруссовъ практикуется двоякаго рода уходъ въ пріймы, по отношенію къ семьѣ, изъ которой уходятъ. Уходящій въ пріймы или совершенно отказывается отъ своихъ правъ на отцовскій надѣлъ и получаетъ за это отъ своей семьи большую или меньшую часть движимаго иму-

щества, смотря по ея средствамъ, или оставляетъ за собою часть правъ, т. е. по условію онъ получаетъ сейчасъ-же или по смерти отца, или въ случаѣ несогласіи его съ тестемъ, часть земли, по размѣрамъ меньшую, чѣмъ онъ могъ бы получить, оставаясь въ семьѣ отца. Въ такомъ случаѣ онъ уже или ничего, или очень мало получитъ изъ движимаго имущества. Меньше всего даютъ примаку тогда, когда онъ хочетъ удержать часть надѣла тотчасъ же послѣ своего ухода, и больше всего, когда онъ выговариваетъ себѣ право на землю въ случаѣ несогласій съ тестемъ. Въ послѣднемъ случаѣ семья идетъ на рискъ. Въ этихъ условіяхъ принимаютъ участіе и родители невѣсты, для которыхъ желательнѣе принять зятя съ землею или съ большимъ имуществомъ.

Такимъ образомъ, семья, изъ которой уходитъ членъ въ приймы, лишаясь его труда, старается тѣмъ самымъ ограничить его право на землю, надъ которой не перестаютъ трудиться остальные члены; но въ свою очередь, семья, пользующаяся трудомъ новаго своего члена, обязана вознаградить его трудъ; если онъ не поставилъ условіемъ, чтобы такое вознагражденіе состояло въ извѣстной суммѣ правъ его на общее имущество новой его семьи, то послѣдняя во всякомъ случаѣ обязана вознаградить его трудъ платою, какъ рабочему.

Съ положеніемъ примака въ семьѣ наиболѣе сходно положеніе пріемыша и семьянина вообще.

Сущность положенія пріемыша,—все равно, принятаго въ семью взрослымъ, или же выросшаго въ ней, - и семьянина-сдольника, т. е. лица, принятаго для совмѣстнаго труда въ хозяйствѣ, въ ихъ отношеніяхъ къ семьѣ, среди которой они живутъ, одинаково опредѣляется ихъ правомъ на землю. Едва-ли извѣстны также способы законнаго усыновленія.

Предлагающій усыновить, принять къ себѣ въ домъ, уславливается или съ отцомъ своего будущаго пріемнаго сына, или съ этимъ послѣднимъ, если онъ уже взрослый, или наконецъ, что чаще всего бываетъ въ послѣднемъ случаѣ, и съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; сущность договора состоитъ въ томъ, принимаетъ ли хозяинъ къ себѣ пріемыша „за сына“, или просто беретъ безъ обязательныхъ для себя условій. На послѣднемъ основаніи принимаются лишь круглыя сироты и др. бездомные, сдаваясь на волю принимателя, такъ какъ въ другихъ случаяхъ и семья не отпускаетъ своего члена, т. е. не откажется отъ его труда, да и онъ самъ не уйдетъ, не надѣясь окончательно утвердиться въ новой семьѣ.

Выраженіе *за сына* имѣетъ въ глазахъ крестьянъ юридическое значеніе. Пріемъ бываетъ обставленъ разными формальностями. Послѣ предварительныхъ переговоровъ съ родителями, опроса самого пріемыша и др., собираются при свидѣтеляхъ, родственникахъ, иногда зовутъ и старосту, и здѣсь еще разъ повторяютъ и точно разрабатываютъ условія пріема. Хозя-

инъ оффиціально заявляетъ, что онъ беретъ такого-то „за сына", дастъ ему по смерти своей, или при раздѣлѣ съ собственными дѣтьми, если таковые есть. такую-то часть хозяйства, а принимаемый долженъ исполнять такія-то обязанности. Послѣднія состоятъ особенно въ почтеніи къ пріемному отцу, послушаніи, нелицемѣрной работѣ, и „кабъ очи закрыў, якъ помру я, або мая баба" (жена) и пр.

Иногда пріемъ, особенно сиротъ, дѣлается передъ громадой, или съ разрѣшенія ея, что однако не мѣшаетъ заключенію еще и письменнаго условія съ принимаемымъ [1]).

---

[1]) Приводимъ для иллюстраціи слѣд. примѣръ (Горбац. вол.): „1878 года мая 30 дня. Мы, крестьяне дер. Вороновичи Захарій Анисьевъ и дер. Писчахъ Тимофей Болбасъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Захарій Анисьевъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ и не имѣя сыновей, а имѣю надѣльную землю при дер. Вороновичахъ въ количествѣ 16 десят., самъ таковую обрабатывать не могу и даже для себя и жены не въ силахъ заработать куска хлѣба, за лучшее обдумалъ свою землю отдать въ вѣчное владѣніе Тимофею Болбасу, на что общество изъявило согласіе, съ тѣмъ, что Болбасъ обязанъ меня и жену мою взять къ себѣ и продержать до смерти, уважать насъ обоихъ какъ своихъ родителей, уплачивать за меня всѣ повинности, а также и за землю, такъ чтобы ко мнѣ никто не имѣлъ претензій; при чемъ возлагаю обязанность на Болбаса таковую: такъ какъ у меня нынѣ есть малолѣтняя дочь, которая дойдетъ до совершенныхъ лѣтъ и придется ей выдти въ замужество,- обязанъ онъ сдѣлать своимъ капиталомъ свадьбу и дать приданое по обычаю крестьянскому, а впредь до выхода ея въ замужество должна находиться при Болбасу, и онъ ее не долженъ обижать, а уважать какъ свою родную; послѣ смерти нашей никто не вправѣ отъ Болбаса отнять землю. 2, Я, Болбасъ, на предложеніе мнѣ Анисьевымъ согласенъ, обязуюсь какъ самъ такъ и семейство мое уважать Захарія и жену его, какъ своихъ родныхъ". Подписи.

Въ данномъ случаѣ пріемышъ принятъ вслѣдствіе отсутствія въ семьѣ сыновей, обязанность которыхъ онъ долженъ исполнять.

Особеннымъ интересомъ отличается еще слѣд. дѣло по принятію пріемыша. Сельское Осовское общество (Бобр. у.) въ 1876 г. составило приговоръ по поводу просьбы односельчанина своего Ерм. Кухарчика; послѣдній просилъ общество „въ томъ, что онъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ не имѣетъ дѣтей и родства, а имѣетъ хорошее хозяйство и земельный надѣлъ 10½ десят., желаетъ какъ движимое такъ и недвижимое свое хозяйство отдать въ вѣчное владѣніе крест. дер. Осова Дорофею Щербѣ, котораго онъ, Кухарчукъ, принялъ къ себѣ какъ родного сына. Приговорили: принявъ въ уваженіе просьбы Ермолая Кухарчика, признаемъ, что дѣйствительно онъ есть въ преклонныхъ лѣтахъ, самъ управлять хозяйствомъ не можетъ. дѣтей и родныхъ не имѣетъ, то на основаніи Полож. о выкупѣ ст. 164 изъявляетъ согласіе на передачу Дорофею Щербѣ надѣленнаго земельнаго надѣла съ тѣмъ, что Дорофей, вступивши въ права хозяина, обязанъ уплачивать какъ выкупной платежъ, такъ равно и другія повинности полностью".

Вслѣдствіе этого приговора Кухарчикомъ и Щербою тогда же было заключено условіе, по которому первый передалъ Щербѣ надѣльную и купленную землю, „на вѣчное владѣніе сказанному пріемышу съ тѣмъ, что онъ обязанъ меня и жену мою Феклу уважать, какъ собственныхъ своихъ родителей, повиноваться во всемъ,

Принимаютъ бѣлоруссы пріемышей очень охотно, особенно подростковъ, даже многосемейные. Съ одной стороны надѣются на его рабочій трудъ, съ другой—пріемъ сиротъ составляетъ нравственную обязанность зажиточнаго крестьянина, особенно родственника сироты. Принудить взять можетъ даже общество или родственники.

Предпочитаютъ принимать родственниковъ, особенно тѣ, которые разсчитываютъ передать пріемышу землю, хозяйство. Бѣлоруссъ стремится къ тому, чтобы „очи закрыў" человѣкъ изъ своего рода, (т. е. семьи: родъ понимаютъ въ этихъ случаяхъ въ тѣсномъ смыслѣ), именно тотъ, который послѣ него будетъ жить въ его же хатѣ, пахать ту-же землю, что и онъ пахалъ (закрыть глаза мертвому, особенно хозяину непремѣнно долженъ старшій изъ мужчинъ, остающихся въ домѣ); а умереть, не оставивъ лица, которое обязано было-бы „похавацъ, очи закрыцъ" (т. е. безъ преемника), бѣлоруссъ считаетъ величайшимъ несчастьемъ.

По отношенію къ пріемышу, усыновитель заступаетъ мѣсто отца. Пріемышъ зоветъ его отцомъ, даже и тогда, когда послѣдній ему приходится дядей. Для равныхъ себѣ въ семьѣ пріемышъ—семьянинъ, для младшихъ, при личныхъ обращеніяхъ,—дядька, въ другихъ случаяхъ—тоже семьянинъ.

Вступивъ въ домъ, пріемышъ пользуется всѣми обусловленными имъ или его родственниками правами. Самъ усыновитель не можетъ измѣнить договора, если нѣтъ причинъ со стороны усыновленнаго. Судъ строго поддерживаетъ права послѣднихъ.

Такъ, въ одномъ дѣлѣ мы находимъ любопытныя данныя по этому вопросу. Дядя прогналъ отъ себя пріемыша—племянника; но дядя доказы-

---

за хозяйствомъ смотрѣть, какъ за своимъ собственнымъ. Повинности какъ за землю, такъ и другіе платежи обязанъ уплачивать аккуратно; при чемъ предоставляю полное право Дорофею,—какъ я хорошо знаю, что у него есть родная мать и живетъ особо, но въ бѣдности, когда пожелаетъ отъ сына вспомоществованіе,—давать ей, ему прекословить и упрекать не долженъ. Послѣ нашей смерти Дорофей имѣетъ полное право съ хозяйствомъ нашимъ и землею поступать по его собственному усмотрѣнію; на случай Дорофей умретъ прежде. чѣмъ я и жена моя,—если Дорофей женится и у него будутъ дѣти то мы, обязаны ихъ смотрѣть какъ своихъ собственныхъ и хозяйство съ землею остается въ пользованіе дѣтей Дорофея.—Если Дорофей будетъ неуважителенъ и неисполнитъ всего предложеннаго въ точности, въ такомъ случаѣ я и жена моя имѣемъ право устранитъ отъ всего и претензій Дорофей имѣть не долженъ".

Видимо, оба контрагента не безъ основанія старались обставить сдѣлку цѣлымъ рядомъ условій. Въ 1892 г. семейство Кухарчика, тогда уже покойнаго, предъявляетъ искъ къ Щербѣ на землю брата, утверждая, что послѣдній поступилъ къ ея брату „на службу" и завладѣлъ послѣ смерти землей. Судъ отказалъ истицѣ, удостовѣрившись въ правахъ отвѣтчика.

валъ, что племянникъ самъ ушелъ къ своему отцу, притомъ племянникъ имѣетъ свою землю изъ трехъ десятинъ личнаго надѣла, которымъ пользуется его отецъ, отставной солдатъ. Племянникъ доказывалъ, что дядя самъ его прогналъ, а „права свои на движимое и недвижимое имущество дяди онъ простиралъ на томъ основаніи, что какъ до освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и послѣ освобожденія онъ *жилъ съ дядею вмѣстѣ* до сего года (1887) и пользовался всѣми правами *семьянина* и на этомъ основаніи домогается отъ дяди третьей части всего имущества". На судѣ выяснилось изъ показаній свидѣтелей „что П. Домась (пріемышъ) равноправный въ владѣніи имуществомъ, состоявшимъ до весны сего года въ ихъ общемъ пользованіи" (Пин.). Племянникъ могъ-бы сослаться просто на то, что онъ былъ принятъ за сына, какъ это мы видимъ въ другихъ случаяхъ. Но здѣсь онъ ссылается на свой трудъ съ дѣтства и на свои права семьянина. Въ томъ же дудѣ и показанія свидѣтелей. Поэтому можно думать, что подтвержденіе правъ племянника на имущество усыновившаго его дяди было двойное: племянникъ былъ сначала въ дѣтствѣ принятъ за сына, или просто взятъ безъ условій, какъ сынъ ушедшаго въ солдаты и безземельнаго (отецъ пользовался землею сына, значитъ какъ солдатъ, взятый до освобожденія, надѣла не получилъ). Уже позже, когда пріемышъ возмужалъ, права его были подтверждены тѣмъ, что онъ былъ объявленъ дядею семьяниномъ на равныхъ правахъ. На это послѣднее онъ особенно и напираетъ.

Такіе договоры съ выросшимъ уже пріемышемъ извѣстны и въ другихъ случаяхъ. Одно дѣло, напр., разсказываетъ, что племянникъ съ колыбели жилъ съ матерью при дядѣ (по матери). Но по смерти первой жены дяди, вторая жена прогнала пріемыша (значитъ онъ, какъ сирота, былъ принятъ безъ условій въ домъ дяди, „на сумленье", какъ говорятъ бѣлоруссы). Но по смерти второй жены дядя снова пригласилъ его жить у себя и засваталъ за него невѣсту, родители которой рѣшились выдать свою дочь съ тѣмъ условіемъ, что дядя подтвердитъ права племянника на половину надѣла. Дядя подтвердилъ при свидѣтеляхъ. Но когда третья жена снова выгнала племянника, то на судѣ дядя заявилъ, что онъ самъ отходитъ отъ племянника (т. е. самъ нарушаетъ условіе съ нимъ), даетъ ему сейчасъ $^{1}/_{3}$ земли, а по смерти половину. Судъ подтвердилъ условіе (Рѣч.). И въ этомъ случаѣ очевидно желаніе пріемыша удвоить свои права правомъ семьянина.

До сихъ поръ мы говорили о пріемышахъ муж. пола. Рѣже, но бѣлоруссы принимаютъ „на правахъ дочери" и лицъ женскаго пола, причемъ онѣ пользуются всѣми правами и положеніемъ дочерей въ семьѣ [1]).

---

[1]) Приведемъ слѣд. примѣръ (Бобр. у.):

Крестьянка дер. Старинокъ дѣвица дарья Евсейчикъ жаловалась на крестья-

Такимъ образомъ положеніе пріемыша сливается съ положеніемъ семьянина-сдольника и примака и взаимно дополняются одно другимъ, и это наблюдается не только въ правовомъ отношеніи, но и въ личныхъ отношеніяхъ членовъ, вступившихъ между собою въ соглашеніе, какъ это было уже отмѣчено. Въ самомъ дѣлѣ, въ положеніи семьянина мы наблюдаемъ совершенно аналогичныя черты. Разница состоитъ въ томъ, что пріемышъ не привноситъ своего имущества, а семьянинъ и примакъ часто являются въ чужую семью съ своимъ имуществомъ, скотомъ, орудіями и пр. Послѣдніе также переходятъ въ принимающую его семью на основаніи договора, существенной стороной котораго является, разумѣется земля. Приведемъ еще одно любопытное указаніе на такое условіе. Такъ, одна крестьянка, покойный мужъ которой принялъ къ себѣ семьянина, поспоривши съ послѣднимъ, хотѣла продать движимое имущество и требовала пожизненнаго пропитанія отъ него. Семьянинъ заявилъ, что „отецъ (его) не соглашался (на переходъ въ семью покойнаго), пока онъ не передалъ ему письменно всего имущества". Судъ оставилъ за семьяниномъ надѣлъ, всѣ постройки и часть скота, а жалобщицѣ предоставилъ другую часть скота, пользованіе старой избой, $^{1}/_{4}$ посѣва ржи за этотъ годъ и на будущее время по 3 пуда ежегодно (Рѣч.), т. е. тоже самое, что предоставляетъ матери—вдовѣ при ея несогласіяхъ съ сыновьями.

Подтвержденіе той же обязанности правъ принимаемыхъ членовъ семьи мы находимъ и въ другихъ случаяхъ: и сдольникъ, и примакъ и пріемышъ дѣлаются хозяевами въ семьѣ по смерти принявшаго ихъ, заботятся о престарѣлыхъ членахъ, являются опекунами малолѣтнихъ членовъ семьи, ихъ принявшей, и пр. Однимъ словомъ, они дѣлаются полноправными членами семьи. Дѣйствіе договора съ примакомъ, пріемышемъ и сдольникомъ предполагается пожизненнымъ, т. е. до смерти одной изъ сторонъ, рѣдко ограничиваются какимъ-либо срокомъ. Поэтому, если расходятся раньше, то работавшій на хозяйствѣ другого требуетъ по крайней мѣрѣ

нина дер. Бобръ Романа Курильчука въ слѣдующемъ: Романъ взялъ ее къ себѣ *на правахъ дочери*, когда ей было 7 л. Съ того времени она пробыла у него до 20 л., т. е. до весны сего года, но когда ее стали притѣснять, она была принуждена уйти отъ Курильчика, взявъ съ собою только нѣсколько штукъ полотна. Такъ какъ за все время пребыванія у Курильчика она ничего не получила, проситъ судъ присудитъ съ Романа въ ея пользу, считая за каждый годъ по 6 руб., за 13 лѣтъ 78 рублей. Курильчикъ показалъ: что взялъ ее къ себѣ на правахъ дочери, когда ей было всего 7 лѣтъ и, конечно, обязался и воспитать и выдать замужъ съ приличнымъ приданымъ, но она ушла къ брату..., что онъ не согласенъ ей уплатить деньгами, такъ какъ на то не было уговору. -Судъ рѣшилъ: взыскать съ Романа Курильчика въ пользу Дарьи Евсейчикъ деньгами 25 руб., оставивъ въ ея же пользу забранную ею одежду.

вознагражденія за свой трудъ, какъ работника, и возврата внесеннаго имъ имущества.

Мы разсмотрѣли право лицъ, входящихъ въ составъ семьи и дѣлающихся ея членами—примака, пріемыша и семьянина. Мы не могли не замѣтить изъ многихъ приведенныхъ примѣровъ, что всѣ интересы, какъ цѣлой семейной группы, такъ и отдѣльнаго его члена, всѣ стороны крестьянской жизни сосредоточиваются на двухъ главныхъ факторахъ ея—на отношеніяхъ къ землѣ и на трудѣ, который къ ней прилагается. Только съ цѣлью устроить себя болѣе или менѣе сносно по отношенію къ землѣ соединяются въ одну семейную общину двѣ семьи, изъ которыхъ у одной есть свободная рабочая сила, а у другой земля, къ которой можно приложить ее; только ради земли примакъ уходитъ изъ родительской семьи въ домъ тестя, чтобы, перенеся нѣсколько лѣтъ тяжелаго труда работника, сдѣлаться потомъ самостоятельнымъ хозяиномъ-собственникомъ клочка земли; съ тою же цѣлью поступаетъ пріемышъ въ семью усыновителя. Семья и примака и пріемыша лишается труда одного изъ своихъ работниковъ, надѣясь заполучить его землю и такимъ образомъ вознаградить себя за трудъ ушедшаго, который бы былъ обращенъ на пріобрѣтеніе семейнаго имущества. Родители подыскиваютъ въ невѣсткѣ хорошую работницу, чтобы воспользоваться ея трудомъ. Всѣ сдѣлки относятся къ землѣ; ссоры и раздоры, заставляющіе нарушать ихъ, разлагающіе большую семью и общину, происходятъ отъ неумѣнья раздѣлить трудъ, прилагаемый къ землѣ, отъ того, что одинъ работаетъ больше, другой меньше, отъ того, что одинъ укоряетъ другого въ плохомъ приложеніи своего труда. Примѣры подобнаго рода мы еще увидимъ, когда будемъ говорить о раздѣлахъ. Но и изъ этого уже видно, что земля и трудъ составляютъ сущность народныхъ интересовъ, а потому обратимся къ ближайшему изученію принципіальныхъ взглядовъ народа въ отношеніяхъ къ тому и другому.

Земля самый дорогой предметъ для бѣлорусса. Во всѣхъ его многочисленныхъ обрядахъ, пѣсняхъ, сказкахъ, отличающихся древностью воззрѣній, проглядываетъ глубокое чувство почтенія къ землѣ. Это вполнѣ понятно, потому что земля много вѣковъ питала его и питаетъ теперь. Съ представленіемъ о землѣ тѣсно связывается представленіе о родѣ, въ смыслѣ прямого продолженія потомства. Мы видѣли, какъ дорожитъ бѣлоруссъ тѣмъ, чтобы имѣть наслѣдника, который-бы сѣлъ на его мѣсто, обрабатывалъ-бы и почиталъ ту самую землю, на которой проливали потъ его дѣды: если онъ не имѣетъ сына, онъ старается заранѣе принять пріемыша, зятя—примака, чтобы этотъ продолжилъ его родъ. Правда, отношенія къ землѣ начинаютъ колебаться въ молодомъ поколѣніи: незначительность, дробность надѣла, скудость почвы, сознаніе, что его родъ, потомство, долж-

но будетъ разбрестись, потому что внукамъ ѣсть будетъ нечего,—все это сильно колеблетъ отношенія крестьянина къ землѣ, заставляетъ его обращать больше вниманія на посторонніе заработки, отправлять лишнія рабочія руки искать счастья въ городахъ и пр.

Но все таки старыя основы народнаго міровоззрѣнія еще крѣпки. Вслѣдствіе указаннаго отношенія къ землѣ, мы замѣчаемъ прежде всего постоянное стремленіе къ тому, чтобы она не выходила изъ рода, понимаемаго то въ болѣе узкомъ, то въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ значеніи всей родни вообще. Такъ, мы встрѣчаемся съ такимъ, напр., рѣшеніемъ: одинъ крестьянинъ, бездѣтный, передалъ другому свой надѣлъ; но по смерти послѣдняго жена его передала надѣлъ во временное владѣніе другому. Тогда вдова перваго потребовала землю обратно; судъ возвратилъ ей землю на томъ основаніи, что мужъ ея былъ родственникъ покойнаго владѣльца земли (Рѣч.). Это стремленіе удержать надѣлъ среди родственниковъ указываетъ на то, что сама земля въ воззрѣніяхъ бѣлорусса принадлежитъ не лично ея владѣльцу, а ему лишь по стольку, по скольку онъ представитель прежде всего рода, и хозяинъ—главарь, является лишь ея распорядителемъ. Всякая сдѣлка послѣдняго на землю, при законныхъ наслѣдникахъ, поэтому, считается недѣйствительной. Мы имѣемъ многочисленныя подтвержденія сказаннаго. Въ одномъ случаѣ крестьянинъ передалъ свой надѣлъ другому при свидѣтеляхъ „на вѣчныя времена“. Но черезъ десять лѣтъ, когда подросли его наслѣдники, они рѣшили отнять землю. Несмотря на показанія свидѣтелей о томъ, что сдѣлка была совершена на вѣчныя времена, судъ, находя, что „такъ какъ у Мацака (зак. владѣлецъ земли) есть законные наслѣдники, то онъ не имѣлъ права продавать свой надѣлъ на вѣчныя времена“,—и возвратилъ ему землю. (Рѣч.).

Тоже мы встрѣчаемъ и въ другихъ рѣшеніяхъ, причемъ даже письменныя обязательства не имѣютъ въ глазахъ суда значенія (Рѣч., Пин., Бобр. и др. уу.). Вездѣ проводится одинъ и тотъ же принципъ: земля не должна выходить изъ круга родственниковъ, если нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, или если эти постороннія лица заранѣе не были сдѣланы членами семьи владѣльца, сдольниками. Не письменный актъ имѣетъ значеніе въ глазахъ суда, а родство, права сдольника, трудившагося рядомъ съ владѣльцемъ на землѣ. Трудъ, положенный на обработку земли, крестьянинъ цѣнитъ высоко.

Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ многочисленныя подтвержденія того, что права на землю освящаются и поддерживаются трудомъ на ней. Не достаточно имѣть права на землю по рожденію,—необходимо, чтобы это право поддерживалось трудомъ. Мы видимъ, что и примакъ, и пріемышъ, ушедшіе изъ своей семьи, лишаются въ ней правъ на свою долю, но за

то они пріобрѣтаютъ права въ своей новой семьѣ и эти права опять таки обусловлены извѣстнымъ количествомъ труда.

Въ каждомъ рѣшеніи по этимъ вопросамъ, мы видимъ упорное стремленіе выяснить, дѣйствительно ли примакъ или семьянинъ трудился въ новой семьѣ. Если онъ не трудился до смерти хозяина (а это обычный обусловливаемый или подразумѣваемый срокъ), то судъ лишь признаетъ его права на вознагражденіе. Этимъ принципіальнымъ взглядомъ на отношенія труда къ землѣ объясняется и то, что членъ семьи, почему-либо вообще долго не жившій въ семьѣ, или совсѣмъ не жившій въ ней, несмотря на свои права по рожденію, лишается всѣхъ, или части своихъ правъ на землю. Это особенно относится къ взгляду крестьянъ на права отставныхъ солдатъ на общій надѣлъ.

Въ литературѣ часто раздаются голоса, что замѣчаемое среди крестьянъ желаніе устранить солдатъ отъ пользованія землей происходитъ не изъ совсѣмъ хорошихъ побужденій ихъ отцовъ и братьевъ. Но такіе нападки на крестьянъ не совсѣмъ вѣрны. Указанныя отношенія крестьянъ къ солдатамъ объясняются ихъ основнымъ взглядомъ на трудъ. Въ послѣднее время солдаты, уходящіе лишь на 3—5 лѣтъ изъ семьи и потомъ въ нее возвращающіеся, не теряютъ своихъ правъ на надѣлъ, такъ какъ время ихъ отлучки незначительно; имъ не даютъ только того движимаго имущества, которое пріобрѣтено было въ ихъ отсутствіе. Но когда солдаты служили по 15—20 лѣтъ и возвращались въ семью уже отвыкшими и мало способными къ сельскимъ работамъ, то обычное право отказывало имъ въ ихъ правахъ на землю. Въ нашихъ источникахъ мы находимъ этотъ взглядъ вездѣ строго проведеннымъ и вездѣ указывается на то, что солдатъ не жилъ вмѣстѣ, не работалъ вмѣстѣ.

Но если солдатъ возвращался домой и успѣвалъ снова начать трудиться сообща, то права его на землю остаются, по крайней мѣрѣ на меньшій, чѣмъ бы слѣдовало надѣлъ.

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытный документъ. Солдатъ былъ призванъ въ 55 г. и уволенъ въ 57 г., потомъ снова призванъ въ 63 г. и уволенъ въ 65 г. Онъ успѣлъ прожить въ семьѣ брата послѣ этого 6 лѣтъ, но былъ устраненъ послѣднимъ и жилъ на сторонѣ. Въ 1880 г. онъ началъ тяжбу съ братомъ о землѣ, которая продолжалась до 1889 г. Судъ присудилъ ему пользоваться третьей частью земли, но крестьянское присутствіе четыре раза отмѣняло рѣшеніе суда, разъяснивъ, что солдатамъ, отданнымъ до 10 ревизіи, земли не полагается. Судъ, еще разъ разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что солдатъ до поступленія на службу, въ промежуткахъ между нею и послѣ нея 6 лѣтъ сряду работалъ въ семьѣ и ушелъ недобровольно, и снова присудилъ ему $^1/_3$ надѣла, „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту“ (Пин.). Совершенно анало-

гичны и другія рѣшенія. Тотъ же принципъ проводится, напр., въ слѣд. дѣлѣ, хотя рѣчь идетъ уже не о солдатѣ: одинъ братъ ушелъ отъ другого вслѣдствіе притѣсненій со стороны послѣдняго, но такъ какъ они работали вмѣстѣ до 1863 г., то судъ призналъ ихъ равноправными владѣльцами.

Такимъ образомъ, членъ семьи, по своей винѣ прервавшій семейную трудовую традицію по отношенію къ землѣ, лишается ея. Но съ другой стороны трудъ освящаетъ, въ понятіяхъ обычнаго права, права на землю. Недостаточно быть формально принятымъ въ семью—нужно еще на нее потрудиться. Обычное право относится съ глубокимъ уваженіемъ къ долголѣтнему труду, полагаемому на нее: признаетъ часто права на владѣніе землею и постороннихъ лицъ, долго трудившихся на ней и пріобрѣвшихъ такимъ образомъ право на самое землю. Такъ, въ одномъ случаѣ вдова передала безъ всякихъ формальностей надѣлъ ея мужа. Черезъ 19 лѣтъ сынъ вдовы выросъ и отнялъ землю у временнаго владѣльца. Но судъ, принимая во вниманіе трудъ этого послѣдняго и то, что онъ все время платилъ подати, позволилъ ему совмѣстно съ законнымъ наслѣдникомъ пользоваться землей, въ половинномъ размѣрѣ (Рѣч.). Но другой примѣръ въ томъ же духѣ еще болѣе интересенъ: судъ рѣшилъ, что такъ какъ временный владѣлецъ (завладѣлъ землею самъ, такъ какъ хозяинъ ея не обрабатывалъ) владѣлъ надѣломъ со дня перехода крестьянина на выкупъ и такъ какъ онъ, „будучи многосемейнымъ и слѣпымъ при томъ, аккуратно выплачивалъ всѣ платежи" (т. е. былъ хорошимъ хозяиномъ),—то ему и отдана была половина земли (ib).

Ссылки на давность владѣнія въ обоихъ случаяхъ подразумѣвать нельзя, такъ какъ понятіе о давности по отношенію къ землѣ, при существованіи законнаго наслѣдника, да еще прямого, не имѣетъ приложенія въ народномъ правѣ. Здѣсь принципъ одинъ—принципъ труда.

Указывая на значеніе труда въ организаціи бѣлорусской семьи, нельзя не сдѣлать нѣкоторой оговорки въ виду сильныхъ возраженій, выставленныхъ противъ такого пониманія народной жизни. Принципъ трудового начала былъ удачно подмѣченъ г-жей Ефименко и разработанъ ею въ рядѣ талантливо и съ большимъ чувствомъ написанныхъ статей [1]).

Ея статьи нашли въ свое время сильное сочувствіе и въ журналистикѣ [2]) и въ наукѣ: теорію эту поддерживалъ Оршанскій [3]), и въ практическомъ примѣненіи къ изслѣдованію народной жизни прилагалъ и г. Матвѣевъ [4]) и др. Но теорія эта нашла не менѣе сильныхъ противниковъ, въ

[1]) Статьи ея собраны въ „Изслѣдованіяхъ народной жизни". М. 1884 г.

[2]) См. напр. ст. въ „Русскомъ Богатствѣ", 1884 г., т. III, стр. 260—72.

[3]) Нар. судъ и нар. право, стр. 380, 381 и др.

[4]) Напр. его „Оч. юридич. быта Самар. губ.", „Зап." Геогр. Общ. по отд. Этн., т. VIII, стр. 22. Ср. Иванюкова „Общинное землевлад." стр. 5. (отт. изъ „Р. Мысли").

лицѣ профессора Пахмана [1]), профессора М. Ковалевскаго [2]), гг. Кулишера [3]), Мухина [4]) и мн. другихъ.

Теорія г-жи Ефименко не была проведена въ одномъ цѣльномъ изслѣдованіи, и въ ней найдено далеко не мало недостатковъ. Проф. Пахманъ очень убѣдительно доказывалъ, что семья—не артель (на чемъ, впрочемъ, сама г-жа Ефименко не настаиваетъ; выраженія въ этой крайней формѣ можно найти у Оршанскаго), причемъ онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду основной типъ римской семьи [5]). Проф. Ковалевскій и г. Кулишеръ разсматривали ту-же теорію съ этнологической точки зрѣнія, хотя непонятно, почему эта послѣдняя точка зрѣнія не можетъ мириться съ современнымъ строемъ крестьянской семьи, и почему наша семья должна оставаться окаменѣлымъ остаткомъ древняго родового устройства [6]), или почему понятіе о трудѣ въ современной организаціи семьи должно поддерживаться суевѣрнымъ представленіемъ первобытнаго человѣка о борьбѣ съ природой, какъ этого хочетъ г. Кулишеръ. Въ народной жизни, правѣ, обрядахъ и повѣрьяхъ, мы, правда, встрѣчаемъ самыя разнообразныя переживанія первобытнаго общественнаго строя, но эти пережитки являются безсознательными остатками первобытныхъ формъ, символомъ, нѣкогда имѣвшимъ жизненное значеніе, но послѣдующее теченіе народной жизни выдвигаетъ новые принципы, регулирующіе народную жизнь въ данное время.

Здѣсь не мѣсто, разумѣется, вдаваться ни въ разборъ самой теоріи, ни возраженій, выставленныхъ противъ нея. Обращая еще разъ вниманіе на приведенные факты, мы думаемъ, что они говорятъ сами за себя, по крайней мѣрѣ въ сферѣ нашихъ источниковъ, подкрѣпляемыхъ лишь личнымъ убѣжденіемъ, которое выноситъ непосредственный наблюдатель. Конечно, трудъ, какъ регуляторъ, имѣетъ наибольшее приложеніе въ семейной общинѣ, въ большой семьѣ, но онъ менѣе дѣйствителенъ въ семьѣ малой, строй которой переходитъ на личныя отношенія, привязанности, чувства родителей къ дѣтямъ. Особенно искусственно сложившаяся семейная община держится только общностью цѣлей труда ея членовъ, и, въ случаѣ неумѣнья приложить этотъ трудъ къ общей выгодѣ, такая община неминуемо распадается. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ распадается не только община, но и большая семья и даже малая: сынъ думаетъ, что отецъ пло-

---

[1]) Обычное право, т. II, стр. 8 и слѣд., ср. стр. 26 и слѣд.

[2]) Первобытное право, вып 1, стр. 32 и слѣд.

[3]) Очерки сравнительной этнографіи и культуры, СПБ. 1887 г., стр. 13 слѣд.

[4]) Наслѣдованіе крестьянъ по обычному праву.

[5]) Что вѣрно подмѣчено г-жею Ефименко, см. ея предисловіе въ указ. собр. ея статей.

[6]) Какою хочетъ представить великорусскую семью проф. Ковалевскій въ назв. ст. въ „N. Revue historique du droit“: „Etudes sur le droit coutumier russe“.

хой работникъ, что онъ не умѣетъ хорошо распорядиться, а самъ не властенъ дѣлать, а между тѣмъ ему и его семьѣ приходиться терпѣть недостатки,—и сынъ рѣшается требовать раздѣла. Поговорите вы хорошенько съ крестьяниномъ, и вы убѣдитесь, что эти побужденія вызываютъ три четверти раздѣловъ. Основная причина раздѣловъ лежитъ, разумѣется, глубже, въ упадкѣ общаго экономическаго строя, въ малоземельности и пр., но крестьянинъ нападаетъ на то, что къ нему поближе, что ему виднѣе.

III.

Въ заключеніе необходимо разсмотрѣть вопросъ о раздѣлахъ, наслѣдованіи и опекѣ. Эти отдѣлы обычнаго права настолько важны, что они могли бы составить предметъ особой работы. Мы, впрочемъ, остановимся на нихъ, лишь настолько, сколько это необходимо для полноты обзора обычнаго права семьи.

Незачѣмъ говорить о причинахъ раздѣловъ. Въ Бѣлоруссіи эти причины тѣ-же, что и въ остальной Россіи, и онѣ очень хорошо извѣстны. Обѣднѣніе семьи, малоземельность, неурожаи, часто бывшіе въ послѣднее время, трудность найти заработки, и между тѣмъ довольно значительныя подати, обременяющія хозяйственный бюджетъ крестьянина,—вотъ общія причины, вызывающія раздѣлы. Слѣдствія раздѣловъ не менѣе хорошо извѣстны. Старшіе члены семьи, выдѣлившіеся уже съ взрослыми сыновьями, еще перебиваются кое-какъ; но младшіе, обремененные подростками, падаютъ, безсилѣютъ подъ тяжестью труда, въ концѣ концовъ бросаются на посторонніе заработки, сплавъ, и все хозяйство приходитъ въ упадокъ. Внѣшнія причины, вызывающія, по объясненіямъ крестьянъ, раздѣлъ, выражаются ссорами среди членовъ семейства. Ивану кажется, что Степанъ лѣнивъ, что онъ могъ-бы въ одинъ день скосить сѣнокосъ, да затянулъ на другой, а тутъ пошли дожди и сѣно пропало; а Степану въ свою очередь кажется, что по винѣ Ивана пала кобыла, цѣлый годъ кормившаяся соломой съ крышъ и т. д. до безконечности. Всякому кажется, что если бы онъ самъ косилъ, не полагаясь на брата, то дождь не сгноилъ-бы сѣна, да и кобыла хоть безъ сѣна, а жила бы и т. д. Братья еще кое-какъ терпятъ, младшій уступаетъ старшему, и тотъ и другой понимаютъ тяжелое положеніе хозяина -одиночки. Но женщины сживаются съ большимъ трудомъ. Онѣ ссорятся другъ съ другомъ изъ-за дѣтей, работы и пр. и если самъ хозяинъ не пользуется достаточимымъ авторитетомъ, не прикрикнетъ во́время, то эти ссоры ведутъ къ раздѣлу: жены пользуются всякимъ случаемъ, чтобы возбудить враждебныя отношенія между мужьями. Въ рѣшеніяхъ суда мы постоянно встрѣчаемъ указанія на то, что причина раздѣловъ—женскія ссоры, судъ наказываетъ иногда виновныхъ, но это мало помогаетъ дѣлу и только отсрочиваетъ раздѣлъ.

Что касается до отношенія крестьянъ къ раздѣламъ, то въ общемъ сочувствіе массы не на сторонѣ раздѣла, не исключая даже и тѣхъ, которые сами подѣлились. Они очень хорошо знаютъ всѣ невыгодныя стороны раздѣловъ, но жизнь все таки дѣлаетъ свое и раздѣлы увеличиваются.

Въ бытовомъ отношеніи интересно привести нѣсколько указаній на причины раздѣла. При отрицательномъ взглядѣ на раздѣлъ, судъ, слѣдуя общественному мнѣнію, въ каждомъ данномъ случаѣ старается установить наличность такихъ причинъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее совмѣстное существованіе семействъ. На судѣ, напр., констатировано, что одинъ изъ братьевъ „отвыкъ отъ работы", скитаясь на службѣ по чужимъ дворамъ; понятно, что семьѣ мало пользы отъ такого отбившагося члена, и судъ даетъ братьямъ раздѣлъ (Бобр.). Изъ другого дѣла выясняется неприглядное положеніе младшаго брата въ семьѣ старшаго, и суду приходится раздѣлить ихъ (Бобр.). Или, наконецъ, члены семьи не выполняютъ всѣхъ условій общей жизни и заставить ихъ исполнять эти условія невозможно, напр. „стали сами себѣ зарабатывать деньги и употреблять ихъ на себя" (ib.), или жена одного изъ братьевъ „задорная женщина и на спокойствіе въ семьѣ нѣтъ надежды" и т. п. и судъ постановляетъ раздѣлъ. За то съ другой стороны, судъ не разрѣшаетъ раздѣла, разъ есть надежда на то, что семейныя дѣла пойдутъ гладко. Въ одномъ интересномъ дѣлѣ между родными братьями приводится содержаніе трехъ предыдущихъ рѣшеній суда: всѣми ими запрещалось братьямъ дѣлиться, но, наконецъ, раздѣлъ фактически произошелъ помимо суда, какъ видно изъ дѣла, по невозможности братьямъ сжиться (Бобр.). Въ другихъ случаяхъ иногда приводятся и аргументы, почему раздѣлъ воспрещается: „семьи малы, чтобы жить отдѣльно", говоритъ одно дѣло, мотивируя отказъ. Но у суда есть еще одинъ важный аргументъ для отказа въ раздѣлѣ: нежеланіе раздѣла со стороны старшаго въ семьѣ—отца, брата, примака и пр., вообще „хозяина"—служитъ самою вѣскою причиною для отказа; судъ въ такихъ случахъ не только отказываетъ зачинщикамъ раздѣла, но и наказываетъ ихъ за неповиновеніе „старшему въ домѣ". Такого рода факты настолько многочисленны, что нѣтъ нужды приводить отдѣльныхъ примѣровъ; слѣдуетъ только отмѣтить, что въ южной полосѣ Минской губ. и случаевъ отказа встрѣчается больше, и мотивировка, только что указанная, встрѣчается чаще. Только выясненіе полной невозможности дальнѣйшаго существованія семьи нераздѣльно, или выясненіе неодобрительныхъ поступковъ хозяина по отношенію къ младшимъ членамъ семьи, можетъ побудить судъ необратить вниманія на протесты представителя семьи.

Стремясь предупреждать раздѣлы, судъ иногда прибѣгаетъ къ средней мѣрѣ, въ практичности которой можно усомниться: онъ предписываетъ раздѣлиться движимымъ имуществомъ, жить въ отдѣльныхъ избахъ, но владѣть

землею сообща. (Пин.). Въ одномъ случаѣ, судъ потребовалъ такого общаго владѣнія землею отъ братьевъ, раньше раздѣлившихся (Бобр.). Мало того, судъ готовъ преслѣдовать того изъ братьевъ, который отдѣлился самовольно, безъ согласія остальныхъ: въ такихъ случаяхъ онъ иногда налагаетъ наказаніе, а иногда, подтверждая раздѣлъ, лишаетъ виновника его извѣстной части семейнаго имущества, по крайней мѣрѣ движимаго (Пин.).

Таковъ взглядъ суда на раздѣлъ, и едвали нужно доказывать, что онъ отражаетъ въ себѣ представленія большей части, наиболѣе консервативной, крестьянскаго общества: практика суда вполнѣ сходится съ впечатлѣніями наблюдателя [1]).

Отцы не всегда надѣются, что послѣ ихъ смерти дѣти долго проживутъ вмѣстѣ. Вотъ почему нѣкоторые заранѣе приготовляютъ все нужное для раздѣла: строятъ общими силами семьи избы и др. хозяйственныя постройки для каждаго сына и пр. Бываютъ раздѣлы и при жизни отца; иногда даже отецъ предлагаетъ сыновьямъ мирно раздѣлиться и дѣлитъ ихъ самъ, оставаясь или при одномъ изъ сыновей (обыкновенно младшемъ) или, если можетъ еще работать, оставляя себѣ часть равную съ сыновьями; отецъ не можетъ надѣлять своихъ сыновей по своему усмотрѣнію: въ случаѣ малѣйшаго отступленія судъ уравниваетъ права отца съ сыновьями и заставляетъ его дать имъ равныя части [2]). Если отецъ имѣетъ младшихъ сыновей и выдѣляетъ старшаго сына, то обязанъ ему дать равную часть, но при передѣлѣ земли, когда подрастутъ малолѣтніе, сынъ обязанъ возвратить свою землю и раздѣлиться съ братьями поровну (Пин.). Отецъ, оставляющій занятіе хозяйствомъ, можетъ удержать себѣ часть земли

---

[1]) Къ нашимъ личнымъ наблюденіямъ прибавимъ еще одинъ отзывъ постояннаго жителя бѣлорусской деревни: „Народъ считаетъ раздѣлы разрушителями хозяйствъ; въ особенности же ими недовольны старики; молодые же мирятся съ раздѣлами, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ потому именно, что никакъ не могутъ удержать своихъ женъ отъ ссоръ съ прочими членами семьи“ и пр. (П. П. Демидовичъ).

[2]) Приведемъ слѣд. выдержку изъ одного рѣш. суда Пинскаго у.: Михаилъ Слижъ просилъ разсмотрѣть дѣло „о завладѣніи его частью земли и сѣнокоса отцомъ его Василіемъ и братомъ Еремѣемъ, за которую онъ уплачиваетъ ежегодно, а также гумна и хлѣба, засѣяннаго ими на его части земли рожью, не даютъ. А потому проситъ о вышеизложенномъ удовлетвореніи. Вслѣдствіе сего былъ спрошенъ отецъ Михаила Василій, который показалъ, что онъ третью часть земли отдалъ сыну Михаилу, которою онъ нынѣ пользуется, изъ строеній слѣдуемую ему часть получилъ, а гумна ему не слѣдуетъ. Что же касается до засѣяннаго хлѣба, то таковаго не давалъ и давать не намѣренъ. Судъ рѣшилъ: „крестьянинъ Василій Слижъ обязанъ дать сыну своему Михаилу въ добавокъ къ имѣющимся у него строеніямъ, еще двѣ стѣнки отъ гумна, а также изъ засѣва ржи 30 сноповъ, кромѣ сего предоставляется право рядовому Михаилу Слижу совмѣстно съ отцомъ и братомъ пользоваться доходами съ $^1/_3$ части земли и сѣнокоса“.

(обыкновенно седьмую) и передать ее до своей смерти тому сыну, у котораго онъ живетъ; объ этой землѣ мы уже говорили.

Послѣ раздѣла, каждый изъ раздѣлившихся имѣетъ право распоряжаться своимъ участкомъ, какъ ему угодно. Одинъ крестьянинъ, уже раздѣлившійся съ братомъ, пожелалъ взять примака къ своей дочери и передать ему землю, такъ какъ сыновей у него не было. Но братъ его воспротивился. Дѣло было представлено на судъ и онъ рѣшилъ, что всякій изъ братьевъ можетъ по своему усмотрѣнію передавать землю послѣ раздѣла (Пин.).

Выше шла рѣчь о дѣлежѣ имущества при жизни отца. Но если отецъ умираетъ, не раздѣливъ сыновей, то раздѣлъ въ такомъ случаѣ опредѣляется или завѣщаніемъ или обычаемъ, хотя завѣщаніе едва ли когда либо противорѣчитъ обычаю.

Только въ послѣдніе годы бѣлоруссы чаще и чаще обращаются къ письменнымъ завѣщаніямъ. Обыкновенно же все, что завѣщаетъ отецъ своимъ сыновьямъ—это жить мирно, не спорить, жить вмѣстѣ, а если и дѣлиться, то по любви, безъ дракъ, не проклиная имени отца. Эти увѣщанія отца къ дѣтямъ очень обычны: они считаются какъ бы священною обязанностью бѣлорусса, они же вмѣстѣ съ предсмертнымъ благословеніемъ считаются самымъ дорогимъ завѣтомъ для сыновей. Бѣлоруссъ умираетъ очень спокойно и прямо смотритъ въ глаза смерти. На смертномъ одрѣ онъ съ мельчайшими подробностями разсказываетъ сыновьямъ, какъ они должны жить и какъ и чѣмъ дѣлиться; только сдѣлавъ такое „наказаніе“ и благословивъ дѣтей, онъ считаетъ свой жизненный долгъ исполненнымъ.

Предсмертное „наказаніе“ замѣняется или дополняется письменнымъ актомъ, когда хозяинъ предвидитъ раздоры въ семьѣ при дѣлежѣ. Убѣжденный ходомъ окружающей жизни, старикъ рѣшается завѣщаніемъ напередъ распредѣлить имущество между сыновьями [1]). Если раздѣлы между

---

[1]) Напр., изъ Бобр. у.: „Я, Колосенко, будучи въ настоящее время уже въ дряхлости и старости, но при здравомъ умѣ, имѣя двухъ сыновей Мартина и Сафона, оба семейные, пожелалъ распредѣлить при моей жизни принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущихъ возникнуть послѣ моей смерти между моими сыновьями споровъ и тяжбъ. Принадлежащія мнѣ постройки я распредѣляю такъ: Мартинъ долженъ получить въ свое пользованіе одинъ новый домъ съ сѣнями, два скотскихъ сарая, одинъ сарай для овечекъ и одинъ сарай для свиней, одну варивню, одну клѣть и одну пуню; всѣ означенныя постройки въ настоящее время находятся уже въ пользованіи Мартина. А другому сыну Сафону я отдаю старый домъ съ сѣнями, 2 сарая, варивню, клѣть и гумно съ овиномъ; также и эти строенія находятся въ пользованіи Сафона. Все остальное принадлежащее мнѣ имущество должно находиться въ пользованіи такъ, какъ оно находится въ настоящее время, и ни одинъ изъ моихъ сыновей не имѣетъ права простирать претензію за имущество къ другому“.

родными братьями далеко не всегда совершаются гладко, то тѣмъ болѣе трудно отстоять свои права примаку, сдольнику, пріемышу. Неудивительно поэтому, что завѣщанія въ пользу послѣднихъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ завѣщанія въ пользу родныхъ сыновей. Такъ, дядя дѣлаетъ устное завѣщаніе при свидѣтеляхъ о раздѣлѣ земли между племянникомъ, которому назначаетъ одну треть ея, и примакомъ, получающимъ остальныя двѣ трети (Пин.). Легко можно предположить, что раздѣлъ между племянникомъ и примакомъ могъ бы повести къ цѣлому ряду споровъ[1]). Весьма понятно также желаніе примака или сдольника, право на землю которыхъ основывается на обычаѣ, утвердить за своими наслѣдниками землю. Такъ, напр., отчимъ-примакъ, владѣвшій въ качествѣ хозяина-примака землею пасынка, дѣлаетъ письменное духовное завѣщаніе въ пользу и пасынка и своихъ дѣтей (Пин.) и т. д. Завѣщаніе матери намъ встрѣтилось всего одно, но и оно передаетъ волю ея покойнаго мужа, выраженную имъ при своемъ духовномъ отцѣ. При отсутствіи завѣщанія порядокъ раздѣла покоится на обычаѣ.

При жизни отца раздѣлъ совершается весьма просто: неизвѣстны даже случаи приглашенія постороннихъ лицъ для совершенія раздѣла. Братья, если дѣлятся въ согласіи, иногда обходятся безъ постороннихъ лицъ. Но въ спорныхъ случаяхъ присутствіе послѣднихъ обязательно. Иногда дѣлящіеся приглашаютъ только близкихъ людей, родственниковъ, но бываютъ раздѣлы и при стеченіи 20 человѣкъ (Пин.), съ участіемъ сельскаго старосты, или даже всего сельскаго общества: большинство раздѣловъ доволь-

---

[1]) Приведемъ еще одно рѣшеніе Горб. в.: Я, Андрей Шереметь, будучи въ настоящее время уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, но при здравомъ умѣ, имѣя двухъ дочерей, старшая Александра и младшая Ирина, изъ которыхъ къ Александрѣ въ настоящее время принимаю въ мужья Ивана Севруна, пожелалъ заблаговременно распредѣлить между ними принадлежащее мнѣ имущество во избѣжаніе могущаго возникнуть послѣ моей смерти спора о таковомъ. Принадлежащее мнѣ движимое имущество и строенія я распредѣляю такъ: старшей своей дочери Александрѣ я завѣщаю жилой домъ съ сѣнями, 1 новый сарай, одного молодого мерина масти рыжей и двое старыхъ свиней, а младшей Иринѣ варивню, гумно, одного стараго мерина и 2 свиней. Прописаннымъ выше имуществомъ дочери мои Александра и Ирина могутъ воспользоваться лишь послѣ моей смерти, но если младшая дочь Ирина еще при моей жизни или послѣ моей смерти выйдетъ замужъ въ другое семейство, т. е. не приметъ мужа къ себѣ на мое хозяйство, то она имѣетъ право взять себѣ въ видѣ приданаго описанный ей выше скотъ, а завѣщанныя ей строенія должны оставаться на мѣстѣ и перейдутъ въ собственность старшей дочери Александры, въ собственность которой по выходѣ Ирины въ замужество въ другое семейство останется и все положительно принадлежащее мнѣ имущество, кромѣ упомянутаго Иринѣ приданаго.

ствуется присутствіемъ третьихъ лицъ, но иногда составляется ими же письменный актъ [1]).

Нѣтъ нужды подтверждать особыми примѣрами права при раздѣлѣ отдѣльныхъ членовъ семьи на общее имущество. Единокровные братья получаютъ равныя части отцовскаго имущества. Если дѣлится племянникъ съ дядьями, то онъ получаетъ часть, которая слѣдовала бы его отцу. Изба отцовская переходитъ къ младшему изъ братьевъ съ тѣмъ однако, что онъ помогаетъ въ постройкѣ старшимъ; если отцовская изба весьма плоха, то младшему брату надбавляется что-либо изъ построекъ. Надворныя постройки дѣлятся поровну, по стѣнкамъ. Если одинъ изъ братьевъ не участвовалъ въ возведеніи той или иной постройки (будучи, напр., въ солдатахъ или на заработкахъ въ свою пользу), то онъ и не получаетъ изъ нея соотвѣтственной части. Тоже примѣняется и въ томъ случаѣ, если братъ не жилъ въ семьѣ при покупкѣ скота, посѣвѣ хлѣба и пр. Надо имѣть въ виду, что если братья единокровные въ малолѣтствѣ не живутъ на землѣ отца, уходятъ съ матерью къ отчиму, то они не теряютъ правъ своихъ на землю. Съ другой стороны, необходимо напомнить, что при раздѣлѣ принимается въ расчетъ и то, всѣ ли братья одинаково трудились на общей землѣ. Если одинъ изъ нихъ не работалъ въ семьѣ по собственному желанію, уйдя напр., въ пріймы или пріемыши, то такой земли не получаетъ.

Всякаго рода обязательства, напр. долги, принятые на себя главою

---

[1]) Бобр. у.: 1892 года, октября 13 дня. Мы нижеподписавшіеся крестьяне Бобруйскаго уѣзда, Горбацевичской волости, Сычковскаго общества, села Сычкова Онуфрій Ѳедоровъ Гринокъ, дер. Мирошина Михаилъ Тимофеевъ Сафонъ и застѣнка Краснаго Игнатій Бобокъ, будучи приглашены по добровольному желанію кр. нашего общества, села Сычкова родными братьями Климомъ, Тимофеемъ и Савеліемъ Павловыми Зубовичами для раздѣла ихъ между собою спора въ отношеніи между ними ихъ движимаго и недвижимаго имущества и рѣшенія таковаго по нашему убѣжденію, осмотрѣвъ ихъ строенія мы рѣшили: 1-му Климу должно остаться изъ строеній жилой домъ съ сѣнцами, въ которомъ онъ живетъ, скотскій хлѣвъ и половину пуни, а гумно пополамъ съ двоюроднымъ братомъ Платономъ Зубовичемъ. 2-му Тимофею должно остаться дворъ, жилая истопка, амбаръ, половина скотскаго хлѣва и половина запаснаго гумна, и 3-му Савелію должно остаться пяти аршинный хлѣвъ цѣлый и половина восьми аршиннаго, а жилой домъ онъ построилъ новый. Имѣющаяся у нихъ земля въ количествѣ $10^1/_2$ дес. должна остаться въ общемъ пользованіи Клима и Тимофея Зубовичей, за которую они общими силами должны оплачивать денежные и отбывать натуральныя повинности, а брату ихъ Савелію они должны уступить безплатно кусокъ земли, гдѣ онъ построилъ себѣ жилой домъ, и дать ему же за причитающійся платежъ сѣнокоса среднюю лучку въ уроч. Галахъ; и такъ какъ Тимофей и Савелій отошли отъ Клима по собственному желанію, то Тимофей и долженъ дать Савелію изъ своей части кусокъ пахатнаго поля въ уроч. подъ Василевичи, гдѣ уже онъ ни къ Климу, ни къ Савелію касаться не долженъ.

семьи, отчимомъ, старшимъ братомъ и др., въ имущественномъ отношеніи падаютъ на всѣхъ тѣхъ, кто владѣетъ имуществомъ [1]).

По опредѣленности правовыхъ нормъ съ правами братьевъ надо сопоставить права сдольниковъ, примака или пріемыша. Ихъ участіе въ общесемейномъ имуществѣ зиждется на обычаѣ или на письменномъ договорѣ, который приходитъ въ послѣднее время въ подкрѣпленіе обычая. Общественное мнѣніе о такихъ лицахъ наводитъ справку въ одномъ направленіи: было ли оно въ семьѣ семьяниномъ, или простымъ рабочимъ. Въ первомъ случаѣ они получаютъ часть земли или опредѣленную договоромъ, или равную съ остальными сонаслѣдниками. Выше было достаточно говорено о правахъ пріемныхъ членовъ семьи на общее имущество, и здѣсь нѣтъ нужды повторять прежнее.

Гораздо труднѣе опредѣлить права наслѣдованія такихъ лицъ, которыя не являются сыновьями, родными или пріемными, оставившаго имущество лица. Практика волостного суда имѣетъ мало случаевъ высказаться по этому поводу, понятія крестьянской среды также смутны. И это вполнѣ понятно. Стоитъ ближе вглядѣться въ народную жизнь, чтобы убѣдиться въ томъ, что имущество, земельное и движимое, рѣдко остается безъ прямого наслѣдника.

Юридическія права на имущество крестьянинъ получаетъ только при образованіи собственной семьи—съ женитьбой. Но если безсемейный крестьянинъ умираетъ до раздѣла, то его жена уходитъ изъ семьи покойнаго, а имущество его остается въ средѣ этой послѣдней. Если крестьянинъ отдѣлился (что съ безсемейными опять таки бываетъ очень рѣдко) и умеръ, оставивъ послѣ себя жену или дочерей, то онѣ имѣютъ возможность завладѣть землей, если останутся на ней, принявъ къ себѣ примака или сдольника. Только тогда, если ни жена, ни дочь не остаются на землѣ, можетъ быть рѣчь о наслѣдникѣ. Въ этомъ случаѣ передача земли зави-

---

[1]) Крест. дер. Бояръ Панкратъ Курильчикъ жаловался на крест. дер. Осова Давыда, Федора и Андрея Бебчиковъ, которые не отдаютъ ему 10 рублей, одолженныхъ у него ихъ покойнымъ отцомъ, и кромѣ того Давидъ Бебчикъ, какъ старшій въ семьѣ послѣ смерти отца, взялъ у него одинъ возъ сѣна и пару колесъ, за что ему также не платитъ. Проситъ взыскать съ отвѣтчиковъ 16 р. Отвѣтчики показали: Давидъ Бебчикъ, что дѣйствительно отцовскаго долга осталось 10 р., и кромѣ того, когда они братья жили еще вмѣстѣ, онъ бралъ у Курильчика возъ сѣна и пару колесъ для общаго ихъ хозяйства, за что еще неуплочено. Андрей и Ѳедоръ Бебчики показали, что Курильчикъ собственно желаетъ, чтобы съ нихъ взыскать 16 руб. въ пользу зятя своего, а ихъ брата Давида, почему онъ и признаетъ этотъ долгъ, но въ сущности онъ уже уплоченъ. Волостной судъ по выслушаніи сторонъ, предлагалъ дѣло кончить миромъ, но за непослѣдованіемъ таковаго, судъ, признавая жалобу Курильчика основательною, рѣшилъ: взыскать съ Давида, Андрея и Ѳедора Бебчиковъ для Панкрата Курильчика всего 13 руб. (Горб. в.).

ситъ отъ сельскаго общества, которое далеко не всегда справляется, при передачѣ земли, съ родственными отношеніями: оно, правда, предпочитаетъ передать землю родственнику покойнаго, но наименѣе обезпеченному землей или совсѣмъ безземельному, причемъ близость родства не имѣетъ особеннаго значенія.

Право женщины на наслѣдованіе землею зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: уходитъ ли она въ чужую семью, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ женщина никоимъ образомъ не получаетъ части земли. Это одинаково относится какъ къ вдовѣ, послѣ мужа которой остается земля безъ наслѣдниковъ [1]), такъ и къ незамужнимъ. При назначеніи опеки надъ пятью малолѣтними сиротами, среди которыхъ были двѣ дѣвочки, сельскій сходъ Побоковичскаго общества (Бобр. у.) задался вопросомъ: кто по существующимъ мѣстнымъ обычаямъ въ обществѣ долженъ почитаться наслѣдникомъ на оставшееся имущество? Сходъ нашелъ, что мѣстный обычай по наслѣдованію имуществомъ существуетъ такой: „прямыми наслѣдниками считаются дѣти мужескаго пола, а женщины имѣютъ право получить изъ имущества при выходѣ въ замужество лишь приличное состоянію приданое, но наслѣдница женщина, оставшаяся на хозяйствѣ отца и принявшая къ себѣ примака, имѣетъ равныя права на наслѣдованіе имуществомъ наравнѣ съ наслѣдниками мужескаго пола; каковой обычай наслѣдованія и примѣнить къ малолѣтнимъ Селивановичамъ“.

Рѣшеніе схода, равно какъ и рѣшеніе суда, приведенное въ примѣчаніи, вполнѣ раскрываютъ народный взглядъ на наслѣдованіе женщины; къ словамъ его слѣдуетъ только прибавить, что такой взглядъ развитъ повсемѣстно въ изученномъ нами районѣ, и нѣтъ надобности приводить дальнѣйшихъ цитатъ.

---

[1]) Выпись изъ рѣш. вол суда Горбацевичской волости: Волостные судьи въ засѣданіи своемъ слушали: прошеніе кр. дер. Дѣдкова Пелагеи Гавриловой Росликъ объ отнятіи отъ нея десятины земли, надѣленной на перваго ея мужа солдата Осипа Шпиля, переданной бывшимъ старшиной солдаткѣ Екатеринѣ Головачъ въ дер. Побоковичахъ. На судѣ изъ поясненія сторонъ и свидѣтельскихъ показаній оказалось слѣдующее: просительница Пелагея Росликъ за смертію ея перваго мужа солдата Осипа Шпиля 10 лѣтъ уже вышла вторымъ бракомъ за крест. дер. Дѣдкова Парфена Рослика, который имѣетъ хозяйство и новый участокъ земли; десятина же земли, надѣленная на ея перваго мужа солдата Осипа Шпиля, какъ оставлена просительницею, и какъ (просительница) не имѣетъ дѣтей отъ перваго мужа, б. старшиною передана солдаткѣ Екатеринѣ Головачъ съ согласія общества По выслушаніи обстоятельствъ дѣла постановили: десятину земли, надѣленную и записанную по выкупнымъ документамъ при дер. Побоковичахъ на солдата Осипа Шпиля, который послѣ смерти какъ не оставилъ наслѣдниковъ и жена его Пелагея Гаврилова вышла вторымъ бракомъ въ дер. Дѣдкова, въ домогательствѣ ей отказать, а землю признать въ пользу солдатки Екатерины Головачъ.

Можно прибавить, что ссылка на „мѣстные обычаи“ особенно часто встрѣчается въ дѣлахъ, касающихся правъ наслѣдованія женщины: волостной судъ, или сельскій сходъ несомнѣнно знаютъ, что мѣстный обычай въ данномъ случаѣ не сходится съ писанымъ правомъ, и потому особенно настойчиво напоминаютъ о немъ.

Пока выяснится, останется ли вдова или дѣвушка на землѣ, или удалится въ другую семью, она сохраняетъ всѣ наслѣдственныя права на землю [1]).

Если бы по малолѣтству дочерей земля отца была захвачена кѣмъ нибудь, то дочери имѣютъ право требовать землю назадъ (Пин.). Если дочерей нѣсколько, то всѣ онѣ признаются наслѣдницами въ равныхъ доляхъ (Пин.). При раздѣлѣ дочь или мать, принявшія примака, уравниваются въ правахъ на землю съ другими членами семьи: извѣстны многочисленные случаи, когда женщина получаетъ часть земли такую же, какъ и братья. Изъ одного дѣла видно, что дочери дана была равная часть съ семьяниномъ примакомъ, принятымъ ея отцомъ къ своей племянницѣ,—„на основаніи мѣстныхъ обычаевъ“. Въ другомъ случаѣ судъ раздѣлилъ дочь и ея мужа примака съ матерью, принявшею тоже примака, и опредѣлилъ имъ пользоваться равными долями (Пин.).

---

1) Приведемъ еще одно рѣшеніе суда, любопытное по своей сложности. Обстоятельства дѣла слѣдующія: послѣ смерти крест. дер. Атрошковичъ Василія Семенова Рутьки родныхъ дѣтей не осталось, а только падчерица Магдалина Осипова и ея мужъ Петръ Ошурко, которые и до смерти своей владѣли имуществомъ Рудьки, а послѣ смерти ихъ остались дочери Домна, Пелагея, Макрина, Грипина и Фрузина. Изъ нихъ на старшей Домнѣ женился крест. дер. Петровичъ Лука Бородинъ и завладѣлъ имуществомъ Василія Рудьки. А какъ послѣдняго племянникъ записалъ въ одномъ семействѣ по X народной переписи Илья Рудько, то и предъявилъ права на имущество Василія Рудьки. Нынѣ на судѣ крест. Лука Бородинъ объяснилъ, что 7 лѣтъ тому послѣ смерти Петра Ошурки, онъ былъ работникомъ въ хозяйствѣ Ошурки, а потомъ остался хозяиномъ, какъ женился на старшей дочери Петра Домнѣ, и владѣетъ имуществомъ по праву наслѣдства жены Домны Петровой. Илья Рудько объяснилъ, что ранѣе не предъявлялъ правъ на имущество дяди Василія Рудьки какъ состоялъ пріемышемъ въ дер. Забудькахъ Городковской волости, но за возрастомъ сыновей у тестя и вытѣсненія его изъ хозяйства тестя, онъ, оставшись беземельнымъ, предъявилъ права на имущество дяди въ 1883 г., и съ тѣхъ поръ производилось дѣло въ разсмотрѣніи сельскаго схода и нѣсколько разъ волостнаго суда. Свидѣтели подтвердили жалобу Ильи Рудьки. По выслушаніи обстоятельствъ дѣла судъ нашелъ: хотя дѣйствительно по X народной переписи по дер. Атрошковичи въ одномъ семействѣ записаны Василій Рудько, его племянникъ Никифоръ съ отмѣткою „рекрутъ“ и послѣдняго сынъ Илья, и по выкупнымъ документамъ участокъ земли записалъ на Василія Рудька, но такъ какъ Илья Рудько не жилъ въ семействѣ Василія, а жилъ пріемышемъ къ дочери Магдалинѣ Петръ Ошурко и отъ нихъ происходятъ дѣти Домна, Пелагея, Макрина, Грипина и Фрузина, постановили: все имущество Василія Рудьки предоставить въ пользу дѣтей Петра Ошурки: Домны, Пелагеи, Макрины, Грипины и Фрузины.

Такимъ образомъ, права дочерей на землю ограничиваются лишь такими случаями, когда отецъ, отдѣлившись отъ своей семьи, не оставилъ мужскаго потомства, и когда эти дочери остаются на своей землѣ, принимая къ себѣ примаковъ: въ такомъ же отношеніи стоитъ жена къ мужниной землѣ.

Для полноты остается отмѣтить о правахъ наслѣдованія по женщинѣ. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о движимомъ имуществѣ. Материнское приданое и сбереженія переходятъ къ дочерямъ, и даже мать не можетъ взять приданое покойной дочери, если у послѣдней остались дочери; если ихъ нѣтъ, то приданое возвращается въ родную семью.

Обычное право, въ разныхъ углахъ изслѣдованнаго района, смотритъ совершенно одинаково на *опеку*, на то, кто можетъ быть опекуномъ и въ чемъ ея суть. Разнообразіе заключается не столько въ пониманіи обычнымъ правомъ своей задачи, сколько въ чисто внѣшней сторонѣ дѣла: въ однихъ мѣстностяхъ, преимущественно въ южныхъ, сельскій сходъ составляетъ изустные приговоры, въ другихъ—всякій приговоръ заносится въ соотвѣтственную книгу волостнаго правленія. Высшее попеченіе надъ сиротами находится въ рукахъ сельскаго схода.

Для него опека имѣетъ двоякое значеніе: онъ наблюдаетъ за „воспитаніемъ" сиротъ, т. е. за тѣмъ, чтобы было ихъ кому одѣвать и кормить, и за исправнымъ взносомъ податей съ того участка земли, который принадлежитъ малолѣтнимъ; къ этому надо присоединить и заботы о цѣлости опекаемаго имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго. Если сироты необезпечены землей, то сходъ старается пристроить ихъ пріемышами въ болѣе состоятельныя семьи.

Когда нужно назначить опеку, сходъ собирается и составляетъ приговоръ, въ которомъ называются имена опекуновъ, перечисляется движимое и недвижимое имущество опекаемыхъ, опредѣляется срокъ опеки (до совершеннолѣтія старшаго изъ опекаемыхъ мальчиковъ или до выхода дѣвочекъ замужъ) и даются наставленія о томъ, чтобы имущество было сохранено въ цѣлости и подати уплачивались бы аккуратно. Нѣтъ нигдѣ намека на то, чтобы опекаемые получали что нибудь въ родѣ аренды съ земли; опекунъ обязанъ только платить за нихъ подати и кормить ихъ; даже изъ скота къ концу опеки онъ обязанъ сохранить то же количество, которое получаетъ въ попеченіе, рѣдко говорится о томъ, что приплодъ составитъ собственность дѣтей. Такимъ образомъ за заботы о малолѣткахъ опекунъ получаетъ доходъ съ земли и имущества.

Однако, всѣ эти сложныя формальности опеки имѣютъ мѣсто тогда, когда въ семьѣ не осталось старшаго, хозяина: среди многочисленныхъ приговоровъ не удалось встрѣтить такого, который бы поручалъ опеку старшему брату—представителю семьи, дядѣ въ нераздѣлившейся семьѣ и т. п.

Вполнѣ естественно, что сходъ въ этомъ случаѣ не считаетъ нужнымъ вмѣшиваться въ дѣла семьи: оставшійся его представитель является опекуномъ малолѣтнихъ и плательщикомъ податей. Встрѣчаются случаи порученія опеки пріемышу надъ дѣтьми пріемнаго отца, или примаку, вошедшему въ домъ къ старшей изъ малолѣтнихъ уже по смерти отца. Въ такомъ случаѣ къ мужу переходитъ опека и надъ женою до раздѣла ея съ остальными сонаслѣдниками, или ихъ совершеннолѣтія.

Если у малолѣтнихъ есть мать, то дѣти поручаются ей, а веденіе хозяйства возлагается на особо назначенныхъ опекуновъ въ томъ случаѣ, если мать не намѣрена вести его сама. Такъ, въ одномъ случаѣ сельскій сходъ назначаетъ опекунами мать и еще двоихъ крестьянъ, хотя высшій надзоръ за дѣтьми онъ оставляетъ за собой. Можно даже указать приговоръ схода, назначающій опекуна, при жизни матери дѣтей безъ указанія на то, сохраняетъ ли она права опеки надъ дѣтьми или устраняется. Но эти единичные случаи, можетъ быть объяснимые какими либо особыми условіями, не измѣняютъ однако повсемѣстнаго представленія, по которому мать имѣетъ неотъемлемое право опеки: она распоряжается имуществомъ, совершаетъ за опекаемыхъ сдѣлки и пр. [1]).

Другое дѣло если сходу приходится заботиться о сиротахъ не только по отцу, но и по матери. Въ такомъ случаѣ онъ назначаетъ опекунами ближайшихъ родственниковъ и усиливаетъ надъ ними контроль, смѣняетъ ихъ и пр.

Необходимо отмѣтить еще и то, что сельскій сходъ беретъ въ опеку только сиротъ. Извѣстны случаи, когда сходъ назначаетъ опеку надъ семь-

---

[1]) Приведемъ по этому поводу рѣшеніе Горбацевич вол. суда, (1891 г.): Крестьянка дер. Старинокъ Пелагея Курильчикъ жаловалась на братьевъ покойнаго мужа ея Устина, Леона и Григорія Курильчиковъ, которые забрали въ свое пользованіе всю землю, у нихъ находящуюся, а ей ничего не даютъ, такъ что она не имѣетъ, гдѣ посѣять картофель. Такъ какъ послѣ смерти мужа остался сынъ Антонъ 14 лѣтъ—она желаетъ его отдать къ дядѣ его, т. е. къ брату мужа ея Устину Курильчику, почему и проситъ судъ слѣдуемую часть земли передать въ пользованіе Устина, при которомъ будетъ находиться сынъ ея Антонъ. Отвѣтчики показали: Устинъ, что онъ согласенъ принять къ себѣ Антона съ тѣмъ, чтобы часть его земли находилась у него; Леонъ, что согласенъ отдать часть Антону по совершеннолѣтіи его; Григорій, что онъ засѣялъ одинъ загонъ картофеля Пелагеѣ и больше дать не хочетъ. Волостной Судъ, по выслушаніи сторонъ предлагалъ дѣло кончить миромъ, но за непослѣдованіемъ онаго, признавая жалобу Пелагеи основательною, рѣшилъ: предоставить Устину Курильчику право пользоваться одною четвертою частію земли изъ общаго ихъ надѣла, принадлежащею малолѣтнимъ Курильчикамъ, съ тѣмъ, что они должны будутъ находиться на полномъ его попеченіи.

ей, представитель которой боленъ, вести хозяйства не можетъ, а въ семьѣ одни малолѣтки, безъ хозяйки [1]).

На обязанности опекуна, какъ сказано, лежитъ наблюденіе надъ дѣтьми и сохраненіе имущества. Опека прекращается, когда дѣвушка выходитъ замужъ и парни женятся. По отношенію къ первымъ, если дѣвушка выходитъ въ чужую семью, на обязанности опекуна лежитъ выдача ей приданаго „по состоянію". Если дѣвушка живетъ въ семьѣ брата, то та же обязанность лежитъ на немъ.

Мы разсмотрѣли строй бѣлорусской семьи и нормы обычнаго права, которыми она регулируется. Нашъ бѣглый очеркъ достаточно свидѣтельствуетъ, что обычай въ данное время слабѣетъ въ крестьянской средѣ, уступая новымъ жизненнымъ условіямъ. Но и то, что осталось въ настоящемъ, представляетъ глубокій научный интересъ, который способенъ еще болѣе возрасти, при сопоставленіи настоящаго съ прошлымъ. Рядомъ съ семейною общиною, состоящею изъ родственниковъ, въ крестьянской средѣ бытуетъ община, составляющаяся искуственно. Прототипъ такой семьи можно безошибочно указать въ дворищѣ-службѣ періода Литовско-русскаго государства: въ основѣ своей дворище носило семейнородовой характеръ, хотя и тогда уже сябры не всегда были связаны кровнымъ родствомъ. Въ XV—XVI в. преобладающею формою крестьянскаго землевладѣнія—было сложное дворище, но, оно какъ тогда такъ и теперь, не сосуществовало

---

[1]) 1877 года, апрѣля 21 дня. Мы нижеподписавшіеся крестьяне дер. Бояръ, собравшись на деревенскій сходъ и въ присутствіи нашего сельскаго старосты, разсуждали между собою о томъ, что односелецъ нашей деревни крестьянинъ Григорій Рудякъ совершенно больной, такъ что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе, и онъ не имѣетъ жены, а имѣетъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей—сына Василія и дочерей Матрену и Прасковію, за которыми нуженъ присмотръ, а также и за самимъ Григоріемъ, для того единогласно приговорили: для досмотра за Григоріемъ Рудякомъ и его дѣтьми назначить опекуна крест. дер. Бояръ Семена Шимока съ тѣмъ, что онъ обязанъ при всѣхъ взять къ себѣ на свое иждивеніе, принадлежащую землю Григорію Рудяку, 1/2 надѣла отдать въ пользованіе Шимоку на восемъ лѣтъ, Семенъ обязанъ платить за Григорія всѣ казенныя повинности и за землю выкупной платежъ, а такъ какъ у Григорія Рудяка есть движимое имущество: два вола, одна корова и одна свинья, жилой домъ, амбаръ, варивня и хлѣвокъ, то это должно находиться въ распоряженіи Семена Шиленка въ теченіе 8 лѣтъ, а по истеченіи этого срока когда сынъ Василій будетъ совершеннолѣтнимъ, Семенъ Шимокъ обязанъ землю ему возвратить, а также и движимое ему имущество; строенія Шимокъ обязанъ поддерживать, дабы не приходили въ ветхость. Нынѣ же на Григоріи числится много казенной недоимки и онъ не имѣетъ денегъ очистить оную, то предоставить право Шимоку одного вола продать и таковую пополнить: когда Григорій умретъ, то Шимокъ обязанъ похоронить его по христіанскому обряду.

рядомъ съ формой малой семьи. Мало того, можно даже указать на то, что способы и причины образованія семейной общины нѣсколько вѣковъ тому назадъ часто вполнѣ совпадаютъ съ нынѣшними: пріемъ въ семью „за сына мѣсто“, какъ выражаются документы, большой надѣлъ при маломъ числѣ рабочихъ рукъ и очевидныя выгоды сябриннаго владѣнія—побуждали соединяться нѣсколько семействъ въ одно дворище; наоборотъ, малоземельность, обиліе рукъ заставляли семью дѣлиться и младшихъ членовъ ея уходить „на свой хлѣбъ“. Въ самой организаціи семейной общины, въ характерѣ, напр., власти отца, порядкѣ наслѣдованія и опеки и пр., можно найти типическія черты, которыя легко сопоставить съ бытомъ отдаленнаго прошлаго.

Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ[1].

При изслѣдованіи культурныхъ и религіозныхъ переживаній свадебныхъ обрядовъ можно имѣть въ виду два метода. По первому можно было бы расположить изслѣдуемый матеріалъ по разнымъ рубрикамъ, которыя выработаны въ современной этнологической фольклористической наукѣ относительно эволюціи семьи и религіозныхъ культовъ. Другой методъ состоитъ въ простомъ объясненіи обрядовъ по мѣрѣ ихъ исполненія. Оба метода имѣютъ свои выгодныя и невыгодныя стороны. Я рѣшился слѣдовать второму, во-первыхъ, какъ наименѣе сложному и отвѣтственному, во-вторыхъ, еще и потому, что въ него легко входитъ первый.

Но, слѣдуя второму методу, приходится встрѣчать затрудненіе въ выборѣ основного описанія свадебнаго обряда, которому пришлось бы слѣдовать при изложеніи отдѣльныхъ частей. По описанію бѣлорусской свадьбы, правда, до сихъ поръ сдѣлано не мало, не мало издано описаній изъ различныхъ частей Бѣлоруссіи. Но описанія эти не всегда и не совсѣмъ сходятся въ изложеніи различныхъ подробностей: одни пространнѣе, другія короче и т. п. Разница, повидимому, происходитъ и вслѣдствіе того, что различные обряды въ разныхъ мѣстностяхъ исполняются различно, и вслѣдствіе того, что наблюдатели придавали неодинаковую цѣну различнымъ частностямъ. Выбрать въ основу изложенія приходится описаніе, отличающееся наибольшими подробностями и исходящее изъ центральной части страны. Я счелъ, по многимъ причинамъ, наиболѣе удовлетворяющимъ такимъ требованіямъ собранный мною матеріалъ. Въ основу были приняты два описанія свадьбы, доставленныя мнѣ изъ Никольской волости Минскаго у.: одно —учителемъ П. П. Демидовичемъ, другое - крестьяниномъ Ѳ. В. Ярмако-

[1] Этногр. Обозр. 1893 г.

вичемъ, [1]) уроженцами и жителями данной мѣстности. Я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность И. И. Демидовичу за его содѣйствіе и воздать должное памяти Ѳ. В. Ярмаковича, такъ горячо любившаго свою родину и преданнаго ей; онъ вѣрно угадалъ пользу, которую можетъ принести странѣ, гдѣ родился, и съ любовью и энергіей отдался ей. Миръ праху твоему, добрый труженикъ! Дай Богъ, чтобы побольше было у насъ такихъ крестьянъ!

Кромѣ того, мною лично были сдѣланы записи обрядовъ и пѣсенъ въ Игуменскомъ, Бобруйскомъ, Рѣчицкомъ, Мозырскомъ и Пинскомъ уу. Эти матеріалы были поставлены также на первый планъ. За тѣмъ я старался воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что даетъ уже изданныя литература этого вопроса, какъ это и увидитъ читатель изъ ссылокъ.

Но я не имѣю здѣсь въ виду дать подробное описаніе обрядовъ. Это описаніе читатель найдетъ въ моихъ матеріалахъ, когда мнѣ удастся ихъ издать. Цѣль моя—выбрать только тѣ факты, которые могутъ имѣть интересъ съ точки зрѣнія современной этнологической науки, и поставить ихъ въ связь съ параллельными фактами изъ ритуаловъ различныхъ индо-европейскихъ народностей, насколько мнѣ была доступна литература о нихъ.

По отношенію къ великорусской, малорусской и отчасти славянской свадьбѣ многія параллели уже сведены въ трудахъ гг. Сумцова, Янчука, Волкова, Весина и Смирнова, къ которымъ мнѣ пришлось часто обращаться. Предупрежденный въ этомъ отношеніи своими предшественниками, я старался ввести бѣлорусскіе, а слѣдовательно и вообще русскіе обряды въ сферу романо-германскихъ сродныхъ обычаевъ; но литература, бывшая у меня подъ руками, оказалась, къ сожалѣнію, далеко недостаточной.

Мнѣ приходится мало говорить о юридическомъ значеніи нашей свадьбы, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Въ данномъ случаѣ это выходитъ изъ круга моей задачи. При томъ, объ этомъ мнѣ придется говорить въ спеціальной работѣ, посвященной обработкѣ собранныхъ мною матеріаловъ о юридическихъ обычаяхъ въ области бѣлорусской семьи.

Здѣсь я однако скажу два слова о церковномъ вѣнчаніи. По понятію бѣлорусса, безъ „вяселля“, т. е. всего ритуала, вполнѣ законнаго брака быть не можетъ. Иногда между вѣнчаніемъ и свадьбой проходитъ нѣкоторое время, и все таки формальные мужъ и жена считаются только женихомъ и невѣстой, и сожительство строго воспрещается. Такимъ образомъ, какъ и нерѣдко въ Россіи, церковное вѣнчаніе въ глазахъ бѣлорусса не играетъ существеннаго значенія.

---

[1]) Къ сожалѣнію, этотъ многообѣщавшій самородокъ-этнографъ скончался во время послѣдней холерной эпидеміи.

I.

Предварительныя приготовленія.

1. Сватовство. Опросъ невѣсты.—2. Дружина жениха и невѣсты.—3. Запойны.—4. Змовины.—5. Юридическое значеніе сговора.—6. Дареніе монеты невѣстѣ.—7. Танецъ невѣсты.—8. Выборъ времени года и дней.

Свадьба завязывается длинной процедурой сватовства. Обыкновенно въ сваты избирается кто-либо изъ наиболѣе уважаемыхъ родственниковъ, чаще всего крестный отецъ, если онъ живъ; къ нему придается въ помощь еще одинъ—другой изъ родственниковъ. Рѣдко женихъ отправляется со сватами самъ, особенно въ первый разъ. Иногда дѣлаютъ предварительныя развѣдки, что исполняетъ или самъ парень, или его мать, такъ какъ отказъ въ выдачѣ дочери есть уже „ганьба" (позоръ) для парня.

Этикетъ требуетъ, чтобы сватовъ въ семьѣ невѣсты встрѣтили небрежно, какъ бы не замѣтивъ ихъ появленія: всякій усердно продолжаетъ свою работу. Процедура сватовства болѣе или менѣе общеизвѣстна. Разговоры, которые заводитъ сватъ, доводы, которыми онъ старается убѣдить родителей невѣсты и самое невѣсту,—зависятъ въ большой мѣрѣ отъ искусства свата, отъ его умѣнья побалагурить. Замѣтимъ, что этикетъ не дозволяетъ сторонѣ невѣсты сразу согласиться на бракъ: женихъ хорошаго тона можетъ и отказаться отъ такой охотницы выйти поскорѣе замужъ. Обычно сторона невѣсты даетъ согласіе только за третьимъ приходомъ сватовъ.

Важный аттрибутъ сватовства составляетъ бутылка водки и хлѣбъ, которые они несутъ съ собою. Сторона невѣсты, пока не дастъ согласія на бракъ, не соглашается ни за что попробовать ихъ угощенія, потому что такая проба означаетъ согласіе сама по себѣ.

Весь порядокъ сватовства имѣетъ чисто обрядовое значеніе, и обряды его имѣютъ самое широкое распространеніе.

Начнемъ съ обычая дѣлать предварительныя развѣдки. Онѣ совершаются различнымъ образомъ, но имѣютъ вездѣ одинъ и тотъ же характеръ. Такъ, въ Сициліи, извѣстенъ обычай, называемый zuccuruni: молодой человѣкъ кладетъ ночью у входа въ домъ своей возлюбленной различные подарки—платокъ, золотыя украшенія и пр. Если отецъ дѣвушки поутру возьметъ эти подарки и передастъ ей, то молодой человѣкъ можетъ посылать сватовъ [1]). Въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Августѣ, молодой человѣкъ

---

1) *Giuseppe Pitrè*, Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliani; XV, Usi et costumi, V. II (Palermo), p. 26.

идетъ съ своею матерью ночью къ дверямъ дѣвушки и поетъ canzona di amori; если сторона невѣсты выходитъ слушать, онъ на слѣдующій день посылаетъ сватовъ [1]). У калабрійцевъ такимъ образомъ парень узнаетъ о согласіи любимой дѣвушки: онъ ставитъ у входа въ избу ея огромный стволъ дерева, на которомъ вырѣзываетъ остріемъ топора знаки и украшаетъ его цвѣтами. Если мать дѣвушки утромъ возьметъ дерево и вброситъ его въ домъ, то это означаетъ, что родные дѣвушки согласны вести формальные переговоры съ парнемъ [2]).

Различные способы вручить избранной дѣвушкѣ предварительно подарокъ соотвѣтствуютъ бѣлорусскому обычаю, существующему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ,—передавать дѣвушкѣ подарокъ (платокъ, серьги, кольцо или башмаки); передаетъ либо самъ парень, либо одна изъ его родственницъ, отправляющаяся на развѣдки. Болѣе поэтическій характеръ носитъ еще одинъ способъ узнать согласіе дѣвушки: парень на вечоркахъ тайно старается пожать руку дѣвушки; если она отвѣтитъ тѣмъ же,—это считается предварительнымъ съ ея стороны согласіемъ. Обычай этотъ называется „поданіемъ руки“ (въ Минскомъ и Рѣчицкомъ уу.).

Обычай предварительно пересылать дѣвушкѣ подарокъ встрѣчается и у латышей, гдѣ парень пересылаетъ талеръ, завернутый въ платокъ [3]). Затѣмъ мы еще приведемъ аналогичный обычай у племени Галела, въ Индіи. Мѣстный обычай указываетъ, что предварительный подарокъ является какъ бы задаткомъ выкупа за невѣсту. Молодая женщина, по порученію родичей парня, является въ домъ дѣвушки съ чашею, наполненною 10—15 пинанговыми орѣхами, и среди разговоровъ незамѣтно оставляетъ эту чашу въ домѣ, а сама уходитъ. Если домашніе не обратятъ вниманія на эту чашу,—это служитъ хорошимъ признакомъ. На третій день снова та же женщина является въ домъ родителей дѣвушки уже съ чашею, наполненною 10—15 реалами. Если прежняя чаша находится на мѣстѣ, это означаетъ, что родители дѣвушки согласны вести переговоры о выкупѣ [4]).

Принесеніе подарковъ иногда дѣлается самими сватами, и во всякомъ случаѣ принятіе ихъ означаетъ согласіе на бракъ родителей невѣсты [5]).

Обычай вести переговоры о женитьбѣ черезъ посредство третьихъ лицъ—явленіе, повидимому, не имѣющее исключеній среди самыхъ различ-

---

[1]) Ibidem, 18—19.

[2]) *Vincenzo Dorsa*. La tradizione greco-latina negli usi e nelle credenze popolari della Calabria citeriore. Coserzo, 1879, p. 35.

[3]) *Вольтеръ*. Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Вит. губ., Спб., 1891, стр. 166.

[4]) *Alb. Herm. Post*, Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts. Oldenb. und Leipz. 1890, p. 172.

[5]) Ibidem, 173.

ныхъ народовъ [1]); оно свойственно почти всѣмъ представителямъ индо-европейскихъ и финскихъ народовъ. Оно было извѣстно и народамъ древности: индусамъ [2]), иранцамъ [3]), грекамъ и римлянамъ [4]). Различныя частности сватовства повсюду имѣютъ поразительное сходство.

Такъ, обычай приносить съ собою вино встрѣчается у эстовъ, финновъ, вотяковъ, мордвы, шведовъ, у тирольскихъ нѣмцевъ, въ Гессенѣ и др., у всѣхъ славянъ [5]), у латышей [6]), у лопарей [7]). Сицилійцы также отправляются сватать съ бутылкой вина и хлѣбомъ [8]). Даже сродный обычай встрѣчаемъ у одного изъ африканскихъ народцевъ [9]).

Принятіе угощенія отъ сватовъ считается, какъ мы сказали, за предварительное согласіе. Въ Арденнахъ, во Франціи, если невѣста не даетъ своего согласія сватамъ, она ѣстъ отдѣльно; если же соглашается, — всѣ ѣдятъ вмѣстѣ [10]).

Изъ обычаевъ сватовства обращаетъ на себя вниманіе то, что сваты рѣдко говорятъ прямо о цѣли своего прихода. Обычно они выражаются иносказательно. Въ Рѣчицкомъ уѣздѣ сваты, входя въ избу, спрашиваютъ: „Чи ня маяця цялушки ля продажи?"—„Мамо и продамо",—отвѣчаетъ хозяинъ, выражая тѣмъ свое согласіе на начатіе предварительныхъ переговоровъ [11]). Въ околицахъ Минска, по описанію 1800 г., сватъ говорилъ хозяину дома: „Нашъ быкъ да до вашей цялушки привыкъ. Кабъ дау Богъ даждаць—вашую цялушку да нашаго быка загнаць" [12]). Въ другихъ мѣстностяхъ цѣль сватовства ставится еще болѣе опредѣленно. Сватъ говоритъ: „У цебе, господарю, ёсць товаръ ледзенецъ, а у меня ёсць купецъ молодзецъ" [13]). Въ

---

1) *Leop. Schröder*, Die Hochzeitsbräuche der Esten und einiger anderer finn.—ungrisch. Völkerschaften im Vergl. mit denen der indogerm. Völk., Berl. 1888, p. 32.

2) *Weber*, Indische Studien, V, p. 276. Ср. комментарій къ сутрамъ Apastamba, описывающій сватовство; описаніе весьма интересно въ смыслѣ устойчивости обрядовыхъ формъ. См. *Winternitz*, Das altindische Hochzeitsrituell nach dem Apastambya-Grihyasutra und einigen Anderer verwandten Werken. Wien, 1892, p. 40.

3) *Geiger*, Östiranische Kultur in Alterthum, Erlangen, 1882, p. 241.

4) *Ang. de Gubernatis*, Storia comparata degli usi nuziali in Italia, Milano, 1869, p. 88—90.

5) *Schröder*, 33—35.

6) *Вольтеръ*, Матеріалы, 169.

7) *Харузинъ*, Русскіе лопари, Москва, 1890, стр. 263.

8) *Pitrè*, Biblioteca d. trad. pop. XV, Usi. XI, 24.

9) *Letourneau*, L'evolution du mariage et de la famille, Paris, 1888, p. 138.

10) *Meyrac*—въ Revue des traditions populaires, III, p. 111.

11) *М. Запольскій*, Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни, Кіевъ, 1888, стр. 10.

12) *Gołębiowski*, Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony. Warsz. 1830, p. 66.

13) *Носовичъ*, Бѣлорусскія пѣсни. Записки Имп. Русск. Геогр. Общ., т. V, стр. 134.

Могилевской губ. отецъ выводитъ дочь къ сватамъ со словами: „Добрый вечаръ вамъ, сваты, вяду вамъ таваръ—ни слыпой, ни храмой, дай Богъ и мнѣ такій. Даю вамъ, говорю вамъ, штобъ вамъ ни было абиды на нашъ таваръ“ [1]).

Описанные пріемы имѣютъ также обрядовое значеніе. Обычай, что сваты ищутъ корову, теленка, голубя, птицу, встрѣчается у ливонцевъ, эстовъ, венгровъ, финновъ, въ Сардиніи и др. [2]). У латышей сваты ищутъ лисицу, зайца [3]), то являются какъ купцы, покупающіе ленъ [4]). У лопарей они спрашиваютъ, не отдадутъ ли „уточку“ [5]) и т. д. Въ Нижней Бретани сваты говорятъ о сватаньи дѣвушки, какъ о покупкѣ лошади, не упоминая даже имени ея [6]).

Указанные только что факты даютъ возможность прійти къ заключенію, что само сватовство представляетъ собою одно изъ переживаній купли-продажи невѣсты. Сваты являются теперь подъ видомъ купцовъ, потому что при существованіи фактической купли они дѣйствительно являлись представителями жениховаго рода, обязанными вести переговоры о куплѣ для одного изъ его членовъ жены.

Это подтверждается еще и обрядомъ рукобитья. Сватъ и отецъ невѣсты, какъ только придутъ къ предварительному соглашенію, тотчасъ же ударяютъ по рукамъ. Этотъ обрядъ мы встрѣчаемъ въ Витебской губ. [7]). Въ Смоленской губ. сватовство называется барышемъ [8]), въ чемъ нельзя не видѣть яснаго указанія на торговую сдѣлку. Рукобитье мы встрѣчаемъ также и во Франціи, въ Нижней Бретани, гдѣ весь обрядъ сватовства, по выраженію наблюдателя,—простой актъ торговли [9]). Рукобитье мы встрѣчаемъ у мордвы[10]), у лопарей [11]),въ средневѣковомъ сѣверо-германскомъ правѣ и пр.[12]). Въ общемъ, рукобитье признается, какъ самый примитивный актъ заключенія торговой сдѣлки [13]).

---

[1]) *Шейнъ,* Матеріалы для изученія быта и яз. русск. нас. сѣв.-зап. края, ч. II, стр. 295.

[2]) *Schröder*, Die Hochzeitsbräuche der Esten, 36—39.

[3]) *Вольтеръ*, Матеріалы, 198.

[4]) Ibidem, 202—203.

[5]) *Харузинъ,* Русскіе лопари, Москва, 1890 г., стр. 276.

[6]) *Carrence*, Le mariage chez nos pères. Paris, 1872, p. 101.

[7]) Вѣстникъ И. Русскаго Геогр. Общ., 1853, ч. 9, стр. 23. *Шейнъ*, Матеріалы, 2 ч., стр. 14, 252.

[8]) *Шейнъ*, Мат, II, стр. 491.

[9]) *Carrence*, Le mariage chez nos pères, p. 101.

[10]) *Майновъ*, Очерки юридическаго быта мордвы, СПБ., 1885, стр 59.

[11]) *Харузинъ*, Русскіе лопари, 276.

[12]) *K. Lehmann*, Verlobung und Hochzeit nach den nordgermanischen Rechten des früheren Mittelalters, München, 1882, p. 108.

[13]) *Ковалевскій,* Современный обычай и древн. законъ. Обычное право осетинъ, М. 1886, I. стр. 163—5.

Сама невѣста во всемъ сватовствѣ не играетъ никакой роли. Извѣстенъ опросъ невѣсты ея родителями и сватами, желаетъ ли она за такого-то парня итти, или нѣтъ [1]). Но этотъ опросъ имѣетъ чисто обрядовое значенiе. У мѣщанъ Могилевской губ. опрашиваютъ, напр., невѣсту уже послѣ того, какъ написана предбрачная роспись, и когда рѣшенiе ея уже не можетъ имѣть какого-либо значенiя [2]). Обрядовый опросъ невѣсты можно указать, напр., у племени Kuhl, въ горной Индiи, гдѣ дѣвушка, какъ и у насъ, ссылается на волю родителей [3]), или же, напр., у сартовъ, якутовъ [4]) и др.

Въ народной поэзiи также отразилось воззрѣнiе на сватовъ, какъ на покупателей невѣсты. Они пускаютъ стрѣлу, чтобы добыть невѣсту [5]). Невѣста невесела, потому что каждую субботу наѣзжаютъ сваты, возятъ зеленое вино, поятъ ея отца—„мене молодзенькую просюць“ [6]). Одна сицилiйская пѣсенка разсказываетъ, какъ сынъ совѣщается съ матерью насчетъ женитьбы. Мать собирается сама пойти свахой, заплатить за дѣвицу, если потребуютъ; сынъ проситъ передать возлюбленной, что pensando o lei non vedo dagli occhi [7]).

За сватовствомъ начинаются приготовленiя въ домѣ жениха и невѣсты. Молодой собираетъ дружину, избираетъ еще одного-двухъ сватовъ, изъ которыхъ одинъ считается старшимъ: перваго и второго „братоу“, „свацею“, двухъ „свацянокъ“. Дружина всегда набирается изъ родственниковъ, „рода“. Особенно важна роль перваго брата (дружка). Онъ сажаетъ жениха на посадъ, держитъ надъ нимъ вѣнецъ въ церкви и пр.; второй братъ, по объясненiю крестьянъ, избирается „ля гонару“. За столомъ перный братъ сидитъ съ правой, второй—съ лѣвой стороны жениха. „Свацея“—помощница свата и запѣвало.

Въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Борисовскомъ у., избираютъ трехъ свахъ, изъ которыхъ старшая—крестная мать, и двухъ замѣстителей дружекъ [8]). Крестный отецъ—непремѣнный членъ дружины; онъ старшiй сватъ и называется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *возиломъ*, потому что везетъ дружину къ невѣстѣ. Въ Виленской губ. избираютъ еще *панибраця*, роль котораго таже, что и дружки [9]).

---

[1]) Описанiе обряда см., напр., у *Носовича*, Зап. И. Р. Г. Общ., V, 135.

[2]) *Дембовецкiй*, Опытъ описанiя Могилевской губ., I, стр. 642.

[3]) Статья *Iellingaus'a* въ „Zeitschrift für Ethnologie, Organ der Berl. Gesellschaft f. Anthrop., Ethnol. und Urggeschichte“, Bd. III, 1871, p. 368.

[4]) *Alb. Post.* Studien zur Entwicklungsgeschichte der Familienrechts. Leipz. 1890, p. 167—168.

[5]) *Носовичъ*, Зап. И. Р. Г. Общ., V, 137, № 3.

[6] Ibidem, стр. 271, № 15.

[7]) *Pitrè*, l. c., p. 23.

[8]) *Шейнъ*, Мат., 2 ч., стр. 73.

[9]) Ibidem, 3.

Невѣста также собираетъ свою дружину. У нея есть также сваты, дружки и пр. По описанію свадьбы въ околицахъ Минска 1800 г., непосредственно послѣ согласія родителей невѣста избираетъ себѣ двухъ подругъ, которыя называются „большанки“; онѣ во все время сватовства и свадьбы живутъ въ домѣ невѣсты и не отходятъ отъ нея, поютъ пѣсни, помогаютъ приводить въ порядокъ приданое, одежду и проч. [1]). Впослѣдствіи къ дружинѣ невѣсты примыкаетъ еще должностное лицо—„маладзица“.

Кромѣ того, и къ невѣстѣ и къ жениху примыкаетъ человѣкъ по 10—20 парней и дѣвушекъ, подругъ и друзей ихъ, которыя также слѣдуютъ за ними во все время совершенія свадебныхъ обрядовъ; вообще, родители обѣихъ сторонъ стараются, чтобы дружины было какъ можно больше. Кромѣ того, вся дружина непремѣнно должна быть на лошадяхъ: часть въ телѣгахъ, а другая часть верхами. Какъ бы ни былъ близокъ домъ невѣсты, или церковь, все таки стараются ѣхать, а не итти. Интересно, что этимъ мотивомъ, приходилось слышать не разъ, объясняютъ крестьяне свое стремленіе брать невѣсту изъ другого села.

Значеніе дружины жениха не подлежитъ сомнѣнію. Это—тотъ „полкъ“, какъ поется въ пинскихъ пѣсняхъ, съ которымъ женихъ собпрается раздобыть дѣвушку „тэстя звоеваты“, разбить „крамянну (каменную) стѣну“. Мы сейчасъ увидимъ, что и фактически дружина жениха должна отнять невѣсту отъ дружины невѣсты, ее защищающей. Это составляетъ одинъ изъ важныхъ актовъ свадебнаго обряда. У бѣлоруссовъ Тверской губ. мы находимъ въ высшей степени интересный обычай, напоминающій древніе сборы дружины, отправлявшейся за добываніемъ женъ. Утромъ въ день свадьбы дружко садится въ передній уголъ, и отецъ жениха обращается къ нему: „Я тебѣ даю одного, а ты привези мнѣ пару“. Дружко предлагаетъ привезти четырехъ, но отецъ заявляетъ, что ему нужно только пару. Затѣмъ дружко приглашаетъ одѣть жениха „обряду палажитсь“. Жениха одѣваютъ. Послѣ этого ставятъ на землѣ сковородку, въ нее становится женихъ обѣими ногами, а тѣ, которымъ назначено ѣхать за невѣстой, числомъ 6—8 человѣкъ, ставятъ вокругъ него на сковороду только правыя ноги. Тогда всѣ стоящіе на сковородкѣ цѣлуютъ образъ и дружко произноситъ: „Ну, цалуйте Божіе милосердіе, *щобь стоятсъ другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь каплю*“. Затѣмъ начинается обрядъ „кликанья“—собираніе денегъ въ пользу молодого [2]). Этотъ обрядъ не требуетъ особенныхъ комментаріевъ: молодецъ собираетъ дружину, чтобъ раздобыть съ нею себѣ жену; имъ придется сражаться, брать ее съ боя, перенести опасности, труды, а потому они даютъ другъ другу клятву стоять братъ за брата. Отецъ жениха и весь присутствующій родъ снабжаютъ его деньгами.

---

[1]) *Gołębiowski*, Lud, p. 69.

[2]) Этнографическій Сборникъ И. Русск. Геогр. Общ., т. I, p. 254—246.

Обычай собирать дружину для жениха и невѣсты извѣстенъ не только повсемѣстно въ Россіи [1]) и среди славянъ вообще [2]). Его мы встрѣчаемъ уже у древнихъ индусовъ, гдѣ упоминаются сваты и дружки [3]). Въ настоящее время въ Уэльсѣ женихъ является къ невѣстѣ въ сопровожденіи вооруженныхъ поселянъ, тоже и въ Скандинавіи [4]). Дружина жениха невѣсты играетъ крупную роль въ борьбѣ за невѣсту во французской свадьбѣ [5]), во многихъ мѣстахъ Германіи, Ирландіи и др. [6]). У тирольскихъ нѣмцевъ жениха всегда сопровождаетъ братъ его или близкій родственникъ, невѣсту — „носитель вѣнка“ [7]). То-же значеніе имѣетъ дружина у латышей [8]), и т. д.

Значеніе дружины особенно рельефно выступаетъ тамъ, гдѣ существуетъ реальное похищеніе невѣсты. Женихъ собираетъ своихъ сотоварищей и съ ними рѣшается добыть себѣ невѣсту. Такое значеніе дружины жениха можно видѣть, напримѣръ, изъ обычаевъ похищенія у кавказскихъ горцевъ [9]), у чувашей [10]), у мордвы [11]), у вотяковъ [12]) и мн. другихъ.

Появленіе дружины въ такомъ же числѣ и съ такимъ же значеніемъ и со стороны невѣсты слѣдуетъ отчасти отнести на счетъ ритуальнаго параллелизма: съ уравненіемъ положенія относительно вступленія въ бракъ жениха и невѣсты, уравнивались постепенно и обряды, совершаемые отдѣльно у того и другого. Отсюда мы видимъ цѣлый рядъ обрядовъ, совершаемыхъ у невѣсты совершенно такимъ же образомъ, какъ и у жениха. Съ другой стороны, въ пѣсняхъ мы видимъ, что дружина невѣсты является ея естественною защитницей противъ дружины жениха; въ обрядахъ дружина невѣсты продаетъ ее, защищаетъ во время симулированнаго похищенія и пр.

---

[1]) *Сумцовъ*, „О свадебныхъ обрядахъ преимущественно русскихъ“, Харьковъ, 1882, стр. 6—24, passim.

[2]) Ср. „Обычное право южн. Славянъ“. (По Богишичу). „Юридич. Вѣстн.“ 1877, I, стр. 100, 107.

[3]) *В. Миллеръ*, „Очерки арійской миѳологіи“, стр. 25.

[4]) *Ковалевскій*, „Первобытное право“, II, стр. 105, 106.

[5]) *Garrence*, Le mariage chez nos pères p. 224, 218—219 и др.

[6]) *Loth. Dargun*, Mutterrecht und Raubehe, Breslau, 1883, p. 134, 103 и др.

[7]) *Zingerle*, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol, Innsbruck, 1859, p. 456.

[8]) *Вольтеръ*, „Матеріалы для этн. Лат. плем.“, стр. 205, 206.

[9]) См. описаніе г. *Егіазарянца*—„Бракъ у кавказскихъ горцевъ“, Юридич. Вѣстн., 1878, іюль, стр. 965; ср. „Этнограф. Обозр.“, 1890, № 3, стр. 46 и сл. Въ адатахъ по дѣламъ объ увозѣ дѣвушки съ особенною рельефностью выступаетъ все громадное значеніе дружины жениха. См. *Леонтовичъ*, Адаты кавказскихъ горцевъ, II, стр. 29, 69—70, 98 и пр.

[10]) *В. Сбоевъ*, Чуваши въ бытов. истор. и религіозн. отношен. Москва, 1865, p. 28—30.

[11]) *Майновъ*, Очерки юридич. быта мордвы, стр. 31.

[12]) *Max. Buch*, Die Wotjaken, eine etnologische Studie, Stuttgardt, 1882, p. 50.

Съ особенною яркостью значеніе дружины выразилось въ пинскихъ свадебныхъ пѣсняхъ. Дружина жениха — это его полкъ, съ которымъ онъ добываетъ себѣ дѣвицу. Полкъ этотъ—несомнѣнно родовой, состоящій изъ членовъ рода жениха [1]). Мы увидимъ, при разборѣ собственно бѣлорусскихъ пѣсенъ о похищеніи невѣсты, что подобные мотивы не чужды и послѣднимъ, хотя, быть можетъ, въ менѣе опредѣленныхъ формахъ.

Сватовство совпадаетъ обычно съ „малой горѣлкой", или „малыми запоинами". Какъ только сваты добьются согласія родителей невѣсты, послѣдніе тотчасъ посылаютъ за ближайшими родственниками, за наиболѣе уважаемыми сосѣдями. Когда послѣдніе соберутся, имъ объявляется о цѣли ихъ приглашенія. Тутъ и пьютъ „малую горѣлку", говорятъ о важнѣйшихъ приготовленіяхъ къ свадьбѣ. Всѣхъ запоинъ бываетъ три; третьи называются великими [2]). Онѣ обычно соединяются съ сговоромъ, змовинами. Змовины бываютъ иногда и отдѣльно. Кромѣ того, извѣстны еще заручины и дѣвичникъ. Но вся эта процедура у бѣдныхъ сокращается, ради избѣжанія расходовъ, такъ что запоинъ бываетъ двое, малыя и большія; большія соединяются съ змовинами, заручины съ дѣвичникомъ; послѣдній иногда совсѣмъ опускаютъ.

Запо̀ины никакими особенными обрядами не отличаются. Значеніе ихъ чисто юридическое. На нихъ опредѣляется съ мельчайшими подробностями весь ходъ свадьбы, всѣ расходы, подарки и пр. На нихъ собираются только старшіе родственники. Змо̀вины нѣсколько многолюднѣе запоинъ. На нихъ окончательно объявляются всѣ условія заключаемой сдѣлки между обѣими сторонами; измѣнять эти условія уже послѣ змовинъ не допускается. Главное условіе змовинъ—это присутствіе родственниковъ и сосѣдей, призванныхъ обѣими сторонами, какъ свидѣтелей сговора. Главная роль принадлежитъ крестнымъ отцамъ или родственникамъ, ихъ заступающимъ.

На змовинахъ же пишутъ „предбрачную" запись. Этотъ обычай до сихъ поръ очень рѣдокъ среди бѣлоруссовъ, такъ какъ довольствуются устнымъ условіемъ. Свѣдѣнія о предбрачной записи мы встрѣчаемъ у мѣщанъ Могилевской губ. [3]). Среди крестьянъ такія письменныя условія дѣлаются въ исключительныхъ случаяхъ, напр., когда отецъ дѣвушки принимаетъ къ себѣ въ домъ зятя-примака. Нѣсколько подобнаго рода условій мнѣ удалось извлечь изъ книгъ волостныхъ правленіи Бобруйскаго уѣзда.

Сговоръ предшествуетъ заключенію брака у различныхъ народовъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, и потому долженъ быть

[1]) Болѣе подробно о мотивахъ свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ въ отдѣльной статьѣ „Мотивы свадебн. пѣсенъ пинчуковъ", Гродна, 1893.

[2]) Аналогичное раздѣленіе запоинъ на большое и малое пиво см. у латышей. *Вольтеръ*, Мат. для этн. Лат. плем., стр. 169.

[3]) *Дембовецкій*, Опытъ описанія Могилевской губ., I, 641.

признанъ явленіемъ общераспространеннымъ [1]). Онъ имѣетъ чисто юридическое значеніе контракта, заключаемаго обѣими сторонами. Главное условіе его—обязательное присутствіе извѣстнаго числа лицъ изъ родственниковъ, являющихся свидѣтелями сговора.

Участіе свидѣтелей сговора мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ чешской свадьбѣ [2]), у тирольскихъ нѣмцевъ [3]). Присутствіе родственниковъ требовалось средневѣковымъ французскимъ правомъ [4]). Сговоръ въ сѣверо-германскомъ средневѣковомъ правѣ — одно изъ непремѣнныхъ условій брачной сдѣлки. Тотъ только считался законнорожденнымъ, чья мать была сговорена: безъ сговора не могло быть правильно заключеннаго брака [5]). Сговоръ освящался присутствіемъ свидѣтелей, какъ и покупка всякой другой вещи, земли и пр. [6]). Kohler считаетъ сговоръ самымъ важнымъ и непремѣннымъ условіемъ брачной сдѣлки въ древне-индусскомъ правѣ; остальная часть брака имѣетъ лишь религіозное значеніе [7]). Такое же значеніе сговора выступаетъ и среди народовъ финскаго племени. У лопарей, напр., сговоръ обязателенъ; на немъ даютъ свое согласіе на бракъ всѣ родичи [8]).

Участіе родственниковъ при сговорѣ и вообще во всей свадебной церемоніи мы наблюдаемъ и въ обычаяхъ французскихъ [9]) и итальянскихъ племенъ [10]).

Собственно женихъ и невѣста не играютъ никакой роли на сговорѣ. Въ Игуменскомъ у. женихъ вовсе не ѣздитъ на змовины; невѣста обычно удаляется на все это время въ домъ кого-либо изъ родственниковъ. Сговоръ, слѣдовательно, контрактъ, заключенный не между брачущимися, но между ихъ семьями. Это вполнѣ естественно, потому что при родовой организаціи, къ которой относится большая часть свадебнаго ритуала, сами женихъ и невѣста не были правоспособны вступать въ какія бы то ни было обязательства.

Запоины и змовины происходятъ безъ особенныхъ обрядовъ. Слѣдуетъ однако остановиться на двухъ особенностяхъ этихъ частей ритуала: на предбрачномъ дареніи женихомъ невѣсты и на обрядовомъ танцѣ по-

---

1) *Post*, Studien zur Entwicklugsgeschichte d. Familienrechts, p. 157, и сл.

2) *Bartos*, Lid a narod, Praha, 1892, p. 78—79.

3) *Zingerle*, Sagen, Marchen und Gebrauche aus Tirol, p. 456.

4) *Koenigsvarter*, Histoire de l'organisation de la famille en France depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris, 1851, p. 122—123.

5) *K. Lehmann*, Verlobung und Hochzeit, p. 98.

6) Ibidem, p. 76.

7) Indische Ehe und Familienrecht, „Zeitschrift für Vergleichende Rechthswissenschaft", B. III, p. 305.

8) *Харузинъ*, Русскіе Лопари, стр. 270, 274.

9) *Carrence*, Le mariage chez nos peres, p. 102. 103 и др.

10) *Pitrè*, Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliani, XV. Usi e costumi, II, p. 62.

слѣдней. Это бываетъ либо на запоинахъ, либо на змовинахъ, когда, по окончаніи всѣхъ формальныхъ переговоровъ, призываютъ молодежь, находящуюся гдѣ-нибудь по сосѣдству. Оба обряда неустойчивы въ бѣлорусской свадьбѣ: въ иныхъ мѣстахъ исполняются, въ другихъ нѣтъ; въ иныхъ исполняются уже послѣ вѣнчанія, на брачномъ пирѣ, въ другихъ до него; оба между собою обрядовой связи не имѣютъ.

Передача предбрачнаго дара невѣстѣ женихомъ совершается такъ. Онъ пьетъ къ невѣстѣ, наливаетъ рюмку, бросаетъ туда нѣсколько серебряныхъ монетъ и передаетъ невѣстѣ. Послѣдняя или выпиваетъ водку, или выливаетъ ее въ платокъ, смотря по обычаю, а деньги забираетъ себѣ. Онѣ составляютъ ея личную собственность [1]). Это общій видъ обряда. У пинчуковъ сватъ передаетъ такимъ же образомъ невѣстѣ монету еще на первыхъ запоинахъ [2]), то-же бываетъ и въ Витебской губ. [3]). Иногда мать принимаетъ монету и передаетъ дочери [4]). Въ Виленской губ., какъ только родители невѣсты дадутъ свое согласіе на бракъ, то сватъ пожимаетъ правую руку невѣсты, кладетъ передъ нею пирогъ, сыръ и бросаетъ нѣсколько монетъ въ чашу, которую и наливаетъ виномъ [5]).

Это дареніе невѣстѣ монеты имѣетъ чисто обрядовое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ очень убѣдительныхъ аналогій къ этому, повидимому, незначительному обряду.

У великоруссовъ, на заручинахъ, женихъ и невѣста опоражниваютъ вмѣстѣ по глоткамъ стаканъ меду, и въ этотъ стаканъ женихъ бросаетъ монету, которую невѣста и беретъ себѣ [6]).

Весьма интересны, по своимъ указаніямъ на первоисточникъ этого даренія, сродные обычаи у краинцевъ, чеховъ и поляковъ. У первыхъ, во время сговора, женихъ и невѣста сидятъ нѣкоторое время вмѣстѣ. Потомъ женихъ встаетъ, беретъ невѣсту за правую руку, обводитъ трижды вокругъ себя, а гости въ это время льютъ имъ на руки вино. Затѣмъ женихъ бросаетъ нѣсколько монетъ на колѣни невѣстѣ [7]). Мы увидимъ впослѣдствіи, что хватаніе невѣсты за руку означаетъ символическій захватъ ея. У кроатовъ, какъ и у великоруссовъ, женихъ и невѣста вмѣстѣ опоражниваютъ бокалъ вина, и въ него сваты бросаютъ золотыя вещи, а женихъ деньги, что и достается невѣстѣ [8]).

---

1) *Шейнъ,* Мат., 2 ч., стр. 189 и др.
2) *Kolberg*, въ „Zbiórѣ Wiadomosci do Antropologii Kr.", t. XIII, p. 209.
3) *Шейнъ,* 14.
4) *Носовичъ*, Зап. И. Р. Г. Общ., V, 145.
5) *Киркоръ*—въ Вѣстн. И. Р. Г. Общ., 1857, кн. IV, стр. 259.
6) Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этн., т. II, стр. 63.
7) *Krauss*, Sitte und Brauch der Südslaven, Wien, 1885, p. 356.
8) Ibidem, p. 386.

У поляковъ дружко сейчасъ послѣ заручинъ отдаетъ жениху вѣнокъ и платокъ невѣсты со словами: „Отдаю тебѣ, пане молодой, вѣнецъ и прошу червонецъ". Женихъ даетъ два или болѣе талера. Дружко бросаетъ эти деньги въ подставленный фартукъ невѣсты со словами: „Daję-ć ten czerwoniec w fartuszek, ażeby ci też urósł brzuszek" [1]). У чеховъ также существуетъ сродный обычай. По окончанiи змовинъ, невѣста подноситъ жениху на тарелкѣ розмаринъ и платокъ, а женихъ даетъ невѣстѣ серебряную монету [2]). По окончанiи свадебнаго пира собираютъ деньги для невѣсты „na kolébku". Собравъ ихъ, дружка бросаетъ на колѣни невѣстѣ со словами: „Nevěsta, drž klín, aby byla do roka dcera nebo syn" [3]).

Частности описанныхъ обычаевъ даютъ право прiйти къ заключенiю, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ платою за цѣломудрiе невѣсты. Въ обычаѣ поляковъ мы видимъ, что женихъ получаетъ платокъ и вѣнокъ невѣсты— символы ея дѣвичьей невинности; отдать вѣнокъ—для дѣвицы все равно, что потерять невинность. Мы увидимъ впослѣдствiи, какъ широко распространено послѣднее воззрѣнiе. Такъ и здѣсь, невѣста символически отдается жениху, за что и получаетъ отъ него плату. Пожеланiе дружки, „ażeby urósł brzuszek", указываетъ, что невѣста какъ бы уже потеряла свою невинность.

Рядъ аналогiй убѣдительно свидѣтельствуетъ въ пользу высказаннаго предположенiя. Сродный обычай мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ Францiи. Женихъ вскорѣ послѣ сватовства долженъ уплатить извѣстную сумму, обычно три золотыя монеты, которая переходитъ въ полную собственность невѣсты. Если запрашиваютъ больше и женихъ не даетъ, то это и служитъ самымъ чувствительнымъ для нея оскорбленiемъ [4]). Почти повсемѣстно въ Сицилiи, а также и во другихъ мѣстахъ Италiи, когда невѣстѣ преподносятъ подарки, отецъ жениха даетъ ей также и монету [5]). Обычаи эстовъ даютъ также интересную аналогiю. Здѣсь молодой на утро послѣ брачной ночи навѣшиваетъ на шею молодой ленту, на которой виситъ нѣсколько монетъ; эту ленту молодая женщина носитъ годъ или до первой беременности [6]). Совершенно сродный обычай мы встрѣчаемъ у наировъ на Малабарскомъ берегу Индостана: женихъ вѣшаетъ на шею невѣстѣ тесемку съ золотою монетою, которую она потомъ носитъ всю жизнь, какъ признакъ замужней женщины [7]).

---

1) *Kolberg*, Lud, Serya II, t. III, p. 168—169, cp. p. 387.

2) *Bartoš*, Moravská svatba, Praha, 1892, p. 13.

3) Ibidem, p. 54.

4) *Alb. Meyrac*, въ Revue des traditons populaires. vol. III, p. 111.

5) *Salomono Marino*, Etenia nuptialia, въ Archivio per lo studio delle tradizion popolari, подъ ред. G. Pitrè и Sal. Marino, Palermo, 1890, fasc. I, p. 95.

6) *Schröder* Die Hochzeistbrüache der Esten, p. 147.

7) *Giraud Telon*, Les origines du mariage et de la famille, Paris, 1884, p. 157.

Для полноты отмѣтимъ, что подобное же дареніе монеты женихомъ или его отцомъ невѣстѣ, какъ предбрачный даръ, встрѣчается въ обычаяхъ вотяковъ [1]), у мордвы [2]); у чувашей дарятъ монетой всѣ родственники жениха [3]). У лопарей встрѣчаются также слѣды предбрачнаго дара [4]). У якутовъ женихъ имѣетъ право забрать въ свою юрту невѣсту, только привезши ей подарокъ; пока не дастъ предбрачнаго дара, невѣста не выдается, хотя бы калымъ былъ уплаченъ [5]).

Средніе вѣка хорошо различали плату за дѣвственность невѣсты отъ другихъ брачныхъ платежей. У Франковъ въ VI в. существовалъ обычай, чтобы супругъ давалъ невѣстѣ монету во время церковнаго вѣнчанія [6]). Обычаи галловъ знали двоякую плату за невѣсту: amobyr—плата родителямъ дѣвушки, и cowyll—утренній, послѣ брачной ночи, даръ невѣстѣ, собственно плата за ея невинность; наконецъ, третій еще даръ—egweddi, вдовья часть [7]). Собственно утренній и вдовій даръ—одно и то-же, имѣютъ одно и то-же происхожденіе, какъ плата за невинность. Напротивъ, плата родителямъ невѣсты, какъ плата, выкупъ за нее всегда представлялъ особое явленіе. Въ средне-вѣковыхъ правдахъ это выражалось въ формулѣ брачнаго союза—per solidum et denarium. Koenigsvarter невѣрно думалъ, что плата per solidum et denarium перешла отъ платы родителямъ невѣсты въ утренній даръ ей [8]). Обѣ платы ничего общаго не имѣютъ. Женихъ покупалъ у родителей невѣсту и такой бракъ назывался per solidum et denarium (едва ли не съ V в. продажа была уже фиктивная); деньги поступали родителямъ дѣвушки, и за это они передавали свою власть, свое mundium надъ дочерью жениху. Такъ Клодвигъ пріобрѣлъ mundium надъ Клотильдой, заплативъ одинъ солидъ и одинъ динарій [9]).

Изслѣдователи средне-вѣковаго сѣверо-германскаго права послѣ сговора различаютъ три акта брачной сдѣлки: брачный даръ, торжественное уведеніе невѣсты къ жениху и восхожденіе на брачное ложе [10]). Послѣ брачнаго дара женихъ не имѣлъ еще mundium надъ невѣстой, пока не довелъ ее до своего дома. Но въ имущественномъ отношеніи, по остготскому

---

[1]) *Верещагинъ*, Вотяки Сарапульскаго у. СПБ., 1889, стр. 132.

[2]) *Майновъ*, Оч. юрид. быта мордвы, 87.

[3]) *Сбоевъ*, Чуваши, стр. 38.

[4]) *Харузинъ*, Русскіе Лопари, 269.

[5]) См. *Приклонскаго*, Живая Старина. 1891, III, стр. 55.

[6]) *Beaume*, Introduction à l'étude historique du droit coutumier francais. Paris, 1888, p. 94—95.

[7]) *Koenigsvarter*, Histoire de l'organisation de la famille en France, p. 42.

[8]) Ibidem, 123.

[9]) *Beaume*, Introduction, p. 177. *Kulischer* въ „Zeitschrift für Ethnologie", 1878, III, 224.

[10]) *K. Lehmann*, Verlobung und Hochzeit, p. 83.

праву, всякое имущество, пріобрѣтенное послѣ брачнаго дара, считалось общимъ [1]). Брачный даръ невѣстѣ состоялъ обычно въ правѣ ея на третью часть имущества [2]). Очень ощутительные слѣды donatio propter nuptias находятъ изслѣдователи и въ правѣ балтійскихъ славянъ [3]). Мы подходимъ къ извѣстному римскому институту donum ante или propter nuptias, который также давался до брака [4]). Къ разряду этихъ дареній, очевидно, принадлежатъ всѣ новыя записи Литовскаго Статута.

Въ средне-вѣковомъ нѣмецкомъ правѣ плата за невинность невѣсты извѣстна подъ названіемъ утренняго дара, Morgengabe [5]). Этотъ даръ имѣетъ очень широкое распространеніе [6]) и сроденъ вообще подаркамъ отъ жениха невѣстѣ, независимо отъ времени, когда они даются. Древній нормандскій обычай говоритъ, что au coucher gagne la femme son donaire. Слѣды фактической платы за дѣвственность невѣсты находятъ почти у всѣхъ франкскихъ племенъ [7]). Въ дополненіе къ предыдущему, я укажу еще на средне-вѣковую ирландскую легенду о бракѣ Etain, прекраснѣйшей женщины Ирландіи, съ королемъ Eochoaaid Airem, причемъ послѣдній далъ своей невѣстѣ donaire изъ семи cumal, т.-е. изъ семи рабынь, и тогда Etain сдѣлалась его женою [8]).

Все это даетъ намъ возможность соглашаться съ мнѣніемъ г. Salomono Marino, который сравниваетъ дары отъ жениха невѣстѣ, независимо отъ времени даренія, съ институтомъ Morgengabe [9]), т.-е. платою за ея дѣвственность. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно придавать рѣшающее значеніе времени, въ которое дается брачный даръ. У мордвы, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, брачный даръ, питнэ, дается мужемъ женѣ на утро послѣ брачной ночи; а у мокши это самое питнэ дается до брака, и на него невѣста дѣлаетъ себѣ шубу, постель [10]). Аналогичный обычай, хотя менѣе осязательный по темнотѣ текстовъ, мы имѣемъ у древнихъ индусовъ. Одно мѣсто Каушики, къ сожалѣнію, темное по испорченности текста, даетъ воз-

---

[1]) Ibidem, 86.

[2]) Ibidem, 84.

[3]) *Котляревскій*, Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ, Прага, 1874, стр. 95.

[4]) См. Изслѣдованіе *Гуляева*, Предбрачный даръ въ римскомъ правѣ, Дерптъ, 1891.

[5]) *Schröder* Richard, Das eheiliche Güterrecht Norddeutschlands und Niderlande im Mittelalter, 1874, p. 349 и сл. Его-же—Geschichte des ehelichen Güterrechts in Deutschland, т. II, ч. 1, p. 24 и сл., и ч. II, p. 242 и сл.

[6]) *Ковалевскій*, Первобытное право, II, стр. 150.

[7]) *Beaume*, Introduktion, p. 178.

[8]) *D'Arbois de Jubainville*, Le cycle mythologique Irlandais, p. 314.

[9]) Etenia nuptialia, Archivio per lo studio delle tradiz. popol. 1890 г., p. 94.

[10]) *Майновъ*, Очерки юридическаго быта мордвы, стр. 37.

можность заключить, что молодой на утро послѣ брачной ночи дѣлаетъ подарокъ женѣ своей, состоявшій изъ коровъ [1]). Но изъ другихъ источниковъ (напр. Apastamba) мы знаемъ, что еще въ началѣ брачной церемоніи невѣстѣ клалось на голову золото [2]); это золото, какъ ни темны источники, мы по всей видимости можемъ сопоставить съ обрядовымъ дареніемъ невѣстѣ монетъ.

Обращаясь къ вопросу о происхожденіи платы за дѣвственность невѣсты, получаемой ею самою, мы прежде всего должны замѣтить, что это дареніе не соотвѣтствуетъ общему отношенію свадебнаго обряда къ невѣстѣ. Дѣло въ томъ, что наши свадебные обряды и пѣсни ставятъ невѣсту въ столь зависимое отъ всего рода, общины положеніе, что едва ли можемъ предполагать за невѣстой такую самостоятельностъ. Если она сама продаетъ свою дѣвственность жениху, то она можетъ сдѣлать и свободный выборъ мужа. Между тѣмъ формы ритуала въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, сложились именно въ такую эпоху, когда дѣвушка была наименѣе самостоятельна. Она цѣликомъ зависитъ отъ рода, и въ религіозномъ отношеніи мы въ свадебномъ обрядѣ наблюдаемъ именно остатки родовой религіи. Весь свадебный обрядъ сохранилъ болѣе всего чертъ родовой организаціи. А эта послѣдняя менѣе всего способна дать самостоятельность какому-нибудь изъ своихъ членовъ.

Поэтому, мы должны искать источниковъ donatio propter nuptias въ такой организаціи брачныхъ отношеній, которая представляла женщинѣ полный просторъ въ распоряженіи собою. Намъ кажется, что здѣсь мы имѣемъ пережитокъ эпохи гетеризма.

Въ этнологической наукѣ признается несомнѣннымъ такой моментъ въ историко-культурномъ развитіи всѣхъ народовъ, когда допускалось безпорядочное половое сожительство. Женщина не была стѣснена узами брака, требовавшими вѣрности мужу, но свободно отдавалась любому мужчинѣ. Леббокъ [3]), первый изъ ученыхъ, сдѣлалъ весьма удачную попытку подвести относящіеся сюда факты подъ одно общее явленіе; онъ называетъ это состояніе смѣшанными безразличными состояніями половъ. Женщина принадлежала всей общинѣ, всему племени. Но съ теченіемъ времени общинныя права на женщину получали все большія и большія ограниченія. Женщина начинаетъ принадлежать одному мужчинѣ. Но ей до брака разрѣшается полная половая свобода, она можетъ принадлежать всякому муж-

---

[1]) Мѣсто у *Weber'a* Indische Studien, V, p. 402.

[2]) *Winternitz*, Das altindische Hochzeitsrituell, Wien, 1893, p. 46; ср. *Weber*, Indische Studien, V, p. 192.

[3]) Начала цивилизаціи.

чинѣ и, только ставши женой одного, обязана хранить супружескую вѣрность. Факты подобнаго рода отношеній, какъ у древнихъ, такъ и у современныхъ мало развитыхъ народовъ, ученые находятъ въ большемъ количествѣ. Дѣвушка дѣлается доходной статьей для родителей, доставляя имъ доходъ проституціею, а сдѣлавшись женою, она приноситъ мужу приданое, собранное тѣмъ-же путемъ. Есть много народовъ, которыхъ дѣвушки собираютъ себѣ приданное проституціею, и это не только не считается позорнымъ, но даже очень приличнымъ. Чѣмъ больше дѣвушка имѣла любовныхъ приключеній до брака, тѣмъ болѣе лакомый кусочекъ представляетъ она для мужчины, желающаго сдѣлаться ея единственнымъ обладателемъ. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого реальнаго гетеризма было то, что женщина, какъ принадлежащая всей общинѣ, переходя въ обладаніе одного изъ ея членовъ, должна была получить *искупленіе*, по выраженію Леббока, за то, что община передаетъ ее во власть одного человѣка. Это искупленіе состояло въ томъ, что дѣвушка могла принадлежать или всѣмъ членамъ общины нѣкоторое время до брака, или только одну ночь за извѣстную плату, или же приглашался одинъ кто-нибудь, который лишалъ дѣвушку невинности. Плата составляла ея приданое. Эти обычаи развили религіозный гетеризмъ, какъ онъ извѣстенъ въ древнемъ востокѣ и современной Индіи; дѣвушка должна получить искупленіе отъ самого бога—оплодотворителя. Онъ долженъ нарушить ея дѣвственность и положить первыя сѣмена плодородія. Дѣвушка является, передъ самымъ вступленіемъ въ бракъ, въ храмъ, и здѣсь замѣстителемъ бога, лишающимъ ея невинности, являются или жрецъ, или кто нибудь другой, который долженъ дать ей извѣстную плату [1]).

Я напомню изъ области массы сюда относящихся фактовъ, разсказъ Геродота о религіозной проституціи у храма Милитты въ Вавилонѣ. Всѣ вавилонянки должны были проституироваться у храма Милитты. Они получали отъ сходившихся съ ними мужчинъ монету, которая служила имъ какъ бы приданымъ, посланнымъ самою богинею, и носилась всю жизнь, какъ талисманъ; только получивъ эту монету, дѣвушка могла выйти замужъ. Религіозная цѣль проституціи сводилась къ тому, что дѣвушка, оплодотворен-

---

[1]) Литература по этому вопросу общеизвѣстна; напомню соч. *Леббока*, *Поста*, *Жиро-Теллона*, на которыя я не разъ ссылался, *Ковалевскаго*—Первобытное право, *Зибера*—Очерки первобытной экономической культуры, *Letourneau*—l Evolution du mariage et de la famille, *Спенсера*—Основ. социологіи, также *Oliwera Martins*—Quadro das instituiçâes primitivas, Lisboa 1883, въ которомъ въ достаточной полнотѣ выражено современное ученіе соціологовъ, *Кулишеръ* въ Zeitschr. f. Ethn., 1876, № 2. Въ русской литературѣ краткій обзоръ мнѣній и литературы можно найти въ книгахъ *Ефимова*—„Очерки по ист. древне-римскаго родства и наслѣдованія", Спб. 1885, и у *Казанцева*—„О разводѣ по римскому праву", Кіевъ, 1892, 43. Новѣйшее изслѣдованіе въ этой области, съ критикой вопроса,—Westerwarck—The history of human mariage, Lond., 1891, p. 51—134.

ная самою богинею, должна сдѣлаться плодородной матерью и принести мужу многихъ дѣтей.

Въ родствѣ съ этими фактами гетеризма намъ представляется и происхожденіе платы за дѣвственность невѣсты; женихъ постепенно, съ развитіемъ общественной нравственности, явился самъ замѣстителемъ бога и искупителемъ отъ общины, но за это онъ долженъ уплатить за цѣломудріе невѣсты. Онъ платитъ именно до брака, такъ какъ только искупленная дѣвушка можетъ отдаться одному мужчинѣ. Съ этимъ не трудно видѣть связь обычая, по которому разрѣшается жениху до свадьбы спать вмѣстѣ съ невѣстой (но безъ сожительства), каковъ, напр., извѣстный на Дону, при сговорѣ, обычай празднованія „подушечки". Вотъ какъ описывается этотъ обычай. Сговоръ бываетъ въ домѣ родителей невѣсты. Пожилые люди уходятъ на ужинъ къ родителямъ жениха. Тогда одна изъ подушечницъ беретъ съ постели двѣ подушки, кладетъ ихъ рядомъ на скамью или на диванъ и приглашаетъ желающихъ садиться. Первыми садятся женихъ и невѣста и, принявши изъ рукъ подушечницы вино, въ перемежку съ поцѣлуями выпиваютъ его при пѣніи подушечницъ: „у насъ нонѣ незнакомый побывалъ, у столика три ножечки поломалъ, у N. пуховыя подушечки помялъ, а N. цѣловалъ, миловалъ". Послѣ этого то-же самое продѣлываютъ и остальные бояре съ избранными ими дѣвушками, пока всѣ не перебываютъ па падушкѣ. Почти всѣ бояре расходятся по домамъ; остаются двѣ-три пары. Оставшіеся ужинаютъ и вмѣстѣ ложатся спать въ домѣ невѣсты [1]). Большое сродство съ изложенною игрой имѣетъ игра „подушечка" у бѣлоруссовъ, хотя и не приуроченная къ свадьбѣ, а также „женитьба Церешки" [2]).

Въ описаніи игры не трудно узнать символическое лишеніе дѣвственности невѣсты. Искупителемъ ея является самъ женихъ. Подушка замѣняетъ постель. Поцѣлуи, какъ увидимъ, означаютъ также завладѣніе невѣстой. Пѣсня, которую поютъ подушечницы, не оставляетъ сомнѣнія въ общемъ значеніи этого обряда. Далѣе, какъ женихъ, такъ и другія пары расплачиваются за вино; эта плата—остатокъ выкупа, который давалъ лишающій дѣвушку цѣломудрія въ пользу храма или въ пользу общины, дозволявшей дѣвушкѣ вступить въ индивидуальный бракъ. Одна изъ подушечницъ, распоряжающаяся обрядомъ,—представительница общины, или жрица богини. Переживанія гетеризма выразились еще въ иной формѣ. Тамъ, гдѣ лишеніе дѣвушки невинности не приняло сильной религіозной окраски, искупителемъ ея передъ общиною является не религіозный глава послѣд-

---

[1]) *Смирновъ,* Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа. Юридич. Вѣстн. 1877, ч. I, р. 62—63.

[2]) *Шейнъ*, Мат., I, 101, 546.—*Киркоръ*. Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1857, ч. IV, р. 284—287, и въ моихъ матерьялахъ.

ней, жрецъ, какъ на востокѣ, а представитель свѣтской власти. Такимъ образомъ произошло очень хорошо извѣстное въ средніе вѣка jus primae noctis. Искупителемъ, первымъ обладателемъ дѣвушки, являлся представитель общины, помѣщикъ. Мы имѣемъ очень ощутительные слѣды этого jus primae noctis и среди бѣлоруссовъ. Они заключаются прежде всего въ томъ, что молодые ходили на поклонъ съ подарками къ помѣщику. Подарокъ является какъ бы выкупомъ права помѣщика на первую ночь,—явленіе, очень хорошо извѣстное въ обычаяхъ западной Европы въ средніе вѣка. Но далѣе мы встрѣчаемъ и очень вѣское свидѣтельство о томъ, что помѣщики иногда фактически считали себя въ правѣ воспользоваться своимъ правомъ. Я приведу слова наблюдателя, сообщившаго свои свѣдѣнія въ сборникъ г. Шейна: „Иногда помѣщикъ и его управляющій пользовались и правомъ первой ночи, избѣгнуть котораго можно было только посредствомъ выкупа“ [1]). Факты подобнаго рода извѣстны мнѣ, по разсказамъ старожиловъ, изъ Рѣчицкаго у. Мин. г. Ходить же съ подаркомъ къ помѣщику передъ или послѣ вѣнчанія—было принято во всей Бѣлоруссіи.

Ближайшее сродство съ только что указанными переживаніями первобытнаго гетеризма имѣетъ обрядовый танецъ невѣсты. Нужно замѣтить, что этотъ обрядъ мало устойчивъ въ нашей свадьбѣ. Трудно указать съ опредѣленностью время, въ которое онъ исполняется. Во всякомъ случаѣ онъ отличается по характеру своему отъ другихъ танцевъ на свадьбѣ. Всякій парень можетъ танцовать съ невѣстой, пока она не сдѣлается женою. Это бываетъ чаще всего послѣ сговора, когда приглашаютъ на пиръ и танцы молодежь, или же переносится на дѣвичникъ, если послѣдній справляется съ танцами. Иногда женихъ открываетъ танцы съ невѣстой, за нимъ танцуетъ съ нею старшій дружко и остальные парни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ слѣдующій любопытный варьянтъ. Послѣ мѣны кольцами (что, какъ мы увидимъ, представляетъ одно изъ переживаній захвата), женихъ посылаетъ невѣстѣ подарокъ. Она его не беретъ, отбрасываетъ и принимаетъ только за третьимъ разомъ. „Это обстоятельство какъ бы приводитъ ее въ стыдъ и смущеніе, и она потупляетъ глаза и отворачивается въ сторону“,—пишетъ наблюдатель. Всѣ встаютъ изъ-за стола; женихъ беретъ за руку невѣсту, выводитъ на средину избы и начинаетъ танцовать [2]). Стыдъ невѣсты, конечно, обрядовый: она принимаетъ отъ жениха подарокъ, который здѣсь, повидимому, играетъ роль предбрачнаго дара вообще; она смущается отъ сознанія потери невинности, и наконецъ женихъ завладѣваетъ ею, что выражается символически въ танцѣ. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, судя по аналогичнымъ обрядамъ, что вслѣдъ за же-

---

1) *Шейнъ*, Мат., II, 153.

2) *Носовичъ*, Зап. И. Р. Геогр. Общ., V, стр. 140.

нихомъ танцуетъ съ невѣстою старшій дружко и т. д., невѣста переходитъ изъ рукъ въ руки.

Въ Виленской губ. танецъ переносится на утро послѣ брачной ночи. Когда разопьютъ „сладкіе рожки", дружко пляшетъ съ молодою и получаетъ за это въ подарокъ поясъ. Затѣмъ свекровь проситъ остальныхъ присутствующихъ протанцовать съ невѣстой, и каждый по окончаніи танца получаетъ въ подарокъ кусокъ полотна. Когда всѣ перетанцуютъ съ невѣстой, начинается общая пляска [1]).

Интересъ этого обрядоваго танца заключается въ томъ, что невѣста обязана со всякимъ танцовать. До выхода замужъ невѣста принадлежитъ всѣмъ мужчинамъ своей общины. Я указывалъ на обычаи, передавшіе искупленіе дѣвушки одному лицу. Но мы встрѣчаемъ также и такіе обычаи, когда невѣста, въ видѣ искупленія, можетъ принадлежать въ первую ночь всякому члену общины. Такой, напримѣръ, обычай мы встрѣчаемъ у ливонцевъ у которыхъ каждый долженъ также дать невѣстѣ какой-нибудь подарокъ [2]). Подарки эти составляютъ приданое невѣсты. Въ обрядовомъ танцѣ невѣсты мы въ правѣ видѣть переживаніе гетеризма. Танецъ — символическій, актъ временнаго владѣнія невѣстою. Народные танцы представляютъ вообще не мало примѣровъ переживаній первобытнаго гетеризма [3]), и потому въ подобномъ же значеніи настоящаго танца нѣтъ ничего удивительнаго. Указанія на плату невѣстѣ всякимъ, кто съ нею хочетъ танцовать, я встрѣтилъ въ Игуменскомъ уѣздѣ Мин. г., гдѣ, по словамъ разсказчицы, парень долженъ бросить нѣсколько монетъ въ тарелку, которую держитъ дружко; деньги передаются потомъ невѣстѣ. Въ Рѣчицкомъ и Мозырскомъ уѣздахъ парни платятъ за танецъ съ невѣстой не ей, а „музыкѣ", музыканту, и такимъ образомъ, обычно, оплачивается свадебная музыка.

Обращаясь къ сферѣ переживаній разсмотрѣннаго обычая, мы видимъ, что онъ далеко не одиноко стоитъ въ нашей свадьбѣ. У угро-руссовъ невѣста обязана со всѣми протанцовать; это бываетъ послѣ брачной ночи [4]). У чеховъ мы встрѣчаемъ слѣдующій обрядъ. Когда на молодую надѣнутъ женскій головной уборъ, одна изъ женщинъ, kupcova, назначаетъ цѣну за невѣсту; она выхваляетъ всѣ достоинства молодой: красоту, бѣлые зубы, трудолюбіе и проч.; другія женщины ищутъ купцовъ. Кто покупаетъ, тотъ бросаетъ деньги на колѣни продавщицѣ, которая потомъ передаетъ ихъ не-

---

[1]) Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., 1857 г., ч. IX, р. 60.

[2]) *Giraud Telon*, Les origines du mariage et de la famille, p. 31.

[3]) Нѣкоторыя общія указанія на этотъ счетъ см. въ статьѣ г. *Кулищера* „Die geschlechtliche Zuchtwal bei den Menschen in der Urzeit", въ Zeitschrift für Ethnologie, 1876, № 2, стр. 148; см. интересный танецъ „подушечки" (Kissentanz) въ средневѣковой Англіи, аналогичный нашему.

[4]) Живаая Старина, 1891, III, 134.

вѣстѣ. Наконецъ подходитъ женихъ, даетъ больше другихъ, выводитъ невѣсту и танцуетъ съ нею кругомъ. Послѣ жениха танцуетъ съ невѣстой старшій дружко, потомъ старшій „младенецъ", наконецъ всѣ гости [1]). У мазуровъ невѣста проситъ всѣхъ протанцовать съ нею; послѣ танца дружко съ тарелкой собираетъ со всѣхъ подарки [2]).

Аналогичные обычаи мы встрѣчаемъ и въ средѣ народовъ романогерманскихъ.

Почти повсемѣстно въ Сициліи и Италіи всякій изъ гостей можетъ танцовать съ невѣстой, если дастъ ей какой-нибудь подарокъ [3]); въ Сициліи обычно даютъ серебряную или золотую монету или украшеніе [4]). Въ департаментѣ Lorraine, во Франціи, невѣста танцуетъ со всѣми мужчинами, а женихъ со всѣми женщинами [5]). Обычаи другихъ мѣстъ еще интереснѣе: невѣста должна протанцовать со всѣми, и ее всѣ должны обнять [6]). Мы увидимъ впослѣдствіи, что обниманіе, поцѣлуи представляютъ также символы завладѣнія. У нѣмцевъ мы встрѣчаемъ также слѣды этого обычая. Танцы обычно начинаются танцемъ жениха и невѣсты; [7]). Въ Тиролѣ невѣста обязана протанцовать со всѣми парнями; этотъ танецъ бываетъ сейчасъ послѣ брачнаго пира [8]). Отмѣтимъ еще такой же обычай у латышей. Во время свадебнаго пира танцы начинаются танцемъ жениха и невѣсты [9]). Во время одариваній невѣсты, всякій дарящій, положивъ свою лепту, выводитъ невѣсту изъ-за стола и танцуетъ съ нею вокругъ комнаты; это бываетъ до вѣнца [10]).

Приведенными примѣрами въ значительной мѣрѣ подтверждается высказанное выше мнѣніе о значеніи обрядоваго танца невѣсты.

Въ заключеніе настоящаго обзора предварительныхъ свадебныхъ обрядовъ, намъ нужно сказать нѣсколько словъ о выборѣ времени года и дней свадьбы. Указанія на этотъ счетъ дѣлались уже не разъ, и мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями. Самымъ обычнымъ временемъ для совершенія свадебъ считается весна и осень, причемъ осеннимъ свадьбамъ всегда отдается преимущество. Въ Рѣчицкомъ и Минскомъ уу. бываетъ не

---

1) *Bartoš*, Moravská Svatba, Praha, 1892, p. 60—61. Ср. *его же*, Lid a narod, Mezirici, 1892, p. 109.

2) *Kolberg*, Mazowsze, I., 262.

3) *Sal. Marino*, въ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, 1890, I, p 96.

4) *Pitrè*, Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliani. XV. Usi e costumi, II, p .85.

5) *Edélestand du Méril*, Des formes du mariage, p. 62, прим. 2.

6) *Carrence*, Le mariage chez nos pères, p. 71.

7) *Ad. Wuttke*, Der deutsche Aberglaube der Gegenwart, Berlin, 1869, p. 352.

8) *Zingerle*, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol. Insbruck. 1859, p. 457.

9) *Вольтеръ*, Матеріалы для этнографіи Латышскаго племени, стр. 167.

10) Ibidem, 208.

мало свадебъ также въ февралѣ, вообще въ мясоѣдъ передъ самой масляной. Въ Гомельскомъ у. свадьбы справляются на „Гряной недѣлѣ“, въ маѣ или передъ началомъ жатвы [1]). Въ Витебской губ. въ однихъ мѣстахъ обыкновенное время для свадебъ—октябрь и ноябрь [2]); въ другихъ мѣстахъ—бываютъ осенью и зимою: отъ Покрова до заговѣнья—*большая свадзебница*, и отъ Крещенья до Великаго поста—*малая свадзебница* [3]).

Наши свѣдѣнія о времени свадебъ не совсѣмъ полны. Но очевидно, что въ различныхъ мѣстностяхъ онѣ справляются въ различное время. Важно лишь то, что повсемѣстно признается какое либо время года особенно счастливымъ для брака. Въ настоящее время выборъ этого времени, сопровождаемый примѣтами, поддерживается и объясняется соображеніями экономическими. Осенью женятся потому, что собранный хлѣбъ, заработанныя на сторонѣ деньги даютъ возможность справить свадьбу. Но весеннія и зимнія свадьбы предпочитаются, потому что къ лѣту семья получаетъ рабочую силу, что для нея представляетъ большую выгоду. Взявъ молодуху осенью, ее нужно цѣлую зиму безплатно для семьи кормить. Оттого родители дѣвушки дорожатся ими весною и охотно отдаютъ осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. Если за дочерью даютъ приданое, то выдавая ее весною, родители ея вычтутъ изъ приданаго за лѣтнее рабочее время. Съ такимъ объясненіемъ мнѣ пришлось встрѣтиться въ Минскомъ, Рѣчицкомъ и Игуменскомъ уу.

Но едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что первоисточникъ выбора времени для свадебъ кроется въ болѣе отдаленномъ времени, въ чисто религіозныхъ воззрѣніяхъ. На связь религіозныхъ культовъ и особенно культа солнца съ выборомъ времени для брака было уже сдѣлано указаніе проф. Сумцовымъ [4]). Связь мѣсяца съ временемъ для брака у бѣлоруссовъ выражается тѣмъ, что сватать идутъ непремѣнно тогда, когда мѣсяцъ на ущербѣ [5]). О ближайшемъ вліяніи солнечнаго свѣтила на бракъ мы еще будемъ говорить.

У древнихъ индусовъ мы также видимъ, что выборъ времени для брака вполнѣ подчиняется религіознымъ воззрѣніямъ: бракъ запрещается съ половины января до половины марта, и съ половины іюня до половины іюля; время это связано было съ почитаніемъ солнца и мановъ [6])—божествъ, устроителей браковъ. Тѣ же религіозныя основанія мы встрѣчаемъ у

---

[1]) *Шейнъ*, Матеріалы II, стр. 334.

[2]) Вѣстникъ И. Р. Геогр. Общ., 1853, ч. 9, стр. 23.

[3]) *Шейнъ*, Мат., II, стр. 1.

[4]) О свад. обрядахъ, стр. 61 и сл.; здѣсь же сведены факты о выборѣ времени у русскихъ и славянъ; дополнимъ извѣстіемъ, что у чеховъ свадьбы обычно въ проводахъ, у словинцевъ—въ „nové vino“. *Bartoš*. Moravská Svatba, 14.

[5]) Новогрудскій у., *Шейнъ*, Мат., II, стр. 234.

[6]) *Winternitz*, Das Altindische Hochzeitsrituell, 27—28.

римлянъ и грековъ [1]). У мордвы охотнѣе всего женятся передъ масляной и послѣ радуницы, именно когда приходятся праздники богинѣ Ведьявѣ, богинѣ воды и брака [2]). У чувашей свадьбы бываютъ преимущественно весною и лѣтомъ [3]).

Очень часто первоисточникъ религіознаго воззрѣнія кроется въ области чисто бытовыхъ переживаній. Быть можетъ, здѣсь, мы встрѣчаемся съ подобнымъ же фактомъ. Мнѣ кажется, что попытка г. Кулишера доказать, что на наиболѣе примитивной ступени первобытнаго гетеризма половое сближеніе между мужчинами и женщинами происходило въ извѣстные періоды года, именно весною и во время жатвы [4]), имѣетъ за собою не мало основаній. Очень возможно, что въ теперешнемъ обычаѣ избирать то или иное время для брака кроется переживаніе гетеризма. Съ теченіемъ времени этотъ выборъ получилъ религіозное толкованіе и освященіе, какъ и вообще другія переживанія того же періода.

Относительно выбора дней для различныхъ частей брачнаго обряда мы знаемъ нѣсколько больше. Но за то объясненіе причины выбора того или другаго дня гораздо труднѣе: основное значеніе тутъ имѣютъ примѣты, а о примѣтахъ бѣлорусскихъ мы мало знаемъ. Въ Минскомъ у. удачными днями для сватовства считаются воскресенье, вторникъ и четвергъ. Въ Новогрудскомъ у.—въ субботу или воскресные малая горѣлка въ четвергъ—большая [5]); сватать ходятъ въ воскресенье, вторникъ, четвергъ, и субботу [6]). Въ Рогачевскомъ у. сватаютъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ [7]). Время для вѣнчанія избирается всегда въ воскресенье, рѣже въ какой либо большой праздникъ [8]). Четвергъ является особенно излюбленнымъ днемъ: въ этотъ день совершается по крайней мѣрѣ какой нибудь одинъ важнѣйшій актъ свадьбы [9]).

---

[1]) *Rossbach*, Untersuchungen über die Römische Ehe, Stuttgart, 1853, p. 264 и сл.; ср. *Edélestand du Méril*, Des formes du mariage et des usages populaires, въ собр. его статей: Etudes sur quelques points d'archéologie et d'histoire literaire, Paris, 1862, p. 74 и сл.

[2]) *Майновъ*, Очерки юрид. быта мордвы, стр. 39.

[3]) *Сбоевъ*, Чуваши, 23. *Ашмаринъ*—въ „Этн. Обозр." V, 158.

[4]) Die Geschlechtliche Zuchtwal, въ Zeitschrift f. Ethnologie, 1876, II, p. 156 и слѣд.; ср. *Edw. Westermarck*, The history of human marriage, London, 1891, p. 25 и слѣд., гдѣ приведенъ цѣлый рядъ фактовъ о времени брака у различныхъ первобытныхъ народовъ.

[5]) *Шейнъ*, Мат., II, 219, 221.

[6]) Ibid., 234.

[7]) Ibidem, 294.

[8]) Ibid., 15, 200, 221, 236, 257, 334, 376; Бѣлор. пѣсни, стр. 288, и др.

[9]) Указанія на выборъ дней у русскихъ и славянъ см. у *Сумцова*, О свад. обр., стр. 69; ср. *Янчука*, Малорусская свадьба въ Констант. у. Сѣдл. губ., стр. 72; у Чеховъ—*Bartos*, Morawska Swatba, 14; у Поляковъ—*Kolberg*, Lud, Ser. XI,

II.

Заручины.

Общій видъ обряда. — Выдача невѣсты.—Соединеніе рукъ жениха и невѣсты.— Мѣна кольцами.—Совмѣстная ѣда. — Обрядовый плачъ невѣсты.

Дальнѣйшимъ актомъ сведебной церемоніи являются заручины. Трудно указать опредѣленно время ихъ совершенія. Въ большихъ, парадныхъ свадьбахъ онѣ бываютъ въ четвергъ вечеромъ, дѣвичникъ или „вѣнокъ" въ субботу, вѣнчаніе въ воскресенье. Но иногда заручины стягиваются съ дѣвичникомъ на субботу, или же въ четвергъ плетутъ вѣнокъ, въ субботу заручаютъ. Въ моемъ описаніи свадьбы изъ Минскаго у. время заручинъ— утро передъ самымъ вѣнчаніемъ, послѣ посадовъ жениха и невѣсты. Въ иныхъ мѣстностяхъ заручины совершенно опускаются, или лучше сказать, сливаются съ замовинами, на которыхъ и бываетъ соединеніе рукъ бра-чущихся.

Я укажу ниже важнѣйшіе обряды заручинъ. Но прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что когда является женихъ съ дружкомъ, то обычно ихъ не прямо впускаютъ въ хату. Въ Игуменскомъ у. женихова дружина находитъ ворота дома невѣсты запертыми; начинаются долгіе переговоры: сваты выдаютъ себя за пріѣзжихъ купцовъ, сбившихся съ дороги, просятся на ночь. Наконецъ, дѣло выясняется, ихъ впускаютъ и требуютъ водки. Подобные обряды, съ большими или меньшими варіаціями, мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ Витебскомъ у. сваты прямо просятся переночевать, и ихъ впускаютъ [1]). Очень сходные съ только что разсказанными въ Игуменскомъ у. переговоры ведутъ сваты и въ нѣкоторыхъ частяхъ Борисовскаго у. [2]). Въ этомъ же уѣздѣ встрѣчается и другой варіантъ. Гости прямо входятъ въ избу, но ихъ встрѣчаютъ молчаніемъ. На шутки и заговариванія свата всѣ отвѣчаютъ молчаніемъ. Наконецъ, сватъ замѣчаетъ, что самого-то хозяина нѣтъ въ хатѣ, ищутъ послѣдняго и находятъ его въ сѣняхъ. Долго сваты упрашиваютъ хозяина войти, но онъ отнѣкивается: „може я тамъ не дуже потребенъ", и только усердные поклоны жениха заставляютъ его войти въ избу и занять свое мѣсто [3]).

ч. III, p. 53, Mazowsze, I, 24; у Нѣмцевъ—*Buchholz*, Deutscher Glaube und Brauch in Spiegel der heidnischen Vorzeit. II Bd., Berl. 1877, p. 17, 14, 31, 52; *Wuttke*, Der Deutsche Volksglaube, Berl., 1869, p. 346; cp. *Schröder*, Die Hochzeitbraüche der Esten, Berl., 1888, p. 51; у французовъ, Revue des traditions populaires, t. IV, p. 23; у литовцевъ, Матеріалы для Геогр. и Стат. Россіи, Ковенская губ., стр. 571 и мн. друг.

1) *Шейнъ,* Мат., II, 15.

2) Ididem, 155—156.

3) *Шейнъ,* ib., стр. 135—137; *Носовичъ,* Зап. Р. Геогр. Общ., V, 137—138.

Въ настоящее время всѣ эти обряды, сопровождаемые дружнымъ смѣхомъ присутствующихъ, не болѣе какъ свадебныя шутки. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай указать на сродные обычаи и у другихъ народовъ. Теперь же замѣтимъ, что эти наши обычаи представляютъ собою переживанія отчасти похищенія, отчасти купли-продажи невѣсты. Пріѣзжіе добиваются войти въ домъ невѣсты. что указываетъ на борьбу; они входятъ въ избу въ шапкахъ, дружки съ кнутомъ черезъ плечо, разгоняютъ невѣстиныхъ гостей и садятся сами; хозяинъ удаляется изъ дому, предоставивъ его побѣдителямъ. Это — переживаніе умычки. Съ другой стороны, сваты являются купцами, цѣль ихъ покупки—невѣста.

За пріѣздомъ сватовъ начинается выдача имъ невѣсты. Сваты передаютъ невѣстѣ и ея роднымъ подарки [1]). Часто на заручинахъ же бываетъ и обрядовое дареніе невѣстѣ монеты [2]), о которомъ мы уже говорили. Въ этихъ случаяхъ сваты продолжаютъ свою роль купцовъ. „Покажице-жъ намъ того, за кимъ мы страдаимъ", говоритъ въ Витебской губ. сватъ, и крестная мать невѣсты выводитъ ее къ сватамъ, чѣмъ, собственно, и выражается выдача [3]). Въ Бобруйскомъ у. сватъ спрашиваетъ: „За што я пиў гарѣлку? Покажь мнѣ дзѣўку". Братъ приводитъ сестру и, подводя къ жениху, передаетъ ему „сястру ни сляпую, ни крывую" [4]). Въ Борисовскомъ у. женихъ самъ разыскиваетъ среди дѣвушекъ невѣсту и выводитъ ее на средину комнаты, тогда отецъ невѣсты складываетъ ихъ руки, съ пожеланіемъ—„на вясёлое житця, на доброе здароўе, на доўгій вѣкъ, на дзяциное счасьця!" [5]).

Въ Минскомъ у. сватъ требуетъ выдачи невѣсты, ему приводятъ двухъ дѣвушекъ, спрашивая, которую онъ требуетъ. Сватъ угощаетъ дѣвицъ, говоритъ, что и эти хороши, но онъ желалъ бы лучшую. Ему приводятъ другую пару, и потомъ уже невѣсту, которую онъ угощаетъ и даетъ ей подарки. Это—веселая свадебная шутка. Она, повидимому, пародируетъ одну изъ сценъ купли. Сватъ явился въ родъ невѣсты, чтобы купить жену для жениха, члена своего рода. Ему приводятъ нѣсколькихъ дѣвицъ, среди которыхъ онъ и дѣлаетъ выборъ.

Очень замѣчательно, что эта, повидимому, незначительная свадебная игра получила очень широкое распространеніе въ свадебныхъ обрядахъ. Подобную мистификацію мы встрѣчаемъ еще у древнихъ индусовъ [6]). Въ настоящее время она господствуетъ на всемъ славянскомъ югѣ, гдѣ из-

---

[1]) Напр., *Шейнъ*, Мат., II, 16 (Витеб. у.).

[2]) Напр., *Шейнъ*, Бѣлорусс. пѣсни, стр. 314.

[3]) *Шейнъ*, Мат., II, 16.

[4]) Ibid., 253.

[5]) Ibibem, 157.

[6]) *Weber*, Indische Studien, V, 313.

вѣстна еще изъ средневѣковыхъ источниковъ [1]), на славянскомъ западѣ, среди малороссовъ и великороссовъ, во многихъ мѣстахъ Германіи, въ Богеміи, Швеціи, во Франціи, Румыніи, среди эстовъ и др. [2]). Очень часто обрядъ варіируется тѣмъ, что приводятъ сначала одну—другую старую бабу въ лохмотьяхъ, лицо которой закрыто. Сватъ или дружко открываетъ, смотритъ и прогоняетъ бабу назадъ. Такая версія повсемѣстно практикуется среди южныхъ славянъ. Это дало поводъ Узенеру сопоставить настоящій обычай съ похоронами Марены и другими сродными обычаями похоронъ зимы. Но сходство этихъ обрядовъ чисто внѣшнее, случайное (старая баба въ лохмотьяхъ—и соломенное чучело зимы въ лохмотьяхъ) и потому мнѣніе его едва ли чѣмъ-нибудь оправдывается. Появленіе бабы въ лохмотьяхъ—не болѣе какъ утрировка обряда, съ цѣлью вызвать побольше смѣха, дать пищу шуткамъ и пр.

Обращаемся далѣе къ обрядамъ, сопровождающимъ заручины. Въ Минскомъ у. онѣ происходятъ слѣдующимъ образомъ.

Женихъ со своею дружиною садится за столъ на лавку; противъ него на скамейкѣ помѣщается невѣста съ своею дружиною. Сватъ наливаетъ по стакану водки жениху и невѣстѣ и сливаетъ эту водку изъ стакановъ въ чашку, поставленную посрединѣ стола. Надъ этой чашкой молодые соединяютъ правыя руки, которыя сватъ связываетъ носовымъ платкомъ, затѣмъ ложкой наливаетъ водку въ стаканъ и подаетъ жениху; тотъ отпиваетъ половину, доливаетъ и подаетъ невѣстѣ. Она отпиваетъ, снова доливаетъ, прикрываетъ платкомъ и подаетъ старшему дружкѣ жениха. Послѣдній беретъ платки себѣ, выпиваетъ водку, наполняетъ стаканъ и снова передаетъ невѣстѣ; та прикрываетъ стаканъ платкомъ и передаетъ слѣдующему брату и т. д., пока ея стаканъ не обойдетъ всей дружины жениха и невѣсты.

Въ описаніи заручинъ 1800 г. мы находимъ слѣдующее интересное дополненіе. Послѣ описанной церемоніи, „маладзица“ разстилаетъ бѣлый платокъ на столъ, куда молодые кладутъ свои кольца. Тогда „большанки“, сидящія по обѣ стороны невѣсты, и братья, занимающіе то-же положеніе относительно жениха, берутся за углы платка и трижды поднимаютъ его вверхъ. Послѣ этого „маладзица“ надѣваетъ кольцо жениха на палецъ невѣсты, а кольцо послѣдней на палецъ жениха. Платокъ, бывшій на

---

1) *Usener*, Italische Mythen, Rheinisches Museum für Philologie, Bd. XXX, Frankfurt am Main, 1875, p. 183—189.

2) Относящіяся сюда указанія: *Schröder*, Die Hochzeitsbräuche der Esten, Berl. 1888, p. 68—72; *Volkov*, Rites et usages des noces d'Ukraine, „Anthropologie“ (Paris), 1891, V, II, p. 181; *Сумцовъ*, О свад. обрядахъ, 27—28. Обычное право южн. сл. „Юридич. Вѣстн.“, 1877, янв., 104 и др.

столѣ, сватъ беретъ себѣ, а невѣстѣ даютъ башмаки, но та трижды ихъ отбрасываетъ и наконецъ принимаетъ [1]).

Этотъ несомнѣнно по своей обстановкѣ основной типъ заручинъ измѣняется по мѣстностямъ. Если довѣрять описаніямъ, то иногда заручины проходятъ только въ одной попойкѣ [2]), или же женихъ сжимаетъ только протянутую руку невѣсты [3]) (Витебск. губ.). Иногда отцы жениха и невѣсты даютъ другъ другу руки, молодые кладутъ свои руки, а мать невѣсты своею рукой обхватываетъ всѣ руки; затѣмъ мѣняются перстнями [4]). Иногда сватъ только подаетъ руку невѣстѣ [5]) (Гродн. губ.); или же отцы молодыхъ сцѣпляютъ свои руки, ихъ разнимаетъ кто-либо посторонній, и тогда выдаютъ невѣсту [6]) (Бобруйскій у.). Перстнями иногда мѣняются, иногда нѣтъ [7]). Въ Борисовскомъ у. женихъ самъ отыскиваетъ невѣсту и беретъ ее за руку [8]).

Изъ предложеннаго обзора различныхъ варіацій обрядовъ, практикующихся на заручинахъ, рельефно выдѣляются три акта: соединеніе рукъ брачущихся, мѣна ихъ кольцами и совмѣстная ѣда. Къ обозрѣнію этихъ обрядовъ мы и обратимся. Широта распространенія этихъ обычаевъ и ихъ устойчивость въ свадебномъ обрядѣ поразительны.

Такъ, въ санскритѣ само названіе брака означаетъ вообще актъ соединенія руки: karagraha, panigraha, hastekarana, panaukarana — всѣ эти названія имѣютъ одинъ и тотъ-же основной смыслъ [9]). Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ индусскимъ памятникамъ извѣстны соединенія рукъ жениха и невѣсты, какъ одни изъ важнѣйшихъ и неизмѣнныхъ частей брачнаго обряда: женихъ хватаетъ правую руку невѣсты [10]). Kohler считаетъ соединеніе рукъ въ индусскомъ бракѣ именно такимъ моментомъ, когда невѣста фактически передавалась въ руки жениха [11]). Но уже у индусовъ этотъ обрядъ получилъ религіозное освященіе и толкованіе: руки брачущихся отецъ связывалъ священною травой, обливалъ священною водою и соединялъ концы

---

[1]) *Gołębiowski*, Lud. p. 80.

[2]) *Шейнъ*, Мат., II, 199, 16.

[3]) *Шейнъ*, Бѣлор. пѣсни, 314.

[4]) Ibidem, 334.

[5]) *Шейнъ*, Мат. II, 366.

[6]) Ibidem, 252.

[7]) Ibidem, 220.

[8]) Ibidem, 157.

[9]) *Pictet*, Les origines des indoeuropéens, t. III, p. 14—15.

[10]) *Weber*, Indische Studien, V, 317; *Вс. Миллеръ*, Очерки арійской миѳологіи, 30; *Winternitz*, Das altindische Hochzeitsrituell. Wien, 1892, p. 48, ср. р. 22. *Kohler*, Indische Ehe und Familienrecht. Zeitschrift für Vergleichende Rechtswissenschaft, B. III, 347.

[11]) Zeitschr. f. Vergl. Rechtswiss., B. III, 350—351.

одеждъ ихъ [1]). Беря за руку невѣсту, женихъ произносилъ священный стихъ, выражалъ надежду на „дородное потомство“, на долголѣтіе: боги даютъ ему жену, чтобъ служить вмѣстѣ домашнему огню [2]). Сами боги, слѣдовательно, передаютъ невѣсту въ руки жениха. Сосѣдніе андусамъ древніе иранцы главнымъ актомъ въ сговорѣ также ставили соединеніе рукъ брачущихся [3]).

Въ современной Индіи соединеніе рукъ распространено повсемѣстно: обычно отецъ вкладываетъ руку дочери своей въ руку жениха, и такимъ образомъ передаетъ ее ему, или же просто соединяетъ руки молодыхъ; въ другихъ мѣстахъ льютъ на руки воду и связываютъ ихъ платкомъ [4])

У римлянъ передъ жертвоприношеніемъ, сваха подводила невѣсту къ жениху и соединяла руки обоихъ [5]). А отецъ невѣсты говорилъ, обращаясь къ невѣстѣ: „я передаю тебя вотъ этому другу, опекуну и отцу“ [6]), передавая такимъ образомъ свою отцовскую власть будущему мужу. Поэты римскіе для означенія женитьбы обычно употребляютъ выраженія: взять, похитить, унести невѣсту [7]). Обычай соединенія рукъ практиковался въ средне-вѣковой Франціи, причемъ женихъ бралъ руку невѣсты [8]). По сѣверогерманскому средневѣковому праву считалось необходимымъ, чтобы женихъ и невѣста протянули на сговорѣ другъ другу руки [9]). Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи молодой человѣкъ пожатіемъ руки предваряетъ дѣвушку о сватовствѣ [10]).

У мордвы, передъ отъѣздомъ въ церковь, женихъ подходитъ къ невѣстѣ и хочетъ взять ее за руку, но она отталкиваетъ его, вопитъ и ругаетъ [11]). Этотъ обычай характеренъ по отношенію къ опредѣленію первоисточника его. Сродный обычай мы встрѣчаемъ даже у одного ново-гвинейскаго племени Noeforezen: при заключеніи брака, старшій изъ родственниковъ вкладываетъ правую руку жениха въ правую руку невѣсты, беретъ въ ротъ глотокъ воды и льетъ ее на руки молодыхъ съ особымъ заговоромъ [12]).

---

1) *Rossbach*, Untersuchungen uder die Römische Ehe, 203. *Kohler*, 348.
2) *Wintirnitz*, Das altind. Hochz., p. 49.
3) *Geiger*, Ostiranische Kultur in Alterthum, p. 242.
4) *Winternitz*. p. 49.
5) *Rossbach*, Untersuch. üb. d. Röm. Ehe., p. 308.
6) *Valentino Giachi*, Amori e costumi latini, 1885, p. 180.
7) Ibidem, 175.
8) *Beaume*, Introduction à l'étude hist. du droit coutumier fr., Paris, 1880. 385.
9) *Lehman*, Verlodung und Hochzeit, p. 130, 133.
10) Les mariages en Bourbonnais. Revue des traditions populaires, t. I, p. 196.
11) *Майновъ*, Оч. юридич. быта Мордвы, 94.
12) *Nasselt*, Die Noeforezen. Zeitschrift f. Ethnologie, 1876, H. III. p. 181.

Въ настоящее время обычай соединенія рукъ существуетъ во всей Россіи [1]).

Уже было высказано мнѣніе, что соединеніе рукъ брачущихся—одинъ изъ переживковъ умычки [2]). Это весьма правдоподобно и подтверждается тѣмъ, что древнѣйшимъ актомъ было именно схватываніе невѣсты за руку: женихъ выражалъ тѣмъ свое завладѣніе невѣстой. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что невѣста при этомъ фактически выдается жениху. А въ версіи мордовскаго обряда мы еще видѣли, что невѣста отбивается, не даетъ взять себя за руку.

Въ подтвержденіе высказаннаго значенія хватанія за руку говоритъ нѣкоторое количество фактовъ, сущность которыхъ сводится къ тому, что всякое прикосновеніе къ дѣвушкѣ со стороны парня считается символомъ завладѣнія, даже болѣе—именно похищенія. У лаковъ, напримѣръ, одного горнаго племени Кавказа, парень срываетъ платокъ съ головы дѣвушки, или хватаетъ ее за руку или за грудь это называется „поймать" дѣвушку, и она должна выйти за парня замужъ, хотя бы и не желала, потому что считается обезчещенной [3]). Нѣчто подобное практикуется и въ Калабріи также съ цѣлью вѣрнѣе добиться согласія любимой дѣвушки. Парень выжидаетъ день, когда дѣвушка пойдетъ въ церковь. На дорогѣ къ церкви онъ срываетъ съ нея платокъ и замѣняетъ болѣе дорогимъ, совершенно бѣлымъ, или вообще какъ нибудь дотрогивается до дѣвушки. Такая дѣвица называется scapigliata, съ распущенными волосами, или imbiancata, segnata [4]). Послѣдній фактъ равно относится и къ растрепыванію волосъ дѣвушки, какъ символу завладѣнія ею. Но въ то же время оба примѣра показываютъ, что прикосновеніе парня къ дѣвушкѣ, хватаніе ея, разсматривается, какъ одинъ изъ актовъ похищенія ея, завладѣнія ею.

Отраженіе того же взгляда мы встрѣчаемъ въ воззрѣніяхъ бѣлоруссовъ. Я позволю себѣ указать на это здѣсь же, хотя это и не относится прямо къ занимающему насъ вопросу. Если парень захочетъ нанести обиду дѣвушкѣ, онъ старается въ публичномъ мѣстѣ сорвать съ нея платокъ, хватить за косу, за грудь. Это считается очень обиднымъ и позорнымъ для дѣвушки, даже если парень не имѣлъ основаній такъ оскорбить ее. Проф. Вл. Зен. Завитневичъ передавалъ мнѣ очень интересное въ этомъ отношеніи наблюденіе свое во время раскопокъ въ Бобруйскомъ у. По сосѣдству отъ раскапываемыхъ имъ кургановъ вдругъ раздался раздирающій душу женскій крикъ. Всѣ рабочіе бросились туда. Оказалось, что парень и дѣвушка, пасшіе стадо, о чемъ-то заспорили; парень сорвалъ съ нея платокъ

---

1) *Сумцовъ,* О свад. обрядахъ, 28.

2) Ibibem. *Вс. Миллеръ,* Оч. ар. миѳол. 30—31.

3) *Ковалевскій,* Первобытное право, II, 110.

4) *Dorsa,* La tradizione grecolatina etc., 36.

и разорвалъ его. Дѣвушка горько плакала, держа въ рукѣ разорванный платокъ. Сбѣжавшіеся были возмущены поступкомъ парня. „Она въ дѣвицкомъ станѣ,—говорили они,—а онъ сорвалъ платокъ“. Дѣло кончилось дракой между защитниками права дѣвицы и оскорбившаго ее парня. Аналогичный случай я наблюдалъ въ с. Дерновичахъ, на Припяти (Рѣчицкій у.). Проходили плотовщики-могилевцы и начали пьянствовать въ мѣстной корчмѣ. Въ это время туда зашла зачѣмъ-то сосѣдская дѣвушка. Одинъ изъ плотовщиковъ хватилъ ее за руку, она вырвалась; онъ догналъ ее, но она съ крикомъ вырвалась и убѣжала на улицу. На крикъ явился братъ ея, онъ заспорилъ съ обидчикомъ, но присутствующіе помирили ихъ, и дѣло кончилось выпивкой. Братъ дѣвушки скоро ушелъ. Но тогда пьяные плотовщики стали подтрунивать надъ своимъ сотоварищемъ, что онъ струсилъ. Тотъ, долго не думая, пошелъ разыскивать дѣвушку, поднялъ стукъ у воротъ ея, Собравшіеся односельчане завязали серьезную драку съ плотовщиками, кончившуюся проломами головъ, реберъ. Всѣхъ плотовщиковъ связали и привели въ волостное правленіе. Среди шумныхъ толковъ собравшейся толпы объ этомъ событіи ясно опредѣлился взглядъ ея: „какъ смѣлъ мужчина оскорблять такъ дѣвушку, да еще могилевецъ“,—прибавляли они.

Въ этомъ чувствѣ негодованія отразилось традиціонное убѣжденіе, что всякое прикосновеніе къ дѣвушкѣ есть символъ захвата ея, и община считаетъ своимъ долгомъ вступиться за нее.

Къ нашему вопросу относится и еще одинъ фактъ изъ римской жизни. При посвященіи въ весталки, понтифексъ хваталъ (capiebat) за руку посвящаемую дѣвушку. По объясненію Геллія, это означало, что дѣвушка уводится отъ отца, какъ бы захваченная на войнѣ. Этотъ взглядъ отразился и на завладѣніи всякой вещью, вообще mancipatio, по объясненію Гая, состояло въ томъ, что покупающій брался за предметъ купли и этимъ выражалъ свое завладѣніе вещью [1]).

Приведеннаго достаточно для объясненія значенія обряда соединенія рукъ брачущихся.

Переходимъ ко второму обряду заручинъ—мѣнѣ кольцами.

У древнихъ индусовъ одна изъ родственницъ надѣвала желѣзное кольцо на правую руку жениха и на лѣвую невѣсты [2]). У римлянъ отецъ жениха спрашивалъ отца невѣсты: „Spondesne?“ Тотъ отвѣчалъ: „Spondeo“ Затѣмъ составлялся актъ, скрѣпляемый печатями присутствующихъ, и невѣстѣ надѣвали желѣзное кольцо, annulus pronubus [3]); у древнихъ герман-

---

[1]) *Турцевичъ,* Культъ Весты въ древн. Римѣ. Кіевъ. 33—35.

[2]) *Weber*, Indische Studien, V, 299.

[3]) *Val. Giachi*, Amori e costumi latini, 169.

цевъ, послѣ жертвоприношенія, женихъ надѣвалъ на палецъ невѣсты кольцо, сплетенное изъ вѣтви [1]).

Въ настояще время мѣна кольцами извѣстна во всемъ славянскомъ мірѣ [2]), среди нѣмцевъ, французовъ [3]), итальянцевъ [4]), у латышей [5]), лопарей [6]) и среди многихъ менѣе культурныхъ народовъ [7]).

Мнѣнія ученыхъ объ обрядовомъ значеніи кольца сильно разнятся. Миѳологи склонны думать, что кольцо есть символъ солнца—брачнаго соединенія солнца съ мѣсяцемъ или съ землей [8]). Напротивъ, этнологи видятъ въ кольцѣ одно изъ звеньевъ цѣпи, надѣвавшейся нѣкогда на женщину, какъ на плѣнницу, рабу, и затѣмъ уже кольцо приняло значеніе связи, прикрѣпляющей жену къ мужу [9]).

Миѳологическое объясненіе не ясно. У индусовъ и римлянъ кольца употреблялись желѣзныя, у др. германцевъ—изъ вѣтви. Слѣдовательно, кольцо не могло напоминать своимъ блескомъ солнечнаго божества.

Этнологическое объясненіе едва ли не болѣе вѣрное. Повидимому, въ началѣ существовалъ только обычай, по которому женихъ давалъ кольцо невѣстѣ. Онъ ее какъ бы привязывалъ къ себѣ. Такую версію обряда мы встрѣчаемъ у римлянъ. Въ правдахъ Визиготской и Лонгобардской врученіе кольца представляло родъ задатка, цѣль котораго была—обезпечить выполненіе обѣщанія заключить бракъ [10]). Значеніе кольца съ достаточной убѣдительностью выясняется изъ сицилійскаго обряда. Мать жениха раздѣляетъ гребешкомъ волосы на головѣ невѣсты и затѣмъ надѣваетъ ей на палецъ кольцо и даритъ платокъ. Въ Mazzara обрядъ кончается тѣмъ, что невѣста цѣлуетъ руки женихова отца [11]). Расчесываніе волосъ невѣсты матерью же-

---

1) *Kulischer*, Intercommunale Ehe durch Raub und Kauf. Zeitschrift f. Ethnologie, 1878, H. III, p. 208—290.

2) *Сумцовъ*, О свад. обрядахъ, 78. *Krauss*, Sitte und Brauch d. Südslaven, Wien, 1885, p. 356.

3) Указ. *ст. Кулишера*, Ср. *Édélestand du Méril*, Des Formes du mariage, p. 9. Revue des trad. popul. 1890, № 4, p. 270—277.

4) *Pitrè*, Biblioteka delle tradizioni populari siciliani, XV, Usi e costumi, II, p. 33. Ср. *De Gubernatis*, Storia, comparata degli usi nuziali in Italia. Milano. 1869, p. 147.

5) *Э. Вольтеръ*, Матерьялы для этн. лат. плем., 166.

6) *Харузинъ*, Русскіе лопари, 278.

7) *Post*, Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familiensrechts, Leipz. 1890, p. 236.

8) *Сумцовъ*, О св. обрядахъ. 78, *De Gubernatis*, Storia comparata, p. 147. Ср., еще мнѣніе *Ящуржинскаго*, Русск. Филологич. Вѣстн. 1880, № 3, стр. 2.

9) *Кулишеръ*, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, p. 154—155, и въ назв. ст. его-же въ Zeitschr. f. Ethn., 1878, H. III; *Édélestand du Méril*, Des formes du mariage, 9; *Post*, Studien. 236.

10) *Карасевичъ*, Обычное гражданское право Франціи, 86.

11) *Pitrè* Biblotcca d. trad. pop Sic., XV, Usi, II, p. 33.

ниха есть несомнѣнный остатокъ подстриженія волосъ дѣвушки въ знакъ перехода ея въ рабское подчиненное положеніе. Одинъ символъ похищенія, насильственнаго завладѣнія (что расчесываніе волосъ невѣсты имѣетъ такое значеніе—мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи) слѣдуетъ за другимъ: расчесываніе волосъ, затѣмъ надѣваніе кольца-цѣпи. Невѣста, признавшая свое новое рабское положеніе, цѣлуетъ руки отца жениха, своего повелителя.

Не менѣе интересенъ обычай у племени наировъ, на Малабарскомъ берегу Индостана, среди котораго бытуетъ типичная поліандрія. Здѣсь, когда дѣвушка вступаетъ въ первый разъ въ бракъ, новобрачныхъ соединяютъ цѣпью за шею [1]).

За кольцомъ по настоящее время остается значеніе связи, неразрывно соединяющей брачущихся. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ одна французская пѣсенка, обращенная къ невѣстѣ:

Vous voià liée,
Madame la mariée,
Ft pour cet annean d'or,
Qui vous condnira à la mort [2]).

На заручинахъ у насъ мало поютъ пѣсенъ, часто ихъ совсѣмъ не поютъ; во всякомъ случаѣ пѣсни мало говорятъ о заручинахъ. Я обращу лишь вниманіе на двѣ пѣсенки, сообщаемыя изъ Борисовскаго у. Въ нихъ отразилось то обстоятельство, что два акта заручинъ, соединеніе рукъ и мѣна кольцами, принадлежатъ переживаніямъ умыканія невѣсты. „Коршуны“,—говоритъ пѣсня, называя такъ дружину жениха,—„летѣли черезъ боръ, сѣли къ намъ на дворъ“; они ищутъ „шѣру вуточку“; она совѣтуетъ поймать коршуна въ клѣтку, а сѣру уточку загнать въ хату. Другая пѣсня говоритъ, что посадили коршуновъ за столъ, чествуютъ ихъ, а сѣру уточку не ратуютъ.

А ты, шѣра вуточка, ховайся,
Лютому соколу не давайся:
Бо ѐнъ цябé, вуточку, проклюé,
У чужую сторону понясé [3]).

Третій актъ заручинъ—это совмѣстная ѣда молодыхъ. Этотъ обычай выражаетъ собою союзъ брачущихся. Вообще, совмѣстная ѣда у различныхъ народовъ служитъ символомъ для заключенія союзовъ, договоровъ [4]). Сюда же относятся и наши могаричи.

Разбираемый обычай имѣетъ большую устойчивость и распространеніе. У древнихъ индусовъ молодые, на утро послѣ брака, съѣдали вмѣстѣ часть

---

1) *Giraud Telon,* Les origines du mariage. 157.

2) *P. Bourchenin,* Une noce en Béarn. Revues des trad. popul. 1890, № 4, p. 266.

3) *Шейнъ,* Мат., II, 156—157.

4) *Кулишеръ,* Очерки сравнительной этнографіи и культуры, 103, 118—119.

жертвенной лепешки. Въ современной Индіи почти повсемѣстно существуетъ обычай, что брачущіеся совмѣстно вкушаютъ хлѣбъ или выпиваютъ вино изъ одной чаши [1]).

Совмѣстная ѣда, какъ свадебный обрядъ, встрѣчается еще у древнихъ индусовъ [2]). У Римлянъ это былъ самый важный моментъ заключенія брака; одна изъ формъ брака, въ которой главную роль играло принесеніе въ жертву хлѣба и вкушеніе лепешекъ молодыми, получила названіе отъ этого акта—confarreatio. Confarreatio въ римскомъ бракѣ, несмотря на свое чисто бытовое происхожденіе, получило религіозное значеніе и было священнымъ бракомъ; изслѣдователи тѣсно связываютъ его съ сакральными учрежденіями патриціевъ. Karlowa особенно настаиваетъ на томъ, что принятіе хлѣба брачущимся вмѣстѣ съ сидѣніемъ было самымъ важнымъ фактомъ римскаго брака [3]).

По старинному сѣверо-германскому обычаю молодые опорожняли вмѣстѣ бокалъ вина. Этотъ обычай бытуетъ по настоящее время въ Норвегіи, Кельнѣ, Седмиградіи; въ Чешской части Рудныхъ горъ молодые пьютъ кофе [4]). Въ другихъ частяхъ Германіи молодые въ утро передъ бракомъ должны ѣсть изъ одного блюда [5]), а по пріѣздѣ изъ церкви они съѣдаютъ вмѣстѣ кусокъ хлѣба и выпиваютъ другъ съ другомъ по стакану вина [6]). Въ Баваріи женихъ и невѣста съѣдаютъ вмѣстѣ печеніе изъ яицъ [7]); съ этимъ можно сопоставить обычаи Борисовскаго у., гдѣ молодымъ даютъ ѣсть яичницу [8]).

Совмѣстная ѣда встрѣчается почти повсемѣстно въ Италіи [9]). Въ Калабріи мать жениха при встрѣчѣ предлагаетъ молодымъ бокалъ меду [10]). Въ Сардиніи молодые, послѣ вѣнчанія, ѣдятъ одной ложкой изъ одной миски [11]).

Аналогичные обычаи были извѣстны въ средніе вѣка во всей Франціи, Италіи и Англіи [12]). Въ настоящее время, въ Бретани, новобрачные

---

1) *Winternitz*, Das altindische Hochzeitsrituell, p. 80.

2) *Rossbach*, Untersuch. üb. di Röm. Ehe, p. 143 и др. *Marquardt*, Das Privatleben der Römer. I, p. 34.

3) Die Formen der Römischen Ehe und Manus, Bonn, 1868, p. 10.

4) *Schröder*, Die Hochzeitsbräuche der Esten, 83.

5) *Wuttke*, Der deutsche Volksglaube, Berl., 1869, p. 347.

6) Ibidem, p. 350.

7) *Schröder*, p. 83.

8) *Шейнъ*, Mat., II, 106.

9) *De Gubernatis*, Storia comparata, 148—150.

10) *Dorsa*, La tradizione preco-latina, p. 38.

11) *Gabrielo*, Usi dei contadini della Sardegna. Archivio per lo studio delle tradiz. popol. 1888. p. 473.

12) *Édélestand du Méril*, Des formes du mariage, p. 40—42.

сейчасъ послѣ вѣнчанія уходятъ къ священнику въ сакристію. Сюда дружко относитъ корзину, изъ которой священникъ вынимаетъ хлѣбъ и вино и даетъ молодымъ. Въ горахъ французской Юры новобрачныхъ встрѣчаетъ мать жениха и даетъ имъ хлѣбъ и вино; они пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ [1]).

Обычай совмѣстной ѣды извѣстенъ у эстовъ, албанцевъ, ново-грековъ [2]); у послѣднихъ молодые ѣдятъ пирогъ и фрукты [3]). У мордвы молодымъ даютъ яичницу изъ одной ложки [4]); у вотяковъ брачущимся давали освященное пиво: „сіе служитъ, какъ будто брачнымъ таинствомъ" [5]).

Среди славянъ въ настоящее время этотъ обычай нужно признать общераспространеннымъ. Въ Москвѣ, напр., на царскихъ свадьбахъ новобрачные пили вино изъ одного сосуда изъ рукъ митрополита [6]).

Совмѣстная ѣда извѣстна среди южныхъ славянъ [7]). У гнѣзненскихъ поляковъ молодые ѣдятъ хлѣбъ съ сыромъ [8]), въ другихъ мѣстахъ практикуется обычай совмѣстной ѣды одной ложкой [9]). Въ Моравіи мать жениха кладетъ жениху и невѣстѣ на правыя ладони по куску меду; невѣста слизываетъ медъ съ руки жениха, женихъ—съ ея руки [10]).

Ѣда и питье настолько тѣсно связываются съ бракомъ и любовью, что уже Потебня указалъ рядъ сближеній въ области народной поэзіи и обрядовъ, гдѣ *любить*—равнозначуще *съѣсть* [11]). Съ этимъ вполнѣ гармонируетъ французская пословица: boire et manger, coucher ensemble—c'est mariage, ce me semble.

Совмѣстная ѣда—одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ заключенія брака у самыхъ различныхъ народовъ. Важность его настолько велика, что можно привести рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что у многихъ народовъ, стоящихъ на болѣе низкой ступени цивилизаціи, въ совмѣстной ѣдѣ состоитъ вся брачная церемонія. Въ Японіи существуетъ обрядъ, подобный римскому confarreatio, какъ важнѣйшій актъ брачной церемоніи [12]). У нѣкоторыхъ племенъ Бенгаліи заключеніе брака выражается въ совмѣстномъ питьѣ вина женихомъ

---

1) *Schröder*, 83.
2) Ibidem.
3) *Melusine*, t. IV, p. 124.
4) *Маиновъ*, Оч. юридич. быта Мордвы, p. 88.
5) *М. Ч.*, Словарь русскихъ суевѣрій. Москва, 1782, стр. 25.
6) *Терещенко*, Бытъ рус. нар. II, 51.
7) *Krauss*. Sitte und Brauch, 386.
8) *Kolberg*, Lud, ser. XI, ч. III, 75, 84.
9) *Kolberg*, Pokucie, I, 266.
10) *Bartos*, Moravska svatba, 32.
11) *Потебня*, О значеніи нѣкот. обрядовъ и повѣрій, 54.
12) *H. H. Giglioli*, Usi e credenze Giapponesi. Archivio per lo stud. d. trad. popol., 1889, 512—513.

и невѣстою съ присутствующими [1]). У наваевъ вступающіе въ бракъ ѣдятъ маисъ изъ одного сосуда [2]). У сартовъ молодые выпиваютъ каждый изъ одной чаши по глотку воды. У манассаровъ невѣста даетъ жениху сливу. У балинцевъ, послѣ благословенія священника, невѣста беретъ горсть рису и кладетъ въ ротъ жениху; онъ дѣлаетъ то-же. У альфуровъ и минагассовъ брачная церемонія состоитъ въ томъ, что женихъ и невѣста ѣдятъ немного рису вмѣстѣ и кусочекъ сала и пьютъ нѣсколько капель пальмоваго вина [4]). У вахосовъ вступающіе въ бракъ садятся другъ противъ друга, по обѣ стороны корзины, въ которой лежитъ пища, и ѣдятъ ее [5]).

Такимъ образомъ, совмѣстная ѣда и питье, представлявшія въ началѣ лишь обычный актъ заключенія между двумя лицами какой бы то ни было сдѣлки, перешли съ такимъ же значеніемъ и въ свадебный обрядъ, сдѣлавшись здѣсь необходимою формою. Съ теченіемъ времени она приняла религіозное освященіе, какъ это мы видимъ въ индусскомъ и римскомъ бракѣ.

Мы разсмотрѣли обряды и ходъ заручинъ въ бѣлорусской свадьбѣ. Онѣ состоятъ изъ четырехъ актовъ: выдачи невѣсты сватамъ и жениху, двухъ актовъ, выражающихъ символическое завладѣніе женихомъ невѣстою (хватаніе за руку и мѣна кольцами) и одного акта, выражающаго союзъ, заключаемый между договаривающимися сторонами (совмѣстная ѣда). Заручины въ русской свадьбѣ отдѣлились отъ сговора, но по своему внутреннему значенію являются какъ бы продолженіемъ его. У другихъ народовъ, какъ мы видѣли, тѣ-же обряды совершаются собственно на сговорѣ.

Въ народномъ міровоззрѣніи Бѣлоруссіи заручины являются актомъ, окончательно связывающимъ брачущихся; разрывъ послѣ нихъ не мыслимъ. Въ одной пѣснѣ изъ Минскаго у., поющейся сейчасъ послѣ заручинъ, говорится, чтобъ „заручальночка-дзѣвачка“ подала своей матери воды. Но: „вжошъ я табіе, маточка, ня слуга“,—говоритъ невѣста и не идетъ за водой. Съ заручинами прекращается власть родителей надъ дочерью, ихъ mundium переходитъ къ жениху. Въ другой пѣснѣ, изъ Борисовскаго у., выражается также окончательное благословеніе присутствующей общины молодой парѣ. Заручили дѣвушку—

На вясола житця,
На добра здароўе,
Богъ намъ даў!
Намъ многа здароўе
Ды на доўгій вѣкъ,
На многа богатця,
На дзяцино пасьця [6]).

---

[1]) Beschreibende Ethnologie Bengalens. Zeitschrift f. Ethnol., VI, 261.
[2]) *Post*, Studien, 235.
[3]) Ibidem, 236.
[4]) *Зиберъ*, Очерки первобытной экономической культуры, 310.
[5]) *Спенсеръ*, Основ. социологіи, р. 670.
[6]) *Шейнъ*, Мат.. II, 154.

Съ заручинами кончается собственно бытовая сторона свадебнаго обряда; общее впечатлѣніе, которое оставляетъ остальная часть обрядовъ, таково, что въ послѣдней въ значительной мѣрѣ, почти всплошную, мы уже встрѣчаемся съ переживаніями религіозныхъ культовъ. Переживанія бытовыя (символическая купля, похищеніе) являются уже свадебными шутками, основа же обрядовъ носитъ чисто религіозный характеръ.

Оканчивая обзоръ заручинъ, мы считаемъ умѣстнымъ здѣсь же отмѣтить еще одно явленіе—обрядовый плачъ невѣсты. Въ бѣлорусской свадьбѣ есть два момента, когда невѣста обязана плакать,—это заручины и посадъ. Впрочемъ, мы не встрѣчаемъ здѣсь такъ наз. заплачекъ, длинныхъ, надрывающихъ душу рацей, произносимыхъ на великорусской свадьбѣ самою невѣстою съ-рыдающими воплями [1]). Невѣста ничего не поетъ въ нашей свадьбѣ; за нее поютъ подруги преимущественно о томъ, что совершается въ то или другое время обряда. Плачъ бѣлорусской невѣсты--тихія, горькія слезы, въ которыхъ много отражается и естественнаго чувства. Но все-таки въ извѣстные моменты этотъ плачъ обязателенъ и имѣетъ чисто обрядовое значеніе.

Народная пѣсня относится съ большой симпатіей къ слезамъ дѣвушки. Слезы ея—„крупенъ жемчугъ", говоритъ пѣсня [2]). Дѣвушка сидитъ за столомъ, а слезы у нея текутъ „ручаёмъ" [3]). „Дробныя" слезы дѣвицы покатились,

Да на земли пали,
Крамни разбили,
Крамни разбили,
Песокъ размыли [4]).

Такова сила слезъ дѣвушки, которой приходится сочетаться бракомъ съ неизвѣстнымъ „чужаницею". Но во всякомъ случаѣ нельзя характеризовать по нимъ несчастную долю женщины, которой „слезы, гонимыя скорбью, выливались обильно и видны были въ каждой дѣвичьей и женской пѣснѣ", какъ иногда дѣлаютъ изслѣдователи нашей народной поэзіи,—было бы не совсѣмъ справедливо. Время, когда эти плачи имѣли реальное значеніе, когда дѣвица дѣйствительно продавалась въ руки чужому чужанину, уже для многихъ мѣстностей прошло или, по крайней мѣрѣ, проходитъ [5]). Еще менѣе справедливо сопоставлятъ наши „плачи" съ canzoni di amore

---

[1]) Объ этихъ плачахъ см. ст. *Весина*, въ „Русской Мысли", 1891 г. №9, стр. 78 и сл.

[2]) *Шейнъ*, Мат. II, 405.

[3]) Ibid., 242.

[4]) Ibid., 224.

[5]) См. *Будде*, Полож. рус. женщины по бытовымъ пѣснямъ народа. Филологич. Записки, 1883, вып. IV, 2, ср. 5—6.

западноевропейцевъ. Свадебныя пѣсни послѣднихъ дышатъ такою же грустью, переполнены такими же мотивами, какъ и наши „плачи“, потому что порядокъ вещей былъ одинаковъ. Губернатисъ указываетъ, что обычай невѣсты плакать (piangere) во время благословенія и другихъ церемоній свадебнаго ритуала ведетъ свое начало еще съ ведійскаго періода [1]), и въ настояще время въ употребленіи среди итальянцевъ, грековъ, албанцевъ, славянъ и финновъ. У ново-грековъ шаферъ говоритъ жениху: „если она плачетъ, оставьте ее“; но невѣста быстро возражаетъ: „берите меня съ собою, но позвольте плакать“. У сицилійцевъ эти обрядовые „плачи“ называются „Sona“. Они также запечатлѣны грустымъ раздумьемъ о будущей участи [2]). Одна французская пѣсня (изъ департамента Верхней Марны), которую друзья поютъ невѣстѣ, въ непривлекательномъ свѣтѣ выставляетъ невѣстѣ будущую супружескую жизнь: „прощай, прелестный чертогъ, чертогъ моего отца! прощай, свобода!“; она предупреждаетъ молодую, что ей уже не придется посѣщать собраній, она должна смотрѣть за домомъ, когда другіе пойдутъ [3]). Въ томъ же духѣ выражаются и другія пѣсни [4]). Schröder указываетъ на существованіе обрядоваго плача у римлянъ, эстовъ, финновъ, вотяковъ, мордвы, а также въ Германіи и Богеміи [5]).

III.

Обрядъ посада жениха и невѣсты.

Общій ходъ обряда въ Минскомъ у.—Варіаціи обряда въ другихъ мѣстностяхъ — Колебаніе цѣльности обряда.—Значеніе обряда въ глазахъ крестьянъ.—Сложность культурно-религіозныхъ мотивовъ обряда.—Сходство и различіе посада жениха и невѣсты.

Мы должны приступить къ описанію срединной и важнѣйшей части свадебнаго ритуала бѣлоруссовъ—къ посаду жениха и невѣсты. Прежде всего мы остановимся на чисто описательной сторонѣ обряда. Это необходимо по многимъ причинамъ: вслѣдствіе важности и сложности обряда у самихъ бѣлоруссовъ, вслѣдствіе разнообразія и сложности культурно-религіозныхъ мотивовъ, легшихъ въ его основаніе, и, въ особенности, вслѣдствіе того, что этотъ обрядъ, не подвергался въ нашей литературѣ болѣе или менѣе обстоятельному разсмотрѣнію, главнымъ образомъ, потому, что

---

1) *De Gubernatis*. Storia comparata, p. 135—137; cp. *Weber*, Ind. Stud., V, 327; *Winternitz*, Das altind. Hochzeitsrit., 42.

2) *Pitrè*, l. c., 93; cp. Archivo per lo stud. d. trad. popol., 1890, 83.

3) *Carrence*, Le mariage chez nos pères, 87—88.

4) Revue des trad. popul., 1890, № 4, p. 224—226.

5) *Schröder*, Die Hochzeitsbräuche der Esten. 86—88; cp. *Wuttke*, Der deutsche Volksglaube, 349.

онъ почти неизвѣстенъ у великороссовъ и малороссовъ, да и описанія его въ бѣлорусскомъ ритуалѣ до сихъ поръ крайне отрывочны.

Въ Минскомъ у. (Никольской вол.) обрядъ посада жениха происходитъ, въ общихъ чертахъ (подробное описаніе въ матеріалахъ), слѣд. образомъ. Обрядъ исполняется съ вечера, наканунѣ вѣнчанія. Женихъ, собравъ дружину, ходитъ просить сосѣдей на „благаславеньства". На свадьбу собственно приглашаютъ и раньше, теперь женихъ повторяетъ приглашеніе только близкихъ родственниковъ и важнѣйшихъ сосѣдей; остальные сходятся сами. Когда всѣ собрались, женихъ съ дружиною садятся за столъ. Сватъ беретъ въ руки стаканъ съ водкой и трижды испрашиваетъ у присутствующихъ благословенія „пѣсни засьпѣваци". Ему отвѣчаютъ: „Божа, благаслови!"—два раза, а за третьимъ: „Дай Божа, щасьце й долю!" Свахи угощаютъ дѣвушекъ. Въ пѣсняхъ поется про сборы жениха въ путъ за невѣстой. Въ это время ужинаютъ. Затѣмъ выходятъ всѣ изъ-за стола, столъ немного отодвигаютъ. „Братъ" (дружко) подаетъ жениху конецъ платка, другой конецъ держитъ самъ; начинается троекратное обхожденіе вокругъ стола, причемъ женихъ каждый разъ кланяется „на покуць"—уголъ съ образами за столомъ. Между тѣмъ сватъ, поднявъ въ рукѣ стаканъ съ водкой, произноситъ: „Просимъ адъ Бога ласки, адъ айца́, адъ матки, панови сусѣдзи, панови прыяцѐли, благасловиця маладому дзяжў ўнясьци!" Онъ громогласно произноситъ это трижды; отвѣтъ толпы слѣдуетъ такой же, какъ и прежде. Вносятъ „дзежу" (квашню) и ставятъ ее посрединѣ избы, прикрывъ вывороченной шубой. „Братъ" тѣмъ же порядкомъ ведетъ молодого за конецъ платка къ „дзежѣ", обводитъ вокругъ нея три раза, затѣмъ произноситъ трижды формулу благословенія молодому „на пасатъ сѣсьци". Молодой въ ноги кланяется родителямъ, получаетъ отъ нихъ благословеніе и садится на „дзежу". Это самая торжественная и тяжелая для присутствующихъ минута. Всѣ молчатъ, принявъ серьезный видъ. Дѣвушки поютъ 2—3 коротенькихъ пѣсенки о томъ, что женихъ сѣлъ на посадъ. „Братъ" стоитъ молча нѣсколько минутъ передъ женихомъ, держа въ рукахъ „громничную" свѣчу. Мать съ рыданіями бросается сыну на шею и обнимаетъ его; женщины, дѣвушки плачутъ. Женихъ также рѣдко выдерживаетъ безъ слезъ. Происходитъ таинственное, несомнѣнно традиціонное священнодѣйствіе, смыслъ котораго мало кому понятенъ, но къ которому всѣ присутствующіе относятся съ глубокимъ уваженіемъ. Еще болѣе тяжелая сцена, при томъ же обрядѣ, происходитъ въ домѣ невѣсты. Когда все успокоится, „братъ" проситъ благословенія „маладому ко́су ращасацъ". Хоръ дѣвушекъ, съ послѣдними словами громады: „дай, Божа, щасьця", поетъ:

Да падайця щоточки-грабянца,
Ращасаци косачку да вянца.

„Братъ“ поднимаетъ вверхъ горящую громничную свѣчу, которую все время держалъ; парни расчесываютъ молодому волосы. „Братъ“ снова торжественно испрашиваетъ благословенія „маладому косу застрыхчи“. При послѣднихъ словахъ громады дѣвушки снова поютъ пѣсню, содержаніе которой намекаетъ на глубокую древность:

Да бéця, беця да бѣлы камянь,
Агню дасцавайця,
Маладого застрыгайця!
Да били, били да бѣлы камянь,
Агню даставали,
Маладого застрыгали!

Во время этой пѣсни братъ прижигаетъ жениху волосы свѣчей, сначала на лбу, потомъ на затылкѣ и около ушей; затѣмъ передаетъ свѣчу парнямъ, которые продолжаютъ то же. По окончаніи этой процедуры, братъ снова проситъ блавословенія поднять молодого съ посада и поднимаетъ его подъ руки.

Сажаніе невѣсты на посадъ происходитъ на слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, передъ вѣнчаніемъ. Разницы въ обоихъ обрядахъ нѣтъ; только въ пѣсняхъ вставляется имя невѣсты. Замѣтимъ еще, что при посадѣ жениха родственники невѣсты не присутствуютъ оффиціально, по приглашенію, хотя въ толпѣ бываютъ. Посадъ же невѣсты начинается съ пріѣздомъ жениха, но ни женихъ, ни его дружина въ хату не входятъ и во все время посада остаются во дворѣ.

Таковъ ходъ обряда въ Минскомъ у. Разсмотримъ теперь важнѣйшія измѣненія его въ другихъ мѣстностяхъ.

Очень интересный варіантъ обряда встрѣчаемъ мы въ Борисовскомъ у., въ извѣстномъ описаніи этого уѣзда гр. Тышкевича [1]). Когда женихъ со своею дружиною въѣзжаетъ во дворъ невѣсты, всѣ выходятъ встрѣчать его; въ хатѣ остается только молодая съ дружкою и „братомъ“. Онъ становится на порогѣ избы съ пирогомъ, чашкой и березовой вилкою въ рукахъ и произноситъ: „Нехъ бендзе похвалены Іезусъ Хрыстусъ!“. Толпа стоитъ за порогомъ. Невѣста беретъ за руку дѣвицу, находящуюся при ней, покрываетъ ее и себя платкомъ, и обѣ встаютъ. Братъ беретъ ее за руку, подводитъ къ порогу и произноситъ: „Есьць тутъ Богъ, бацька и матка, хрыщеные и радзоные, сосѣдзи близкіе и дальніе, мужи статэчные (почтенные) и бабки запечныя и дѣтки заплечныя, благославице маладую панну на пасадъ пасадзиць!“ Трижды произносится эта формула и трижды получается отвѣтъ толпы. Невѣста съ причитаніями проситъ родительскаго

---

[1]) Переведено въ 2-й ч. Матеріаловъ г. Шейна; этимъ переводомъ я и пользуюсь.

благословенія. Братъ ставитъ чашку съ водой на полку, подводитъ невѣсту къ скамьѣ и, сдѣлавъ съ нею три оборота, сажаетъ на разостланный шерстью вверхъ кожухъ.

Нѣкоторыя частности вышеописаннаго обряда дополняютъ обрядъ Минскаго у. въ отношеніи культа домашняго божества, какъ это мы увидимъ ниже.

Изъ другихъ особенностей посада укажу на варіантъ его въ Игуменскомъ у. (Дудицкая волость). По сдѣланной мною записи, дѣло происходитъ такъ: сначала здѣсь бываетъ посадъ невѣсты, передъ самымъ отправленіемъ въ церковь. Она садится на дзежу, покрытую скатертью: на скатерть насыпаютъ рожь, и на нее-то и садится невѣста; въ руки ей даютъ хлѣбъ, завернутый въ полотенце. Невѣста при всѣхъ переодѣвается тутъ же, одѣваетъ чистую сорочку, и затѣмъ братъ расчесываетъ ей волосы. Одѣтую къ вѣнцу невѣсту братъ ведетъ за платокъ къ услону (скамья) передъ столомъ. Братъ жениха сажаетъ и его рядомъ съ невѣстой. Молодые пьютъ через хлѣбъ, положенный передъ ними; за третьимъ разомъ женихъ бросаетъ въ рюмку нѣсколько монетъ и подаетъ невѣстѣ. Затѣмъ молодые встаютъ, кланяются родителямъ, покуту, хлѣбу и пирогу и выходятъ на дворъ, чтобы ѣхать въ церковъ. Посадъ жениха бываетъ вечеромъ, въ тотъ же день, слѣдовательно, уже послѣ вѣнчанія. Мать вноситъ дзежу, застилаетъ ее кожухомъ. Сватъ усаживаетъ жениха и поджигаетъ его волосы съ трехъ сторонъ свѣчей, испрашивая на всякое дѣйствіе благословенія присутствующихъ.

Въ Бѣлоруцкой вол. Минскаго у. особенность посада молодой состоитъ въ слѣдующемъ. Когда внесутъ дзежу, закосникъ ведетъ къ ней невѣсту. Онъ кружитъ ее на рукахъ трижды и старается посадить на дзежу. Но первый и второй разъ невѣста встаетъ, и только за третьимъ разомъ она остается на посадѣ. Одинъ закосникъ обноситъ вокругъ головы ея три раза свѣчей, другой въ это время продѣваетъ клокъ волосъ невѣсты черезъ кольцо и поджигаетъ ихъ. Послѣ этого уже расплетаютъ молодой косу [1]).

Въ Новогрудскомъ у. молодую сажаютъ на дзежу, въ которой расчиненъ коровай, и затѣмъ прижигаютъ волосы. Въ формулѣ благословенія интересно обращеніе къ „покуцю святому“ [2]). Въ Виленской губ. молодого подстригаютъ родители его [3]), въ иныхъ мѣстахъ Новогрудскаго у. молодого подстригаетъ сестра его, молодую—братъ ея [4]).

---

1) *Шейнъ*, Матеріалы, 2 ч. стр. 190—191.
2) Ibidem, 222.
3) Ibidem, 379.
4) Ibidem, 223.

Въ Витебской губ. обрядъ варіируется слѣд. образомъ: въ день вѣнца невѣста сначала ходитъ голосить, а потомъ возвращается въ истопку, гдѣ ей расплетаютъ косу. Большій дружко велитъ ставить квашню, кладетъ на нее шубу, сажаетъ невѣсту, велитъ ей снять сапогъ, въ который онъ самъ кладетъ нѣсколько монетъ, завернутыхъ въ овечью шерсть, и снова велитъ надѣть сапогъ. Тогда дзежу выносятъ въ сѣни. застилаютъ ее шубой, братъ ударяетъ по ней два раза кнутомъ, сажаетъ снова невѣсту, которой ставятъ на подолъ тарелку со щеткою, дружко беретъ щетку, проводитъ ею по волосамъ невѣсты и кладетъ въ тарелку копѣекъ 5. Затѣмъ вызываютъ всѣхъ присутствующихъ, которые продѣлываютъ то же. [1])

Сажаніе на дзежу и надѣваніе сапога бываетъ въ то же время и у жениха съ такими же обрядами. [2]) Но, кромѣ того, уже послѣ, въ концѣ свадьбы, по пріѣздѣ въ домъ жениха, молодыхъ обоихъ вмѣстѣ снова сажаютъ вмѣстѣ за столъ на шубу и обоихъ надѣляютъ [3]).

Въ Ошмянскомъ у. Виленской губ. жениха сажаютъ на посадъ передъ отъѣздомъ къ невѣстѣ. кладутъ подушку на сундукъ или на дзежу, сватъ ведетъ къ посаду жениха за конецъ полотенца. По испрошеніи благословенія у родителей, женихъ садится на посадъ. Но волосъ ему не подстригаютъ: онъ прямо встаетъ, кланяется родителямъ и присутствующимъ, и съ дружиною ѣдетъ къ невѣстѣ. Хотя, быть можетъ, иногда и здѣсь бываетъ подстриганіе молодого, потому что въ числѣ его дружины непремѣнный членъ *покосникъ*. [4]) Посадъ невѣсты здѣсь представляетъ еще большій интересъ: онъ происходитъ въ тоже время, какъ и у жениха. Невѣста одѣвается, причемъ голова ея убрана миртовымъ вѣнкомъ. Затѣмъ невѣста, среди своей дружины, садится за столъ на подушкѣ. Черезъ минуту всѣ встаютъ, столъ отодвигается, и начинается троекратное обхожденіе вокругъ стола. Впереди идетъ братъ, держа за одинъ конецъ полотенце, другой конецъ котораго въ рукахъ у невѣсты; за нею идетъ свацица съ подушкой, на которой сидѣла невѣста (подушка эта называется „свадебной“ и обшита кругомъ красными лентами). За свацицей идутъ дружки съ пѣснею, въ которой приглашаютъ „кутъ“, которому кланяется невѣста, благословить ее. Послѣ троекратнаго обхожденія, братъ ведетъ невѣсту на посадъ въ *стопку (кладовая)*, при пѣніи подругъ. Тутъ невѣсту сажаютъ снова на ту же подушку, положенную на сундукъ, на которомъ уже раньше поставлена водка и закуска (ни того, ни другого не трогаютъ), потомъ братъ проситъ

---

[1]) Вѣстникъ Русск. Географ. Общ. 1857 г., ч. IV, стр. 39.

[2]) Ibidem, стр. 51.

[3]) Ibidem, стр. 55.

[4]) *С. Карскій*, Нар. бѣлорус. свадьбы въ Ошм. у. Виленск. губ., Вильна 1888 (Отт. изъ Вил. Вѣстника), стр. 21.

благословенія у громады, и ведетъ обратно къ столу невѣсту. Раздаются всеобщія благословенія присутствующихъ. Къ этому времени пріѣзжаетъ уже женихъ, и обѣ дружины вскорѣ уѣзжаютъ въ церковь. [1]).

Я описалъ важнѣйшіе сложные варіанты обряда. Для полноты отмѣчу еще нѣсколько частностей. Въ Могилевской губ., предъ прибытіемъ жениха на столъ ставятъ крышку отъ дзежи, въ нее кладутъ хлѣбъ, сверху прикрываютъ шубой; невѣста подходитъ къ шубѣ, молится передъ иконами и затѣмъ прощается [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Виленской губ., при постриженіи жениха, его сажаютъ на коробъ съ рожью [3]). Но послѣ вѣнчанія прижигаютъ снова волосы молодому и молодой вмѣстѣ [4]). Въ Минской губ., въ иныхъ мѣстахъ, тоже сажаютъ жениха на коробъ съ рожью пристригаетъ крестная мать его [5]); въ другихъ мѣстахъ бываетъ посадъ невѣсты безъ расплетанія косы, которую расплетаютъ только передъ самымъ отъѣздомъ въ церковь; сажаютъ при этомъ на лукошко съ рожью, покрытое шубою [6]). Иногда сажаютъ не на дзежу, а прямо на лавку подъ образами [7]), или же сажаютъ жениха и невѣсту вмѣстѣ [8]). Иногда этотъ обрядъ соединяютъ съ заручинами, какъ „злученіе молодыхъ“ въ Витебской губ., [9]); то же соединеніе мы видимъ въ обрядѣ Игуменскаго у. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Могилевской губ. практикуется еще обрядъ посада невѣсты въ связи съ витьемъ елки [10]). Но какъ описаніе этого обряда, такъ и разсмотрѣнія его мы отнесемъ въ послѣдующее изложеніе.

Главное условіе посада—это цѣломудріе какъ жениха, какъ и невѣсты: сѣсть на посадъ ни тотъ, ни другой не можетъ, если не сохранилъ цѣломудрія. Это обстоятельство также дало поводъ къ варіаціямъ обряда. Такъ, въ иныхъ случаяхъ, сватья торжественно исповѣдуютъ молодую (Слуцкій у.) [11]). Въ Новогрудскомъ у. невѣста сидитъ на посадѣ съ покрытой головой за столомъ. Жениха призываютъ, и если онъ сохранилъ цѣломудріе, то перелѣзаетъ черезъ столъ и цѣлуетъ невѣсту, если не сохраиилъ,—лѣзетъ подъ столъ на ея колѣни. [12]).

Сложный обрядъ посада постепенно уступаетъ болѣе упрощенному,

---

1) Ibidem, 23—32.
2) *Дембовецкій*, Опытъ описанія Могил. губ., 1, 487.
3) *Ст. Киркора*, Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1857 г., кн. IV, 261.
4) Ibidem, 264.
5) *Носовичъ*, Зап. Р. Геогр. Общ., V, 142.
6) Ibidem, 143 и 146.
7) *Шейнъ*, Мат. II, 161.
8) *Запольскій*, Бѣлор. свадьба, 22.
9) *Шейнъ*, Мат., ч., 2, стр. 8.
10) Ibidem, 298—301.
11) Ibidem, 208.
12) Ibidem, 231.

такъ какъ и вообще весь свадебный обрядъ въ послѣднее время сильно сокращается. Это происходитъ и потому, что вообще древнія бытовыя условія жизни сильно пошатнулись въ глазахъ крестьянъ подъ вліяніемъ разныхъ городскихъ обычаевъ, да еще и потому, что, съ сокращеніемъ свадебной процедуры, сокращается и трата времени, расходы. Наконецъ требованіе цѣломудрія съ обѣихъ сторонъ дѣлаетъ посадъ часто невыполнимымъ, особенно для парней, а нерѣдко и для дѣвушекъ. Вотъ почему обрядъ посада жениха встрѣчается все рѣже, и рѣже, но рѣдкая свадьба обходится безъ посада невѣсты: его отправляютъ и тогда, когда знаютъ навѣрное, что невѣста откажется отъ сидѣнья. Требовательность къ дѣвушкѣ сильнѣе, чѣмъ къ парню, а потому свадебные заправилы считаютъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ, поставить въ неловкое положеніе провинившуюся и ея мать, хотя бы женихъ и объявилъ себя виновникомъ. Впрочемъ, мы увидимъ, что цѣломудріе невѣсты еще разъ строго провѣряется женскимъ персоналомъ.

Но гдѣ посадъ сохранилъ свою первобытную чистоту, тамъ онъ имѣетъ громадное значеніе: это центръ свадьбы, традиціонно приковывающій къ себѣ вниманіе всѣхъ присутствующихъ, выполняемый съ особеннымъ эффектомъ, торжественно; но торжественность эта скорѣе мрачнаго, удручающаго душу характера, производящая тяжелое нравственное впечатлѣніе даже на совершенно сторонняго зрителя и рѣзко отличающаяся отъ безконечнаго веселья послѣдующихъ свадебныхъ обрядовъ.

Но еще болѣе тяжелая картина получается, если кто-либо изъ молодыхъ не садится на посадъ, особенно въ глухихъ селахъ, гдѣ старинные обычаи еще держатся. Съ юридической стороны обиженная сторона имѣетъ право тотчасъ уѣхать, отказавшись отъ всякихъ обязательствъ и потребовать возвращенія расходовъ на свадебныя приготовленія и за протраченное время,—что, по обычаю, и выполняется. Разумѣется, разрывъ возможенъ только тогда, когда посадъ выполняется передъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Для предупрежденія разрыва во многихъ мѣстностяхъ входитъ въ обычай садить на посадъ именно послѣ вѣнчанія. Но и въ послѣднемъ случаѣ извѣстны факты, когда молодые расходятся на нѣкоторое время и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда черезъ полгода, родственники примѣряютъ обѣ стороны.

Чтобы наглядно представить весь процессъ отказа сѣсть на посадъ, я рѣшаюсь, въ выдержкахъ, привести одинъ изъ имѣющихся у меня разсказовъ подобныхъ случаевъ. Разсказъ принадлежитъ очевидцу Ѳ. В. Ярмаковичу.

Обойдя трижды столъ съ „братомъ", женихъ молча остановился передъ иконами. Ему рукою указали на дзежу, но онъ продолжалъ еще нѣсколько минутъ стоять. Водворилось суровое, гробовое молчаніе. „Потомъ онъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ будто хотѣлъ молиться, но рука его по-

гнулась и снова остановилась. Кровь хлынула къ лицу его, а потомъ онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Затѣмъ онъ машинально опустилъ руку въ карманъ, вынулъ оттуда носовой платокъ, разостлалъ передъ собою на полу и, опустившись на колѣни, приникъ устами къ землѣ. Потомъ женихъ поднялся и сотворилъ крестное знаменіе, снова повергся на землю. Мертвое молчаніе продолжалось. Вдругъ раздался стукъ разбитой посуды; я отвелъ глаза въ сторону отъ жениха на отца его, стоявшаго надъ разбитой чашкой; лицо его было бѣло, онъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ, но не двигался съ мѣста, а стоялъ надъ разбитой чашкой, устремивъ свирѣпый взоръ на сына, уже въ третій разъ повергшагося на землю. Жена его, мать жениха смотрѣла на сына умоляющими глазами. Не вставая съ земли и не глядя никуда, женихъ повернулся въ сторону отца и приникъ къ его ногамъ, обливаясь слезами и издавая глухіе звуки отъ сдерживаемыхъ рыданій. Отецъ вскочилъ какъ ужаленный и ногами сталъ бить сына, но тотъ не всталъ, а продолжалъ цѣловать ноги отца. Всѣ молчали, наконецъ, сватъ вступился за жениха: онъ при помощи неслишкомъ вѣжливыхъ толчковъ въ грудь хозяина, упросилъ его перестать давать наставленія сыну. Тяжело дыша, отецъ жениха прислонился къ скамейкѣ и зарыдалъ какъ ребенокъ, закрывшись руками. Сынъ такъ и не переставалъ плакать, обнимая и цѣлуя ноги отца. При видѣ этого, многіе стали просить отца простить сына и благословить его. „Не,—сказалъ онъ,—хоць я благаслаўлю, але Буогъ яго ня благословиць, кали йонъ гэдакъ зрабиў мнѣ; гэдакая твае будзя жицья, сыникъ, кали ты ня баяўся Бога и ня хацѣў слухаць бацькуоў“. Насилу упросили отца благословить сына, а послѣдняго оторвали отъ ногъ и подняли.—Замѣтимъ что въ этой мѣстности крестьяне твердо убѣждены, что парню, потерявшему цѣломудріе до женитьбы, будетъ неудача въ жизни: у него будутъ умирать дѣти и падать скотъ.

Разсказъ очевидца производитъ тяжелое впечатлѣніе. Но такова сила традицій, сложившихся подъ вліяніемъ вѣкового процесса народной жизни подъ вліяніемъ вѣрованій, юридическихъ обычаевъ, всѣхъ бытовыхъ условій жизни народа, который еще остался вѣренъ своей завѣтной старинѣ, обычаямъ и религіи предковъ.

У великороссовъ и малороссовъ посадъ или рѣдко встрѣчается, или имѣетъ слишкомъ ничтожное значеніе, иногда совершенно сливаясь съ другими обрядами.

Общій ходъ, колоритъ обряда не находитъ себѣ прочныхъ аналогій ни въ славянской, ни въ общеарійской свадьбѣ и можетъ быть, повидимому, признанъ оригинальнымъ проявленіемъ бытовой дѣятельности бѣлорусской народности; особенно это слѣдуетъ сказать относительно посада жениха. Но отдѣльныя частности посада, отдѣльныя дѣйствія и обряды входятъ въ широкую область аналогическихъ обрядовъ другихъ народовъ. Въ са-

момъ дѣлѣ, въ послѣдующихъ главахъ увидимъ, что посадъ нашъ является обрядомъ сложнымъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ частей, являющихся пережитками то культурныхъ, то чисто религіозныхъ мотивовъ. Въ посадѣ можно ясно различить главныя и побочныя стороны обряда. Весь ходъ его группируется около пристриганія или прижиганія волосъ, сажанія на шубу, сюда же присоединяется и покрываніе головы невѣсты. Эти три части обряда окружены другими дѣйствіями и предметами, не принадлежащими спеціально къ посаду, но повторяющимися и при другихъ частяхъ свадьбы или же вообще въ обыденномъ теченіи крестьянской жизни. Эти второстепенныя части удобно располагаются въ двѣ группы. Первая группа—бытовыя переживанія: это участіе въ посадѣ брата, дружины и всей общины. Вторая группа болѣе сложная: сюда относятся всѣ проявленія религіозныхъ культовъ, легшихъ въ основу обрядовыхъ дѣйствій. Такъ, испрашиваніе благословенія, обхожденіе вокругъ стола, почитаніе по́кута, порога, употребленіе свѣчи—представляется намъ, какъ увидимъ ниже, частями культа домашняго очага; употребленіе же хлѣба, хлѣбной квашни, зелени и елки являются частями культа божества-производителя. Расчленяемость обрядовъ посада заставляетъ насъ перейти къ разсмотрѣнію каждой части его въ отдѣльности. Но притомъ, значеніе побочныхъ частей, о которыхъ мы говорили, выясняется только при сопоставленіи случаевъ ихъ примѣненія во всѣхъ другихъ частяхъ свадебнаго обряда. Поэтому намъ придется отложить разсмотрѣніе ихъ до другого мѣста.

Необходимо еще одно замѣчаніе, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію значенія посада. При всемъ внѣшнемъ сходствѣ посада жениха и посада невѣсты въ современныхъ обычаяхъ бѣлоруссовъ, ихъ происхожденіе и этнологическое значеніе совершенно различны. Насъ не должно нисколько удивлять это обстоятельство. Въ народномъ преданіи часто одинъ и тотъ же пережитокъ, культурный или религіозный, раздвояется и принимаетъ въ послѣдующей жизни своей различные обряды, различную внѣшнюю оболочку, и только наука открываетъ тожество источниковъ. И наоборотъ, два различныхъ по характеру своему переживанія получаютъ настолько сходственныя внѣшнія черты, что съ перваго взгляда могутъ показаться тождественными. То же случилось и съ посадомъ жениха и невѣсты. Для того и другого обряда употребляются одни и тѣ же предметы и дѣйствія. Употребленіе ихъ при первобытной культурѣ было существенно необходимо, какъ увидимъ, хотя цѣль была и различна. Отсюда произошло и полное сліяніе обрядовъ. Мало того. Въ свадебномъ обрядѣ мы постоянно можемъ наблюдать стремленіе удвоить, или отождествить обряды, исполняемые у невѣсты, съ обрядами, выполняемыми у жениха, что происходило, конечно, подъ вліяніемъ возрастающаго сознанія равенства положенія жениха и невѣсты. Поэтому, параллелизмъ въ свадебныхъ обрядахъ—вещь обычная.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдетъ къ разсмотрѣнію значенія посада жениха.

IV.

Посадъ жениха. *(Продолженіе).*

Общее замѣчаніе о составѣ посада.—Обычаи постригъ у славянъ и другихъ народовъ.—Значеніе ихъ.—Связь постригъ съ свадьбой.—Признаніе зрѣлости у различныхъ народовъ.—Изувѣченія и связь ихъ съ постригами.—Борьба за невѣсту.—Переживаніе этихъ обычаевъ.—Достоинство мужчины по мнѣнію первобытн. народовъ.—Женихъ въ бѣлорусск. свадебн. пѣсняхъ.—Связь постригъ съ религіозными аттрибутами.—Значеніе „дежи" и овечьей шкуры.—Заключеніе.

Посадъ жениха—сложный пережитокъ культурно-религіозной жизни народа. Онъ могъ окончательно сформироваться тольно въ періодъ высшаго развитія бытовой и религіозной жизни народа. Прочно установившійся земледѣльческій бытъ каждаго народа—наиболѣе плодотворный періодъ для созданія религіознаго міровоззрѣнія. Человѣкъ находится въ самомъ близкомъ, непосредственномъ соприкосновеніи съ природою и ея силами. Онъ внимательно начинаетъ слѣдить за дѣйствіями и проявленіями ея силъ, изучаетъ явленія, благопріятствующія ему и неблагопріятствующія, и доходитъ до почитанія тѣхъ и другихъ. Онъ старается склонить къ себѣ, умилостивить страшныя для него явленія природы и возблагодарить тѣ изъ нихъ, которыя способствуютъ главному его занятію—земледѣлію. Вслѣдствіе этого аграрные культы доходятъ до высшаго своего развитія, проникаютъ во все міровоззрѣніе человѣка: онъ старается всяческимъ образомъ почитать производительныя силы божества. Съ другой стороны, земледѣльческій бытъ болѣе всего способствуетъ развитію родового быта и его прочной организаціи. Земледѣліе въ первой стадіи своего развитія требуетъ особенныхъ усилій со стороны человѣка. Борьба съ природой требовала сильной сплоченной организаціи возможно большаго числа лицъ, а это было мыслимо только при родовой организаціи Но родовой бытъ, въ свою очередь, способствуетъ развитію тѣхъ культовъ, которые связаны съ почитаніемъ предковъ, съ почитаніемъ домашняго очага. Славянинъ, сколько знаетъ его исторія, былъ прежде всего земледѣлецъ. Во всѣхъ его обрядахъ культы аграрный и домашняго очага занимаютъ первенствующее положеніе.

На посадѣ бѣлорусской свадьбы оба культа отразились очень рельефно. Посадъ обставленъ поклоненіемъ домашнему очагу, душамъ предковъ и поклоненіемъ богу—покровителю земледѣльческихъ продуктовъ. Но рядомъ съ этими остатками первобытной религіи уцѣлѣлъ въ посадѣ жениха и остатокъ чисто бытовой организаціи. Этотъ послѣдній—обрядъ потстрига-

нія или прижиганія волосъ жениха, съ котораго мы и начнемъ, какъ съ центральнаго факта обряда.

Самый фактъ подстриженія или прижиганія волосъ жениха стоитъ единично въ посадѣ бѣлорусской свадьбы. Мы не встрѣчаемъ полной аналогіи ему даже у сосѣднихъ малороссовъ и великороссовъ. Но зато, выходя изъ сферы собственно свадебныхъ обрядовъ, мы встрѣчаемся съ широкимъ распостраненіемъ обрядовъ, аналогичныхъ нашему подстриганію волосъ жениха. Прежде всего, едва ли мы ошибемся, если сопоставимъ постриженіе нашего посада съ древнерусскимъ обрядомъ пострига. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи, гдѣ вообще посадъ жениха съ постригами, повидимому, не встрѣчается, совершаютъ однако постриги надъ младенцами. Такъ, въ Мценскомъ у. Орловской губ., какъ передаетъ А. Н. Труновъ, „застрижки“ бываютъ по прошествіи года отъ рожденія. Застригаютъ дѣтей обоего пола. Церемонія происходитъ торжественно, при собраніи родныхъ и знакомыхъ. Ребенка сажаютъ на столъ на подушкѣ, около него, съ правой стороны кладутъ ножницы. Крестные мать и отецъ выстригаютъ волосы на головѣ младенца крестообразно и кладутъ на голову нѣсколько денегъ, что называется „осеребреніе“ [1]). У малороссовъ, по свидѣтельству Потебни, въ первый разъ постригаютъ ребенка на второмъ году; подъ него подкладываютъ „повесмо конопель, або кожухъ, щобъ бувъ косматый“ [2]). Есть извѣстіе, что обрядъ подстрига существовалъ также въ Области Войска Донского, но на сороковой день отъ рожденія, причемъ отецъ надѣвалъ на ребенка саблю, сажалъ его на лошадь, постригалъ ножницами волосы въ кружокъ и возвращалъ сына матери, поздравляя ее съ казакомъ [3]). Послѣдній фактъ уже очень близко напоминаетъ древнерусскіе постриги, при которыхъ также сажали на коня: „Сотвори постриги сынови своему Ярославу и на конь его всади“,—говоритъ Лаврентьевская лѣтопись про Всеволода Юрьевича. Уже давно было замѣчено, что актомъ пострига въ древней Руси признавалось вступленіе въ совершеннолѣтній возрастъ постриженнаго [4]). Посаженный торжественно на коня юноша уже считалъ себя съ этого момента воиномъ. Такъ и у донскихъ казаковъ отецъ поздравлялъ жену „съ казакомъ“. Но съ теченіемъ времени обрядъ теряетъ свое реальное значеніе, и постриги начинаютъ совершаться въ болѣе раннемъ возрастѣ, переходя затѣмъ и на младенческій періодъ.

Съ обрядовымъ постриженіемъ мальчиковъ мы встрѣчаемся не только у русскихъ; оно извѣстно и южнымъ славянамъ. Для постриженія здѣсь

---

1) „Записки“ И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., т. II, стр. 47—48.
2) „О значеніи нѣкотор. обрядовъ и повѣрій“, стр. 70, въ примѣч.
3) *Кулишеръ*, „Очерки сравнит. этнографіи и культуры“, стр. 80.
4) Ср. *Котляревскій*, „Древности юридич. быта Славянъ“, стр. 129–130.

избирается особое лицо „стрижиный кумъ", который по совершеніи обряда уже становится лицомъ, родственнымъ всей семьѣ. „Стриженому куму" подносятъ на тарелкѣ маленькія ножницы и подводятъ ребенка. Онъ трижды постригаетъ волосы ребенку и кладетъ ихъ на тарелку, затѣмъ одариваетъ его. Обрядъ совершается торжественно [1]). Постриги сохранились и у албанцевъ [2]). Тотъ же обрядъ мы встрѣчаемъ и у другихъ народовъ. Такъ, постриги совершаются у одного индусскаго горнаго племени Kolhs слѣдующимъ образомъ: на восьмой день по рожденіи ребенокъ принимается *въ родъ*. Приносятъ бѣлую курицу въ жертву Синборгу, а затѣмъ выстригаютъ волосы на головѣ, послѣ чего уже ребенку дается имя [3]). Обрядовое постриженіе волосъ мальчиковъ у дравидскихъ племенъ Бенгаліи бываетъ на 6—7 году отъ рожденія [4]). Цѣль этихъ постриженій—принятіе въ число членовъ рода именно родившагося или подростающаго его члена. Такое значеніе разсматриваемый обрядъ имѣлъ и у древнихъ индусовъ, гдѣ родовая религія получила высшее развитіе. Предписанія Ману гласятъ, что если ребенокъ умираетъ до двухъ лѣтъ безъ постриженія, то онъ *не считается предкомъ*, и послѣ него не должны были совершаться похороны и очищенія, приличныя умершему предку; духу его не предлагались священные поминальные пироги [5]). Это изреченіе Ману для насъ имѣетъ то значеніе, что оно объясняетъ, почему постриженіе, будучи въ первоначальномъ своемъ значеніи актомъ признанія зрѣлости, половой и военной, за молодымъ членомъ рода перешло на такой возрастъ, который очень далекъ отъ зрѣлаго. Каждая индусская семья стремилась дать какъ можно большее число потомковъ мужескаго пола, чтобы они были почитателями духовъ домашняго очага. Поэтому родъ стремился какъ можно скорѣе сопричислить, ввести въ свое лоно подростающаго члена. Съ момента вступленія въ возрастъ половой зрѣлости это посвященіе переходило на болѣе ранній возрастъ и наконецъ перешло и на дѣтство. Ребенокъ долженъ былъ быть принятъ въ число членовъ рода, чтобы въ случаѣ его ранней смерти онъ могъ быть сопричисленъ къ предкамъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы видимъ раздвоеніе одного и того же обряда. Въ дѣтствѣ совершается принятіе мужского потомка въ число членовъ рода, а при наступленіи возраста половой и боевой зрѣлости снова совершается принятіе его въ число взрослыхъ членовъ. Это мы наблюдаемъ въ обычаяхъ римлянъ. У нихъ было въ обычаѣ подрѣзывать и посвящать пер-

---

1) *Krauss*, Sitte und Brauch, 609.

2) *Maciejowski*, Hist. prawodawstw Słow., t. II, p. 322 (изд. 1858 г.).

3) *Jellinghaus*, Sagen, Sitten und Gebräuche der Mundo-Kolhs, въ Zeitschrift für Ethnologie, 1871, Bd. III.

4) Beschreibende Ethnologie Bengalens, Zeitschr. f. Ethn., 1874, Bd. VI, p. 384.

5) *L. Jacolliot*, Les traditions Indo-Asiatiques, Paris, 1876, p. 150, 148.

вые волосы на головѣ ребенка, причемъ происходило торжественное жертвоприношенiе; это называлось dies lustricus [1]). Но затѣмъ, съ наступленiемъ 17-ти лѣтъ, римскiй юноша торжественно праздновалъ свое вступленiе въ совершеннолѣтнiй возрастъ, когда надѣвалъ toga virilis и складывалъ передъ ларами свои insignia puerilia [2]).

Такое же раздвоенiе мы встрѣчаемъ и у грековъ, очевидно, вызванное аналогичными причинами. Праздникъ amphidromion соотвѣтствуетъ римскому dies lustricus; на немъ совершалось очищенiе матери и ребенка, которые обводились вокругъ алтаря домашней Гестiи [3]). Слѣдовательно, и здѣсь ребенокъ, посредствомъ очищенiя и моленiя домашнимъ богамъ, сопричислялся къ членамъ семьи. Но греческiе молодые люди, вступившiе въ зрѣлый возрастъ, должны были отпраздновать свое вступленiе посвященiемъ волосъ богу. Юноши посвящали свои волосы Аполлону [4]). По разсказу Лукiана, дѣвушкамъ и юношамъ въ Трезенѣ было запрещено вступленiе въ бракъ, пока они не посвятятъ своихъ волосъ Гипполиту, также солярному божеству [5]). Послѣднiй фактъ уже нѣсколько ближе связываетъ обрядъ пострига съ женитьбой. Интересную аналогiю мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностностяхъ Мексики, напр., въ Ichcatlau: здѣсь желающiй вступить въ бракъ приходитъ къ жрецу, который ведетъ его въ храмъ и тамъ отрѣзываетъ часть его волосъ [6]). У племени Miztecas, во время обряда связыванiя жрецомъ краевъ платья брачущихся, имъ отрѣзывали часть волосъ на головѣ [7]). Наконецъ, важный фактъ встрѣчаемъ мы у болгаръ. Здѣсь существуетъ обрядъ постриженiя ребенка, какъ и у всѣхъ южныхъ славянъ, но передъ свадьбой совершается торжественное снятiе волосъ на бородѣ парня. Утромъ, въ день свадьбы, къ нему является цирюльникъ и торжественно брѣетъ его. Двѣ дѣвушки собираютъ падающiе волосы, связываютъ ихъ въ платокъ и позже кладутъ въ сундукъ невѣсты. Остальныя дѣвушки пляшутъ и поютъ вокругъ жениха. По окончанiи бритья, цирюльникъ собираетъ отъ каждаго въ платокъ деньги, женихъ цѣлуетъ у всѣхъ руки и моется [8]).

Такимъ образомъ, приведенные факты даютъ намъ право вывести за-

---

1) *Marquardt*, Das Privatleben der Römer, Leipz., 1879, t. I, p. 81—82, срв. p. 581.

2) Ibidem, p. 122—124.

3) *Preuner*, Hestia—Vesta, p. 58.

4) *A. Gitte*, La chevelure. Revue des traditions popul., t. III, p. 402.

5) Ibidem, p. 404.

6) *Tegg William*, The Knottied. Marriage ceremonies of all nations. London, 1877, p. 128.

7) Ibidem, p. 129.

8) *Krauss, loc cit.*, p 442.

ключеніе, что бѣлорусскій обрядъ постриганія жениха представляетъ собою просто актъ признанія зрѣлости молодого члена со стороны его однообщниковъ. Этотъ обрядъ связывается со свадьбой главнымъ образомъ потому, что женитьба является главнѣйшимъ показателемъ половой зрѣлости мужчины или женщины. Въ самомъ дѣлѣ, общественное положеніе молодого человѣка у бѣлоруссовъ носитъ всѣ признаки зависимости его отъ семьи: онъ не можетъ выдѣлиться, онъ не можетъ наняться иначе, какъ съ согласія отца, матери или старшаго вообще и т. д. [1]). Кромѣ того, отъ него требуется до женитьбы сохраненіе цѣломудрія, и во многихъ мѣстностяхъ и по настоящее время несохраненіе цѣломудрія до женитьбы считается величайшимъ позоромъ для парня. Мало того, частности обряда нѣкоторыхъ мѣстностей прямо указываютъ на обрядовое значеніе пострига. Такъ, по записямъ Носовича, крестная мать, во время посада жениха, говоритъ нараспѣвъ: „подстригайся N съ ребячаго стану да въ мужскую славу“ [2]). О томъ же поетъ и пѣсня:

Брахна Миколкинъ по гумнѣ ходзиць,
Три сады садзиць,
Уси сады хмелевые.
Вiйся, хмѣлю, вiйся коло тычки,
Подстригайся (имя) съ ребяцкаго стану,
Да въ мужскую славу [3]).

Почти въ такихъ же выраженіяхъ крестная мать напутствуетъ жениха и въ Витебской губ. [4]).

Признаніе зрѣлости, особенно за мужчиною, имѣетъ вообще самое широкое распространеніе у различныхъ народовъ, хотя выражается иными способами и сопровождается иными обрядами. Но самое важное, что актъ признанія всюду совершается при наступленіи половой зрѣлости и предшествуетъ заключенію брака. Довольно общеизвѣстно сообщеніе Тацита, что молодые германцы опоясывались мечемъ въ народномъ собраніи и тутъ признавались воинами. У древнихъ иранцевъ общественное признаніе юноши или дѣвушки членомъ общины совершалось черезъ опоясываніе. У современныхъ парсовъ поясъ этотъ носитъ названіе kost и имѣетъ и теперь то же значеніе [5]). У башкиръ при сочетаніи бракомъ, мулла дарилъ жениху стрѣлу, говоря: „будь

---

[1]) О правовомъ положеніи парня до женитьбы въ бѣлорусской семьѣ говорится въ ст. о сем. правѣ.

[2]) Бѣлор. пѣсни, Записки И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этн., т. V, стр. 142.

[3]) Ibidem, стр. 196, № 60; ср. *Шейнъ*, Мат., ч. II, стр. 80.

[4]) Памятная книжка Витебской губ. на 1865 г., подъ ред. Сементовскаго, ст. Серебреникова, 85.

[5]) *Geiger*, Ostiranische Kultur in Alterthum, 238—239.

храбръ, содержи и защищай свою жену" [1]). Народы, стоящіе на низкихъ ступеняхъ развитія, представляютъ собою цѣлый рядъ очень интересныхъ фактовъ разбираемаго обряда. Вступленіе въ зрѣлый возрастъ выражается у нихъ различно. У нѣкоторыхъ племенъ это выражается просто перемѣною одежды, заботою о ней, ношеніемъ ожерельевъ и пр. (напр., нѣкоторыя племена Индо-Китая, Австраліи и пр. [2]). Эти сравнительно невинные способы отличить уже возмужалаго человѣка, способнаго къ брачной жизни, отъ невозмужалаго принимаютъ иногда очень оригинальныя формы. Такъ у американскихъ эскимосовъ, африканскихъ масарвовъ, у многихъ австралійцевъ и пр. продѣваютъ черезъ носовой хрящъ кость, раковину или желѣзо [3]). У чибчасовъ и аборигеновъ Калифорніи прокалываютъ дырочки въ ушахъ. У нѣкоторыхъ племенъ изувѣченіе имѣетъ болѣе слабый характеръ, какъ подпиливаніе и черненіе зубовъ, практикуемое у многихъ африканскихъ и австралійскихъ дикарей [4]). У многихъ племенъ тѣ же обычаи принимаютъ довольно сложныя формы. Въ южной Австраліи мальчики вводятся въ состояніе взрослаго на 14-мъ или 16-мъ году слѣдующимъ образомъ: его смазываютъ жиромъ, выдергиваютъ волосы изъ тѣла, и его друзья gather green gun bushes, which they place under his arm-pits and over the o s p u b i s, after which the boy is entitled to marry [5]). Въ другихъ частяхъ той же страны мальчики смазываютъ свое тѣло, волосы и конечности охрой и жиромъ, чего требуютъ обычаи, дающіе ему право быть мужемъ [6]). У готентотовъ юноши передъ вступленіемъ въ бракъ разрисовываютъ себѣ носъ, щеки и середину лба сажею. У гуарайевъ молодой человѣкъ за нѣсколько дней до женитьбы разрисовывается съ головы до ногъ и одѣваетъ оружіе [7]).

Очень интересенъ и тотъ фактъ, что у тѣхъ народовъ, которые практикуютъ татуированіе, какъ абипоны, дайяки, гуарайи, многіе австралійцы и др., это послѣднее совершается надъ молодыми людьми при вступленіи въ брачный возрастъ. Съ татуированіемъ связываютъ обычно, съ полнымъ основаніемъ, и другое явленіе—тотемизмъ [8]). Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ такъ называемыхъ „испытаній зрѣлости", это обрѣзаніе юношей, а иногда и дѣвушекъ. Почти у всѣхъ австралійскихъ племенъ оно совершается при первомъ появленіи волосъ на бородѣ и усахъ юно-

---

[1]) Словарь русскихъ суевѣрій. М., 1782, р. 34.
[2]) *Westermarck Eduard*, The History of human Mariage. London, 1891, p. 173.
[3]) Ibidem, 173—174.
[4]) Ibidem, p. 174.
[5]) Ibidem, p. 199.
[6]) Ididem, p. 176.
[7]) Ibidem, p. 176.
[8]) Ibidem, 177 и сл.

шеи [1]). Оно имѣетъ широкое распространеніе на западномъ и южномъ берегу Африки, въ христіанской Абиссиніи, у богосовъ, коптовъ, на Мадагаскарѣ, въ срединѣ чернаго континента—въ Монбутту и Аккѣ; кромѣ собственной Австраліи, оно извѣстно во всей Полинезіи, у многихъ аборигеновъ Южной и Сѣв. Америки и пр. Важно, что повсемѣстно этотъ обычай является, какъ актъ, признающій зрѣлость мужчины и дающій ему право вступить въ бракъ [2]).

Такимъ образомъ, нашъ обрядъ постриженія волосъ жениха связывается съ очень распространенными обычаями изувѣченій, какъ способовъ „испытанія зрѣлости“, такъ какъ и то и другое представляетъ актъ признанія зрѣлости половой и военной за молодымъ членомъ. Сущность мнѣній по этому вопросу большинства современныхъ этнологовъ сводится къ слѣдующему. На первобытныхъ ступеняхъ человѣческой культуры борьба за жизнь, за пропитаніе чрезвычайно трудна. Поэтому племя не имѣетъ возможности вскармливать всѣхъ своихъ рождающихся членовъ; извѣстная часть послѣднихъ уничтожается сейчасъ по рожденіи; избиваются не только дѣвочки, но и мальчики, хотя въ меньшемъ числѣ. Оставляется въ живыхъ столько народившихся членовъ, сколько племя или семья можетъ вскормить, и притомъ оставляются въ живыхъ наиболѣе здоровые дѣтскіе организмы. Разсчетъ тотъ въ послѣднемъ случаѣ, что здоровыя дѣти по достиженіи зрѣлаго возраста окажутся сильными членами племени, способными воевать, защищать себя и другихъ и кромѣ того производить здоровое и крѣпкое потомство. Съ наступленіемъ возраста половой зрѣлости, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и возрастомъ, когда юноша уже становится способнымъ носить оружіе, воевать,—молодые подросшіе члены вновь подвергаются испытанію, насколько они дѣйствительно способны воевать и производить. Съ этой цѣлью у многихъ племенъ дѣлаются очень суровыя испытанія, юношей подвергаютъ изувѣченіямъ, лишеніямъ и пр. Только выдержавшій такой искусъ можетъ вступить въ число взрослыхъ членовъ общины, можетъ носить оружіе и добывать себѣ жену [3]). Впрочемъ, современная наука обогатилась цѣнною книгою профессора Уэстермэрка, въ которой авторъ, однако, отрицаетъ существующіе взгляды на различные виды изувѣченій. Сущность его мнѣнія сводится къ тому, что всѣ обряды перехода въ возрастъ возмужалости, въ томъ числѣ и обрѣзаніе и другія изувѣченія, представляютъ собою своего рода coquéterie со стороны мужчинъ и женщинъ. Правда, что такое объясненіе какъ будто бы хорошо подходитъ къ теоріи о половомъ

---

1) Zeitschr. für Ethnologie, 1874, Bd. VI, p. 268, срв. p. 287 и сл.

2) *Westermarck.*, *loc. cit.*, p. 201—202.

3) См. *Спенсеръ*, Основ. соціологіи; срв. *его же*, Обрядовыя учрежденія. Сжато и полно теорія изложена г. *Кулишеромъ*, Очерки сравн. этн. и культ., стр. 57—58 и др.

подборѣ у животныхъ и людей, на которую авторъ особенно напираетъ, но нужно замѣтить и то, что подъ его теорію далеко не подходятъ факты суровыхъ изувѣченій и факты принятія въ родъ или племя испытаннаго юноши, которые онъ, намъ кажется, тщательно обѣгаетъ. Зачѣмъ было бы роду истязать своего молодого члена, посвящать его въ родъ съ религіозными обрядами и пр., когда все дѣло сводилось бы на то, чтобы этотъ юноша могъ нравиться женщинамъ. Но если племя практикуетъ строгую эксогамію съ похищеніемъ у враждебнаго племени, то зачѣмъ молодому члену прихорашиваться татуированіемъ или обрѣзываніемъ, когда ему нужна только сила и военная сноровка, чтобы добыть себѣ жену и защищать ее? Поэтому старая теорія изувѣченій, изложенная выше, имѣетъ все-таки болѣе основаній: подъ нее безъ натяжекъ подходитъ большее число извѣстныхъ наукѣ фактовъ, хотя и она не разъясняетъ всего и къ ней можно было бы предъявить не мало вопросовъ. Притомъ, она съ достаточной убѣдительностью разъясняетъ, почему суровыя изувѣченія съ теченіемъ времени теряли свой жестокій характеръ, переходя наконецъ въ символы и дойдя до насъ только въ переживаніяхъ. Въ виду этого можно съ большой вѣроятностью предположить, что постриганіе волосъ имѣло своимъ прецедентомъ одинъ изъ видовъ изувѣченій съ цѣлью испытанія зрѣлости, перейдя потомъ лишь въ символическій обрядъ.

Человѣкъ, признанный зрѣлымъ и способнымъ быть мужемъ, долженъ однако фактически доказать свою возмужалость тѣмъ или инымъ способомъ. Это требованіе дало поводъ къ многимъ и интереснымъ обычаямъ. Послѣдніе еще разъ указываютъ на то, что отъ вновь признаннаго члена требуется именно сила и военная сноровка, способность быть воиномъ, умѣющимъ защитить свою будущую семью и добыть ей пропитаніе. Такъ, у племени Галла, мужчина только тогда можетъ жениться въ средѣ своего племени, когда онъ оскопитъ извѣстное число враговъ и тѣмъ уменьшитъ число враждебныхъ конкурентовъ, которые могли бы похищать женщинъ его племени. Совершенно сродный обрядъ существуетъ и у абиссинцевъ [1]). На о. Борнео молодой человѣкъ, желающій вступить въ бракъ, долженъ отрѣзать голову своему врагу [2]). На о. Новомъ Самосѣ или Nicaria существуетъ такой обычай пробы жениха. Какъ только дѣвушка достигнетъ половой зрѣлости, отецъ ея объявляетъ, что у него есть дочь для замужества, и назначаетъ день, когда лучшій пловецъ можетъ получить въ призъ его дочь. Кто дольше всѣхъ продержится на водѣ, тотъ и считается даннымъ судьбою женихомъ [3]). У племени Creek молодой человѣкъ посылаетъ

---

1) *Kulischer*, Intercommunale Ehe durch Raub und Kauf. Zeitschrift f. Ethnol., 1878, H III, p. 194.

2) *Tegg*, *loc. cit.*, 165.

3) Ibidem, p. 164—165.

своей возлюбленной сало убитаго имъ медвѣдя и помогаетъ ей обработать поле, именно посадить бобы [1]). У Магутовъ и др. мужчина не имѣетъ права взять себѣ жену, пока не подвергнетъ себя жестокой пыткѣ [2]). Сюда же относятся и обычаи состязательной борьбы за дѣвушку, причемъ она достается побѣдителю. Слѣды такой борьбы находятъ въ древне-греческихъ миѳахъ [3]). У индѣйцевъ Гудзонова залива существуетъ обычай драться за женщину, и она достается побѣдителю [4]). Въ Новой Зеландіи, если дѣвушка имѣетъ двухъ равныхъ претендентовъ, то она достается сильнѣйшему. Сродные обычаи существуютъ на о. о. Самоа, Маори и др. [5]), у древнихъ индусовъ царская дочь доставалась тоже побѣдителю всѣхъ претендентовъ [6]). Въ Ирландіи было въ обычаѣ состязаться въ скачкахъ [7]). Въ Гуанѣ молодые люди не женятся до 15 и болѣе лѣтъ, пока не побѣдятъ своего соперника. У племени Muras практикуется борьба на кулакахъ между всѣми поклонниками дѣвушки. Въ Австраліи у многихъ племенъ, если женщина красива, къ ней приходятъ всѣ мужчины состязаться, и она достается побѣдителю [8]). Съ этимъ имѣютъ явную связь и обычаи, когда одинъ отнимаетъ жену у другого, побѣдивъ его въ какомъ-либо состязаніи. Такіе обычаи практикуются у многихъ племенъ Африки [9]), у камчадаловъ [10]) и др. Въ нѣкоторыхъ мѣстностьхъ Индіи существуетъ въ этомъ отношеніи оригинальный обычай. Если одинъ мужчина хочетъ лишить жены другого, онъ вызываетъ его на состязаніе, состоящее въ томъ, что противники вцѣпляются въ волосы другъ другу и держатся до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не закричитъ peccavi. Если побѣждаетъ вызвавшій, то онъ платитъ мужу за жену, а ее самое уводитъ [11]).

Проба силы мужчины передъ вступленіемъ въ бракъ дала интересныя переживанія.

На Далматскомъ побережьи молодые, въ первое послѣ свадьбы воскресенье, отправляются къ родителямъ молодой. Зять, прежде чѣмъ войти въ домъ, долженъ выказать свое искусство въ стрѣльбѣ: ему отворяютъ дверь только тогда, когда онъ попадетъ изъ ружья въ деревянную фигуру,

---

1) *Post*, Studien, p. 235.
2) *Спенсеръ*, Осн. соціологіи, II, p. 688 и сл.; *Post*, Studien, p. 231—233.
3) *Rossbach*, Untersuchungen über d. Röm. Ehe, 221.
4) *Леббокъ*, Начало цивилизаціи, p. 74.
5) *Westermarck*, *loc. cit.*, p. 161.
6) Ibidem, p. 162.
7) Ibidem, p. 163.
8) Ibidem, p. 160 и 161, въ примѣч.
9) Ibidem, p. 161.
10) Ibidem, p. 161—162.
11) Ibidem, p. 160.

прикрѣпленную къ дереву [1]). У французовъ родители невѣсты стараются провѣрить, хорошій ли работникъ парень, сватающійся къ ихъ дочери [2]). У сицилійцевъ молодой человѣкъ долженъ выказать силу и ловкость, чтобы имѣть право предложить свою руку возлюбленной. Съ этой цѣлью въ Chiaramonte и другихъ мѣстностяхъ парень старается взять во время процессіи самую большую хоругвь и, проходя мимо дома возлюбленной, подбрасываетъ эту хоругвь, выказывая такимъ образомъ свою ловкость и намекая на желаніе посвататься [3]). У нихъ же ловкому и мужественному парню дозволяется обычаями похитить дѣвушку. Если дѣвушка отказываетъ парню и выходитъ за другого, то первый поджидаетъ ее у входа въ церковь и отсюда быстро уноситъ на глазахъ у всѣхъ. Если дѣвушку не успѣютъ отнять во время, она должна сдѣлаться женою похитителя въ награду за любовь и мужество. Родители-же ея считаютъ такое похищеніе за честь себѣ и дочери [4]).

Такимъ образомъ, сила, ловкость и мужество, приспособленныя къ защитѣ и нападенію, требуются преимущественно отъ молодого человѣка, желающаго вступить въ бракъ. Одна пѣсенка сѣв.-американскихъ индѣйцевъ такъ описываетъ идеалъ дѣвушки; „My love is toll and graceful at the young pine waving on the hill —And as swift in his course as the noble stately deer. – His hair is flowing, and dark as the black bird that floats throught the air. —And his eyes, like the eagles, both piercing and bright.— His heart, it is fearless and great, and his arm, it is strong in the fight“.— У одного племени на Мадагаскарѣ качества жениха описываются въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Placed at a certain distance from a clever caster of the spear, he is bidden to catch between his arm and side every spear thrown by the man opposite to him. If he displays fear or fails to catch the spear, he is ignominiously rejected; but if there be no flinching and the stears are caught, he is once proclaimed an „accepted lover“ [5]).

Если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ представляетъ себѣ жениха бѣлорусская свадебная поэзія, въ которой еще въ достаточной мѣрѣ сохранились традиціи стариннаго бытового строя, то мы найдемъ въ ней полное соотвѣтствіе только что сказанному. Пѣсни поютъ о женихѣ—добромъ молодцѣ; онъ красивъ, но главнымъ образомъ онъ воинъ, добывающій себѣ дѣвицу, а добываніе это сопряжено съ большими трудностями. Мы приведемъ нѣсколько пѣсенныхъ отрывковъ.

---

1) Юридич. Вѣстникъ, 1877, № 1, стр. 115.

2) *Carrence*, Le marriage chez nos peres, p. 178.

3) *Pitre*, Biblioteca d. tradiz. popol. sicil v. XV, Usi, v. II, p. 24.

4) Ibidem, p. 24—24.

5) *Westermarck*, *loc. cit.*, p. 255.

По пѣснѣ Витебской губерніи мать родила Ванютку „ў нидзѣльку",—

Кола рэчыньки ходзила,
Зельле коренне копала
И тымъ Ванютычку ўмывала,
Кабъ яго уроци ни брали.
А ни винныя похмѣльле,
Ни цяжкое ўздыханьне,
Ни Ганкина цалованьне [1]).

Такъ онъ закаленъ еще съ перваго дѣтства. Пѣсни представляютъ жениха красивымъ, статнымъ молодцемъ. Хомочка на конѣ—„червонѣй, пригожей" калины; онъ расчесалъ „русъ хохолъ, позавивавъ кудри молодзецкія" [2]); онъ—„бѣлиньки, кудравиньки"; его „бялёсинька" умывали сестрицы, расчесывали кудри—братья. Его посылаютъ съ напутствіемъ:

А и ѣдзь орати, Иванька, да ня баўся!
Скрозь цемную, скрозь ночушку пробивайся,
И до свае Гапулюхны добивайся [3]).

Женихъ соотвѣтственно одѣтъ. Ѣдетъ Ригорка—„а ў яго шапунька ярунька и золотая квѣтунька" [4]), „яго боцики казловы, у яго панчёшки бялевые, у яго падвязки шоўковы",—говоритъ другая пѣсня [5]).

Прыбирайся, Сямёнка,
То ў атласъ, то ў золото,
То ў чырвоную шапку,
Кабъ отъ цабе вулочказзьяла,
Кабъ цябе дзѣвочка знала [6]).

Куда ни явится женихъ—все собою озаряетъ: „на дворъ ўзъѣхавъ—дворъ зазьявъ, съ коня злѣзъ—конь зарзавъ, ў сѣнки войшовъ—шапку знявъ" [7]).

Пѣсни часто поютъ о его „вѣжествѣ". Вотъ какъ входитъ онъ въ домъ своей тещи:

Ай вумниинькій, разумниинькій Паўлютка
Къ тещи на дворъ василёчкомъ сьцелицца,
У сѣни лѣзиць—гарнушичкомъ ко́цицца,
У хату лѣзиць червоною мятою,

---

1) *Шейнъ*, Матерьялы, ч. II, 36, № 48.
2) *Романовъ*, Бѣлор. Сб., в. I, р. 462, № 125.
3) *Шейнъ*, Бѣлор. пѣсни, р. 301, № 559.
4) *Романовъ*, *loc. cit.*, р. 364, № 111.
5) *Шейнъ*, Бѣл. пѣсни, р. 302.
6) *Шейнъ*, Матерьялы, ч. II, р. 287, № 5.
7) *Романовъ*, *loc. cit.*, р. 356, № 83.

За столикомъ соколикомъ верцицца,
Ли Матрунки близёхынько садзицца [1]).

Или по другой пѣснѣ—Яночка ѣдетъ къ тестю:

Ёнъ дзиця разумное,
Ёнъ море селезнемъ плывець,
Ёнъ поле соколомъ ляциць,
У вороцяхъ росой падзець,
На дворѣ княземъ станець,
За столомъ госьцемъ сядзець [2]).

Но всѣ эти качества блѣднѣютъ передъ описаніемъ жениха, какъ воина, воюющаго съ своей дружиной съ тестемъ, добывающаго себѣ невѣсту. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мнѣ придется подробнѣе коснуться пѣсенъ объ умыканіи дѣвушки. Теперь я ограничусь нѣсколькими выдержками, характеризующими главнымъ образомъ жениха. Зять стоитъ за воротами у „грознаго тестя, снѣжкомъ перепаўши“ [3]). Янечка сидитъ и крѣпкую думу думаетъ о томъ, какъ пришлось ему добывать невѣсту. Онъ „поняў родзину богатую, зъѣздзиў конична гарцуючы, стоптаў боцики танцуючы“ [4]). Невѣста жалуется своему брату, что

Откуль ўзяўся Ликсѣйка:
Коныкомъ таночыкъ разыгнаў,
Ручками вяночыкъ разырваў,
А мяне, мылоду, къ сабѣ ўзяў [5]).

„Ликсѣйка воюицца“, такъ что „ўси людзи дзивуюцца“ [6]). Яркими красками рисуютъ жениха-воина смоленскія пѣсни. Онъ—„сизый орелъ„, который собирается попутать „чоронъ шоўкъ“—косу невѣсты, разсыпать „крупенъ жемчугъ“—слезы ея [7]). Женихъ собирается на сторону незнакомую на добромъ ворономъ конѣ, впереди его ле итъ соколъ, по сторонамъ—друзья ѣдутъ: „Мяне, молодца, не выдадуць, да суженую мнѣ выведуць“ [8]). Женихъ—„князь Егорушка“ подъѣдетъ къ тестеву двору, „стукнець, грохнець ў вереюшку—вереюшка покачнулася“. Для невѣсты онъ—„погубицель, погубиць мяне, дзѣўку красную“ [9]). „Грозенъ князь Егорушка“ подъѣзжаетъ

1) *Шейнъ*, Матерьялы, ч. II, р. 17, № 5.
2) Ibidem, р. 84, № 37.
3) Ibidem, р. 92, № 57.
4) Ibidem, р. 80, № 28.
5) Ibidem, р. 56, № 84.
6) Ibidem, р. 56, № 85.
7) Ibidem, р. 404, № 3.
8) Ibidem, р. 405, № 5.
9) Ibidem, р. 407, № 7.

къ тестеву двору, „стукнець, грохнець ёнъ копьёмъ у ворота"—и требуетъ Аленушку [1]). Онъ ѣдетъ—

И какъ соколъ лецяць,
Колоколъ гудзиць ли,
Какъ Егоръ ѣдзець,
Уся земля трасецца [2]).

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ (хотя подобные мотивы общи малорусской и великорусской свадьбѣ) [3]) отразились переживанія того болѣе ранняго строя жизни, когда отъ мужчины, вступившаго въ возрастъ половой зрѣлости, требовалось, чтобы онъ прежде всего былъ воиномъ, подобно тому, какъ это показываютъ обычаи другихъ народовъ. Но рядомъ съ этимъ требуется и фактическое достиженіе половой зрѣлости, что тѣсно соединяется одно съ другимъ. Одинъ наблюдатель описалъ: „Бывали случаи, что послѣ сватовства родители невѣсты свидѣтельствовали дѣтородные органы жениха, если были какія-либо сомнѣнія на счетъ его способности удовлетворительно выполнить назначеніе мужа" [4]). Съ этимъ гармонируютъ обычаи, по которыхъ послѣ доказанной импотенціи мужа бракъ немедленно расторгается въ первые же дни послѣ его заключенія [5]).

Покончивъ съ обрядомъ пострига, перейдемъ къ разсмотрѣнію значенія тѣхъ аттрибутовъ, которые его сопровождаютъ.

Посадъ совершается среди торжественной, напряженно-серіозной обстановки, въ присутствіи ближайшихъ родственниковъ, знакомыхъ и дружекъ. Главную роль играетъ крестный отецъ или мать, или сватъ—лица всегда уважаемыя; имъ помогаетъ старшій дружка. Это соотвѣтствуетъ бытовому значенію всей церемоніи. Возмужавшій молодой человѣкъ вводится въ число членовъ рода, общины въ присутствіи ближайшихъ и важнѣйшихъ ихъ представителей; онъ вводится наиболѣе почтеннымъ лицомъ ея, замѣнившимъ прежняго родовладыку, старѣйшину. Участіе дружекъ объясняется характеромъ и значеніемъ дружины жениха, какъ остатковъ родового „полка", блюдущаго интересы рода, на стражѣ которыхъ долженъ стоять теперь и новый членъ.

Весь обрядъ совершается при обстановкѣ, которая носитъ характеръ религіозныхъ пережитковъ. Это послѣднее обстоятельство—связь бытового факта съ религіею—явленіе обычное. Соотвѣтственныя обычаи римлянъ и грековъ имѣли также религіозное освященіе. Даже у народовъ съ мало

---

1) Ibidem, p. 411, № 12.
2) Ibidem, p. 412, № 14.
3) См. статью *Охримовича* въ „Этнограф. Обозрѣніи" 1892 г.
4) *Шейнъ*, Матерьялы, ч. II, p. 15.
5) См. *Post*, Szudien, p. 228.

развитою религіею актъ признанія зрѣлости связывается съ религіею. Такъ, нѣкоторые австралійскіе дикари, татуирующіеся при наступленіи зрѣлаго возраста, объясняютъ этотъ обрядъ тѣмъ, что богъ Мурамура разрисовалъ первое дитя, созданное имъ, и такъ приказалъ дѣлать [1]). Жители о.о. Фиджи приписываютъ установленіе татуированія богу Денгей [2]). Таитяне разсказываютъ легенду о Тааροа, Апаувару и ихъ дочери Гинериремонои, которыхъ они считаютъ богами [3]) и пр.

Бѣлорусскій посадъ прежде всего связывается съ культомъ домашняго очага, культомъ предковъ. Сюда относится обхожденіе вокругъ стола, замѣнившаго собою древній жертвенникъ, и поклоненіе куту (углу), куда перенесено мѣстопребываніе духовъ предковъ; употребляемая при прижиганіи волосъ громничная свѣча, хранимая круглый годъ за образами,—возженный огонь на жертвенникѣ. Объ этихъ предметахъ, которые вообще играютъ крупную роль въ свадебномъ обрядѣ, мнѣ придется говорить особо, гдѣ я надѣюсь доказать указанное ихъ значеніе. Здѣсь же я считаю нужнымъ остановиться на обрядовомъ значеніи вывернутаго овчиннаго тулупа и квашни (дзежи), на которые сажаютъ молодого.

На дежу перешло почитаніе, которое у всѣхъ славянъ придается хлѣбу. Посидѣть около дежи или на дежѣ—символически выражаетъ желаніе, чтобы родилъ хлѣбъ, чтобы онъ не выводился. Когда бѣлоруссъ входитъ въ первый разъ во вновь устроенную избу, онъ вноситъ прежде всего дежу, покрытую бѣлою скатертью; хозяйка должна посидѣть около нее нѣсколько времени, чтобы хлѣбъ не переводился [4]). Во многихъ мѣстностяхъ молодые входятъ въ избу и выходятъ изъ нея подъ крышкою дежи (Игуменскій у., напр.). Дежа употребляется при пожарахъ, гаданіяхъ и вообще пользуется всеобщимъ у славянъ уваженіемъ [5]).

Сажаніе на вывернутомъ тулупѣ выражаетъ также пожеланіе всякаго богатства, обилія вообще. Мать жениха или невѣсты встрѣчаетъ всегда молодыхъ въ вывернутомъ тулупѣ. Въ Борисовскомъ уѣздѣ сватъ ведетъ невѣсту къ столу, держа ее за руку черезъ кожухъ [6]). Въ одной пѣсенкѣ говорится, что

Агашка за столъ идзець,
Шубочку ў рукахъ несець [7]),

---

1) *Westermarck*, *loc. cit.*, p. 169.

2) Ibidem, p. 170.

3) Ibidem, p. 179—180.

4) Труды Этногр. Отд. Моск. Общ. Любит. Естествозн., кн. IV, Вѣров. и обряды жит. Могил. губ., стр. 28.

5) *Сумцовъ*, О свад. обр., стр. 147.

6) *Шейнъ*, Матер., II, стр. 143.

7) Ibidem, 99.

гдѣ шубочка, повидимому, приравнивается къ богатству, которое принесетъ невѣста въ свое новое жилище. И въ другихъ случаяхъ жизни вывернутый тулупъ у бѣлорусса служитъ символомъ богатства [1]). Для объясненія этого значенія мѣха Потебня привелъ прекрасное объясненіе: „мохнатъ—богатъ“, говоритъ поговорка [2]). Подобное значеніе мѣхъ имѣетъ у всѣхъ славянъ [3]).

Важно отмѣтить, что мѣхъ повсемѣстно тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ аграрными культами, и жертвоприношеніе овцы—лучшая дань аграрнымъ божествамъ. Это относится не только къ славянамъ [4]), но въ равной мѣрѣ и къ римлянамъ, германцамъ [5]), древнимъ египтянамъ и мн. др. [6]). Римское преданіе, сохраненное Овидіемъ, говоритъ, что въ случаѣ неплодородія земли слѣдуетъ принести овцу въ жертву Фавну, какъ это сдѣлалъ Нума, причемъ именно шкура овцы играла при обрядѣ крупную роль [7]). Съ этой стороны понятно, почему въ народномъ представленіи шкура животнаго сравнивается съ тучею, дающею также плодородіе полей [8]). Въ индусскихъ гимнахъ сама земля, подательница плодородія, сравнивается иногда съ шкурою животнаго, распростертою Агни [9]). По другимъ представленіямъ шкура сравнивается съ кущей дерева, которое также служитъ символомъ растительной силы [10]). Поэтому становится понятной и связь шкуры овцы съ Ярилой, въ представленіи славянъ, отмѣченная Аѳанасьевымъ [11]). Это нѣсколько сходно съ ролью козлиной шкуры въ культѣ Діониса; ее носилъ очиститель при очищеніяхъ [12]). Ниже мы еще увидимъ спеціальное значеніе шкуры овцы для плодородія женщины. Но и сказаннаго достаточно, чтобы прійти къ заключенію, что сидѣніе въ нашемъ посадѣ на овчинномъ тулупѣ имѣетъ самую тѣсную связь съ аграрнымъ культомъ.

Сводя къ одному общему представленію все сказанное о посадѣ жениха, мы получили слѣдующую картину. Посадъ не представляетъ собою

---

[1]) „Виленскій Сборникъ“ Кулина I, ст. *Крачковскаго*, стр. 107, 190.

[2]) О знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій, стр 69.

[3]) См. *Сумцовъ*, О свад. обрядахъ, стр. 109; *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. Слав., I, 690; Архивъ Калачова, т. I, ст. Буслаева, стр. 6—7. Ср. гаданіе, Словарь русскихъ суевѣрій, М. 1782, стр. 123.

[4]) *Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр., I, стр. 680.

[5]) Указаніе см. у Karlowa, Die Formen d. Röm. Ehe, p. 21—23.

[6]) *Bastian*, der Mensch in der Geschichte, B. III. p. 130 и сл.

[7]) *Preller*, Römische Mythologie, p. 338.

[8]) *Schwartz*, Indogermanische Volksglaube, p. 30.

[9]) *Bergaigne*, La religion Vedique, t. I. 241.

[10]) *De Gubernatis*, La mythologie des Plantes, t. 1, p. 123.

[11]) Поэтич. воззр., I, 682—683.

[12]) *Faucart*, Des associations religieuses, p. 73.

части собственно свадебнаго ритуала. Въ основѣ его лежитъ бытовой актъ— принятіе въ число членовъ рода новаго возмужавшаго члена; принятіе это основывается на признаніи зрѣлости этого члена, половой и военной, или, примѣняясь къ позднѣйшему быту, —зрѣлости хозяйственной, способности быть хозяиномъ, продолжателемъ рода и блюстителемъ домашнихъ культовъ. Въ основѣ этого акта, быть можетъ, лежитъ болѣе древній мотивъ—„испытаніе зрѣлости“ съ тѣми же цѣлями. По отношенію къ свадьбѣ, этотъ актъ предварительный; только возмужавшему члену рода, признанному таковымъ со стороны своихъ сочленовъ, дозволяется ввести въ домъ, пріобщить къ домашнему алтарю новаго члена, будущую жену его. Этимъ объясняется связь посада съ свадебными обрядами. Далѣе, посадъ обставленъ по преимуществу культомъ родовымъ, затѣмъ аграрнымъ. Онъ принялъ окончательный видъ, очевидно, въ ту пору народной жизни, когда народъ имѣлъ родовое устройство и когда главнымъ его занятіемъ было земледѣліе.

V.

Посадъ невѣсты. *(Продолженіе)*.

Подрѣзываніе и растрепываніе волосъ невѣсты у различныхъ народовъ.—Мнѣнія ученыхъ объ этомъ. — Значеніе обряда. — Переживанія: женскій головной уборъ, потеря косы—потеря цѣломудрія.—Бѣлорусскія пѣсни о косѣ дѣвицы.—Обрядъ сажанія невѣсты на овчинномъ тулупѣ.—Обычаи индусовъ.—Шкура животнаго и ея значеніе.—Сидѣніе невѣсты у другихъ народовъ.—Мнѣнія ученыхъ объ этомъ обрядѣ.—Значеніе его. — Покрываніе невѣсты. — Положеніе обряда въ бѣлорусской свадьбѣ.—Покрывало у римлянъ и др. народовъ.—Связь покрывала съ краснымъ цвѣтомъ.—Символика краснаго цвѣта.—Мнѣніе ученыхъ о покрываніи невѣсты.— Религіозное значеніе покрывала.—Значеніе краснаго цвѣта.—Религіозная концепція покрывала съ краснымъ цвѣтомъ.—Общій колоритъ посада невѣсты.

Посадъ невѣсты, подобно посаду жениха, —обрядъ сложный и мы мало встрѣчаемъ полныхъ ему аналогій. Но если мы обратимся къ основнымъ чертамъ его, представляющимъ какъ бы три составныя части его, то встрѣтимъ самое широкое распространеніе его у различныхъ народовъ. Напомнимъ, что три основныя момента посада невѣсты составляютъ: подстриганіе или прижиганіе косы ея, упрощающееся иногда простымъ расплетеніемъ ея, сажаніе на вывернутомъ овчинномъ тулупѣ и покрываніе головы ея во время обряда. Разсмотримъ эти части.

Начнемъ съ обряда подстриганія косы. У др. индусовъ, при чтеніи изреченій, выражающихъ символически удаленіе дѣвушки изъ дома ея родителей, ей отрѣзывали съ двухъ сторонъ по локону волосъ и привязывали на ихъ мѣсто по клочку овечьей шерсти; жрецъ говорилъ при этомъ: „Я

освобождаю тебя отъ оковъ Варуны, которыми связалъ тебя блестящій Савитри“ [1]). Римская невѣста зачесывала свои волосы in sex crines; они растрепывались копьемъ. hasta coelibaris, и перевязывались повязкой, vitta lanea [2]), что соотвѣтствуетъ привязыванію овечьей шерсти у индусовъ. У дорянъ, невѣстѣ подстригала волосы сваха — нимфетрія [3]). Аналогичные обычаи сохранились у итальянцевъ. У калабрійцевъ, невѣстѣ растрепываютъ волосы особымъ остріемъ, на подобіе копья, назыв. spatina, что вполнѣ соотвѣтствуетъ римскому hasta coelibaris [4]). У сицилійцевъ, на заручинахъ, невѣсту сажаютъ среди комнаты, и мать жениха раздѣляетъ ей волосы особымъ гребешкомъ, pettine [5]). Въ настоящее время обычай расплетать косу невѣсты передъ вѣнчаніемъ извѣстенъ у всѣхъ славянъ [6]). Но онъ также бытуетъ и у другихъ народовъ, выражаясь съ тѣми или другими отличіями. Такъ, у латышей невѣстѣ передъ вѣнцомъ чешутъ голову; каждый присутствующій чешетъ понемногу, подруги заплетаютъ косу [7]). У эстовъ обрядъ сродный бываетъ на утро послѣ брачной ночи: молодой подрѣзываютъ волосы и привѣшиваютъ на лобъ особую ленту, на которой виситъ нѣсколько монетъ [8]). У чувашъ существуетъ обрядъ окручиванія: невѣстѣ свахи расплетаютъ косу и вмѣсто дѣвичьяго убора одѣваютъ женскій [9]). Въ самомъ дѣлѣ, надѣваніе женскаго головного убора, каковой обрядъ существуетъ и у бѣлоруссовъ, имѣетъ много общаго по основному своему характеру, какъ увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ; оба обряда часто соединяются. Расплетеніе дѣвичьей косы существуетъ у мордвы[10]), при чемъ невѣста отдаетъ матери кисточку, которую она имѣетъ всегда въ косѣ [11]), подобно тому какъ у бѣлоруссовъ невѣста отдаетъ матери „уплеты“, ленточки изъ косы. Подобно чувашамъ, у калмыковъ зачесываютъ косу невѣстѣ по-женски передъ ложемъ [12]). У лопарей невѣста является передъ гостями съ растрепанными волосами [13]). Довольно сложный обрядъ существуетъ у абиссинцевъ. Здѣсь жениху и невѣстѣ отрѣзывается по локону волосъ; эти

---

1) *Weber*, Indische Studien, V, 319.

2) *Rossbach*, *loc. cit.*, 286—287.

3) Ibidem, p. 216.

4) *Dorsa*, La tradizione greco-latina negli usi etc., p 36.

5) *Pitrè*, Biblioteca d. tradiz. popol., v. XV v. II, p. 33.

6) *Сумцовъ*, О св. обр., 150 и др., *Терещенко*, Бытъ р. нар., II, 132 др., и Слов. русск. суев., 1782 г., стр. 5.

7) *Вольтеръ*, Матерьялы и пр., стр. 177.

8) *Schröder*, Die Hochzeitsbräuche der Esten, p. 147.

9) *Сбоевъ*, Чуваши, стр. 35.

10 *Майновъ*, Очерки юрид. быта Мордвы, стр. 66.

11) Ibidem, 91.

12) *Ир. Житецкій*, Астраханскіе калмыки, М., 1893 г., стр. 22.

13) Словарь русск суев., М., 1872 г, стр. 27.

локоны погружають въ вино, смѣшанное съ медомъ, а затѣмъ прикалываютъ локонъ невѣсты къ волосамъ жениха, и наоборотъ [1]). Этимъ какъ бы указывается на связь жениха и невѣсты. Но гораздо характернѣе обычай съ волосами дѣвушки у нѣкоторыхъ персидскихъ племенъ. У персовъ есть средство для предпріимчиваго влюбленнаго юноши обойтись безъ согласія родителей невѣсты. При удобномъ случаѣ, онъ отрѣзываетъ локонъ волосъ дѣвушки, срываетъ съ нея покрывало и набрасываетъ простыню, объявляя ее обрученною [2]). У одного горнаго персидскаго племени vizeres, съ сильными остатками матріархата,—выборъ мужа зависитъ отъ женщины. Если ей нравится какой нибудь мужчина, она посылаетъ въ его станъ тамбуриста: онъ долженъ приколоть къ шапкѣ жениха платочекъ булавкою, къ которой она прикрѣпила часть своихъ волосъ. Тамбуристъ передаетъ платокъ и булавку избраннику публично, и послѣдній обязанъ жениться на избравшей его дѣвушкѣ, если можетъ уплатить отцу ея соотвѣтственную плату [3]). Интересно еще отмѣтить обычай китайцевъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай, что одна изъ замужнихъ женщинъ заплетаетъ косу невѣстѣ по-женски,—и въ этомъ состоитъ вся брачная церемонія: и законъ, и общественное мнѣніе считаютъ бракъ заключеннымъ [4]); въ другихъ же мѣстахъ къ этому присоединяются еще другія церемоніи [5]).

Такимъ образомъ, подрѣзываніе или растрепываніе женской косы имѣетъ широкое распространеніе въ свадебныхъ обрядахъ. Учеными были высказаны различныя мнѣнія по поводу значенія этого обряда. Гаасъ высказывалъ предположеніе, что отрѣзываніе локона въ индусскомъ ритуалѣ имѣло то значеніе, что невѣста символически отдѣлялась отъ своего родного дома [6]), но расчесываніе косы онъ отдѣляетъ и отъ отрѣзыванія, предполагая, что этотъ актъ, подобно оскопленію, совершался для очищенія и предохраненія отъ чаръ [7]). Преллеръ актъ растрепыванія волосъ связываетъ съ культомъ Юноны: новобрачная должна перейти во власть мужа, но въ то же время она находится подъ покровительствомъ богини; онъ сопоставляетъ употребленіе hasta coelibaris съ ношеніемъ копья женщинами на сабинскомъ празднествѣ въ честь Юноны [8]). Къ числу мнѣній, придающихъ женской косѣ въ обрядахъ характеръ религіозный, относится и мнѣніе

---

1) *Tegg*, Marriage ceremonies of all nations, p. 172.

2) Ibidem, p. 156 Сродный обычай у калабрійцевъ былъ уже приведенъ по другому поводу, см. „Этн. Об." кн. XVII, стр. 53.

3) Ibidem, 158.

4) Usi nuziali nelle China, Archivio per lo st. d. trad. popol.. 1888, p. 487.

5) *Tegg*, *loc. cit.*, 116.

6) *Weber*, Jnd. Studien, V, 277—8.

7) Ibidem, 278.

8) *Preller*, Römische Mythologie, p. 248.

проф. Сумцова, сопоставляющаго женскую косу съ солнечною косою [1]). Но объясненія изъ религіозныхъ воззрѣній народовъ едва ли могутъ имѣть приложеніе въ данномъ вопросѣ: здѣсь проглядываетъ чисто бытовой фактъ. Уже Edelstand du Méril видѣлъ въ обычаяхъ раздѣленія волосъ на головѣ невѣсты актъ завладѣнія ею [2]). Даргунъ прямо видитъ въ обычаѣ подрѣзыванія косы пережитокъ похищенія невѣсты [3]).

Послѣднее предположеніе, по нашему мнѣнію, наиболѣе удовлетворительно объясняетъ различныя проявленія обычая. Тогда понятно, что копье является оружіемъ завладѣнія невѣстой; растрепать волосы, обрѣзать ихъ —достаточно, чтобы выразить завладѣніе ею, объявить ее обрученною, какъ въ приведенномъ персидскомъ обрядѣ. Съ этой стороны понятно также и обрядовое рваніе косы невѣсты женихомъ въ великорусскихъ обрядахъ [4]); общеизвѣстенъ обрядъ, совершающійся и у бѣлоруссовъ передъ самымъ отъѣздомъ молодой къ жениху,—покупка женихомъ ея косы: купить косу дѣвушки—все равно, что пріобрѣсти, купить ее самое.

Расчесываніе косы часто соединяется съ другими обрядами—надѣваніемъ женскаго головного убора, который также представляетъ пережитокъ. Что касается происхожденія настоящаго обряда, то едва ли не болѣе вѣрное будетъ—видѣть въ немъ остатокъ трофеевъ. Для побѣдителя женщина являлась такимъ же побѣжденнымъ врагомъ, какъ и мужчина. Побѣжденнаго мужчину онъ убивалъ, снималъ съ него скальпъ, отрѣзывалъ носъ, руку или др. часть тѣла для удовлетворенія своей гордости побѣдителя, отпуская врага иногда и живымъ, но изувѣченнымъ. Съ развитіемъ экзогаміи, съ возрастающимъ стремленіемъ мужчины имѣть себѣ жену—плѣнницу и рабу, снятіе съ послѣдней скальпа, отрѣзываніе носа и т. п. дѣлалось невыгоднымъ. Но всетаки побѣжденныя женщины были врагами, и побѣдители какъ трофей обрѣзывали волосы тѣмъ изъ нихъ, которыя предназначались въ жены. Если мужчина-плѣнникъ оставлялся въ живыхъ, съ него также срѣзывали волосы или брили голову. Этимъ объясняется обычай, по которому рабамъ запрещалось носить длинные волосы; обычай извѣстенъ не только у американскихъ и австралійскихъ дикарей, грековъ и римлянъ, но онъ перешелъ еще и въ средніе вѣка [6]). Женщины очень многихъ австралійскихъ племенъ, какъ лица несвободныя, также носятъ короткіе волосы—признакъ ихъ рабскаго положенія [7]).

---

[1]) О свадебн. обр., стр. 152.

[2]) *Edelstand du Méril*, *loc. cit.*, p. 16.

[3]) Das Mutterrecht und Raubehe, p. 82.

[4]) *Терещенко*, Быт. р. нар., II, 174.

[5]) *Спенсеръ*, Обрядовыя учрежденія, перев. Лучицкаго, стр. 94—98.

[6]) *Карасевичъ*, Гражданское обычное право Франціи, стр. 83.

[7]) *Спенсеръ*, Обр. учр., 98.

Съ другой стороны, длинные волосы всегда служатъ признакомъ свободнаго человѣка [1]). У древнихъ славянъ также длинный клокъ волосъ (чубъ) былъ признакомъ благороднаго происхожденія и свободы [2]).

Такимъ образомъ, подстриженіе волосъ женщины служитъ признакомъ ея перехода въ подчиненное положеніе. Съ теченіемъ времени, когда женщина выдѣлилась изъ толпы рабовъ, когда она сама стала блюстительницей домашняго очага, ее перестали лишать ея природнаго украшенія смѣшивавшаго ее съ настоящими рабами; въ обрядахъ же свадебныхъ остался одинъ пережитокъ бытового факта въ видѣ подрѣзыванія косы, да въ видѣ перемѣны въ способѣ ношенія волосъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемся съ распространеннымъ обычаемъ, что женщины замужнія носятъ свои волосы прикрытыми, или, по крайней мѣрѣ, не могутъ распускать ихъ, что дозволяется только дѣвушкамъ. Въ древней Индіи замужнія женщины носили волосы стянутыми подъ сѣткой, дѣвушки—распущенными [3]). Такъ же носили и древнія Римлянки [4]). По древне-армянскому обычаю женщины не могли носить распущенныхъ волосъ; переносное значеніе для замужества было—„unter die Haube kommen" [5]). Въ Эстоніи женщины носятъ чепцы или шляпки, дѣвушки распущенные волосы, или заплетенные въ двѣ косы [6]). Аналогичные обычаи извѣстны всѣмъ славянамъ [7]). У калмыковъ съ момента расплетенія дѣвичьей косы, женщина всю жизнь не должна показываться съ открытою головою [8]),—обычай, строго соблюдаемый на всемъ пространствѣ Россіи. У албанцевъ дѣвушки по своему головному убору отличаются отъ замужнихъ [9]) и т. д.

Распущенные волосы—признакъ дѣвичества и цѣломудрія. Чтобы овладѣть женщиной, нужно прикрыть ея волосы, растрепать ихъ или подрѣзать, какъ мы видѣли изъ предшествующихъ обычаевъ. Невѣста одного горнаго индусскаго племени поетъ своему возлюбленному: если ты не имѣешь денегъ (чтобы выкупить ее), то не пой „приди ко мнѣ: моя коса распущена, мой платокъ (головной) не связанъ" [10]).

Въ одной сицилійской пѣсенкѣ—мать идетъ, по просьбѣ сына, къ возлюбленной его—col pettine mio,—съ гребнемъ, чтобы растрепать ея воло-

---

[1]) *Gitté*, La chevelure, Revue des traditions popul., t. III, p. 404.

[2]) *Голубовскій*, Извѣстія Ибнъ Фодлана о Руссахъ,—отд. от. изъ Кіев. Унив. Изв.

[3]) *Weber*, *loc. cit.*, p. 405.—406.

[4]) *Rossbach*, *loc. cit.*, 287.

[5]) *Schröder*, *loc. cit.*, 145.

[6]) Ibidem. 146—147.

[7]) *Krauss*, *loc. cit.*, 367.

[8]) *Житецкій*, *loc. cit.*, 24.

[9]) *Tegg*, *loc. cit*, 170.

[10]) *Jellinghaus*, Zeitschr. f. Ethnol., B. III, p. 377

сы [1]). Во Франціи существуетъ повѣрье: чтобы заставить женщину полюбить себя, нужно достать ея волосъ [2]). Потеря косы, поэтому,—потеря дѣвичества, цѣломудрія и свободы. У познанскихъ поляковъ, дѣвушка потерявшая невинность, идетъ къ старшей въ селѣ женщинѣ и проситъ послѣднюю обрѣзать ей косу [3]). Тотъ же мотивъ извѣстенъ и пѣснямъ пинчуковъ [4]). У южныхъ славянъ сохранился старинный обычай, теперь уже исчезающій: парень за отказъ въ рукѣ дѣвушки грозитъ обрѣзать ей волосы [5]). Въ средніе вѣка выраженіе in capillis esse было синонимомъ in virginitate esse. Духовные соборы строго требовали, чтобы опороченная дѣвушка стригла себѣ волосы, а бургундскіе законы наказывали порочныхъ дѣвицъ остриженіемъ волосъ [6]).

Такимъ образомъ, остриженіе волосъ женщины, переходящей во власть мужчины, съ теченіемъ времени получило еще и значеніе потери цѣломудрія. Замѣтимъ еще, что и встрѣчаемые обычаи посвященія волосъ божеству, по всей видимости, сходны съ обычаемъ постриженія волосъ невѣсты: какъ она лишается съ замужествомъ свободы, подчиняется мужу, такъ и посвящающій свои волосы богамъ выражаетъ этимъ свое подчиненіе и посвященіе божеству [7]).

Если мы обратимся къ народной поэзіи, то увидимъ, что въ ней сохранилось то-же сознаніе, что съ лишеніемъ косы дѣвушка лишается своей свободы, переходитъ во власть мужа, причемъ потеря косы—въ большинствѣ случаевъ насильственная: дѣвушка не даетъ „рвать“ косы, ее

---

1) *Pitrè loc. cit.*, 23.

2) Revue des tradit. popul., t III, p. 405.

3) *Kolberg*, Lud, Serya XI, ч. III, стр. 53.

4) См. мою брошюру „Мотивы свадебныхъ пѣсенъ Пинчуковъ“. Гродна. 1893 г.

5) *Krauss. loc. cit.*, 192—193.

6) *Edelestand du Méril. loc. cit.*, p. 13 и примѣч. 3, 4.

7) Др. греки посвящали волосы Гиппократу или Аполлону, вообще солярнымъ божествамъ, см. *Maury*. Histoire des religions de la Grece antique, Paris, 1875, II, 244. Revue des traditions popul., III, 404. У буддистовъ, поступающіе въ ученики къ ламамъ обрѣзываютъ свои волосы. Интересно, что у мексиканцевъ дѣвушки, посвящаемыя божеству, остригаютъ также волосы. *Westermarck*, The Hist. of hum. Marriage, p. 175, примѣч. 6. У калмыковъ духовенство брѣетъ голову, даже выбриты дѣти, предназначенные въ духовный санъ, Словарь русск. суев., стр. 64. Быть можетъ, съ культомъ предковъ и съ культомъ домашняго очага имѣютъ обычаи остригать волосы въ знакъ траура по умершимъ, какъ у римлянъ, *Marquardt*, Das Privatleben der Römer. Th. I, Leipz. 1879, p. 346, въ обычаяхъ Новой Гвинеи, Zeitschr. für Ethnologie, 1874, p. 184; сюда же относится обычай въ Нижней Бретани: дѣвушки отрѣзываютъ клочекъ волосъ у мертвыхъ и прячутъ, Revue des tradit. popul., III, 47. Въ Богеміи молодая, входя въ первый разъ въ домъ мужа, бросаетъ на очагъ три свои волоса—жертва очагу, Revue des trad. popul., III, p. 404.

пытаются защищать подружки, но женихъ либо насильно „рветъ“ косу, либо покупаетъ ее у брата или матери. Пѣсни эти чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Мы приведемъ нѣсколько относящихся сюда отрывковъ.

Въ пѣсняхъ отразились стремленія дѣвушки не давать, не позволять „коски рвати“ или „коски расплетаць“:

— Не давайся, Кацярынка,
Русое касы расплетаць.
Радабъ же я да не даласа,
Де скубуць на нибо мясо [1]).

Пѣсня совѣтуетъ невѣстѣ заранѣе остерегаться „застрыгалничкоў“:

Сцяражыся, дѣвонька,
Застрыгалночка ѣдзя,
Яна цибе застрыгаць будзя.
Застрыже твою коску,
Разольле твою слёзку [2]).

Другая предупреждаетъ дѣвушку стеречь косу отъ самого жениха: „штобы твой Аитуонко не раструосъ“ [3]). Женихъ—„погубицель“ дѣвушки; съ его пріѣздомъ она распуститъ косу и разольетъ слезу [4]). Дѣвушка боится предстоящаго расплетенія косы; она проситъ подружекъ:

Запляцицця маю косу русую,
Замкницця маю косу русую,
Дзивяци замками,
Кабъ ни наѣхали татары,
Кабъ ни распляли
Маю русаю косаньку
И ня сняли бъ съ мине
Мою дзѣвицью красоту [5]).

Но невѣста ничего не могла подѣлать: двадцать два года она чесала свою косу, но „пройграла“ за одинъ вечерокъ:

Наѣхали купчики, дружки бояры,
Раздзялили косочку да й на двѣ косы,
Обмотали косочку вокругъ головы,
Надѣли на косочку кичку съ обручомъ [6]).

Съ понятіемъ о косѣ тѣсно соединяется понятіе о красотѣ и свободѣ дѣвичьей. Пѣсня напоминаетъ дѣвушкѣ, что она косу утратила:

Коса косою такъ будзецъ—
Половина красоты не будзецъ [7]),

отвѣчаетъ она. Вся красота дѣвушки въ косѣ:

Чашице пляцице Юличкину коску!
Ўся краса, Ўся краса Юличкина—коска.

---

1) *Янчукъ*, По Минской губ.. 51, № 18.
2) *Шейнъ*, Матер., II, 246, № 22.
3) Ibidem, 233, № 11.
4) Ibidem, 407, № 7.
5) Вѣстникъ И. Русск. Геогр. Общ., 1857, ч. IX, стр. 39.
6) *Романовъ*, Бѣлорусскій сборникъ, I, 346, № 42.
7) Ibidem, 349, № 53.

Ее заплетають шелкомъ [1]). Съ потерей косы, дѣвушка теряетъ и красоту, и нѣгу-ласку домашнихъ, и свободу:

А плачь, Тацянка, нямножко тебѣ плакаць,—
Тольки ўсяго три вечары:
Первый вечарокъ—по косѣ,
Другій вечарокъ—по красѣ,
Третьцій вечарокъ—по нѣзи:
Зьнѣживала мяне матунька,
Якъ вишаньку ў саду, якъ пчилачку ў мяду [2]).

Чтобъ выразить свою печаль, дѣвушка распускаетъ косу „по кованому поясу" [3]). Коса дѣвицы—черный шелкъ, говоритъ пѣсня, слезы дѣвицы—крупный жемчугъ [4]). Дѣвушка съ величайшею нѣжностью относится къ своей косѣ:

Куковала зязюля по росѣ,
Плакала дзѣвынки по косѣ:
А косица моя русая!
Погуляння мое ранноя!
Ня одно раняйко гуляла,
Русыю косыньку чесала,
Бѣлоя личико ўмывала.
Чесала косыньку гребянцомъ,
Кинула гребянецъ подъ вѣнецъ,
Русую косыньку подъ чапецъ [5]).

Что будетъ съ косой послѣ свадьбы, будетъ ли она такая у мужа, какою у отца была:

Коса моя, коса русая,
Ци будзешь такова
Какъ у бацьки была?—

спрашиваетъ дѣвушка у косы и отвѣчаетъ: нѣтъ не будешь у молодого такая, какъ у батьки [6]).

Плачъ о косѣ—любимый пѣсенный мотивъ. Дѣвушка не такъ жалѣетъ о матери, какъ о своей косѣ:

Ни жалѣиць своей матуньки,
Да жалѣиць своей косыньки.
Косынька моя русая!
Ня одно раныйко супряла,
Русую косаньку чисала,
Учосы мое гладкіе,
Уплёты мое густые [7]).

„Ты расплачькася, Грушачка, ни по'тцу, ни по матери—по своей русоей косынькѣ, по своей дѣвичьей кросонькѣ",—обращается къ невѣстѣ

---

1) Ibidem, 463, № 126.
2) Ibidem, 365, № 112.
3) *Янчукъ, loc cit.*, 57, № 35.
4) *Шейнъ,* Мат., II. 405; ср. *Романовъ, loc. cit.*, 367, № 121.
5) *Шейнъ*, Бѣлорус. пѣсни, 334, № 624.
6) *Шейнъ,* Матер., II, 420, № 1.
7) *Шейнъ*, Бѣлор. пѣсни, 327, № 580.

пѣсня [1]). Ей не жаль разлуки съ отцомъ, съ матерью, ей не жаль „ни подворья его—только жаль русой косы“ [2]).

Невѣста жалѣетъ косы потому, что ей уже не придется ее „плесть“: „зъ вечера косочку плила, шовковыя вплеточки уплетывала“, но прiѣхали „сваточки ни жалосливые“. сторговали косу, „стали мою русую растрепывать“ [3]). Въ самомъ дѣлѣ, коса была утѣхой дѣвицы:

Куковала зязюлячка на страсѣ,
Да плакала дзѣвочка по косѣ:
„Да косица жъ моя русая—
Отдыха моя частая;
Я дворъ пирайду чешучы,
Ў сѣни ўвыйду плетучы,
Ў хату ўвыйду—заплачу,
Што русыя косочки ни бачу“ [4]).

Такъ убивается невѣста по своей косѣ, убивается потому, что съ подрѣзыванiемъ и расплетанiемъ дѣвичьей косы соединяется отдаленная традицiя о быломъ значенiи этого факта.

Перейдемъ теперь къ другой части посада невѣсты—сажанiю ея на овчинномъ, вывернутомъ шерстью вверхъ, тулупѣ. Тулупъ разстилается или на дежѣ или на услонѣ (скамейкѣ); то и другое помѣщается около стола.

Наиболѣе интересныя и полныя аналогiи нашему посаду невѣсты мы встрѣчаемъ у древнихъ индусовъ и римлянъ, особенно у первыхъ. Древнеиндусскiе памятники оставили намъ, повидимому, нѣсколько варьянтовъ одного и того же обряда, весьма близкихъ между собою; отличiя въ подробностяхъ, быть можетъ, происходили потому, что въ однихъ мѣстностяхъ обрядъ исполнялся нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ. По памятникамъ, изслѣдованнымъ Гаасомъ, обрядъ имѣлъ слѣдующiй видъ. Около очага разстилалась бычачья шкура краснаго цвѣта. Одинъ изъ сильныхъ мужчинъ вноситъ на нее невѣсту; она садится, причемъ женихъ выражаетъ ей пожеланiя о богатствѣ. Онъ, во время произнесенiя различныхъ мѣстъ гимновъ, намазываетъ глаза невѣсты жертвеннымъ жиромъ и дотрогивается до волосъ ея. Послѣ этого друзья и присутствующiе желаютъ ей счастья [5]). Этотъ обрядъ совершается въ домѣ родителей невѣсты, хотя въ тѣхъ же памятникахъ онъ, повидимому, повторяется и въ домѣ жениха. по прiѣздѣ туда новобрачной [6]). Интересно отмѣтить, что въ приведенной версiи обрядъ сидѣнiя невѣсты соединенъ съ обрядомъ аналогичнымъ растрепыванiю или подстриженiю косы ея: женихъ дотрогивается до волосъ невѣсты.

---

1) *Романовъ*, *loc. cit.*, 344, № 32.
2) *Радченко*, Гомельскiя пѣсни, 70. № 9.
3) *Шейнъ*, Мат., II, 349, № 1.
4) *Шейнъ*, Мат., II, 310, № 10.
5) *Weber*, Indische Studien, V, 324.
6) Ibidem, 75.

Судя по сутрамъ Апистамбы, недавно изслѣдованной г. Винтерницомъ, тотъ же обрядъ принимаетъ слѣдующую версію. Онъ происходитъ только въ домѣ новобрачнаго, когда къ нему прибываетъ невѣста. Молодой сначала входитъ самъ въ домъ, посрединѣ разстилаетъ красную бычачью шкуру, шерстью вверхъ; она разстилается у жертвенника. Женихъ приноситъ и возжигаетъ огонь, сажаетъ самъ, взявъ за правую руку, молодую вмѣстѣ съ собою на эту шкуру; тогда начиналось жертвоприношеніе [1]). Дополнимъ, что по тексту Баудайяны, когда молодые садятся на шкуру, ихъ обсыпаютъ стеблями зеленаго ячменя [2]). По Manavagrihyasutra это сажаніе бываетъ сейчасъ послѣ церемоніи семи шаговъ, т. е. въ домѣ отца невѣсты; сверхъ шкуры посыпается трава darbha,—миѳическая трава, часто упоминаемая въ индусской поэзіи [3]), или же молодые садятся просто на этой травѣ.

Кромѣ своей близости къ бѣлорусскому посаду, индусскій обрядъ важенъ еще и тѣмъ, что сопровождающія его изреченія поясняютъ намъ смыслъ самаго обряда. Весь обрядъ носитъ характеръ строго религіозный, причемъ основа его—культъ домашняго очага; вся церемонія происходитъ около очага, сопровождаясь возжженіемъ на немъ огня. Изреченія поясняютъ намъ, чего именно просилъ у боговъ индусъ при этомъ обрядѣ и къ какимъ преимущественно богамъ обращался онъ. Главнымъ образомъ женихъ обращается къ Агни, устроителю и покровителю домашняго очага; онъ проситъ его о дарованіи новой семьѣ многочисленнаго потомства и всякаго богатства: лошадей, быковъ и пр. „Къ загону пришла госпожа, говоритъ изреченіе, съ быками и лошадьми,—госпожа, которой супругъ долголѣтенъ, которая черезъ потомство достигнетъ неба: сто зимъ пусть она служитъ у этого Агни здѣсь, производя многочисленное потомство и богатое прекрасными драгоцѣнностями". Женихъ проситъ Агни, Пріяпати и Индру дать ему дѣтей, сохранить ихъ и не дать имъ умереть, пока будутъ жить сами родители [4]). Садясь на шкуру, женихъ произноситъ: „Hier solt ihr, Kühe euch fortpflanzen, hir ihr Pferde, hier ihr Menschen (очевидно приведенные невѣстою), und hier auch soll sich Reichthumherung mit tausend Gaben niederlassen" [5]). Какъ изъ этого изреченія, такъ и изъ другихъ, съ особенною опредѣленностью выступаетъ значеніе шкуры животнаго, на которой сидятъ молодые. Разстилая шкуру, женихъ произноситъ: „Als Schutz und Schirm bring es herbei, um es für diese Frau auszubreiten, o Sinivali, gebären soll diese hier, sie stehe in Bhagas Huld" [6]).

---

[1]) *Winternitz*, Das altindische Hochzeitsrituell, Wien, 1893, p. 23.

[2]) *De Gubernatis*, La Mythologie des plantes, II, p. 182—185.

[3]) *Winternitz*, *loc. cit.*, 64.

[4]) *Winternitz*, *loc. cit.*, 73.

[5]) Ibidem, 74; полагаемъ достигнуть болѣе точной передачи отрывка, оставляя его въ нѣмецкомъ переводѣ.

[6]) Ibidem, 71.

Къ моменту, когда садится молодая, пріуроченъ слѣдующій текстъ гимна: „Войди на эту шкуру. Сядь здѣсь у огня. Богъ отдалитъ отъ тебя всѣхъ ракшей (злыхъ духовъ). Рождай здѣсь дѣтей этому супругу! И пусть сынъ твой будетъ вполнѣ благополученъ, какъ и этотъ (т. е. мужъ)“ [1]). Одно правило Ашвалайяны говоритъ, что мужъ въ этотъ самый моментъ восклицаетъ: „Пусть владыко всѣхъ существъ дастъ намъ дѣтей!“ [2]). Приведемъ еще два стиха, не менѣе характерныхъ: „Сколько стеблей здѣсь положено и сколько волосъ шкуры (welches Fell) здѣсь разостлано,—на нихъ пусть войдетъ богатая дѣтьми дѣвушка, которая обрѣла супруга“ [3]); „Такъ разстели ты стебли на красную шкуру! Пусть, сидя на нихъ, она блюдетъ этотъ огонь (домашняго очага), богатая дѣтьми“ [4]).

Выступающее въ этихъ стихахъ значеніе разстилаемой въ обрядѣ шкуры животнаго получаетъ свое спеціальное значеніе для невѣсты: отъ соприкосновенія, черезъ сидѣніе, съ волосами шкуры умерщвленнаго животнаго ожидается проявленіе наибольшей производительной силы женщины, она родитъ многочисленное потомство. Сюда относится и еще одинъ фактъ изъ одного сборника индусскихъ обычаевъ. Мужъ на третій мѣсяцъ беременности своей жены приноситъ въ домъ кислое молоко отъ тельной коровы, сажаетъ жену у жертвенника на шкуру коровы (вѣроятно убитой для жертвоприношенія), даетъ ей пить это молоко, вбросивъ въ него два боба и одно овсяное зерно. Мужъ спрашиваетъ при этомъ трижды: „что ты пьешь“? Жена трижды отвѣчаетъ: „мужское наслѣдіе“ [5]).

Вѣра въ то, что шкура животнаго способствуетъ плодородію женщинъ, бытовала не у однихъ индусовъ. У послѣднихъ въ обрядахъ употребляли шкуру коровы, у другихъ народовъ (грековъ, римлянъ, египтянъ и др.)—овцы или козла. Обобщая это всеобщее убѣжденіе среди арійскихъ народовъ, Губернатисъ говоритъ: „женщина должна лишь сѣсть на нее, чтобы сдѣлаться матерью“ [6]). Интересно въ этомъ отношеніи латинское преданіе, сохраненное Овидіемъ. Похищенныя римлянами сабинянки были неплодны. Когда онѣ и мужья ихъ молились о плодородіи въ рощѣ Юноны-Луцины, то услышанъ былъ голосъ, говорившій, что „священный козелъ долженъ вступить на спины матерей (italiadas matres sacer hircus inito)“. Одинъ изъ очевидцевъ зарѣзалъ козла, вырѣзалъ ремень изъ его шкуры и началъ бить женщинъ по спинамъ. Съ помощью Юноны онѣ забеременѣли [7]).

---

1) *Weber*, Indische Studien, V, 208.
2) *De Gubernatis*, Die Thiere in. d. Indogermanisch. Mythologie, p. 34.
3) *Weber*, *loc. cit.*, 207.
4) Ibidem, 208.
5) *De Gubernatis*, Die Thire in d. Indogermanisch Mythologie, 35.
6) Ibidem, p. 34.
7) *Preller*, Romische Mythologie, 243.

Шкура животнаго, овцы или коровы, во многихъ случаяхъ замѣняется ковромъ, войлокомъ, вообще всѣмъ тѣмъ, что „мохнато“, по меткому выраженію Потебни. Съ этой ступени, напр., понятенъ обычай, практиковавшійся у татаръ, что молодыхъ клали спать на войлокѣ [1]). У чувашей, передъ самымъ отправленіемъ въ клѣть, съ головы невѣсты снимаютъ покрывало, кладутъ вмѣсто него войлокъ и льютъ сверху „похлебку молодой“, затѣмъ войлокъ снимается и ее ведутъ въ клѣть [2]). И въ этихъ обрядахъ проглядываетъ тотъ же основной смыслъ—пожеланіе невѣстѣ плодородія черезъ символическое соприкосновеніе съ чѣмъ-либо „мохнатымъ“.

Обращаясь къ аналогичнымъ обрядамъ другихъ народовъ, мы прежде всего встрѣчаемся съ родственными обрядами у римлянъ: шкуру убитой при жертвоприношеніи овцы раскладывали на двухъ сидѣньяхъ у жертвенника; на нихъ сидѣли женихъ и невѣста во время confarreatio [3]). Что касается до того, что въ римскомъ и индусскомъ обрядѣ невѣста и женихъ садятся на шкуру вмѣстѣ, то это обстоятельство не должно устранять ихъ отъ сравненія съ бѣлорусскимъ посадомъ: мы видѣли, что въ большинствѣ версій бѣлорусскаго посада невѣста и женихъ сидятъ также рядомъ.

По всей видимости, у древнихъ евреевъ былъ также извѣстенъ обычай, сродный нашему посаду. Такъ, у нихъ существовала такая церемонія въ день свадьбы: женщины вводили невѣсту безъ покрывала и съ распущенными волосами въ особую комнату. Тамъ ее сажали на „почетное мѣсто“, особо устроенное, заплетали ей волосы, украшали ихъ лентами, надѣвали на невѣсту свадебное платье и покрывали покрываломъ [4]). Хотя въ этомъ обрядѣ не упоминается сидѣнье на шкурѣ животнаго, но сажаніе невѣсты на особенное почетное мѣсто, съ присоединеніемъ такихъ особенностей, какъ заплетаніе косы и покрываніе покрываломъ, даетъ намъ право и этотъ обрядъ сравниватъ съ посадомъ.

Среди новѣйшихъ народовъ мы прежде всего встрѣчаемъ переживанія даннаго обряда у французовъ и итальянцевъ. Въ Сициліи на заручинахъ невѣсту сажаютъ посреди комнаты на стулѣ, покрытомъ ковромъ, и здѣсь мать разсчесываетъ ей волосы [5]). Во многихъ мѣстахъ Италіи невѣсту ставятъ на колѣни на порогѣ дома жениха, покрытомъ ковромъ или подушкою [6]). Въ Сардиніи молодые послѣ вѣнчанія обѣдаютъ въ домѣ невѣсты и затѣмъ отправляются въ домъ жениха. Ихъ встрѣчаетъ мать послѣдняго съ хлѣбомъ. Невѣсту подводятъ къ столу, поставленному у входа

---

[1]) Словарь русскихъ суевѣрій, р. 36.
[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“, кн. V, стр. 165.
[3]) *Rossbach*, *loc. cit.*, p. 112—114; Karlowa, *loc. cit.*, p 18, 24.
[4]) *Tegg*, *loc. cit.*, 52- 53.
[5]) *Pitrè*, Biblioteca etc., p. 33.
[6]) *De Gubernatis*, Storia comparata degli usi nuziali, p. 146.

въ конюшню и покрытому богатымъ ковромъ: она должна стать на него, послѣ чего, сходитъ и цѣлуетъ руки родителей молодого [1]). Этотъ обрядъ согласуется съ тѣми изрѣченіями индусскихъ гимновъ, въ которыхъ высказывается мысль, что молодая несетъ въ домъ не только будущее потомство но и богатство въ лошадяхъ, коровахъ и др..; невѣсту подводятъ къ конюшнѣ, и здѣсь она соприкасается съ „мохнатымъ“. На Корсикѣ, передъ брачнымъ пиромъ, женщины удаляютъ мужчинъ и дѣтей изъ комнаты; онѣ сажаютъ молодую на сосудъ, наполненный зерномъ; затѣмъ каждая изъ женщинъ отбираетъ горсть зерна и сыплетъ на голову молодой. Замѣчательна пѣсенка, которую поютъ при этомъ женщины:

Dio vi calmi d'ogni bene
Figli maschi in quantità,
Senza duoli e senza pene,
Dio vi accordi lungo età
Poi vi accolga in Paradiso,
L'un dall' altro mai diviso [2]).

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе сажаніе на сосудъ съ зерномъ, что вполнѣ сходны съ бѣлорусскою дежей или лукошкомъ съ рожью; не менѣе интересны и пожеланія пѣсни о мужскомъ потомствѣ и долгой жизни.

Основныя черты разсматриваемаго обряда мы встрѣчаемъ и у народовъ не арійскаго происхожденія. У эстовъ по пріѣздѣ изъ церкви въ домъ невѣсты, отецъ жениха ссаживаетъ съ воза невѣсту на разостланный шерстью вверхъ тулупъ [3]). У калмыковъ, во время смотринъ жениха (послѣ окончательнаго сватовства) молодежь собирается у невѣсты и танцуетъ, причемъ женихъ сидитъ на подушкѣ [4]). Сидѣніе на подушкѣ жениха имѣетъ въ настоящемъ случаѣ то же религіозное значеніе, что и сидѣніе невѣсты или обоихъ молодыхъ. Сюда же относится и обычай, существовавшій у казанскихъ татаръ, гдѣ невѣсту въ свадебный домъ несли на коврѣ. Но въ высшей степени интересную аналогію разсматриваемому обычаю мы встрѣчаемъ у одного мексиканскаго племени. Невѣсту приводятъ торжественно въ домъ жениха. Послѣдній вводитъ новобрачную въ особую комнату, оба садятся на разостланную посреди комнаты особо приготовленную циновку и возжигаютъ огонь. Жрецъ соединяетъ конецъ платья невѣсты съ концомъ платья жениха. Въ этомъ и состоитъ собственно брачная „еремонія [6]). Черезъ четыре дня эту циновку и простыни съ постели относятъ въ храмъ и передаютъ въ жертву идоламъ [7]). Съ

---

[1]) *Ser. Gabrielo*, Usi dei contadini della Sardegna. Archivio per lo studio delle tradiz. popolari, 1888, p. 473.

[2]) *De Gubernatis*, La Mythologie des plantes, II, p. 167.

[3]) *Schröder, loc. cit.*, p. 89.

[4]) *Житецкій, loc. cit.*, 21.

[5]) Словарь русскихъ суевѣрій, 32.

[6]) *Tegg, loc. cit.*. 127.

[7]) Ibidem, 128.

этимъ обрядомъ интересно сопоставить варіацію посада у древнихъ индусовъ, у которыхъ въ началѣ свадебныхъ церемоній (въ домѣ невѣсты) молодые тоже садились на циновку [1]). Кромѣ того интересъ мексиканскаго обычая заключается еще и въ томъ, что въ немъ ясна религіозная цѣль обряда. Слѣдовательно, обычай сажанія молодыхъ на шкуру, на коверъ или на циновку (какъ у мексиканцевъ) уже у наиболѣе первобытныхъ народовъ, т. е. на первыхъ ступеняхъ своего развитія, имѣетъ религіозную основу. Циновка здѣсь имѣетъ то же значеніе, что и шкура животнаго: животное убивается въ жертву богамъ, точно также и циновка на четвертый день относится въ храмъ, какъ жертва. Въ параллель къ этимъ обрядамъ мы еще можемъ привести обрядъ у австралійцевъ, описанный миссіонеромъ Джономъ Вильямсомъ. Во время свадьбы владѣтеля острововъ Самоа Malieloa, названный миссіонеръ наблюдалъ такую церемонію. Недалеко отъ дома жениха, подъ тѣнью дерева, сидѣла группа женщинъ, распѣвавшихъ героическія пѣсни. Противъ нихъ сидѣла купленная невѣста на подстилкѣ изъ вѣтвей хлѣбнаго дерева; она была въ праздничномъ платьѣ, въ вѣнкѣ изъ зелени и цвѣтовъ [2]). И въ данномъ случаѣ религіозная цѣль обычая очевидна. Шкуру жертвеннаго животнаго замѣнили здѣсь вѣтви хлѣбнаго дерева. Какъ отъ соприкосновенія съ мохнатой шкурой животнаго ожидается плодородіе новобрачной, такъ точно ожидается оно и отъ соприкосновенія съ деревомъ, въ которомъ первобытный человѣкъ видитъ высшее проявленіе растительной производительной силы природы.

Указавъ извѣстные намъ обычаи сидѣнія невѣсты на шкурѣ животнаго, дополнимъ еще указаніемъ слѣдовъ того же обряда у славянъ. У великоруссовъ жениха и невѣсту сажали на мохнатой шубѣ въ домѣ невѣсты [3]). У поляковъ невѣсту сажаютъ на квашню [4]), у болгаръ посадъ извѣстенъ подъ названіемъ бучки [5]), у южныхъ славянъ сажаніе невѣсты обычно бываетъ на коврѣ [6]).

Изъ обзора различныхъ переживаній обычая сажать на шкуру жертвеннаго животнаго невѣсту прежде всего явствуетъ тотъ фактъ, что этотъ обрядъ—явленіе не случайное въ области свадебнаго ритуала, что онъ имѣетъ за собой широкое распространеніе. Это обстоятельство важно отмѣтить въ виду мнѣнія, высказаннаго Россбахомъ, склоннымъ думать, что сидѣніе молодыхъ въ римскомъ обрядѣ представляетъ собою не болѣе, какъ обыч-

---

1) *Winternitz*, *loc. cit*, p. 21, № 9, cp. p. 50.

2) *Tegg*, *loc. cit.*, 160.

3) Словарь русскихъ суевѣрій, М. 1782, р. 5

4) *Kolberg*, Mazowsze, 218, 221.

5) *Сумцовъ*, О свадебн. обрядахъ.

6) *Krauss*, *loc. cit.*, 398—9, 428, 448

ное при всякомъ римскомъ жертвоприношеніи дѣйствіе [1]). Неосновательность подобнаго мнѣнія была уже указана Карловой, который настаиваетъ на томъ, что сидѣніе брачущихся и принятіе ими хлѣба при confarreatio—спеціально свадебный обрядъ, и при томъ самый важный актъ его [2]). Edélstand du Méril сравниваетъ обрядъ сидѣнія на шкурѣ коровы у индусовъ съ застиланіемъ шкурою брачнаго ложа у грековъ и римлянъ [3]). Конечно, значеніе шкуры животнаго въ томъ или другомъ случаѣ, какъ символическое пожеланіе плодородія женщинѣ,—одно и то же, но и это сопоставленіе не устраняетъ факта сидѣнія, какъ отдѣльнаго свадебнаго обряда.

Г. Винтерницъ не признаетъ сидѣнія обычаемъ индогерманскимъ на томъ основаніи, что онъ будто бы встрѣчается только у индусовъ и славянъ [4]), но это мнѣніе, смѣемъ надѣяться, достаточно опровергается приведенными аналогичными обрядами.

Г. Шредеръ совершенно неосновательно, по нашему мнѣнію, сопоставляетъ обрядовое сидѣніе невѣсты на шкурѣ или коврѣ съ подниманіемъ ея и перенесеніемъ [5]) (напр., перенесеніемъ съ телѣги въ домъ и т. п. фактами). Перенисеніе или подниманіе невѣсты, совершаемое иногда и на коврѣ, не имѣетъ ничего общаго съ обрядовымъ сидѣніемъ на шкурѣ, жертвеннаго животнаго: этотъ обрядъ представляетъ собою вполнѣ опредѣленный пережитокъ похищенія невѣсты. Употребляемый же при перенесеніи невѣсты коверъ имѣетъ лишь то общее съ сидѣніемъ на шкурѣ или коврѣ, что и въ этомъ актѣ выражается пожеланіе, чтобы похищаемая женщина внесла въ домъ своего супруга богатство и потомство. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ бытовой фактъ, сдѣлавшись символическимъ обрядомъ получилъ религіозную окраску, но самъ по себѣ онъ не могъ создать стройнаго религіознаго обряда, составляющаго центральную, важнѣйшую часть ритуала. Религіозный смыслъ сидѣнія на шкурѣ жертвеннаго животнаго ясенъ: молодые садятся у домашняго очага, на которомъ приносится жертва за ихъ благополучіе въ будущей совмѣстной жизни; предъ лицомъ домашнихъ боговъ основывается новая семья, которая ищетъ ихъ покровительства. Кромѣ того, молодая женщина должна быть посвящена въ службу новому культу, что выражается еще другими обрядами, о которыхъ рѣчь впереди.

Но въ обычаяхъ сидѣнія мы встрѣчаемъ двойную форму обряда: то сажаютъ одну невѣсту, то и жениха и невѣсту вмѣстѣ; бѣлорусскій посадъ знаетъ ту и другую форму. Какую форму посада признать за первоисточ-

[1]) Unters. über d. Röm. Ehe, 143.
[2]) Die Formen d. Röm. Ehe, 10.
[3]) Des formes du mariage et des usages populaires, p. 67—68.
[4]) *Winternitz*, *loc. cit*, p. 4.
[5]) Die Hochzeitsbrauche der Esten etc., Berlin, 1888, p 91.

никъ обряда,—это другой вопросъ. Разсмотрѣнные факты посада даютъ полное показаніе, что въ болѣе сложныхъ обрядахъ садятся оба молодые (въ индусскомъ, римскомъ), въ менѣе сложныхъ, повидимому болѣе первобытныхъ (напр. мексиканскій), сажаютъ одну невѣсту. Съ другой стороны, изреченія священныхъ гимновъ въ индусскомъ посадѣ всѣ почти относятся къ невѣстѣ: она вноситъ въ домъ потомство и благополучіе, она пріобщается къ домашнему Агни: женщину, какъ существо менѣе чистое, стараются очистить жертвоприношеніемъ богамъ, пріобщеніемъ къ культу; отъ благосклонности боговъ именно къ ней ожидается потомство и благополучіе будущей семьи. Мужчина самъ по себѣ не требуетъ очищеній, онъ уже служитель алтаря, признаный таковымъ болѣе раннимъ обрядомъ—актомъ признанія его зрѣлости, возмужалости. Все это заставляетъ предполагать, что первоначальная религіозная церемонія посада—сидѣніе одной невѣсты на шкурѣ животнаго. Сидѣніе рядомъ съ ней и жениха можетъ быть отнесено отчасти къ свадебному параллелизму, отчасти къ тому, что женихъ, какъ жрецъ, участвуетъ въ жертвоприношеніи и молитвѣ богамъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію слѣдующаго акта посада—къ покрыванію головы невѣсты. Этотъ обрядъ встрѣчается въ Бѣлоруссіи далеко не повсемѣстно. Встрѣчаемое же покрываніе головы невѣсты при надѣваніи на нее женскаго головного убора принадлежитъ къ сферѣ обрядовъ, имѣющихъ другое происхожденіе и цѣль; о нихъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. Хотя покрываніе головы невѣсты—обычай, сравнительно рѣдко практикуемый въ бѣлорусскомъ посадѣ, тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ самаго подробнаго изслѣдованія въ виду распространенности сродныхъ обычаевъ у другихъ народовъ. Если покрываніе головы невѣсты рѣдко встрѣчается при ея посадѣ, то употребленіе свадебнаго покрывала вообще имѣетъ гораздо большее распространеніе. Такъ, въ Витебской губ. невѣста во время голошенія ходитъ въ шубѣ и покрыта сверхъ нея платкомъ [1]). Въ той же губерніи головная принадлежность подвѣнечнаго наряда невѣсты—большой ситцевый платокъ, распущенный отъ головы до пятъ; верхній конецъ платка, покрывая голову и лицо, завязывается на шеѣ такъ, что невѣста ничего не можетъ видѣть [2]). Въ другихъ мѣстахъ голова и плечи невѣсты покрываются платками [3]). Мало того, въ одномъ извѣстіи мы встрѣчаемъ указаніе и на основной цвѣтъ этого покрывала. Въ той же губерніи существовалъ до недавняго времени обычай, по которому засватанная невѣста ходила съ распущенными волосами и въ вѣнкѣ; вѣнокъ дѣлался изъ

---

[1]) Вѣстникъ И. Русскаго Географическаго Общества, 1853 г., ч. IX, р. 27.

[2]) Витебская губернія, историко-географическій и статистическій обзоръ, вып. I, подъ редакціей Витебскаго губернатора кн. Долгорукова, Витебскъ, 1890 г., стр. 262.

[3]) Вѣстникъ И. Русскаго Геогр. Общ., 1857, IX ч., стр. 42.

краснаго кумача, вышиною въ $^1/_4$ аршина, и внизу обшивался полотномъ; онъ надѣвался совсѣмъ на глаза, и поверхъ вѣнка повязывался красный шелковый платокъ [1]).

Такое употребленіе въ бѣлорусскихъ обрядахъ покрывала невѣсты вводитъ насъ въ сферу обрядовъ, сродныхъ покрыванію головы римской невѣсты flammeum. У римлянъ этимъ flammeum покрывалась голова невѣстѣ при confarreatio, во время сидѣнія на шкурѣ [2]). У грековъ невѣста сидѣла среди женщинъ на свадебномъ пирѣ подъ покрываломъ [3]). Кромѣ фактовъ, приведенныхъ по сроднымъ обычаямъ у г. Шредера [4]), добавимъ еще слѣдующіе. По описанію путешественника конца прошлаго вѣка Fra Paolino, у индусовъ покрываніе невѣсты имѣетъ очень важное значеніе. Покрывало называется pidambara; это кусокъ шелковой матеріи золотистаго цвѣта, который свѣшивается съ головы до середины тѣла, образуя нѣчто въ родѣ плаща, и ниспадаетъ до ногъ; это pidambara индусы считаютъ священнымъ, надѣваютъ его на невѣсту послѣ омовенія ея и намазыванія груди, колѣнъ и плечъ и опоясыванія [5]). У латышей, когда ѣдутъ отъ вѣнца, невѣста и дружки покрываются платками или холстомъ [6]). У новогрековъ въ Эпирѣ невѣста ѣдетъ въ церковь подъ покрываломъ, которое снимается только передъ очагомъ дома жениха какимъ-либо мальчикомъ, уже послѣ вѣнчанія [7]). Среди народовъ не-арійскихъ интересно указать на употребленіе покрывала у лопарей [8]). У мордвы невѣсту везутъ въ церковь подъ бѣлымъ покрываломъ [9]). Въ прежнее время у нихъ же голову невѣсты покрывали красной фатой [10]). Краснымъ платкомъ голову ея покрываютъ и въ настоящее время [11]). Обычаи мордвы особенно интересны тѣмъ, что они съ достаточной ясностью указываютъ на религіозное значеніе покрывала. Когда женщины покроютъ невѣсту краснымъ платкомъ, что дѣлается за занавѣской, ее выводятъ, сажаютъ со свахами и справляютъ *ведынь-язьр-ов,* т. е. моленіе рожаницы, которую просятъ благословить

---

1) *Шейнъ*, Матерьялы, ч. II, стр. 2.

2) *Rossbach*, Unters. über. d. Röm Ehe, p. 280; ср. C. Boettiger, Die Aldobrandinische Hochzeit. Eine Archeologische Ausdeutung. Dresden, 1810, p. 31—33.

3) Die Griechischen Privatalterthümer, von *Iv Müller*—въ Handbuch der Klassischen Altertums-Wissenschaft, B. IV. часть I *Nördilngen*, 1887, p. 447 d.

4) *Schröder*, *loc. cit.*, 72 и слѣд.

5) *Winternitz*, *loc. cit.*, 47.

6) *Вольтеръ*, Матерьялы для этногр. Лат. пл, 199.

7) „Mélusine“, т. IV. Moeurs et coutumes de l'Epire par Ar. *G. Contis*, p. 124.

8) *Харузинъ,* Русскіе Лопари, p. 985.

9) *Майновъ*, Очеркъ юридическаго быта Мордвы, p. 73.

10) Словарь русскихъ суевѣрій, 14.

11) *Майновъ*, *loc. cit.*, 83.

будущую женщину, облегчить ей роды послать ей больше дѣтей [1]). Въ прошломъ вѣкѣ, по разсказу Лепехина, мордовскую невѣсту одѣвали въ въ красное кумачное платье, красную рубаху и красные сапоги; голову покрывали красною фатою, и притомъ такъ, чтобы лица не было видно. Передъ нею ставили скамейку, на которой находился коровай хлѣба, ведро пива и солонка съ солью. Сидя такъ, невѣста оплакивала своихъ родичей [2]). Хлѣбъ, пиво и соль составляли, повидимому, жертвоприношеніе богамъ; цѣль жертвоприношенія ясна изъ предыдущаго обряда, связаннаго съ почитаніемъ рожаницы; невѣста проситъ объ облегченіи родовъ и о дарованіи ей потомства. Та же цѣль явствуетъ и изъ одного изъ послѣдующихъ обрядовъ, исполнявшагося, по разсказу того же Лепехина, уже въ домѣ жениха. Когда невѣсту привозили къ нему, братъ его бралъ ее за руку, вводилъ въ избу и сажалъ за столъ. Подлѣ невѣсты садился женихъ. Отецъ жениха бралъ за одинъ конецъ длинный, аршина въ полтора, пирогъ, ставившійся передъ невѣстой, и поднималъ другимъ концомъ пирога покрывало съ ея головы, со словами: „вотъ тебѣ свѣтъ, будь счастлива къ хлѣбу, животу и размноженію семьи“ [3]).

Къ указаннымъ фактамъ употребленія покрывала прибавимъ еще нѣсколько. У калмыковъ невѣста три первые дня послѣ брака ходитъ подъ покрываломъ [4]). У современныхъ египтянъ невѣста идетъ въ баню подъ балдахиномъ изъ розовой или желтой матеріи [5]); балдахинъ здѣсь, быть можетъ, замѣняетъ покрывало. У абиссинцевъ невѣста идетъ къ жениху подъ чернымъ покрываломъ [6]). У коптовъ во время обрученія, по разсказу миссіонера Whately, невѣста сидитъ по срединѣ комнаты, окруженная друзьями и сосѣдями; голова ея покрыта красною шалью, сама она украшена цвѣтами, золотыми монетами и ожерельемъ [7]). У нихъ же священникъ, по совершеніи церковнаго обряда, покрываетъ головы обоихъ молодыхъ платкомъ и благословляетъ ихъ [8]). У древнихъ вавилонянъ невѣсту вели въ домъ жениха, покрытую густымъ покрываломъ съ головы до ногъ [9]). У армянъ употребляется для покрыванія головы невѣсты сѣтка или вуаль

---

1) Ibidem, 83.
2) Ibidem, 44.
3) Ibidem, 43.
4) *Житецкій*, Астраханскіе калмыки, М. 1893, р. 24.
5) *Tegg*, Marriage ceremonies of all nations, p. 83.
6) Ibidem, p. 173.
7) Ibidem, p. 94.
8) Ibidem, p. 93.
9) Ibidem, p. 77.

ярко краснаго цвѣта [1]). Покрывало на свадьбѣ употребляется также у японцевъ [2]), у чувашей [3]) и пр. У болгаръ оно краснаго цвѣта [4]).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что покрывало невѣсты типа flammeum имѣетъ религіозное значеніе. Но чтобы опредѣлить характеръ его, цѣль употребленія, слѣдуетъ обратить вниманіе на цвѣтъ его. Мы видѣли, что у многихъ народовъ цвѣтъ покрывала—красный. Это обстоятельство заставляетъ обратить вниманіе на общее значеніе въ свадебныхъ обрядахъ краснаго цвѣта.

Въ бѣлорусскихъ обрядахъ красный цвѣтъ на свадьбахъ имѣетъ довольно широкое примѣненіе. Невѣста и ея дружки украшаютъ голову и шею красными лентами. Къ шапкамъ жениха и его дружины пришиваютъ красныя ленты, шейные платки у нихъ также красные и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляютъ ручники краснаго цвѣта [5]). Въ другихъ женихъ, отправляясь къ невѣстѣ, надѣваетъ баранью шапку съ бантомъ изъ красной ленты, на шею повязываетъ платокъ, также перевитый красной лентой [6]), или же женихъ имѣетъ на шапкѣ красную кокарду и красную ленту пришпиливаетъ къ шейному платку [7]). Невѣста даритъ дружкамъ красные платки [8]). Невѣстинъ вѣнокъ въ Московской губерніи дѣлаютъ изъ красной матеріи [9]). Повсемѣстно бытуетъ обычай пить красную водку на утро послѣ брачной ночи, если невѣста сохранила свое цѣломудріе [10]) и т. п. Въ прежнее время женихъ отправлялся къ невѣстѣ въ красной шапкѣ, на грудь навѣшивалъ красные платки и полотенца [11]).

Употребленіе краснаго цвѣта въ бѣлорусскихъ свадебныхъ обрядахъ сродно съ обычаями другихъ славянъ. У мораванъ красный цвѣтъ въ одеждѣ молодыхъ играетъ крупную роль. Молодой шею повязываетъ краснымъ платкомъ, молодая одѣваетъ красные чулки; употребительны красныя каймы на жупанахъ и пр. [12]), Даже упряжь лошадей окаймляется краснымъ сукномъ, въ гривы лошадей вплетаютъ красные ленты [13]). И у чеховъ

---

1) Ibidem, p. 98.
2) Archivio per lo studio delle tradizioni popol.. 1889, p. 513.
3) *Сбоевъ*, Чуваши, стр. 35.
4) *Krauss*, Sitte und Brauch, p. 444, 450.
5) *Шейнъ,* Мат. II, 263.
6) Ibidem, p. 81
7) *Носовичъ*, Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., т. V, стр. 142
8) Ibidem, p. 139
9) *Дембовецкій*, Опытъ описанія Могилевской губ., I, 686.
10) *Шейнъ,* Мат., II, p 317. 338, 250 и др.
11) Ст. *Барщевскаго*, Журн. Мин. Нар. Просв., 1846, т. LI, p. 64.
12) *Bartos,* Moravska svatba, p. 19
13) Ibidem, 21.

вообще красный [1]) цвѣтъ въ уборѣ невѣсты весьма употребителенъ, дружки же одѣваютъ пояса краснаго цвѣта [2]). Молороссы вообще выказываютъ пристрастіе къ красному цвѣту; у нихъ извѣстенъ красный коровай, красныя ленты въ нарядѣ невѣсты [3]).

Обращаясь къ дальнѣйшимъ параллелямъ, мы прежде всего напомнимъ объ употребленіи въ индусскомъ посадѣ красной бычачьей шкуры. У древнихъ грековъ и римлянъ обычный цвѣтъ брачнаго убора невѣсты былъ желтый, шафрановый [4]), который имѣетъ то же значеніе, что и цвѣтъ красный. Затѣмъ, мы встрѣчаемъ широкое употребленіе краснаго цвѣта въ германской свадьбѣ. Въ Тиролѣ невѣста украшается красными и зелеными ленточками [5]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи невѣста имѣетъ на головѣ красную шелковую ленту, въ другихъ красный или черный платокъ [6]). Рохгольцъ даетъ очень подробный подборъ обрядовъ, связанныхъ съ употребленіемъ краснаго цвѣта. Мы приведемъ изъ его работъ нѣсколько указаній, имѣющихъ ближайшую связь съ нашей задачей. Въ германской свадьбѣ красный цвѣтъ самый употребительный. Впереди брачнаго поѣзда ѣдетъ всадникъ въ красномъ и съ краснымъ знаменемъ. У фризовъ красный поясъ и чепчикъ были признакомъ замужней женщины; невѣста, идя въ церковь, надѣвала красные башмаки. Во Франкфуртѣ невѣста идетъ въ церковь вся въ красномъ, на женихѣ красные штаны. Въ Страсбургѣ дружки одѣваются въ красное [7]). Обычно также украшеніе телѣги и лошадей брачнаго поѣзда красными лентами и т. п. [8]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время брачнаго шествія одинъ изъ гостей несетъ красный платокъ—подарокъ невѣсты [9]) и пр.

У латышей, въ прежнее время, вѣнокъ невѣсты былъ красный [10]). У калмыковъ, когда невѣста подъѣзжаетъ къ кибиткѣ жениха, двое изъ молодежи берутъ занавѣску отъ полога, обычно краснаго или синяго цвѣта, и везутъ передъ невѣстой [11]). У алтайскихъ инородцевъ брачною жертвою служитъ лошадь, украшенная красными лентами [12]). У эстовъ голову невѣ-

---

[1]) *Bartoš*, Lid a národ na Zlińsku, I, Mežiřići, 1892, p 93—94.

[2]) Ibidem, p. 95.

[3]) Ст. *Сумцова*, „Этнограф. Обозр.“, 1889 г , кн III, p. 129—130.

[4]) *C. Boettiger*, Die Aldobrandinische Hochzeit. Dresden. 1810, 128—129.

[5]) *Zingerle*, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol, Insbruck, 1859, p. 487.

[6]) *Wuttke*, Der Deutsche Aberglaube der Gegenwart, Berl , 1869, p. 348.

[7]) *Rochholz*, Deutscher Glaube und Brauch, Berl., 1867, II, p. 242.

[8]) Ibidem, 343.

[9]) Ibidem, 244.

[10]) *Вольтеръ*, *loc. cit.*, p. 211.

[11]) *Житецкій, loc. cit.*, 22.

[12]) *Вербицкій*, Алтайскіе инородцы, М. 1893, стр. 43.

сты покрываютъ красными лентами [1]). У саларовъ женихъ и невѣста обвязываются красною матеріею, опоясываются краснымъ поясомъ [2]). Венгерская невѣста надѣваетъ башмаки краснаго цвѣта [3]). Общераспространенность употребленія красныхъ цвѣтовъ въ свадебныхъ обрядахъ имѣетъ особенно важное значеніе въ связи съ краснымъ цвѣтомъ свадебнаго покрывала невѣсты.

Мнѣнія ученыхъ относительно обрядоваго значенія покрыванія головы невѣсты различны. Изслѣдователь римской свадьбы Россбахъ высказалъ предположеніе, что римское flammeum не болѣе, какъ обыкновенный платокъ краснаго цвѣта [4]). Flammeum, по его мнѣнію, національное покрывало римскихъ женщинъ болѣе ранняго времени. Огненный цвѣтъ его—символъ домашняго огня; само покрываніе головы невѣсты во время брачной церемоніи—не болѣе какъ обычный актъ при жертвоприношеніяхъ [5]). Національность римскаго flammeum и самого обряда въ достаточной мѣрѣ опровергается фактами: покрываніе головы невѣсты и самый красный цвѣтъ покрывала далеко выходитъ за предѣлы римскаго ритуала. Предшественникъ Россбаха по изслѣдованію римской свадьбы, Беттигеръ, обращаетъ вниманіе на связь римскаго flammeum съ древними изображеніями Юноны, покровительницы браковъ: ее изображали подъ покрываломъ, спускавшимся съ головы до ногъ. Онъ приводитъ также и фрагментъ Варрона, который, говоря о храмѣ Юноны въ Самосѣ, описываетъ статую богини: et simulacrum in habitu nubentis figuratum et sacra ejus anniversaria ritu celebrantur. По мнѣнію Беттигера, покрывало римской невѣсты, подобно покрывалу Юноны, прикрывало все тѣло ея, ниспадая съ головы до ногъ [6]). Такимъ образомъ, римское flammeum имѣло не бытовое значеніе обычнаго женскаго наряда, прикрѣпленнаго потомъ къ свадебному ритуалу, а представляетъ собою самостоятельный религіозный актъ, связанный съ почитаніемъ покровительницы браковъ Юноны и съ празднествомъ брака Геры и Зевса на Самосѣ.

Изъ послѣдующихъ ученыхъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ давалъ разбираемому акту миѳологическое объясненіе, сравнивая покрываніе невѣсты съ весеннимъ облачнымъ покровомъ [7]). Де-Губернатисъ высказываетъ два предположенія: покрывало могло быть символомъ или брачной связи, или дѣвичьей невинности, и болѣе склоненъ къ послѣднему предположенію [8]). Слѣ-

---

1) „Живая Старина“, т. I, стр 26.

2) „Этнографическое Обозрѣніе“, XVI, 18.

3) *Tegg*, *loc. cit.*, p 111.

4) Untersuch. über. d. Röm. Ehe, p. 280.

5) Ibibem. 284, ср. 143.

6) *C. Böttiger*, die Aldobrandinische Hochzeit, p. 126

7) О свадебныхъ обрядахъ, p. 161.

8) Storia comparata degli usi nuziali, 143—144.

дуетъ еще отмѣтить два мнѣнія историко-бытового характера. Покойный проф. Потебня сравниваетъ покрываніе невѣсты съ скрываніемъ женщинами волосъ ея и съ постриженіемъ ихъ [1]). Слѣдовательно, въ этомъ обрядѣ онъ видитъ одно изъ переживаній умычки. Въ томъ же смыслѣ высказывается и проф. Ковалевскій: по его мнѣнію этотъ обрядъ означаетъ переходъ женщины во власть мужа [2]). Послѣднія два объясненія имѣютъ за собой извѣстное число фактовъ. Но факты эти относятся къ другому моменту свадебнаго ритуала и не имѣютъ ничего общаго съ обрядомъ типа римскаго flammeum. Дѣло въ томъ, что въ славянской свадьбѣ бываетъ еще разъ покрываніе головы невѣсты, сопровождаемое обычно продажей косы ея и заканчиваемое одѣваніемъ женскаго головного убора; этотъ обрядъ совершается всегда въ концѣ свадебнаго пира, передъ отъѣздомъ невѣсты къ жениху или передъ уходомъ молодыхъ на брачное ложе; иногда онъ переносится на утро послѣ брачной ночи. Этотъ обрядъ имѣетъ извѣстное число аналогій и въ обычаяхъ другихъ народовъ. Онъ также смѣшивается съ посадомъ, такъ что иногда и у бѣлоруссовъ онъ называется посадомъ, хотя и существуетъ посадъ въ собственномъ смыслѣ [3]). Этими обычаями мы займемся впослѣдствіи. Здѣсь же отмѣчаемъ лишь разницу, существующую въ обоихъ обрядахъ. Обрядъ одѣванія женскаго головного убора, предваряемый покрываніемъ намѣткою головы невѣсты, сопровождаемый продажей ея косы и заканчиваемый выдачею молодой жениху,—дѣйствительно носитъ всѣ признаки переживаній купли продажи невѣсты; онъ является какъ бы продолженіемъ и окончаніемъ расчесыванія или растрепыванія косы невѣсты. Къ этому же покрыванію относится нѣкоторое число фактовъ изъ жизни народовъ, практикующихъ символическое похищеніе, именно, увозъ невѣсты, голова которой окутана покрываломъ.

Вопросъ другой—находятся ли оба обычая въ генетической связи, или же они возникли самостоятельно. Покрываніе головы невѣсты во время одѣванія женскаго головного убора, какъ актъ бытовой, носящій въ себѣ всѣ признаки переживаній умычки, могъ появиться ранѣе и послужить прототипомъ покрывала невѣсты съ религіозною цѣлью, изъ бытового факта могъ превратиться въ религіозный обрядъ. Быть можетъ, одинъ лопарскій обрядъ, извѣстный подъ названіемъ „ловли уточки", носитъ рядомъ съ чертами чисто бытовыми и религіозный оттѣнокъ. „Ловля уточки" у лопарей состоитъ въ слѣдующемъ. Пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты сваты съ женихомъ и дружиной и выкупаютъ „уточку"; у но „уточки" есть „маленькія лапки",

---

[1]) О знач. нѣкотор. обрядовъ и пов., 78, въ примѣч.

[2]) Первобытное право. Семья, р 59; Юридич. обычаи татовъ - въ „Трудахъ" Этнограф. Отд. Моск. Общ. Любит. Естеств., кн. VШ, р. 43.

[3]) Напр., см. *Карскій*, Народныя бѣлорусскія сватьбы. Вильно, 1888, р. 49.

ее нужно поймать. Невѣсту, покрытую платкомъ, выдвигаютъ впередъ, женихъ ее ловитъ трижды, стараясь схватить за концы пальцевъ. Поймавъ въ третій разъ, онъ сажаетъ ее вмѣстѣ съ собою на постель и покрывается вмѣстѣ платкомъ, привезеннымъ имъ съ собою изъ дому, а не тѣмъ, которымъ была покрыта невѣста. Молодые, которые считаются таковыми съ момента покрытія платкомъ и имѣютъ право вступить въ брачное сожительство, сидятъ подъ покрываломъ часа два, потомъ открываются и принимаютъ участіе въ пирѣ [1]). Въ описанномъ обрядѣ ловля невѣсты женихомъ носитъ всѣ признаки умычки; прикрывъ вмѣстѣ съ собою невѣсту, женихъ тѣмъ самымъ показываетъ фактъ похищенія оконченнымъ. Но сидѣніе молодыхъ подъ покрываломъ на постели, повидимому, напоминаетъ сидѣніе молодыхъ во время посада вообще. Быть можетъ, здѣсь бытовой фактъ уже началъ получать религіозную окраску, какъ и во многихъ другихъ фактахъ народной жизни.

Разсмотрѣнный же нами обычай покрыванія головы невѣсты во время посада покрываломъ, преимущественно краснаго цвѣта, имѣетъ самостоятельное значеніе въ свадебномъ обрядѣ. Значеніе его—чисто религіозное, имѣющее ближайшую связь съ сидѣніемъ на шкурѣ жертвеннаго животнаго. Мы видѣли, что въ римскомъ ритуалѣ оно стоитъ въ связи съ культомъ Юноны, въ мордовской свадьбѣ при покрываніи молятся рожаницѣ, испрашиваютъ у боговъ дарованія потомства и пр. Этимъ опредѣляется общій характеръ религіознаго значенія покрывала. Связь же его съ краснымъ цвѣтомъ, которую, по нашему мнѣнію, необходимо брать въ разсчетъ, даетъ возможность точнѣе опредѣлить, къ какому богу обращаются при покрываніи головы невѣсты краснымъ покрываломъ. Учеными уже не разъ отмѣчалось, что красный цвѣтъ—преимущественно свадебный [2]). Часто его считаютъ символомъ домашняго огня; такъ, Веберъ этимъ объясняетъ цвѣтъ бычачьей кожи въ индусскомъ посадѣ [3]). Но красный цвѣтъ, въ обрядовомъ своемъ значеніи, находится въ тѣсной связи съ культомъ бога-производителя вообще, и съ культомъ фаллическихъ божествъ. Такъ, изъ Апулея извѣстно, что желтое платье носили жрецы Кибелы [4]). Рохгольцъ приводитъ данныя, свидѣтельствующія, что фаллическія божества различныхъ народовъ, даже американскія и африканскія, тѣсно связаны съ употребленіемъ краснаго цвѣта, какъ символа ихъ, а также съ употребленіемъ его въ богослуженіяхъ [5]). Въ верхнемъ Египтѣ приносили въ жертву Зевсу Аммону барана, шкурой котораго былъ покрытъ богъ въ мѣсяцъ овна; въ этотъ мѣсяцъ

---

[1]) *Харузинъ,* Русскіе лопари, 286.

[2]) *Winternitz, loc. cit.*, p. 67.

[3]) Indische studien, V, 208.

[4]) *C. Boettiger, loc. cit.*, 129.

[5]) Deutscher Glaube und Brauch, p. 227—228.

египтяне дѣлали красной краской значки на всѣхъ овцахъ [1]). Вообще греческіе фаллическіе культы представляютъ въ этомъ отношеніи интересныя данныя. Такъ, во время Діонисій, въ процессіяхъ употреблялись фаллосы краснаго цвѣта; въ индусскихъ процессіяхъ лингами также краснаго цвѣта, тотъ же цвѣтъ имѣютъ и изображенія римскихъ пріаповъ [2]). Къ тому же выводу пришелъ и извѣстный миѳологъ Кунъ, изслѣдуя растенія, служащія символами фаллическихъ божествъ: всѣ растенія, имѣющія связь съ Сомой или съ аналогичными обрядами, отличаются либо краснымъ цвѣтомъ своихъ плодовъ или листьевъ, либо краснымъ цвѣтомъ самого дерева [3]). Эти факты даютъ основаніе предполагать, что красный цвѣтъ въ свадебныхъ обрядахъ вообще и покрывала въ частности—символъ бога-производителя, простѣйшимъ выраженіемъ котораго служитъ фаллосъ [4]). Фаллическое божество занимаетъ видное мѣсто въ свадебныхъ обрядахъ: ему поклоняются, его призываютъ различными способами; призывать же его на свадьбы было необходимо, потому что отъ него зависитъ плодородіе женщины. На женщину стремятся всяческимъ образомъ низвести это божество: оно должно быть первымъ ея супругомъ, освятить ея лоно, разрѣшить ее отъ цѣломудрія. Это воззрѣніе лежитъ въ основѣ религіознаго гетеризма, наиболѣе примитивной религіи человѣчества; оно даже дало рядъ интересныхъ обрядовъ, обставляющихъ первые моменты брачнаго сожительства. Намъ кажется, что и покрываніе невѣсты ярко-краснымъ покрываломъ относится къ культу фаллоса, первоисточникъ котораго кроется въ религіозномъ гетеризмѣ. Цѣломудренная дѣвица покрывается покрываломъ, символомъ фаллическаго божества; она отдается въ этотъ моментъ во власть божества, и только уже послѣ этого можетъ перейти во власть мужа. Съ этой стороны намъ представляется строго послѣдовательнымъ требованіе цѣломудрія отъ невѣсты: посвящаемая богу дѣвушка должна быть чиста. Требованіе это имѣетъ свое

---

[1]) *Bastian,* Der Mensch in der Geschichte, т. III. p 130.

[2]) *Schwarz,* Der (rothe) Sonnenphallos der Urzeit, Zeitschr. f. Ethnologie, 1871, B. VI, p. 170.

[3]) *Kuhn,* Herabkunft des Feuers, p 173 (2-е изданіе сына).

[4]) Для поясненія концепціи народныхъ представленій о фаллосѣ съ краснымъ цвѣтомъ, приведенъ характерный стихъ изъ Каушика: „Des Mannes Körper wird garstig, gerothet durch die Ueble dort: Wenn er mit seiner Gattin Kleid den eignen Leib bedecken wollte". Этотъ стихъ читается при поднятіи сорочки молодой. *Weber,* Ind. Stud., V, 188. Съ этой стороны понятны и такіе обычаи, напр. въ Бразиліи: если дѣвушка уже способна къ супружеству и за нею никто не ухаживаетъ, то мать разрисовываетъ ей подъ глазами красной краской (*Westerrmarck, loc. cit.*, 177, или натираетъ охрой при наступленіи совершеннолѣтія (напр, ibid., 199).—Бѣлорусскія пѣсни, относящіяся къ утру послѣ брачной ночи, поютъ о „чирвономъ подолѣ молодой, о „чирвоной калинѣ, и т. под.

выраженіе даже въ томъ, что сваты, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, исповѣдуютъ въ этомъ смыслѣ невѣсту [1]).

Намъ остается въ заключеніе настоящей главы собрать все сказанное о посадѣ невѣсты. Напомнимъ при этомъ и нѣкоторыя мелкія черты обряда. Въ основѣ обряда лежитъ религіозная церемонія моленія и посвященія невѣсты божеству-производителю, божеству фаллическому. Для этого невѣсту сажаютъ на шкуру животнаго, иногда разстилаемую въ бѣлорусскомъ посадѣ на дежѣ или на лукошкѣ съ рожью; сюда же относится и держаніе невѣстою въ рукахъ хлѣба, поклоненіе хлѣбу (Игуменскій у.), держаніе въ рукахъ братомъ пирога (Борисовскій ул.). Пирогъ и хлѣбъ могутъ разсматриваться и какъ жертва богамъ, и какъ самостоятельный символъ божества-производителя. Къ этому же культу слѣдуетъ отнести и употребленіе березовой вѣтки въ Борисовскомъ у. Всѣми этими мѣрами, соприкосновеніемъ невѣсты съ символами производительности, стараются перенести на нее самое производительную силу, чтобы она внесла въ свой новый домъ потомство и богатство. Высшимъ выраженіемъ того же пожеланія служитъ актъ покрыванія головы невѣсты покрываломъ краснаго цвѣта. Въ свадебномъ обрядѣ упорно проводится идея о посвященіи невѣсты фаллическому божеству, ее окружаютъ символами этого божества. Эта идея, намъ кажется, гнѣздится въ первобытномъ религіозномъ гетеризмѣ, требовавшемъ отдачи невѣсты богу, прежде чѣмъ ею овладѣетъ мужъ. Посадъ невѣсты намъ представляется въ бѣлорусской свадьбѣ высшимъ и наиболѣе цѣльнымъ выраженіемъ этой идеи. Кромѣ того, посадъ окруженъ аттрибутами, связанными съ религіей домашняго очага. Онъ совершается у самаго очага (у бѣлоруссовъ сидѣніе около стола и троекратное обхожденіе его). Въ нѣкоторыхъ версіяхъ братъ становится на порогѣ (Борисовскій у.), невѣста и женихъ кланяются порогу (Игуменскій у.), повсемѣстно кланяются куту; въ Борисовскомъ у. братъ ставитъ чашку съ водой на полку у печи, какъ бы въ видѣ жертвы, тамъ же онъ, испрашивая благословенія у присутствующихъ, обращается и къ *бабкамъ запечнымъ, дѣткамъ заплечнымъ.*

Мы будемъ имѣть случай показать, что поклоненіе столу, куту, порогу и печи относится къ культу домашняго очага. Здѣсь мы отмѣтимъ лишь представленія бѣлоруссовъ о бабкахъ запечныхъ и дѣткахъ заплечныхъ. Печь и ея части заселены духами, которые благопріятствуютъ домохозяйству, если имъ угождать. На печи преимущественно пребываетъ домовой, но тамъ же обитаютъ и бабки запечныя. Теперь это выраженіе молодежь употребляетъ въ шутку, но для стариковъ оно еще имѣетъ опредѣленное значеніе. Печные духи пребываютъ въ „печуркахъ"—кубическихъ

---

[1]) *Шейнъ*, Мат., II, 208.

углубленіяхъ въ стѣнкахъ печи, и между трубою („ко́миномъ“) и стѣною, и на полкахъ около или противъ печи (куда въ посадѣ ставятъ чашку съ водой). Дѣтей пугаютъ, что изъ печурки или комина выйдетъ бабка (запечная) или дзѣдка (домовой). Считается нехорошимъ, если дитя выглядываетъ изъ-за комина: оно можетъ умереть. Это повѣрье стоитъ, очевидно, въ связи съ тѣмъ, что если дитя садится на мѣсто, гдѣ обитаютъ домашніе духи, души предковъ, то оно само можетъ сдѣлаться такимъ же духомъ, умереть. Между коминомъ и трубою нельзя ничего класть лишняго; тамъ лежатъ только ухваты, дрова, лучина; сюда же и на полки хозяйка кладетъ частички поминальныхъ обѣдовъ и вечерь („дзядоў“); за коминъ бросаютъ выпавшіе зубы, туда бросаютъ заговоренныя отъ болѣзни хлѣбъ, льютъ такую же воду. Дѣтки заплечныя относятся къ области духовъ, постоянно сопутствующихъ человѣку; они помѣщаются за плечами. Тутъ помѣщаются или добрые или злые духи, дающіе человѣку то счастье и богатство, то горе и бѣдность; они относятся къ одному разряду съ *долей*, *горемъ*, *злыднями*. Бѣлорусскія сказанія полны разсказами объ этихъ существахъ. Если человѣкъ прогнѣваетъ добрыхъ дѣтокъ заплечныхъ, то они могутъ уйти къ другому, а на его плечахъ поселятся злыя дѣтки, злыдни, горе. Поэтому-то ихъ благословенія нужно испрашивать на свадьбѣ.

Таковъ религіозный характеръ посада невѣсты. Но съ нимъ тѣсно связанъ бытовой пережитокъ—подрѣзываніе или прижиганіе косы невѣсты. Этимъ символомъ умыканія, введеннымъ въ центральный религіозный обрядъ, выражается окончательный переходъ невѣсты во власть мужа. Общая постановка посада невѣсты могла сложиться, по нашему мнѣнію, въ періодъ родового быта. Однимъ изъ блестящихъ доказательствъ такого мнѣнія можетъ служить близость бѣлорусскаго посада съ индусскимъ. Посадъ невѣсты представляется намъ основной религіозной частью свадебнаго ритуала. Разрывъ послѣ него въ понятіяхъ бѣлоруссовъ невозможенъ, въ индусскомъ, римскомъ и др. ритуалахъ посадомъ окончательно заключался обрядъ. Послѣ сидѣнія и confarreatio римская невѣста была уже женой; въ индусскомъ обрядѣ женихъ, привезши въ домъ купленную имъ дѣвушку, предъ лицомъ домашняго алтаря объявляетъ ее своеи женой. За посадомъ повсемѣстно слѣдутъ свадебный пиръ, переполненный у бѣлоруссовъ пережитками бытовыми, принявшими теперь видъ свадебныхъ шутокъ; коровайный обрядъ и постельный освящаютъ лишь сожитіе молодой пары, бракъ которой уже заключенъ фактически [1]).

---

[1]) Настоящее изслѣдованіе не было закончено въ полномъ объемѣ, хотя напечатанныя его главы представляютъ собою самостоятельные этюды. Изъ продолженія этой работы была напечатана нижеслѣдующая статья и нѣсколько отрывковъ въ газетѣ „Минскій Листокъ“.

Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ.*)

Въ бѣлорусской свадьбѣ существуетъ много обрядовъ, связанныхъ съ употребленіемъ хлѣба въ томъ или иномъ видѣ. Такъ, мы встрѣчаемъ обрядъ обсыпанія молодыхъ зернами хлѣба, совмѣстную ѣду молодыхъ, бросаніе молодымъ хлѣба въ уголъ избы, въ печь, на „запечекъ" и нѣк. др. Но среди обрядоваго употребленія хлѣба коровай, его печеніе и раздача занимаетъ центральное мѣсто. Судя по записямъ свадебнаго обряда, представляющимъ собою, повидимому, наибольшую полноту и архаизмъ, коровайный обрядъ, наравнѣ съ обрядомъ посада можетъ быть признанъ самою важною частью свадьбы.

Обрядъ коровая общеизвѣстенъ. Намъ нѣтъ нужды описывать его въ подробностяхъ, но достаточно будетъ напомнить наиболѣе важныя черты его, особенно характерныя для выясненія значенія обряда.

Короваевъ обычно печется два: одинъ въ домѣ жениха, другой—у невѣсты. Матери жениха и невѣсты собираютъ заранѣе коровайницъ, въ числѣ 5, 7 или 10, къ нимъ приглашаютъ еще одного или двухъ мужчинъ, одного непремѣнно холостого. Изъ женщинъ—часть должны быть дѣвушки; старая коровайница, распоряжающаяся обрядомъ, если возможно бываетъ крестная мать молодого или молодой или старшая сваха. Очень замѣчательно, что избираются въ коровайницы женщины, отличающіяся чадородіемъ, хорошія хозяйки. Пекутъ коровай либо наканунѣ вѣнчанія, въ субботу, а въ понедѣльникъ, когда „поднимутъ" молодыхъ, раздаютъ, либо пекутъ въ день вѣнчанія, но раздѣляютъ во всякомъ случаѣ послѣ первой брачной ночи.

---

*) Напечатана въ юбилейномъ сборникѣ въ честь профессора В. Ѳ. Миллера.

Всякое дѣйствіе надъ короваемъ: расчинка его, мѣсиво, сажаніе въ печь, выниманіе изъ нея, выносъ въ клѣть и принесеніе оттуда, непремѣнно сопровождается испрошеніемъ благословія въ родѣ слѣдующей формулы:

Ой, дай намъ Боже,
Свое дзѣло зробици,
Коровай расчиници! [1])

Или „замѣсици", въ пѣчь „посадзици" и т. д.

Въ одномъ описаніи свадьбы (Борис. у.) мы встрѣчаемъ цѣлую пѣсню, которой начинается печеніе коровая. Пѣсня проситъ близкихъ, сосѣдей и всѣхъ гостей благословить замѣсить коровай и, наконецъ, обращается къ Богу:

Ты заступъ, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цяперъ треба!
Памагаў расчиниць,
Памагай замясиць
Ручками бяленькими,
Персьцьнями золоценькими,
Пѣснями веселенькими.
—„Ня стой, Боже, за дзьвярми,
Да идзи, Боже, ў хату,
Да сядзь на куцѣ,
Да дай долю маладзѣ".
—„Я ў хату ня пайду,
Я за дзьвярми постою,
Маладзѣ долѣ перешлю.

И дальше пѣсня приглашаетъ собраться весь „родъ" [2]). Пѣсня эта, несомнѣнно, носитъ всѣ признаки молитвеннаго обращенія къ покровителю брака.

По окончаніи мѣшенія коровая, опять пѣсня благодаритъ божество:

Хвала табѣ, Боже,
Што мы дзѣла зрабили,
Коровай замясили. и т. д. [3])

Въ самомъ дѣлѣ, присутствіе божества въ коровайномъ обрядѣ очень значительно. Коровай „Самъ Богъ мѣсиць, а Пречистая свѣциць, анѣлы воду носюць, у Бога доли просюць". И далѣе, пѣсня обозначаетъ, какую долю нужно молодымъ:

Одну долю грошовую,

---

[1]) *Шейнъ*, Матеріалы, ч. II, стр. 170.
[2]) Ibidem, 74.
[3]) Ibidem.

А другую—збожовую,
А трецію—дзяцинуе [1]).

Пѣсня проситъ божество о томъ, чтобы у молодыхъ водились деньги, хлѣбъ и дѣти. Послѣднее очень важно. Вообще въ коровайныхъ пѣсняхъ, больше чѣмъ въ какой-нибудь другой части свадьбы, мы находимъ обращеніе къ божеству о дарованіи молодымъ „доли", именно въ изобиліи хлѣба и потомства, многолѣтія брачной четы. Нужно положить коровай на жито, говоритъ пѣсня,—

Дай Божа, яго, спожици,
А нашемъ дзѣцямъ доўга пожици [2]).

Въ предыдущихъ пѣсняхъ божество призывается благословить печеніе коровая, при чемъ и испрашивается у него доля: божество призывается въ домъ, присутствующіе вѣрятъ, что оно находится въ хатѣ при исполненіи обряда, и потому обращаются къ нему съ молитвою. Въ пѣсенкѣ, приглашающей къ раздѣлу коровая, онъ называется „божимъ даромъ". Другая пѣсня спрашиваетъ у коровая:

Короваю мой румянъ!
Ци боги цябе малявали? [3])

Близость коровая къ божеству такова, что Богъ, Пречистая, ангелы принимаютъ участіе въ изготовленіи его, а

Мѣсяцъ ў печь сажая,
Зоренька закладая,
Слонейко запекая [4]).

Въ приведенныхъ пѣсенкахъ видна большая близость коровая къ божеству. Но есть данныя, которыя позволяютъ утверждать, что народное представленіе переносило божественныя свойства на самый коровай. Одна пѣсенка, записанная въ Гродненской губ., призываетъ женихова отца поближе къ короваю съ „троичатою свѣчею" и проситъ у коровая доли сыну:

Да Трохимоу ойченька,
Чаму не стоишъ близко короваю?
Чаму не дзержишъ троичатой свѣчки?
—Ой я стою, ой я стою
Близко короваю,
Ой я прошу, ой я прошу
Свойму дзицяти доли [5]).

---

[1]) Ibidem, 171. Въ короваѣ, говоритъ пинская пѣсня, „доля и щасте". (См. мою статью: Мотивы свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ, 1893, стр. 55).

[2]) Ibidem, 289.

[3]) Ibidem, 341.

[4]) Ibidem, 378.

[5]) Ibidem, 378.

Значитъ, отецъ долженъ просить доли у самого короваю, который обладаетъ божественными свойствами, можетъ надѣлить молодого долею.

Пѣсни занимаются немало и наружнымъ видомъ коровая. „Родзина" свезла для коровая „семь пудъ муки", „семь пудъ соли", „семь пудъ масла", „семь копъ лецъ" [1]). Вотъ какой размѣръ коровая: въ коровай вошло изъ семи полей пшеницы, изъ семи рѣкъ водица, десяти коровъ масла и яицъ полтораста [2]). Или по другой пѣснѣ:

Тры бочки криничной воды,
Тры копы перепелчиныхъ яицъ,
Тры фаски дровичного масла [3]).

Однимъ словомъ, когда коровай поставятъ на столъ, то ножки у стола „пагнутца",

Да людзи короваю дзивятца [4]).

Это гиперболическое представленіе о размѣрахъ коровая соотвѣтствуетъ той особой силѣ, которая ему приписывается.

Въ самомъ дѣлѣ, пѣсни вполнѣ опредѣленно говорятъ о тѣхъ функціяхъ, которыя приписываются короваю, или той силѣ, которой символомъ онъ служитъ. Разсмотрѣніе этихъ пѣсенъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ коровайномъ обрядѣ мы имѣемъ остатки такъ называемаго пріапическаго культа. Одна пѣсенка обращается къ короваю съ просьбою о покровительствѣ браку [5]):

„Злучи, Божа, да мое дзѣтки!"

А другая, которую поютъ при заквaскѣ коровая, дѣлаетъ и еще болѣе прозрачный намекъ:

„Нехай мой кося (конь) по росѣ поскаче,
„Нехай молода Аўдоцька по косѣ поплачѣ" [6])!

Смыслъ послѣдняго замѣчанія станетъ вполнѣ яснымъ, если мы припомнимъ, какое значеніе брачные обряды приписываютъ расплетанію или обрѣзыванію дѣвичьей косы [7]).

Но, конечно, указанное значеніе коровая еще болѣе характеризуется цѣлымъ рядомъ пѣсенъ фаллическаго содержанія, составляющихъ обязательную часть только этого обряда, наконецъ, и самою внѣшнею формою этого обрядоваго хлѣба, которая придается ему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

---

[1]) *Шейнъ*, Бѣлор. пѣсни, 292.
[2]) Ibidem, 371.
[3]) *Шейнъ*, Матеріалы, 367.
[4]) *Янчукъ*, По Минской губ., стр. 98, № 7.
[5]) *Шейнъ*, Матеріалы, II, стр. 241.
[6]) Ibidem, стр. 215.
[7]) *Довнаръ-Запольскій*, „Бѣлор. свадьба" и пр., въ „Этнограф. Обозр.", кн. XIX.

Правда, фаллическія коровайныя пѣсенки съ трудомъ попадаютъ въ наши этнографическіе сборники; собиратели нерѣдко опускаютъ ихъ сознательно, но ихъ не легко и записать, такъ какъ бабы не скажутъ въ обычное время. Несмотря на эти не вполнѣ благопріятныя условія, извѣстныя намъ записи свадебныхъ обрядовъ сохранили немало пѣсенъ, пріуроченныхъ къ короваю.

Эти пѣсенки въ грубой формѣ отмѣчаютъ дѣйствія коровайнаго хлѣба на плодовитость женщины: одно прикосновеніе къ короваю, качаніе его, вылѣпка для него украшеній изъ тѣста и т. п. уже дѣйствуетъ на работницу:

1) А коли я коровай качала,
Тогды я животомъ крычала [1])!
2) А богатые качали,
А пузатые сажали [2]).

Такъ говорятъ пѣсни. [3]).

Пѣсни идутъ иногда дальше въ олицетвореніи коровая:

Коровай рогоче,
Да до печи хоче,
А печь рогоче,—
Коровая хоче [4]).

Эти грубыя пѣсенки не случайно попали въ коровайный обрядъ. Онѣ только отражаютъ въ себѣ вѣру въ ту оплодотворящую силу, символомъ которой является коровайный хлѣбъ въ обрядѣ. Этимъ, вѣроятно, объясняется убѣжденіе, существующее у великороссовъ, съ томъ, что если молодая отвѣдаетъ до ночи коровая, то молодой не будетъ любить ея [5]): со вкушеніемъ коровая невѣста какъ бы теряетъ дѣвичество.

---

1) Ibidem, 257.
2) Ibidem, 341.
3) Приведемъ еще нѣкоторыя изъ нихъ:
а) Якъ мы шышачки качали,
Тогды мы жыботомъ крычали;
Якъ мы шышачки ляпили,
Тогды мы жыботомъ кропили. (Ibidem, 307).
б) Старшая коровайница!
Ни стой коля печы:
Аба ты хвартухъ спалишъ,
Аба курку осмалишъ! (Ibid., 259).
в) Въ огородзѣ макъ паламаўся,
До дзѣвокъ Езепъ прикасаўся;
Собралися дзѣўки паганки,
Привязали Езепа до лаўки, и т. д. (Ibidem, 215).
4) Ibidem, стр. 227.
5) *Терещенко,* Бытъ русск. нар., II, 133

Только что описанное свойство коровая выражается въ пѣсняхъ и еще особымъ образомъ.

Коровайное тѣсто растетъ особенно: чтобы вынуть его изъ печи, необходимо взять „вострый мечъ“, „порубаць камянную печь“ [1]), потому что онъ такъ выросъ въ печи, что уже не проходитъ въ ея отверстіе. Пѣсенка приглашаетъ коровай:

Подыходзь, подыходзь, нашъ коровай,
Да вышей печи муравой,
Да вышей стоўпа золотого,
Да вышей князя молодого [2]).

Или другая такъ описываетъ коровай въ дежѣ:

Коровай ў дзяжи играець,
До вѣка поднимаець,
Коровайницъ ожидаець [3]).

Во всѣхъ этихъ пѣсенкахъ коровай является символомъ оплодотворяющей силы. Ее надо передать невѣстѣ.

Послѣднимъ объясняется любопытная особенность посада, существующая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи; невѣсту во время расплетанія косы сажаютъ на дежу, въ которой расчиненъ коровай [4]) и въ которой его тѣсто, по пѣснямъ, такъ чудодѣйственно подходитъ. Существуетъ и примѣта: коровайницы слѣдятъ, хорошо ли подходитъ тѣсто, и изъ этого заключаютъ о плодородіи молодой четы.

Сама внѣшняя форма коровая подтверждаетъ выводы, только что сдѣланные нами изъ пѣсенъ. Отдѣлка коровая, лѣпка изъ его тѣста различныхъ украшеній занимаетъ довольно много времени, сопровождается весьма нескромными намеками, замѣчаніями, критикой молодыхъ и пр. Сдѣлавъ основу коровая—большую круглую булку, приступаютъ къ украшенію ея: тутъ лѣпятъ изъ того же тѣста домашнихъ животныхъ, птицъ, растенія—рѣпу, морковь [5]). Лѣпятъ и отдѣльныя части животныхъ. Всѣми этими произведеніями свадебной скульптуры украшаютъ коровай. Правда, въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Минской губ., гдѣ мнѣ приходилось наблюдать обряды, нескромныхъ фигуръ уже не запекаютъ, но передѣлываютъ ихъ. Во многихъ же мѣстностяхъ на жениховскомъ короваѣ изображаютъ, напримѣръ, въ Минской губ., селезня, на невѣстиномъ — уточку;

---

1) *Янчукъ*. По Минской губ., 49, № 10.
2) *Шейнъ*, Матеріалы, II, 221.
3) Ibidem, 752.
4) Ibidem. 222; ср. *Довнаръ-Запольскій*, Бѣлорусск. Полѣсье, I, стр. 132.
5) Ср. описаніе „Бѣлорусская свадьба“, этнографическій этюдъ. *М. Довнаръ-Запольскаго*, Кіевъ. 1888 годъ, стр. 21.

вокругъ птицъ кладутъ яйца изъ тѣста [1]). Кое-гдѣ вставляютъ въ коровай зеленыя вѣтки (Гродненская губ.) [2]). Впрочемъ, грубыя изображенія на короваѣ еще въ ходу; такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ чрезвычайно интересное изображеніе его въ одномъ описаніи изъ Гродненской губ. [3]). Эти описанія только подтверждаютъ сказанное нами о связи коровайнаго обряда съ пріапическимъ культомъ.

Обряды во время печенія и раздѣленія коровая вполнѣ гармонируютъ съ его общимъ значеніемъ. Наблюдателя всегда поражаетъ экзальтированное состояніе участвующихъ въ коровайномъ обрядѣ. И этотъ экстазъ не случайное явленіе: въ народныхъ обрядахъ экстазъ является столь же традиціоннымъ, какъ и народный обычай. Музыкой и пѣніемъ сопровождаются различныя частности обряда.

Такъ, въ Минскомъ у. парни выносятъ изъ клѣти коровай на вѣкѣ отъ квашни съ музыкой; внесши въ избу, они кружатся нѣкоторое время и только тогда ставятъ на столъ. Въ Гродненской губ. дѣвушки пляшутъ вокругъ коровая послѣ того, какъ его замѣсятъ [4]). Здѣсь же, когда вынутъ коровай изъ печи, „маршалокъ“ кружится съ нимъ по избѣ, приговаривая: „раю короваю, раю, раю, я съ тобою пограю“ [5]). Въ Минской губ., предъ раздѣленіемъ, коровай трижды обносятъ вокругъ стола [6]). Этотъ традиціонный экстазъ, конечно, имѣетъ въ коровайномъ обрядѣ такое же значеніе, какъ и въ пріапическихъ культахъ вообще [7]), а съ послѣдними нашъ обрядъ имѣетъ общую основу.

Наши замѣчанія о коровайномъ обрядѣ и пѣсняхъ были бы не полны, если бы не были разсмотрѣны еще два мотива коровайныхъ пѣсенъ, въ которыхъ коровай (т.-е. изображенія на немъ) сопоставляется съ женихомъ и невѣстой, а также съ солнцемъ и мѣсяцемъ.

„Шишачка“ на короваѣ—невѣста.

---

[1]) *Шейнъ*, II, стр. 171.

[2]) Ibidem, 379.

[3]) Коровай бываетъ вѣсомъ въ 50 и болѣе фунтовъ. На немъ запекаютъ такую картину: стоитъ невѣста по колѣна въ короваѣ и правой рукой держитъ поднятое къ верху платье и рубашку. Женихъ стоитъ такимъ же родомъ насупротивъ невѣсты и держитъ въ правой рукѣ рѣпу. Кругомъ изображенія животныхъ: боровъ верхомъ на свиньѣ, пѣтухъ—на курицѣ, и т. д. Кругомъ этихъ фигуръ солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Вынувъ коровай изъ печи, въ него втыкаютъ вилы деревянныя, въ аршинъ величиной, и покрываютъ его простыней (ibid., 379). Кромѣ того, здѣсь же пекутъ вмѣстѣ съ короваемъ отдѣльные пироги цилиндрической формы. (Лашанская вол.).

[4]) Ibidem, 378.

[5]) Ibidem, 361.

[6]) Ibidem, 222.

[7]) См., напр., книгу *Foucart*, Des associations religieuses.

„Куда коровай унести?“—спрашиваетъ пѣсня и отвѣчаетъ:

Понесьци коровай до клѣци,
А покласьци на матчиной скрыни:
А нехай матчино сярдзечко радуятца.
Што на коровай шышачка сядзиць; якъ лебядзь.
А шышачка моя бялесенька—
Дочка моя милюсенька! [1]).

Эта пѣсня поется при невѣстиномъ короваѣ. Другая, которая поется у жениха, совѣтуетъ коровою взять „пирожокъ“ и добиваться въ клѣть. Тамъ, въ клѣти, на полатяхъ, лежитъ „сырокъ бѣленькій—зять цеци миляенькій“ [2]). Тутъ коровай-женихъ идетъ въ клѣть, гдѣ устроено брачное ложе. Въ другой пѣснѣ выражается пожеланіе, чтобы коровай былъ „ясянъ“, а женихъ—„красянъ“.

А ясянъ коровай, ясенекъ,
А красянъ Сяменка, красянекъ [3])!

Во основѣ этихъ сопоставленій лежитъ мысль о перенесеніи свойствъ коровая на новобрачную пару: у коровая просятъ объ изобиліи для новобрачныхъ въ богатствѣ, умноженіи семьи; отсюда и сопоставленіе молодыхъ съ короваемъ.

Относительно сопоставленія коровая съ солнцемъ уже выше приведено было указаніе на то, что среди его украшеній встрѣчаемъ солнце, луну, звѣзды [4]); въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изображеніе полумѣсяца обязательно [5]). То же сопоставленіе проходитъ и въ пѣсняхъ. Коровай окруженъ звѣздами и мѣсяцемъ:

Биты коровай густо,
Подъ бѣлюхно хусто,—
Мѣсяцемъ окружоны,
Зорами осадзоны [6]).

По пѣснѣ, коровай—

Мѣсяцъ ў печь сажая,
Зоренька закладая,
Слонейко запекая [7])!

Такимъ образомъ высказанныя въ предыдущемъ изложеніи замѣчанія способны, какъ кажется, привести насъ къ заключенію, что въ бѣлорус-

---

1) *Шейнъ*, Матеріалы, 259.
2) Ibidem.
3) Ididem, 288.
4) Ibidem, 361, 226.
5) Ibidem, 307, 77 и др
6) Ibidem, 368.
7) Ibidem, 378.

скомъ коровайномъ обрядѣ и пѣсняхъ мы имѣемъ остатки пріапическаго культа. Въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія какъ пѣсенки, такъ и формы коровайнаго хлѣба. Обрядъ и пѣсни ясно высказываютъ свою основную цѣль—испросить для молодой пары благословенія той высшей силы, которая содѣйствуетъ плодородію людей, скота, хлѣбо́въ—тѣхъ „долей", которыя такъ нужны пахарю. Коровай то является въ пѣсняхъ символомъ этой силы, то самъ ея носителемъ, конкретнымъ образомъ ея. Варіацией на ту же тему является сопоставленіе коровая съ женихомъ и невѣстою и небѣсными свѣтилами.

При этомъ интересно замѣтить, что бѣлорусская свадьба вообще представляетъ въ себѣ не мало слѣдовъ названнаго культа [1]); и его можно бы подмѣтить не только въ свадебномъ обрядѣ, но и въ другихъ, особенно въ жнивныхъ [2]).

Однако, слѣды даннаго культа не представляются, случайнымъ явленіемъ въ бѣлорусскомъ свадебномъ ритуалѣ. Достаточно было бы привести на память обряды древнихъ индусовъ, чтобы убѣдиться въ широкомъ распространеніи его. Но для нашей цѣли гораздо важнѣе то обстоятельство, что и обычай печь свадебный пирогъ имѣетъ самое широкое распространеніе. Для насъ достаточно будетъ для подтвержденія сказаннаго привести нѣсколько параллелей изъ обычаевъ другихъ народовъ.

Свадебный пирогъ составлялъ непремѣнную принадлежность свадьбы въ Московской Руси, гдѣ онъ даже вносился въ церковь во время вѣнчанія [3]), хотя въ настоящее время онъ мало извѣстенъ въ великорусской свадьбѣ [4]). Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ въ своихъ работахъ собралъ богатый матеріалъ по употребленію хлѣба-коровая у различныхъ славянскихъ народностей [5]), такъ что можно безошибочно утверждать, что коровайный обрядъ, съ тѣми или иными отступленіями, извѣстенъ свадебному обряду всѣхъ славянъ.

Но мы позволимъ себѣ привести нѣсколько сопоставленій изъ обрядовъ не-славянскихъ народностей. Напомнимъ, что уже πλακοῦς древнихъ

---

[1]) Ср. сказанное въ моей статьѣ „Бѣлорусск. свадьба въ культурно-рел. пережиткахъ".

[2]) Ср. напечатанныя мною жнивныя пѣсни въ стат. „Замѣтки по бѣлорусской этнографіи", „Живая Старина", 1894 г. вып. I.

[3]) *Терещенко*, Бытъ русск. нар. II, 51.

[4]) „Русск. Филологич. Вѣстникъ", 1880 г., I, стр. 84 (ст. *Ящуржинскаго*).

[5]) О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ (Харьковъ), стр. 135 сл.; Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ стр. 63 сл.; ср. *Kolberg*, Mazowsze, стр. 220; *Krauss*, Sitte und Brauch der Südslaven, p. 432—438; для разъясненія этимологіи коровая могутъ служить: *Pictet*, Les origines indoeuropéennes, II, 402 и *Потебни*, „О значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій", стр. 51.

грековъ можетъ представлять собою нѣкоторую аналогію къ короваю [1]). Но наиболѣе близкія черты обрядовъ мы встрѣчаемъ въ Калабріи. Здѣсь пирогъ особой формы составляетъ непремѣнную принадлежность свадьбы. Въ Cozenza при выдачѣ приданаго даютъ одинъ или два пирога особой формы, которые называются mucceláti, collari, tortani. Въ другихъ мѣстностяхъ женихъ даритъ невѣстѣ два пирога, foccare и berlingozzi; первый изъ нихъ имѣетъ обыкновенную форму, второй—большой и продолговатый, Калабрійцы же албанцы на огромномъ пирогѣ дѣлаютъ изображенія солдатиковъ, птицъ и различныхъ животныхъ; послѣ свадебнаго пира женихъ и невѣста обязаны съѣсть по куску его [2]). Въ Сициліи въ половинѣ прошлаго вѣка молодой, уже послѣ вѣнчанія, являлся къ невѣстѣ съ большимъ хлѣбомъ, сдѣланнымъ въ видѣ короны; этотъ хлѣбъ назывался bucceleto [3]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, въ Беарнѣ, молодые ѣдятъ сладкіе пироги особой формы [4]); такихъ пироговъ обычно бываетъ два [5]). Въ Бельгіи, если дѣвушка выходитъ замужъ въ другое село, молодежь ея села подноситъ ей пирогъ (le paté), длиною въ аршинъ, и букетъ цвѣтовъ [6]). Въ Германіи и Англіи обычай свадебныхъ пироговъ очень распространенъ; въ Англіи онъ называется bridecakes. Объ употребленіи этихъ пироговъ свидѣтельствуютъ еще средневѣковые источники [7]). Этихъ бѣглыхъ указаній, число которыхъ можно было бы значительно увеличить [8]), кажется, достаточно прежде всего для вывода въ томъ смыслѣ, что коровайный обрядъ бѣлорусской (и вообще славянской) свадьбы не стоитъ одиноко и находитъ себѣ широкую аналогію у другихъ народовъ. Этого общаго вывода намъ представляется достаточнымъ. Входить въ изслѣдованіе вопроса о томъ, насколько употребленіе свадебнаго пирога у другихъ народовъ соот-

---

1) Die Griechischen Privataltertümer, von *S. Muller* (Handb. d. klass. Alt-Wiss. IV, r. I, p 447).

2) *Dorsa*, La tradizione greco-latina negli usi etc., p. 37.

3) *Pitré*, Archivio per lo studio delle tradiz. popolari, XV, Usi, II, p. 68. Для поясненія южно-итальянскихъ обрядовъ необходимо помнить о сильномъ развитіи здѣсь культа пріапа не только въ древности, но еще и въ XVIII в.; см. интересную и очень рѣдкую брошюру „The worship of Priapus. An account of the fête of St. Cosmo and Damiano celebrated of Isernia in 1780.. To which is added some account of the phallic worship... by *Richard Payne Knight*", London. 1883.

4) *Edlestand-du-Méril*, Études sur quelques points d'Archéologie. 1862, p. 59, прим. 6.

5) Une noce en Bearne, par *D. Bourchenin*, Revue des tradit. popul. 1890, № 4, p. 275.

6) Revue des tradit. popul. 1890, № 3, p. 181—2.

7) *Edelstand-du-Méril*,. o. c., p. 59.

8) См., напримѣръ, еще *William Tegg*, Marriage ceremonies of all nations. London, 1872.

вѣтствуетъ тому его характеру, который получился въ бѣлорусской свадьбѣ, было бы, въ предѣлахъ нашего очерка, неумѣстнымъ, но, можетъ быть, было бы позволительно высказать по этому поводу два-три замѣчанія.

Несомнѣнно, первоначальное значеніе свадебнаго пирога въ ритуалѣ нашихъ народовъ представляется теперь не вполнѣ яснымъ; иногда этотъ обрядъ почти смѣшивается съ другимъ—съ совмѣстнымъ вкушеніемъ пищи женихомъ и невѣстой. Очевидно, тутъ могла произойти обычная въ исторіи обрядовъ дифференціація. Кромѣ того, этотъ грубый обрядъ не можетъ долго оставаться въ своей первобытной наготѣ.

При этомъ, если принять во вниманіе, какую роль играли, особенно въ древности, обряды, связанные съ хлѣбомъ, въ пріапическихъ культахъ [1]), то аналогическое значеніе пирога въ свадьбѣ не могло бы быть неожиданнымъ. Вѣдь свадебный обрядъ очень занятъ плодородіемъ новобрачныхъ, почему иногда допускаетъ такія ритуальныя особенности, которыя не позволяютъ ошибаться въ ихъ основномъ значеніи [2]).

Чѣмъ некультурнѣе народъ, тѣмъ рельефнѣе выражаетъ онъ въ своихъ обрядахъ заботу о судьбѣ новобрачныхъ.

Въ примѣръ въ данномъ случаѣ можно было бы привести свадебные обряды мордвы, гдѣ употребленіе свадебнаго хлѣба весьма близко къ нашему истолкованію его, какое ему можно дать въ бѣлорусской свадьбѣ [3]).

---

[1]) См., напримѣръ, въ книгѣ *Hodder M. Westropp'a* Primitive symbolism as illustrated in Phallic worship or the reproductive principle. London, 1885.

[2]) Ср., напримѣръ, обрядъ у литовцевъ, записанный въ началѣ нынѣшняго вѣка, *Ch. Laumier*, Céremonie nuptiales anciens et modernes, Paris, 1830, p. 123.

[3]) Вотъ нѣкоторые изъ такихъ обрядовъ:

Передъ свадьбой невѣстѣ даютъ отвѣдать каши. Съѣвъ ее, она кричитъ и причитаетъ: „Лопнуть бы мнѣ какъ яйцу, разорваться бы мнѣ, какъ тройной веревкѣ, отъ этой каши! Поѣла я чужое счастье!“ (*Майновъ*, Очерки юридическаго быта мордвы, стр. 91). Не менѣе интересенъ и другой обрядъ. Отецъ жениха. поднявъ надъ головой корзину съ хлѣбомъ со вставленною въ него солоницею и яичницей, обращается къ божеству Шкаи съ молитвою за молодыхъ и между прочимъ говоритъ: „Мы даемъ тебѣ хлѣбъ, ты дай ему (жениху) хлѣбъ; Мы даемъ тебѣ куриное сѣмя, ты дай ему человѣческое сѣмя!“ и пр. (ibidem, p. 111). Въ этомъ наивно-первобытномъ обращеніи къ божеству какъ нельзя лучше отражается цѣль принесенія въ жертву хлѣба на свадьбѣ и его значеніе.

Но у мордвы же употребляется и хлѣбъ, соотвѣтствующій нашему коровою. По разсказу Лепехина, совершался слѣдующій интересный обрядъ. Когда невѣсту приводили къ жениху, то братъ жениха бралъ ее за руку, вводилъ въ избу и сажалъ за столъ. Очевидно, невѣста такимъ образомъ вводилась въ новую семью, пріобщалась къ домашнему очагу мужа. Женихъ садился подлѣ нея. Предъ ними ставился огромный длинный, аршина въ полтора, пирогъ Отецъ жениха бралъ за одинъ конецъ этого пирога и другимъ концомъ поднималъ съ головы невѣсты покрывало со словами: „Вотъ тебѣ свѣтъ, будь счастлива къ хлѣбу, животу и размноженію дѣтей“ (ibidem, 113).

Покончивъ съ разсмотрѣніемъ коровайнаго обряда, кажется, можно высказать увѣренность въ связи этого обряда съ пріапическимъ культомъ; значеніе его такимъ образомъ связано съ испрошеніемъ молодымъ всякихъ благъ, главнымъ образомъ потомства. Быть-можетъ, такое значеніе свадебнаго пирога не стоитъ одиноко въ бѣлорусской свадьбѣ, но находится въ связи съ обрядами другихъ народовъ, хотя для послѣдняго вывода еще требовалось бы особое изслѣдованіе вопроса.

Женская доля въ пѣсняхъ Пинчуковъ*).

Пинскій уѣздъ Минской губерніи, занимающій верховья Припяти, съ массою рѣчекъ, озеръ и болотъ, изрѣзывающихъ его во всѣхъ направленіяхъ, является едва ли не однимъ изъ самыхъ глухихъ и неизвѣданныхъ уголковъ нашего обширнаго отечества. Это центръ Полѣсья, самая интересная, самая характерная его часть, природа, которая до сихъ поръ дика и сохраняетъ свою первобытную прелесть. Здѣсь живетъ таинственный, угрюмый полѣшукъ, про котораго всѣмъ извѣстенъ давнишній разсказъ, будто на вопросъ, что онъ за человѣкъ, онъ отвѣчалъ: „я не человѣкъ, я—пинчукъ". Въ обществѣ упорно держится странное, фантастическое представленіе объ этой части Полѣсья, его природѣ и обитателяхъ, и именно потому, что до сихъ поръ еще и въ наукѣ этотъ край остается темнымъ мѣстомъ [1]).

---

*) Напечатанное въ „Этнограф. Обозрѣніи".

[1]) Работъ по этнографіи Пинскаго Полѣсья очень немного: 1) *Zienkiewicz*, Piosnki gminne ludu Pińskiego Kowno. 1854.—2) Матеріалы по географіи и статистикѣ Россійской Имперіи. Гродненская губ., сост. полк. *Бобровскимъ* СПБ. (замѣтки на стр. 622—652 въ I части).—3) въ VII т. „Трудовъ экспедиціи въ Западно-Русскій край" статья *Михальчука* о пинскомъ нарѣчіи.—4) *Карпинскій*, „Говоръ пинчуковъ" (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1888, 1).—5) Piesni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pinska, zebrał *P. Bykowski*, во II т. „Zbioru wiadomosci do antropol. krajowej. Krakow.—6) Свящ. *Булгаковскій*. „Пинчуки. Этнограф. сборникъ" СПБ. 1890 г.—7) Памятная книжка по Витебской губ. 1868 г., статья: „Свадебные обряды и пѣсни крест. Пинск. уѣзда".—8) Наши „Замѣтки изъ путешествія по Бѣлоруссіи" въ „Виленск. Вѣстн." 1890 и 1891 г.г. №№ 202, 206, 210, 211, 217, 219, 220, 225, 232, 264, 265; 9, 18, 22, 23, 25, 27, 28. Къ этому можно бы прибавить нѣкоторыя мелкія замѣтки въ мѣстныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, см. мою книгу „Пѣсни Пинчуковъ".

Болѣе подробную библіографію Полѣсья вообще можно найти въ книгѣ: „Полѣсье—Библіографическіе матеріалы по географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Полѣсья (сѣв.-зап. и юго-зап. край вообще и губ. Минская, Гродненская, Волынская, Кіевская и Могилевская въ частности)", СПБ. 1883. 8⁰ стр. VII+X+274+1 нен. Книга составлена *З. Пенкиной* при содѣйствіи *В. И. Межова*, но къ сожалѣнію уже вышла изъ продажи.

Этотъ-то край пришлось мнѣ посѣтить лѣтомъ прошлаго года[1]) по порученію Этнографическаго Отдѣла Имп. Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Результатомъ поѣздки явились между прочимъ собраніе пѣсенъ, среди которыхъ лирическія занимаютъ весьма солидное мѣсто[2]). Мотивы ихъ весьма разнообраны; но самый теплый, задушевный мотивъ—это женская доля, съ ея горечью и радостями. Эту сторону поэзіи пинчуковъ мы и избрали предметомъ нашей статьи. При этомъ считаемъ не лишнимъ предупредить, что мы пользуемся исключительно записанными нами пѣснями. Мы не считали нужнымъ также указывать варьянты приводимыхъ нами пѣсенъ, хотя онѣ и сходятся съ бѣлорусскими и малорусскими, такъ какъ это будетъ сдѣлано при изданіи самыхъ пѣсенъ[3]).

Дѣвушка въ очень раннемъ возрастѣ вступаетъ въ общественную жизнь, т. е. въ тотъ счастливый періодъ своей жизни, когда на нее начинаютъ смотрѣть, какъ на взрослую, на невѣсту: на нее засматриваются парни, ухаживаютъ за нею; она, въ свою очередь, останавливаетъ свое вниманіе то на томъ, то на другомъ, пока, наконецъ, не изберетъ себѣ „дружка пудъ мысли“. Это время для дѣвушки наступаетъ лѣтъ съ пятнадцати, когда онъ начинаетъ съ парнями принимать участіе въ „вечоркахъ“ (вечернихъ собраніяхъ молодыхъ людей обоего пола), въ играхъ, пѣсняхъ и танцахъ. Но и до этого времени еще дѣвочкою 12—14 лѣтъ, она присматривалась къ отношеніямъ парней и дѣвицъ, подслушивала ихъ пѣсни и сама пѣла, гдѣ-нибудь вдали отъ взрослыхъ, про милаго казака чернобороваго, про горькую долю невѣстки въ большой семьѣ. Теперь, въ 16 лѣтъ, начинается только болѣе сознательная жизнь. Въ праздники дѣвушка кокетливо украшаетъ голову разноцвѣтными „квитками“ (цвѣтами), „китайками“ (ленточками), вышиваетъ тщательно передній бортъ и рукава сорочки и проч. Время, въ которое на свободѣ развивается „дѣвоцкая краса ўсему роду прикраса“, непродолжительно; дѣвушка понимаетъ это и спѣшитъ насладиться природой и молодой жизнью. Она понимаетъ, что пройдетъ годъ—два, и придутъ сваты, быть можетъ, отъ немилаго, изъ другого села, и ее отдадутъ родители, оторвутъ отъ милаго парня, отдадутъ на „чужую чужину, ў вэлыку сэмью, ў тяжку нэволю“. Между тѣмъ красота дѣвушки только начинаетъ развиваться въ это время во всей своей силѣ. Пинчучка, стройная, средняго роста, съ длиною русою косою, рѣдко черною, съ большими карими или сѣрыми глазами и темными бровями, при нѣжномъ бѣломъ цвѣтѣ лица—очень красива. При этомъ пинчуки вовсе не

---

[1]) Имѣется въ виду 1890 г.

[2]) Напечатаны въ книгѣ „Пѣсни Пинчуковъ“.

[3]) См. примѣчанія къ названной книгѣ, гдѣ указаны варіанты.

угрюмы: насколько важны и степенны представители обоего пола ихъ въ зрѣломъ возрастѣ, настолько-же весело и игриво молодое поколѣніе. Праздничные дни и предпраздничные вечера молодежъ проводитъ шумно и весело, среди пѣсенъ, игры на трубахъ, въ танцахъ, въ прогулкахъ большими компаніями въ лѣсъ по грибы и ягоды и проч. Они шумно справляютъ всѣ свои обряды: на Троицу, въ день Ивана Купала, въ колядки, на Пасху— раздаются веселыя пѣсни соотвѣтствующаго случаю содержанія. Зимою, на „вечоркахъ", поютъ пѣсни зимнія, филипповскія и великопостныя.

Въ пѣсняхъ это время дѣвичьей жизни отражается весьма рельефно; „мылый" въ нихъ играетъ, конечно, первенствующую роль.

Уже сонце нызэнько, уже вэчеръ блызэнько,
Прыбувай до мэнэ, козаче, сэрдэйко;
Прыбувай до мэнэ, до моеи хаты,
То я тэбэ ўпустю, щобъ нэ чула маты,

поетъ дѣвушка съ замираніемъ сердца. Она ждетъ своего милаго, не можетъ дождаться, но наконецъ онъ приходитъ и вызываетъ ее игрою:

Ой, ў саду вишня съ-пидъ корэня вышла,
Ой, козакъ грае, штобъ дѣўчина вышла.
Ой, дѣўчина вышла, праву руку дала:
—Здороў, здороў, козаченько, доўго тэбэ ждала.

Всѣ мысли ея заняты милымъ; она для него „головушку чеше и кэсу (косу) плэтэ". „Ой люблю я молойчика—нэ нагляжуся; нэ такъ люблю, якъ зъ имъ гуляю",—поетъ она.

Разумѣется, поглощенная любовью, она старается побороть всѣ встрѣчающіяся на пути препятствія. Когда она слышитъ отъ милаго, что онъ не можетъ прибыть къ ней „за лихими ворогами", она поетъ:

Я вороги потопчу подъ ноги, круту гору перескочу,—
Оддай мене, маты, за кого я сама схочу!

Въ пѣсняхъ сестра парня является часто лицомъ, препятствующимъ сближенію его съ дѣвушкой. Мотивъ, по которому она удерживаетъ брата отъ поѣздокъ „до тое дѣўки, що вѣрно кохаешь", почему она и прячетъ сѣдло его,—пѣсня объясняетъ такимъ образомъ:

Бо тая дѣўка не умѣе жаты,
Ни вышываты, тылько косу чесаты:
—Ой, росты-жъ, кэса, ниже пояса,
То я буду чесаты.

Рекрутчина—также важное препятствіе, разрывающее любовныя отношенія. Оплакивая своего милаго, взятаго въ солдаты, дѣвушка:

Плакала, рыдала, слёзы утырала
Своей русою косою, правою рукою.

Замѣчательно, что пѣсни какъ будто вовсе не знаютъ о матери, которая являлась бы препятствіемъ къ сближенію молодыхъ людей. Въ моемъ собраніи есть только одна, не безъизвѣстная впрочемъ, пѣсня, передающая разговоръ матери съ сыномъ по поводу его ночныхъ похожденій. Пѣсня эта замѣчательна по прекрасному мягкому мотиву и по содержанію. Я приведу ее цѣликомъ:

—Дѣ ты, хмелю, зыму зымоваў, що нэ распускаўса?
Дѣ ты, сыну, ночъ ночоваў, що нэ разуваўса?
—Зымоваў я, зымоваў, ў лузи на тычини,
Ночоваў я, ночоваў у слаўное дѣўчины.
—Нэхороше, сынку, робышъ, што по ноче ходышъ:
Скаржилыса [1]) молодыци, що ты шкоду [2]) робышъ.
—Охъ, робыў я, моя матко, и буду робыты:
Було мэнэ, моя матко, ў семъ лѣти оженыты.
—Ой, я-жъ тобѣ, мой сыночку, дай нэ боронила [3]):
Було тобѣ оженытысь, скоро я родыла.

Но и помимо постороннихъ препятствій и вмѣшательствъ не всегда первая дѣвственная любовь кончается такъ, какъ того хотѣлось бы молодой парочкѣ. Съ грустью начинаетъ задумываться дѣвушка, начинаетъ замѣчать, что „не по праўды козакъ живэ исъ своею дѣўчиною". Она предчувствуетъ, что милый можетъ ее покинуть.

Ой, кабъ же я знала, що вынъ нэ покынэ,
Тобъ я ёго крыльца дай озолотыла.

Дѣвушка, уже предвидя разладъ съ милымъ, дѣлается грустной и старается всячески предотвратить разрывъ. Подъѣзжаетъ молодецъ къ воротамъ своей „коханки",—стоитъ дѣвица „у золыты", подходитъ къ дверямъ,—стоитъ „на папэры [4]). Она взяла его коня за уздечку, повела на „стайнечку", козака—„за рученьку да ў свѣтлыченьку". Кормитъ она коня овсомъ сѣномъ, а козака угощаетъ медомъ-виномъ, стараясь угодить ему. Но все-таки она „задумала, чорны очи зарумала" [5]). Козакъ спрашиваетъ ее о причинѣ грусти.

—Ой, жаль-же мнѣ по любощи,
Що нэ живэмъ по щиросты,—отвѣчаетъ она.

Въ другой пѣснѣ дѣвушка выражаетъ свое горе и сомнѣніе въ слѣдующемъ поэтическомъ сравненіи:

---

[1]) Жаловались.
[2]) Убытокъ.
[3]) Запрещала.
[4]) Т. е. поблѣднѣла, побѣлѣла какъ бумага?
[5]) Заплакала.

Тыхо, тыхо Дунай воду нэсэ,
Еще й тыше дѣўка косу чеше.
Що й вычеше, то й на Дунай нэсэ:
—Плыви, коса, пидъ зэлэные луги,
Задай тугу зэлэному лугу,
Задай жалю зеленому гаю.

Нерѣдко остается одно лишь грустное воспоминаніе о первой молодой любви:

Любылыса, насъ матка нэ знала;
Розышлыса, якъ темная хмара.

Но помимо грустнаго воспоминанія о пріятно проведенномъ времени, часто дѣвушку ждетъ еще бо́льшее горе,—пятно на всю послѣдующую жизнь. Въ саду соловей „щебече", говоритъ пѣсня, въ саду протекаетъ рѣчка; дѣвица „хорошаго стану, бѣлэнького лица" пришла въ садъ, „якъ чирвона рожа", а изъ саду шла, „якъ бѣла бэроза",—

У садъ ишла бѣлэнькими ныженьками,
А зъ саду вышла дрыбнэнькими слезоньками.

Молодость, непониманіе жизни, дѣйствіе окружающей поэтической обстановки сгубили ее:

Вона думала, що грушки—минушки,
Ажно ростуть до утра фартушки;
Вона думала, што соколыкъ летае,
Ажно ў боку да тѣтына брыкае.

Покинутая милымъ въ самую тяжкую минуту, дѣвушка „три недѣли у полози лежала", выплакавши „по малойчику глаза". На пятую она пошла въ вишневый садъ, гдѣ, съ грустью видитъ три дорожки:

Знаю, знаю, хто дорожки поробыў,—
Молодъ барынь (парень) до дѣвицы прыходыў.

Пѣсенъ, изображающихъ неподдѣльное горе покинутой, обманутой женщины, не мало; мотивы ихъ очень разнообразны и дышатъ неподдѣльнымъ народнымъ лиризмомъ. Милый „до иншое", т. е. къ иной ходитъ, бросилъ „коморушку", въ которой стоитъ „постель бѣла пухова"; она

Тую ложу рученьками обияла,
Постэль бѣлу слезоньками облила,
Што на ручкахъ малэнькая дѣтына.

Покинутая мать плачетъ не о себѣ только: участь ребенка, запятнаннаго ея паденіемъ, обреченнаго на горькую, тяжелую жизнь, разрываетъ ей сердце:

Сынку мой, сынку, нэма ў моры леду,—
Нэма ў тэбэ, сынку, жадного роду,
Ой, сынку мой, сынку, нэма ў моры донца,—

Нема ў тэбэ, сынку, да рыдного ойца!

Мотивъ объ убіеніи матерью незаконорожденнаго неизвѣстенъ пинскимъ пѣснямъ; есть только двѣ—три, передающія размышленіе матери, что̀ ей дѣлать съ ребенкомъ:

Чи мнѣ тэбэ годуваты,
Чи ў Дунаю поховаты?

Но тутъ-же дѣвушка вспоминаетъ, что „паховаўши—отъ Бога грѣхъ", хотя и „годоваўши—отъ людэй смѣхъ".

Впрочемъ, подобные случаи несчастнаго исхода молодого увлеченія все же довольно рѣдки, и чаще возникшая въ молодыхъ сердцахъ симпатія ведетъ къ благополучному концу. Проходитъ веселая пора „дѣво́цтва", беззаботная весна жизни, когда едва лишь успѣла расцвѣсти „дѣвоцкая краса", едва лишь „росая (русая) кэса" выросла до пояса; наступаютъ пасмурные дни осени или послѣрождественскаго мясоѣда, когда ходятъ сватать. И дѣвушки, и парни уже заранѣе обдумываютъ свое будущее положеніе, свою участь. Часто неравное матеріальное положеніе понравившихся другъ-другу парня и дѣвушки, желающихъ вступить въ бракъ, бываетъ препятствіемъ для ихъ счастья:

Нэ вѣдае отэцъ-маты,
Хто до мэнэ залецаецца,—

говорится въ пѣснѣ. Но когда отецъ и мать узнаютъ, кто „залецаецца" къ ихъ дочери, то далеко не всегда бываютъ согласны на бракъ. Напрасно просить отца и мать,—говоритъ парень дѣвушкѣ,—не отдадутъ за меня: у тебя отецъ и мать есть, они богаты;

У тэбэ хата накрытая,
А я—бѣдный сыротына.

Въ другой пѣснѣ парень совѣтуется съ матерью, кого взять:

Чи нэ тую богатую, що хороше убрана,
Чи нэ тую сыротыньку, що къ сэрцу прыпала.
У хорошее, богатое—бычки да тэлушки,
У бѣдное сырытыньки—цыцки, якъ подушки.

Пѣсня развиваетъ тотъ взглядъ, что бѣдная дѣвушка—работница, что сама по себѣ—лучшій вкладъ въ домашнее хозяйство: у богатой „бычки поздыхалы", а у бѣдной „волы забуялы"; бѣдная „съ поля идэ—скаче", а богатая „съ корчмы идэ—плаче". Но не всегда бѣдная дѣвушка сразу соглашается выйти замужъ за богатаго:

Ты мэнэ любышъ,—я товару (скота) нэ маю,—

мотивируетъ она свой отказъ, опасаясь попрёковъ. Но парень убѣждаетъ ее, что ей не будетъ „доганы" (упрека) ни отъ кого.—„Не доженэшъ (упрекнешъ) ты, доженэ твоя маты",—возражаетъ ему дѣвушка и рисуетъ

себѣ неприглядную картину положенія бѣдной невѣстки въ богатой семьѣ. Свекровь говоритъ:

—Устань, нэвѣста, бодай ты не ў̆стала,
Выжень той товаръ, що одъ батьки нагнала.
Устала дѣўчина зъ бѣлое постэли.
Ударылаcа голывою объ двэры:
—Було нэ браты, що съ черными бровами;
Було браты, що съ кыньмы да зъ воламы.

Каждый осенній или зимній мясоѣдъ семья дѣвушки-невѣсты съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія сватовъ, строитъ всевозможныя предположенія, планы. Взрослые члены семьи подтруниваютъ надъ невѣстою, спрашивая: „а колы-жъ прышлэ до тэбэ ў сваты Иваска?“

Случаи насильственнаго брака, насколько мнѣ извѣстно, рѣдки. Это объясняется просто тѣмъ, что молодые люди сближаются между собою приблизительно равные по состоянію своихъ родителей. Всегда въ каждомъ селѣ можно намѣтить нѣсколько группъ молодежи, составленныхъ или изъ богатыхъ, или изъ бѣдныхъ семей; образуется какъ бы нѣсколько деревенскихъ клубовъ, каждая изъ группъ собирается на посидѣлки или вечорки въ одной избѣ, всѣ держатся другъ-друга и въ лѣтніе праздники, и въ хожденіи съ колядою и пр. Между представителями того или другого состоянія нельзя не замѣтить нѣкотораго антагонизма, который отъ родителей переходитъ къ дѣтямъ. Поэтому послѣднія и группируются сообразно экономическому состоянію первыхъ. Замѣчу кстати, что разобщенность между крестьянами имѣетъ своимъ основаніемъ не только недоброжелательное отношеніе бѣдняка къ богачу, но также и разобщенность экономическихъ интересовъ и вообще жизненныхъ условій села. Бѣдняки находятся въ кабалѣ у евреевъ, бросаются на заработки, ходятъ цѣлыми семьями на сплавъ, такъ что земля перестаетъ быть для иихъ единственнымъ источникомъ благосостоянія, забрасывается и неохотно обрабатывается ими. Богатые крестьяне, напротивъ, все свое благосостояніе видятъ въ землѣ, смотрятъ съ презрѣніемъ на тѣхъ, которые бросаютъ землю и отправляются на отхожіе промыслы.

Естественно, что при такихъ условіяхъ жизни сельскаго населенія, молодые люди сходятся изъ семей, одинаковыхъ по состоянію, и препятствій къ браку бываетъ мало; при томъ и родители справляются съ желаніемъ молодыхъ, замѣчаютъ заранѣе, кто къ кому питаетъ склонность и пр. Но бываютъ и исключенія, случаи сближенія между молодыми людьми неподходящихъ состояній, или когда родители почему-либо враждебно настроены другъ противъ друга. Тогда родственники дѣвушки стараются какъ-нибудь помѣшать браку, отказываютъ сватамъ. Въ пѣсняхъ отразился и этотъ

моментъ въ жизни дѣвушки, когда она борется съ семьею, но должна или уступить обезсиленная, или прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ.

Замѣчательно, что въ то время, какъ пѣсни передаютъ только совѣщаніе матери съ сыномъ относительно неравной женитьбы, самимъ молодымъ людямъ вовсе неизвѣстенъ мотивъ горькой доли дѣвушки, браку которой препятствуютъ отецъ или мать,—напротивъ, братъ является въ пѣснѣ главнымъ лицомъ, препятствующимъ сближенію сестры своей съ парнемъ, подобно тому какъ сестра иногда препятствуетъ брату, какъ мы видѣли выше. Такъ, одна пѣсня, отличающаяся большими лирическими достоинствами, начинающаяся при томъ съ упоминанія о Дунаѣ, что, вѣроятно, указываетъ, на ея относительную древность,—эта пѣсня разсказываетъ, какъ дѣвушка „до козака лыстъ писала: возьми мэнэ, дѣўчинонька". Но козакъ не хочетъ брать, потому что у нея „братъ проклятый".

Счаруй брата свого,—
Будэшъ мѣты мылэнького,—совѣтуетъ онъ.

Дѣвушка рѣшается и поступаетъ по совѣту козака:

Тамъ на ели сонце пэче, въ гаду кроў тэче.
Озьми, дѣўко, кварту-коновачку (кружку),
Постаў пудъ гадську головачку...

Сестра „спѣшно зустрѣчае" брата, даетъ ему выпить „пива", отъ котораго онъ „съ кыныка схылыўса". Но когда она снова написала „лыстъ" козаку, то получила отвѣтъ:

Якъ я маю тэбэ браты, колы умѣешъ чароваты?
Счаровала брата свого, а мылого—нэма й чого.

Нельзя не замѣтить, что мотивъ послѣдней пѣсни имѣетъ всѣ права на глубокую древность, когда братъ старался не выпускать сестру изъ рода, какъ рабочую силу, или позже, когда онъ является главнымъ лицомъ при совершеніи купли—продажи невѣсты. Значеніе брата невѣсты въ заключеніи свадебныхъ условій и въ свадебномъ ритуалѣ общеизвѣстно. Лирика пинчуковъ, носящая на себѣ всѣ признаки архаичности, также даетъ большое мѣсто брату въ свадебныхъ пѣсняхъ и самомъ ритуалѣ:

Расплеў братко кэску, да разлыў же мнѣ слёзку
Да по бѣлому лыченьку, по червонымъ нагруднычку.

Другой важный древній мотивъ—похищеніе дѣвушки—извѣстенъ почти исключительно по пѣснямъ свадебнымъ. Молодой человѣкъ собираетъ всю „роднину ў громаду", чтобы всѣмъ вмѣстѣ поѣхать на тестя, стать „своимъ полкомъ пудъ га́нкомъ" (крыльцомъ), выбить „краменну стѣну" и взять „дѣвоньку изъ вѣнкомъ". Вообще, пѣсенъ, въ которыхъ женихъ собираетъ родъ, чтобъ „звоеваты" тестя, добыть дѣвушку,—много. Въ свою очередь, и родъ невѣсты принимаетъ мѣры, чтобы узнать, когда зять придетъ „воевать". Въ иныхъ пѣсняхъ можно видѣть слѣды воспоминаній о со-

глашеніи дѣвушки съ парнемъ, послѣ котораго уже слѣдовало умыканіе. Дѣвушка наказываетъ парню пріѣхать за нею „въ понедѣлокъ ранэнько“, обѣщаетъ подтесать „скрыплывыя“ ворота во дворѣ своего отца, умирить сварливость его и пр. Въ пѣсняхъ отразился также послѣдовательно и тотъ періодъ купли невѣсты, когда женихъ собирается ее „выпросить и выважить золотою вагою“ у ея рода.

Собственно лирическія пѣсни, какъ кажется, не знаютъ этого мотива, или же въ нихъ остались только самые отдаленные отголоски. Можно найти двѣ—три пѣсни о похищеніи „Ганульки“ матросомъ, объ увозѣ дѣвушки на Дунай-рѣку козакомъ, который затѣмъ бросаетъ ее въ Дунай, или же оставляетъ привязанною къ дереву въ лѣсу; но эти пѣсни едва ли можно принять за отраженіе мотива похищенія дѣвушки-невѣсты. Притомъ же это не исключительно мѣстные мотивы; они извѣстны почти всѣмъ славянамъ, что опять-таки указываетъ на ихъ древность.

Проходитъ свадьба,—и начинается жизнь замужней женщины, полная горя и лишеній. Лирика пинчуковъ почти не знаетъ ея радостей; но зато ей хорошо извѣстно ея горе. Особенно прекрасны пѣсни, рисующія положеніе женщины въ семьѣ мужа.

Ой, ты, калына! ой ты, чирвоная! Чого рано зацвѣла?
Ой, ты дѣўчина! ой, ты, молодая! Чого хутко змарнила?
—Чи мачоха, чи рэдна маты мэнэ за-мужъ оддала
На чужину, ў вэлыку сэмью: ўсе я воду подносю.
Ой, выйду я на высоку гору, ой, гляну я, посмотру:
Сюды гляну, туды оглянуса—ўсе чужая сторона.
Стоитъ, стоитъ рэдна маты за плечима ў мэнэ.

Мать совѣтуетъ ей вернуться, но это уже невозможно:

Росчесана, фосплетэна моя роса кэса,
Накинэна бѣла намиточка на мое жоўты волосы.

Горько размышляя о своемъ положеніи, она призываетъ свою долю:

Ой, доля моя, доля! дѣ ты, доля, подѣласа?
Да чи ты ў огни згорѣла, чи ты ў лузи утопыласа?

Горе молодой женщины такъ велико, что вся природа отзывается на ея страданія:

Ой, я боромъ ленула, ўсѣ боры поздрыгала,
Боры здрыгнулы (содрогнулись), луги затонулы.
Боры здрыгнулы, що тонэньки голосочокъ,
А луги затонулы одъ дрыбнэнькихъ слезочекъ.

Тѣмъ больше тоска и горе молодой женщины, если она вышла такъ рано, что еще

Нэ нажиласа, нэ набыласа,
На свою рыднину нэ наглядѣласа,

попала на чужую сторону, „одъ роду одбылаcа“. Теперь, съ чужбины, она собирается писать домой:

Выщикну два листочки, выпишу два письмочки,
Нэхай матка прочитае, нэхай мою бѣду знае.

Она не можетъ забыть, что виною ея отчужденности, горькой доли былъ братъ, который, какъ поется въ свадебныхъ пѣсняхъ, „продаў сэстрыцу за кончукъ“ (нагайку):

Було ў мэнэ два браточки,—обое выноваты,
Що и оддалы сэстрычку на чужую сторонку.

И опять слѣдуетъ отмѣтить, что на отца нигдѣ пѣсня не сѣтуетъ, хотя этого слѣдовало бы ожидать, такъ какъ онъ—виновникъ несчастія дѣвушки. Косвенный укоръ матери—черта обычная, но прямыми виновниками пѣсня называетъ братьевъ.

Но гдѣ-же причина, въ чемъ основаніе горя молодой женщины? Дѣло въ томъ, что „свэкруха невѣстушки нэзнавыдѣла“; она „нэ пускае мэнэ молодую на улыцю гулять“. Невѣстка въ новой семьѣ сразу попадаетъ въ подчиненное положеніе, изъ котораго ей трудно выйти, вслѣдствіе враждебнаго отношенія остальныхъ членовъ, которые смотрятъ на нее прежде всего, какъ на рабочую силу, давно желанную въ семьѣ, и изъ которой стараются извлечь возможно больше выгоды. Крестьянка ждетъ, не дождется того времени, когда старухѣ можно будетъ отдохнуть, сваливъ всю наиболѣе трудную работу на невѣстку.

Охъ, вэлыкая сэмья вэчераты сѣла,
Охъ, мэнэ молоду да послала по воду.
Поки жъ воду принэсла, то вэчера одыйшла.
А мой мылый стоить, проти мэнэ говорыть:
—Чому, мылая, стоишъ, чому ложки нэ мыешъ,
Постэль бѣлу нэ стэлешъ?

Она, скрѣпя сердце, постлала постель и легла спать, но „нэ улежаласа, да прыслухаласа“: семья мужа „карае“ (коритъ): „Чому жонки нэ бьешъ“? Мужъ, хотя повидимому и симпатично относящійся къ своей женѣ, мало защищаетъ ее; онъ предлагаетъ семьѣ:

„Колы вона сонлыва, то будытэ ее;
Колы вона ницъ (ничего) нэ знае, то вучитэ ее;
Колы вона вамъ нэ трэба, одсылайтэ ее“.

Чужая семья обращается съ нею сурово: свекоръ запрещаетъ невѣсткѣ даже выражать свое горе пѣснями.

Сама иду дорогою, а голосокъ дубровою;

услышавъ его свекоръ, „на ганочку сѣдя, ў оболоночку гледя“;

Коли идэ дытя мое, то нэхай вэсэлѣе;
Коли нэвѣсточка, нэхай прытыхае

И къ дѣлу прывыкае.

А свекровь задаетъ ей трудныя работы, притомъ со строгимъ наказомъ. Посылая невѣстку вырвать въ чистомъ полѣ ленъ, она приказываетъ:

Нэ вырвэшъ лену,—не иды до дому.
Вохъ, и рвала, рвала, да нэ вырвала,
У чистому полю прыночовала,
У чистому полю при долиноццѣ,
Тонкой, высокой тополиноццѣ.

Милый шелъ „зъ Украиноньки“, куда выслала его мать, увидѣлъ въ полѣ „тополю за тры миленьки“:

Вохъ, станьмо, братцы, подивэмоса,
Прыдэмъ до дому, похвалимося:
—Вохъ, маты, маты, ты-жъ матусенька,
Што ў нашимъ поли за тополя ростэ?
Тонка, высока, лыстомъ широка;
Што одъ вѣтрыку похыляетца,
А одъ солнушка нэ мѣняетца.

Мать совѣтуетъ сыну взять „гостру сѣкерку“ и срубить въ полѣ топо́лю. Ударилъ онъ разъ—тополя содрагнулась,

Сѣкнуў другой разъ—ажъ тѣло бѣло,
Сѣкнуў трэтій разъ—заговорыла:
—Нэ рубай мэнэ,—я твоя мыла! [1]).

Отданная „одъ роду, одъ родныны“, получившая наказъ отъ матери, „кабъ ў гости нэ бувала“, „щобъ семь лѣтъ нэ бувала“—молодая женщина собирается летѣть домой „ў рочокъ“ (чрезъ годъ) то въ видѣ „заўзульки“, то „соколя“. Прилетѣла въ садъ, „сѣла, упала у брата ў саду голысно заковала, жалысно заплакала“. Вышелъ братъ „заўзульку гоняты“: „колы сэстра моя, то просю-жъ до хаты“. Въ другой пѣснѣ она собирается летѣть соколомъ и упасть „у матки на порозѣ“. Мать вышла, „розлыла слезы“,

—Охъ, покынь, маты, плакаты, да научи гороваты...
Охъ, маты-жъ, маты! дѣ доля дѣласа?
Ой чи ў огни згорѣла, чи ў Дунаи утонула?
Коли ў огни згорѣла, тамъ лежить пэпэльце;
Коли ў Дунаи затонула, тамъ лежить камэнце.

Таковы представленія о горѣ женщины въ семьѣ ея мужа, пока она занимаетъ подчиненное положеніе въ ней, пока сама не сдѣлается хозяйкою, свекровью и сама не будетъ загадывать сыну „тополю рубаты“. Но горе, переносимое женщиною въ чужой семьѣ, не единственное горе ея

[1]) Срв. „Этногр. Обозр.“ III, 42, 50—2, 211; VI, 234; VII, 252.

жизни; этимъ не ограничиваются ея несчастія, и скорбная лирика пинчука сопровождаетъ женщину во всѣхъ многоразличныхъ случаяхъ ея жизни. Не всегда только семья мужа доставляетъ страданія женщинѣ, бываютъ и другія причины:

Вышла я за-мужъ молода,
Пэрвая бѣда, што дѣтынушка мала,
Другая бѣда—свэкровушка лиха,
Трэйтяя бѣда—мой мылый не любыть.

Со стѣсненнымъ сердцемъ, не разъ мысленно обращается она къ матери:

Маты жъ моя, маты! мэнэ мужъ не любыть,
До иншое ходыть.

Хорошо еще если есть родня, есть съ кѣмъ размыкать горе; но она нерѣдко остается круглою сиротою; „помэръ отэцъ-маты, гостына минэтца". Нѣтъ „гостыны" у родныхъ, не съ кѣмъ поговорить, отвести свою душу, не передъ кѣмъ поплакать о томъ, что она „свои лѣта марно тратитъ". Молодые годы проходятъ подъ гнетомъ несчастій и нуждъ. Молодая женщина только что расцвѣла, вошла въ жизнь, ея „пэрвый мылый" остается тѣмъ-же для нея; она рвется къ нему всѣми силами своей души: несетъ ему обѣдъ въ поле и уже задумывается, ласкаетъ себя мыслью, „чи нэ скаже мылый сѣсты", „чи нэ будэ говорыты". Но не тутъ то было: хотя она и „охвоча, и робоча, и до людэй говороча", но мужъ „напыўса, наѣўса" и „на роллю (землю) схылыўса". О чемъ онъ думаетъ?—спрашиваетъ его жена. Думаетъ онъ о томъ, что „неудалу жонку имѣетъ". Оскорбленное чувство женщины заговорило въ ней; она вспоминаетъ, что не такъ давно и она была мила ему, когда они собирались на вечорки. Она говоритъ ему:

Нэ вылѣзлы тобѣ очи,—
Нэ свататы було ў ночи;
Було свататы мэнэ ў дэнь,
Роспытатца старыхъ людэй!

Нелюбящій мужъ приходитъ домой „ў бѣлому свѣци", (на разсвѣтѣ) ложится спать „попэрэкъ кровати", къ своей женѣ „плечима, а до стѣны очима".

Ой, одвэрнысь, мылый, я тэбэ розую,
Хочъ разъ поцѣлую,—

умоляетъ жена; но мужъ ее гонитъ:

Охъ, есть у мэнэ луччѣйша отъ тэбэ:
Вона жъ мэнэ розуе, семъ разъ поцѣлуе.

Бѣжитъ молодая женщина къ быстрой рѣчкѣ, разсказываетъ другая

пѣсня, чтобъ посмотрѣть, какъ ея милый ѣдетъ съ другою; посмотрѣла, „да на лицэ [1]) лозы похылыласа“:

Ой, вѣнь, вѣтру, повѣнь съ далекаго краю!
Нэхай зобачу, по чимъ же я плачу,
Нэхай надыўлюса, по кимъ я журуса.

И вздыхаетъ тяжко молодая, ложась и вставая „сама молодэнька“ на „постэли пуховэнькой“. Нѣсколько пѣсенъ разсказываютъ, какъ женщина бѣжитъ за милымъ „ў погынь“, спрашиваетъ когда онъ вернется, зоветъ „вечераты“, но получаетъ отвѣтъ: „вэчерай сама“, застаетъ милаго сидящимъ „у сусѣдки за столомъ“ и т. д.

Не всегда дѣло ограничивается одними только нравственными страданіями. Мужъ, „пьяница—ледащица“, чужой женѣ

Мэдъ, горѣлку купуе,
А на свою нэўдалочку да ногайку готуе.

Несетъ мужъ, говоритъ другая пѣсня, подъ полою „ногаю дротяную“, возвратавшись домой „къ билому свиту“, и приказываетъ женѣ итти въ корчму и выкупить коня вороного:

Якъ выкупышъ—люблю тэбэ,
Нэ выкупышъ—убью тэбэ,
Убью тэбэ, замордую (замучу).

„Ногай дротяный“ (перевитый проволокою) часто ходитъ по „бѣлу тѣлу“ несчастной жены:

Якъ ударыў мэнэ да по бѣлому плечу,—
Полылася кроў горяча, побѣжала по лицу.

Или вотъ какъ грозится мужъ истязать свою „шельму“ жену: онъ намѣренъ привезти ей изъ города „ногай дротяный“, привязать къ сивому коню и пустить въ чистое поле,—

Нэхай собѣ кынь нагуляетцца,
А шельма жона научаецца.

Доля жены представляется въ мрачныхъ краскахъ даже тогда, когда милый не измѣняетъ ей. Одна пѣсня изображаетъ еще новую печальную картину семейной крестьянской обстановки. На полѣ „ратай“ пашетъ и посматриваетъ на дорогу: чужія жены обѣдъ несутъ, а его—нѣтъ. Бросилъ онъ воловъ, и идетъ домой:

Ўступыў я на подвырье,—подвырье мое нэ вэсэлое,
Ўступыў я ў рэдэньку,—рэдня моя нэтопяна:
Да жена сына родыла, дай на вѣки заснула.
Чи нэ було дытяты да воды податы?
Чи нэ було сусѣдочки кому ратоваты?

[1]) Вм. „нице“ (ницыя)? Ницый—низко растущій (о лозахъ-кустахъ).

Эта небольшая картинка, выхваченная прямо изъ жизни, изображаетъ одно изъ многочисленныхъ проявленій крестьянской бѣды. Но не всегда доля женщины имѣетъ такой печальный безпросвѣтный исходъ: проходятъ годы, боязни за невѣрность милаго нѣтъ мѣста, выростаютъ дѣти, она дѣлается хозяйкою дома, сама имѣетъ невѣстокъ, распоряжается ими; приходитъ, повидимому, время отдыха.

Но эти свѣтлыя минуты омрачаются опять новымъ горемъ: сынъ подростаетъ, приближается время итти ему въ солдаты; женское сердце, отдавшее все свое вниманіе, всю заботливость и нѣжность любимому сыну, получаетъ новыя испытанія. Со слезами мать снаряжаетъ сына.

—„Наплачесса той часъ, матко, якъ буду ў дорози“, останавливаетъ онъ ее.

Нэ кажи, сыночку, тяжкими словами,
Буду тэбэ обливаты дрыбными слёзами,—

отвѣчаетъ ему маты.

Не лучше ея участь и тогда, когда она остается вдовою:

Зашумѣло дэрэво (2) надъ водою стоячи,
Заплакала ўдова (2) сына Йвана родячи.

—„Що мнѣ тобѣ робыты“?—спрашиваетъ она сына: женить тебя или отдать въ солдаты? На это сынъ отвѣчаетъ:

—Матко жъ моя старэнькая,
Якъ голубка сывэнькая!
Якъ ты мэнэ оженышъ,
Сэрце свое звэсэлышъ;
А ў солдаты оддасы,
Сэрцю жалю задасы.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ перипетіи горькой женской доли, про которыя знаютъ пѣсни пинчуковъ, отъ молодости женщины вплоть до самой старости.

„Гапонъ"

повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ

В. Дунина-Марцинкевича.

(Изъ исторіи бѣлорусской письменности [1]).

I.

Время до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, т. е. до послѣдней польско-русской войны, ознаменовалось въ польской литературѣ значительнымъ оживленіемъ въ изученіи мѣстныхъ этнографическихъ элементовъ, входившихъ нѣкогда въ составъ Польскаго государства. Почти съ начала нашего вѣка въ этой литературѣ начали появляться изслѣдованія о Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвѣ; эти области изучались съ исторической этнографической и экономической точки зрѣнія. Такому направленію не мало способствовалъ Виленскій Университетъ, закрытый послѣ польскаго возстанія 30-хъ годовъ; въ немъ сосредоточился цвѣтъ тогдашней польской науки, въ немъ были лучшіе тогдашніе польскіе профессора, изъ него вышли извѣстные ученые. Конечно, наука далеко ушла съ тѣхъ поръ, но однако ко многимъ работамъ того времени изслѣдователямъ Западно-русской старины приходится обращаться и теперь: таковы труды Ярошевича, Нарбутта, Тышкевича и др. Вліяніе Виленскаго университета продолжалось и послѣ его закрытія до событій 63 года, когда началось усиленно рости вліяніе великорусское.

Литературное и научное движеніе того времени, начавшееся въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ основѣ своей было чисто мѣстнымъ движеніемъ; руководителями его были туземные уроженцы, дорожившіе мѣстными интересами, съ любовью обращавшіе свои интеллектуальныя силы на изученіе мѣстной жизни въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Сообразно съ тогдашнимъ поло-

[1] Полное заглавіе этой повѣсти слѣд.: „Hapon. powieśc białoruska, z prawdziwego zdarzenia, w języku białoruskiego ludu napisana. Przez Wincentego Duninin-Marcinkiewicza. Minsk. 1855 r." (Ст. наст. напечатана въ „Календарѣ Сѣверо-Зап. Края" на 1888 г.).

женіемъ дѣлъ, это научное оживленіе шло изъ Польши и потому литература упомянутаго направленія до сихъ поръ считается польскою. Однако это не совсѣмъ справедливо, потому что ее можно признать польской развѣ по языку, на которомъ большая часть ея написана, но по направленію своему ее нужно признать вѣрнѣе всего бѣлорусско-литовской.

„Политическое событіе,—говоритъ Безсоновъ, нѣкогда сплотившее ихъ суровою силою и именемъ Литвы, отозвалось вновь: усильно стали всѣ принимать названіе Литвы, литовцевъ, литовскаго и подъ этимъ названіемъ дѣйствовать, по возможности вмѣстѣ, сообща, не всегда къ одной, но по крайности къ нѣсколькимъ сходнымъ цѣлямъ. Недостойно было-бы намъ, по обычаю другихъ, видѣть и здѣсь хитрое укрывательство польщизны или предлогъ затереть все русское: не диво, если полякъ, не имѣя возможности жить въ семъ качествѣ, преображался въ Литовца, а Русь одѣвалась Литвою, чтобы отличить себя отъ извѣстнаго руссизма; въ сей формѣ поляки все-таки давали отпоръ исключительности польской, какъ давало нѣкогда Литовское княжество, а Русь все-таки выводилась на сцену, хотя и подъ собирательнымъ, политическимъ нѣкогда, теперь же народнымъ именемъ Литвы. То была просто и естественно искомая формула хоть какого либо примиренія“ (Бѣлор. Пѣсни). По тогдашнимъ взглядамъ, господствовавшимъ въ Польской литературѣ и обществѣ и поддерживаемымъ русскимъ даже правительствомъ, Бѣлоруссія не различалась отъ Литвы: та и другая считались частями Польши; бѣлорусскій языкъ, называемый большей частью древнимъ именемъ „кревицкаго“, считался смѣсью польскаго съ великорусскимъ.

Какъ ни смутны были понятія многихъ тогдашнихъ ученыхъ объ этнографическомъ и историческомъ различіи Литвы и Бѣлоруссіи отъ собственной Польши, однако они видѣли различіе интересовъ этихъ народностей, сознавали хорошо свои мѣстные интересы того племени, среди котораго они родились, выросли; они стремились придти на помощь этому мѣстному элементу, облегчить страданія простого народа. Г. Пыпинъ рисуетъ такое положеніе слѣдующими достойными замѣчанія словами: (стр. 295—6 „Вѣст. Евр.“, 87 г. іюнь).

„Нельзя было не видѣть, что въ западномъ краѣ эти массы были въ громадномъ большинствѣ чужды польской національности - русскія и литовскія; но, по старой памяти, никому не приходило въ голову, чтобы эти массы, при какомъ либо дальнѣйшемъ развитіи, могли найти иныя средства просвѣщенія, кромѣ польскихъ, и могли вступить на иной путь цивилизаціи, кромѣ польскаго. Рядомъ съ этимъ была—часто горячая—любовь къ своей мѣстной родинѣ, къ ея исторической и бытовой особенности, къ народному обычаю, знакомому съ дѣтства и въ панской средѣ; въ этой средѣ не чуждъ былъ и народный (въ данномъ случаѣ бѣлорусскій) языкъ, къ которому

привыкали отъ нянекъ, домашней прислуги и отъ сельскихъ рабочихъ: многіе изъ панства, сами бѣлоруссы, кажется, до довольно поздняго времени не были окончательно полонизованы, и языкъ бѣлорусскій частію держался и въ этой средѣ, какъ родной; въ мелкой „застѣнковой“, „околичной“, шляхтѣ—тѣмъ болѣе. Народно-романтическое направленіе литературы совпадало съ этой памятью бѣлорусскаго и съ привязанностью къ нему въ самой жизни,—и въ мѣстномъ патріотизмѣ произошло довольно странное соединеніе весьма разнородныхъ элементовъ: этотъ патріотизмъ былъ „бѣлорусскій“, но сущность его была польская. Онъ былъ бѣлорусскій—по любви къ территоріальной родинѣ и ея пейзажной и бытовой обстановкѣ, но вся жизнь самаго бѣлорусскаго народа понималась съ чисто польской точки зрѣнія: этотъ народъ игралъ только служебную роль; его бытовое содержаніе, его поэзія не могли ожидать какого-нибудь собственнаго самостоятельнаго развитія и должны были только послужить къ обогащенію польской литературы и поэзіи, какъ самый народъ долженъ былъ питать польскую національность, въ которой онъ и считался“.

Вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ въ средѣ тогдашней мѣстной бѣлорусской интеллигенціи появилось много собирателей памятниковъ народнаго творчества, каковыми были: Зенькевичъ, Сырокомля, извѣстный польскій поэтъ, бѣлоруссъ по происхожденію и мн. др. Тогда же у многихъ зародилась мысль о возможности создать искусственную бѣлорусскую литературу, представителями которой явились Янъ Чечотъ, Дунинъ-Марцинкевичъ, Маньковскій и мн. др. Кромѣ литературнаго интереса, эти произведенія имѣютъ значеніе чисто этнографическое, такъ какъ авторы ихъ обладали обширнымъ знаніемъ бѣлорусскаго народа, его языка, обычаевъ и обрядовъ, домашней обстановки и проч. Съ этой стороны остатки бѣлорусской литературы имѣютъ глубокій интересъ. При томъ въ настоящее время сочиненія эти составляютъ большую библіографическую рѣдкость. Съ однимъ изъ такихъ произведеній „Гапономъ“, принадлежащимъ перу Викентія Дунина-Марцинкевича [1]), мы и намѣрены познакомить читателей.

II.

Содержаніемъ повѣсти служитъ судьба героя ея *Гапона*, по происхожденію крестьянина, который, попавъ въ солдаты, благодаря кознямъ эконома своей помѣщицы, влюбленнаго въ невѣсту Гапона, дослуживается

[1]) Дунинъ-Марцинкевичъ родился въ 1807 г. въ Минской губ. Бобруйскаго уѣзда, въ фольваркѣ Понюшкевичахъ, и скончался въ 1885 г. въ мартѣ мѣсяцѣ. Когда печаталась настоящая статья въ 1888 г., то московская цензура выбросила изъ нея біографію Марцинкевича и его портретъ. Къ сожалѣнію я не могу теперь возстановить ни того ни другого.

до офицерскаго чина и женится на давно любимой имъ крѣпостной той же помѣщицы—Катеринѣ. Повѣсть состоитъ изъ 4 пѣсенъ, изъ которыхъ каждая рисуетъ различные моменты жизни героя.

Въ *первой пѣснѣ* авторъ рисуетъ живыми красками веселье бѣлорусскихъ крестьянъ; это—одно изъ лучшихъ мѣстъ повѣсти по живости изображенія и вѣрности жизненной обстановки, равнымъ образомъ и по изложенію. Передъ читателемъ, хоть немного знакомымъ съ нашей деревней, рисуется очень оживленная картина веселья, когда крестьянинъ, натомившись отъ непосильнаго труда, спѣшитъ въ корчму, чтобы тамъ, подъ вліяніемъ водки и удалой пляски, сопровождаемой пѣніемъ, отдохнуть на свободѣ, забыться хоть на нѣсколько часовъ.

Шумъ, крыкъ, гомонъ у карчмѣ.
Кипиць сельскайя дружина,
Пива, міодъ, гарелки пье,
Ажъ-ны курица чупрына.
    Гаспадары за сталами
Громка гутарку вядуць,
А ландарка зъ ландарами
Міодъ, гарелку раздаюць.
    Хлопцы, дзѣўки, маладзицы
Ля парога гаманяць,
А старые чараўницы
Цишкомъ ля печи сядзяць.
    Апанасъ на скрыпцѣ йграйець
Лявониху, то бычка,
Гапонъ жару поддавайець:
„Зъиграй, крычиць, казачка“!
    Ажъ гокнула Кацярынка,
Такъ задаў ёй кулакомъ,
„Хадзи, майя ты малинка“!
Дый затупай хадаромъ.
    „Ананья рѣжъ вьясёлу“!
Крычыць громка нашъ Гапонъ,
Дый забраўши ў свицѣ полы,
Меремъ хохликъ! меремъ ёнъ!
    То ў прысюдки выкидайець,
Ажъ-ны стогнець падъ нимъ полъ,
То галубца падбивайець,
Ажъ-ны трасецца хахолъ.
    „Ахъ! ухъ! давай жару,
Давай боли, давай пару“!

Крычицъ Гапонъ, дый гуляйецъ,
Падъ скрыпачку падпѣвайецъ.
„Эй чухъ Кацярынка!
Чабоцики красны;
Каму блищацъ, каго любяцъ
Твои вочки ясны?
„Эй, чухъ Кацярынка!
Твои кудры ўюцца,
Скачецъ, пляшецъ, майя мила,
Ажъ щочки трасуцца“.
Трейчи Гапонъ прамахнуў,
Бражджацъ ножны зъ вагнивомъ,
Стаў на мѣспѣ—падругнуў,
Дый затупаў хадаромъ.
Кацярынка-жъ успляснула,
На милинькаго зиркнула,
Хвицъ! спадничку разпусцила,
Тречи запяткомъ падбила,
Дробны ножки выкидаецъ,
Чаравички скрыпяцъ,
А изъ вочакъ ажъ сийяйецъ,
Бытцемъ искры лецяцъ.
Русы коски падлятайюцъ,
Касники якъ жаръ гарацъ;
А вось выжей якъ заграйюцъ,
Такъ и возьме прыпѣвацъ:
„Милы Харто, милы Саўка,
Да милѣйшижъ мой Гапонъ,
Хахолъ ясны, поясъ красны,
А галасокъ! кабы звонъ.
Ня хачу Саўки, Хартона,
Мнѣ жыцця съ ними ня быцъ,
Валѣй майго Гапона,
Съ нимъ ня буду я тужицъ“!
Пяйецъ, пляшецъ, падбивайецъ,
Усякъ вокамъ за ней бродзецъ,
Якъ ластачка падплывайецъ,
Ажъ-ны хочацца глядзѣцъ.
Ананя—воўча юха!
То ўже нечаго маницъ!
Ярка рѣже изъ завуха,

Ажъ скрыпка яго звиниць.
Мяцелицу пробирайе,
Йомка, громка, ладны часъ!
Дробна шмыкамъ подсѣкайе,
Звиниць рымка—гудзиць басъ,
Локець ё уперши ў бруха,
Ля кабылки насъ дзяржаў,
Дали сцихнуў—дый зъ завуха
На лявониху падняў.
Схвациў Гапонъ Кацярынку,
Смѣла къ серцу прыцихнуў,
Абняўши рукой за спинку,
Лявониху успрыхнуў.
Угрунь за нимъ маладзицы,
Дзѣўки, хлопцы, хто якъ змогъ,
Дражаць чупрыны, спадницы,
Суматоха—што крый Богъ!
Атъ пылу ажъ пацямнѣла,
Хохатъ, лопатъ, шумъ да крыкъ,
Якъ у гаршку закипѣла,
Якъ на быдла напаў зыкъ.
Той ўпрысядки, той выкидки,
Чупрыны, якъ ицець, дражаць,
Тая бокамъ, тая скокамъ,
Дай такъ возьмуць припѣваць:
„Ахъ, калижъ я ў матульки была,
Якъ вишенька ў садочку цвѣла,
Папалася злому духу, мужику,
Йонъ высушиў, якъ липинку у духу.
Наѣхала повенъ дворъ татароў,
Да узялижъ майгожъ мужа у палонъ.
Не жальжежъ мнѣ, што яго узяли,
Толька шкода, што ня крѣпка звязали;
Йонъ паганецъ уцячець, уцячець,
Мнѣ галоўку натаўчець, натаўчець.
Требажъ будзя сцяражцыся, уцякаць,
Съ варабьями падъ страхою начаваць“.
Дали крикнула Тацяна,
Абняўши за шию Яна:
„Пашоў Янка у грыбы,
Тацяна у апенки;

Спаткалися, абнялися,
Якъ дзѣтки маленьки“.
А за нею Халимонъ,
Гудзиць якъ царкеўны звонъ:
„Ой Боже мой, Боже!
На што я радзиўся;
Состарѣўся якъ сабака,
Досюль ня жаниўся“.
Нярастаў—Ганка спляснула,
Дый тоненька зацянула:
„На улицы курта бреше.
А да мене милый чеше,
А чи чеше, чи ня чеше,
Да ня даромъ курта бреше“.
Вотъ такъ пляшуць, припѣвайюць,
Хохатъ, лопатъ, крыкъ и зыкъ,
Ажъ надъ пылъ падлятайюць,
А якъ рѣзаў—рѣже смыкъ!

Однако гулянье на этотъ разъ окончилось для молодежи весьма печально: экономъ съ войтомъ явились въ самый разгаръ гульбы, они пришли забрать изъ молодежи рекрутовъ. Всѣ бросились, кто куда могъ, одинъ только Гапонъ „хвациў за колъ“ и началъ обороняться. Долго съ нимъ не могли справиться, но наконецъ экономъ догадался: онъ забросалъ его кожухами, подушками и проч., такъ что Гапону нельзя было повернуться; его связали, заковали въ колодки и сдали въ солдаты.

Во *второй пѣснѣ* авторъ знакомитъ читателя съ героемъ и героинею своей повѣсти: *Гапономъ* и *Катериною:*

„У вяликамъ ў сялѣ
Надъ Днѣпроўскай стараною,
На прыгорку ў вуглѣ,
Межъ лѣсамъ, да межъ ракою,
Тамъ стаяли двѣ хацины,—
Усцины, друга Гарпины.
Першай мужикъ быў Миронъ:
Невѣсь за якіе грѣхи,
Ня дажиў зъ сына пацѣхи,
А той сынъ—быў нашъ Гапонъ.
Йонъ —нема чаго казаць!
Горды, смѣлы,—зухъ дзяцина!
За сваихъ умѣў стаяць,
А прыгожи якъ малина,

Да и письменны-жъ быў ионъ:
На яго саўсихъ старонъ
Дзѣўки сумаўчкомъ зиркали,
На игрыщахъ присядали;
А Гапонъ ани глядзиць,
Йонъ при сужаной дзяўчинѣ,
Наймилѣйшай Кацярынѣ,
Якъ присядзе—дыкъ сядзиць.

У ўдавы же Агрыпины,
Апрычъ дочки Кацярыны,
Болий не было сваихъ;
Ена съ Усцинней кумойю
Жила якъ рука съ рукойю.
Адна дума была ў нихъ,
Штобъ сваихъ дзѣтакъ засватаць,
Штобъ худобку имъ прыпратаць,
Штобъ якъ сядуць на сваёмъ,
Яны весяла зажили;
Безъ патребы ня тужили,
Ня рупели ня объ чомъ.

У Грыпины-жъ Кацярына,
Крый Боже! бяды ня знала,
Якъ у садочку малина,
Расла, цвяла, даспѣвала:
На щочкахъ кроў съ малакомъ,
А вочки блищаць агнёмъ,
И семнадцать уже лѣтъ,
Якъ прышла яна на свѣтъ.

Нужъ зъ сабой кумы сайдуцца,
Тутъ заразъ гадки начнуцца,
Пара, бачъ, дзяцей жаниць;
Яно ўсяки адкладъ,
Ня вельми идзе на ладъ;
Пойдамъ Пани чаломъ биць:
А тамъ—дзѣйся Божа воля!
Якъ прыбяромъ ўсе съ поля,
Дзѣтакъ къ вянцу повядомъ.
Гетакъ стары гуманили,
И напеўна улажили,
Да памѣшаў Аканомъ.

Далѣе разсказывается довольно обыкновенная исторія временъ крѣпостнаго права:

„Йонъ - бачъ ты, сабачи сыну,
Уподобаў Кацярыну,
Дый нужъ къ бѣднай прысядаць;
То ластачкай падплывайе,
Красны слаўца выпускайе,
Штобъ якъ небудзь яйе ўняць.
А Кацярына нябога!
„Бойся, каже, Паничъ, Бога!!
Ета жъ грѣхъ така напасць;
Якъ пожалюся Гапону,
Йонъ пеўне такога гону
Паничу цишкомъ задасць,
Што зубоў не пазбирайешь,
И ахвоту пацярайешь
Чужихъ навѣстакъ кмулиць".
Команъ Гапона злякаўся,
На часъ адстаў, да закляўся
Маладыхъ йонъ пагубиць".

Приведенная характеристика героя и героини повѣсти не отличается, какъ видно, поэтическими красотами; въ художественномъ смыслѣ она весьма слаба, но за то вѣрна дѣйствительности: она вполнѣ составлена въ народномъ духѣ, соотвѣтствуетъ его понятіямъ о красотѣ и удальствѣ. Далѣе авторъ излагаетъ, какъ удалось эконому отомстить Гапону, какъ сопернику, и Катеринѣ за нанесенную ею ему обиду. Отъ корчмаря Ицки экономъ узнаетъ, что Гапонъ собирается засылать сватовъ къ Катеринѣ безъ предварительнаго разрѣшенія помѣщицы, и кромѣ того, что Гапонъ, узнавъ о томъ, что скоро будутъ набирать рекрутовъ, бунтуетъ деревенскую молодежь. Эти извѣстія даютъ эконому случай поиздѣваться надъ Гапономъ и въ то-же время заставить помѣщицу сдать его въ солдаты, не дожидаясь набора. Расправа пана эконома съ подвластнымъ ему крестьяниномъ—случаи весьма обыкновенный въ тогдашней жизни, описанъ у автора со всей рѣзкостью, характиризующею тогдашнія отношенія. Экономъ призываетъ къ себѣ Гапона и не ожидающаго, быть можетъ, грозы:

„Рыжи вусы Аканома
Щецю уверхъ поднялись;
Зиркнуў скоса на Гапона,
Вочи кроўю залились,
Губы страшна пакривиў.
Кнутъ у жмени ажъ трациць:

Якъ къ Гапону падступиў,
Такъ и ўзяў яго сучиць:
„Якъ ты смѣешь, воўча юха!
Безъ двора у сваты слаць?"
И брызнула аплявуха,
Што Гапонъ ледзь могъ ўстаць.
„Ось я табѣ, ўражи сыну!
Якъ адвѣшу сатни дзвѣ,
То забудзешь Кацярыну,
Да забудзешь и самъ гдзѣ".
Гапонъ на бокъ пашатнуўся,
Тварь далоняю закрыў,
Наакола аглянуўся,
Да за таўкачъ ухвациў.
„Кабъ я Бога ня баяўся,
Показаў бы я табѣ!!
Чаго ты тутъ прискепаўся:
Думайешь, баюсь цябе?
Пани за то ня сярдицца,
Хоць шлюць сваты безъ двора,
А пазваляйе жаницца,
Якъ каму на то пара:
А ты! маўляў, ваўкулака,
Здекуешься тутъ надъ нами;
Сцяражися жъ ты, сабака!
Помни, што и мы зъ зубами"!
Каманъ якъ ту рѣчь сумѣў,
До стадолы пабѣжаў,
Гапонъ кончиць ня паспѣў,
Такъ съ карчмы йонъ цягу даў.

На этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, экономъ не остановился: онъ отправляется къ помѣщицѣ, увѣряетъ ее, что Гапонъ бунтуетъ молодежь, убѣждая уйти въ лѣсъ для избѣжанія рекрутскаго набора; какъ спасительное средство, онъ предлагаетъ сдать бунтовщ ка немедленно. Помѣщица, запуганная имъ, на все согласна, и Гапона, какъ мы уже видѣли при изложеніи содержанія первой пѣсни, сдаютъ въ рекруты. Катерина не была оставлена экономомъ въ покоѣ: онъ употребляетъ всѣ средства погубить несчастную дѣвушку:

„А Команъ при бѣднай скаче,
Вотъ налегъ яйе згубиць....
То прыкинеца къ ней лисамъ,

То са злосци страшнымъ бѣсамъ,
Штобъ якъ небудзь яйе змочь".

Чтобы имѣть больше возможности подѣйствовать на свою жертву, онъ даетъ ей работу въ прачечной при дворѣ, отрывая такимъ образомъ отъ любимой матери. Однако случай помогъ Катеринѣ избавиться отъ приставаній эконома и въ то-же время погубить послѣдняго. Служа при дворѣ, она однажды въ саду „Ў цемнымъ ў кусточку“ проливала горькія слезы, вспоминая о печальной участи любимаго Гапона. Въ этомъ положеніи застаетъ ее помѣщица, разспрашиваетъ въ чемъ дѣло, и узнаетъ всю правду. Возмущаясь поступкомъ своего служащаго, она тотчасъ-же выгнала эконома изъ своего имѣнія, а Катерина:

„Якъ пакайова дзяўчина,
Пры пани стала служиць;
Пани яйе полюбила,
Читаць, писаць наўчила.
На ксенжцѣ Бога хвалиць“.

На этомъ заканчивается вторая пѣсня. Содержаніемъ *третьей*—служитъ рекрутскій наборъ въ г. Могилевѣ, на которомъ самъ экономъ попадаетъ въ солдаты. Эта часть повѣсти, не отличаясь художественными красотами, тѣмъ не менѣе весьма интересна, такъ какъ обильна чисто народными сравненіями и оборотами.

„У горадзѣ Магилевѣ,
Пры шырокамъ пры Дняпрѣ,
Гудзиць кабы шершни у древѣ,
Кипиць якбы у катлѣ.
Тамъ улицаю Панъ гониць,
Каляска стралой ляциць,
Падъ каньми ажъ зямля стониць,
А хварысь, падзи, крычиць!
Тутъ сустрѣнешь каламажку,
Вотъ коники! глядзь! кругомъ
Гладки—ляцяць у размашку;
Гета, пеўне, Аканомъ.
Дали хтось тамъ на драбинѣ,
Коникъ бытцемъ ракъ паўзе,
Згадайешь па кислай минѣ,
Што пацесора вязе.
А тамъ хвурманакъ багата,
Маўляў, грибоў у бару;
Глядзишь!—то нашаго брата
Вязуць на службу Цару.

Кабы галодны сабаки,
Такъ жидоўски лапсардаки
Лезуць къ табѣ якъ сабаки;
Пападзисе-жъ имъ у когци,
Наўрадъ патрафишъ ихъ змогци,
Вытрыбушаць карманъ твой.

Вотъ у каменны палаты,
Сходзяцца паны багаты,
Золота на нихъ кипиць:
Мужикоў туды-жъ прыводзяць,
И аднадворцы приходзяць,
Тамъ на службу майюць брыць.

На сяредзинѣ святлицы
Стаиць столъ накрытъ сукномъ,
Пры нёмъ, съ крыжамъ у пятлицы,
Падпершися кулакомъ,
Ясны Маршалакъ сядзиць;
Йонъ, маўляў, рабинъ у школѣ,
Чи якъ хвурманъ у стадолѣ,
Важна такъ на ўсихъ глядзиць!

Направа панъ вельми строги,
Вусы якъ у быка роги,
Вотъ такъ старчмойю стаяць;
Воласы яго сивеньки;
Мундзиръ на нёмъ галубеньки,
На грудзяхъ крыжи блищаць.

А за нимъ якись пузаты,
Бытцемъ мядзвѣдзь такъ косматы,—
Гета дохторъ майе быдзъ;
Руки за сабой трымайе,
Пальцами пярабирайе,
Дый часто у карманъ глядзиць.

Съ лѣвой стараны Маршалка,
Тоненьки, просты якъ палка,
На розумъ, видна, хицёръ!
Йонъ съ надлобия паглядаець,
У руцѣ пяро тримайець:
Гета, кажуць, пракуроръ,

На канцѣ якись вайсковы,
Смаглы, видны и здаровы,
Прыгоженьки кавалеръ!

Часта йонъ на стойку вокамъ
Мецицъ у раздумйи глубокамъ:
То прыйомный ахвицеръ.
Вотъ съ кресла Маршалъ схвациўся,
Усѣмъ у поясъ покланиўся,
Табакеркай заскрыпѣў;
Дали крыкнуў на дазорцу;
„Нехай начнуцъ яднадворцы"!
Дый зноў на мѣста прысѣў.
Тутъ ля бакавой раздаўся
Святлицы жалобны стонъ,
И найперший показаўся
Нашъ знайомы Аканомъ.
Якъ прышла шляхцѣ травога,
Штабъ бумаги ўсякъ складаў,
Команъ, съ дапущеня Бога,
У яднадворцы папаў.
И вотъ, маўляў, ня урокамъ
Кажучи, пагана чесцъ!
Треба-жъ, быттабы нарокамъ
На очередзъ яму ўлесцъ.
Якъ вала вядуцъ на бойку,
Такъ Аканома падъ стойку,
Йонъ-же не пацягне и ногъ;
Да скорчиўся у клубочакъ,
Съ дахтура ня сводзицъ вочакъ,
А такъ стогня, што крый Богъ!
Дохтаръ важна прыступайе,
И некрута аглядайе,
Зубы, ноги, боки, станъ;
Патуль кала няго тупаў,
Пакуль кругомъ ня ащупаў,
Ватъ, маўляў, каня цыганъ.
Видна зъ сабой яны знались,
Пярвѣй, видна, паўстрѣчались;
Дохтаръ, бачъ, ганьбу нашоў.
Каже, у службу ня гадзица,
Яму треба палячицца,
Да и мѣры ня дашоў.
А некрутъ: „Маи паночки,
Вы ясные сакалочки!

Гдзѣ тутъ хвораму служиць,
Вотъ такъ коле мнѣ у грудзи,
Што сухвоты кажуць людзи,
И у баку вельми балиць".

Кабы варамъ аблиў плечи,
Якъ пачуў гетаки рѣчи,
Нашъ малады ахвицеръ,
Йонъ съ мѣста свайго самкнуўся,
Пры некруцѣ апынуўся,
Глядзиць бытцемъ лихи звѣръ.
Падъ стойкай яго праступіе,
Струной сягне, дый мацуіе,
А у бораду кулакомъ
Якъ парадкамъ яму суне,
Глядзи! вотъ саўсимъ ачуне
Нашъ несщасны Аканомъ.

„На што людзей, каже, звадзиць.
Йонъ мѣру наветъ праходзиць.
Я бяру на свой атвѣтъ;
Яка тутъ къ чорту хвароба?
Здаць!—а пасля будзе проба.
Возьмемъ яго ў лазаретъ".

Дохтаръ кяшеню пачухаў,
Маршалъ табачки панюхаў,
Некрутъ жаласна запѣў;
Сударга на Аканома
Напала, пазнаў Ґапона,
Дый за страху абамлѣў.

На этомъ кончается содержаніе третьей пѣсни. Содержаніемъ *четвертой пѣсни* служитъ свадьба Гапона. Пока послѣдній служитъ въ войскахъ, Катерина живетъ у помѣщицы при дворѣ, въ качествѣ ея „покоевой":

„Цяперъ нашу Кацярыну,
Туйу сельскуйю дзяўчину,
Штобъ сустрѣў—ня пазнаў:
Паньску говарку сумѣла,
И сукеначку надзѣла,
Быцемъ паненка, маўляў!

Однако она не перемѣнилась и въ душѣ осталась вѣрной своему Гапону, часто тосковала по немъ:

„Гдзѣжъ Ґапонка нашъ дзяецца,
Якъ бѣднаму тамъ вядзецца"?

Такъ часто говаривала она своей старушкѣ матери. Однажды, распѣвая за работой съ своей госпожей „святы пѣсни“, онѣ узнаютъ, что къ господскому двору пріѣхалъ какой то офицеръ. Когда въ комнату вошелъ

„Пригоженьки ахвицеръ;
Красны, видны и здаровы,
Золатамъ блищицъ мундзеръ“,

—въ немъ Катерина узнала своего возлюбленнаго. Послѣдній, упавъ передъ бывшей своей помѣщицей на колѣни, просилъ выдать за него Катерину; просьба его, конечно, была исполнена, и скоро начались свадебныя приготовленія. Описаніе свадьбы у автора вполнѣ соглашается съ народными обычаями бѣлорусскихъ крестьянъ; оно не лишено живости и занимательности. Мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

„Вотъ у удавы Агрипины,
Гаспадароў повянъ дворъ,
А на перадзѣ дружины
Стаиць важна сватъ Хвядоръ;
У рукахъ съ гарелкай пляха,
А чарка тоўста якъ волъ,
Миргнуў!—и Маланя сваха
Абрусомъ накрыла столъ.
Йонъ пляшку съ чаркой паставиў,
Разны закуски дабавиў.
Дый съ галавы шапку сняў;
Агрыпинѣ пакланиўся,
Водки да яйе напиўся,
И таки рѣчи начаў.
„Нехъ бендзе Езусъ Христусъ похвалёны!
Для спасенья грѣшныхъ зъ Марыи жоны.
Ня прышлы мы чарадой отъ сябе,
Да прислаў насъ Гапонъ да цябѣ.
Есць у цябе Кацярынка дочка,
Яна у маци якъ правайя вочка;
Дый Гапонъ нашъ малады,
Йонъ Цару вѣрна служиў,
Чиноў, почасцей нажиў,
Хватъ дзяцена—хоць куды!
Бьомъ мы ўсѣ чаломъ Вашеци!
Зазави яйе изъ клѣци,
Няхай зъ нами пагуляйе,
Дый гарелки паспытайе“.
Тутъ дзяўчата, маладзицы

Кацярынку изъ святлицы
Чесна падъ ручки вядуць,
И таки пѣсни плюць:
„Отожъ табѣ, Хвёдарка,
Увядзенка Кацярынка,
Кали яйе любишь, дай пирогъ,
Кали ня любишь—то вонъ за парогъ!
Ня хвалися што у насъ быў,
Што нашай Кацярынки нязлюбиў“.
Хведаръ маладу ўстрѣчайе.
Поўнай чаркай прапивайе,
Пирогъ, сыръ кладзе на столъ;
Гарелка у миски льецца,
Рублявикъ на днѣ кладзецца.
Разгуляўся сватъ вяселъ.
А дзѣўки водку забрали,
Закуски, пирогъ и сыръ,
У истопку пабяжали,
Галасиўши на ўвесь міръ;
Уздаволь тамъ пили, ѣли,
И гетаки пѣсни пѣли:
„Мовила бочачка, у пиўницы стаячи,
Кали мяне ня выпьеце,
Сама выкачуся,
На дварѣ разальюся,
Ракой да крыницай,
Сцюдзенай вадзицай.
Мовила Кацярынка, у маци седзячи:
Кали мяне ня выдаси,
То я сама пайду;
Па дварѣ памаленьку пабраду,
За варота угрунъ пабягу“.
Тутъ яны у позню ночку,
Ажъ да яснаго святочку
Пили, ѣли, дый гуляли,
Запоины праважали.
А ў субботу вячаркомъ,
За Грыпининымъ сталомъ,
Сядзѣла така дружина:
На пачеснамъ на куцѣ,
Важна говарку вядзе

Перша сваха Акулина.
Дружки ўправа возлѣ свахи,
Дзвѣ пригожи маладзицы,—
То Гапонавы сестрицы,
Хоць ня адной яны маци.
Улѣва намѣсникъ сядзиць,
Жадна на пляшку глядзиць.
Дали сустрѣнешь Гапона,
Дружкаў Янку и Мирона,
На канцѣ-жъ хростны Данило,—
То маладаго вазило.
А сватъ Хведаръ то и дзѣла
Гарелку ўсцяжъ падливайе,
Новы закуски стаўляйе,
Пираги, сыръ, што прыспѣла!
Тутъ чатыры маладзицы,
Цягнуць дзяжу изъ святлицы,
На крыжу яйе стаўляюць,
Бѣлъ Каравай разчиняйюць;
Сваха муку имъ прынос ць,
Дыи благословлення просиць:
„Йосць тутъ Богъ, дыи татка,
Радзоныйе и сусѣды близкие,
И дальные, мужи сустрѣчныйе,
Бабы запечныйе,
Дзѣтки заплечныйе,
Благословице краснай паинѣ каравай учиниць“!
Каравайкижъ при рабоцѣ
Пяйюць у доброй авхоцѣ:
„Благаславице людзи!
Близкйе сусѣдзи,
Гетаму дзицяци,
Каравай замясиць.
Ручками бѣленькими,
Персценями залаценькими,
Пѣснями вяселенькими.
Ты ступъ, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цяперь треба,
Памагаў разчиниць,
Памагай замясиць.
Ня стой, Боже, за дзвярами

Да йдзи Боже, у хату,
Да сядзь, Боже на куцѣ,
Да дай долю маладзѣ"!
—„Я у хату ня пайду,
Я за дзверами пастайю,
Маладзѣ долю пярашлю.
Зберайся, родзе!
Да къ бѣляиькаму каравайю,
Старые бабы ля парадку,
Маладыйе маладзицы пѣсни пѣць,
Удалые малайцы каравай печь".
Да штобъ ўсе разсказаци,
Яки парадакъ у хаци,
Якъ змавины атбыли,
Дый каравай атпякли
Якъ хлопцы, дзѣўки скакали
Лявониху, то бычка,
Мяцелицу, казачка,
Якъ маладуйю сажали
На пасадъ—казка така,
Што ня сталабъ языка.
Вотъ прышла нядзѣлька красна,
Засвяцила зара ясна,
Гапонъ нашъ мундзиръ надзеў;
Щира уздыхнуў да Бога!
Сѣў на каня варанога,
Дый къ маладой паляцѣў.
А дружбы Янка съ Миронамъ
Вихрамъ садзиць за Гапонамъ:
Слѣдамъ хлопцаў грамады
Ляциць—пѣсни запявайець,
Вѣцерь свитки развевайець,
Ну! прыгожа череда!
На канцѣ вазкомъ Данила
Гудзиць!—сколька зможе сила,
Канемъ музыку вязе.
Ананя жъ прыпѣвайець,
Йомка смыкомъ подсѣкайець,
Не заўважиў, што трасе.
Якъ заѣхала дружина;
Съ хаты вышла Агрыпина,

Надзѣўши кажухъ наўзнакъ;
Чарку Гапону падносиць,
У святлицу зайци просиць,
И рѣчи выводзиць такъ:
„Зяценка!
Пью на цябе поўнымъ кубкамъ,
Добрымъ здароўйемъ,
Што мыслю сабѣ,
То и табѣ".
Гапонъ чарку бяре ў руки,
Двойчи вылиў за сябѣ,
А треци разъ для выруки
Бѣлы рублявикъ кладзе.
Грыпина чарку прымайе,
У святлицу запрашайе.
Дзѣўки-жъ карагодамъ, ходзяць,
Жалобны пѣсни заводзяць:
„Хто у поли пацихоньку гукаець?
Тамъ Кацярынка сваго татки шукайець,
Хоць шукайець, не знайдзѣць.
Ой далека йой татачка далека,
У сырой зямли у жоўтымъ пяску глубока:
Да зрабили добры людзи вѣчны домъ,
Безъ дзвярей, безъ аконачки, безъ сонца,
Ня прамоўлю, дзицятка, ня слоўца".
Тутъ настала частованя,
Дый падаркаў раздавання,
Сотню паясаў, мауляў!
Свата ручникомъ звязали,
Баклагу у руки ткали,
Штобъ гарелки большъ доставъ.
Лубку съ ситамъ падстаўляйюць,
Маладу на ней сажаюць,
Якъ каралеўну на урадъ,
Янажъ усцяжъ галосиць,
Кругомъ паклоны разносиць,
Дый зноў сядзе на пасадъ.
Дзѣўки-жъ, хлопцы, пьюць, гуляйюць,
Падъ скрыпачку падпявайюць:
„Скочила Кацярынка съ лаўки да лаўки,
Скланилася мамачцѣ низку у ножки,

Коскаками зямлю пакрыла,
Слезками ножки памыла.
Карыся, Кацярынка, стараму,
Кланяйся и маладому,
Зъ паклонаў галоўка ня балиць,
Стары и малы благословиць".

Якъ, бачъ, нявѣсту прибрали,
Да двора такъ паскакали
Яснай пани чаломъ биць,
На вяселля папрасиць.
А пани—не пани, маци!
Маўляў радному дзицяци,
Прыгожи пасагъ дала,
Радосну слёзку уранила,
Маладыхъ благаславила,
Сама къ вянцу павяла.

Ксендзъ маладыхъ спатыкайе,
На ўсе жицё ихъ случайе;
А якъ скончиўся абрадъ,
Скрыпицеми загудзѣли,
Дружки весяла запѣли,
Дый вярнулися назадъ.

Паню на кутъ запрасили,
Пры ней Ксендза пасадзили,
Сватъ парадкамъ начаў чесць;
Пива, медъ ракой лилися,
Каўбаса зъ саломъ нашлися,
Уздоволь было пиць, ѣсць.

Дзѣўки, хлопцы, маладзицы,
Цѣлу ночку па святлицы,
Бадзялися, хто якъ змогъ:
Якъ ў гаршку тамъ кипѣла,
Атъ пылу ажъ пацямнѣла,
Суматоха—што крый Богъ!

Я на томъ вяселли быў,
Пива, медъ, гарелки пиў,
У роцѣ здаволь было,
Ажъ па барадзѣ цякло".

III.

Мы разсмотрѣли содержаніе повѣсти Дунина-Марцинкевича „Гапонъ". Какъ видно, главная цѣль ея—показать, что добродѣтель вознаграждается, а порокъ наказывается. Въ самомъ дѣлѣ, добродѣтельные герой и героиня повѣсти много перенесли горя отъ коварнаго эконома; но, послѣ долгихъ испытаній, ихъ желанія сбываются и они вполнѣ вознаграждены послѣдующимъ счастіемъ; въ то-же время, экономъ, копавшій подъ другимъ яму, самъ попадаетъ въ нее. Такимъ образомъ „Гапона" нужно отнести къ разряду *нравоучительныхъ повѣстей,* что составляетъ отличительный признакъ тогдашней мѣстной бѣлорусской литературы. Марцинкевичъ отдалъ долгъ своему времени. Однако дидактизмъ его повѣсти преслѣдуетъ и болѣе глубокую цѣль, чѣмъ одно простое нравоученіе: желая своими трудами принести посильную пользу какъ „панамъ", такъ и „хлопамъ", авторъ имѣетъ въ виду еще и другую цѣль. Такъ, кромѣ вышеуказанной цѣли, въ повѣсти проводится еще и другая мысль: авторъ хочетъ доказать, что помѣщики часто вводятся въ заблужденіе своими-же безнравственными слугами, какимъ здѣсь является экономъ; но сами паны „добродѣтельны" и потому, узнавъ о коварствѣ, стараются вознаградить по возможности пострадавшихъ.

Такого рода направленіе обще большинству тогдашнихъ мѣстныхъ писателей, которые видѣли въ литературѣ средство для проведенія нравственныхъ идей, средство для поученія.

Такъ понималъ свою задачу и авторъ разбираемой повѣсти. Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ: „Пиша ее (повѣсть), я имѣлъ цѣлью, чтобы наши помѣщики, при выборѣ въ помощь себѣ оффиціалистовъ, обращали серьезное вниманіе на ихъ характеръ и нравы; ибо они злоупотребляютъ иногда ввѣренной имъ властью, изъ своихъ видовъ губятъ рабочій людъ, и чрезъ это весьма часто безъ вины возбуждаютъ его ненависть на пановъ". Желая поучить пановъ въ этомъ смыслѣ, онъ и рѣшается „выпустить въ свѣтъ свою повѣсть, взявши содержаніе изъ правдиваго случая", чтобы слѣдовательно, поученіе его могло быть тѣмъ сильнѣе.

Характеръ отношеній между панами и хлопами понимается авторомъ довольно наивно; но въ этихъ его словахъ нельзя не видѣть другой задачи, которую преслѣдовали и другіе современные ему мѣстные писатели (напр. Янъ Чечотъ)[1], хотя и понимали ее весьма неопредѣленно и наивно. Смотря

[1]) Такъ, напр., Янъ Чечотъ говоритъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ сочиненій: „Быть можетъ, онѣ (стихотворенія на бѣлорусскомъ языкѣ) проникнутъ какъ нибудь въ деревню? быть можетъ, онѣ заговорятъ сердцу благожелательныхъ пановъ и обратятъ болѣе любящее вниманіе на крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ содѣйствовать успѣху этихъ трудолюбивыхъ соотечественниковъ въ нравственности" (А. Пыпинъ „Бѣлор. пѣсни". В. Евр. 1887 г., май, р. 217).

въ то время на литературу, какъ на средство для проведенія различныхъ идей, они и обращались къ ней для своей проповѣди, писали повѣсти, разсказы, стихотворенія, рисовавшіе въ розовыхъ краскахъ отношеніе „добрыхъ пановъ" къ „милымъ, добрымъ хлопамъ". Тогдашніе писатели (по преимуществу, конечно, мѣстные бѣлорусскіе и литовскіе уроженцы, которымъ ближе были эти вопросы), поучая пановъ, не понимали причинъ, вслѣдствіе которыхъ возникало разъединеніе мѣстныхъ бѣлорусскихъ и польскихъ интересовъ. Отличіе бѣлоруссовъ отъ поляковъ они видѣли только въ „схизмѣ"—православной религіи, но и оно уничтожалось для большинства памятью о недавней уніи въ значительной части населенія. На бѣлоруссовъ они смотрѣли, какъ на тѣхъ-же поляковъ, только говорящихъ языкомъ, смѣшаннымъ изъ польскаго и великорусскаго; въ остальномъ они не видѣли разницы между полякомъ и бѣлоруссомъ, называя бѣлорусскихъ крестьянъ „нашими". Между тѣмъ такой взглядъ на бѣлоруссовъ, какъ на разновидность поляковъ и на Бѣлоруссію, какъ часть Польши кореннымъ образомъ рознился съ тѣмъ, что замѣчалось ими въ дѣйствительности. Тутъ они видѣли безпрестанную борьбу польскаго и бѣлорусскаго элементовъ, недовѣрчивое отношеніе другъ къ другу. Представители обоихъ племенъ, живя совмѣстно на одной территоріи, имѣли въ то-же время различныя цѣли въ своихъ стремленіяхъ. Поляки или ополяченные бѣлоруссы тянули къ Польшѣ и католичеству, бѣлоруссы—къ православію. Польскіе писатели того времени, видя общность славянскаго происхожденія того и другого племени, не понимали, что при этомъ общемъ славянскомъ происхожденіи между обоими племенами лежитъ коренное различіе въ ихъ культурѣ, историческихъ началахъ развитія и языкѣ, который не составляетъ смѣси польскаго въ великорусскимъ, но составляетъ, какъ показали ученыя изслѣдованія, самостоятельную вѣтвь славянскаго языка.

Бѣлоруссы и поляки воспитались на различныхъ національныхъ основахъ, успѣли выработать, каждое племя отдѣльно, задатки самостоятельной культуры, когда имъ пришлось соединиться въ одно государство (послѣ Люблинской, конечно, уніи). Писатели указаннаго направленія, зная о государственномъ соединеніи Польши, Литвы и Бѣлоруссіи до 1793 г., послѣ уничтоженія политическаго существованія Польскаго государственнаго тѣла, стремились найти способъ культурнаго сліянія племенъ и при томъ на почвѣ польскихъ національныхъ началъ.

Писатели указаннаго направленія видѣли только внѣшнее политическое соединеніе Бѣлоруссіи съ Польшей, считая его (а многіе и до сихъ поръ считаютъ) „братскимъ союзомъ" двухъ народовъ; оба народа имъ казались близки по происхожденію, слѣдовательно, могли сойтись, но при этомъ союзъ предполагался съ точки зрѣнія исключительно польской. Они забывали, что пропасть, лежавшая между обѣими народностями, была поло-

жена именно во время политической ихъ уніи, тогда именно и обострились обоюдныя ихъ отношенія, такъ какъ время это было временемъ борьбы двухъ культурныхъ началъ.

Вообще, взаимныя отношенія обѣихъ народностей могла бы выяснить только наука, но польская наука (въ общемъ, конечно) того времени не стояла выше чисто польскихъ аристократическихъ тенденцій, а русская только зарождалась [1]).

Къ разряду писателей указаннаго направленія принадлежитъ всецѣло и авторъ „Гапона". Видя въ повѣсти средство для нравоученія, Дунинъ-Марцинкевичъ заходитъ слишкомъ далеко, придавая огромное воспитательное значеніе своему труду. Кромѣ указаннаго, онъ еще полагаетъ, что его повѣсть можетъ служить для читателей - крестьянъ—убѣдительнымъ примѣромъ того, какъ „трезвый, безупречный нравомъ (obyczajów nieposzlakowanych), и притомъ храбрый, даровитый и исполнительный въ службѣ крестьянинъ (chłopek)" всегда получитъ награду у правительства (ojcowskiego Rządu); поэтому, прочтя его повѣсть, многіе изъ крестьянъ съ охотой отдадутся службѣ, тогда какъ вообще они служатъ весьма неохотно. Кажется, не смотря на прекрасныя намѣренія автора, нечего и доказывать, что трудъ его не соотвѣтствуетъ высокимъ его цѣлямъ.

Мы остановились подробнѣе на предисловіи автора, выражающемъ его взглядъ на свое назначеніе потому, что эти взгляды не принадлежатъ ему исключительно, но выражаютъ взгляды почти всѣхъ мѣстныхъ писателей того времени [2]).

Для цѣлей, которыя имѣлъ авторъ при изданіи своей повѣсти, она не могла имѣть особеннаго значенія, но за то его труды имѣютъ еще и въ настоящее время большое значеніе, котораго, быть можетъ, не подозрѣвалъ творецъ ихъ; значеніе это заключается въ бытовой сторонѣ повѣсти и ея языкѣ. Языкъ вездѣ представляетъ чистое Минское нарѣчіе, весьма хорошо и точно переданное. Авторъ прекрасно знаетъ бытъ крестьянъ и описанія бытовой обстановки составляютъ лучшія мѣста повѣсти, какъ, напр., описаніе гулянья въ корчмѣ, свадьбы и др.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ схвачена съ поразительной вѣрностью и проницательностью бытовая обстановка жизни бѣлорусса, наконецъ, авторъ старается по возможности отразить въ своемъ произведеніи складъ умственныхъ понятій бѣлорусса: въ его сравненіяхъ, напр., въ третьей пѣснѣ, въ описаніи движенія въ городѣ, засѣданія присутствія выражается богат-

---

[1]) Объ этихъ отношеніяхъ см. подробнѣе въ статьяхъ нашихъ; „Докторъ Франциskъ Скорина" („Минскій Листокъ" за 1888 годъ №№ 42,44) и „Бѣлорусское прошлое" („Минскій Листокъ" №№ 53, 57, 58, 62, 64, 82 и 86 за 1888 г.).

[2]) См. Статьи А. Пыпина „Бѣлорусская этнографія" въ „В. Евр." 1887 г., май.

ство своеобразнаго бѣлорусскаго юмора и тонкой наблюдательности; онъ вѣрно рисуетъ типическія особенности характера бѣлорусса. Произведеніе его важно по той любви, по тому теплому чувству къ судьбѣ крестьянина, къ его горю и радости, которыя вложилъ въ свое произведеніе авторъ.

Закончимъ нашъ бѣглый очеркъ указаніемъ на тотъ фактъ, что, не смотря на 40 почти лѣтъ, прошедшихъ со времени перваго изданія „Гапона", повѣсть эта и теперь еще не изгладилась изъ памяти бѣлорусскаго крестьянина: намъ удавалось слышать отрывки изъ него въ разныхъ мѣстахъ Минской губерніи. Многіе изъ крестьянъ, особенно старики, знаютъ фамилію автора, а иногда даже содержаніе повѣсти, но большинство считаетъ его произведеніе чисто народнымъ. Наиболѣе извѣстное мѣсто, которое чаще всего приходится слышать,—это первая половина первой пѣсни—веселье въ корчмѣ.

В. ДУНИНЪ-МАРЦИНКЕВИЧЪ И ЕГО ПОЭМА

„Тарасъ на Парнасѣ".

Очеркъ изъ исторіи бѣлорусской этнографіи [1]).

I.

Въ половинѣ настоящаго столѣтія бѣлорусскій край и его обитатели возбуждаютъ къ себѣ не малый интересъ въ польской и русской литературѣ и наукѣ. Появляется рядъ замѣтокъ, путешествій, сборники пѣсенъ, разсужденія о языкѣ, историческія сочиненія. Интересъ къ краю возбуждается большею частью мѣстными уроженцами и центромъ этого литературно-научнаго движенія сдѣлалась Вильна. Одна часть писателей, воспитанная въ польской культурной средѣ, писала по-польски, другіе, имѣвшіе больше связи съ русскими, перенесли свою дѣятельность въ столицы (протоіерей Григоровичъ, Шпилевскій и др.). Однихъ край интересовалъ, какъ предметъ научныхъ наблюденій, другіе писали о краѣ, потому что любили его, какъ мѣсто своего рожденія [2]).

Изученіе народной поэзіи повело къ стремленію подражать ей, пиша на народномъ языкѣ. Такимъ образомъ появляются попытки создать

1) Напечатана въ „Витеб. Губ. Вѣдом.", 1896 г.

2) Въ шестидесятыхъ годахъ, да иногда и теперь, встрѣчаются порицатели этого научнаго движенія, повидимому, больше потому, что писали тогда мѣстные люди по-польски или хотя и по бѣлорусски, но польскимъ шрифтомъ. Но на это можно отвѣтить словами г. Пыпина: „Той эпохѣ польской литературы и общественности у насъ приписываютъ обыкновенно или явную, или затаенную интригу и пропаганду полонизма; мы замѣчали уже, что въ отношеніи польскихъ патріотовъ къ Западному краю гораздо больше было простой исторической привычки смотрѣть на этотъ край, какъ на издавнюю часть ихъ польскаго отечества, тѣмъ больше, когда съ русской стороны интересъ къ этому краю почти не существовалъ. Множество этихъ поляковъ-патріотовъ и писателей были именно уроженцы этого края; „народъ" края не былъ польскій, но они, по старой памяти, считали его своимъ, давно съ ними связаннымъ, и въ ту эпоху развитія народнаго романтизма ихъ интересъ направился на этотъ народъ, собственно литовскій и народъ польскій". Пыпинъ, Ист. Русской Этнографіи, IV, 47.

бѣлорусскую литературу. Нѣкоторые изъ нихъ попали въ печать (Маньковскій, Барщевскій), другіе довольствовались устной и рукописной передачей [1]). Но эти пробы не имѣютъ серьезнаго значенія. Первымъ, придававшимъ серьезное значеніе литературѣ на бѣлорусскомъ нарѣчіи, былъ Викентій Дунинъ-Марцинкевичъ. Цѣль, съ которой онъ взялся за перо, состояла не въ стремленіи создать художественную литературу; какъ увидимъ, его дѣятельность носила практическій характеръ: онъ стремился обратить вниманіе помѣщиковъ на крестьянъ и дать понятную для крестьянина книгу для чтенія.

Появленіе книгъ на народномъ нарѣчіи въ Бѣлоруссіи представлялось тогда желательнымъ и многимъ великоруссамъ [2]), и даже въ одно время оно получило оффиціозное признаніе [3]). Правильна или неправильна была эта мысль,- для насъ это не важно. Въ настоящее время остатки этой литературы важны со стороны исторической и со стороны этнографической. Съ исторической, — потому что они позволяютъ намъ проникнуть въ настроеніе лучшей части общества края предъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ; съ этнографической,—потому что въ нихъ мы находимъ вѣрное, иногда художественно написанное изображеніе жизни бѣлорусскаго крестьянина недавняго прошлаго; они представляютъ прекрасные образцы народной психологіи. Съ этой стороны, намъ кажется, наукѣ необходимо считаться

---

[1]) См., напр., свѣдѣнія въ ст. Подберезскаго, въ предисловіи къ изданію Барщевскаго „Szlachcic Zawalnia czyli Bialoruś w fantastycznych opowiadaniach", S.-Petb., 1844, изд. Эйнерлинга. т. I.

[2]) См., напр., примѣчанія редакціи „Маякъ" къ статьямъ А. Кавелина „Памятники бѣлорусской письменности", „Маякъ", 1845 г. т. 23. Смѣсь, р. 30, и смѣсь р. 12 и 31: Редакція журнала охотно открываетъ свои страницы для произведеній на бѣлор. нар. и о Бѣлоруссіи. Въ томъ же духѣ болѣе раннее заявленіе редакціи того же журнала „Маякъ", 1843 г. IX, смѣсь 33—38 (ст. бѣлоруса Цытовича): „Духъ грамотности замѣтно проникаетъ въ самые крайніе классы бѣдныхъ бѣлоруссовъ, хотя собственно для нихъ у насъ ничего не пишется. Почему знать, нельзя-ли и изъ нихъ вызвать мужичковъ-грамотѣевъ?.. Не сыщется-ль перо, перо трудолюбивое, которое посвятитъ себя на пользу милліоновъ этихъ, такъ сказать, меньшихъ братій великой семьи нашей, не проложитъ-ли оно путь къ дальнѣйшему образованію средствами самыми близкими, сообразными ихъ силамъ, вкусу и обычаю". Въ доказательство возможности такой литературы авторъ приводитъ одно стихотворное произведеніе.

[3]) Такой оффиціозный характеръ носитъ брошюра на бѣлорусскомъ и пинскомъ нарѣчіи, изданная въ Вильнѣ въ 1863 г. „Разсказы на бѣлорусскомъ нарѣчіи", 32 стр. Брошюра носитъ политическій характеръ, вотъ ея содержаніе: 1) Кто булы наши найдавнѣйшія диды и яка ихъ була доля до уніи? 2) Ци добре мы зробили, покинувши унію? 3) Великая помылка нашихъ бѣлоруссовъ. 4) Розмова на цментари старосты Янка зъ братчикомъ Хведосомъ. 5) Сказка не сказка, бы ня быль, але такъ бываить.

съ произведеніями Викентія Дунинъ-Марцинкевича, къ которому мы теперь и обратимся.

В. Дунинъ-Марцинкевичъ былъ однимъ изъ лучшихъ людей недавняго прошлаго. Онъ выросъ въ культурной польской средѣ [1]), но оказался однимъ изъ тѣхъ бѣлоруссовъ, которые свою дѣятельность посвятили исключительно благу родины, понимая подъ послѣдней мѣсто своего рожденія (и въ большинствѣ случаевъ происхожденія,—бѣлорусскаго). Между тѣмъ въ сороковые—пятидесятые годы, во время оживленія въ польской литературѣ, для всякаго уроженца Западнаго края съ польскимъ воспитаніемъ, съ мало-мальскимъ зародышемъ поэтическаго таланта, было не мало искушеній цѣликомъ отдаться польской литературѣ. За поэтами Мицкевичемъ и Сырокомлей двинулась цѣлая плеяда ихъ земляковъ, какъ Геронимъ Марцинкевичъ, В. Коротынскій, К. Павловскій, Ф. Заторскій и др., не оставившіе въ польской литературѣ, впрочемъ, никакого слѣда. Но еще болѣе симпатична другая сторона дѣятельности В. Марцинкевича: онъ обратился къ литературѣ на народномъ языкѣ съ специальною цѣлью возбудить въ тогдашнемъ обществѣ интересъ къ бѣдному хлопу. Онъ любилъ народъ, глубоко уважалъ его и призывалъ своей лирой къ любви и къ уваженію къ нему своихъ культурныхъ собратій.

Въ этомъ отношеніи онъ примыкаетъ къ этнографамъ, какъ Янъ Чечотъ, бр. Тышкевичи, Киркоръ, Юцевичъ, Сырокомля (въ историко-этнографическихъ трудахъ) и др. Но послѣдніе были прежде всего ученые, и ученые поляки, для которыхъ бѣлоруссъ, „кривичъ", какъ они его называли, былъ интересенъ со стороны этнографической, признанія-же кровной связи своей съ народомъ у нихъ почти нѣтъ. Марцинкевичъ, прежде всего, бѣлоруссъ; онъ любилъ бѣлорусскаго крестьянина не вслѣдствіе его историко-этнографическаго интереса, а какъ своего родича, земляка, чувствуетъ

---

[1]) Некрологъ о Марцинкевичѣ съ краткими біографическими свѣдѣніями о немъ былъ помѣщенъ Ал. К. Ельскимъ въ газ. „Kraj" 1884 г. У насъ есть въ рукописи болѣе подробная біографія поэта, написанная Александромъ Карловичемъ. Для полноты, приведемъ нѣсколько данныхъ изъ его біографіи. В. Марцинкевичъ родился въ фольваркѣ Понюшковичахъ, Бобруйскаго у., на р. Березинѣ, въ 1807 г. Марцинкевичъ былъ сынъ мелкихъ арендаторовъ и только въ 60-хъ годахъ на свои сбереженія купилъ себѣ небольшое имѣніе подъ Минскомъ, Люцынку. Воспитывался поэтъ сначала въ Бобруйскомъ училищѣ, которое окончилъ въ 1826 г. До 1828 г. слушалъ медицинскія лекціи въ Петербургѣ, но оставилъ столицу и поселился въ Минскѣ, занявъ мѣсто въ римско-католической духовной консисторіи. Первымъ произведеніемъ его, увидѣвшимъ свѣтъ, была комедія „Sielanka", написанная на смѣшанномъ польско-бѣлорусскомъ яз., напечатана въ 1840 г.; за нею слѣдовали: „Hapon", „Wieczernice" (1855), „Ciekawyś? Przeczytaj!" (1856), „Dudarz białoruski" (1857), „Lucynka czyli szwedzi na Litwie" (вся на польскомъ) 1861 г.

крѣпкую связь между собой и бѣлоруссомъ. Мораль Марцинкевича сводилась, прежде всего, къ тому, что крестьянинъ—существо, обладающее высокими нравственными достоинствами, такъ что часто онъ стоитъ выше испорченныхъ, изнѣженныхъ пановъ и особенно высоко стоитъ въ сравненіи съ такъ называемыми „полупанками". Въ самомъ дѣлѣ, большіе паны не обходились безъ этихъ „полупанковъ", происходившихъ изъ мелкой шляхты: они бывали арендаторами, экономами, управляющими въ имѣніяхъ. Люди необразованные и грубые, приближавшіеся къ настоящимъ панамъ только благодаря своему шляхетскому званію, они презирали и угнетали крѣпостныхъ усерднѣе самихъ помѣщиковъ. Типы такихъ „полупанковъ" выведены имъ въ „Гапонѣ" и въ „Купалѣ", въ неизданной драматической пьесѣ „Пинская шляхта" и въ „Дажинкахъ". Но правота крестьянина, честность крестьянской дѣвушки берутъ верхъ. Любимый типъ Марцинкевича —невинная дѣвушка, которую стараются такъ или иначе оклеветать, обидѣть. Въ „Щавроўскихъ дажинкахъ" Тадорка „якъ зорачка ясна" (р. 100):

Кроў съ малакомъ яе щочки,
Молинніяю блищаць вочки,
Спадцишка, бачь, якъ зиркне,
Серца молатамъ забьецца,
Грудзь поламямъ обальецца,
Ня спазнаешь самъ сябе.
Яна-жъ чѐсна—працавита и т. д. [1]).

Нѣсколько разъ поэтъ возвращается къ образу молодой крестьянской дѣвушки. Въ „Купалѣ" Агатка любитъ панича, онъ ее. Но паничъ, по своей испорченности, клянясь ей въ любви, предлагаетъ ей въ то же время выйти за любящаго Агатку Савку, а сами мы „якъ циперь любимъ другъ друга—любици будзимъ". Такое коварство обижаетъ дѣвушку:

---

[1]) Качества крестьянской жены поэтъ ставитъ высоко. Въ „Купалѣ" („Ciekawys"?... 33), передавая народное преданіе, поэтъ оттѣняетъ, что и князева жена, которую мужъ бралъ въ золотѣ, и панова жена, которую мужъ бралъ въ серебрѣ, —обѣ оказались не хорошими. Только господарская дочка, жена господаря Янки, оказалась женой и працовитой, и боящейся Бога и вѣрной:

Треця Яначкава,—что была убога,
Працавала щыри, у боязни Бога;
Пакорная, циха,—для мужыка вѣрна,
Безъ думы, безъ жоўци—а такъ миласердна!
Што якъ Богъ дарыў ихъ у гумнѣ избыткамъ,
Ў клѣци запасамъ—аборы дабыткамъ,
Усяки кусочакъ зъ бѣднымъ дзялила,
Ня одна тамъ маци ей благословила,—
и т д.

Якъ пачула дзѣўка гэтаки науки,
Вось, моўляў, асинка ўся затрасласся,
Уздыхнула цяжки, заламала руки,
Горкими слезами тутъ-же залилася,
Посля смутнымъ вокамъ на дзяцюка гляне,
Дый гэтаки рэчы казаць яму стане:
„Да таго-жъ нясчасной мнѣ ужо прышлося,
Што такія брэдни слухаць давялося!
Богъ мяне карае, што вѣтрэна стала,
Пачциваго сердца чурацца пачала;
Паничъ только зводзишь, хочешь забаўляцца?
А ня ласка-жъ будзя са мной абвянчаца?".
—„Што табѣ, Агатка, сягодня прыспѣла,
Чи ты упилася, чи ты адурэла?—
Штобъ шляхциць зъ мужицкай дочкай ажаниўся!
Я-жъ бы межъ своими тагды ня ужыўся!
Пальцами-бы мяне ўсѣ вытыкали,
Якъ отъ злой собаки чурацца-бы стали!".
—„А мяне-жъ ня будуць свои вырэкацца,
Бацка праклинаци, сасѣди чурацца,
Што съ паничомъ стану ў саромѣ жыць?
Вамъ ня грэхъ мужычку на чэсци забици,
Бо мужыкъ ня годны,—ня Боская справа?
Ўсякъ зьдзекавацца надъ нимъ мае права!
Яно, башь, ня маци, якъ васъ, парадзила!
Якъ шляхцица, яго не приме магила!..—
Дзякуй же паничу за твае кахане,
Милѣйшы-жъ мнѣ Саўка ў мужицкамъ станѣ:
Енъ ня схочэ бѣдной дзѣўчаци,
Енъ пачцивымъ сердцамъ вѣкъ будзя любиць!"
Такъ наша Агатка миламу аткаже,
А хаць слезка градамъ на тваръ пакацилась,
Ў полами сердцэ молатамъ забилась,
Хоць на душы гора камянемъ наляжэ,
Разумная дзѣўка, помня боязнь Бога,
Маўляў, атъ гадзюки, атъ сваго милога,
Пугливаю ланий яна уцекае:
Дарма злосны писарь вѣрносцъ присягае,
Яна уже далека—грудзь цисне рукою,
Сердце аблилося крававай таскою.

Этотъ отрывокъ въ достаточной мѣрѣ характеризуетъ теплое отно-

шеніе поэта къ крестьянину. Поэтъ идеализируетъ типъ крестьянки, и главнымъ образомъ для того, чтобы показать, что и надъ мужикомъ „грѣхъ здзекавацца“,—какъ говоритъ та же Агатка въ другомъ мѣстѣ; идеализируя крестьянина, онъ въ то же время призываетъ помѣщика-шляхтича къ болѣе человѣческому отношенію къ своему крестьянину.

Марцинкевичъ не только взывалъ къ панамъ о болѣе человѣческомъ отношеніи къ крестьянамъ, онъ шелъ дальше, проповѣдуя необходимость образованія для крестьянина, необходимость школы и, наконецъ, улучшенія экономическаго быта. Въ „Гапонѣ“ онъ далъ образецъ того, что крестьянинъ далеко не такъ низко стоитъ въ умственномъ отношеніи, что образованіе доступно и ему. Съ какою радостью посвящаетъ онъ свою книгу „Ciekawys?? Przeczytaj!“ Александру Лаппѣ, маршалу Бобруйскаго повѣта, именно потому, что, проѣзжая черезъ имѣніе Лаппы, авторъ видѣлъ прекрасныя хозяйственныя постройки крестьянскаго люда (poczciwego ludu), свидѣтельствовавшія о благосостояніи обитателей. „Грудь моя забилась веселіемъ! Я нашелъ здѣсь достатокъ во всемъ, указывающій на зажиточность жителей. Радостно тогда я воскликнулъ: Богъ живетъ съ этимъ людомъ! Не панская тутъ, но отцовская распоряжается рука“. Онъ не находитъ никого кругомъ, кому-бы слѣдовало посвятить свою книгу, какъ не „опекуну слабыхъ“, отцу крестьянъ. Да и цѣль его книжки, говоритъ Марцинкевичъ далѣе,—заохотить деревенскаго жителя (wiesniak) къ чтенію, чтобы онъ развилъ свой умъ, погруженный дотолѣ въ темноту.

Но, зная хорошо, что мало найдется помѣщиковъ, которые бы безкорыстно старались объ улучшеніи быта и образованіи своихъ крѣпостныхъ, онъ въ предисловіи къ „Гапону“ указываетъ помѣщикамъ и на практическую выгоду: образованный достаточный крестьянинъ будетъ болѣе честнымъ, болѣе понятливымъ слугой,—думая хоть такимъ мотивомъ обратить вниманіе помѣщиковъ на своихъ крестьянъ. Но конечной цѣлью его желаній, о чемъ онъ могъ писать, но не могъ въ то время печатать,—это было полное освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного ига. Что именно эта цѣль составляла завѣтную мечту Марцинкевича, видно изъ одного неизданнаго стихотворенія, которое мы, пользуясь случаемъ, здѣсь и приводимъ. Стихотвореніе написано въ 1860 году. Рукопись написана рукою поэта и подписана псевдонимомъ „Наумъ“ [1]).

Вотъ оно:

Вясна голодъ пярапала,
Ани соли, ани крупъ:

[1]) Наумъ подраз. Прыговорка—герой пьесы „Селянка“; этимъ именемъ Марцинкевичъ часто называетъ себя въ своихъ произведеніяхъ, часто подписывался, извѣстенъ былъ подъ этимъ именемъ у друзей. Роль Наума Марцинкевичъ игралъ на Минской сценѣ и имѣлъ успѣхъ.

И скацинѣ корму мала,
И самому ани у зубъ.
***
На палацяхъ дохнуць дзѣци,
Жонка тры дни здуру пьець,
И даўно парожна ў клѣци,
Хоць была добрая клѣць.
***
Хоць халодна, хоць голодна,
Хоць бы голадъ—нипачомъ:
Вотъ кабъ тольки намъ свободна—
На свободзѣ аджывёмъ.
***
Будзимъ роўные зъ панами
И такъ сама якъ паны
Пиць гарэлку збанами
И гуляць такъ, якъ яны.
***
Вотъ панамъ нядужа лоўка—
Самымъ трэба працаваць!
Пабалиць ни разъ галоўка,
Коли прыдзеца араць!
***
Ни адзинъ зъ ихъ запаець
И заскачиць драпака:
Яны тольки ѣсць умѣюць
И драць шкуру зъ мужыка!
***
Перестануць нашымъ братомъ,
Якъ скапиный таргаваць,
Напускацца лихимъ матамъ,
И шкуру зъ насъ да карка драць.
***
Будзе мужыкъ ни скацина,
Ни разъ скажыць панъ зъ пановъ:
„Пане Хведэръ, пане Мина,
Якъ же, васпанъ, ци здароу?“

И такъ, конечное желанiе поэта—это свобода крестьянина. По своему обыкновенiю онъ не удерживается и въ этомъ случаѣ отъ идеализацiи: вмѣстѣ съ свободой поэту мерещится и полное „равенство“ мужика съ

панами, заключающееся въ томъ, что мужикъ будетъ называться „паномъ"; послѣдуетъ и матеріальное улучшеніе: они будутъ пить горѣлку съ панами и „гуляць"; поэтъ такъ проникся своей идеей, его желанія такъ сливаются съ мечтами сѣрой массы, что онъ злорадствуетъ, смѣется надъ положеніемъ пановъ, въ какомъ они очутятся при освобожденіи, хотя и онъ, и его кругъ такіе-же паны—помѣщики. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы составить болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о практическихъ цѣляхъ, которыя себѣ ставилъ Марцинкевичъ, хотя здѣсь вовсе не имѣлось въ виду исчерпать всѣхъ характерныхъ мѣстъ изъ его произведеній. Главное, повторяемъ,—что одушевляло лиру поэта, это безкорыстная любовь къ крестьянину, желаніе принести пользу лично и побудить къ тому-же другихъ; наконецъ, онъ чувствовалъ и себя частицею этого громадскаго „міра". Путь, избранный для этой цѣли Марцинкевичемъ, во всякомъ случаѣ оригинальный (сознаніе этого было лучшей наградой поэта; см. предисловіе къ „Дудару") и болѣе заслуживающій одобренія, чѣмъ злобное раскрываніе народнаго горя, безъ указанія причинъ, безъ указанія средствъ, какъ выйти изъ него [1]).

Но какъ художника-любителя Марцинкевича интересовалъ и вообще бытъ бѣлорусскаго крестьянина. Въ его произведеніяхъ мы находимъ этнографически вѣрную, но художественно-воспроизведенную картину народнаго быта. Къ числу бытовыхъ пьесъ принадлежитъ печатаемый ниже „Тарасъ на Парнасѣ".

II.

„Тарасъ на Парнасѣ" не былъ до сихъ поръ напечатанъ въ полномъ видѣ, но это небольшое произведеніе довольно хорошо знакомо въ рукописяхъ во всѣхъ уголкахъ Бѣлоруссіи, при чемъ имя автора едва ли кому извѣстно. Онъ уже вошелъ въ циклъ тѣхъ любопытныхъ произведеній, большею частью сатирическаго направленія, которыя въ большомъ числѣ ходятъ въ спискахъ или въ устной передачѣ въ краѣ, какъ „Паньское игрыще", „Гутарка Данилы", но авторы которыхъ неизвѣстны. Въ этотъ циклъ попали также большіе отрывки изъ „Гапона". Ко мнѣ лично „Тарасъ на Парнасѣ" дошелъ въ болѣе или менѣе искаженныхъ видахъ изъ разныхъ концовъ Минской и Могилевской губ.; нѣкоторые списки, очевидно, вышли изъ среды, незнающей ни польской, ни русской литературы,

[1]) Тяжелое впечатлѣніе производитъ разсказъ наприм. „Газыка" въ „Москвитянинѣ" 1843, т. IV, ч. 8, стр. 383—412. Авторъ его, витеблянинъ, съ какимъ то злорадствомъ описываетъ вѣчно пьющаго Янку и др. лѣнтяевъ. Разумѣется, типъ Янки и др., выведенные тамъ, это тоже своего рода идеализація народнаго быта, съ цѣлью обратить вниманіе на него литературы. Но такой способъ можетъ и отвратить общество отъ крестьянства.

т. е. изъ среды полународной и даже народной, потому что встрѣчающіяся въ немъ имена писателей искажены или выброшены. Одинъ изъ списковъ, вращающихся въ Витебской губ., былъ напечатанъ въ № 37 1889 г. „Минскаго Листка“, но этотъ списокъ одинъ изъ очень искаженныхъ. Причину успѣха, которымъ пользуется „Тарасъ“, нужно искать въ томъ, что въ этомъ маленькомъ произведеніи, какъ и въ другихъ пьесахъ Марцинкевича, чрезвычайно живо и занимательно изображена жизнь богатаго бѣлорусскаго крестьянина; не только изображена вѣрно внѣшняя жизнь, но дана вѣрная, понятная для всякаго бѣлорусса, характеристика нравственнаго и умственнаго облика крестьянина.

Лѣсной сторожъ Тарасъ, честный и добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей, вышелъ на обходъ лѣса до свѣта на самаго Кузьму-Демьяна, когда, по народному представленію, легко могутъ примерещиться всякіе страхи и небылицы. Такъ и случилось. Простоватый Тарасъ призаснулъ, самъ того не сознавая, и попалъ онъ въ совершенно для себя необычную обстановку,—попалъ на Парнасъ къ самому Зевсу въ гости. Онъ „проштурхался“ между почтительно стоявшими у подножія горы поэтами на вершину ея и здѣсь засталъ совершенно знакомую обстановку: большой домъ богатаго крестьянина, по двору бродятъ свиньи, богини моютъ богамъ портки, Нептунъ плететъ сѣти и пр.; въ избѣ тоже знакомыя картины: жарты Амура, драка Марса съ Геркулесомъ, общій обѣдъ боговъ,—такой обѣдъ, который только во снѣ и могъ присниться бѣдному лѣснику,—все это обрисовано живо и вѣрно. Но, какъ видно изъ этой схемы, путешествіе Тараса облечено въ нѣсколько необычную форму. Мы имѣемъ дѣло съ сатирой. Къ сожалѣнію, довольно трудно сказать что нибудь опредѣленное о томъ, по какому поводу авторъ написалъ эту сатиру или что онъ имѣлъ въ виду.

Думать, что авторъ заднимъ числомъ бичевалъ ложно-классицизмъ,—едва ли возможно. Быть можетъ, авторъ имѣлъ въ виду другую цѣль: воспользовавшись старыми образцами, въ родѣ перелицовокъ Энеиды, дать намъ живую картину бѣлорусскаго народнаго быта и при случаѣ посмѣяться надъ идеями писателей, которые, не имѣя крупныхъ дарованій, тянутся или тянулись за великими поэтами, набрасывались на „высокія“ темы, забывая о своемъ народѣ и своей родинѣ; такихъ поэтовъ. мы знаемъ, было не мало среди сверстниковъ Марцинкевича.

Въ заключеніе нашей замѣтки приводимъ текстъ самого „Тараса на Парнасѣ“.

Тарасъ на Парнасѣ.

Чы знаў хто зъ васъ, братки, Тараса,
Што полясоўщыкомъ служыў?—

Што на Пуцявицы, ля Парнаса,
У прысёлку сабѣ жыў?
О! человѣкъ ёнъ быў рахманы,
Гарэлки ў губы ёнъ ня браў—
Зато ў ласцы быў у пана:
Яго панъ вельми шанаваў!
Любила тожъ Тараса пани,—
И войтъ ни разу ня брахаў;
За то атъ вечера до раньня
Ёнъ бору щыра пильнаваў.
Чуць сьвѣтъ,—а ёнъ стрэльбу за плечи,
Сякеру заткнець за паясъ,
Да идзе бору сцярычы,
И птушачки страляць подъ часъ.
Хадзиў ёнъ доўга такъ, чы мала,—
Ажъ нѣшта адзинъ разъ
Вялика бяда яго спаткала—
Вось, якъ казаў мнѣ самъ Тарасъ.
На самого Кузьму-Дзямяна
Пашоў я биць цицярукоў,—
А ўстаў той дзень я дужа рана—
Здаеццядзъ первыхъ пятухоў.
Иду сабѣ я понямногу,—
Да и на пни троха прысѣў,
Ажъ разамъ—лупъ! чэрэзъ дарогу
Якъ бытто цяцярукъ узляцѣў.
Я за стрэльбу—ня палиць!
Я за други курокъ—ня пячэць!..
Гляджу,—ажъ зъ-за ели валиць—
Якъ ёсьць хоромина мядзьвѣдзь!
Хоць ня труслиў я быў дзяцина,
Аднакъ затросся якъ асина,
Зубми якъ цуцька лапятаў,—
Да й чуть не захвараў!
А зъ парапугу ажъ сплюнуўся
И думаў—за пень заскачу!—
Скакнуў, ня трапиў, послизнуўся
И ў яму тарчакомъ лячу!
Ляцѣў, ляцѣў—якъ загрымиць,—
Ажъ стала зелёна у вачахъ!
Дождж якъ зъ вядра пачаў лиць,—

А я ляжу—якъ доўги—на плячахъ,
Ўстаў зъ зямли, акалациўся,
Бо быў у грази якъ свиня—
И доўга самъ сабѣ дзивиўся:—
Куды же гэта папаў я?...
Рукой поскробаў коля вуха,
Дастаў зъ кишени рагавень,
И храпы насыциў цяртухой,
Бо ужо ня нюхаў цѣлы дзень.
А вой! а вой! якъ тутъ прыгожа,—
Якъ бы хто намалеваў:
Чырвоны краски,—макъ и рожа—
Ширинку мерамъ хто паслаў!
И птушки ёсьць тамъ дужа стройны,
Паяюць ня горэй салаўя.
Ахъ вохтци мнѣ! ахъ вохци я!
Куды же гэта папаў я?
Стояў я доўга, дзиваваўся,
Разинуў зявы и глядзѣў,—
Ажъ тутъ аткулитка не узяўся,—
Ни то пришоў, ни прилицѣў—
Хлапчынка нѣки—кругалики,
Увесь кудравы якъ баранъ,—
А за его плечми вялики
Прычеплянъ лукъ да и каўчанъ.
— Аткуль идзець дорога гэта?
Спытаў я хлопчика той часъ.
— Дорога гэта зъ таго сьвѣта,—
Атвѣциў,—просто идзе на Парнасъ.
Сказаўши, хлопчикъ засьмяяўся,
На скрыдлахъ шпарка поляцѣў,
Куды то, мусиць ёнъ спѣшаўся:
Сказаць дороги нехацѣў.
Парнасъ? Што за чортъ таки?
Падумаў сабѣ нашъ Тарасъ,
И ўзяўши ў руки добры кій,
Шпарыць проста на Парнасъ.
Прашоў вёрстъ дзесяць той дарогай,
Ажъ бачиць,—тамъ гара стаиць,
Падъ той гарой народу многа—
Якъ бы кермашъ яки кипиць.

Прашоў ёнъ ближай,—што за лиха?
Народъ ня просты,—усё паны!
Хто дужа шпарко, хто пацыха
Ўсе ў гару идуць яны.
Якъ жиды у школи галасуюць,
Гатоў адзинъ другого зъѣсць—
Другъ друга у баки штурхаюць—
Кабъ першимъ на гару узлѣсць.
Ўсе зъ сабой цягаютъ книжки,
Ажъ потъ зъ лысинъ ручьями хлищиць,
Адзинъ другому выцискаютъ кишки,
Ажъ нѣхта памяжъ нихъ пищиць:
— Пamaла, братки, не давиця
Вы хвалитону моёй „Пчалы“,
Мне самаго вы пусциця
Да не дзяржиця за палы!
Бо слухайця! у газэцѣ
Я васъ аблаю на весь сьвѣтъ,
Якъ тое была ў прошломъ лѣцѣ,—
Бо я радахтаромъ газетъ!
Глядзиць Тарасъ, ажъ нѣки сивы,
Коротки, тоўсты, якъ чурбаиъ,
Кудлаты, неякъ ня красивы,
Крычыць якъ апантаны панъ.
Нясець велики мѣхъ панъ гэты
Да и паўнюхеньки набитъ,—
Ўсе тамъ ксёнжки да газэты,—
Ну, бачь, каробачникъ, чы жыдъ.
Ўдругъ нѣшта зашумѣла,
Народъ раздаўся на канцы,
Якбы птушекъ наляцѣла—
Ўзышли чатыры малойцы.
То быў народъ ужъ ня такоўски:
Мицкевичъ, Пушкинъ, Каханоўски
И Гогаль,—хутка кала насъ
Пашли якъ павы на Парнасъ.
За ними ззаду Грэчь идзець,
Нясьци имъ ксёнжки памагае,
И граматыку за поясомъ нясець,—
Тую, што у школы научаюць,
Ну, словамъ, много тутъ народу

Збиралась лѣзци на Парнасъ:
Было и важныхъ тамъ, и зброду,—
Такъ якъ трапляяцца у насъ.
Намежъ людзей Тарасъ штурхаўся
Атъ пары до пары—
Аднакъ празъ талаку пробраўся
И проста валиць да гары.
Ўзлѣзъ, глядзиць: будынакъ новы;
Стаиць звычайны паньски дворъ;
Кругомъ же яго тынъ дубовы—
Нябось ня улѣзець сюды воръ!
А на дворѣ тамъ свинни ходзяць,
Сабаки, козы й бараны,—
Мусить, и баги гаспадарку водзять,
Кали свиней дзяржать яны?
Ў цотъ и лишку на дварѣ гуляюць
Парнаски хлопцы—дзяцюки,
А хто копеечки ня маець,
Той лупиць проста на щаўки.
Ўлѣзъ Тарасъ къ багамъ ў хату,
Ажъ тамъ—ну отъ, ни дапь, ни ўзяць,—
Якъ у казармахъ тамъ салдатаў—
Багоў ня можна сащитаць!
Шаўцы на лаўкахъ дратвай шыюць
Багамъ, багинямъ хадаки,
Багини же у начвахъ мыюць
Багамъ сорочки и партки.
Сатурнъ самъ, лыки размачиўши,
Касцякой лапци заплятаў,—
Па свѣци многа нахадзиўши,
Лапцей ёнъ много патаптаў.
Няптунъ на лаўци чиниць сѣци
И ладзиць восьци на шасты,
Кругомъ жа,—мусиць яго дзѣци,—
Дзирявы ляпляць нероты.
Отъ, бьюцца Марсъ зъ Вяркулесамъ;
Вяркулесъ—якъ яки мядзвѣдзь,
Кабъ цяшиць стараго Зявеса,
Чупрыну Марсу добра мнець!
Зявесъ залёгъ сабѣ на печи,
Сярмягу ў голаву падклаў

И, грэючи старые плечы,
Нѣшто ў бараздѣ шукаў...
Тамъ перадъ люстрамъ задамъ мелиць
И масламъ мажыць валасы
Да й нечымъ сабѣ тварокъ бѣлиць
Вянера,—мусиць для красы.
Амуръ зъ дзяўчатами гуляець—
Ну проста смѣхъ на нихъ глядзѣць:
То ёнъ зненачку обнимаець,
То хустку зъ галавы здзярэць!
То ў горлянку заиграець,
То аднымъ вокамъ памигаець,
Якъ бы милую сваю завець.
Тарасъ тутъ дзивицца, смяецца,
На ўсе разинуў ротъ, глядзиць,
И лихо што яму здаецца—
Ну, быць ў раю ёнъ сядзиць!
Зявесъ на печы повярнуўся,—
Ажъ затраслася ўся гара,
Зяўнуў ёнъ разъ да поцягнуўся
И кажиць: ѣсць уже пара.
Тогды проворна дзѣўка Геба
Давацъ да столу пачала:
Якъ жорны три булки хлѣба
Прынесла, дай бразь сяродъ стала.
На гаспадыню ў неба ўзята
И ѣсць и пиць багамъ варыць;
Ня бойсь! ня дарамъ яе плата:
Чижъ легко столькихъ накармиць?!
Якъ са ўсяго сабрались неба
Баги, пасѣли ўкругъ стала,
Тагды патравы зъ печы Геба
Давацъ да столу пачала.
Ўперадъ паставили капусту,
Патомъ са шкварками кулешъ,
На малаццѣ крупеню густу -
Даюць ў волю, толька ѣшь,—
Изъ пастаялки сыръ студзёны,
А зъ каши масло такъ цякло!
Да и гусяцины пячонай
Ў волю ўсимъ багамъ было.

А якъ унясли на столъ каўбасы.
Блины аўсяны ў рашацѣ,—
Ажъ слинка нацякла ў Тараса
И забурчала ў живацѣ!
Баги гарелку пиць начали,
Налиўку проста такъ и льюць:
Падпиўши пѣсни заспѣвали.—
Такъ, якъ ў карчмѣ пяюць.
Бахъ зпьяна пѣў припѣўки
И веў гутарки такія,
Што ажъ саромилися дзѣўки,
А зъ ими й бабы старыя.
Да й Зевесъ якъ насцябаўся,
Такъ носамъ чуць зямли ня рыў,
Якъ жыдъ надъ библяю киваўся
И брыдки рэчи гаварыў.
Тагды зъ-за столу ўстали,
Якъ ўсе паѣли—папили,
И той часъ музыки зайграли:
Багини скакаць почали.
Ўзяўши хустачку, Вянера
Пашла мяцелицу гуляць,—
Прыгожа, стройна чэразъ мѣру,
Што ажъ ня можна и сказаць!
Бѣла, тоўста, круглалица,
А вочы, бачъ, на калесахъ;
Якъ жаръ гарыць яе спадница
И чырвона ўстужка на косахъ.
Няптунъ съ пригоженькой Наядой
Пашоў ўпрысядки казака,—
Нябось й у стараго дзѣда
Зайграла кроў, якъ у дзяцюка!
А вось и самъ Юпицеръ зъ Вестай
Пусьциўся, стары хрэнъ, ў плясъ
И якъ жанихъ пярадъ нявѣстай
Заткнуў ёнъ руки за свой пасъ!
Хоць тутъ и ня маё ужъ дзѣла,
Ня слѣдъ мнѣ, можа, и казаць,—
Любиў ёнъ вельми грэшнэ тѣло,
И часамъ лоўко падгуляць...
Даляй Марсъ ў новыхъ ботахъ,

Каторыхъ, мусиць, не жалѣў,
Бо зъ нимхами скакаў ў потахъ,
Играў ў жмурки и шалѣў.
И кажны богъ такъ разгуляўся,—
Ня могъ галенокъ удзяржаць!
А хто празъ мѣру наскакаўся,
Таго падъ лаўки клали спаць.
Якъ заиграў дударъ скакуху,
То и Тарасъ ня выцярпѣў:
Изъ-за прыполку, што есць духу,
Гуляць па хацѣ паляцѣў.
Якъ стаў прытаптываць атопамъ.—
Ажъ рты разинули баги,
А ёнъ зъ размахамъ, то зъ пядскокамъ,
Якъ вехарь гониць ў круги!
Глядзѣў Юпицеръ да дзивиўся
И подъ дуду ў ладони даў,
Патомъ къ Тарасу приблизиўся
И ласкава его спытаў:
— А ты аткуличка, прыяцель?
Што жъ ты забраўся на Парнасъ?
Хто ты таки? може писацель?
— Не, мой паночку, я Тарасъ!
Я лясничы съ Пуцявищи,
Толька сегоння зъ двара.
Я заблудиўся на то игрыща,
А, бачъ, дамоў уже пара!
Чы ня была бъ паночекъ, ласка,
Мне ў дворъ атсюль завесць?
Хадзиўши па гары Парнаской,
Мне вельми захацѣлась ѣсць.
Киўнуў Зявесъ, и заразъ Геба
Крупени мису налила
И добрую краюху хлѣба,
Сказавши „ѣшь“, мнѣ падала.
Тагды я крупняку подъѣўшы,
Хацѣў ици да дому самъ,
Ажъ тутъ зафиры подхвацили,—
Хто за руку, хто за поясъ,
И, мерамъ, силой потащыли
Яны мене празъ ўвесь Парнасъ.

И такъ мене ўсе цягнули,
Якбы хто гнаў ихъ ў каршень,
Зъ гары мнѣ звёўши, подпихнули
Падъ нѣки гнилы вось пляцень.
Паслухаў я—таки дмець вѣцяръ,
Што ажъ киваяцца весь лѣсъ.
Гляджу,—ажъ поздна—уже вечаръ,
И мѣсяцъ на неба ўзлѣзъ...
Съ тыхъ поръ Тарасъ уже ня ходзиць
Такъ рано лѣсу пильнаваць,
А празъ тое и ня шкодзиць
Людзямъ дрова выкрадаць...
Такъ отъ што бачиў нашъ Тарасъ,
Ўлѣзшы на гару Парнасъ.
Енъ мнѣ тое разсказаў,
А я ў ксенжку записаў.

Чародѣйство въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XVII—XVIII вв.[1]

Историко-этнографическій этюдъ.

Чародѣйство—одинъ изъ весьма интересныхъ вопросовъ какъ исторической, такъ и современной этнографіи; это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми тѣсно связывается развитіе культуры народа. Однако, на русской почвѣ онъ не подвергался еще всестороннему разсмотрѣнію, особенно въ его историческомъ развитіи. Наука наша имѣетъ до сихъ поръ лишь небольшія изслѣдованія о чародѣйствѣ въ юго-западномъ краѣ и Великороссіи; относительно историческаго развитія колдовства въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, насколько намъ извѣстно, пока ничего не сдѣлано [2]). Поэтому мы воспользовавшись изданными уже матеріалами о колдовствѣ, заключающимися въ судебныхъ процессахъ, желали бы по возможности пополнить этотъ существенный пробѣлъ нашей исторической этнографіи. Замѣтимъ что количественная незначительность имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала не позволяетъ намъ сдѣлать, съ одной стороны, болѣе широкихъ обобщеній; небольшое количество и неточность матеріала о суевѣріяхъ современныхъ бѣлоруссовъ и литовцевъ, съ другой стороны, не даетъ намъ возможности сдѣлать интересныя сопоставленія съ состояніемъ этихъ воззрѣній въ настоящее время, указать на ихъ переживанія среди современныхъ намъ поколѣній. Предоставляя себѣ сдѣлать то и другое, когда матеріалы нашей этнографіи дадутъ возможность къ такимъ сопоставленіямъ, мы ограничиваемся въ настоящемъ нашемъ очеркѣ исключительно данными, заключающимися въ судебныхъ процессахъ XVII и начала XVIII вв.

---

[1]) Напеч. въ „Этногр. Обозр.“ 1890 г

[2]) Къ литературѣ вопроса см. *В. Б. Антоновича*: „Колдовство. Документы, процессы, изслѣдованіе“. СПБ. 1887 (изд. И. Р. Геогр. Общ.). *Н. Ѳ. Сумцова*: „Очеркъ исторіи колдовства въ Зап. Европѣ“, Харьковъ. 1878.—Нѣсколько замѣтокъ въ *Кіевской Старинѣ*.—*Soldan's* Geschichte der Hexenprozesse, neubeard. von. dr. *Heinr. Heppe*. 2 тома. Штутгартъ, 1880, и др.

I.

Область неизвѣстнаго, таящагося за предѣлами знаній человѣка, стоящаго на низкой ступени развитія культуры, представляется ему чѣмъ то таинственнымъ, страннымъ, неизвѣданнымъ; онъ боится этого невѣдомаго ему міра, но въ то же время благоговѣетъ передъ нимъ, хотя и называетъ тайную силу нечистою. Человѣкъ даже не сознаетъ, что именно вселяетъ въ него страхъ, каковы проявленія этой невѣдомой, таинственной силы, въ какой мѣрѣ его жизнь зависитъ отъ нея. Эта нечистая сила представляется ему чѣмъ-то страшнымъ, подавляющимъ, чѣмъ-то такимъ, съ чѣмъ очень трудно бороться его темному уму. Но эта сила можетъ вредить или приносить пользу во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, которыхъ онъ самъ объяснить не можетъ: внезапная, повидимому безпричинная смерть или болѣзнь кого-нибудь, пожаръ, падежъ скота, какое-либо непонятное для него физическое явленіе и т. п.—приписываются проявленію этой силы.

Выразителемъ нечистой таинственной силы на землѣ служатъ нѣкоторые люди, предъизбранные ею, или же добровольные служители ея. Они настолько же страшны, какъ и самая сила, потому что послѣдняя находится въ ихъ распоряженіи, подвластна имъ, служитъ послушнымъ орудіемъ для нанесенія вреда ближнему въ рукахъ тѣхъ, кто умѣетъ обращаться съ нею. Простой смертный не знаетъ, какіе люди именно сносятся съ этой таинственной силой, какими средствами и съ какими цѣлями они это дѣлаютъ; но онъ глубоко увѣренъ, что такіе люди есть, старается разгадать, кто изъ окружающихъ его принадлежитъ къ нимъ, чтобы во время остеречься. Малѣйшій поводъ служитъ уже для подтвержденія опасеній человѣка. Но въ большинствѣ случаевъ даже и этого повода не представляется: человѣкъ замѣчаетъ только какое-либо явленіе, оказывающееся, по его мнѣнію, слѣдствіемъ чародѣйства, и отсюда уже восходитъ къ предполагаемому виновнику его и къ тѣмъ дѣйствіямъ или словамъ послѣдняго, непонятнымъ и загадочнымъ для него, которыя вызвали, по его убѣжденію, самое явленіе.

Въ виду высказанныхъ соображеній объ отношеніи къ личности служителей чародѣйственной силы, мы въ большинствѣ процессовъ находимъ лишь неопредѣленныя заявленія о томъ или другомъ лицѣ, что оно *чаруетъ*, при чемъ смыслъ этому понятію дается весьма обширный. Такъ, въ одномъ процессѣ встрѣчаемъ заявленіе мужа объ очарованіи подсудимою жены его [1]; въ другомъ обвиняютъ въ очарованіи дома [2], въ очарованіи самого жалующагося и его дома [3], наконецъ, въ очарованіи маршала ли-

[1] Археографич. Сборникъ Виленской Археограф. Комм. Т. III, 101.

[2] Ibidem.

[3] Wspomnienia Żmudzi, Jucewicza, 203. (Вильно 1842), Процессы о чародѣйствѣ помѣщены въ приложеніи.

товскаго Сапѣги [1]) и т. д. Нерѣдко можно встрѣтить и такое обвиненіе, что тотъ или другой былъ очарованъ въ домѣ обвиняемой [2]).

Такое неясное понятіе объ очарованіи, въ другихъ случаяхъ сопровождается болѣе опредѣленными указаніями на то или другое лицо, что оно обладаетъ свойствомъ очаровывать, что тотъ или другой—чаровникъ, ворожбитъ [3]), или „давный чаровникъ и ворожбитъ", а объ одномъ чародѣѣ Кузьмѣ говорится даже, что онъ знакомъ съ этимъ дѣломъ съ 18-лѣтняго возраста [4]).

Изъ хода дѣлъ мы узнаемъ, что чародѣи не обладали всѣ одинаковою силою и знаніемъ, но что между ними были болѣе знающіе и менѣе знающіе, старшіе и младшіе. Такъ, одна привлеченная къ дѣлу указывала на крестьянъ Давида Пусця и Кузьму, что они „оба старшіе надъ нами, лучше умѣютъ чаровать, управляютъ нами, чаруя, что сами захотятъ, и намъ позволяютъ" [5]); на другую было указано, что она считается „старшею, умѣетъ чаровать людей, хлѣба, скотъ и вообще, что захочетъ" [6]). Изъ одного акта мы узнаемъ, что чародѣйству нужно было учиться тѣмъ, которые хотѣли имъ пользоваться [7]). При этомъ надо замѣтить, что послѣднія показанія приведены со словъ лицъ, обвиняемыхъ въ чародѣйствѣ; трудно сказать, говорилось ли это ими вслѣдствіе искренняго убѣжденія въ томъ, что такіе факты существуютъ, или же съ цѣлью оговорить то или другое лицо и, такимъ образомъ, свалить хоть отчасти вину на другого. Какъ увидимъ ниже, изъ показаній обвиняемыхъ можно извлечь еще болѣе интересныя подробности, какъ о личности самихъ чародѣевъ, ихъ свойствахъ, такъ и о сущности самаго чародѣйства. Одно только намъ кажется несомнѣннымъ, что передаваемые обвиняемыми и свидѣтелями факты, независимо отъ того съ какою цѣлью они передавались въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, служатъ къ опредѣленію того, какія понятія циркулировали въ обществѣ о чародѣйственной силѣ, ея средствахъ и людяхъ служащихъ ей.

Поводомъ къ обвиненію служили не только одни неопредѣленныя указанія на то, что извѣстное лицо чаруетъ, что онъ чародѣй, ворожбитъ. Часто какое-либо неосторожное слово со стороны подозрѣваемаго, непонятное или загадочное для свидѣтеля, какой-нибудь непонятный случай служитъ для подтвержденія обвиненія и дѣлался поводомъ привлеченія къ судебной отвѣтственности. Это отношеніе современнаго общества весьма ин-

1) Археограф. Сб Т. Ш. 99, 115, 151, 166 и passim.

2) *Jucewicz*, 203, 204.

3) Ibidem, 206 208, 209. Арх. Сб., Т. Ш, 135, 144.

4) *Jucewicz*, 209.

5) Ibidem, 208.

6) Ibidem, 209.

7) Ibidem, 182.

тересно и характерно. Иногда достаточно было одного только подозрѣнія для привлеченія къ суду. Такъ, настоятель одного монастыря заявилъ суду, что, „по нѣкоторымъ доказательствамъ и слухамъ, подозрѣваютъ въ чародѣйствѣ Кумцевичеву"; чародѣйство ея, по его увѣренію, „наноситъ большой вредъ монастырю, и дай Богъ, чтобы оно было искоренено" [1]). Въ другой разъ былъ признанъ подозрительнымъ и приведенъ свидѣтельницею въ доказательство слѣдующій разговоръ ея съ чародѣемъ-мужикомъ Карпомъ. Когда она, Ференсова, была заручена и переливала медъ къ свадьбѣ, Карпъ просилъ ее дать напиться меду; Ференсова отказала; тогда Карпъ сказалъ: „не даешь теперь, але (но) будешь давать потомъ, але я не буду хотѣть" [2]). Могилевскій мѣщанинъ Харько рѣшился обвинять въ колдовствѣ служившую у него женщину Орину единственно по тѣмъ признакамъ, что въ домѣ онъ замѣтилъ „шкоды" (убытки), начались недоразумѣнія съ женой, „зепсованье" (порча) дѣтей (сынъ только на восьмомъ году началъ говорить), наконецъ по нѣкоторымъ (безъ указанія какимъ) заявленіямъ своего шурина, дѣтей и сосѣдей [3]). Вообще указаніе на „шкоды" приводится часто для подтвержденія обвиненія. Въ одномъ процессѣ свидѣтельница показала, что, она перебираясь въ качествѣ слуги въ домъ, въ которомъ служила пастушкой обвиняемая, прежде чѣмъ войти въ новое свое помѣщеніе, впустила туда для предосторожности курицу, и та на другой день издохла. Та же свидѣтельница разсказывала, что замѣтила у обвиняемой мѣшокъ, прилѣпленный къ стѣнѣ воскомъ; на ея вопросъ о назначеніи мѣшка, дочь пастушки отвѣтила, что мать ея дѣлала въ немъ сыръ [4]).

Нравственныя качества лицъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, также принимались во вниманіе. Такъ извѣстенъ случай, когда свидѣтели ставили въ упрекъ женѣ крестьянина Убы, обвиняемой въ чародѣйствѣ, и то, что по ея винѣ происходили „неспокойства" въ сосѣдствѣ, что она женщина неспокойная, сварливая, злая, съ каждымъ ссорится, что сынъ ея замѣченъ былъ въ кражѣ и что она сама раньше обвинялась въ воровствѣ и чародѣйствѣ [5]); въ подтвержденіе обвиненія одной приводилось, что она „умѣетъ чаровать, мужа своего отравила и жила съ паробкомъ" [6]). Иногда даже дѣлались упреки въ томъ, что чародѣи отступали отъ Бога [7]).

---

[1]) Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ Витеб. и Могилев. губ., изд. подъ ред. Созонова, т. VI, 249.

[2]) Арх. Сб. т. III, 145.

[3]) Ист.-юр. мат., изд. подъ ред. Созонова, т. IX (1878), стр. 292—3.

[4]) Акты изд. Вил. Археологр. Ком. т. X, 284.

[5]) *Jucewicz*, 190, 191, 188.

[6]) Ibidem, 209.

[7]) Ibidem, 164.

Въ иныхъ случаяхъ придавалось особенное значеніе угрозамъ, „похвалкамъ“ подозрѣваемыхъ лицъ, какъ мы уже указали вскользъ. Такъ, относительно упомянутой жены Убы свидѣтели показывали, что она похвалялась такими словами: „скоро вы трое плакать будете, и мѣста вашихъ домовъ пусты будутъ“. Вскорѣ послѣ этого дѣйствительно сгорѣли дома свидѣтелей [1]). Въ другой разъ та-же подсудимая ходила по улицѣ обнаженная до пояса, говоря: „какъ я голая хожу, такъ и вы будете голы“ [2]). Та же самая подсудимая похвалялась одному, что онъ ослѣпнетъ, что и случилось [3]). Цѣлый процессъ былъ возбужденъ почти исключительно по поводу слѣдующихъ словъ, сказанныхъ подсудимой: „если меня удалятъ изъ этого дома, то съ нимъ случится то-же самое, что случилось въ домѣ сапожника, прогнавшаго меня изъ костела“ [4]). Не разъ подобныя „похвалки“ служили причиною возбужденія процесса. Еврей Гошко Ескевичъ обвинялъ крестьянина Юрка Войтюлевича въ чародѣйствѣ по слѣдующимъ даннымъ: Юрко съ пріятелемъ пили въ корчмѣ Гошки водку, и когда вошелъ со двора хозяинъ, Юрко пошелъ къ нему навстрѣчу съ чаркой водки „съ приправою чародѣйскою“, по мнѣнію Гошки, предлагая ее выпить; но Гошко, „будучи престрогою (предостереженіемъ) Божою упомненный, абы оного напитку не уживалъ, страхомъ великимъ зиятый, же (такъ что) яко сердце, такъ наветъ (даже) и руки тресть се почали, же ажъ горѣлка съ тое шкленицы проливати ся почала“—отказался выпить, потому что „поголоска“ на него ходила, будто онъ „чарами своими шкодить“. Юрко началъ драться съ Гошкой, но его увели сосѣди. Вскорѣ послѣ этого заболѣлъ ребенокъ Гошки: „панъ Гошко Ескевичъ меновалъ,—говоритъ слѣдствіе,—же (что) такая хороба иначей се не могла стать тому дитяти его только съ чарованья Юрка“ [5]). Въ дѣлѣ Василія Брикуна свидѣтель привелъ цѣлый рядъ „похвалокъ“ его, причинившихъ имъ болѣзни [6]).

Иногда самое пустое обстоятельство обращало на себя вниманіе и приписывалось таинственному дѣйствію чаръ. Такъ одинъ возный стерегъ взятую подъ стражу попадью; онъ началъ съ товарищемъ играть въ кости, и въ это время три бѣлыхъ капли, какъ молоко, упали съ потолка около его руки. Это онъ приписалъ дѣйствію находившейся у него подъ стражей чаровницы [7]).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами различныхъ внѣшнихъ проявленій ча-

1) Ibidem, 189.
2) Ibidem, 190.
3) Ibidem, 191.
4) Акты Вил. Арх. Ком. т. X, 282.
5) Арх. Сб. Вил. Арх. Ком. I, 295—6.
6) Ibid., 338 и сл.
7) Арх. Сб., т. III, 109.

родѣйства, какія считались въ обществѣ достаточными для признанія того или другого лица причастнымъ колдовству, изъ процессовъ раскрывается не мало еще новыхъ свойствъ чаровниковъ. Эти свойства составляли тайну лицъ, посвященныхъ въ тайны чародѣйства, хотя неясныя понятія о нихъ циркулировали въ современномъ обществѣ. Намекъ на такія интимныя свойства чародѣевъ мы уже видѣли въ показаніяхъ о ихъ старшинствѣ. Однако имѣющіеся у насъ подъ рукою матеріалы даютъ возможность сообщить еще нѣкотерыя подробности.

Прежде всего мы узнаемъ, что вѣдьмы отличались свойствомъ *летать*, при чемъ летали ночью, обыкновенно въ ночь наканунѣ Иванова дня, сопровождая свои полеты метаніемъ искръ. Такъ одна обвиняемая указала, что Шлопакова и дочь ея Магдалена обѣ умѣютъ чаровать и летали на гору Шатрію съ искрами въ ночь передъ св. Яномъ [1]). Относительно одной подсудимой было заявлено, что она по ночамъ черезъ крышу выносила изъ амбара хлѣбъ, какъ *лятавица* [2]). Интересно, что то-же передаетъ подсудимая про свою подругу, не отпираясь отъ сообщества съ ней. Еще одна подсудимая, по указанію свидѣтельницы, научилась чарамъ отъ своей матери, которая „летущая вѣдьма, чаровница была“ [3]). Чародѣй Кузьма также научился отъ своей матери, которая летала „съ огнистыми искрами“ [4]). Сами подсудимыя иногда признавались, что онѣ дѣйствительно летали. Такъ, одна указывала, что летала съ Шлопаковой и дочерью ея Магдаленой на г. Шатрію предъ св. Яномъ [5]). Очень интересный разсказъ находимъ о такихъ летаніяхъ въ показаніяхъ другой подсудимой; она разсказываетъ, что когда соседка ея, сваривъ ночью какую-то кашу, дала ей поѣсть ее, то она вмѣстѣ съ другими, обратившись въ сорокъ, полетѣли въ сосѣднюю деревню и здѣсь у дома Лукаша Двила въ пруду купались; между ними была одна изъ семейства Двила, еще двѣ ея знакомыхъ и около 30 незнакомыхъ женщинъ. Онѣ имѣли своего начальника ,,нѣмца кудлатаго“, котораго звали Павломъ. Изъ пруда онѣ отправились въ ,,комору“ (чуланъ) Двила и тамъ ,,раду имѣли между собой“. Когда запѣлъ пѣтухъ, онѣ снова очутились въ своей деревнѣ, за милю отъ пруда [6]).

Нѣкоторымъ вѣдьмамъ сами же подсудимыя приписывали необыкновенную силу. Такъ, про одну попадью одна привлеченная по тому же дѣлу говорила, что „попадья половицою свѣта тресеть“ [7]).

---

1) *Jucewicz*, 205.

2) Ibidem, 183.—„Лятавецъ“—летающій змѣй, духъ. Отсюда женское имя „лятавица“.

3) Арх. Сб. Ш, 146.

4) *Jucewicz*, 209

5) *Jucew.*, 208.

6) Ibidem, 182.

7) Арх. Сб. Ш, 100, 150.

Мало того: было убѣжденіе, что у нѣкоторыхъ вѣдьмъ на тѣлѣ есть признаки ихъ принадлежности къ таковымъ. Такъ, неопровержимое доказательство виновности одной подсудимой, Люціи Войцюлихи, судъ усмотрѣлъ въ томъ, что на тѣлѣ ея оказались „дьявольскія пятна, руки отъ плечъ и ноги отъ колѣнъ были сині, налитыя кровью, измученныя". Она признана была несомнѣнной вѣдьмой, совсѣмъ „опанованной" дьяволомъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эти пятна остались на ней послѣ пытки [1]).

О сношеніяхъ съ дьяволомъ встрѣчается указаніе только въ одномъ процессѣ Маріанны Косцюковой. На пыткѣ она дала противъ себя такія интересныя и характерныя показанія, что мы приведемъ ихъ почти цѣликомъ. 1) Она показывала, что собравшись на рынкѣ въ Тыкшлевичахъ, полетѣла она вмѣстѣ съ Шимоновой, Савковой, Гончаровой и Сугавдзіовой, которая ихъ помазала чѣмъ-то подъ пахами, приведя съ собой еще какую-то женщину изъ сосѣдней деревни. Всѣ онѣ прилетѣли на Шатрію, гдѣ увидѣли много народу. Старшей между всѣми была Сугавдзіова. 2) Созналась, что видѣла на Шатріи *пана* (дьявола) въ нѣмецкой одеждѣ, въ шляпѣ, прогуливающагося съ палочкой. Тамъ танцовали, при чемъ на скрипкѣ игралъ *рогатый*; самъ панъ и его дѣти тоже рогаты. Панъ танцовалъ прежде съ Савковой, потомъ съ Гончаровой, Костюшковной и другими per consequens. Хромая Михалова Москалева не танцовала; она у Гончаровны недавно изучила „wszystkie wszechmocnosci" (всякое всемогущество, тайную силу). Веселились не долго, потому что боялись, чтобы пѣніе пѣтуховъ не застало ихъ. Прилетѣвъ въ мѣстечко, онѣ разошлись. Летѣли выше лѣсовъ самыхъ высокихъ. 3) На Шатріи ни одного зданія нѣтъ. 4) Видѣла, что панъ пришелъ съ палкой въ шляпѣ и, кивнувши на нее головой, ушелъ назадъ. 5) Созналась, что отреклась отъ Бога. 6) Что ее самое мучилъ злой духъ, но Павлюкова, ея госпожа, начала окуривать ее „зельемъ" освященнымъ и водой, и онъ пересталъ безпокоить. 7) Что крестилась дьявольской рукой и ногой, которыя онъ ей подавалъ, когда нужно было [2]).

Конечно, такія показанія могли очень естественно сорваться съ языка подъ пыткой у человѣка, отчаявшагося уже въ спасеніи, или у человѣка съ разстроенными умственными способностями. Но для насъ, съ этнографической точки зрѣнія, эти демонологическія представленія, носящія въ себѣ несомнѣнно продуктъ общественнаго мнѣнія, весьма интересны. Дѣло Косцюковой только одно изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ богато такими подробностями. Въ другихъ процессахъ мы вовсе не встрѣчаемъ указаній на сношеніе съ дьяволомъ. Мы нашли только два заговора, съ содержаніемъ

---

[1]) *Jucewicz*, 18+.

[2]) *Jucewicz*, 77–9.

которыхъ познакомимъ читателей впослѣдствіи, въ которыхъ упоминается имя дьявола.

Итакъ мы разсмотрѣли тѣ признаки, по которымъ общественное мнѣніе празнавало чаровникомъ то или другое лицо, и нѣкоторыя изъ свойствъ чародѣевъ, которыя приписывались имъ. Но какъ мы видѣли, понятія о чарахъ были весьма неопредѣленны; разсказы о ихъ свойствахъ, принадлежащіе также привлеченнымъ къ суду лицамъ, отличаются тѣмъ же свойствомъ, и хотя они циркулировали въ обществѣ, но, конечно, провѣрить ихъ никто не могъ. Гораздо важнѣе для общества были результаты колдовства, его цѣли и средства. Эти послѣднія стороны были виднѣе для массы, ближе стояли къ ней, такъ какъ всѣ необъяснимыя явленія она старалась свалить на дѣйствія колдовства, на проявленія невѣдомой, но страшной, таинственной, злой силы. Поэтому мы находимъ въ процессахъ немало указаній, отличающихся точностью и опредѣленностью, на какія именно стороны человѣческой жизни обращало колдовство свое губительное дѣйствіе.

По отношенію къ людямъ чародѣйство могло имѣть прежде всего значеніе для ихъ здоровья. Такъ могилевскій мѣщанинъ Харько обвинялъ служанку свою, что она „похвалку чинила" въ томъ, что повредитъ его здоровью и что его хозяйство будетъ „псоваться", т.-е. приходить въ упадокъ [1]). Одна обвиняемая призналась, что по просьбѣ своей внучки она чаровала на болѣзнь одну женщину, но не на смерть [2]). Цѣлое дѣло было возбуждено по подозрѣнію въ томъ, что попадья Громыкина вмѣстѣ съ другими хотѣла чарами повредить здоровью маршалка литовскаго Сапѣги. Одна обвиняемая въ чародѣйствѣ утверждала, что умѣетъ „малыя дѣти покурить, а тескницу (тоску) отходитъ" [3]), предлагая свои услуги вылѣчить маршала отъ „тескницы". Далѣе посредствомъ чародѣйства можно было „дѣткамъ малымъ умовлять уразы (заговаривать поврежденія) и иншые дефекты дѣтей малыхъ" [4]). Вообще, заговаривать, „умовлять" можно было и другія болѣзни людей: „матицы, уразы, руптуры (переломы), въ костяхъ болѣнья и иншихъ припадковъ подобныхъ" [5]). Такимъ образомъ мы видимъ, что чародѣйство не только приносило людямъ болѣзни, но и наоборотъ: посредствомъ чаръ можно было продлить жизнь, что обѣщала маршалку Сапѣгѣ одна подсудимая, привлеченная по этому дѣлу, говоря, что она можетъ вылѣчить также отъ „тескницы" что она вылѣчила отъ нея Офанасовичеву, у которой болѣзнь эта выражалась тѣмъ, что та смотрѣла въ стѣну и ковыряла по стѣнамъ, говоря, что тамъ показалось что-то недоб-

---

1) Истор.-юрид. Мат. Созонова, т.
2) Арх. Сб. т. III, 101.
3) Ibidem.
4) Ibidem, стр. 125.
5) Арх. Сб. т. III, 145—146.

рое [1]). Чарами можно было прекратить безсонницу [2]). Чары были весьма сильнымъ орудіемъ для причиненія болѣзней людямъ. Если вообще чарами можно было вредить здоровью людей, каковое указаніе мы встрѣчаемъ неоднократно [3]), то въ частности встрѣчаются указанія на то, что отъ чаръ человѣкъ лишался разсудка [4]), терялъ зрѣніе и т. п. [5]).

Чародѣйство могло не только вредить здоровью, но и причиняло смерть. Такъ, нѣкая Двилова обвинялась въ томъ, что она отравила жену истца чарами и сына его погубила чародѣйствомъ [6]). Другой случай разсказывается такъ: чародѣй Кузьма подалъ въ руки женѣ жалобщика кусокъ мяса, отчего она изсохла и умерла [7]). Наконецъ, чародѣй могъ заговорить ребенка до рожденія, такъ что онъ рождался мертвымъ [8]), и т. п.

Вліянію чаръ были подвластны и отношенія людей между собою. Такъ, можно было очаровать, чтобы господинъ былъ благосклоненъ къ своему подчиненному [9]), чтобы передалъ ему управленіе всѣмъ имуществомъ. Извѣстно очарованіе въ томъ смыслѣ чтобы очарованный по смерти своей жены женился на сестрѣ обвиняемой [10]). Практиковалось также привораживаніе парней къ дѣвушкамъ [11]). Интересенъ одинъ разсказъ объ участіи чародѣйства въ отношеніяхъ мужа къ женѣ. Служанка пани Офанасовичевой разсказала, что пріятельница ея, госпожа Ференсова, по выходѣ замужъ жила шесть недѣль съ мужемъ „nie maiąc spółku“. Тогда Офанасовичева посовѣтовала обратиться къ чародѣю Карпу, извѣстному во всей околицѣ. Тотъ пришелъ къ Ференсовой и только laszczką (łaską) uderził po biodrach samę Ferensową y kazał iść iey do męża. I na tych miast mieli z sobą społecznosć y do łożka niedopuściwszy“ [12]).

Кромѣ силы надъ людьми, чародѣйство имѣло вредное или полезное вліяніе на хозяйство, распространяя свою силу даже на внѣшнюю природу. Такъ какъ процессы касались попреимуществу крестьянской среды, то естественно, мы и находимъ наиболѣе указаній на дѣйствіе чаръ въ кругу понятій и предметовъ этой среды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно встрѣтить указанія на то, что чарамъ придавалось весьма огромное значеніе въ хо-

---

1) Ibidem, 100.
2) *Jucewicz*, 205 и др.
3) Ibidem, 205.
4) Ibidem, 190, 38. 185.
5) Ibidem, 185.
6) Ibidem.
7) Ibidem, 204.
8) Арх. Сб., III, 100
9) Ibibem, 165.
10) Ibidem, 205.
11) Акты Вил. Ком. VI, 511.
12) Арх. Сб. III, 145.

зяйствѣ. Такъ объ одной чародѣйкѣ, считавшейся старшей, сказано, что она „умѣетъ чаровать людей, хлѣбъ, скотъ и *что за хочетъ*" [1]). Другая учила заклинать, чтобы пропадалъ скотъ и люди и дождя не было" [2]). Одинъ чародѣй могъ чаровать на „лѣса, воды, людей, скотъ и на что захочетъ" [3]). Андруль Тувкшайца чаровалъ „людей, хлѣбъ, скотъ" [4]). Тѣми же свойствами отличалась нѣкая Катерина Ринкевичовна, чаровавшая людей, лѣса, хлѣбъ и воду [5]). Другая чародѣйка очаровала домъ жалобщика такъ, что скотъ его палъ, хлѣбъ погибъ и заболѣло дитя [6]). Таковы общія цѣли чародѣйства по отношенію къ предметамъ хозяйства. Но встрѣчается не мало указаній на частные случаи примѣненія его. Такъ, напримѣръ, послѣ доенья коровъ истца чародѣйкой, онѣ начали давать мало молока, болѣть и падать [7]) и т. п. Стоило только обладающему чарами пожелать, чтобы случился какой-либо уронъ въ хозяйствѣ, и это могло сбыться. Такъ, упомянутая уже не разъ жена Убы сказала свидѣтелю Якову Янайтису: „твои коровы, которыя сынъ мой пасъ, всѣ погибнутъ",—послѣ чего двѣ коровы пали [8]). Отъ пожеланія другой палъ весь скотъ въ домѣ [9]). На Сугавдзіову свидѣтели показали слѣдующее: свидѣтель не ссудилъ ей лошади въ дорогу; она сказала: „не долго ты будешь ѣздить на ней"; на третій день лошадь издохла [10]). Отъ „похвалки" другой погибли свиньи свидѣтельницы [11]).

Впрочемъ, какъ и относительно людей, чародѣйство могло приносить и пользу хозяйству. Такъ, одна обвиняемая сознавалась, что знаетъ лѣкарства, которыя даются очарованному скоту [12]). Другая чаровала коровъ „на молоко и телята", т.-е. чтобы онѣ давали больше молока и ежегодно телились [13]). Одинъ чародѣй повѣсилъ въ полѣ на сухомъ деревѣ „jelita kole", чтобы плодились кони крѣпкіе къ работѣ [14]). Одна вѣдьма хвалилась: „я доила одну только корову, а продала полтора ведра масла и еще себѣ оставила, сыръ продала и нищимъ давала, а у васъ нѣтъ молока" [15]).

---

1) *Jucewicz*, 209.
2) Ibidem, 208.
3) Ibidem, 209.
4) Ibidem, 209.
5) Ibidem, 207.
6) Ibidem, 184.
7) Ibidem, 75.
8) Ibidem, 189.
9) Ibidem, 190.
10) Ibidem, 75.
11) Ibidem, 74.
12) Ibidem, 78.
13) Ibidem. 74.
14) Ibidem, 188
15) Ibidem, 74.

Кромѣ вліянія чародѣйства на судьбу человѣка, на его благосостояніе обладателямъ тайнаго чарованія приписывалось еще большее значеніе, хотя указаній на это мы находимъ немного. Мы уже приводили мѣста, въ которыхъ говорилось, что чародѣй могъ чаровать лѣса и воду. Въ процессахъ сохранилось еще нѣсколько указаній на то, что вообще дѣйствію чаръ подвержены были и другія стихіи и явленія природы. Чародѣй могъ повелѣвать тучами. Такъ, Андрей Гломуйтисъ далъ показаніе, что дочь Убы, Софія, замѣтивъ, что небо покрылось тучами и собирался дождь, сняла съ себя сермягу, повернула ее—и тучи тотчасъ разошлись [1]). Петрова Ласыкова, чтобы остановить дождь, вѣшала на дворѣ котелокъ на рукояткѣ топора, который вбивала въ стѣну; отъ этого тучи расходились [2]). Затѣмъ находимъ указаніе на то, что чародѣямъ повиновался огонь. Такъ, слуга Сапѣги, въ дѣлѣ попадьи Громыкиной, показалъ, что три раскаленные угля, вылетѣвшіе изъ трубы, упали: одинъ на избу, съ которой перелетѣлъ на другую избу и воткнулся въ балку, а другой вблизи воротъ [3]). Вслѣдствіе чаръ жены Убы сгорѣло въ селѣ три дома [4]); она же увѣряла одного крестьянина, что во время пожара огонь не коснется его хаты, потому что онъ человѣкъ добрый [5]).

Указанныхъ цѣлей чародѣйство достигало только съ помощью какихъ-либо средствъ, имѣвшихъ таинственное значеніе, дѣйствій или словъ. Имѣющіяся въ процессахъ данныя представляютъ довольно богатый источникъ для опредѣленія такихъ способовъ чарованія. Такъ, чаровать можно было: посредствомъ заговора, взгляда, какихъ-либо особыхъ таинственныхъ дѣйствій, предметовъ, напитковъ и наконецъ „зелья“, т. е. различныхъ травъ. „зельемъ, питьемъ, альбо подлитьемъ, шептаньемъ“, какъ выражались въ актахъ [6]).

Относительно чарованія исключительно заговоромъ или взглядомъ указаній встрѣчается весьма немного. Попадья Громыкина заговорила дитя, чтобы оно родилось мертвымъ [7]); она же показала, что „дѣткамъ зась малымъ умовляють уразы и иншые дефекты дѣтей малыхъ“ [8]).

Одна чаровница чаровала скотъ „взглядомъ и ласканьемъ“ [9]), другая только взглядомъ [10]). Хотя заговору и взгляду приписывалось особое таин-

1) Ibidem, 191.
2) Ibidem, 129.
3) Арх. Сб., т. III, 109, 101, 100.
4) *Jucewicz*, 189.
5) Ibidem, 191.
6) Арх. Сб. III, 122.
7) Арх. Сб. III, 100.
8) Арх. Сб. III, 125.
9) *Jucewicz*, 205.
10) Ibid., 208, 207.

ственно значеніе, однако заговоръ чаще соединялся съ какимъ либо магическимъ дѣйствіемъ. Указанія на послѣдній способъ чарованія особенно многочисленны. Это, быть можетъ, происходитъ и оттого, что свидѣтели и истцы скорѣе могли подмѣтить со стороны заподозрѣннаго лица какое-либо дѣйствіе, которое могло бы имъ показаться страннымъ, необъяснимымъ и опаснымъ, чѣмъ услышать заговоръ, подмѣтить особенный взглядъ и т. п.

Чтобы повредить здоровью людей, жена Убы употребляла, напр., такія дѣйствія. Она цѣлую недѣлю засушивала въ дыму новорожденнаго незаконнаго ребенка (nierzadnie splodzonego), затѣмъ погребла; спустя нѣкоторое время она его выкопала, вѣроятно, для того, чтобы доказать, что ребенокъ не былъ умерщвленъ ею (przyniosla na ukazanie); но когда ей приказано было отнести, она разсыпала эти кости въ огородѣ сосѣда своего Рудзя, послѣ чего вся семья сосѣда „не имѣли здоровья“ и даже скотъ ежегодно пропадалъ [1]). Сухіе дубовые листья втыкались въ углы дома и строеній, чтобы и въ домѣ все сохло [2]). Чародѣйка Гирніова вымыла въ ведрѣ ноги, вслѣдствіе чего издохли четыре лошади, пившія изъ того же ведра [3]). Выше мы видѣли, что коровы начали болѣть и издыхать отъ того, что чародѣйка ихъ выдоила [4]). Пряденіе шерсти съ произнесеніемъ заговора служило для очарованія скота и всего дома [5]). Для очарованія хлѣбовъ, употреблялось слѣдующее средство: изъ гарнца въ гарнецъ переливалась вода съ зельемъ, названіе котораго неизвѣстно, и потомъ этой водой окроплялись поля [6]). Наконецъ, съ цѣлью повредить хлѣбу на полѣ, часто практиковалось завиваніе „завитокъ“ [7]).

Всѣ указанныя таинственныя дѣйствія клонились ко вреду человѣка. Для принесенія пользы людямъ посредствомъ колдовства также были соотвѣтственныя дѣйствія. Такъ, не разъ упомянутый уже чародѣй Карпъ предложилъ такое средство противъ тоски: въ первомъ мѣсяцѣ нужно набрать въ новый гарнецъ, немного больше половины его, рѣчной воды, черпая ее внизъ по теченію, и стараться ни одной капли не пролить изъ этой воды; притомъ за водой нужно итти, ни съ кѣмъ не разговаривая по дорогѣ, такъ же нужно и возвращаться съ водой; въ этой водѣ нужно спарить зелье (вѣроятно dziewiędzdsiornik [8]) biały, каковое названіе написано въ заголовкѣ средства, хотя и въ самомъ текстѣ его и нѣтъ), залѣ-

---

1) Ibidem, 189.
2) Ibidem, 182.
3) Ibidem, 196—7.
4) Ibidem, 183.
5) Ibidem, 189.
6) Ibidem, 207.
7) Badania Archeologiczne, E. Tyszkiewicza, Wilno 1850, 37.
8) Въ другомъ актѣ по-русски: деветерникъ. Арх. Сб. III, 151.

пивъ горшокъ тѣстомъ, и этимъ снадобьемъ нужно умываться въ концѣ мѣсяцѣ (na zeisciy miesiąca) три раза въ недѣлю: въ среду утромъ, въ четвергъ вечеромъ и въ субботу предъ восходомъ солнца. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ все это продѣлывается съ другою травою—центуріею (centuria), а затѣмъ съ зельемъ, называемымъ „odtesknik", которое растетъ во ржи и на межахъ, сѣроватаго цвѣта (farby płowej [1]). Тотъ же Карпъ предложилъ для лѣченія различныхъ болѣзней еще нѣкоторые рецепты [2]).

Одна обвиняемая по дѣлу объ очарованіи маршалка Сапѣги, обѣщала, если ее выпустятъ, сдѣлать такъ, что маршалъ будетъ здоровъ, веселъ и скоро женится. При этомъ она предложила такой рецептъ. Когда Сапѣга пріѣдетъ, пусть возьметъ изъ гумна девять колосьевъ ржи и изъ каждаго по девяти зеренъ, потомъ взять девять хлѣбовъ и изъ каждаго вырѣзать сверху по куску. Все это намочить въ сосудѣ съ виномъ или пивомъ, и набрать въ другой сосудъ рѣчной воды, черпая противъ теченія; потомъ эти сосуды поставить въ банѣ, вынувши доски въ полу. Въ сосудъ долженъ стать Сапѣга и поливать самъ себя съ головы, или же поручить вѣрному человѣку. Послѣ обмыванія нужно пустить на воду эту смѣсь и хлѣбъ, выбравши только зерна, при чемъ 9 зеренъ нужно носить при себѣ, а остальныя воткнуть въ молодое плодовое дерево, замазавши воскомъ. Затѣмъ, когда Сапѣга будетъ куда-нибудь ѣхать, нужно положить булку хлѣба надъ воротами, въ которыя онъ проѣдетъ. Кусокъ этого хлѣба онъ долженъ носить всегда при себѣ, а остальной тщательно спрятать [3]). Встрѣ-

---

[1]) Арх. Сб. Ш, 167—8.

[2]) Мы приведемъ ихъ цѣликомъ въ подлинникѣ, потому что съ одной стороны они представляютъ большой интересъ, а съ другой потому, что языкъ, которымъ они переданы, не вездѣ понятенъ, и мы предоставляемъ каждому объяснять тѣ или другія выраженія по своему.

„Olow wylewać tak: wziandz wody, jako idzie, y mowicz: ia k tobie przyszedł z Naswietszam Pannam wody brać y natą wodę wyliewac udczu wsiakuiu chorobu y strachy y przepłocy krzonegt Jana jego głowy wsiakuiu chorobu poty beła, pokym ołowia nie wylewała, a coeper potym wilewaniu Naswietsza Panna niech będzie na pomoc, a ma to liadz razy 9, tho za każdym razem ołowiu z wodi wziącz y rosyrzacz do dziewiątego razu rozegrącz y na thę wodę lycz. Ty kłoczi od kłocz trzy dziewiec ostropes dac wypicz w occie, a mow nowi: Panna Naswięsza! umawiaiu osmdziesiąt w robi holowniow y pluczuiuu yzpleceniu y ktoru kołwiek kluciu wyhorouie osmdziesiat choroqu wo wlau koscieny chorobi. Na uplawi biali głowi. Pomiot swięny w piwie uparzycz y pod podeszwę przylozycz, dziewięc kaminie rospalacz y swinie gnoi naklacz y pywem parzycz, na krzeste siedząсz. Jesce krowi czarni, żebi zadnia odmienia nie billa zadni włosky inszy nie billo u thi krowi, skrobacz levi rok od białich upław a thę rok trzeba żeby ku wirszu zkrobane tak wiele jak bobkowa dziarna, dacz wypycz w winie albo w piwie lub w occie.. Babkę wziącz z listkami y nazieniem uwarzyc y pycz od thego, takze thego zielu w luskę klasc. Do pani Mogelniczky po ziele posłacz od pani swiecinikowi (= попадьи) proszącz o dziewięcziornik y o alosniku" (Арх. Сб., т. III, 167).

[3]) Арх. Сб. III, 102.

чаются и менѣе сложные рецепты лѣченія. Такъ, чтобы парни любили дѣвушку, послѣдней нужно было умыться древеснымъ цвѣтомъ (drzewem z kwiatem) на первый день Пасхи, передъ восходомъ солнца; затѣмъ составъ этотъ занести въ одной рубахѣ и закопать подъ хлѣвъ дома того парня, любовь котораго желательно пріобрѣсть [1]).

Относительно того, какимъ образомъ чародѣйство помогало домашнему хозяйству, мы почти не встрѣчаемъ указаній. Извѣстенъ одинъ только фактъ: Уба, вынесши въ поле „jelita (кишки) kole (?)", повѣсилъ на сухой яблонѣ, объяснивъ потомъ, что это сдѣлано для того, чтобы водились крѣпкія рабочія лошади [2]). Наконецъ, мы уже видѣли, какъ поступали чародѣи для разогнанія тучъ.

Всѣ разсказанныя дѣйствія чародѣевъ получаютъ опредѣленный характеръ по своему назначенію—принести вредъ или пользу людямъ или хозяйству. Но есть нѣсколько указаній на такія дѣйствія, которыя не имѣли опредѣленнаго назначенія, или по крайней мѣрѣ характеръ ихъ не выяснился, но которыя тѣмъ не менѣе были признаны судомъ или свидѣтелями за чарованіе. Такъ, одна обвинялась въ томъ, что она чаровала хлѣбъ, завязывала рожь (очевидно, дѣлала „завитки"), терла руками овесъ, говоря, что изъ этого овса она испечетъ хлѣбъ съ липовыми листьями, затѣмъ во время игрища передъ Ивановымъ днемъ несла съ поля огонь,—всѣ эти дѣйствія признаны были чародѣйствомъ [3]). Другая колдунья, чтобы повредить дому свидѣтеля, бросила у воротъ его палку, шелягъ (мѣдный грошъ) и нитки [4]). Не разъ встрѣчаемъ указанія на то, что чары можно было подбрасывать [5]). Наконецъ, однимъ изъ чародѣйскихъ средствъ служило окуриваніе какимъ-то составомъ [6]).

Къ дѣйствіямъ, употреблявшимся при чарованіяхъ, близко стоитъ употребленіе отдѣльныхъ предметовъ съ тою же цѣлью. Такъ, могилевская мѣщанка Орина обвинялась въ томъ, что она втыкала ножъ въ притолку, обносила какимъ-то зельемъ дворъ и домъ и давала чары въ пищѣ [7]). Попадья Громыкина употребляла съ какою-то цѣлью „Agnusek" [8]). На чары же употреблялась каша изъ жуковъ [9]), подкова лошади, на кототорой ѣз-

1) Акты Вилен. Арх. Ком. VI, 511.
2) *Jucewicz*, 188.
3) Ibidem, 201.
4) Ibidem, 195.
5) Арх. Сб., т. III, 101.
6) Ibidem, p. 124—5.
7) Ист.-юр. мат. Созонова, т. IX, 293.
8) Арх. Сб., III, 108. (Agnus Dei; тутъ же и описаніе его).
9) *Jucewicz*, 207.

дить тотъ, кого желаютъ очаровать [1]), кости [2]), земля [3]), дохлый поросенокъ [4]) и, какъ мы уже видѣли, высушенный трупъ ребенка.

При лѣченіи болѣзней употреблялись яйца: нужно взять три яйца, выпустить желтокъ и бѣлокъ, набрать въ скорлупу стоячей воды, слить ее въ другую посудину и вылить эту воду на бревно, (матицу?) въ избѣ (na bierwiono w yzbie pominąwszy potrębę pierwszą), упомянувъ, противъ какой болѣзни выливается [5]). Родильницъ окуривали бобровой струей, перьями живыхъ куропатокъ, „перестрѣломъ“, церковнымъ мүромъ и освященными травами, „енорожецъ пить даютъ, то есть орлій камень *мѣваютъ*“ (*имѣютъ*) [6]). Чародѣй Кузьма далъ женѣ свидѣтеля кусокъ мяса, отъ чего она заболѣла и умерла [7]); одна, привлеченная къ суду, причинила болѣзнь тѣмъ, что дала яблоко [8]).

Нерѣдко вода, пиво, вино, даже роса служили для чарованія, давались также чары въ пищѣ [9]). Боязнь къ лицамъ, заподозрѣннымъ въ чародѣйствѣ, была настолько велика, что одинъ свидѣтель разсказывалъ, что не далъ подозрѣваемой въ колдовствѣ напиться святой воды, боясь, что она проситъ на чары [10]).

Интересна „протестація“ Василія Паука объ очарованіи его дома водою: „...въ ночы, нѣтъ вѣдома хто, подышовшы (подойдя) на знакъ чаровъ, ворота и стѣны дому пана Василья Пауковича... зъ улицы не вѣдати чимъ позаливалъ...; хтось за тымъ заливаньемъ на здоровье самаго пана Василья Пауковича, пани малжонки (жены) и дѣтей ихъ чугаеть (покушается). За чымъ менечы (думая) чары починеные, а не будучи безпечнымъ здоровья, маетности (имущества) и фортунного въ пожитью поваженья, тое позаливанье воротъ и стѣнъ за разомъ того часу врадови обвелъ (объявилъ начальству)“, и занесъ, на случай открытія виновника, въ градскія книги [11]).

Болѣзни насылали посредствомъ чарованія на пивѣ, водкѣ, пищѣ [12]). Одинъ потерялъ умственныя способности, очарованный на водкѣ [13]). Полоцкій мѣщанинъ Василій Брикунъ обвинялся въ чародѣйствѣ, при чемъ боль-

---

1) Арх. Сб., т. III, 100.
2) Акты Вил. Комм., т. VI, 511.
3) Арх. Сб., т. III, 100.
4) *Jucewicz*, 76.
5) Арх. Сб., т. III, 146.
6) Ibidem, 124—5.
7) *Jucewicz*, 204, 203.
8) *Jucewicz*, 185.
9) Истор.-юр. мат. Созонова, т. IX, 293; *Jucewicz*, 208.
10) Арх. Сб., т. III, 108.
11) Археогр. Сб. Вил. Комм., I, 307.
12) *Jucewicz*, 207.
13) Ibidem, 205.

шая часть свидѣтелей говорили что онъ давалъ чары въ пивѣ и водкѣ. Такъ, онъ „Петра Демидовича виталъ (угощалъ) пивомъ по-полудню, а до вечера трохе не розервало, ажъ мусели людзи ему Брикуну кланять се, абы отходзилъ (отчаровалъ)“. Нѣсколькимъ людямъ онъ причинилъ болѣзнь и смерть поднесши чары въ водкѣ [1]). Недопитое вино или водка были употреблены, чтобы „запутати дорогу“ Сапѣгѣ предъ женитьбой [2]). Также давалась каша, составъ которой неизвѣстенъ [3]).

Интересно употребленіе при чарахъ росы и инея. Чародѣйка Бѣлорозова собирала росу въ гарнецъ и кропила этимъ хлѣба, чѣмъ приносила имъ вредъ [4]). Другая, собирая росу съ травъ и деревьевъ, чаровала ею хлѣбъ, скотъ и людей [5]). Про одну разсказывали, что она умѣетъ, собравши иней, дѣлать градъ (lody i grady robić) и такимъ образомъ портить хлѣба [6]).

Употребленіе металловъ при чародѣйствѣ почти неизвѣстно. Есть указаніе лишь на то, что выливаніе олова служило средствомъ противъ различныхъ болѣзней [7]).

Употребленіе при чарованіи разныхъ травъ было сильно развито, но, къ сожалѣнію, сохранилось весьма немного точныхъ указаній на названіе и способы употребленія этихъ травъ. Большею частью встрѣчаются лишь общія указанія на употребленіе при чарахъ травъ и другихъ растеній, „зелья“, также какъ и на ихъ назначеніе [8]). Изъ болѣе точныхъ указаній извѣстно, напр., что собирались какіе-то цвѣты во ржи, чѣмъ наносился вредъ хлѣбамъ [9]), какую-то траву, собиравшуюся во время кукованія кукушки, давали коровамъ и курамъ [10]). Иногда употреблялись и хлѣбные злаки, молодой ячмень [11]), рожь [12]), овесъ съ липовыми листьями [13]). Кромѣ того употреблялись сухіе дубовые листья, которые затыкали въ углы дома для того, чтобы въ немъ все сохло [14]), и листья неизвѣстнаго дерева, которое дѣвушки вмѣсто съ цвѣтами мочили въ водѣ и мылись, чтобы парни ихъ любили [15]).

---

1) Археогр. Сб., I, 338—346.
2) Арх. Сб., Ш, 100.
3) *Jucewicz*, 182.
4) Ibidem, 208.
5) Ibidem.
6) Ibidem. 206.
7) Арх. Сб. Ш, 117, 125, 144.
8) Ibidem, 124—5, 122, 101; *Jucewicz*, 207, 182 и др.
9) *Jucewicz*, 183.
10) Ibidem, 74.
11) Ibidem, 204, 203.
12) Арх. Сб. Ш, 101.
13) *Jucewicz*, 201.
14) Ibidem, 182.
15) Акты изд. Вил. Арх. К., VI, 511.

Изъ другихъ растенiй употреблялись: табакъ, очарованный которымъ умеръ [1]), деветерникъ, рута ярая, употреблявшiяся для лѣченiя [2]), „dziewięcziornik и alosnik“, тоже какъ лѣкарство [3]), центурiя и „odtesknik“, которое росло во ржи [4]).

Но всѣ эти дѣйствiя и средства не всегда могли успѣшно дѣйствовать сами по себѣ: нужны были еще какiя либо таинственныя слова, заговоръ. Формулъ заговоровъ сохранилось въ процессахъ не много, такъ какъ они составляли тайну колдуновъ и уносились ими на костеръ.

Нѣсколько заговоровъ, попавшихъ въ процессъ со словъ подсудимыхъ, мы уже привели; приведемъ еще нѣсколько другихъ, какiе нашлисъ. Такъ, одна служанка показала, что ее учила чародѣйка, прядя шерсть, говорить: „какъ это веретено кружится, пусть скотъ и овцы выкрутятся изъ дома моего господина, чтобы сталъ пустой“ [5]). Затыкая сухiе дубовые листья въ углы чужихъ строенiй, колдуны говорили: „какъ эти листья изсохли, такъ пусть сохнетъ такой-то“ [6]).

Люцiя Марiанна сознавалась, что ее учила одна чаровница такимъ заклинанiямъ: „дьяволъ, заступи дорогу такому-то, ѣдущему на торгъ, чтобы онъ не имѣлъ счастья и обнищалъ“; и другое: „дьяволъ, вытри пекло этимъ мѣшкомъ, засѣки (такой-то), чтобы амбаръ ея былъ пустой“ [7]).

Когда нужно было „отходить“ чары, говорилось, поливая воду черезъ рѣшето молодыми вѣтками: „какъ эта вода не остается на рѣшетѣ, такъ на этихъ вѣткахъ пусть не остается ворожба, ни одна вредная вещь“ [8]).

А вотъ еще одинъ рецептъ съ заговоромъ, предложенный обвиняемой въ колдовствѣ, противъ дѣйствiя чаръ: нужно взять въ банѣ изъ печи три раза по 9 углей, затѣмъ пойти за водой и всыпать уголья въ воду; потомъ кропитъ этой водой черезъ рѣшето молодыми вѣтками съ такимъ заговоромъ: „какъ эта вода не задерживается въ рѣшетѣ, такъ пусть „перелоги“ и все зло не удержится (въ домѣ)“ [9]).

Къ сожалѣнiю, въ судебныхъ процессахъ очень мало приводится дословныхъ заговоровъ, а между тѣмъ теперь они имѣли бы для насъ громадное значенiе.

---

1) *Jucewicz*, 185.
2) Арх. Сб. Ш, 135.
3) Ibidem, 167.
4) Ibidem, 167—8.
5) *Jucewicz*, 183.
6) Ibidem. 209.
7) Ibidem, 183.
8) Арх. Сб. Ш, 146
9) Ibidem.

Вотъ всѣ немногочисленныя этнографическія данныя, какія можно было извлечь изъ напечатанныхъ до сихъ поръ процессовъ о чародѣйствѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XVII и XVIII вв. Тщательныя записи современныхъ видовъ колдовства и знахарства въ этомъ краѣ, безъ сомнѣнія, покажутъ, что большинство изложенныхъ здѣсь взглядовъ и понятій и до сихъ поръ твердо держатся въ нашемъ народѣ.

В. Н. Тяпинскій, переводчикъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе.

I—II.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится обширный рукописный сборникъ разнообразнаго содержанія, въ которомъ между прочимъ вплетено неполное (отъ Матѳея и Марка) печатное евангеліе съ рукописнымъ предисловіемъ. Изъ начала этого предисловія явствуетъ, что переводчикъ евангелія и составитель предисловія называется Василіемъ Тяпинскимъ.

Мѣсто изданія неизвѣстно; не ясно также, вышла ли книга въ свѣтъ, или осталась не допечатанной. Наконецъ совсѣмъ неизвѣстна біографія автора. При такихъ условіяхъ и цѣль перевода евангелія на бѣлорусское нарѣчіе тоже не ясна, такъ какъ предисловіе не говоритъ прямо о религіозномъ міровозрѣніи переводчика. Загадочная обстановка, которой окружено все Евангеліе Тяпинскаго, дала поводъ ученымъ сдѣлать о немъ разнорѣчивыя предположенія.

Первый наиболѣе подробно высказался о Тяпинскомъ архимандритъ Леонидъ, сдѣлавшій рядъ широкихъ предположеній. По его мнѣнію, Тяпинскій—протестантъ, покровительствуемый Радивилломъ, жилъ со своею „кочевою типографіею“ въ Несвижѣ; время перевода имъ евангелія архимандритъ Леонидъ относитъ къ 1570 г. [1]). Но его предположенія не подтверждены имъ документальными данными.

Проф. П. В. Владиміровъ имѣлъ случай дважды высказаться по интересующему насъ вопросу. Въ своемъ изслѣдованіи о Ф. Скоринѣ онъ ставитъ Евангеліе Тяпинскаго на ряду съ Пересопницкою рукописью въ число памятниковъ православной переводной литературы [2]). Изслѣдуя шрифты евангелія Тяпинскаго сравнительно съ Скорининскими изданіями, онъ находитъ ихъ весьма близкими къ краковскимъ изданіямъ послѣдняго: „буквы

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1884, V, разборъ „Описанія“ Каратаева.

[2]) Докторъ Францискъ Скорина, Спб. 1888, стр. 30.

въ рамкахъ,—говоритъ онъ,—по всей вѣроятности перешли непосредственно изъ виленской типографіи Скорины въ „убогую друкарню“ Тяпинскаго, тогда какъ строчный шрифтъ его заимствованъ изъ Несвижской типографіи, а нѣкоторыя украшенія изъ Кракова“[1]). Разбирая тексты евангелія Тяпинскаго сравнительно съ Пересопницкою рукописью, онъ готовъ высказать догадку объ ихъ общемъ источникѣ—Скоринѣ и др.[2]).

Проф. Е. Ф. Карскій въ одной изъ своихъ работъ спеціально изслѣдовалъ языкъ Евангелія и вслѣдъ за проф. А. И. Соболевскимъ призналъ его бѣлорускимъ (Каратаевъ назвалъ его „малороссійскимъ“) [3]). Оба изслѣдователя въ вопросѣ о годѣ изданія ссылаются на архим. Леонида. О религіозномъ міросозерцаніи Тяпинскаго авторъ опредѣленно на этотъ разъ не высказывается, но въ своей позднѣйшей работѣ о западно-русскихъ псалтиряхъ г. Карскій уже настойчиво доказываетъ, что Тяпинскій антитринитарій; сравнивая тексты его евангелія съ текстами Буднаго, онъ считаетъ послѣдняго однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ перваго; наконецъ относитъ изданіе Тяпинскаго къ 1580 г. [4]).

Однако выводы г. Карскаго неудовлетворили проф. Владимірова. Въ своей рецензіи на трудъ перваго г. Владиміровъ останавливается и на его выводахъ о пособіяхъ Тяпинскаго, находитъ такое сличеніе недостаточно полно проведеннымъ, указываетъ общій источникъ обоихъ переводовъ—церковнославянскій текстъ и настаиваетъ на своемъ прежнемъ мнѣніи объ источникѣ Тяпинскаго—Скоринѣ [5]).

Такимъ образомъ два почтенные ученые, вполнѣ компетентные въ вопросахъ западно-русскаго языка и литературы, коренным образомъ не сходятся въ вопросѣ о религіозномъ міровоззрѣніи Тяпинскаго; базисомъ для ихъ сужденій служитъ языкъ Евангелія. Спорный вопросъ о религіозныхъ убежденіяхъ В. Тяпинскаго разрѣшается компетентными свидѣтельствами Ш. Буднаго, приведенными изъ очень рѣдкихъ его сочиненій въ замѣткѣ проф. Брикнера. Такъ Будный въ предисловіи къ кн. „O przednieyszych wiary christyańskiey artikulech“ (1576) говоритъ, что въ 1574 г. былъ синодикъ въ Литвѣ—„zebranie nasze w domu brata miłego Waśila Ciapińskiego“; здѣсь Будный излагалъ свое исповѣданіе. Другое свидѣтельство Брикнеръ встрѣтилъ у Буднаго же въ его „Urząd miecza“ (1583): разсказывая о съѣздѣ литовскихъ социніанъ въ Лоскѣ, гдѣ обсуждался волновавшій этихъ сектантовъ вопросъ о владѣніи земельною собственностью

---

1) Тамъ-же. стр. 213—204.

2) Тамъ-же, стр. 234.

3) Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варш., 1893, стр. 119.

4) Западно-русскіе переводы псалтири въ XV—XVI в. Варш. 1891.

5) Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія въ послѣднія 10 лѣтъ (Оттискъ изъ Кіев. Унив. Изв. 1898 г., стр. 14).

и о войнѣ, Будный говоритъ: „ozwał się jeden szlachcic, Basil Ciapiński a przy nim i innych kilka, że to nie jest prezciw nauce ewanielskiej, urząd mieczowy, także imienie szlacheckie trzumać, na wojną jachać, praw używać itd. Sparli sią z nim bracia polscy, ale iz wieszor był, dali cobie pokoj. Nazajutz też rózno się rozjechali“[1]). Этими свидѣтельствами устанавливаются принадлежность Тяпинскаго къ социніанству, его связь съ Буднымъ, наконецъ то, что владѣтель „убогой друкарни“ былъ дѣятельнымъ членомъ секты; вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство Буднаго даетъ извѣстную точку опоры для біографическихъ поисковъ, такъ какъ изъ него открывается, что Тяпинскій былъ литовскій шляхтичъ, владѣвшій имѣніемъ; документы Литовской Метрики дѣйствительно подтверждаютъ это.

Уже одинъ фактъ перевода Тяпинскимъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе могъ бы вполнѣ оправдать интересъ со стороны историка и историка литературы къ его біографіи; но Тяпинскій не только переводчикъ евангелія и дѣятельный членъ социніанской секты; его предисловіе къ евангелію представляетъ собою весьма видный памятникъ политической литературы того времени. Давая весьма мало для характеристики религіознаго міровоззрѣнія его автора, предисловіе это въ яркихъ чертахъ представляетъ намъ національныя убѣжденія самого Тяпинскаго и той среды, выразителемъ которой онъ является; оно не мало также говоритъ намъ о состояніи современнаго общества. Несмотря на высокое значеніе этого памятника, далеко выходящаго за предѣлы обычныхъ предисловій къ современнымъ переводамъ книгъ религіознаго содержанія, на него до сихъ поръ не обращали никакого вниманія въ литературѣ. Правда, что писатель, блестяще справившійся съ техникою перевода евангелія[2]), излагаетъ свои мысли въ предисловіи весьма неудобнопонятно, тяжелымъ слогомъ, употребляетъ немало полонизмовъ и пр. Эта литературная особенность предисловія можетъ быть объяснена только тѣмъ, что мы имѣемъ дѣло съ черновымъ наброскомъ: въ одномъ мѣстѣ рукописи встрѣчаемъ на поляхъ приписку—очевидное дополненіе, которое хотѣлъ сдѣлать авторъ [3]).

Съ разбора предисловія мы и начнемъ.

---

[1]) Archiv für Slavische Philologie, 1896. XVIII, стр. 629.

[2]) Ср. вѣрную характеристику литературныхъ достоинствъ перевода, сдѣланную А. И. Соболевскимъ: „живой, чистый бѣлорусскій языкъ“, Карскій, „Къ исторіи звуковъ“, стр. 119.

[3]) См. стр. 5 примѣч. въ изд. П. В. Владимірова (Кіевская Старина, 1889, январь); этимъ изданіемъ мы дальше пользуемся. Знаки препинанія разставляемъ согласно ихъ теперешнему употребленію.

I.

Самая важная черта въ міровоззрѣніи нашего автора—это его глубокая любовь къ русскому народу, членомъ котораго онъ себя считаетъ. Онъ много разъ говоритъ объ этомъ: „Рад покажоу мою вѣроу которую маю, а злаща народоу своемоу роускому“, начинаетъ Тяпинскій свое предисловіе. Евангеліе онъ переводитъ „зъ зычливости ку моеи отчизне“. Себя онъ называетъ „русиномъ“ (стр. 1). О русскомъ народѣ и особенно о его языкѣ Тяпинскій очень высокаго мнѣнія, хотя и скорбитъ о неуваженіи, которымъ онъ пользуется въ его время. Русскій народъ, говоритъ онъ, „зацный“, прежде былъ „довстипный, ученый“; мудрость въ словѣ Божьемъ была въ народѣ „праве яко врожоная“ (стр. 3).

Но Русь составляетъ самую близкую вѣтвь славнаго и ученаго народа славянъ, которымъ (т. е. славянамъ) „а што можетъ быт прироженшого одно не рус“ (стр. 3). Свое предисловіе онъ обращаетъ „к зацнои монархіи словенской“. Тѣмъ, кто стыдится письма и слова Божія на русскомъ языкѣ, Тяпинскій съ гордостью указываетъ на ученость и просвѣтительныя заслуги славянъ и ихъ Первоучителей. „Тутъ быхъ я имъ (хулителямъ) ихже хоть одного з мнозства личбы оныхъ словянъ Иоанна або Григория, которыхъ дле великое нетолко в своемъ, але тежъ и в розныхъ езыкахъ наоуки и для вдячное ихъ вымовы, ажъ золотоустыми звали“. Если бы они оба были живы, Тяпинскій взялъ бы ихъ себѣ „за причину до нихъ въ томъ, а на остатокъ за светка им тое речи“; если бы они теперь были, то они увидѣли бы, какъ „окраса и оздоба народу ихъ в потомстве ихъ отията, а просто загиноула“. Достаточно вспомнить о „давныхъ часахъ“, чтобы видѣть, какой „то былъ зацный, славный, острій, довстипный народъ; ихъ в умеетности, и яко многокрот посторонніе учоные народы ихъ мудрость мусели похвалять“ и даже отъ нихъ учиться, Въ примѣръ такихъ заслугъ онъ приводитъ славянскій переводъ четвероевангелія и апостола,—„которое могу мовить передъ тисячею лѣтъ отъ нѣкоторого з словянъ выложоно“. Этотъ переводъ употребляется въ церквахъ сербскихъ, московскихъ, волошскихъ, болгарскихъ, хорватскихъ и др. „Тотъ мужъ нашь милыи словенинъ“ такъ самостоятельно („властне“) перевелъ съ греческаго языка, что трудно даже различить, какой языкъ переводчикъ зналъ лучше—греческій или славянскій; но еслибъ онъ даже и не лучше зналъ греческій языкъ, чѣмъ славянскій, то все-таки въ этомъ переводѣ мы имѣемъ не малый „знакъ“ того, что „людъ“ славянскій „былъ довстипный“ (стр. 3).

Человѣкъ, имѣющій столь высокое представленіе о древнемъ славянствѣ, его языкѣ, не менѣе горячо почитаетъ заслуги „славной“ (стр. 1) славянской вѣры. Онъ ссылается въ данномъ случаѣ на „памятники“ и приводитъ въ примѣръ „памети годные“ „синоди“, которые славяне имѣли не только

съ папами римскими, но и съ другими; множество людей къ вѣрѣ изъ блуда „выдвигали“, въ разныхъ языкахъ учеными были, „к тому яко животъ светобливыи вели, яко тежъ межи собою злыхъ фалшивыхъ и вере братовъ зношали (устраняли), лечили, направляли“; какъ наконецъ учителей своихъ „водле науки слова божего светобливым малженством от иныхъ отдѣлили и ихъ тымъ оздобеных всим народом и верам и понине ку прикладу праве, яко свечу чистостю малженства светячую были показали“. Много пришлось бы о нихъ говорить, замѣчаетъ авторъ, но рѣшается остановиться только на одномъ примѣрѣ славянской мудрости, которая извѣстна и очевидна для всѣхъ, кто „безъ писма“ (т. е. кто не имѣетъ переводовъ Священнаго писанія на родномъ языкѣ). Славяне „дле такъ великое светобливости своее“ были, помимо другихъ народовъ, „такимъ гойнымъ даромъ были отъ Пана оздобени“, что не говоря уже о папѣ римскомъ, но и другихъ болѣе въ то время „наученшихъ народовъ“, какъ то въ Ливіи, Антіохіи, Пентаполіи, Сициліи, Месопотаміи, Палестинѣ, Финикіи, даже и сосѣднихъ народовъ, какъ французовъ, англичанъ, испанцевъ, влоховъ, нѣмцевъ, поляковъ—однимъ словомъ, всѣхъ христіанскихъ народовъ, оии „в слове божьемъ прозрѣвши, сами одни толко того были доказали, же подлугъ науки апостольское своимъ влосным езыком от так давного часу слово боже выложили и мели и нам зоставили“. Этотъ примѣръ всѣ другіе народы только въ наше время „обачили“ и „не безъ малого забуренья и ображенья“ что перевели на свои языки слово божье съ латинскаго языка.

Таковы были національныя представленія Тяпинскаго. Онъ гордился тѣмъ, что онъ—русинъ, указывалъ на заслуги славянства въ прошломъ и даже не прочь былъ ихъ преувеличивать—можетъ быть, и безсознательно; онъ гордится своимъ русскимъ и славянскимъ происхожденіемъ.

Здѣсь небезполезно привести два указанія. Происходя изъ Полоцкой земли, какъ увидимъ ниже, Тяпинскій могъ себя считать русиномъ по преимуществу. Въ XVI в. Русью, русскими волостями, землями въ Литовско-русскомъ государствѣ считались именно Подвинье, Поднѣпровье въ отличіе отъ Украйны (Южной), Волыни, Подляхіи, Жмуди и Литвы. Далѣе Тяпинскій даже въ подписяхъ на оффиціальныхъ актахъ употреблялъ русское письмо; не даромъ онъ въ своемъ предисловіи укоряетъ тѣхъ, кто „не смѣетъ“ подписываться по-русски (стр. 2, прим.).

Однако авторъ, столь высоко цѣнившій „довстипность“, „умѣетность“, мудрость, заслуги предковъ, съ прискорбіемъ наблюдалъ глубокое паденіе этихъ прекрасныхъ національно-религіозныхъ качествъ въ современномъ ему обществѣ. Онъ видитъ передъ собой отступничество отъ національности среди наиболѣе видныхъ его членовъ, грубость и религіозную неразвитость простого народа и находитъ причины этого явленія въ пониженіи въ рус-

скомъ народѣ образованности вообще и въ особенности въ умственномъ и нравственномъ паденіи учителей народа—духовенства.

Вѣра, говоритъ Тяпинскій, „яко устала, яко загинула; обачиване речей жалосныхъ кгвалтом слова до устъ гонит“. Кто изъ богобоязливыхъ людей „не задержить“ (т. е. словъ жалостныхъ), глядя на такую „казнь божію“, кто не будетъ плакать, видя въ средѣ великихъ княжатъ, знатныхъ пановъ, столь многихъ невинныхъ дѣтей, мужей и женъ, въ средѣ такого ученаго народа, какъ русскій, „занедбапе а просто взъгардоу“ своего славнаго языка; вслѣдствіе того пренебреженія, „за покараньемъ Панскимъ оная ясная их в слове божьемъ мудрость“, которая была у нихъ врожденной, отошла отъ нихъ и ея мѣсто заступила „такая оплаканная неумеетность... же вжо некоторие и писмом се своимъ, а злаща в слове божемъ встыдают“. Хуже всего то, что духовенство само не изучаетъ русскаго письма, не знаетъ его, не имѣетъ нигдѣ для науки школы, „зачим в польскіе, або въ иные писма за такою неволею, немало и оу себе и дети не безъ встыдоу своего бы се одно почули немалого заправоуют“ (стр. 2—3).

Тяпинскаго особенно безпокоитъ паденіе образованности въ русскомъ смыслѣ. Указавъ на заслуги славянскаго языка, на то, что переводъ Священнаго писанія на славянскій языкъ послужилъ примѣромъ для всѣхъ народовъ—какъ было раньше приведено,авторъ въ сильныхъ выраженіяхъ обращается къ панамъ, требуя ихъ поддержки въ дѣлѣ поднятія образованія въ томъ же смыслѣ (т. е. при посредствѣ Свяшеннаго писанія на русскомъ языкѣ): онъ совѣтуетъ панамъ быть достойными своихъ славныхъ предковъ и „вступить“ на ихъ мѣста, такъ какъ ни откуда нѣтъ, вслѣдствіе нашихъ грѣховъ, иной помощи. „Только вы, паны, могли бы притти на помощь изъ любви къ своей отчизнѣ“; „простота чоловека беднаго посполитого на вас очи завжды оудавала и удает и за вами идет“. Онъ совѣтуетъ панамъ показать примѣръ, притти на помощь отчизнѣ въ недостаткѣ науки „грубой простотѣ“, братьѣ своей, „если только у васъ есть сколько-нибудь милосердія“ для „богобойнаго“ человѣка; „улитоване“ есть самое лучшее, ближе всего подходящее къ добротѣ божіей, качество. Онъ даетъ и еще совѣтъ панамъ, какъ помочь „народу вашому неумеетностью заведеному и утрапеному“: просить митрополитовъ и владыкъ озаботиться о распространеніи наукъ (стр. 4—5).

Тяпинскій не щадитъ словъ для характеристики тогдашняго духовенства, какъ высшаго такъ и низшаго. Такъ, непосредственно за приведенымъ выше обращеніемъ къ панамъ мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто, которое приводимъ въ почти дословномъ пересказѣ: наконецъ ради вѣчной заплаты себѣ отъ Бога, вы бы (т. е. паны), помогая вашему народу „неумеетностью заведеному и утрапеному“, „митрополита вашого“, владыкъ и учителей вашихъ до того просьбами вашими вели, чтобъ они не предавались подку-

пам, посуламъ „дле поседаня столиць одинъ перед другимъ, не доживотеи и привилеев одинъ надъ другимъ обварованейшихъ", но *сами* учились бы слову божію и другихъ „братью вашу" къ тому же побуждали; чтобы они (т. е. духовные) заложили школы и выдвинули науку слова божьяго, такъ много лѣтъ „занедбаию". Онъ указываетъ тутъ же и на средства для заведенія школъ и на то, что эта наука не должна походить на нынѣшнюю; школы должно устроить на средства маетностей и имѣній, которыя предки пановъ дали духовенству „не на марнотрацства, не на строй и што такого, але дле наукъ"; эти средства надо употребить на развитіе наукъ, но не такихъ, какъ теперь—„яко тепер на вѣчный свой встыд толко прочести и то ледво в своем езыку неболшь учатсе". „Которыхъ (т. е. братью) я,—заканчиваетъ Тяпинскій свою рѣчь,—не одному, которому (изъ пановъ и духовенства, къ которымъ онъ обращается), але всимъ из стою потребою (въ образованіи) отчизны вашое богопойнои пилности, ростропности и верности поручаю и зоставую, просечи Пана (Бога), абых был *готов*, если она (отчизна) до конца згинет (вслѣдствіе паденія образованія, о чемъ авторъ выше сѣтуетъ), *з нею згинут*, або если черезъ *вашь* ретунокъ будет выдвигнена, з вами и з нею выбринуть" (стр. 5).

Эти мѣста чрезвычайно важны для характеристики міровоззрѣнія автора. Его снѣдаетъ горячее желаніе придти на помощь своей родинѣ, насадить въ ней науки, сдѣлать ее достойной своихъ предковъ, въ его словахъ звучитъ страстный призывъ къ лучшей и образованнѣйшей части тогдашняго общества; это общество авторъ убѣждаетъ повліять на митрополитовъ и владыкъ измѣнить свой образъ жизни и отдать свои средства на поддержаніе и укрѣпленіе науки слова божія; самъ авторъ, будучи человѣкомъ незнатнымъ и небогатымъ, очевидно, не надѣется подѣйствовать на духовенство. Самъ онъ отдаетъ свои силы на благо отчизны и готовъ погибнуть вмѣстѣ съ ней, если это и ей суждено,—если общество не придетъ ей на помощь.

При его взглядахъ ничто не мѣшало ему видѣть темныя стороны въ жизни духовенства, ничего не побуждало его щадить духовныхъ, какъ это дѣлали и православнѣйшіе люди его времени, въ родѣ К. Острожскаго и др. Правда, духовенства Тяпинскій не щадилъ. Онъ бросаетъ духовенству упрекъ, что оно не только забыло еврейскій языкъ, но плохо понимаетъ и славянскій (стр. 5 прим.). Самое печальное, по его мнѣнію, то, что такъ называемые „духовные учители письма русскаго и слова божія не знаютъ, не понимаютъ и не изучаютъ" (стр. 3).

Да это и понятно. Онъ принимается за переводъ евангелія только потому, что духовенство не желаетъ за него взяться: „поневажь которымъ бы то властнеи учинити пристоело митрополитове, владыки и нихто з учоных через многии час не хотѣли" (стр. 1). Тяпинскій не скрываетъ, что

ему пришлось испытать не мало непріятностей отъ разныхъ лицъ (вѣроятно и отъ духовенства), когда онъ задумалъ свой переводъ: вмѣсто того чтобы „з выкриканіемъ“ хвалить и радоваться, что посреди нихъ появился русинъ, поставившій себѣ цѣлью принести пользу своей Руси, многіе оказались совсѣмъ неблагодарными, а нѣкоторые даже, вмѣсто помощи „або дяки и зазростью платити хотѣли“. Но, скромно замѣчаетъ Тяпинскій (стр. 2), „не одно ми тое все для моее повинности, и ку нимъ зычливости не ест прикро, але и овшемъ, за ласкою Пана Бога вдячно“. Заботясь о ихъ же спасеніи, онъ стремится ко славѣ божіей достигнуть конца въ своемъ дѣлѣ (стр. 1—2).

Вообще, у Тяпинскаго было не мало враговъ; вѣроятно, что враждебныя отношенія къ нему многихъ возникли какъ разъ на почвѣ задуманнаго имъ перевода. Можетъ быть, какъ человѣкъ недостаточный по своимъ средствамъ, онъ обращался къ кому-нибудь за матерьяльной помощью; какъ человѣкъ „неученый“, безъ вліянія, онъ можетъ быть встрѣтилъ насмѣшки, преграды. Такъ въ концѣ своего предисловія онъ говоритъ о своихъ врагахъ: обыкновенно бываетъ, что при жизни человѣка „въ дарехъ“ (даровитаго), особенно своего или „собе знаемаго люди скромне и без образы зносить не могутъ“; поэтому онъ и не надѣется такихъ людей никакими доводами „спирати“, полагая, что Справедливый Судья „реч нашю пофалит, хотя ее такъ непріятели взгаржають и выкидаютъ“. Въ заключеніе онъ проситъ всѣхъ „побожныхъ“, „абы жадное васни немели противъ тымъ которіе насъ щипанемъ огижанем преследуют“. Очевидно, у переводчика былъ широкій кругъ недоброжелателей на почвѣ предпринятаго имъ дѣла.

Итакъ, любовь къ родному народу и горячее желаніе помочь его умственному преуспѣнію проникаетъ все предисловіе Тяпинскаго.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ убѣжденій автора—къ его религіи. Въ виду свидѣтельства Буднаго о социніанствѣ Тяпинскаго, насъ можетъ интересовать не то, къ какому исповѣданію принадлежалъ переводчикъ, но лишь вопросъ о томъ, какъ усвоены были имъ ученія секты. Но здѣсь необходимо прежде всего замѣтить, что предисловіе не даетъ на этотъ счетъ ясныхъ указаній. Мало того, когда авторъ говоритъ о „славной“ славянской вѣрѣ, о духовенствѣ, которое не заботится о переводѣ евангелія на русскій языкъ, и о распространеніи образованія, то у читателя легко можетъ возникнуть представленіе о принадлежности автора къ православію. Думать, что авторъ и самъ колебался въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, или тѣмъ болѣе, что предисловіе написано до перехода его въ сектанство, нѣтъ никакихъ основаній. Послѣднее предположеніе невозможно уже въ виду указанной г. Карскимъ зависимости переводчика отъ перевода Буднаго: Евангеліе поэтому приходится относить ко времени около 1580 г., т. е. къ тому, когда о социніанствѣ Тяпинскаго мы знаемъ со словъ Буд-

наго. Поэтому, нѣкоторую темноту въ вопросѣ о религіи автора предисловія можно объяснить иными мотивами. Прежде всего необработанность предисловія въ литературномъ отношеніи несомнѣнно вредитъ ясному пониманію мысли автора. Затѣмъ авторъ не имѣлъ нужды говорить о своей принадлежности къ социніанству, можетъ быть, полагая, что это и такъ извѣстно. Общая цѣль его предисловія—доказать пользу чтенія евангелія на родномъ языкѣ, какъ „сумы закону божего", ведущей къ лучшему „розсудку" въ дѣлѣ пониманія религіи; а образованіе съ цѣлью уясненія религіозныхъ истинъ онъ тѣсно связываетъ съ образованіемъ вообще. Но, съ другой стороны, предисловіе, можетъ быть, преслѣдуетъ и цѣль полемическую, когда авторъ его говоритъ о неспособности духовенства вести дѣло народнаго образованія. Однако надо помнить, что авторъ принадлежитъ къ весьма умѣреннымъ социніанамъ: это, конечно, уменьшало полемическій задоръ; при его горячей любви къ родному народу, онъ не отдѣлялъ себя отъ „грубой простоты" и, быть можетъ, переводилъ евангеліе въ убѣжденіи, что оно будетъ способствовать распространенію образованности не только среди сектантской братіи, но и среди лицъ, еще не подвергшихся воздѣйствію реформаціонныхъ идей. Въ предисловіи нѣтъ намековъ на исключительно сектантскія цѣли перевода. Притомъ, переводчикъ, работавшій въ послѣднемъ направленіи, едвали могъ бы скорбѣть о томъ, что митрополитъ и епископы сами не перевели евангелія; не могъ бы жаловаться на отсутствіе сочувственнаго отношенія къ своему дѣлу со стороны духовенства; странна была бы съ этой точки зрѣнія одна изъ цѣлей перевода—для „цвиченья" тѣхъ, кто не сочувствуетъ переводу,—очевидно, духовенства, о которомъ онъ говоритъ нѣсколькими строками выше (конечно, протестанты не отвергали переводовъ Священнаго писанія); незачѣмъ, наконецъ, было бы и оттѣнять съ особою силою того, что переводчикъ издаетъ русскій и славянскій тексты „такъ яко они вси везде во всих своих церквах чтоут и мают, не одно для лѣпшое их вѣри, жесе не новое што, але их же властное им подает", а также для „лѣпшого розсудку" и „цвиченья" въ ученомъ славянскомъ языкѣ (стр. 2). Высказавши эту цѣль перевода, авторъ говоритъ очевидно о духовенствѣ, но говоритъ о немъ (какъ и въ другихъ мѣстахъ) въ третьемъ лицѣ. Ясно, что онъ предназначаетъ свое евангеліе не для однихъ сектантовъ.

Сказанное выше, дополняя вопросъ о цѣляхъ перевода (не только для сектантовъ, но и для православныхъ и даже для самого духовенства), способно нѣсколько разъяснить то неопредѣленное положеніе переводчика-социніанина, которое онъ занялъ по отношенію къ представителямъ ортодоксальнаго исповѣданія.

Съ другой стороны, если вѣрно предположеніе о двойственномъ назначеніи перевода евангелія, то этого нельзя не отмѣтить, какъ весьма ха-

рактерной черты въ міровоззрѣніи нашего автора: религіозная терпимость далеко не была достояніемъ всѣхъ сектантовъ того времени.

Однако нельзя сказать, чтобы въ предисловіи не было нѣкоторыхъ указаній на религіозныя убѣжденія его автора. Такъ, о православномъ духовенствѣ онъ очень часто говоритъ во второмъ и третьемъ лицѣ. Онъ переводитъ евангеліе для лучшей „ихъ" вѣры, указываетъ на паденіе науки „межи ними", въ средѣ тѣхъ, „што се межи ними зовутъ духовными"; онъ обращается къ православнымъ панамъ съ предложеніемъ просить „митрополита вашого", владыкъ и учителей „вашихъ" о поднятіи въ народѣ образованія и т. п. Такимъ образомъ онъ отдѣляетъ себя отъ приверженцевъ православія.

Но съ другой стороны, нѣсколько фразъ предисловія обличаютъ догматическія представленія автора его. Въ этомъ отношеніи наиболѣе цѣнное указаніе заключаетъ начало: „Рад покажоу *мою вѣроу*, которую маю, а злаща народоу своему роускому. Тые *се* онымъ давним вѣкомъ славною, предковъ своихъ оумѣетностью, покорне яко довнимаю подтвердять, а естли ест в чом *блудна*, оны то *поправят*. Ведже *держу* же (ее)? *неиначей, одно зъ евангеліи* отъ Бога чрез Христа Паиа и его апостоловъ поданое, ктороя есть *сума* закону божего, которая з словенского абы имъ теж их власным языкомъ роускимъ в дроукоу вышла" (стр. 1). Такъ начинаетъ свою „предмову" В. Тяпинскій. Здѣсь мы встрѣчаемъ указаніе на то, что вѣра автора отлична отъ господствующей и что основаніемъ ея, „суммой" служитъ одно только евангеліе. И въ другомъ мѣстѣ онъ считаетъ евангеліе *катехизисомъ;* такъ въ надписи на первомъ листѣ передъ „предмовой" читаемъ: „Катехисисъ або соума науки детеи въ Христе Исусе" (стр. 2, прим.). Названіе *катехизиса* относится только къ переведенному имъ евангелію, такъ какъ Тяпинскій только его считаетъ основаніемъ вѣры. Наконецъ, встрѣчаемъ и намекъ на то, что нашъ авторъ не признавалъ святыхъ. Такъ, когда ему приходится упомянуть имена Іоанна Златоустаго и Григорія Великаго, то онъ не называетъ ихъ святыми, каковой эпитетъ прибавилъ бы православный писатель. Далѣе два мѣста предисловія обличаютъ въ его авторѣ раціоналистическое отношеніе къ религіи. Онъ дважды повторяетъ, что изученіе евангелія должно вести читателя къ „лѣпшому розсоудкоу", Богъ побудитъ читателей „ку статочному розсудку и ку умеетности" (стр. 2).

Если приведенныя мѣста обличаютъ догматическія воззрѣнія автора и раціоналистическое отношеніе его къ религіи,—вполнѣ присущія социніанской доктринѣ,—то нѣкоторыя общія черты его убѣжденій доказываютъ, что Тяпинскій глубоко проникся и нравственнымъ ученіемъ социніанства. Стоитъ только вспомнить, какъ высоко онъ цѣнитъ образованіе и школы, съ какою силою онъ говоритъ о высшемъ долгѣ каждаго—объ „улитованіи" къ „грубой простотѣ",—во всемъ этомъ легко узнать убѣжденнаго пред-

ставителя социніанства. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Тяпинскій примыкалъ къ болѣе умѣренному направленію исповѣдуемаго имъ ученія, такъ какъ признавалъ совмѣстимымъ съ догматами религіи участіе въ войнѣ, владѣніе земскими имѣніями (это мы знаемъ изъ свидѣтельства Буднаго и изъ актовъ) и самъ даже владѣлъ невольною челядью; все это, какъ извѣстно, отвергалось крайними послѣдователями ученія, напр. Март. Чеховичемъ и др.

Принадлежа самъ къ одной изъ сектъ, Тяпинскій однако неодобрительно отзывается о развившемся въ его время религіозномъ разновѣріи: онъ говоритъ о немъ, хотя, правда, весьма неопредѣленно. Такъ, въ концѣ предисловія есть мѣсто, въ которомъ, повидимому, Тяпинскій съ сожалѣніемъ говоритъ о существующихъ религіозныхъ распряхъ: „теперь на око видим, иж везде вси рѣчи злыми розсудками так сут попсованы, иж не может быт ничого такъ добре поведено, на што бы потваръ не могла быт оучинена, а ни теж жадинъ отъ того, чого се разхвати, отступит нехочет, абы се здал в чом поблудит“ (стр. 5). Такимъ образомъ предисловіе Тяпинскаго вскрываетъ и его религіозныя убѣжденія.

Въ такомъ видѣ представляются намъ религіозныя убѣжденія Тяпинскаго.

Изъ того, что говорилось выше о разныхъ сторонахъ его міровоззрѣнія, можно ясно представить себѣ и цѣль его перевода евангелія на русскій языкъ: любовь къ родинѣ, сознаніе паденія въ ней образованности, негодность оффиціальныхъ учителей религіи и, главное, глубокое сознаніе пользы Священнаго писанія на родномъ языкѣ—вотъ общіе мотивы, вытекающіе изъ его убѣжденія, побудившіе его переводить. Но при этомъ самъ Тяпинскій не разъ высказывается болѣе опредѣленнымъ образомъ о цѣляхъ своего перевода и въ томъ же духѣ. Онъ берется переводить „зъ зычливости ку моеи отчизне“ (стр. 1). Онъ переводитъ евангеліе и при немъ помѣщаетъ славянскій контекстъ слово въ слово такъ, какъ его читаютъ во всѣхъ церквахъ не для лучшей вѣры, такъ какъ это не что-нибудь новое, но „ихъ (его хулителей, о которыхъ онъ тутъ говоритъ) же властное“, „для лѣпшого имъ розсоудкоу, надто для ихъ самихъ цвиченя“ въ славянскомъ языкѣ. Такимъ образомъ нашъ переводчикъ сознаетъ, что на славянскомъ языкѣ евангеліе не всѣмъ понятно и чтобы его сдѣлать общедоступнымъ, онъ его переводитъ. Онъ предвидитъ и такихъ читателей, которымъ наиболѣе нужно Священное писаніе на русскомъ языкѣ,—дѣтей, не только взрослыхъ: надо, чтобы не только сами (взрослые), но и дѣти „смыслы свои неяко готовали, острили и в вѣре прицвичали тым часомъ тотъ катехисисъ“. Когда они познакомятся съ св. писаніемъ, Богъ побудитъ „ку *можнейшим наукам* в *слове своем,* ку *статочному розсудку* и ку *оумстности* (стр. 2). Тяпинскій, повидимому, весьма заботился о подро-

стающемъ поколѣніи, потому что въ надписи на первомъ листѣ мы встрѣчаемъ приписку: „катехизисъ або сума науки *детей* въ Христе „Исусе“. Очевидно, ставя высоко значеніе евангелія въ дѣлѣ вѣры, онъ хотѣлъ назвать свое изданіе катехизисомъ и, можетъ быть, предназначить его преимущественно для подростающихъ поколѣній: не даромъ онъ такъ скорбитъ объ ихъ ополяченіи.

Указывая на цѣли перевода, Тяпинскій не забылъ оговорить и его способы. Объ этомъ онъ говоритъ дважды. Онъ переводитъ „не смысленым або красомовным выводом, не залецаными а ни часу оугажаючими словы, але яко сприязливыи, простыи а щиріи, правдиве вѣрне, а отвористе“. Для перевода онъ съ немалымъ трудомъ добывалъ книги „*старые давные*“ (стр. 1). Онъ самъ сознается, что переводъ и изданіе достались ему не безъ большой трудности (стр. 2). Онъ сознаетъ, что въ его изданіи могутъ быть ошибки, почему проситъ читателя „побожного“ не приписывать его ошибокъ „нашои злости, але люцкои крепкости а неумеетности“ (стр. 6).

Если трудно было выполнить переводъ, то не менѣе трудно было для Тяпинскаго его напечатать. Ученые, занимавшіеся интересующимъ насъ Евангеліемъ, дѣлаютъ, какъ мы видѣли, различныя предположенія о мѣстѣ типографіи и особенно о томъ, было ли все Евангеліе напечатано. Думается, что въ предисловіи и на этотъ счетъ есть достаточныя указанія. Тяпинскій говоритъ, что онъ „услугуеть“ народу русскому „зъ убогое своее маетности“; такъ какъ „именьечко“ его не велико, то ему пришелся „накладъ“ не по силамъ: очевидно приходилось занимать средства, пришлось ѣздить въ далекія мѣста, доставая *старыя книги* и разныя типографскія принадлежности; вслѣдствіе этого печатаніе, очевидно, шло медленно (онъ ѣздилъ въ „минулые лѣта [1])“—значитъ, дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ)—приходилось какъ бы сызнова не разъ начинать („а праве все до того зачинаючи зновоу“, стр. 1). Его затрудняло также параллельное печатаніе славянскаго и русскаго текстовъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ его „друкарня“ являлась „убогой“ (стр. 2). Изъ этихъ мѣстъ очевидно, что Тяпинскій владѣлъ собственной небольшой типографіей, находившейся вѣроятно у него въ имѣніи.

Относительно того, все ли евангеліе было отпечатано, Тяпинскій говоритъ два раза: онъ говоритъ, что имъ „выдруковано“ „писаня святого Матфея и святого Марка и початокъ Лоуки“. Далѣе, объясняя цѣль своего изданія, онъ говоритъ, что читатели узнаютъ слово божье „ест ли не заразъ,

[1]) Это мѣсто о разъѣздахъ, вѣроятно, подало поводъ архим. Леониду сдѣлать предположеніе о странствующей типографіи Тяпинскаго: онъ ясно говоритъ, что что ѣздилъ за принадлежностями и книгами; съ типографіею ему, очевидно, не зачѣмъ было путешествовать.

вжды з своимъ часомъ оузнают, имъ впередъ подаю" (издаю). Такимъ образомъ, Тяпинскій предполагалъ, не ожидая окончанія всего перевода, выпустить уже отпечатанную имъ часть его. Но вышла ли въ свѣтъ и эта часть—неизвѣстно.

Таковы данныя предисловія, характеризующія міровоззрѣніе его автора и задачи его переводческой дѣятельности.

Передъ нами одна изъ свѣтлыхъ личностей эпохи расцвѣта реформаціоннаго движенія въ Западной Руси. Не получивъ широкаго образованія, Тяпинскій однако быстро усвоилъ лучшія, благороднѣйшія стороны социніанскаго ученія—глубокую любовь къ низшей братіи и сознаніе пользы образованія. Свои убѣжденія онъ спѣшитъ приложить къ дѣлу и жертвуетъ своимъ трудомъ и своими небольшими средствами для того, чтобы дать своимъ соотечественникамъ наиболѣе полезное, по его мнѣнію, орудіе образованія—евангеліе на родномъ языкѣ. Онъ проникнутъ національною гордостью, взываетъ къ былой славѣ славянства; въ этомъ отношеніи онъ является однимъ изъ предшественниковъ Ю. Крижанича. Любовь къ своей Руси онъ ставитъ выше религіозныхъ несогласій и свой переводъ дѣлаетъ изъ любви къ отчизнѣ, безъ различія религіозныхъ убѣжденій своихъ соотечественниковъ. Но любовь къ родинѣ не мѣшаетъ Тяпинскому видѣть темныя стороны въ состояніи современнаго ему общества; онъ, сектантъ, не радуется умственному и нравственному паденію оффиціальныхъ учителей уже чуждой для него религіи и, напротивъ, пытается поднять образованность и въ ихъ средѣ. Паденіе православнаго духовенства засвидѣтельствовано исторіею и отзывами современниковъ [1]), и Тяпинскій нисколько этого не преувеличиваетъ. Съ другой стороны, во взглядѣ на значеніе перевода евангелія на современный языкъ онъ сходится съ лучшими людьми вѣка, хотя и противуположныхъ религіозныхъ убѣжденій. Стоитъ вспомнить цѣль переводчика Пересопницкаго евангелія—„для лепшого выразумленія люду христіанскаго посполитого", учительнаго евангелія, изданнаго Гр. А. Ходкевичемъ—„выразумленія ради простыхъ людей" и дѣятельность Ф. Скорины [2]). Но важно то, что Тяпинскій понимаетъ вопросъ шире: онъ имѣетъ въ виду не только цѣли религіи, но и поднятіе, путемъ образованія, національнаго самосознанія. Онъ пишетъ въ то время, когда полонизація края дѣлаетъ первые шаги [3]), первый начинаетъ борьбу съ нею и—что весьма замѣча-

---

[1]) Данныя объ этомъ сгруппированы въ ст. г. Прохаски: Z dziejów unii brzeskiej. (Kwartalnik Historyczny, 1906, III).

[2]) П. В. Владиміровъ, Докторъ Франциск Скорина, стр 30—31.

[3]) Вспомнимъ, что Тяпинскій жалуется на предпочтеніе, оказываемое польскому языку и на обученіе ему съ дѣтства, отмѣтимъ свидѣтельство Баркулабовской лѣтописи стр. 20 и 22 переиздана мною въ Кіевск. Универс. Изв. 1898 г. дек.).

тельно—не на почвѣ религіозной (какъ это было впослѣдствіи), но—на національно-культурной.

Въ заключеніе слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о научномъ образованіи Тяпинскаго. Однако этотъ вопросъ могъ бы быть рѣшенъ только на основаніи изслѣдованія состава его примѣчаній къ переводу, чего мы однако не могли сдѣлать. Что же касается до соотвѣтственныхъ мѣстъ предисловія, то оно даетъ въ этомъ отношеніи весьма немного и это немногое говоритъ не въ пользу нашего автора. Такъ, напр., онъ какъ будто не совсѣмъ ясно представляетъ себѣ національность Іоанна Златоуста и Григорія Великаго. Его перечень христіанскихъ странъ (Пентаполія, Месопотамія, Финикія) отзывается знакомствомъ съ географическими пособіями, устарѣвшими на нѣсколько вѣковъ. Впрочемъ, нашъ авторъ и самъ говоритъ о себѣ, что онъ „не влох не нѣмецъ або *не доктор* и ниякій постановеныи межи попы“ (стр. 1).

II.

Изложивъ содержаніе предисловія Тяпинскаго къ Евангелію, характеризующее міровоззрѣніе переводчика, обратимся къ тѣмъ краткимъ свѣдѣніямъ о его жизни и дѣятельности, которыя удалось найти въ документахъ Литовской Метрики Моск. Арх. Мин. Юст. [1]) и въ архивѣ Греко-уніатскихъ митрополитовъ [2]). Документы эти, правда, немногочисленны; притомъ въ нихъ тщетно было бы искать опредѣленныхъ указаній на религіозныя воззрѣнія нашего автора; это судебные акты, мѣновые, вообще документы, рисующіе матерьяльную обстановку Тяпинскаго. Это вполнѣ понятно, такъ какъ другіе (напр. частная переписка) и не могли бы попасть въ оффиціальныя книги великокняжеской канцеляріи.

Къ сожалѣнію, по нашимъ документамъ нельзя точно опредѣлить времени жизни Тяпинскаго: первый по времени актъ съ его именемъ помѣченъ 14 іюлемъ 1564 г. (С. Д. Л., 46, л. 859); въ послѣднемъ говорится о тяжбѣ между его сыновьями; актъ записанъ 22 іюля 1604 г., но въ немъ сказано, что возникшее между ними дѣло рѣшалось гродскимъ полоцкимъ [3])

---

[1]) Поиски мои въ Метрикѣ были вызваны письмомъ пр. *А. И. Соболевскаго*, обратившимъ мое вниманіе на возможность нахожденія въ ней свѣдѣній о Тяпискомъ.

[2]) Копія документа изъ архива б. греко-ун. митрополитовъ любезно доставлена мнѣ многоуважаемымъ *А. Н. Львовымъ*, за что приношу ему глубокую мою признательность.

[3]) Такимъ образомъ дѣло должно было бы находиться въ соотвѣтственныхъ полоцкихъ книгахъ; тамъ же могли бы быть и другіе документы о Тяпинскомъ. Я весьма обязанъ архиваріусу Витебскаго Центральнаго архива Д. И. Довгялло, произведшему, по моей просьбѣ, поиски въ своемъ архивѣ. Къ сожалѣнію, въ сохранившихся книгахъ никакихъ упоминаній не встрѣтилось. Однако я считаю себя глубоко обязаннымъ Д. И. Довгялло за его поиски.

судомъ 1 января 1604 г. (С. Д. Л. 76, л. 278). Такимъ образомъ, если сыновья спорили о наслѣдствѣ, дѣлили его въ 1603 г., то очевидно Тяпинскій умеръ около этого года, а можетъ быть и въ 1603 г.; въ 1564 г. онъ уже былъ совершеннолѣтнимъ, такъ какъ велъ тяжбу объ имѣніи, бывшемъ у него на залоговомъ правѣ, т. е. ему было по крайней мѣрѣ лѣтъ 20—25.

Изъ нашихъ документовъ мы узнаемъ отчество Тяпинскаго и его полную фамилію: во всѣхъ документахъ онъ называется Василіемъ Миколаевичемъ (Миколая Ивановича [1]) Тяпинскимъ или В. М. Тяпинскимъ-Омельяновичемъ (эта фамилія въ кн. С. Д. Л. 76, л. 278, Амельяновичъ въ З. Л. 64, 9 об.). Такимъ образомъ онъ носилъ двойную фамилію.

Тяпинскій принадлежалъ къ шляхетскому сословію; документы называютъ его: земенинъ нашъ (т. е. господарскій, С. Д. Л. 47, л. 161, З. Л. 47, л. 99), земенинъ повѣта Виленскаго (С. Д. Л., 46, л. 859), Минскаго (С. Д. Л. 58, л. 106), Лидскаго (З. Л., 64, л. 9), наконецъ онъ самъ и его сыновья называются земянами воеводства Полоцкаго (С. Д. Л. 76, л. 278). Это разнообразіе въ названіяхъ повѣтовъ, къ шляхетству которыхъ принадлежалъ Тяпинскій, объясняется тѣмъ, что у него въ разныхъ повѣтахъ были земли, хотя и не въ одно время. Но родовое его имѣніе Тяпино лежало въ предѣлахъ Полоцкой земли.

Женатъ Тяпинскій былъ на княжнѣ Софіи Даниловнѣ Жижемской, представительницѣ захудалаго уже въ то время княжескаго рода: она всего одинъ разъ упоминается въ актахъ [2]) подъ 1574 г. (З. Л. 64, л. 9 об.). Наконецъ, упоминаются два сына В. Тяпинскаго—Аврамъ и Тобіашъ [3]) (С. Д. Л., 76, л. 278). Однако нѣтъ указаній, одинъ ли разъ былъ женатъ Тяпинскій.

Что касается до другихъ Тяпинскихъ, то о нихъ мало свѣдѣній въ Метрикѣ. Въ одномъ только случаѣ встрѣчаемъ коротенькую запись о пожалованіи кор. Сигизмундомъ Августомъ какому-то Фредриху Тяпинскому въ 1563 г. 10 службъ людей въ Борисовской волости, вслѣдствіе опустошенія непріятелями его имѣнія,—очевидно лежавшаго въ Полоцкой землѣ, района военныхъ дѣйствій (С. Д. Л., 53, л. 83 об.); въ другомъ случаѣ встрѣчаемъ замѣтку о дачѣ Матею Тяпинскому с. Головенчи въ Могилевѣ [4]). Въ ревизіи Полоцкаго воеводства въ 1558 г. рядомъ съ Миколамъ Ивапо-

---

[1]) Scriptores rerum polonicarum, t. V, p. 244 (ревизія Полоцкой земли 1558 г.).

[2]) Въ книгѣ г. Вольфа „Kniazowie lit.-ruscy“ Софія не упомянута среди дѣтей Данила Жижемскаго.

[3]) Замѣтимъ, что оба сына носили библейскія имена, необычныя среди православныхъ того времени, но употреблявшіяся, какъ извѣстно, сектантами.

[4]) Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, p. 143.

вичемъ Тяпинскимъ названъ тоже владѣльцемъ Тяпина (очевидно отдѣльнаго уже двора) Матвѣй Ивановичъ—конечно, братъ его (стр. 24 [1]).

Въ XVII ст. нѣсколько разъ въ витебскихъ и полоцкихъ книгахъ встрѣчается эта фамилія, но не сыновья Василія Миколаевича,—по поводу поземельныхъ споровъ [2]). Что Тяпинскіе рѣдко встрѣчаются въ документахъ, происходитъ отъ того, что эта мелкая земянская фамилія не играла сколько-нибудь видной роли ни въ государствѣ, ни въ своемъ повѣтѣ.

Что касается имущественнаго положенія В. Тяпинскаго, то его можно опредѣлить по нашимъ даннымъ. О хозяйственномъ значеніи родового имѣнія Тяпина наши свѣдѣнія довольно скудны. *Тяпино* лежало въ нын. Лепельскомъ у. на границѣ съ Сѣннискимъ. При Миколаѣ Ивановичѣ здѣсь былъ дворецъ съ пашнею; въ имѣніи были: 2 слугъ путныхъ на конной службѣ, ничего не платившихъ владѣльцу; отчизныхъ людей было 12 дымовъ, тяглые люди работали ему по 2 дня въ недѣлю. Сверхъ того въ Тяпинѣ сидѣло 4 куничниковъ, платившихъ всего 48 грошей въ годъ, да два огородника служили по одному дню въ недѣлю. Со всего имѣнія своего Тяпинскій обязанъ былъ ставить на службу одного коннаго воина (Ревизія Пол. воев.).

Кромѣ Тяпина Тяпинскій владѣлъ им. *Версоцкимъ* въ Лидскомъ повѣтѣ. Это имѣніе принадлежало первоначально его женѣ Софіи Даниловнѣ Жижемской, какъ имѣніе „материстое, которое ся ей правомъ прирожонымъ по матце ее з делу достало". Раздѣлъ у Тяпинскихъ съ сестрою Софіи Екатериною Данильевною и ея мужемъ Василіемъ Михайловичемъ Скипоромъ сопровождался споромъ, о чемъ, въ самыхъ общихъ словахъ, упоминаетъ нашъ документъ: „вед же права которыемъ ие заедналъ такъ до еднанья в року отъ нароженья Сына Божого тисеча пятьсотъ семдесятъ осмомъ месеца апреля дванадцатого дня у Лиде будучого зачатыхъ и ненарушоныхъ, яко и по еднанью, што се кольвекъ оповеданныхъ стало на земенина господарскаго повету Лидского Василья Михайловича Скипора и жену его Катерину Данильевну княжну Жижемскую, тыхъ правъ я самъ маю на нихъ доходити"—говоритъ онъ въ мѣновомъ актѣ. Софія Данильевна продала Версоку своему мужу за 600 копъ грошей литовскихъ „добровольне по своей доброй воли, уживаючи вольности в поправе в статуте описаное, на вечность". Неизвѣстно, въ какомъ году состоялась эта сдѣлка,

---

[1]) Часть Тяпина, въ 1591 г. находилась уже въ другихъ рукахъ: Мих. Служка закладываетъ свое имѣніе Тяпино въ Полоцкомъ пов. въ 1591 г. (Акты Вил., XIV, 41), но тогда еще живъ былъ Василій Миколаевичъ и владѣлъ своею частью, слѣдов. Служкѣ принадлежала часть Матвѣя; какъ она перешла къ нему—неизвѣстно.

[2]) Напр., Акты Витебскія, т. XXVI, р. 138, 477, 497, XXIII, 430, XXV, 192 и пр.

но изъ ссылки Статутовую поправу слѣдуетъ заключить, что продажа совершена во всякомъ случаѣ послѣ 1565 г.

Имѣніе Версока было весьма не велико по своему хозяйственному значенію. Въ немъ, по обычаю того времени, былъ дворъ, расположенный надъ р. Версокою, съ гриднею, свирномъ, стайнею; при домѣ—садъ, ставище, выгонъ, сѣножати, поля и проч. угодія. Дворъ Тяпинскаго находился бокъ-о-бокъ съ дворомъ В. Скипора, раздѣляясь только-что выстроеннымъ заборомъ. При дворѣ встрѣчаемъ небольшой посолекъ крестьянъ „отчизныхъ и непохожихъ“—всего 5 службъ земли, на которыхъ насчитано 11 крестьянскихъ хозяйствъ. Эти службы сидѣли на дворной землѣ, надѣлы которой были въ разныхъ мѣстахъ. Кромѣ того при дворѣ Версокѣ находилось 12 человѣкъ невольной челяди и 2 человѣка „заставныхъ“ отъ князя Шуйскаго, заложенныхъ „до отданья“ имъ еще матери Софіи Данильевны въ 15 копахъ грошей.

По неизвѣстнымъ причинамъ, можетъ быть, вслѣдствіе споровъ съ родственниками-сосѣдями, Тяпинскій мѣняетъ свою Версоку съ земяниномъ ошменскимъ Миколаемъ Яновичемъ Братишевскимъ на имѣніе послѣдняго Польковское Ошменскаго повѣта. Мѣновая сдѣлка совершена въ самой Версокѣ 28 февр. 1579 г. въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей—мелкихъ господарскихъ земянъ; но среди подписавшихся нѣтъ родственниковъ продавцовъ—Екатерины и Василія Скипоровъ. На мѣновомъ листѣ Тяпинскій подписался „писмомъ русскимъ“. 24 марта того же 1579 г. мѣновой актъ внесенъ въ книги Метрики Литовской, въ Вильнѣ.

Тяпинскій передаетъ свое имѣніе Братишевскому „зо всимъ отъ мала до велика, пожитки, яко ся вышей поменило и зо всими кгрунты и врощищами... на вечность на вси пришлые часы вечне ему самому, дѣтемъ и потомкамъ и щадкомъ его поступилъ“. Впрочемъ, Тяпинскій изъ этого имѣнія переводитъ „до иного именья моего“ всю невольную челядь—„которихъ я Василій Тяпинскій вечне при себе и вечне при немъ (имѣніи) быти маютъ“. Въ случаѣ если бы Тяпинскій вздумалъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, вчинить искъ о возвращеніи ему имѣнія Братишевскимъ, то назначается „зарука“ 600 копъ грошей на врядъ и въ 600 копъ грошей Братишевскому. Всѣ судебные иски, споры о владѣніи, равно какъ и споръ съ Скипорами Тяпинскій принимаетъ на себя, совершенно устраняя отъ нихъ новаго владѣльца [1]).

28 марта того же 1579 г. въ Версокѣ же совершонъ мѣновой актъ, которымъ Братишевскій передаетъ свое имѣніе Польковское Тяпинскому. Мѣновой актъ совершенъ почти въ такихъ же выраженіяхъ, передающихъ

---

[1]) Зап. Л. 64, л. 9 об.—14.

на вѣчность Тяпинскому Польковское имѣніе, въ какихъ онъ передавалъ свое.

Польковское имѣніе было выслужено Братишевскимъ на вѣчность за женой воеводы витебскаго Станислава Кишки Ганной Яновной, урожд. Радивилловной, въ моментъ заключенія акта бывшей уже вторично замужемъ за Криштофомъ Садовскимъ. На Братишевскомъ лежало обязательство ставить въ ея „почотѣ“ коня. Ганна и Криштофъ Садовскіе дали особый листъ Тяпинскому, которымъ позволяютъ ему промѣнять это имѣніе на свое и освобождаютъ на вѣчность отъ службы въ „почотѣ“ Ганны Яновны [1]).

Такимъ образомъ Тяпинскій сдѣлался владѣльцемъ Польковскаго имѣнія. Оно лежало въ Ошмянскомъ повѣтѣ надъ рѣкой Вельею, среди земель Жидискихъ крестьянъ князей Вишневецкихъ. При имѣніи были поля, сѣножати, два участка сосноваго лѣса и 2 пустовщины; въ центрѣ же находился дворецъ. Земли Польковскаго имѣнія были уже размѣрены на волоки, на 4 волокахъ сидѣло 7 домохозяевъ, да два крестьянина жили отдѣльно въ с. Гординятахъ.

Вотъ и всѣ небольшія свѣдѣнія объ этомъ имѣніи Тяпинскаго [2]).

Съ документомъ заключенной объ обмѣнѣ имѣніями сдѣлки, у Тяпинскаго произошелъ казусъ, который мы здѣсь и передадимъ для полноты о немъ свѣдѣній. На другой день по совершеніи сдѣлки (30 марта) по приказанію короля Стефана Баторія въ судныя книги Метрики было занесено слѣдующее заявленіе Тяпинскаго: „Поведилъ передъ его королевской милостью земенинъ повету Меньского Василій Тяпинскій, ижъ вчинивши з... Братишевскимъ мену на именье“, оба контрагента предъявляли королю листы до канцеляреи нашое ку вписанью до книгъ канцеляреи нашое дали, ино въ канцеляреи нашой пригодне тотъ листъ Миколая Братишевскаго менованый на именье Польковское ему данный инькавустомъ змазалсе; ведъже предся въ томъ месцу змазаномъ писмо значно и прочесть его можетъ“. Тяпинскій „обавяючися, чтобы эти помарки листу „не вадило“, сдѣлалъ настоящее заявленіе, и получилъ эту выпись (С. Д. Л., 58, л. 108).

Кромѣ имѣній Польковскаго и Тяпина, Тяпинскій владѣлъ еще на залоговомъ правѣ имѣніемъ *Свираны* [3]) въ Виленскомъ пов. Это тоже небольшое имѣньице поступило къ Тяпинскому въ залогъ отъ старосты румборскаго п. Миколая Остика до 1564 г. О размѣрахъ имѣнія въ этомъ году можно судить по жалобѣ Тяпинскаго на наѣздъ и захватъ людей его п. Юріемъ Остикомъ. Такъ, въ немъ было 9 службъ людей съ тивуномъ, на которыхъ жило 13 домохозяевъ крестьянъ. Кромѣ того при Свиранскомъ

---

[1]) Зап. Л. 64, л. 9 об.—14.
[2]) Тамъ-же, 14—19 об.
[3]) Нынѣ въ Свѣнцянскомъ уѣз. Вилен. губ., въ Комелишской волости.

имѣніи было девять пустовщинъ, на которыхъ тоже жили заставные люди. На пустовщинахъ было засѣяно въ 1564 г. 20 бочекъ жита, 2 бочки пшеницы, 4 бочки ячменя, 4 бочки ярицы, 12 бочекъ ярицы, 8 боч. гречихи, 1 бочка гороху. Кромѣ того на тѣхъ же пустовщинахъ были посѣвы заставнаго боярина Бобровскаго, впрочемъ ушедшаго ко времени начала тяжбы и оставившаго посѣвъ въ 12 бочекъ жита, 8 бочекъ разной ярины. При тѣхъ же пустовщинахъ были сѣножати на 100 возовъ сѣна (С. Д. Л. 46, л. 85 об.).

Мы не знаемъ, когда и въ какой суммѣ было заложено Тяпинскому имѣніе Свираны; не знаемъ также, было ли оно въ концѣ концовъ выкуплено владѣльцами Остиками, или, по обычаю того времени, это имѣніе было перезаложено Тяпинскимъ. Во всякомъ случаѣ хозяйственное значеніе и этого владѣнія было весьма скромно.

Однако Тяпинскому пришлось изъ-за него выдержать многолѣтній процессъ съ братомъ покойнаго М. Остика, Юріемъ. Поводомъ къ нему послужилъ уже начинавшій входить въ то время въ обычай внезапный наѣздъ Остика на Свираны.

19 іюля 1564 г. Тяпинскій явился передъ земскимъ виленскимъ урядомъ, на которомъ тогда сидѣлъ намѣстникъ вилеискій Стан. Гамшей, съ заявленіемъ: „ижъ дей дня вчорашнего во второкъ его милость панъ Юрей Остикъ, староста браславский ротмистръ его королевское милости, наехавши на именье его Свиранское, которое маетъ в заставе от брата его милости пана Миколая Остика, старосты румборскаго, моцно кгвалтомъ нетъ ведома для чого отнялъ“ (слѣдуетъ описаніе имѣнія). „Которого онъ именья з людьми тыхъ пустовщинами вышей менеными былъ в зуполномъ а доброволномъ держанью и вживанью черезъ немалый часъ. То пакъ дей панъ Юрей Остикъ кгвалтовне зобравши яко люди, пустовщины, збоже и сеножати того именья вышей менованого Свиранского привернулъ ку двору своему Оранскому“ (С. Д. Л., 46, л. 859 об.).

Это заявленіе и послужило началомъ продолжительнаго процесса.

Заявивъ уряду, Тяпинскій отправился къ королю въ Парцовъ. Король „моцью звирхности нашое господарское“ приказалъ возвратить захваченныя при наѣздѣ пустовщины и посѣвы, для чего посланъ былъ дворянинъ господарскій Каспоръ Новоселицкій; послѣдній возвратилъ Тяпинскому земли [1]). Тѣмъ не менѣе убытки, причиненные наѣздомъ, возвращены не были потерпѣвшему, почему истецъ, основываясь на первомъ мандатѣ королевской власти, призвалъ въ судъ Ю. Остика по дѣлу о возвращеніи убытковъ. Судебное разбирательство происходило 12 января 1565 г. въ Вильнѣ на валь-

---

[1]) Королевскаго мандата, выданнаго въ Парцовѣ, не сохранилось, но объ этомъ говорится при разборѣ нижеслѣдующаго иска.

номъ сеймѣ въ судебномъ засѣданіи маршалковскаго суда. Судъ составляли въ этой сессіи слѣдующія лица: п. Гр. Воловичъ, п. П. И. Сопѣга, п. С. П. Нарушевичъ, п. Матв. Петковичъ и др.

Тяпинскій предъявлялъ искъ объ учиненіи ему „нагороды“ „за кгвалтъ и за шкоды въ онъ часъ ему починеные“.

Истецъ явился на судъ лично; въ числѣ его свидѣтелей встрѣчаемъ владѣлицу заставного имѣнья п. Миколаевую Остиковича. Юрій Остикъ поручилъ дѣло вести вмѣсто себя прокуратору Яну Лонскому, хотя и самъ былъ въ судѣ; его мѣсто заступилъ плибанъ Бурдынскій—главный виновникъ процесса.

Адвокатъ Лонскій указалъ на слѣдующія обстоятельства: Юрій Остикъ, какъ „подавца“ Ворнянской плебаніи отдалъ ее своему служебному плебану Матысу Бурдынскому вмѣстѣ со всѣми ея доходами и фундушами; между этими фундушами наданы отъ его предковъ на плебанію и люди въ Орняпахъ: „прото Тяпинский жадного слушного права до нихъ не маетъ и того яко костельного пристойне держати и вживати не могъ“. Однако отвѣтчикъ никакого наѣзда не чинилъ лично, земель и хлѣбовъ не забиралъ; если же самъ Бурдынскій, какъ плебанъ, „о тые люди и земли з нимъ починалъ“, то истцу предоставляется право вѣдаться съ нимъ самимъ [1]).

Тяпинскій прежде всего представилъ письменныя доказательства: залоговой актъ Миколая Остика и его жены, которымъ оба обязывались „отъ братьи и всихъ кревныхъ своихъ“ „очыщать“ Свираны, листъ п. Миколая къ служебнику о передачѣ дворца въ кользованіе Тяпинскаго и о составленіи реестра, „з людьми и зо всимъ, якъ его первей на него (Остика) держалъ“ (служебникъ),—реестръ имѣнья съ перечнемъ людей и имущества, переданный ему служебникомъ Мыслькомъ, въ силу приказанія своего пана. Затѣмъ слѣдовало показаніе п. Миколаевой, заявившей: „ижъ восполокъ з мужомъ своимъ зошлымъ паномъ Миколаемъ Остикомъ тые люди и земли при томъ дворцу Свиранскимъ, яко свои властиыи Тяпинскому зоставили“; если Бурдынскій имѣетъ какія-нибудь права на это имущество, онъ долженъ искать ихъ на ней и ея дочери Ганнѣ Миколаевнѣ княгинѣ Львовой Коширской, какъ „дѣдичкѣ“ имѣнія. Наконецъ, истецъ представилъ еще выписки изъ книгъ, свидѣтельствующія о наѣздѣ и „прыверненіи“ людей къ имѣнію п. Ю. Остика, предлагая при этомъ допросить и самого Бурдынскаго. Судьи дѣйствительно „неоднокроть пытали“ Бурдынскаго доказать: „естли бы якіе иные обороны ку праву належачые на то в себе мелъ“. Однако Бурдынскій „жадное обороны правное не показалъ“, утверждая только, что эти люди—„властность плебанеи своее Ворнянское

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ въ нашемъ актѣ несомнѣнный пропускъ, но онъ, повидимому, не мѣшаетъ знакомству съ общимъ ходомъ дѣла.

у Тяпинскаго былъ *взялъ*, а на то никотораго урядовного и водле права учиненного поступку не показалъ"; но считая, что у него уже начатъ процессъ съ Тяпинскимъ, предлагалъ ему вести дѣло *„передъ урядомъ и правомъ духовнымъ* о то, яко о речь костельную". На это Тяпинскій представилъ слѣдующій доводъ: такъ какъ Бурдынскій уже выступилъ отвѣтчикомъ передъ свѣтскимъ судомъ, то „подле звычаю права посполитого" долженъ его здѣсь продолжать.

Маршалковскій судъ, по обычаю, доложилъ королю о результатахъ судоговоренія. Король съ панами радами постановилъ такое рѣшеніе: въ въ виду сознанія Бурдынскаго въ отнятіи земель и въ виду того, что онъ „заступилъ" въ судѣ мѣсто своего пана, отводъ его въ духовный судъ не признанъ подлежащимъ удовлетворенію; съ Бурдынскаго присуждено истцу за наѣздъ 12 рублей, а въ скарбъ штрафу 12 рублей. Далѣе суду пришлось опредѣлить размѣры убытковъ, понесенныхъ Тяпинскимъ. Такъ какъ послѣдній въ день наѣзда не былъ въ имѣніи, то реестръ „шкодъ" представилъ бывшій при немъ служебникъ его Войтехъ Вырыковскій и предлагалъ присягнуть въ вѣрности счета убытковъ. Такъ какъ Бурдынскій не имѣлъ „оселости" въ Литвѣ, то Тяпинскій настаивалъ на взятіи тотчасъ же его подъ стражу. Но бывшій тутъ же Ю. Остикъ поручился за плебана, такъ какъ онъ имѣлъ „оселость" въ его имѣніи. Въ день, назначенный для присяги, Бурдынскій не пожелалъ присягнуть. Въ виду этого король вынесъ окончательное рѣшеніе объ убыткахъ въ такой формѣ, что они должны быть уплачены по счету Вырыковскаго, соглашавшагося на присягу,—въ размѣрѣ, по статутовой оцѣнкѣ, 197 копъ грошей; такимъ образомъ съ Бурдынскаго въ пользу Тяпинскаго наложено было взысканіе всего въ суммѣ 217 копъ грошей (въ томъ числѣ вины за наѣздъ 12 рублей=20 копъ грошей). Срокъ уплаты назначенъ слѣдующій: первые 100 копъ должны быть уплачены черезъ 12 недѣль, вторые 100 копъ черезъ слѣдующія 12 недѣль, а 17 копъ черезъ 4 недѣли послѣ второго срока. Если бы Бурдынскій не уплатилъ, то взысканіе должно быть обращено на имущество Ю. Остика, какъ поручителя. Если Бурдынскій имѣетъ какое-нибудь право на Свираны, можетъ ихъ искать на наслѣдникахъ М. Остика (С. Д. Л. 47, л. 161—163).

Впрочемъ, разсказанное дѣло—только начало процесса. Не было въ обычаѣ пановъ того времени исполнить постановленіе суда, хотя бы и королевскаго. Такъ поступилъ и Ю. Остикъ.

8-го сентября 1566 г. король по просьбѣ Тяпинскаго, пишетъ „упоминальный" листъ Остику объ уплатѣ присужденныхъ на Бурдынскомъ убытковъ. Оказывается, что Бурдынскій въ срокъ не уплатилъ. Мало того, король уже разъ посылалъ упоминальный листъ съ дворяниномъ къ Остику, но послѣдній „яко первей сего выроку нашому досыть нечинячи, такъ

и о тое напоминанье и листъ нашъ ничого недбаючи",—платить не хочетъ. Поэтому король, на основаніи Статута и сеймовой уфалы посылаетъ къ Остику вторично дворянина съ приказаньемъ ввести Тяпинскаго во владѣнье частью имѣнія Орняны въ суммѣ достаточной для обезпеченія 217 копъ. Остику король приказываетъ: „твоя бы милость о томъ ведалъ и тому дворянину нашому противенъ не былъ подъ закладомъ" 200 копъ грошей. Если же и теперь Остикъ окажетъ сопротивленіе и неповиновеніе, король угрожаетъ дать приказаніе виленскому воеводѣ „рушить повѣтъ", согласно Статуту (Зап. Л. 47, л. 99 об.—101 об.).

Надо замѣтить, что за время процесса Остикъ успѣлъ уже изъ ротмистра и старосты браславскаго сдѣлаться воеводой мстиславскимъ,—т. е. получить весьма важный и отвѣтственный урядъ. Какъ мало на него подѣйствовали королевскія угрозы, видно изъ заявленія, сдѣланнаго 6-го декабря 1567 г., т. е. болѣе года спустя послѣ грознаго листа, дворяниномъ господарскимъ Матѳеемъ Ивановичемъ и занесеннаго въ книги господарскія канцелярейскія. Когда названный дворянинъ явился въ имѣніе Остика „за онымъ листомъ господарскимъ Тяпинскому на увязанье выименье пана Остикова помененое данымъ до пана Остика до именья его Козлишокъ прышолъ, маючи пры собе людей стороннихъ, шляхту, хотячыся в той суме водле листу господарскаго увезати, ино дей панъ Юрей Остикъ именья своего за тую суму на служебнину его Матысѣ Бурдынскомъ сказаную, не поступилъ, и еще дей яко на того дворенина, такъ и на Тяпинскаго отповеди вдѣлалъ". И проситъ тотъ дворенинъ записать его „сознаиье" въ книги (С. Д. Л., 51, л. 108 об.).

Такимъ образомъ, процессъ осложнился личнымъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ Тяпинскому Остикомъ. Къ сожалѣнію наши акты не сохранили намъ конца дѣла: добился ли Тяпинскій возвращенія убытковъ, или нѣтъ.

Тяпинскому пришлось вести не одинъ этотъ процессъ. Сохранился документъ, указывающій еще на одно дѣло, но, къ сожалѣнію, нельзя выяснить всего хода его.

Въ 1585 г. 20 августа (по Грегоріанскому календарю) занесенъ былъ слѣдующій позовъ В. Тяпинскаго въ гродскія кіевскія книги: возный Кіевскаго повѣта Янъ Войтковскій положилъ 3 іюля 1585 г. въ с. Воробьевичахъ кіевскому митрополиту Онисифору Петровичу (Дѣвочкѣ) „листъ" „вспоминальный" объ учиненіи „справедливости" Тяпинскому съ атаманомъ Яцкомъ Семеновичемъ Осеемъ и другими Митрополичьими подданными с. Воробьевки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и позовъ гродскій на судъ 11 сентября. Жалоба Тяпинскаго на Воробьевскихъ крестьянъ и ихъ владѣльца митрополита заключалась „о неучстенья и зсоромотенья слуги его милости Мар-

ка Заленскаго, о награбенья коня из седломъ и о иншеи речи“ [1]). Очевидно, на слугу Тяпинскаго было совершено нападеніе митрополичьими людьми, можетъ быть, по приказанію самого Онисифора; самъ митрополитъ не удовлетворилъ жалобы Тяпинскаго и не взыскалъ убытковъ съ своихъ подданныхъ, почему жалобщикъ и призываетъ его къ городскому суду. Къ сожалѣнію, мы только и обладаемъ этими коротенькими свѣдѣніями о распрѣ Тяпинскаго съ Онисифоромъ Дѣвочкою.

Вотъ обзоръ матеріальнаго положенія Тяпинскаго и пережитыхъ имъ невзгодъ. Не знаемъ, удалось ли ему сохранить свое имущество до смерти и передать его своимъ сыновьямъ. Имѣющееся у насъ спорное дѣло между послѣдними не выясняетъ этого.

1 января 1604 года между Абрамомъ и Тобіяшомъ Тяпинскими должно было разбираться въ Полоцкомъ гродскомъ судѣ дѣло. Абрамъ жаловался на своего брата за „выбитье“ его изъ „спокойнаго держанья“ имѣньемъ его Тяпинымъ, на захватъ обидчикомъ „збожья разного и жита“, затѣмъ на неотдачу ему братомъ „садибы старое небощыка отца ихъ“ и за неуплату ему положенной въ договорѣ о передачѣ ея неустойки (очевидно, между ними состоялось раньше соглашеніе), наконецъ, „за побранье будованья, заметовъ, плотовъ дворныхъ около того двора его“. Вотъ все, что актъ говоритъ о началѣ дѣла, которое повело къ дальнѣйшимъ спорамъ.

Тобіяшъ, вызванный на судъ гродскій къ 1 январю 1604 г. не явился, почему и былъ осужденъ заочно: съ него присуждено взыскать на его имѣніи Тяпинѣ убытковъ въ пользу брата на сумму 254 копъ грошей литовскихъ и для взысканія ихъ, съ вводомъ въ имѣніе, судъ отправилъ полоцкаго вознаго Балтромея Банковскаго. Послѣдній въ положенный срокъ явился въ Тяпино въ сопровожденіи 3 шляхтичей для „увезанія“ въ имѣнье. Но Тобіашъ оказалъ возному и сторонѣ сопротивленіе „моцно боронилъ и отправы чинить не поступилъ“. Тогда отправился въ Тяпино судья гродскій „урожонный“ Янъ Рагоза 25 іюля 1604 г. „на увезанье за тую верху помененую суму и за заруку“. Результатъ былъ тотъ же. Тогда судья отправилъ донесеніе королю о „выволаніи“ Тяпинскаго. Въ отвѣтъ на это донесеніе король и издаетъ уже 22 іюля того же года для свѣдѣнія всей шляхты Литовской свой листъ о „выволаніи Тобіаша:“ выконываючи дальшый и срозшый поступокъ правный его Тобіяша Тяпинскаго за таковогo упорного и враду нашого непослушного, сказали есмо его зо всихъ панствъ нашихъ выволати и симъ листомъ нашымъ выволанцомъ чынимъ. Прото прыказуемъ вамъ (шляхтѣ), абысте, з нимъ никоторого сполку. обцованья не мели, въ домахъ своихъ и нигдѣ переховывати не смели подъ винами, в праве, посполитыми опосаными. Што абы всимъ до ведомости прыходило

[1]) Архивъ б. греко-ун. митроп. № 108.

вамъ врадникомъ земскимъ и кгродскимъ полоцкимъ приказуемъ, абы сесь нашъ листъ водлугъ звычаю, до книгъ публиковали, и то черезъ возныхъ обволати и копеи з него списуючы на местцахъ звыклыхъ прибивати велели конечно" (С. Д. Л. 76, л. 278).

Изъ только-что изложеннаго акта видно, что сыновья Тяпинскаго дѣлили только одно Тяпино между собою: быть можетъ, отецъ ихъ, въ своихъ заботахъ объ изданіи Евангелія, успѣлъ растратить другія свои имѣнія.

Мы извлекли всѣ данныя, которыя только удалось добыть, для сужденія о личности и о міровоззрѣніи переводчика бѣлорусскаго евангелія.

Тяпинскій происходитъ изъ мелкаго земянства Подвинской окраины Литовской Руси. По имущественному своему цензу, онъ является мелкимъ землевладѣльцемъ; его два собственные двора и одинъ закладной весьма мелкія имѣнія сравнительно съ громадными лятифундіями тогдашнихъ землевладѣльцевъ даже средней руки. Въ своей жизни нашему автору пришлось испытать не мало огорченій въ борьбѣ съ сильными людьми: мы отмѣтили три процесса—съ его родственниками по женѣ Скипорами, съ Ю. Остикомъ и митрополитомъ. О второмъ изъ нихъ наши свѣдѣнія оказались довольно подробными и все дѣло является насиліемъ надъ слабымъ,—впрочемъ это обычное явленіе того времени; можетъ быть, въ томъ же родѣ былъ и процессъ съ Онисифоромъ Дѣвочкой, который оставилъ о себѣ нелестную память въ исторіи. Жизненныя передряги, матеріальная недостаточность наложили свою печать и на единственное самостоятельное литературное произведеніе Тяпинскаго—его предисловіе къ Евангелію: въ немъ онъ неоднократно жалуется на пановъ, высшихъ церковныхъ сановниковъ и вообще на духовенство; онъ жалуется на свою матеріальную несостоятельность, мѣшающую ему успѣшно печатать приготовленный имъ переводъ, на траты на типографію—все это прекрасно сходится съ данными о его матеріальномъ положеніи.

По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ примыкалъ къ социніанству. Но Тяпинскій не порывалъ связи съ роднымъ народомъ. Напротивъ, онъ глубоко огорченъ паденіемъ національнаго самосознанія и образованности въ средѣ своихъ соплеменниковъ въ виду наступающаго ополяченія; онъ гордится плодами древне-русской культуры и въ ея возрожденіи видитъ спасеніе русской національности; возрождающаяся русская культура должна быть основана однако на школахъ и наукахъ на русскомъ языкѣ; конечно, первая книга, которая необходима для поддержанія и обоснованія этой русской культуры—должно быть евангеліе на вполнѣ понятномъ для всѣхъ языкѣ. Религія, изучаемая въ національной школѣ и на родномъ

языкѣ, послужитъ прочнымъ залогомъ культурной крѣпости русской народности. Основныя мысли Тяпинскаго нѣсколько напоминаютъ идеи, проводившіяся Иваномъ Мелешкомъ въ его извѣстной сеймовой рѣчи; а И. Мелешко, имя котораго напрасно нѣкоторые считаютъ псевдонимомъ, происходилъ изъ той же Полоцкой Руси, былъ сосѣдомъ и современникомъ нашего автора.

Бѣлоруссы.

Этнографическій очеркъ *).

Среди деревенской обстановки и занятій пахаря и рыболова бѣлоруссъ еще сохранилъ много любопытныхъ особенностей, какъ въ языкѣ, общемъ строѣ міровоззрѣнія, вообще во всемъ умственномъ укладѣ жизни, такъ и въ обстановкѣ внѣшняго быта. Общій колоритъ бѣлорусской рѣчи, фигура и одежда бѣлорусса рѣзко выдѣляютъ его отъ великоруссовъ и малоруссовъ. Бѣлорусское мѣщанство далеко не такъ консервативно: въ настоящее время національный бѣлорусскій костюмъ на городскомъ жителѣ—уже болшая рѣдкость. Мѣщанство болѣе или менѣе крупныхъ городовъ быстро утрачиваетъ чистую бѣлорусскую рѣчь, которая подвергается сильному великорусскому вліянію; въ иныхъ городахъ, особенно Минской губ., гдѣ вліяніе польскаго элемента и католицизма было гораздо сильнѣе, преобладаетъ среди мѣщанства польскій языкъ. Такимъ образомъ въ городахъ среди мѣстнаго мѣщанства слышится или польская рѣчь, или великорусская съ сильной примѣсью бѣлорусской фонетики, что придаетъ рѣчи горожанъ весьма неблагозвучный колоритъ. И внѣшняя обстановка быта городского ремесленника, огородника, мелкаго торговца въ сильной мѣрѣ подверглась городскому вліянію. Горожанинъ уже гнушается богатымъ запасомъ бѣлорусскихъ пѣсенъ и сказокъ, жадно усваивая солдатскую, фабричную пѣсню или какой-нибудь романсъ въ безобразной передѣлкѣ. Только еще нѣкоторыя основныя черты умственнаго уклада бѣлорусса сохраняются въ городскомъ пиджачникѣ: вѣра въ нечистую силу, въ помощь для борьбы съ ней знахаря, кое-гдѣ скомканное выполненіе свадебнаго, родиннаго или рождественскаго обряда напоминаетъ о кровной связи мѣщанина съ окрестными селами. О мѣстной бѣлорусской интеллигенціи, подобной, напр., малорусской, рѣчи быть не можетъ, такъ какъ ея не существуетъ. Независимо отъ того, къ ка-

*) Ст. помѣщенная въ „Россіи“ изд. подъ ред. В. П. Семенова, т. IX.

кому классу общества принадлежитъ образованный бѣлоруссъ, прошедшій среднюю или высшую школу, онъ охотно оставляетъ родной край и ищетъ мѣста на чужбинѣ. Немногіе поэтому изъ окончившихъ курсъ въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возвращаются на родину, да и возвращающіеся рѣдко поддерживаютъ связи съ сельскимъ людомъ. Эти факты, столь обычные для всей Россіи, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ имѣютъ еще особыя причины. Въ краѣ отсутствуетъ крупная фабричная и заводская промышленность, а существующая находится въ рукахъ нѣмцевъ и евреевъ; въ краѣ нѣтъ единаго крупнаго центра административнаго или культурнаго, который могъ бы присасывать къ себѣ образованную молодежь, въ трехъ губерніяхъ отсутствуетъ и земство. Въ тѣхъ же трехъ губерніяхъ землевладѣніе находится преимущественно въ рукахъ поляковъ; если полякъ стремится къ административной карьерѣ, онъ долженъ искать ее внѣ предѣловъ своего родного края; если полякъ не вышелъ изъ сферы польской культуры, то для него естественнымъ центромъ является Варшава, въ крайнемъ случаѣ Вильна, Кіевъ. Такимъ образомъ три бѣлорусскія губерніи находятся въ особыхъ условіяхъ, не представляющихъ широкаго поля для приложенія интеллигентнаго труда; мѣста же по администраціи охотно замѣщаются выходцами изъ великорусскихъ губерній въ цѣляхъ обрусенія края.

Итакъ, съ настоящимъ, кореннымъ бѣлоруссомъ можно познакомиться только въ его бѣдной деревнѣ, среди болотъ и лѣсовъ. Мало того, чѣмъ глуше эта деревня, чѣмъ больше она удалена отъ города тѣмъ населеніе ея является болѣе интереснымъ для наблюдателя потому, что городскіе обычаи, вліяніе школы и церкви начинаютъ проникать въ села и нарушаютъ первобытный жизненный укладъ ихъ.

По наружности бѣлорусса очень нетрудно отличить отъ двухъ другихъ разновидностей русскаго племени — великороссовъ и малороссовъ. Прежде всего онъ средняго роста, скорѣе приземистъ; онъ не такъ широкъ и плотенъ, какъ великоруссъ. Данныя о ростѣ новобранцевъ, разработанныя проф. Д. Н. Анучинымъ, даютъ слѣдующія величины средняго роста:

Смоленская губ.	1.634	мм.
Витебская „	1.642	„
Могилевская „	1.637	„
Минская „	1.634	„

Такимъ образомъ ростъ новобранцевъ въ Витебской и Могилевской губ. можно признать среднимъ, а въ Смоленской и Минской—нѣсколько ниже средняго. Въ частности по уѣздамъ наиболѣе высокій ростъ новобранцевъ констатированъ Анучинымъ для Порѣчскаго, Красненскаго и Мозырскаго у.у., а наиболѣе низкій—для Пинскаго, Климовичскаго, Двин-

скаго, Рѣжицкаго и Люцинскаго у.у. Вообще среди новобранцевъ разсматриваемой области попадается отъ 2 до 3% очень высокихъ. Бѣлоруссъ отличается свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, а женщины очень часто обладаютъ весьма тонкими чертами лица. Свѣтлые или свѣтлорусые волосы являются преобладающими среди бѣлорусскаго населенія, точно такъ же какъ и сѣрый или голубой цвѣтъ глазъ. Такимъ образомъ у бѣлорусса нѣтъ того высокаго роста и той стройности, которой обладаетъ малоруссъ, и нѣтъ той осанистости, степенности, которая составляетъ украшеніе великорусскаго типа. Несмотря на это общее впечатлѣніе, выносимое при встрѣчѣ съ типичнымъ бѣлоруссомъ, весьма для него благопріятно: въ немъ замѣтна мягкость въ чертахъ лица, которую удачно пополняетъ кроткій взглядъ сѣрыхъ или голубыхъ глазъ; все это очень хорошо гармонируетъ съ нѣсколько хрупкимъ, на первый взглядъ, физическимъ строеніемъ всего организма. Нѣкоторая скулатость, которою отличается физіономія центральнаго бѣлорусса, также нисколько не портитъ общаго впечатлѣнія. Вообще бѣлоруссы представляютъ собою едва ли не самый чистый типъ славянскаго племени. Это объясняется тѣмъ, что бѣлорусское племя въ своемъ историческомъ прошломъ не сливалось съ другими народностями, тогда какъ великороссы, занимая земли финскихъ племенъ, смѣшивались съ ними, а малорусское племя представляетъ собою очень пеструю смѣсь древне русскихъ племенъ съ тюркскими народностями. Бѣлорусская народность никогда не подвергалась завоеванію неславянскаго племени; даже татары не пошли глубже Смоленской области, но и здѣсь они были недолго. Сліяніе съ Литвой, а затѣмъ съ Польшей не могло повліять на измѣненіе бѣлорусскаго типа, такъ какъ и изъ Литвы, и изъ Польши переходило въ русскія земли исключительно дворянство, притомъ вообще въ небольшомъ числѣ. Конечно чистота бѣлорусскаго типа подвергается измѣненіямъ по мѣрѣ приближенія къ предѣламъ малорусской и великорусской народностей. На пограничьи съ Литвою и латышами бѣлорусскій типъ не подвергся измѣненіямъ, но на югѣ и юго-западѣ Минской губ. весьма замѣтны слѣды скрещиванія малорусскаго и бѣлорусскаго племени, а въ Смоленской—бѣлорусскаго и великорусскаго, притомъ на столько сильнаго, что границы того и другого племени въ этой губерніи до сихъ поръ окончательно не установлены. Слѣды скрещиванія съ малороссами встрѣчаются спорадически: напр. крайній югъ Рѣчицкаго уѣзда населенъ типичными бѣлоруссами, но въ заприпятской части Мозырскаго уѣзда встрѣчаются села съ населеніемъ малорусскаго типа, хотя и говорящимъ по бѣлорусски. Этотъ смѣшанный типъ учащается съ приближеніемъ къ границамъ Пинскаго уѣзда и переходитъ на сѣверъ отъ Припяти, протягиваясь по сѣверной окраинѣ этого уѣзда къ Гродненской губ.

Бѣлоруссы отличаются отъ другихъ двухъ русскихъ народностей и своимъ нарѣчіемъ. Бѣлорусская рѣчь слышится далеко за предѣлами разсматриваемыхъ бѣлорусскихъ губерній: насчитываютъ 68 уѣздовъ, въ которыхъ бѣлорусское населеніе или преобладаетъ, или является въ значительныхъ группахъ [1]).

Важнѣйшія особенности бѣлорусской рѣчи заключаются въ слѣдующемъ. Прежде всего бѣлорусское нарѣчіе (какъ и южно-великорусское) выдѣляется своимъ *аканіемъ*. Оно состоитъ въ томъ, что всякое неударяемое *о* или *е* (*ѣ*) выговаривается какъ *а*, *я*, т. е. бѣлоруссъ говоритъ *галава*, *сяло*. Иногда впрочемъ *а* и *е* произносится какъ *ы* и *и*, напримѣръ, *мылыдая*, *нисемъ*. *О* подвергается еще и другому измѣненію: подъ удареніемъ оно въ нѣкоторыхъ говорахъ превращается въ двугласное *оу* или *уо*, напр., *дуомъ* (домъ) и т. п. Аканье и яканье бѣлорусскаго нарѣчія ставитъ его въ связь съ южно-великорусскими акающими говорами, но въ бѣлорусскомъ нарѣчіи есть еще другія особенности. Такъ, *в* и *л* въ срединѣ словъ передъ слѣдующими согласными и на концѣ слова измѣняются въ *у*, произносимое кратко, вродѣ какъ въ малорусскомъ нарѣчіи. Это очень характерная особенность нарѣчія. Бѣлоруссы говорятъ *шаукавый*, *дау*, *воукъ*, *братоу*. Такой же очень важной чертой является бѣлорусское *дзеканіе*, *цеканіе* и *цоканіе*. Первое и второе явленіе заключается въ томъ, что мягкое *д* и *т* передъ гласными и въ концѣ слова произноситя какъ *дз* и *ц*, т. е. говорятъ: *дзѣдъ* (дѣдъ), *глядзь*, *цихa* (тихо), *бицъ* (бить). Дзеканіе и цеканіе составляютъ общую особенность нарѣчія, но цоканіе встрѣчается только въ сѣверо-восточномъ углу бѣлорусской территоріи, т. е. въ пограничныхъ съ Псковской губ. частяхъ Витебской (Себежскій, Велижскій, Витебскій и Городокскій у.у.) и коегдѣ въ Смоленской губ., именно близъ ея границы съ Тверской. Оно состоитъ въ замѣнѣ *ч* черезъ *ц*, т. е. говорятъ *щолка* (пчелка), *кручина* (кручина) и т. д. Далѣе, бѣлорусское *р* произносится всегда твердо и не знаетъ послѣ себя мягкихъ гласныхъ (цара, гарачій), *г* произносится какъ французское h, т. е. съ придыханіемъ, близко къ *х*, какъ въ южно-великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ. Мягкія согласныя передъ мягкими (іотированными) гласными удваиваются, напр., *вяселле*, *спачиванне*. Вмѣсто

---

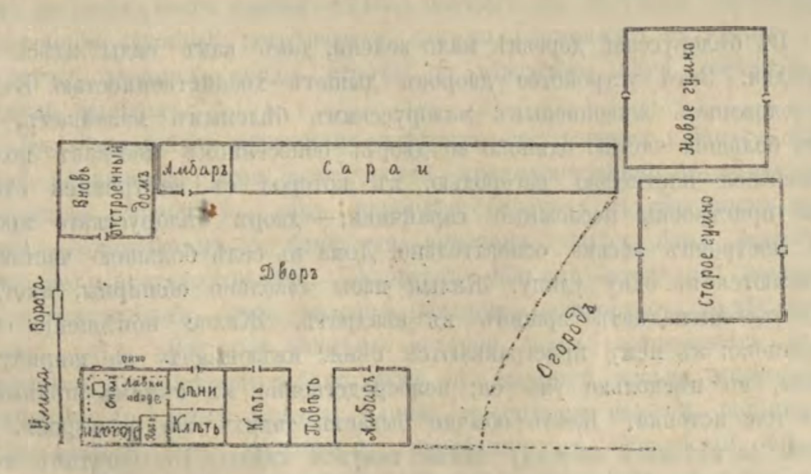
[1]) На бѣлорусскомъ нарѣчіи говорятъ кромѣ Могилевской, Минской, Витебской и Смоленской губ., за исключеніемъ восточной части послѣдней, еще въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ большей части Виленской губ, въ сѣверной части Черниговской, въ Гродненской (половина), въ Сувалкской (Августовскій уѣздъ), наконецъ отдѣльныя поселенія въ Курляндской, Ковенской и на западныхъ окраинахъ Тверской, Калужской и Орловской (въ послѣднихъ трехъ очень нечисто вслѣдствіе метисаціи съ преобладающимъ родственнымъ великорусскимъ племенемъ).

великорусской группы *жж* бѣлоруссы произносятъ *жджъ*, *ждч*, *здч*, т. е. говорятъ: *прыяжджаць*, *даджджа* (дождя). Бѣлорусское *с* передъ слѣдующими согласными выговаривается мягко, напр. *сьпьвай*. Наряду съ особенностями, которыя встрѣчаются въ замѣнѣ гласныхъ и согласныхъ звуковъ, бѣлорусское нарѣчіе знаетъ рядъ особенностей свойственныхъ ему, въ окончаніяхъ формъ склоненій и спряженій.

Бѣлорусское нарѣчіе является преемникомъ говора, которымъ изъяснялись древніе кривичи, вѣроятно и дреговичи. Этотъ говоръ отличался отъ общерусскаго языка уже въ XIII—XIV в. Важнѣйшія нынѣшнія особенности бѣлорусскаго нарѣчія, напр., *у* вмѣсто *в* и *л*, *р* твердое, h вмѣсто *г* замѣтны уже въ XIV в., цеканіе и дзеканіе—съ XVI в.

При знакомствѣ съ бѣлоруссами и ихъ бытомъ эти бѣглые замѣчанія о нарѣчіи, которыя мы привели, будутъ небезполезны.

Для того кто не привыкъ къ общему колориту края, бѣлорусское село, вся внѣшняя его обстановка, могутъ показаться мало привлекательными—сѣренькими, бѣдненькими. Все сѣро и даже темно-сѣро: бѣлый



Планъ дома и усадьбы богатаго крестьянина дер. Краглевичи Телеханской вол. (сѣв. часть Пинскаго у.).

нарядъ бѣлорусса очень скоро превращается въ грязно-сѣрый, построенная изъ сосновыхъ или еловыхъ бревенъ изба также скоро темнѣетъ, а соломенная на ней крыша пріобрѣтаетъ грязно-желтый оттѣнокъ, пока не покроется оазисами темноватой зелени. Окружающія деревню поля

и огороды гармонируютъ съ этой обстановкой, такъ какъ почва ихъ состоитъ изъ суглинка и супеси, иногда съ большими пятнами чистаго песка. Эта наружная бѣдность иногда поражаетъ свѣжаго наблюдателя, но тотъ, кто привыкъ къ этой обстановкѣ, кто приглядѣлся къ ней попристальнѣе, повнимательнѣе, тотъ найдетъ и въ ней много привлекательнаго.

Сельскія поселенія Бѣлоруссіи въ общемъ невелики: село въ полтораста—двѣсти избъ уже считается очень большимъ и попадается рѣдко. Въ Витебской Бѣлоруссіи нерѣдко можно встрѣтить деревню въ пять—десять избъ. Особенность въ расположеніи селеній составляютъ еще такъ называемые *приселки*. Приселокъ—это одинъ или нѣсколько дворовъ, выселившихся куда-нибудь на лѣсную поляну, или на расчищенное лѣсовище изъ ближайшаго селенія; это новый поселокъ, изъ котораго въ нѣсколько поколѣній образуется настоящая деревня. Появленіе такихъ приселковъ объясняется расположеніемъ крестьянскихъ полей: при существующей чорезполосицѣ крестьянскія поля нерѣдко оказываются вдали отъ поселеній, среди казенныхъ или помѣщичьихъ лѣсовъ и угодій; развѣтвляющіяся семьи охотно основываютъ приселки, избѣгая неудобствъ въ пользованіи полями, разбросанными въ различныхъ мѣстахъ.

Въ бѣлорусской деревнѣ мало зелени, такъ какъ сады здѣсь весьма рѣдки. Зато устройство дворовъ дышетъ хозяйственностью. Въ противуположность живописнымъ малорусскимъ бѣленымъ мазанкамъ, стоящимъ большею частью одиноко во дворѣ, обнесенномъ кое-какъ полуразвалившеюся плетневою изгородью, къ которой съ внутренней стороны двора пристроены несложные сарайчики,—дворъ бѣлорусскаго крестьянина построенъ весьма основательно. Дома въ селѣ большею частью выстраиваются въ одну улицу. Жилыя избы довольно обширны, иногда въ двадцать—пятнадцать аршинъ въ квадратѣ. Жилое помѣщеніе стоитъ не одиноко: къ нему пристраиваются сѣни, имѣющія ту же ширину, что и изба, но нѣсколько ýже ея; непосредственно къ сѣнямъ примыкаетъ клѣть или истопка. Клѣть обычно бываетъ такихъ же размѣровъ, какъ и изба. За истопкой въ одну линію тянутся хлѣвы. Въ богатомъ хозяйствѣ хлѣвы идутъ вокругъ двора четырехугольникомъ, заканчиваясь противъ избы амбаромъ, называемымъ *клунею*. Между сараями, обыкновенно противъ воротъ, устраивается „*повѣть*"—крытое помѣщеніе, съ двухъ или трехъ сторонъ запущенное стѣнами. Здѣсь лежатъ сельско-хозяйственныя орудія, телѣги, наколотыя дрова и проч. За линіей сараевъ (на сторонѣ противуположной воротамъ) тянутся огороды.

Важную часть въ хозяйственныхъ постройкахъ представляетъ *гумно*. Гумна выстраиваются или позади огородовъ, или если жилыя строенія

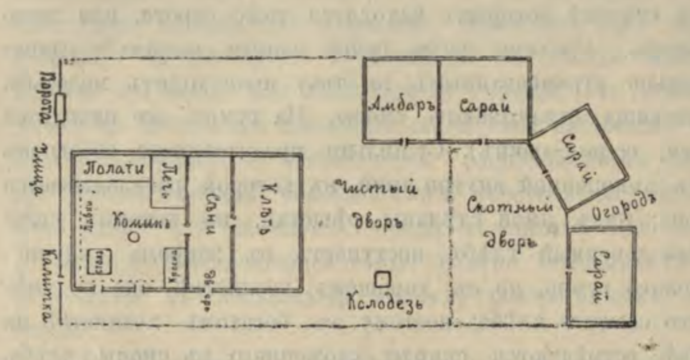
расположены въ одну линію,—черезъ улицу, противъ жилья; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ гумна устраиваются внѣ села. По внѣшнему виду гумно не трудно отличить отъ другихъ построекъ: оно имѣетъ при невысокихъ стѣнкахъ очень высоко приподнятую крышу, образующую широкій навѣсъ со стороны въѣзда. Гумно окружено небольшою лужайкою, за которой тянутся поля или огороды. На пригуменной лужайкѣ въ южныхъ уѣздахъ разсматриваемой области возвышается еще высокій „*переплотъ*“ —два высокіе столба, соединенными поперечными жердями, въ которые вкладываютъ снопы для просушки. Гумна бываютъ вообще весьма солидныхъ размѣровъ. Въ срединѣ широкой стороны гумно имѣетъ ворота, на противоположной сторонѣ которыхъ находятся тоже ворота, или легко разбираемый простѣнокъ. Средняя часть гумна занята „*токомъ*“—глинянымъ поломъ, тщательно утрамбованнымъ; на току происходитъ молотьба. По обѣ стороны токовища складываютъ снопы. На гумнѣ же находится сушильня (*евня, рея, осеть*—овинъ). Сушильня представляетъ собою небольшое строеніе съ выкопанной внутри ямой, въ которой раскладывается во время сушки огонь; надъ ямой сдѣланы рѣшетки, въ которыя складываютъ снопы. Вымолоченный хлѣбъ поступаетъ въ закрома „клуни“. Какъ-бы ни было велико гумно, но въ хорошемъ хозяйствѣ оно не вмѣщаетъ въ себя всего сжатаго хлѣба; поэтому въ богатомъ хозяйствѣ на пригуменной лужайкѣ встрѣчаются скирды сложеннаго въ снопы хлѣба. У богатаго хозяина скирды стоятъ по нѣсколько лѣтъ, составляя его запасный капиталъ.

Къ надворнымъ строеніямъ слѣдуетъ еще отнести и баню—„*банька, лазня*“. Впрочемъ бани встрѣчаются преимущественно въ Витебской и Смоленской губерніяхъ, какъ наиболѣе близкихъ къ сѣвернымъ великороссамъ—охотникамъ до бани; да впрочемъ и здѣсь баня встрѣчается далеко не у всякаго хозяина. Бѣлоруссъ большой охотникъ попариться, но, за отсутствіемъ бани, подобно южному великоруссу, прибѣгаетъ къ домовой печи, солидные размѣры которой даютъ возможность въ ней попариться. Гдѣ строятся бани, тамъ онѣ бываютъ весьма миніатюрныхъ размѣровъ—до двухъ саженъ длины, въ полторы сажени ширины и въ сажень высоты, съ крохотнымъ предбанникомъ. Витебскій бѣлоруссъ очень любитъ свою „лазенку“, а матери берутъ туда съ собой и грудныхъ дѣтей. Усердно распаривъ тѣло вѣникомъ, бѣлоруссъ охотно бѣжитъ „окунутца“ въ сосѣднее озеро или рѣченку, а зимою покататься въ снѣгу, чтобы съ новыми силами отдаться банному удовольствію.

До сихъ поръ шла рѣчь о хозяйственныхъ строеніяхъ. Пора теперь заглянуть и въ жилую крестьянскую *избу*. Бѣлорусская хата всегда строится на улицу, но ходъ имѣетъ со двора. Крыша ставится высокая и покрывается большею частью соломой, или рѣже драницами; наружная

стѣна крыши, какъ въ старыхъ великорусскихъ избахъ, стоитъ отвѣсно; она украшается иногда рѣзьбою на боковыхъ доскахъ. Изъ наружныхъ украшеній употребительна также и рѣзьба на доскахъ, окружающихъ окна, особенно тѣхъ, которыя выходятъ на улицу. Избы строятся бревенчатыя, изъ сосноваго или еловаго дерева. Фундамента не дѣлаютъ, окружая вмѣсто него избу заваленкою („*призба*").

Внутренній видъ бѣлорусской хаты соотвѣтствуетъ внѣшнему. Проста хата внутри, но вся она служитъ хозяйственнымъ цѣлямъ. Плохо обтесанная съ внутренней стороны бревна кое-какъ смазываются глиной съ мѣломъ. Потолокъ рѣдко бѣлится. Полъ досчатый, или гораздо чаще земляной. Украшеній почти нѣтъ. Можно указать развѣ на то, что иконы иногда обвѣшаны полотенцами, вытканными на концахъ весьма несложными узорами. Изрѣдка можно видѣть нѣкоторое изящество въ иконахъ: ихъ тогда бываетъ довольно много, разной величины и разнаго содержанія и въ хорошихъ покупныхъ рамахъ. Среди иконъ особенно часто встрѣчается извѣстное лубочное изображеніе св. Георгія въ борьбѣ со зміемъ. Вотъ и всѣ тѣ черты обстановки, которыя относятся, такъ сказать, къ роскоши, въ которой отражается вкусъ обитателей здѣшней избы.



Усадьба крестьянина дер. Углы Дерновичской волости (Рѣчицкаго у.).

Все остальное убранство состоитъ изъ стола, стоящаго передъ скамьями—„лавками" въ углу подъ образами, „лавокъ" изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ, тянущихся у двухъ стѣнъ—лѣвой отъ входа и той, которая противъ дверей; скамьи неподвижно прикрѣплены къ стѣнамъ. Направо отъ входа находится большая печь, занимающая иногда около четверти всего помѣщенія. Между печкой и стѣной находятся „палати"—досчатыя нары, на которыхъ спятъ. Впрочемъ встрѣчаются уже и кровати,—большія, на которыхъ спитъ чуть ли не цѣлая семья. Къ обстановкѣ избы слѣдуетъ еще добавить, что съ лѣвой стороны у дверей вы всегда встрѣтите „*кросна*" или „*верстакъ*", т. е. несложнаго устройства ткацкій станокъ. Другой мебели не бываетъ. Вмѣсто стульевъ слу-

жатъ небольшія скамьи, хотя иногда можно видѣть деревянный стулъ грубой работы. Надо замѣтить, что въ Витебской Бѣлоруссіи надъ полатями подъ потолкомъ устраиваются еще другія полати (называемыя „*поломъ*"). Онѣ дѣлаются нѣсколько уже нижнихъ, причемъ между печкой и полатями оставляется нѣкоторое пространство. „Полъ", полати и печь служатъ для спанья. На печь и верхніе палати забираются старики, да дѣти, или тотъ, кому хочется погрѣться. Пространство между полатями (нарами) и землянымъ поломъ не остается безъ употребленія: здѣсь въ земляномъ полу вырывается яма, которая служитъ погребомъ. Кромѣ того въ зимнюю пору подъ нарами держатъ телятъ, ягнятъ, для чего подпольное пространство ограждается отъ избы рѣшеткой.

Печь также служитъ многообразнымъ хозяйственнымъ нуждамъ, помимо своего прямого назначенія. Печи бываютъ глинобитныя, или кирпичныя. Съ наружной стороны печь имѣетъ цѣлый рядъ „печурокъ", т. е. углубленій, въ которыя хозяйки кладутъ лучину и разныя хозяйственныя принадлежности; въ другихъ печуркахъ мужчины сушатъ онучи, лапти.

Между поломъ и основаніемъ печи оставляется большое пространство, называемое „подпечьемъ", въ которомъ имѣютъ свое мѣстопребываніе куры.

Для освѣщенія въ старыхъ избахъ еще встрѣчается особая свѣтильня, называемая „*ко́миномъ*". Къ потолку въ серединѣ избы прикрѣпляется воронка, выплетенная изъ лозы и плотно обмазанныя глиною, имѣющая въ уширенномъ концѣ около $^3/_4$ аршина и спускающаяся внизъ на столько, чтобы не мѣшать ходить по ней взрослымъ людямъ. Къ „ко̀мину" подвѣшивается жаровня, на которой зажигаютъ лучину. Дымъ выпускается черезъ трубу, устроенную въ потолкѣ и крышѣ.

Изъ избы двери ведутъ въ обширныя сѣни, которыя также служатъ различнымъ хозяйственнымъ цѣлямъ. Во многихъ домахъ здѣсь стоятъ ручные жернова, тутъ же вы встрѣтите кадки, ступы и проч. Лѣтомъ хозяйки выносятъ въ сѣни свои „кросна", такъ какъ въ избѣ ткать очень жарко. Лѣтомъ же сѣни служатъ и столовою для всей семьи. Изъ сѣней дверь ведетъ въ клѣть. Она строится довольно прочно, такъ что при разростаніи семьи холодное помѣщеніе легко превращается въ теплое. Клѣть служитъ для склада хозяйственныхъ припасовъ и вообще всего добра. О богатомъ человѣкѣ говорятъ, что у него „полная клѣть". Тутъ стоятъ „*кублы*", т. е. кадки со всякимъ добромъ, замѣняющія собою сундуки и комоды.

Одежда бѣлорусса имѣетъ весьма незатѣйливый видъ. Нижняя часть мужской одежды состоитъ изъ рубахи русскаго покроя, т. е. съ косымъ воротомъ и весьма узкимъ воротникомъ. Воротникъ иногда вы-

шивается красною тесьмою. Въ болѣе полонизованныхъ мѣстностяхъ носятъ „*ковняровую кошулю*“ съ прямымъ разрѣзомъ, широкимъ воротникомъ, который огибаетъ цвѣтной платочекъ. замѣняющій собой галстухъ. Рубашки носятся на выпускъ и неизмѣнно подпоясываются особымъ поясомъ. Поверхъ сорочки одѣваютъ „*кымызельку*“—жилетку изъ сукна или холста, застегивающуюся металлическими пуговицами или шнурочками. Первая верхняя одежда представляетъ собою „*насовъ*“, который бываетъ двухъ типовъ—съ низенькимъ, едва замѣтнымъ воротникомъ и „*кывняровъ*“—съ высокимъ откладнымъ воротникомъ; тотъ и другой насовъ шьется изъ холста, но насовъ съ короткимъ воротникомъ дѣлается въ талію и съ карманами, обшиваемыми синей тесьмой. Напротивъ „кывняровый насовъ“ представляетъ собою собственно балахонъ съ широкими полами, не суживающійся въ таліи. Въ Витебской губ. насовы дѣлаютъ цвѣтные, напр., темные, коричневые, синіе; впрочемъ холстъ, употребляемый на насовы, не имѣетъ сплошной окраски, такъ какъ при тканьѣ такого холста бѣлыя нитки переметаются съ цвѣтными. Насовъ, замѣняющій собою сюртукъ, не пользуется всеобщимъ распространеніемъ. Зато *свитка* или *сермяга* изъ бѣлаго или сѣраго сукна домашняго приготовленія можетъ быть признана національной одеждой бѣлорусса. Сукно, употребляемое на свитки, приготовляется на мѣстныхъ сукновальныхъ и обычно бываетъ весьма грубой работы. Свиты имѣютъ точно такой же покрой, какъ и насовы, причемъ очень часто рукава и воротники обшиваются тонкой кожей. Тонкой же цвѣтной тесьмой дѣлаются нашивки и узоры на груди. Свита съ широкимъ воротникомъ, сшитая не въ талію, считается болѣе дорожной одеждой, тогда какъ свита въ талію и съ узкимъ воротникомъ употребляется въ парадныхъ случаяхъ. Хозяинъ безъ свиты можетъ принимать у себя гостей, зайти по дѣлу къ сосѣду и проч. Но отправляясь въ церковь, въ парадныя гости, принимая у себя званныхъ гостей, крестьянинъ непремѣнно натянетъ на себя свиту и подпояшется широкимъ и въ нѣсколько обхватовъ поясомъ, несмотря на лѣтнюю удушливую жару или на жарко натопленную печь.

Верхнюю одежду зимой составляетъ овчинный нагольный тулупъ —кожухъ, который бываетъ или длиннымъ (для пути), или короткимъ (для работы около дома). Внѣшнимъ видомъ кожуха бѣлоруссъ не интересуется. Если поэтому онъ хочетъ принарядиться зимою, напр., ѣдучи на ярмарку въ сосѣднее мѣстечко, отправляясь въ церковь, то поверхъ тулупа онъ натягиваетъ свиту. Тулупъ также обязательно подпоясывается.

Поясъ, какъ мы видимъ, въ одеждѣ бѣлорусса играетъ весьма видную роль. Поясъ дѣйствительно считается украшеніемъ и иногда хорошій поясъ служитъ нѣсколькимъ поколѣніямъ. Поясъ представляетъ со-

бою шерстяную ткань изъ красныхъ или красныхъ и синихъ нитокъ съ разводами и узорами; ширина пояса очень различна, но доходитъ до четырехъ—шести вершковъ; длина пояса разсчитывается на два или четыре обхвата, и кромѣ того на концахъ онъ украшается бахрамой.

Типичный для бѣлорусса головной уборъ, теперь уже быстро вытѣсняемый рыночными картузами, — это высокая шапка изъ того же толстаго сукна, изъ котораго дѣлаются свиты; она имѣетъ форму усѣченнаго конуса съ завороченными вверхъ небольшими краями. Такая „*магелка*" употребляется какъ зимою, такъ и лѣтомъ; впрочемъ въ послѣднее время года иногда носятъ „*брыли*" т. е. широкополыя соломенныя шляпы.

Женская одежа состоитъ изъ сорочки, юбки („*спадница*"), кофточки, застегивающейся у воротника на одну пуговку, съ короткими полами, едва доходящими до поясницы, или „*китлика*"—шнуровки, плотно облегающей грудь и спину и напоминающей корсетъ безъ планшетокъ. Этотъ нарядъ дополняется фартукомъ. Нарядная женская сорочка шьется съ широкимъ, гладкимъ воротникомъ, съ широкими паплечниками и рукавами, оканчивающимися узкими и тонкими обшлагами. Наплечники, обшлага рукавовъ и воротъ на груди иногда прошиваются цвѣтными нитками. Въ послѣднее время „спадницы" все чаще и чаще дѣлаются изъ ситца, но это новшество еще не распространилось повсемѣстно. „Старосвѣтская" женская „спадница" дѣлается или изъ обычнаго бѣлаго холста, или изъ домашней шерстяной матеріи. Нарядная шерстяная юбка („*андаракъ*") дѣлается изъ такой-же матеріи, только нѣсколько болѣе грубой, какъ и мужскіе пояса, и бываетъ синяго цвѣта, краснаго или краснаго съ синимъ съ разводами и узорами. Изъ такого же сукна лучшаго качества дѣлаютъ китлики. Впрочемъ есть мѣстности, гдѣ женщины носятъ всю одежду исключительно изъ холста, т. е. юбку, шнуровку и даже фартукъ; только зимою онѣ носятъ сѣрыя или черныя шерстяныя юбки. Такой нарядъ женщины преобладаетъ въ Пинскомъ уѣздѣ и въ тѣхъ мѣстностяхъ Мозырскаго уѣзда, которыя прилегаютъ къ Пинскому. При бѣломъ головномъ уборѣ этотъ нарядъ является довольно оригинальнымъ.

Верхняя одежда женщинъ ничѣмъ не отличается отъ мужской' т. е. женщины носятъ такія же свиты и кожухи, какъ и мужчины. Поэтому очень обычно мужчины и женщины носятъ одну и ту же одежду. Надо только замѣтить, что свита въ парадныхъ случаяхъ является болѣе или менѣе необходимымъ одѣяніемъ только для старухъ и пожилыхъ женщинъ; дѣвушки же и молодыя женщины набрасываютъ свиту только въ непогоду, или въ холодъ и снимаютъ ее при входѣ въ избу. Замужнія женщины дополняютъ свой нарядъ въ важныхъ случаяхъ большимъ атксмъ, который накидывается на плечи.

Зато женскій головной уборъ отличается разнообразіемъ смотря по мѣстностямъ, и иногда затѣйливостью. Дѣвушки впрочемъ не носятъ никакого головного убора. Дѣвичья коса или спущена, причемъ концы ея переплетаются „китайками“, т. е. ленточками, или же укладываются вокругъ головы. Только въ ненастье или для дороги дѣвушка набрасываетъ на голову платокъ, подвязанный подъ подбородкомъ. Непокрытая голова — признакъ дѣвичества. Кое-гдѣ еще сохранился старинный дѣвическій головной уборъ—вѣнокъ изъ парчевой или какой-нибудь яркоцвѣтной мотеріи. Вѣнокъ дѣлается изъ стараго ситечка, лубка или бересты; эта основа обшивается холстомъ на который уже накладывается вѣночная матерія. Въ настоящее время такіе дѣвичьи вѣнки составляютъ уже большую рѣдкость, и ихъ чаще всего можно видѣть на молодой и ея дружкахъ, когда сведебный поѣздъ направляется въ церковь, или изъ церкви.

Самымъ распространеннымъ головнымъ нарядомъ замужней женщины является платокъ, который повязывается слѣдующимъ образомъ: на переднюю часть головы накладывается особая настилка изъ льна, безъ которой впрочемъ обходятся, если женщина обладаетъ толстой косой; затѣмъ повязывается платокъ, такъ что онъ прикрываетъ верхнюю часть лба и плотно охватываетъ всю голову; завязывается платокъ на лбу, причемъ опорой для узла является указанная подкладка; по обѣ стороны головы платокъ образуетъ нѣчто вродѣ роговъ.

Во многихъ волостяхъ Полѣсья женщины до сихъ поръ носятъ „*намитки*“—уборъ, который еще въ недавнее время имѣлъ весьма широкое распространеніе. Намитка имѣетъ видъ узкаго полотенца съ прошитыми узорными концами. Весь головной уборъ строится такимъ образомъ: прежде всего на голову плотно укладываютъ „*тканицу*“—пасму льна, зашитаго въ холстъ; тканица прикрывается чепцомъ, сверхъ котораго уже повязывается намитка. Способъ ношенія намитки самый разнообразный и бываетъ весьма затѣйливымъ; но впрочемъ это разнообразіе представляетъ особенность извѣстной округи и строго держится въ данной мѣстности. Такъ, въ однихъ мѣстностяхъ середина намитки охватываетъ подбородокъ, такъ что спускается съ него, и затѣмъ концы ея завязываются на серединѣ головы и, свернутые въ трубки, ниспадаютъ на плечи. Въ другихъ мѣстахъ намитка складывается и плотно облегаетъ подбородокъ, падая на плечи сборками. Очень характеренъ головной уборъ въ *Давидъ-Городецкой* волости Мозырскаго уѣзда. Здѣсь вмѣсто тканицы подъ чепецъ подкладываютъ ситечки вершка въ два—три высотою; очень длинная намитка подвязывается такимъ образомъ, что два конца ея торчатъ на передней части головы въ видѣ роговъ, а концы свѣшиваются на плечи, доходя до пояса.

Остается сказать нѣсколько словъ объ *обуви*. Употребленіе *лаптей* до сихъ поръ еще пользуется очень широкимъ распространеніемъ, какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ. „*Черевики*“ (башмаки) употребляются дѣвушками и молодыми женщинами, а болѣе пожилыя носятъ сапоги.

Относительно дѣтской одежды надо замѣтить, что оно по устройству ничѣмъ не отличается отъ одежды взрослыхъ. Впрочемъ, дѣти лѣтъ до семи довольствуются лѣтомъ однѣми сорочками.

Отъ описанія внѣшняго строя бѣлорусскаго быта перейдемъ къ другимъ чертамъ его. На первый планъ въ данномъ случаѣ надо выдвинуть *семейныя* и междудеревенскія *отношенія*. Какъ извѣстно, въ Бѣлоруссіи господствуетъ *подворная* форма крестьянскаго землевладѣнія, почему интересъ обычно-правовыхъ отношеній сосредоточивается главнымъ образомъ въ семьѣ.

Семья и семейныя отношенія среди бѣлоруссовъ представляетъ собою еще много архаичныхъ особенностей. Прежде всего господствующей формой семейнаго строя является такъ называемая большая семья, т. е. такая, которую составляютъ отецъ съ женатыми сыновьями или замужними дочерьми, или семейная община, т. е. семья состоящая изъ неразделенныхъ братьевъ, дядей съ племянниками, сдольниковъ и проч. Выдѣлъ сыновей при жизни отца считается еще явленіемъ необычайнымъ. Хорошая зажиточная семья понимаетъ значеніе въ сельскомъ хозяиствѣ большого числа рабочихъ рукъ, почему и принимаетъ всяческія мѣры противъ раздѣловъ. Раздѣлы считаются зломъ, къ которому старики относятся весьма враждебно; но зло это неизбѣжно надвигается и на бѣлорусскую деревню, прививаясь къ молодому поколѣнію. Причину все болѣе развивающихся раздѣловъ слѣдуетъ видѣть не въ измѣненіи обычно-правовыхъ взглядовъ крестьянства, но въ тѣхъ экономическихъ условіяхъ, къ которое оно поставлено въ послѣднее время. „Обѣдненіе семьи“, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей (Довиаръ-Запольскій), „малоземельность, неурожаи, часто бывшіе въ послѣднее время, трудность найти заработки и между тѣмъ довольно значительныя подати, обременяющія хозяйственный бюджетъ крестьянина,—вотъ общія причины, вызывающія раздѣлы. Слѣдствія раздѣловъ не менѣе хорошо извѣстны. Старшіе члены семьи, выдѣлившіеся уже со взрослыми сыновьями, еще перебиваюся коекакъ; но младшіе, обремененные подростками, падаютъ, безсилѣютъ подъ тяжестью труда, въ концѣ концовъ бросаются на посторонніе заработки, сплавъ, и все хозяиство приходитъ въ упадокъ. Внѣшнія причины, вызывающія, по объясненіямъ крестьянъ, раздѣлъ, выражаются ссорами среди членовъ семейства. Ивану кажется, что Степанъ лѣнивъ, что онъ могъ-бы въ одинъ день скосить сѣнокосъ, да затянулъ на дру-

гой, а тутъ пошли дожди, и сѣно пропало; а Степану въ свою очередь кажется, что по винѣ Ивана пала кобыла, цѣлый годъ кормившаяся соломой съ крышъ, и т. д. до безконечности. Всякому кажется, что если бы онъ одинъ косилъ, не полагаясь на брата, то дождь не сгноилъ бы сѣна, да и кобыла, хоть безъ сѣна, а жила бы и т. д. Братья еще коекакъ терпятъ, младшій уступаетъ старшему и тотъ и другой понимаютъ тяжелое положеніе хозяина-одиночки. Но женщины сживаются съ большимъ трудомъ. Онѣ ссорятся другъ съ другомъ изъ-за дѣтей, работы и пр., и если самъ хозяинъ не пользуется достаточнымъ авторитетомъ, не крикнетъ во-время, то эти ссоры ведутъ къ раздѣлу: жены пользуются всякимъ случаемъ, чтобы возбудить враждебныя отношенія между мужьями."

Итакъ раздѣлы проникаютъ въ правовой строй бѣлорусской семьи. Но, не смотря на это, старый строй, т. е. нераздѣльныя семьи являются здѣсь еще господствующей формой семьи. Народныя обычно-правовыя воззрѣнія болѣе рельефно выдѣляются въ большой семьѣ, такъ какъ она держится предписаніями обычая. Иное дѣло малая семья: здѣсь личныя отношенія берутъ верхъ надъ обычно-правовыми.

Большія семьи Бѣлоруссіи по количеству членовъ достигаютъ весьма почтенныхъ размѣровъ, напр. пятнадцати душъ, а семейныя общины доходятъ до 25—30, а иногда и 50 человѣкъ. Въ составъ семейной общины входятъ прежде всего родственники, напр. нераздѣленные братья, дядья и племянники, затѣмъ лица, пришедшіе въ общину при посредствѣ брака, напр. невѣстки и зятья (*примаки*), принятые въ домъ тестя, родственники, или даже не родственники, принятые на условіяхъ *сдольничества*, наконецъ пріемыши Такимъ образомъ въ составъ семейной общины входятъ какъ родственники, такъ и чужеродцы. Связь, которая въ данномъ случаѣ объединяетъ тѣхъ и другихъ,—это общій трудъ на общемъ участкѣ земли. Положеніе кровныхъ родственниковъ въ описываемой семьѣ весьма понятно. Но необходимо выяснить тѣ условія, на которыхъ принимаются въ семью чужеродцы.

Сдольники (отъ слова доля — часть, соучастникъ) или семьнины приглашаются въ семью, въ которой отсутствуетъ необходумое количество рабочихъ рукъ при достаточномъ или даже большомъ земельномъ надѣлѣ: остается вдова съ малолѣтними дѣтьми, не можетъ сама управлять хозяйствомъ и принимаетъ къ себѣ сдольниковъ; захудавшій по тѣмъ или другимъ причинамъ домохозяинъ подыскиваетъ себѣ сдольника со здоровыми руками и иногда съ хозяйственнымъ инвентаремъ и деньгами. Сдольникъ или семьянинъ, являясь въ принимащюую его семью, заключаетъ обыкновенно съ домохозяиномъ письменное или устное условіе. Онъ занимаетъ положеніе члена семьи. Если въ семьѣ домохо-

зяинъ самъ заправляетъ хозяйствомъ, то сдольникъ оказывается по отношенію къ нему въ положеніи младшаго брата, или сына, смотря по разницѣ въ лѣтахъ; въ случаѣ же смерти домохозяина, или отсутствія его въ моментъ пріема, сдольникъ можетъ замѣнять его мѣсто. Принося въ семью свое имущество и главнымъ образомъ свой трудъ, сдольникъ и его семья получаютъ и право на движимое и недвижимое семейное имущество. Такимъ путемъ безземельный крестьянинъ пріобрѣтаетъ землю.

Другимъ лицомъ, принимаемымъ въ семью, является примакъ. Крестьянинъ очень неохотно идетъ въ примаки къ тестю. „Примачья доля—собачья“ говорятъ бѣлоруссы. Но малоземелье и вообще имущественная захудалость заставляетъ иногда парня перебраться въ семью жены. Здѣсь его положеніе сходно съ положеніемъ сдольника. Примакъ приноситъ свой трудъ, а иногда и движимое имущество. Этотъ трудъ даетъ ему и его семьѣ право на часть общей земли. Наслѣдованіе примака и его дѣтей послѣ тестя объясняется именно приложеніемъ труда къ землѣ, такъ какъ, по народнымъ понятіямъ, дочери при сыновьяхъ не получаютъ правъ на землю. Вообще положеніе примака въ семьѣ тестя основывается не столько на родственныхъ связяхъ, сколько на имущественныхъ, почему примаки весьма часто заключаютъ съ семьей жены формальный договоръ.

Наконецъ остается сказать два слова о пріемныхъ дѣтяхъ. Народный обычай не знаетъ формальнаго усыновленія. Но съ другой стороны онъ различаетъ двоякое положеніе пріемныхъ дѣтей въ семьѣ. Пріемная дочь или сынъ только тогда пользуются своими правами, когда усыновленіе ихъ совершено или посредствомъ письменнаго акта, опредѣляющаго ихъ участіе въ общемъ имуществѣ, или при посредствѣ заявленія принимающаго передъ сельскимъ сходомъ, или наконецъ вслѣдствіе такого-же заявленія при свидѣтеляхъ. Принимающій объявляетъ пріемыша „за сына мѣсто“, или „за дочь“. Если эта формула не была употреблена письменно или устно при актѣ пріема, тогда ни сельской сходъ, ни волостной судъ не признаютъ пріемыша усыновленнымъ, но простымъ работникомъ.

Состоитъ ли большая семья изъ родственниковъ или изъ родственниковъ и пріемныхъ членовъ, она управляется одинаковымъ образомъ.

Представитель бѣлорусской семьи неноситъ особаго спеціальнаго названія; это „хозяинъ“ для постороннихъ, „бацька“ для дѣтей и „дядька“ для младшихъ членовъ семьи. Значеніе домохозяина прежде всего опредѣляется тѣмъ, что онъ завѣдуетъ всѣми мужскими работами въ хозяйствѣ. Распредѣленіе работъ дѣлается обыкновенно вечеромъ за ужи-

номъ. Если приходится начинать какую-нибудь часть хозяйственныхъ работъ, напр., посѣвъ, жатву, то хозяинъ за ужиномъ совѣтуется со старшими членами семьи и дѣлаетъ соотвѣтствующее распоряженіе. Хозяинъ почти всегда бываетъ и казначеемъ въ семьѣ: у него хранятся общія деньги, онъ получаетъ выручку отъ хозяйственныхъ продуктовъ, производитъ платежи и т. д. Впрочемъ храненіемъ денегъ иногда завѣдуетъ хозяйка. Наконецъ хозяину-же принадлежитъ и наблюденіе за поведеніемъ молодыхъ членовъ семьи: онъ понуждаетъ лѣнивыхъ работать болѣе усердно, слѣдитъ за нравственностью молодежи, наказываетъ провинившихся, отпускаетъ на заработки свободныхъ отъ общихъ работъ, отдаетъ въ наймы младшихъ членовъ семьи, если это окажется нужнымъ и т. д. Какъ представитель семьи, хозяинъ окруженъ знаками почета и уваженія. Онъ садится за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ—на *куту*, въ углу подъ образами такъ что сидѣть на кутѣ — синонимъ хозяина дома; прочіе члены семьи по старшинству садятся рядомъ съ хозяиномъ за столомъ, женщины на противоположной сторонѣ, а хозяйка всегда съ краю. Хозяинъ является представителемъ и хранителемъ домашняго благочестія: передъ началомъ ѣды онъ творитъ общую молитву и начинаетъ самъ ѣсть, и уже за нимъ остальные члены по старшинству. Онъ наблюдаетъ за соблюденіемъ праздниковъ, причемъ самая почетная роль выпадаетъ на долю хозяина въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обрядахъ выражается почитаніе умершихъ предковъ; во время „дзядоу“ (поминальная вечеря), онъ призываетъ души умершихъ „дзядоу—бабакъ“ „на вечеру“, отливаетъ имъ часть пищи на столъ, ставитъ ее за окно на ночь и проч. Во всѣхъ этихъ чертахъ бѣлорусскаго хозяина нетрудно узнать великорусскаго большака, сербскаго домачина, нетрудно видѣть, что на немъ отразились черты древняго домовладыки. Впрочемъ власть хозяина въ семьѣ не бываетъ деспотической, потому что всякая несправедливость съ его стороны по отношенію къ кому-нибудь изъ членовъ семьи, неопытность въ работахъ, неумѣлое распоряженіе имуществомъ, наконецъ пьянство и лѣнь—неминуемо ведетъ къ разрыву семьи, къ раздѣлу ея, или переходу домохозяйства въ другія руки, напр., къ старшему сыну въ семьѣ, или къ брату хозяина. Хозяинъ обязанъ не только дѣлать то, чего требуютъ интересы семьи, но и своей личной работой онъ долженъ служить примѣромъ для остальныхъ членовъ семьи: въ тяжелой крестьянской работѣ хозяинъ выступаетъ первымъ, и взмахъ косы хозяина опредѣляетъ скорость работы остальныхъ косарей и т. д. Хозяинъ не можетъ также произвольно распоряжаться общимъ имуществомъ, тѣмъ болѣе землею. Вотъ почему всѣ сколько-нибудь важныя имущественныя сдѣлки глава семьи совершаетъ съ совѣта и согласія всѣхъ членовъ семьи. Народный обычай выработалъ цѣлый рядъ условій, регулирующихъ се-

мейныя отношенія. Этимъ условіямъ подвергается не только такой глава семьи, какъ старшій братъ, дядя, сдольникъ, но даже и отецъ. Въ этомъ отношеніи рѣшенія волостныхъ судовъ представляютъ любопытные образчики народнаго взгляда на семью и соотношенія ея членовъ: при разборѣ жалобъ младшихъ членовъ семьи на своего главаря судъ вообще становится на сторону послѣдняго, но весьма рѣдки случаи, когда судъ налагаетъ наказаніе на жалобщика, младшаго члена семьи, за непослушаніе старшему, но въ то-же время наказываетъ и старшаго за то, что онъ не умѣлъ внушить къ себѣ должнаго уваженія.

Подобно тому, какъ хозяинъ является распорядителемъ хозяйственныхъ работъ, связанныхъ съ земледѣліемъ, уходомъ за скотомъ и пр.,—хозяйка является распорядительницей домашнихъ работъ. Если въ семьѣ есть нѣсколько женщинъ, то хозяйка распоряжается ихъ работами по дому, по огороду, по приготовленію платья, бѣлья. Хозяйкой обыкновенно бываетъ жена домохозяина; впрочемъ въ случаѣ смерти домохозяина, когда его мѣсто заступаетъ старшій изъ сыновей, или слѣдующій изъ братьевъ, иногда управленіе домовымъ хозяйствомъ остается въ рукахъ вдовы; при сыновьяхъ это явленіе обычное. Въ болѣе сложной семьѣ положеніе вдовы домохозяина зависитъ отъ личныхъ ея качествъ. Личныя-же качества хозяйки дома сказываются и въ тѣхъ случаяхъ, когда она по смерти мужа занимаетъ его мѣсто при взрослыхъ сыновьяхъ или племянникахъ. Переходъ власти домохозяина ко водвѣ его не считается правиломъ, но и нерѣдокъ, находясь въ зависимости отъ различныхъ житейскихъ условій.

Вообще положеніе женщины въ бѣлорусской семьѣ не можетъ быть названо угнетеннымъ. Въ хозяйствѣ она является помощницей своего мужа, а сфера домоводства ей принадлежитъ цѣликомъ. Народный взглядъ требуетъ, чтобы дѣти оказывали почтеніе матери, а младшіе члены семьи —хозяйкѣ и вообще старшимъ женщинамъ. Мать имѣетъ большое вліяніе на дѣтей: дѣвушки вообще выростаютъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ матери, а мальчики походятся на ея-же попеченіи вплоть до 14—15 лѣтъ, когда они уже становятся помощниками пахаря. Въ случаѣ смерти мужа, народный обычай предоставляетъ матери опеку надъ малолѣтними дѣтьми. Наконецъ женщина въ бѣлорусской семьѣ обладаетъ своимъ, отдѣльнымъ отъ семейнаго, имуществомъ. Такое личное имущество прежде всего складывается изъ того приданаго, съ которымъ женщина переходитъ въ семью мужа; кромѣ того женщина имѣетъ свои частные заработки, которые она получаетъ отъ продажи огородныхъ овощей, льну, полотенъ, домашней птицы. Этими путями каждая мать копитъ приданое для своей дочери.

Въ силу сказаннаго и отношенія мужа къ женѣ въ бѣлорусской семьѣ представляютъ мало примѣровъ жестокости и грубаго обращенія.

Въ случаѣ взаимныхъ споровъ народный судъ чаще становится на сторону жены и строже относится къ мужу. Даже народныя пѣсни говорятъ только о страданіяхъ жены, выносимыхъ ею отъ мужа-пьяницы, но въ нихъ трудно найти такіе мотивы, въ которыхъ воспѣвалось-бы горе жены вслѣдствіе ея подчиненнаго положенія.

Положеніе женщины ухудшается тогда, когда она остается вдовой съ малолѣтними дѣтьми въ нераздѣленной семьѣ. Жизнь въ семьѣ мужа въ такомъ случаѣ оказывается весьма тягостной. Иногда поэтому вдовы уходятъ съ дѣтьми въ семью своихъ родныхъ или къ родственникамъ; въ такомъ случаѣ родные мужа обязаны дать на „воспитаніе" (такъ выражаются крестьяне) извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ. Если-же вдова остается въ семьѣ мужа, то она оказывается въ положеніи работницы. Престарѣлые члены семьи тоже находятся въ нѣсколько особомъ положеніи. Если отецъ становится очень старъ, заправлять хозяйствомъ самъ не можетъ, то веденіе хозяйства переходитъ въ руки старшаго сына. Иногда въ такихъ случаяхъ происходятъ раздѣлы сыновей. Престарѣлый отецъ, чтобы предотвратить раздоры въ семьѣ послѣ своей смерти, самъ дѣлитъ ихъ. Въ такомъ случаѣ онъ выстраиваетъ отдѣльныя избы для старшихъ сыновей, а младшій остается въ отцовской избѣ. Съ младшимъ обыкновенно поселяется и отецъ. Этотъ переходъ отца къ младшему изъ сыновей имѣетъ значеніе не только потому, что младшій менѣе опытенъ въ хозяйствѣ, но также и по слѣдующей причинѣ. Отецъ при дѣлежѣ земли между сыновьями оставляетъ небольшой клочекъ себѣ; эту землю пашетъ тотъ изъ сыновей, у котораго живетъ отецъ, а послѣ смерти отца эта земля поступаетъ въ раздѣлъ между сыновьями. Неудивительно поэтому, что иногда раздѣленные сыновья спорятъ о томъ, у кого долженъ жить отецъ. Одинъ изъ изслѣдователей обычнаго права передаетъ любопытный судебный процессъ, разбиравшійся волостнымъ судомъ: старшіе сыновья силою отняли отца у младшаго сына.

Обзоръ семейныхъ отношеній будетъ не полонъ, если не коснуться вопроса о воззрѣніи бѣлорусса на *бракъ*. Уже изъ многаго, что говорилось раньше, можно было заключить, что семейныя отношенія въ Бѣлоруссіи проникаетъ одно связующее начало. Этимъ началомъ является трудъ, полагаемый каждымъ членомъ семьи. Это особенно рельефно выдѣляется при образованіи сложной сдольнической семьи. Въ самомъ дѣлѣ сдольникъ получаетъ право на землю въ той семьѣ, въ которой онъ былъ принятъ. Въ такое-же отношеніе вступаетъ къ семьѣ тесть примакъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, очевидно, въ основу принимается тотъ трудъ, который привносятъ съ собою эти члены семьи. Общій колоритъ старинныхъ семейныхъ отношеній также держится на общемъ трудѣ. Родственныя отношенія какъ-бы затушевываются этимъ трудовымъ началомъ, гос-

подствующимъ въ семьѣ. То-же начало выступаетъ и во взглядѣ бѣлоруссовъ на бракъ.

Соображенія экономическаго характера имѣютъ первенствующее значеніе при заключеніи браковъ въ семьяхъ стариннаго покроя. Какъ парень, такъ и дѣвушка въ большой семьѣ подчиняются тому выбору, который дѣлаютъ старшіе. Суть вопроса заключается или въ привлеченіи въ семью новаго работника, или въ томъ, что семья должна лишиться рабочихъ рукъ. Поэтому всегда торопятся съ женитьбой старшаго сына для того, чтобы привлечь въ семью работницу-молодуху; напротивъ, старшую дочь стараются придержать годъ - другой въ домѣ, чтобы воспользоваться ея работой. Не менѣе важны и другія соображенія, когда, напр., при обиліи дочерей въ семьѣ нужно подыскать примака, или когда при малоземельѣ надо отдать сына въ пріймы и т. д. Все это очень важныя соображенія въ крестьянскомъ быту. Тѣ-же соображенія побуждаютъ иногда родителей заключать сговоръ относительно брака малолѣтнихъ дѣтей. Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ вопросъ о приданомъ въ крестьянскомъ быту не играетъ никакой роли: дѣло идетъ только о рабочихъ рукахъ. Дѣло въ томъ, что приданое бываетъ очень незначительно; приданое въ видѣ денегъ — новшество, практикуемое только у богатыхъ крестьянъ. Обычное-же приданое крестьянской невѣсты заключается въ „кублахъ", наполненныхъ платьями, холстомъ, да въ нѣсколькихъ штукахъ скота. Но при этомъ „выправка", „посагъ" составляетъ собственность невѣстки, на которую семья мужа не имѣетъ правъ. Вотъ почему приданое не играетъ роли при заключеніи брака. Если вы поговорите со стариками и старухами, то они вамъ скажутъ, что и красота невѣсты мало нужна для хозяйства, куда требуются только хорошія рабочія руки.

Правда, молодое поколѣніе уже сильно возстаетъ противъ такого взгляда, и среди него личныя симпатіи начинаютъ получать преобладающее значеніе. Это особенно замѣтно въ малыхъ семьяхъ, гдѣ весь семейный режимъ не столь суровъ, не столь скованъ традиціонными взглядами.

Съ точки зрѣнія народныхъ юридическихъ взглядовъ бракъ обставленъ слѣдующими формальностями. Послѣ сватовства происходитъ сговоръ, такъ называемыя вторыя и третьи „запоины". Уже послѣ сватовства отказъ считается безславіемъ для той стороны, которая его получила. Отказъ послѣ запоинъ имѣетъ еще и другую сторону: отказавшаяся сторона должна возмѣстить убытки, понесенныя другой стороной; убытки эти заключаются какъ въ расходахъ на угощеніе, такъ и въ потерѣ рабочаго времени. Въ глазахъ крестьянъ актомъ, закрѣпляющимъ брачную сдѣлку, является вся процедура свадебнаго ритуала. Церковное вѣнчаніе является такимъ образомъ недостаточнымъ. Среди бѣлорусскихъ крестьянъ едва-ли существуетъ понятіе о формальномъ разводѣ, но зато прак-

тика жизни выработала разводъ безъ посредства церкви: неполадившіе супруги просто расходятся. Тутъ возникаетъ только вопросъ имущественный. Если обѣ стороны расходятся добровольно, то жена забираетъ свое приданое, внесенное ею въ домъ мужа, а мужъ-примакъ забираетъ свое имущество, съ которымъ онъ явился въ домъ тестя или вдовы. Если же одна изъ сторонъ оставляетъ другую, то послѣдняя считаетъ себя въ правѣ удержать имущество первой. Оттого въ случаѣ споровъ въ волостномъ судѣ судъ старается установить, кто кого изъ супруговъ "прогналъ".

Таковъ строй семейныхъ отношеній среди бѣлорусскаго крестьянства. Въ эти отношенія, какъ мы неразъ видѣли, проникаетъ объединяющее начало, регулирующее ихъ, именно трудъ. Крестьянская семья проникнута трудовымъ началомъ. Это представляется особенно яснымъ тамъ, гдѣ трудъ прилагается къ землѣ. Сама земля для бѣлорусса имѣетъ значеніе по стольку, по скольку къ ней прилагается трудъ пахаря. Оттого мы и встрѣчаемъ такой взглядъ въ народномъ обычномъ правѣ, что право на землю признается за лицомъ, приложившимъ къ ней свой трудъ. Отсюда въ народномъ представленіи вытекаетъ право на землю сдольника, примака; отсюда же согласно тому же взгляду, въ прежнее время отставные солдаты лишались своего права на часть надѣла, такъ какъ долгое время отсутствовали и не прилагали въ семьѣ труда къ землѣ. Такимъ образомъ это народное пониманіе труда и его права на поземельную собственность рѣзко отличается отъ понятія о собственности, установившагося въ культурныхъ слояхъ.

Бѣлорусская деревня, по своимъ понятіямъ, по общему колориту жизни, далеко въ настоящее время не является однородной. Въ однихъ мѣстностяхъ господствуютъ старые обычаи, традиціонные взгляды, въ другихъ вырабатываются новыя жизненныя условія. Это разнообразіе замѣтно не только въ области юридическихъ понятій, но оно рѣзко бросается въ глаза даже при бѣгломъ взглядѣ на внѣшнюю обстановку жизни крестьянина. Типъ стараго хозяина — настоящаго „жихира"— очень не похожъ на типъ хозяина, уже подвергшагося вліянію городской культуры. Изба и дворъ „старожитаго жихира" отличаются прежде всего консервативной внѣшностью: вся обстановка представляетъ собою дѣло рукъ членовъ семьи, Такое нововведеніе, какъ керосинъ, самоваръ, незнакомы въ подобной семьѣ. Пріемы хозяйства тоже чисто дѣдовскіе. Такой „богатыръ" уклоняется отъ дѣятельности на сходахъ, отъ выборныхъ должностей. Зная цѣну рабочихъ рукъ въ семьѣ, подобный крестьянинъ является рѣзкимъ противникомъ раздѣловъ. Онъ не видитъ и большой пользы въ грамотности. Соха и грамота для него являются несовмѣстимыми. Оттого неудивительно, что народная школа въ глухихъ

уголкахъ Бѣлоруссіи далеко еще не получила права гражданства. Учителямъ иногда съ трудомъ приходится собирать школьниковъ. Собираніе ихъ дѣлается при посредствѣ волостныхъ правленій и сельскихъ старостъ. Вотъ, напр., какія трудности приходилось преодолѣвать школьнымъ дѣятелямъ въ одномъ изъ такихъ глухихъ уголковъ. Дѣло касается *Мухоъдовской* волости Рѣчицкаго уѣзда, занимающей глухой юго-восточный уголъ Заприпетскаго Полѣсья: „Трудность собиранія мальчиковъ въ школу", замѣчаетъ въ 1890 году одинъ изъ наблюдателей (Довнаръ-Запольскій [1]), „доходитъ до того, что уже записавшихся учениковъ приходится ловить. Вотъ какія, напр., затрудненія встрѣчалъ въ этомъ дѣлѣ настоятель одной изъ мѣстныхъ церквей, прослужившій одновременно лѣтъ около пятнадцати въ качествѣ народнаго учителя въ своемъ же приходѣ. Такъ какъ школы обслуживаютъ здѣсь болѣе или менѣе обширные районы, то въ его школьный округъ было причислено три деревни, изъ которыхъ ближайшая отстояла на 8 верстъ, а самая дальняя — верстъ на 10—12. По установившемуся почти во всей губерніи обычаю, при народныхъ школахъ утверждены интернаты для учениковъ изъ сосѣднихъ деревень. Староста собираетъ съ деревни нужное число продуктовъ для учениковъ, проживающихъ въ школѣ, и свозитъ ихъ туда. Но изъ интерната собранные поневолѣ мальчики нерѣдко самовольно уходятъ къ родителямъ, которые со своей стороны покровительствуютъ бѣглецамъ; или же, отправившись на праздникъ домой, ученики не приходятъ по нѣскольку недѣль, пока волость не вытребуетъ ихъ черезъ старосту. Для предотвращенія такихъ побѣговъ почтенному настоятелю пришлось прибѣгать къ такимъ мѣрамъ: онъ отпускалъ учениковъ только на двухдневные праздники, но на второй праздничный день къ вечеру самъ отправлялся въ деревню и забиралъ съ собою своихъ школьниковъ. Онъ передавалъ мнѣ, что кромѣ постоянныхъ просьбъ, особенно матерей, не забирать отъ нихъ дѣтей, ему нѣсколько разъ приходилось наталкиваться на такую сцену: мать ложится на порогъ избы, проситъ его не забирать сына и такимъ образомъ загораживаетъ входъ. Даже угрозы недопустить къ причастію оказывались недѣйствительными. Такія трудности приходилось испытывать учителю, занимавшему одновременно авторитетное положеніе священника; каково же обыкновенному учителю?" Но описанный типъ стариннаго крестьянина, равно какъ и его враждебное отношеніе къ школѣ, постепенно смѣняются. Въ деревенской средѣ нетрудно уже встрѣтить и иной типъ крестьянскаго „богатыря". Это человѣкъ, не чуждающійся никакихъ новшествъ, самъ грамотный или, если самъ неграмотенъ, то во всякомъ случаѣ понимающій значеніе школы.

---

[1]) Замѣтка относится къ 1890 г.

Въ настоящее время жизнь бѣлорусскаго села быстро измѣняется, потребность въ образованіи растетъ, печальныя явленія описанныя выше, съ каждымъ десятилѣтіемъ отходятъ въ область преданій.

Жизнь деревни измѣняется, перерабатывается подъ вліяніемъ двухъ условій: общаго роста культуры и экономическихъ условій. Вообще говоря, бѣлоруссъ въ моментъ освобожденія крестьянъ былъ поставленъ въ довольно благопріятныя условія, такъ какъ размѣры надѣловъ можно признать вполнѣ достаточными, даже при не вездѣ благопріятной почвѣ. Но теперь надѣльная земля оказывается уже не всегда достаточной. Бѣлоруссъ прежде всего пахарь. Разъ онъ чувствуетъ недостатокъ въ землѣ, онъ теряется, не умѣя выйти изъ затруднительнаго положенія. По натурѣ довольно пассивный, бѣлоруссъ не отличается предпріимчивостью. Это большой недостатокъ его характера, сложившійся вѣками, подъ вліяніемъ крѣпостнаго права и того, что области торговли и ремесла всегда были для него недоступны вслѣдствіе конкуренціи такого промышленнуго и бойкаго элемента, какъ евреи. Очень возможно, что уменьшеніе земли, при неподготовленности и отсутствіи предпріимчивости, во многомъ способствуетъ усиленію пагубнаго порока — пьянства, и безъ того сильно развитаго среди населенія. Пьянство укоренилось здѣсь вѣками. Уже писатели XVI в. были поражены необыкновеннымъ развитіемъ этого порока въ средѣ западно-русскаго населенія: „здѣсь всѣ пьютъ", разсказываетъ одинъ изъ нихъ (Михалонъ Литвинъ), „пьютъ мужчины, женщины и дѣти, пьютъ въ праздничное и рабочее время". Какъ это ни печально, но надо сознаться, что пьянство среди бѣлоруссовъ не уменьшилось съ теченіемъ времени. Трудно указать хоть одного наблюдателя, случайно ли попавшаго въ Бѣлоруссію, или живущаго въ ней постоянно, который не обратилъ бы вниманія на этотъ порокъ. Вотъ напр., въ какихъ мрачныхъ краскахъ описываетъ одинъ этнографъ (г. Янчукъ) этотъ порокъ: „Водка и пьянство—вотъ второе, послѣ невѣжества, несчастье бѣлорусса, его разоръ! И всѣ, кому только нужно, съ полнымъ успѣхомъ пользуются этой гибельной слабостью бѣлорусса для своихъ цѣлей. Одна-другая чарка водки, которою деревенскій факторъ охотно угощаетъ своего сосѣда-крестьянина въ счетъ будущей уплаты, дѣлаетъ то, что нерѣдко часть крестьянскаго хлѣба еще на корню давно продана еврею, или принадлежитъ ему какъ плата за выпитую водку и другіе долги". И далѣе авторъ описываетъ печальныя сцены, которыя къ сожалѣнію, хорошо знакомы всякому наблюдателю бѣлорусской жизни: стóитъ подъ вечеръ заглянуть въ базарный или ярмарочный день на базаръ любого мѣстечка или городка, чтобы убѣдиться въ поголовномъ опьяненіи деревенскаго люда, привезшаго для продажи часто послѣднія крохи; стóитъ выйти на дорогу, ведущую изъ мѣстечка, чтобы увидѣть поголовное движеніе пьянаго люда.

Пьянство, быть можетъ, единственная черта, которая съ невыгодной стороны характеризуетъ бѣлорусскаго крестьянина. Въ общемъ же онъ отличается многими весьма симпатичными чертами. Бѣлоруссъ отличается бережливостью, почти скупостью, разсчетливымъ веденіемъ хозяйства. На работѣ онъ отличается замѣчательною выдержкой, которая такъ мало гармонируетъ съ его физической хилостью. Оттого бѣлоруссы—прекрасные рабочіе на такихъ трудныхъ работахъ, какъ гонка плотовъ, баржъ, при земляныхъ и мостовыхъ работахъ. Бѣлоруссъ отличается гостепріимствомъ, склонностью къ веселію и довѣрчивостью, хотя ее можно и не сразу снискать. Отсутствіе злопамятности въ бѣлоруссѣ рѣзко бросается въ глаза всякому, кто съ нимъ сталкивается. Вообще онъ обладаетъ кроткой натурой. Весьма возможно, что эта черта, плохо понятая поверхностными наблюдателями, создала легенду о приниженности, забитости бѣлорусса. Это мнѣніе широко распространено, но оно далеко не справедливо. Вотъ, напр., впечатлѣніе, вынесенное безпристрастными наблюдателями. „Ходячія представленія о типѣ бѣлорусскаго крестьянина“, говоритъ г. Грузинскій, „рисуетъ его неказистымъ... тщедушнымъ и придавленнымъ тяжелой жизнью въ болотистомъ, бѣдномъ краю. Мои личныя впечатлѣнія были не таковы. Я увидѣлъ бѣлорусса крѣпкаго сложенія, хотя и худощавымъ... Но главное, я не замѣтилъ и слѣда угнетенности, забитости. Манера держать себя и говорить, дѣйствительно, отличалась отъ великорусской своей медленностью, сдержанностью, но въ ней видѣлась скорѣе степенная важность, я-бы сказалъ, задумчивость, не лишенная достоинства. Выразительныя физіономіи встрѣчаются очень часто, а среди женщинъ и дѣвушекъ много прямо красивыхъ лицъ“. Эта характеристика особенно важна, потому что это наблюденіе заѣзжаго москвича. Но, спрашивается, почему же создалось, сдѣлалось ходячимъ вообще невыгодное представленіе о бѣлоруссѣ? Это объясняется вотъ чѣмъ: въ 60-хъ годахъ русскіе публицисты изо всѣхъ силъ старались представить бѣлоруссовъ самымъ несчастнымъ, самымъ угнетеннымъ народомъ въ мірѣ для того, чтобы показать, какъ тяжело отразилось въ краѣ господство польскихъ помѣщиковъ и евреевъ. Публицисты тогда наговорили много нелѣпаго, много и вѣрнаго, забывая, что крѣпостное право окрѣплялось русскими законами, что оно едва-ли легче было и въ Великоруссіи и что вездѣ оно имѣло тяжелыя послѣдствія. Теперь пора уже русскому обществу отвыкать отъ этихъ предразсудковъ.

При отсутствіи предпріимчивости бѣлоруссъ однако отличается сильнымъ развитіемъ воображенія и впечатлительностью. Онъ охотно уходитъ въ міръ мечтаній, воображенія. Стóитъ прислушаться къ разговору деревенскихъ парней, когда они съѣдутся на ночлегѣ для пастьбы лошадей: разгоряченныя лица цѣлую ночь ведутъ бесѣду о всевозможныхъ

ужасахъ, говорятъ о самыхъ фантастическихъ, недоступныхъ ихъ пониманію предметахъ. Полетъ фантазіи необыкновенный! И чего только не перескажетъ собесѣднику рыболовъ, тихо скользящій на своей лодочкѣ-душегубкѣ въ ночной тиши по серебристой глади рѣки: каждый кустъ въ его воображеніи живетъ таинственной жизнью. Мельникъ въ тиши наступающаго вечера сообщитъ вамъ съ увѣренностью разсказъ о жизни духовъ, населяющихъ его запруду, и т. д. Этотъ міръ, міръ фантазіи, отлился въ представленіи бѣлоруcса, въ его сказкахъ, пѣсняхъ, обрядахъ. Эта старина въ бѣлоруссѣ очень интересна, и къ ней мы сейчасъ перейдемъ.

Духовная жизнь бѣлорусса имѣетъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ для наблюдателя проявленій. На міровоззрѣніи бѣлорусса отразились слѣды отдаленнаго прошлаго. Повсемѣстно въ Россіи еще сохраняются въ большей или меньшей степени слѣды языческихъ культовъ и вѣрованій. Но бѣлоруссу въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ первенство. Это и въ настоящее время еще страна, о которой можно сказать словами поэта: „тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ“. Природа Бѣлоруссіи съ ея болотами и лѣсами наложила свой отпечатокъ на его міровоззрѣніе. Историческія условія, заключавшіяся въ отчужденіи сельскихъ классовъ населенія отъ болѣе культурныхъ, способствовали укрѣпленію въ массѣ различныхъ суевѣрій, придали имъ живучесть: эти условія, по существу, въ извѣстной мѣрѣ дѣйствуютъ и въ настоящее время, такъ какъ школа, церковь и больница далеко еще не получили повсемѣстнаго распространенія.

Въ воззрѣніяхъ бѣлорусса нетрудно найти слѣды древнѣйшихъ языческихъ вѣрованій, выражающихся въ фетишизмѣ. Такъ прежде всего встрѣчаются остатки культа *огня*. При переходѣ въ новое жилье бѣлоруссъ переноситъ изъ стараго огонь съ очага; безъ этого нельзя ожидать прежняго довольства. Ни одинъ бѣлоруссъ не плюнетъ въ огонь, боясь получить „вогникъ“ (накожная болѣзнь, при которой лицо покрывается струпьями). Въ глухихъ мѣстахъ въ каждой семьѣ стараются поддержать свой огонь, тщательно загребая уголья въ печурку. Домашній огонь одолжаютъ весьма неохотно, а въ извѣстные дни, въ праздники, во время нѣкоторыхъ сельскихъ работъ, хозяйка ни за что не одолжитъ огня изъ домашняго очага сосѣдкѣ, такъ какъ вѣритъ, что за огнемъ можетъ уйти домашнее благосостояніе. Во многихъ мѣстностяхъ Бобруйскаго уѣзда на Ѳоминой недѣлѣ справляютъ женитьбу „ко́мина“. Обрядъ очень напоминаетъ жертвоприношеніе огню. Къ этому времени ко́минъ бѣлятъ, украшаютъ зеленью и въ зажженный на немъ огонь бросаютъ кусочки сала и масла. *Вода* тоже составляетъ предметъ почитанія, въ особенности ключевая. Нѣкоторые источники пользуются особымъ почи-

таніемъ. О многихъ изъ нихъ разсказываютъ, какъ о такихъ, вода которыхъ излѣчиваетъ тѣ или иныя болѣзни. Почитаніе ключей и колодцевъ даетъ начало такъ называемымъ „*прощамъ*“. Проща — это ключъ или колодецъ обыкновенно гдѣ-нибудь въ лѣсу или надъ болотомъ. Сдѣлавшись почему-либо предметомъ почитанія, такое мѣсто привлекаетъ къ себѣ многихъ поклонниковъ, каждый изъ которыхъ оставляетъ на прощѣ свое посильное приношеніе — полотенце, пасьму льна; дѣвушки кладутъ ленточки, или обвязываютъ ими срубъ колодца; деньги бросаютъ обыкновенно въ воду. Въ такихъ мѣстахъ вскорѣ появляется крестъ, ставятъ иконы, выстраиваютъ часовеньку и приглашаютъ въ извѣстные дни духовенство служить молебенъ. Всѣ приношенія, дѣлаемыя прощѣ, поступаютъ вслѣдствіе этого въ пользу причта ближайшей церкви. *Камни* тоже составляютъ предметъ почитанія. Такимъ почитаніемъ пользуются обыкновенно камни, отличающіеся величиной и какими-нибудь особенностями, въ которыхъ крестьяне распознаютъ или человѣческую фигуру, или слѣды человѣческой ноги. Бѣлоруссы вѣрятъ, что такіе камни иногда обладаютъ сверхъестественными свойствами. Въ Могилевской губерніи разсказываютъ о камняхъ-кравцахъ (кравецъ — портной): стóитъ положить съ вечера на этотъ камень сукно и сказать ему, чтó надо сшить, а къ утру одежда будетъ уже готова. Нѣкоторые камни пользуются почитаніемъ и привлекаютъ къ себѣ поклонниковъ. Въ Игуменскомъ уѣздѣ близь села *Пережира* находятся два камня на разстояніи другъ отъ друга около ста саженъ; одинъ изъ нихъ называется *Двмьянъ*, другой — *Марья*. Еще въ недавнее время на поклоненіе къ этимъ камнямъ стекался людъ изъ отдаленныхъ мѣстностей, потому что ходили слухи о многихъ исцѣленіяхъ. Весьма понятно, что согласно основному складу жизни бѣлоруссы съ особеннымъ почтеніемъ относятся къ *землѣ* и къ ея производительнымъ силамъ. При переселеніяхъ крестьяне берутъ съ собою узелокъ земли „для здоровья спользительна. Переѣдешь въ другую сторонушку чужую—тамъ иныя климаты, тамъ и вода для нашего брата большую уражду можетъ дѣлать, а какъ всыпать родной земельки въ воду, такъ никакая земля тебѣ нипочемъ“ — объясняютъ смоленскіе мужики. Отсюда происходитъ и почитаніе *хлѣба*. Крошить хлѣбъ, сорить имъ — большой грѣхъ: всякую крошку хлѣба, упавшую на полъ, слѣдуетъ непремѣнно поднять. Во всѣхъ бѣлорусскихъ обрядахъ хлѣбъ въ разныхъ видахъ играетъ весьма почетную роль, и во всѣхъ этихъ обрядахъ сказывается почитаніе хлѣба, какъ символа производительной силы земли. Таковы, напр., обряды, выполняемые во время рождественскихъ святокъ, и въ особенности свадебный ритуалъ. Центральнымъ моментомъ свадебнаго обряда является печеніе каравая; пѣсни, которыя поются въ это время, выполняемые тогда-же обряды, наконецъ изобра-

женія изъ тѣста, дѣлаемыя на караваѣ, ясно указываютъ на то, что онъ является символомъ плодородія. Въ этомъ-же смыслѣ въ бѣлорусскомъ быту есть множество обрядовъ, связанныхъ съ культомъ солнца и солнечныхъ божествъ.

Культъ *предковъ* оставилъ также весьма разнообразные слѣды въ міровоззрѣніи бѣлоруссовъ. Этотъ культъ наиболѣе рельефнымъ образомъ выразился въ почитаніи домового. Разсказами о домовомъ, объ его шалостяхъ еще полно бѣлорусское село. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей передаетъ разсказъ крестьянина, который самъ будто-бы былъ очевидцемъ, какъ домовой являлся на „дзѣды" во время общаго ужина. Домового нетрудно видѣть; для этого, напр., слѣдуетъ на вечернѣ въ церкви взять зажженую свѣчу, принести ее горящею же домой и подняться съ нею на чердакъ. Тутъ будетъ лежать домовой въ видѣ собаки или голаго человѣка; надо прикрыть домового и, когда онъ спроситъ, что́ нужно, чистосердечно изложить ему свои нужды. Онъ постарается удовлетворить ихъ. По нѣкоторымъ указаніямъ, домовой живетъ подъ печкой, отчего онъ называется также *подпечникомъ*. Домового также называютъ *хатникомъ* или *господаремъ*. Этотъ господарь требуетъ къ себѣ почтенія. Чтобы снискать благоволеніе домового, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при закладкѣ новаго дома отрѣзываютъ пѣтуху голову и кладутъ ее подъ угловой камень. Во время „дзядоу" для домового отливаютъ часть пищи. Если семья живетъ въ мирѣ съ „господаремъ", то онъ вообще бываетъ для нея полезенъ, предупреждая объ угрожающемъ несчастіи, и вообще можетъ быть весьма полезнымъ. Передъ крупной бѣдой домовой въ полночь плачетъ и стонетъ. Когда нужно умилостивить домового, прибѣгнуть къ его содѣйствію, во время домашней бѣды ему дѣлаютъ „относы"—краюху хлѣба съ солью, завязанной въ тряпочку; „относъ" кладутъ на ворота, подъ повѣть, въ какую-нибудь печную печурку. „Относы" домовымъ дѣлаются и въ нѣкоторые праздники. Хозяинъ, принеся „относы", становится на колѣни и обращается съ молитвой къ домовому. Вотъ, напр., такая молитва, записанная въ Смоленской губ.: „Хозяинъ-батюшка, частный домовой! Хозяюшка-матушка, частная домовая! Вотъ я вамъ хлѣбъ-соль принесъ — примитя. Можить іонъ сказалъ глупыя слова, можить іонъ (больной) васъ унизіу, можить іонъ призвеу ничистоту у хлѣви. Праститя яму! Примитя хлѣбъ-соль и бирягитя статэкъ и надворья".

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ домовыхъ приглашаютъ во время заговѣнъ и поминальной вечери къ общему столу: „Царь-домовой, царица-домовица, съ малыми дѣтками милости просимъ съ нами заговлять". Вообще вся усадьба въ представленіяхъ бѣлорусса является мѣстопребываніемъ различныхъ духовъ. Такъ, въ хлѣвахъ и конюшняхъ живетъ *хлѣвникъ*; это тотъже домовой, но живущій въ сараѣ. Если хозяинъ или хозяйка не умѣютъ съ нимъ ладить, то онъ можетъ принести много бѣдъ: заѣздить лошадей,

отнять молоко у коровъ и т. д. Въ банѣ живетъ особый духъ — *банникъ*. На гумнѣ — *гуменникъ*, *евникъ* (въ овинѣ), или *овстникъ*. Для знающаго хозяина евникъ очень полезенъ. Онъ подметаетъ гумно, отъ него зависитъ увеличить количество вымолота изъ сноповъ и т. д. Всѣ свои работы усадебные духи дѣлаютъ по ночамъ и скрываются, какъ только запоетъ пѣтухъ.

Усадебные духи, если и пошаливаютъ иногда, то въ общемъ отличаются благорасположеніемъ къ хозяину. Но за чертой усадебной осѣдлости уже начинается дѣятельность злыхъ духовъ, съ которыми трудно ладить крестьянину. Глухой лѣсъ, мрачный въ плохую погоду, ревущій и стонущій во время бури, является мѣстопребываніемъ *лѣсовика*. Это ужасное существо, громаднаго роста, съ необычайно сильнымъ голосомъ и съ ярко-блещущими глазами. Человѣкъ боится встрѣчи съ лѣсовикомъ, такъ какъ онъ или напугаетъ, или даже задушитъ. Иногда лѣсовикъ не позволяетъ даже въѣхать въ лѣсъ: остановятся при встрѣчѣ съ нимъ лошади, да такъ и стоятъ до разсвѣта. Лѣсовика можно замѣтить въ лѣсу по громадной тѣни. Лѣсовикъ кричитъ, какъ ночныя птицы, воетъ, какъ звѣри, или плачетъ, какъ ребенокъ. У лѣшихъ есть жены; это души загубленныхъ лѣшимъ дѣвушекъ, которыя прокляты были родителями, или подняли на нихъ руку; онѣ „хитаются", то есть качаются на вѣтвяхъ деревьвъ. Лѣсовики иногда вступаютъ въ сношенія съ людьми.

Водяникъ живетъ въ рѣкахъ и озерахъ, въ особенности возлѣ мельницъ подъ шлюзами и въ омутахъ рѣкъ. Водяные похищаютъ людей, понравившихся имъ. Похищенные водянымъ мужчины становятся такими-же водяными, а женщины — русалками. Мельники, по общераспространенному мнѣнію, водятся съ водяными. Водяной — царь надъ водой и рыбой. Его нѣкоторые даже видѣли; онъ „кашлатый" (косматый), съ большой бородой и зелеными волосами. Водяной однако не все время живетъ въ водѣ, такъ какъ его гоняетъ Богъ. Такъ, до Крещенія водяной сидитъ въ водѣ, а потомъ переходитъ въ лозу, отчего и называется лозовикомъ, потомъ онъ переходитъ на сушу, въ прибрежную траву и только послѣ Спаса снова попадаетъ въ воду.

И лѣшій и водяной — все это разновидности нечистой силы. Вообще нечистая сила представляется бѣлоруссамъ въ самыхъ разнообразныхъ и очень рельефныхъ видахъ. Что-бы не предпринималъ бѣлоруссъ, куда-бы онъ не отправлялся, вездѣ и всегда онъ долженъ опасаться присутствія невѣдомой для него, но страшной силы. Представителями ея являются „нячисцики", черти. Бѣлоруссы очень хорошо знакомы съ чортомъ, знаютъ доподлинно всѣ проявленія его дѣятельности и способы борьбы съ нимъ. Бѣлорусскія представленія не знаютъ величественнаго образа сатаны; бѣлорусскій чортъ вообще мелкотравчатый. По воззрѣнію бѣлорусса, на днѣ неприступной трясины возсѣдаетъ старшій чортъ и оттуда разсылаетъ под-

власныхъ ему чертей дѣлать зло людамъ. Черти живутъ въ болотѣ, и въ каждомъ болотѣ есть свои старшій чортъ и подчиненные ему младшіе. Чортъ имѣетъ тѣлесный образъ: съ виду онъ черный, косматый, на головѣ имѣетъ два небольшихъ рожка, на ногахъ и рукахъ — острые когти, сзади — хвостъ. Впрочемъ чортъ можетъ принимать всевозможные виды. Чорта не трудно увидѣть; стоитъ, напр., во время сильнаго вихря плюнуть три раза и сказать: „чортъ, чортъ, покажи хвостъ"; тогда можно замѣтить вертящагося и производящаго вихрь „нячисцика". Черти женятся, имѣютъ дѣтей и живутъ семьями. Когда подымается вихрь, бѣлоруссъ убѣжденъ, что это ѣдетъ чортова свадьба. Черти живутъ обществами, любятъ сходбища и музыку. Чортъ не прочь также вступить въ связь и съ женщиной, но отъ такой связи рождаются разные уроды. Чортъ все дѣлаетъ для того, чтобы получить душу человѣка. Дѣлаетъ это онъ при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Въ церкви чортъ сидитъ на окнѣ и записываетъ смѣющихся и разговаривающихъ; записи ведутся на воловьей шкурѣ. Чортъ иногда является человѣку въ разныхъ видахъ и не прочь подшутить надъ нимъ. Впрочемъ сообразительный мужикъ можетъ пугать чорта и самъ надъ нимъ посмѣяться. Вотъ какой, напр., по этому поводу передаютъ разсказъ. Одинъ путникъ разложилъ надъ болотомъ огонь и сталъ на немъ поджаривать на веретелѣ сало; поджаритъ сало, помажетъ имъ хлѣбъ и ѣстъ. Выскочилъ чортъ изъ болота, поймалъ лягушку и сталъ ее поджаривать: поджаритъ лягушку и смажетъ ею хлѣбъ путника. Послѣдній разсердился и сунулъ чорту сало въ зубы такъ, что у чорто зубъ выпалъ. Отъ страха чортъ бросился въ болото, но „старшій" прогналъ его изъ болота. Вышелъ чортъ на берегъ и началъ стращать путника: будетъ тебѣ за то, что ты у меня зубы повыбилъ. Но человѣкъ пригрозилъ, что отъ него всѣмъ чертямъ хорошенько достанется, Побѣжалъ чертенокъ въ болото, разсказалъ объ угрозахъ „старшему", но тотъ приказалъ чорту примириться съ путникомъ. Чортъ не помирился, ушелъ изъ болота поселился подъ мельницей и сталъ портить ставъ.

Вообще бѣлоруссъ олицетворяетъ всякую бѣду, всякое несчастіе. Оттого и болѣзни онъ представляетъ себѣ въ видѣ злыхъ существъ, духовъ, которые вселяются въ человѣка. Такъ, *подвѣй* (параличъ) производитъ тотъ духъ, который кружится въ вихрѣ. *Лихорадка*, столь обычная въ болотистомъ Полѣсьѣ, представляется бѣлоруссу въ образѣ злой, безобразной старухи. Тетка-лихорадка выходитъ весной изъ-подъ земли и шатается повсюду, пока не наткнется на кого-нибудь, спящаго на весеннемъ солнышкѣ. Она подкрадывается къ спящему, цѣлуетъ его и тогда уже не разстается съ нимъ. Оттого бѣлоруссы избѣгаютъ весною спать на открытомъ воздухѣ. Лихорадку можно выгнать изъ человѣка такими средствами, которыхъ она не любитъ. Для этого, напр., даютъ пить настой изъ полыни; есть и на-

ружное средство отъ лихорадки: напр., носятъ на шеѣ освященное пасхальное яйцо, пока оно не высохнетъ. Лихорадку и другія болѣзни, можно обмануть. Про одного больного разсказываютъ, что онъ, ожидая въ урочный часъ свою неотвязчивую гостью, притворился умершимъ, легъ подъ образами, роднымъ приказалъ плакать и причитать; пришла лихородка, повѣрила и ушла. Лихорадку можно иногда и испугать, напр., ружейнымъ выстрѣломъ надъ больнымъ, такъ какъ лихорадка большая трусиха. Другія болѣзни тоже поражаютъ человѣка, являясь въ видѣ духовъ. Въ особенности много разсказовъ ходитъ о холерѣ. Холера является въ село въ образѣ женщины, мужчины или черной коровы. Разсказываютъ, что когда въ одномъ селѣ люди начали умирать отъ холеры, то крестьяне сосѣдняго села рѣшили не пустить къ себѣ непрошенную гостью и устроили караулъ. Разъ ночью караульщики увидѣли, что изъ пораженнаго болѣзнью села пробирается черная корова. Крестьяне убили ее, и съ тѣхъ поръ болѣзнь прекратилась во всей округѣ. Вообще о холерѣ ходитъ очень много самыхъ разнообразныхъ разсказовъ.

Смерть въ воображеніи бѣлорусса также представляется въ видѣ особаго существа. Смерть „душитъ людей“; однако она поражаетъ не тѣхъ, кого хочетъ, но того, кого назначаетъ Богъ. Есть множество примѣтъ, по которымъ можно узнать приближеніе смерти. Напр., станетъ трещать нетопленная печь съ лѣвой стороны — умретъ хозяйка, затрещитъ съ правой — умретъ хозяинъ; запоетъ курица пѣтухомъ — непремѣнно въ домѣ долженъ быть покойникъ. Бѣлоруссы не имѣютъ сколько-нибудь отчетливаго представленія о загробной жизни, но зато они знаютъ много разсказовъ о мертвецахъ и ихъ явленіяхъ живымъ людямъ. Тѣло покойника, находясь въ землѣ, по представленію бѣлорусса, сохраняетъ свою чувственность. Поэтому не слѣдуетъ ложиться на могилу оттого, что можно придавить покойника и нарушить его покой. Не слѣдуетъ также раззорять могилы, потому что покойники будутъ являться во снѣ и требовать, чтобы разрозненныя части ихъ скелета снова были сложены вмѣстѣ. Если умершему на томъ свѣтѣ живется плохо, то онъ является живымъ родственникамъ, чтобы тѣ оказали ему помощь, т. е. помолились бы за него. По покойномъ не слѣдуетъ много плакать, потому что покойникъ всюду носитъ съ собой выплаканныя надъ нимъ слезы; не слѣдуетъ поэтому отягощать его ноши. Разсказываютъ, что одна мать очень плакала по своей дочери и хотѣла ее непремѣнно видѣть. Ей посовѣтовали забраться въ церковь ночью въ день празднованія Всѣхъ Святыхъ. Ровно въ полночь мать увидѣла свою дочь, которая съ трудомъ тащила за собой полную бочку выплаканныхъ слезъ. Съ тѣхъ поръ мать перестала оплакивать дочь.

Появленіе обыкновеннаго мертвеца рѣдко приноситъ живымъ людямъ какое-нибудь несчастіе: человѣкъ отдѣлывается только испугомъ. Гораздо

страшнѣе появленіе съ того свѣта „вупора“; въ видѣ упыря приходятъ по ночамъ покойники, которые въ жизни занимались колдовствомъ. Тѣло такихъ покойниковъ не разлагается, почему и легко узнать упыря, если открыть его могилу. Появляясь по ночамъ въ домѣ, упыри причиняютъ зло людямъ. Иногда впрочемъ упыри являются по ночамъ къ себѣ домой и выполняютъ разныя домашнія работы. Чтобы избавиться отъ этихъ посѣщеній, надо вскрыть могилу упыря, отсѣчь ему голову, а въ спину вбить осиновый колъ.

Говоря о различныхъ вѣрованіяхъ бѣлорусса, надо отмѣтить еще одно очень распространенное — вѣру въ оборотничество. Бѣлоруссъ твердо убѣжденъ въ томъ, что человѣкъ можетъ превратиться въ какое-нибудь другое существо; есть „заклятые“ люди, которые обратились въ камни; колдуны могутъ прикидываться различными животными, но тверже всего и наиболѣе распространена вѣра въ превращеніе людей въ волковъ. Бѣлоруссъ очень отчетливо представляетъ себѣ этого рода оборотничество, настолько отчетливо, что нетрудно встрѣтиться съ крестьяниномъ, который можетъ вамъ поразсказать о *вовкулакѣ* со словъ какого-нибудь лица, будто-бы бывшаго оборотнемъ. Въ одномъ сборникѣ бѣлорусскихъ разсказовъ передается, напр., слѣдующій наивный разсказъ. Разсказчикъ-крестьянинъ говоритъ, что будто-бы лѣтъ пять тому назадъ онъ встрѣтился на дорогѣ, въ лѣсу со страшнымъ-престрашнымъ человѣкомъ, съ покосившимися глазами. Разсказчикъ спрашиваетъ его: „отчего ты, человѣче, такой „поврежденный?“—„Да, братъ, будешь „поврежденный“, когда нѣсколько лѣтъ побѣгаешь волкомъ.“—„Да, развѣ ты былъ вовкулакомъ?“ Спутники зашли въ сосѣдній кабачокъ и бывшій оборотень разсказалъ о своемъ несчастіи.

Поссорился онъ со своей сосѣдкой, такъ какъ, укладывая крышу на свое гумно, бросилъ нечаянно въ сосѣдскій огородъ нѣсколько сноповъ и поломалъ конопли. Поссорились изъ-за этого, повздорили, и сосѣдка пообѣщала за это отплатить. Черезъ недѣлю поѣхалъ разсказчикъ съ кумомъ на мельницу. На обратномъ пути стали пасти лошадей. Сдѣлалось ему тошно, нудно и захотѣлось непремѣнно пролѣзть черезъ хомутъ. Пролѣзъ, сталъ волкомъ и побѣжалъ. Три года бѣгалъ волкомъ одинъ, а на четвертый былъ наконецъ принятъ волками въ ихъ сообщество и сталъ вмѣстѣ съ ними бѣгать. Разъ „апостолъ Юрій“ приказалъ имъ съѣсть рябого коня, такъ запахъ предназначеннаго животнаго слышенъ былъ волкамъ верстъ за сто. Бѣжали они за этимъ конемъ сто верстъ, а другихъ не трогали, потому-что не приказано было. Съѣли коня и такъ наѣлись, что цѣлую недѣлю ѣсть не хотѣли. Въ другой разъ захотѣлось волкамъ ѣсть. Волки послали въ стадо разсказчика. Онъ подкрался и похитилъ поросенка. Вдругъ его окрикнулъ пастухъ: „эй ты, что-же ты взялъ безъ спросу?“ Такъ разсказчикъ и сталъ и ни съ мѣста, вокругъ него — яма. Волки кричатъ: „бросай да убѣ-

гай". Пришелъ пастухъ и сказалъ: „кинь". Разсказчикъ бросилъ, а пастухъ взялъ пугу (пастушескій кнутъ), перегнулъ ее нѣсколько разъ и ударилъ его двѣнадцать разъ. Слѣзла съ разсказчика волчья шкура, и онъ сдѣлался человѣкомъ, только „повраждонъ" видомъ.

Въ этомъ наивномъ разсказѣ сосредоточена полная теорія бѣлорусса объ оборотничествѣ. Изъ него-же видно, что это суевѣріе поддерживается въ народной средѣ проходимцами, которые за рюмку водки охотно выдаютъ себя за бывшихъ вовкулаковъ.

Оборотничество бываетъ добровольное и недобровольное. Чаровникъ, если ему нужно, можетъ на время превратиться въ волка. Для этого колдунъ отыскиваетъ въ лѣсу осиновый пень, на которомъ при рубкѣ не положено крестнаго знаменія, хватаетъ зубами за его край и черезъ голову перекидываетъ на противоположную сторону пня. Иные прибѣгаютъ къ другимъ способамъ. Когда такому оборотню надо превратиться въ человѣка, онъ подходитъ къ тому мѣсту съ противуположной стороны и продѣлываетъ тоже самое. Но въ большинствѣ случаевъ оборотничество является слѣдствіемъ дурного человѣка-чаровника. Иногда-же оно происходитъ вслѣдствіе заклятія, произнесеннаго въ лихую годину. Чародѣй чаще всего прибѣгаетъ къ заклятію свадебнаго поѣзда, отчего сваты наблюдаютъ, чтобы не обидѣть во время свадьбы сосѣдняго знахаря. Въ Бѣлоруссіи ходитъ много разсказовъ о превращеніи чародѣями цѣлыхъ свадебныхъ поѣздовъ. Превращенные въ вовкулаковъ поѣзжане съ жалобнымъ воемъ спрыгиваютъ съ возовъ и убѣгаютъ въ сосѣдній лѣсъ. По однимъ разсказамъ, вовкулаки живутъ совсѣмъ по-волчьи, по другимъ,—избѣгаютъ мясной пищи, въ особенности несъѣдобныхъ животныхъ. Утромъ они умываются, проводя мордой по росистой травѣ, и даже въ весеннюю пору разгребаютъ землю вслѣдствіе привычки къ пахотѣ. Оборотни всегда заговариваются на извѣстное количество лѣтъ, и никто не обладаетъ средствомъ сократить этотъ срокъ, даже самые сильные чародѣи. Тутъ можетъ помочь только случайность, напр., окрикъ какого-нибудь человѣка, произнесенный въ подходящее время, или же самъ вовкулакъ случайно прошмыгнетъ подъ дугой перваго экипажа того поѣзда, который былъ заговоренъ, и т. п.

Итакъ бѣлоруссъ окруженъ множествомъ всевозможныхъ опасностей. Олицетворяя болѣзни и всякое зло, представляя себѣ природу, населенную разнообразными духами, большею частью враждебно относящуюся къ человѣку, имѣя такихъ же духовъ въ собственной усадьбѣ и даже въ хатѣ, бѣлоруссъ оказался-бы въ крайне затруднительномъ положеніи, если-бы онъ по многимъ признакамъ не предугадывалъ грядущаго несчастія, если-бы онъ не зналъ признаковъ дѣятельности того или другого духа, если-бы онъ наконецъ не умѣлъ заранѣе принять соотвѣтствующихъ мѣръ. Но есть цѣлый рядъ способовъ предотвратить несчастіе, перехитрить лѣшаго-чорта, ту

или иную болѣзнь и т. д. Тутъ главнымъ образомъ надо самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить за всякаго рода примѣтами и остеречься во́-время; если примѣты предвѣщаютъ какое-либо зло, надо распознать, отъ кого оно исходитъ. Если несчастіе уже случилось, есть рядъ способовъ отъ него избавиться, но при этомъ опять-таки надо знать не только средства, но и виновника несчастія.

Бѣлоруссъ очень *суевѣренъ* и обладаетъ очень обширнымъ и сложнымъ кодексомъ примѣтъ и средствъ для предотвращенія несчастій. Онъ постоянно насторожѣ. Прежде всего человѣкъ можетъ предвидѣть будущее при посредствѣ сновидѣній. Толкованіе сновъ играетъ большую роль. Оно основано или на созвучьи словъ (напр., видѣть муку́ — предстоитъ му́ка, видѣть снѣгъ—предстоитъ смѣхъ), или на сходствѣ внѣшнихъ признаковъ (напр., ягоды, горохъ во снѣ предвѣщаютъ слезы, блинъ — письмо), или на противуположеніи признаковъ различныхъ понятій (видѣть ангела нехорошо, видѣть бѣса—къ добру, видѣть гостей—мертвецъ будетъ). Иногда толкованіе сновъ повторяетъ собою примѣты и повѣрья.

Бѣлоруссъ также вѣритъ въ лихую годину, отчего избѣгаетъ говорить о здоровьѣ своемъ или близкихъ людей, вообще о какомъ-либо благополучіи; а если и говоритъ, то спѣшитъ сдѣлать оговорку: „не у гетымъ часи, не у гетымъ рази“. Остерегаясь накликать на себя бѣду, бѣлоруссъ боится сглазу —„уроковъ“, „суроцовъ“. Особенно часто сглазу подвергаются дѣти и беременныя женщины, почему и тѣхъ и другихъ очень берегутъ. Порча отъ „суроцовъ“ сосредоточивается главнымъ образомъ въ головѣ и груди; поэтому матери высасываютъ болѣзнь дѣтей: ежедневно по три раза высасываютъ глазъ и грудь противъ сердца.

Есть множество средствъ для того, чтобы узнать порчу; для этого, напр., съ банной каменки снимаютъ три раскаленные камня—съ вершины, середины и снизу — и бросаютъ въ ведро съ водой. Если верхній камень шипитъ больше другихъ, то дитя „осурочено“ мужчиной; если шипитъ больше нижній — женщиной; средній — не опредѣляетъ пола. Есть возможность предотвратить себя отъ сглазу, для чего носятъ въ лѣвой полѣ платья воткнутую остріемъ вверхъ иголку, толченую соль въ шейномъ платкѣ и т. д.

Для всякаго положенія человѣка, для всякаго случая въ жизни существуетъ рядъ примѣтъ и средствъ для того, чтобы предотвратить несчастіе или достигнуть желаемаго. Жизнь ребенка еще до рожденія и послѣ обставлена длиннымъ рядомъ всевозможныхъ предостереженій. Нечего и говорить о томъ, что вопросъ о бракѣ и сама свадебная церемонія также необыкновенно богаты примѣтами. Кто хочетъ имѣть красивую жену, тотъ долженъ опоясываться двумя поясами втеченіе трехъ пасхальныхъ дней. Для дѣвушки, желающей пораньше выйти замужъ, въ народѣ хранится богатый запасъ средствъ, которыми можно этого достигнуть, и примѣтъ, по кото-

рымъ можно предугадать. Достаточно великъ запасъ средствъ для привораживанія любимаго или любимой. Во время свадьбы опытные сваты и свахи узнаютъ всѣ подробности будущей жизни молодой четы и принимаютъ рядъ предосторожностей противъ порчи молодыхъ.

И вообще въ жизни надо остерегаться неосторожныхъ дѣйствій, которыя могутъ повлечь за собою большее или меньшее несчастіе, въ особенности болѣзни. Не слѣдуетъ наступать босыми ногами на метлу потому, что могутъ появиться судороги въ ногахъ; не слѣдуетъ вертѣть шапку на кулакѣ потому, что будетъ болѣть голова; когда пьешь болотную воду, надо помянуть Моисея, и тогда грязная вода не будетъ вредна; очень полезно носить въ карманѣ „четверговую“ соль, что́ помагаетъ отъ боли въ животѣ; надо избѣгать употребленія въ пищу почки и мозгъ животныхъ: отъ первыхъ человѣкъ не растетъ, отъ вторыхъ — глупѣетъ. Есть множество и другихъ примѣтъ. Разными дѣйствіями предотвращается и уничтожается несчастіе. Для предохраненія дома или другого строенія отъ сосѣдняго пожара нагая дѣвушка или молодуха обѣгаетъ трижды съ полной крынкой молока вокругъ горящаго строенія и бросаетъ крынку въ огонь. Скотъ подвергается всевозможнымъ чарамъ, почему также уходъ за скотомъ обставленъ цѣлымъ рядомъ дѣйствій, имѣющихъ цѣлью предотвратить несчастіе, ублажить хлѣвника, предотвратить чары и т. д.

Вообще бѣлоруссъ главнѣйшимъ образомъ обращаетъ свое вниманіе именно на предотвращеніе тѣхъ или другихъ несчастій, или на то, чтобы добиться въ томъ или иномъ успѣха. Охотникъ умѣетъ заговаривать ружье, мельникъ умѣетъ ладить съ водянымъ, лѣсничій — съ лѣшимъ, обыкновенный хозяинъ — съ домовымъ; воръ обладаетъ рукой убитаго имъ человѣка, или свѣчей, вытопленной изъ жиру убитаго; шинкарь постарается добыть хоть кусокъ веревки, на которой повѣсился человѣкъ. Все это забота о будущемъ.

Теперь посмотримъ, какъ бѣлоруссъ борется съ уже надвинувшейся бѣдой. Для этого существуетъ множество средствъ, извѣстныхъ всякому обыкновенному смертному. Если болѣзнь или что-либо иное произошло отъ домового, то хозяинъ дома знаетъ, какъ его ублажить. Противъ болѣзней есть множество ходячихъ средствъ. Бѣльмо можно вылѣчитѣ печенымъ яйцомъ; на больной зубъ надо положить кусочекъ мыла, которымъ обмыли умершаго, или надо съѣсть мышиные хлѣбные огрызки; отъ желтухи помомогаетъ питье отвара изъ клоповъ; желудочная боль унимается, если кто-нибудь подуетъ на животъ больного; боль въ спинѣ прекращается, если больной ляжетъ у порога и кто-нибудь черезъ него переступитъ. Такъ какъ болѣзнь — духъ, то его можно выгнать изъ больного разными чисто механическими дѣйствіями: напр., положивъ больного у порога животомъ книзу, надо трижды подпрыгнуть на его спинѣ; иногда прибѣгаютъ къ катанію

больного, ставятъ горшки на животъ; последнее дѣлается такимъ образомъ: на животъ больного кладутъ дощечки или корку хлѣба, зажигаютъ на ней пучекъ льна и прикрываютъ горшкомъ; въ данномъ случаѣ происходитъ то-же, что и при ставленіи рожковъ.

Не всегда однако бѣлоруссъ знаетъ средство отъ болѣзней или отъ иной бѣды. Тогда онъ обращается къ людямъ свѣдущимъ, каковыми являются *знахири*, *вѣдзьмаки*, *знахарки* и *вѣдьмы*. Въ Бѣлоруссіи очень много лицъ, свѣдущихъ въ тѣхъ или иныхъ сферахъ колдовства. Мелкія чары могутъ навести очень многіе; они же могутъ и помочь въ неважныхъ случаяхъ. Но такіе вѣдуны не имѣютъ большого значеній, такъ какъ рядомъ съ этимъ существуетъ профессіональное колдовство. Такіе чаровники часто пользуются славой, выходящей далеко за предѣлы села или волости. Они обыкновенно бываютъ весьма необщительны, живутъ особнякомъ; большею частью это мельники или лѣсники по профессіи, иногда рыболовы. Окрестные крестьяне выказываютъ очень большой почетъ къ такимъ вѣдьмакамъ и даже въ разговорахъ между собою избѣгаютъ назвать ихъ чаровниками, боясь мести. Чародѣйство — очень старое явленіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и уже свидѣтельства XVI—XVII вѣковъ говорятъ о многихъ процессахъ по преслѣдованію вѣдьмъ и чародѣевъ. Тогда ихъ усердно ловили и казнили, добиваясь пытками сознанія. Вотъ любопытное показаніе половины XVIII столѣтія — письмо управляющаго имѣніемъ графа Тышкевича къ своему пану: „Ясневельможный панъ! Съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія сжегъ я шесть чаровницъ: три сознались, а остальныя — нѣтъ. Двѣ изъ нихъ престарѣлыя, третья тоже лѣтъ пятидесяти, да къ тому же одинадцать дней онѣ всѣ просидѣли у меня подъ чаномъ, такъ, вѣрно, и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рожь въ двухъ мѣстахъ заломана. Я собираю теперь съ десяти костеловъ святую воду и буду на ней варить кисель: говорятъ, непремѣнно всѣ колдуны прибѣдутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа!“

Профессіональное вѣдьмачество не дается даромъ. Чаровникъ—служитель нечистой силы; онъ отдалъ душу чорту и отъ него получаетъ свои силы и знаніе. Вѣдьмачество передается отъ одного вѣдьмака къ другому. Передача эта бываетъ обыкновенно на смертномъ одрѣ: вѣдьмакъ нашептываетъ воду и даетъ её испить своему преемнику; иногда сила и знаніе вѣдьмака заключаются въ особой книгѣ, которая, по увѣренію бѣлоруссовъ, лежитъ гдѣ-нибудь подъ камнемъ въ глухомъ лѣсу. Получивъ отъ вѣдьмака соотвѣтствующее указаніе, его преемникъ долженъ найти эту книгу и проспать въ данномъ мѣстѣ ночь, положивъ книгу подъ голову; послѣ этого книга опять кладется на мѣсто, а новый вѣдьмакъ пріобрѣтаетъ всю силу своего учителя.

Сила чаровника заключается въ томъ, что онъ знаетъ всѣ чары, кото-

торыя могутъ принести человѣку добро и зло. Настоящій „вялики вѣдьмакъ“ умѣетъ не только сдѣлать зло, но и исправить сдѣланное. Вѣдьмака можно и узнать. Для этого надо припрятать кусочекъ сыра, который ѣдятъ на заговѣнахъ предъ Великимъ постомъ, и носить этотъ сыръ въ мѣшечкѣ подъ мышкой втеченіе Великаго поста. Во время пасхальной заутрени, когда священникъ будетъ провозглашать: „Христосъ воскресъ“, надо за попомъ говорить: „у меня сыръ есть“. Тогда всѣ вѣдьмаки будутъ просить сыра, но давать его имъ не слѣдуетъ. Нѣкоторые вѣдьмаки обладаютъ умѣніемъ понимать разговоръ животныхъ и птицъ; для этого они ѣдятъ соусъ изъ ужеваго мяса. Одни вѣдьмаки бываютъ сильнѣе въ своихъ чарахъ, другіе—слабѣе. Иногда вѣдьмаки мѣряются своей силой. Вотъ одинъ такой разсказъ. Женился однажды въ селѣ солдатъ. Въ томъ-же селѣ жилъ великій вѣдьмакъ; всѣ звали его на свадьбы, а солдатъ не позвалъ. Когда ѣхалъ свадебный поѣздъ, вѣдьмакъ превратилъ участниковъ его въ вовкулаковъ. Солдатъ оказался еще болѣе сильнымъ въ чарахъ: махнулъ платкомъ—всѣ снова сдѣлались людьми, а у вѣдьмака на головѣ выросли рога. На свадьбѣ всѣ просили солдата, чтобы онъ простилъ своего врага. Тотъ простилъ и пригласилъ его къ себѣ на свадьбу. На свадьбѣ снова заспорили чаровники и стали пробовать свою силу.

Вѣдьмаки лѣчатъ различныя болѣзни обыкновенно посредствомъ нашептыванія надъ водкой или водой. Примѣшиваютъ иногда въ воду порошки и настои изъ травъ. Обыкновенно они отпускаютъ длинные ногти для того, чтобы удобно было носить подъ ними порошокъ, который они незамѣтно бросаютъ въ пищу или питье. Чары можно производить не только надъ тѣми предметами и лицами, которымъ хотятъ сдѣлать вредъ, но также и надъ тѣми, которые имѣютъ съ первыми какое-либо соотношеніе или соприкосновеніе; очень многія чары производятся надъ слѣдомъ человѣка, для чего берутъ землю изъ-подъ лѣвой пяты слѣда, скатываютъ ее въ шарики и затѣмъ превращаютъ въ порошокъ. Для очарованія скота чаровники стараются достать клочекъ шерсти отъ скота, того хозяина которому хотятъ принести вредъ. Порча хлѣба производится при посредствѣ „заломовъ„ и „завитковъ“; они дѣлаются во ржи и пшеницѣ около времени Ивана Купала, когда хлѣбъ наливается. Переломанная въ трехъ или четырехъ пучкахъ рожь или пшеница перевивается красной шелковой ленточкой или ниточкой, причемъ произносятся заговоры. Если крестьянинъ нашелъ у себя въ хлѣбѣ заломъ (осмотрительные хозяева дѣлаютъ обходъ своихъ полей послѣ Купальскаго дня), то приглашаютъ священника отслужить молебенъ и тогда вырываютъ съ корнемъ заломъ.

Въ Бѣлоруссіи ходитъ масса разсказовъ о вѣдьмахъ. Бѣлоруссы увѣрены, что вѣдьмы находятся въ любовной связи съ чортомъ, отъ котораго онѣ узнаютъ таинственныя свойства нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ; къ кореньямъ онѣ

подмѣшиваютъ порошокъ или жидкость изъ вывареннаго лисичьяго сердца или кошачьей печени. Когда вѣдьма выпьетъ добытую ею чудесную жидкость, она дѣлается легкою, невидимою и можетъ носиться по воздуху. Вѣдьмы слетаются на таинственное бѣсовское игрище или шабаши, которые бываютъ ночью гдѣ-нибудь на высокой горѣ; холмы, вершины которыхъ покрыты пескомъ и лишены крупной растительности — „лысыя горы,— считаются именно такими горями, на которыя слетаются вѣдьмы. Главный шабашъ вѣдьмъ бываетъ въ самую бурную ночь между Ильинымъ и Успеньевымъ днями; эта ночь извѣстна подъ названіемъ воробьиной или рябиновой.

Если при жизни вѣдьма и вѣдьмакъ пользуются почетомъ и достаткомъ, которые доставляетъ имъ ихъ ремесло, то зато бѣлоруссы вѣрятъ, что смерть чародѣя бываетъ очень мучительна: нечистая сила не хочетъ выйти изъ его тѣла, а когда выходитъ, то присутствующіе замѣчаютъ быстро убѣгающее животное въ видѣ свиньи, поросенка или курицы. Такъ какъ крестьяне на косякахъ дверей и оконъ выжигаютъ кресты свѣчою, принесенной съ вечерни въ чистый четвергъ, то душа чародѣя не можетъ выйти черезъ окна и двери; поэтому для облегченія предсмертныхъ мукъ раскрываютъ потолокъ въ избѣ надъ ложемъ умирающаго или просверливаютъ дыры въ стѣнѣ. При кончинѣ чародѣевъ и погребеніи ихъ обыкновенно свирѣпствуетъ страшная буря; чтобы унять ее, надо на дно вырытой могилы опустить осиновый крестъ.

Все предъидущее изложеніе ясно показываетъ, чѣмъ занято вооображеніе бѣлорусса и что́ составляетъ сущность его міровоззрѣнія. Послѣ этого можно не удивляться, что религіозный горизонтъ бѣлорусса очень не широкъ; легко также предвидѣть, что и религіозныя представленія подверглись сильному вліянію суевѣрій. Космогоническія представленія бѣлоруссовъ носятъ отпечатокъ странной смѣси библейскихъ сказаній и народной фантазіи. Во всѣхъ разсказахъ о происхожденіи міра фигурируютъ два существа — Богъ и дьяволъ; Богъ сдѣлалъ для человѣка полезные предметы, напр., равнину, хлѣбные злаки, цѣлебныя травы, полезныхъ животныхъ; дьяволъ создалъ горы, сорныя растенія и вредныхъ животныхъ. Богъ вдунулъ въ человѣка добрую душу, а чортъ — злую, отчего человѣкъ склоненъ дѣлать зло Богъ въ представленіи бѣлорусса является добрымъ старикомъ, который когда-то ходилъ по землѣ, дѣлая добро хорошимъ людямъ и наказывая дурныхъ. Не всѣ узнавали Бога и потому не всѣ оказывали ему услуги; поэтому однихъ онъ наказывалъ, а жизнь другихъ дѣлалъ счастливой,

Напримѣръ, по одному разсказу, Богъ шелъ дорогой и увидѣлъ бабу, которая жала жито. Богъ попросилъ бабу показать ему дорогу, но та отказалась за недосугомъ; за это Богъ сдѣлалъ такъ, что она никогда не могла управиться въ работѣ. Дальше встрѣтилъ Богъ мужика за сохою; погово-

рили оба; мужикъ попотчивалъ Бога нюхательнымъ табакомъ и показалъ ему доргу. И Богъ сдѣлалъ такъ, что мужикъ всегда сталъ управляться съ работой.

Бѣлоруссъ не всегда твердъ въ вопросѣ о количествѣ верховныхъ божествъ. Одинъ изслѣдователь, г. Романовъ, занесъ въ свой сборникъ такой отвѣтъ крестьянина по этому поводу: „Богъ его знаетъ, сколько есть боговъ. Главный, надо полагать, одинъ, а Іисусъ Христосъ сынъ его. Духъ Святой — это уже не Богъ — это Духъ Божій". Апостолы и праздники, по понятіямъ бѣлоруссовъ,— тоже боги, но меньшіе; каждый изъ нихъ чѣмъ-нибудь завѣдуетъ: Илья завѣдуетъ громомъ, св. Юрій завѣдуетъ звѣрями и скотомъ, св. Фролъ—лошадьми, отчего ему лошади и „святкуютъ", т. е. празднуютъ, св. Николай — нивами, Кузьма-Демьянъ — „ковальскій богъ" и т д. Представленіе о Богѣ и святыхъ отличаются реализмомъ. Такъ, со своими просьбами женщины обращаются преимущественно къ Божіей Матери и женскимъ святымъ. Интересенъ, напр., такой разсказъ. Встрѣчаетъ одна сосѣдка другую и спрашиваетъ: „куда ты идешь, кума?"— А вотъ я иду въ костелъ закупить мшу (обѣдня) на своего „лютаря" (равнозначуще слову Каинъ, причемъ подразумѣвается мужъ). „Такъ ты, кума, смотри, не ошибись, не закупи мши на Пана Іезуса: они мужчины всѣ одинаковы — другъ за друга, какъ жидъ за жида, тянутъ. Смотри не ошибись и закупи мшу Маткѣ Божьей".

Святые, по понятіямъ бѣлоруссовъ, ходили по землѣ и являлись людямъ въ человѣческомъ образѣ. Въ отношеніяхъ другъ къ другу святые не чужды чисто человѣческихъ недостатковъ. Ходили когда-то по землѣ Микола съ Юрьемъ. Встрѣчаютъ они мужичка на пашнѣ, поздоровались съ нимъ и сказали: „Богъ на помощь". Мужикъ отвѣтилъ. Пошли дальше святые и заспорили о томъ, кому изъ нихъ мужикъ „здравствуй далъ". Поспоривъ, они снова вернулись къ мужику и спросили его. Мужикъ подумалъ, да и говоритъ: „Ну, конечно, этому старому" (т. е. Миколѣ). Тогда св. Юрій сталъ насылать на мужика всякія бѣды, потому что разсердился на него, а св. Микола сталъ предохранять его отъ бѣдъ, насылаемыхъ Юріемъ. Долго такъ пробовали они свою силу надъ мужичкомъ. Наконецъ Юрій такъ разсердился, что рѣшилъ сжечь весь дворъ мужика со всѣмъ его добромъ. И тутъ помогъ св. Микола, научивъ мужика поставить въ Юрьевъ осенній день св. Юрію самую большую свѣчу, св. Миколѣ — меньшую, а всѣмъ святымъ — самую маленькую.

Бѣлоруссъ считаетъ праздники не отвлеченнымъ понятіемъ, но олицетворяетъ и ихъ. Праздникъ самъ наказываетъ виновнаго за нарушеніе своей святости. Бѣлорусская женщина никогда не засидится за работой поздно вечеромъ въ субботу, потому что боится наказанія отъ „святой недѣльки". По этому поводу ходитъ множество разсказовъ, напр., о томъ, какъ „святая

недѣлька" испугала засидѣвшуюся въ субботу вечеромъ бабу, прокатившись по хатѣ „трупяй головой" и т. д.

Итакъ, все міровоззрѣніе бѣлорусса проникнуто чертами, въ которыхъ самымъ причудливымъ образомъ языческія вѣрованія переплелись съ христіанскими: на представленіяхъ бѣлорусса отразились очень древнія черты языческихъ вѣрованій и понятій; съ другой стороны сказывается и воздѣйствіе средневѣковаго литературнаго репертуара, напр., апокрифовъ, духовныхъ стиховъ и пр. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени еще далеко не выяснено какъ наличное богатство бѣлорусскихъ вѣрованій, такъ и ихъ происхожденіе. Но то, что́ сказано по этому поводу, далеко еще не представляетъ всего запаса пережитковъ глубокой старины, которые сохранились среди населенія. Отголоски языческихъ воззрѣній на божество, иногда очень отчетливыя черты языческихъ божествъ не менѣе рельефно сказываются въ обрядахъ бѣлорусскаго крестьянства. Бѣлоруссъ съ большимъ почтеніемъ относится къ обряду; для него обрядъ — это актъ священнодѣйствія, установленный предками, освященный вѣками и потому требующій къ себѣ уваженія и точнаго выполненія. Школа и заносы изъ города, вліяніе церкви, очень сильное въ послѣднее время, не могутъ окончательно побороть привычки къ выполненію обрядовъ, достигая лишь того, что обряды выполняются съ сокращеніями и со стороны молодежи не всегда серьезно. Въ самомъ дѣлѣ жизнь бѣлорусса изо дня въ день обставлена извѣстными обрядностями. Кругъ обрядовъ двоякаго рода: обряды сопровождаютъ бѣлорусса отъ рожденія, даже еще до появленія на свѣтъ, и свою многотрудную жизнь бѣлоруссъ оканчиваетъ среди сложнаго ретуала, совершаемаго его близкими; и послѣ смерти родные будутъ совершать обряды, посвященные покойникамъ. Это одинъ кругъ обрядовой жизни. Но рядомъ съ нимъ существуетъ и другой; это годичный обрядовой кругъ. Онъ выполняется изъ года въ годъ. Въ немъ отразилась трудовая жизнь бѣлорусса, такъ какъ, по существу, годовые обряды являются пережитками аграрнаго культа; даже игры молодежи втиснуты въ общій строй обрядовой жизни и являются такою-же частью обряда.

Въ сказанномъ легко убѣдиться изъ бѣглаго знакомства съ обрядовой стороной бѣлорусской деревни. Сначала мы разскажемъ о трехъ важнѣйшихъ обрядахъ, сопровождающихъ жизнь бѣлорусса, именно объ обрядахъ при рожденіи ребенка, свадьбѣ и похоронахъ.

Народное суевѣріе обставляетъ будущую мать цѣлымъ рядомъ предписаній, при посредствѣ которыхъ стараются обезпечить здоровье ребенка. Нѣкоторыя изъ такихъ предписаній по существу могли-бы быть даны въ цѣляхъ гигіены, но, конечно, объясненіе ихъ и выполненіе отличаются суевѣріемъ. Народный взглядъ боится „урока", сглаза; это его основная точка зрѣнія. Такъ, беременная женщина должна избѣгать встрѣчь съ медвѣдемъ

или волкомъ, потому-что вслѣдствіе испуга младенецъ можетъ родиться съ плѣшью, „лапкой“ на головѣ, съ шерстью дикаго звѣря, наконецъ съ лапами вмѣсто рукъ. Беременной женщинѣ не слѣдуетъ выходить на пожаръ, потому-что если она отъ испуга схватится за какую-нибудь часть своего тѣла, то ребенокъ родится съ большимъ краснымъ пятномъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ. Нельзя ничего перерубать топоромъ на порогѣ вблизи кровати беременной, потому-что у дитяти будетъ разсѣчено ухо или ротъ, или оно родится съ шестью пальцами на одной изъ конечностей. Въ этомъ родѣ длинный рядъ предписаній оберегаетъ будущаго младенца. Когда приходитъ время родовъ, женщина поступаетъ въ полное распоряженіе бабки-повитухи. Повитуха въ селѣ пользуется большимъ почетомъ: она-же является дѣтскимъ врачемъ, потому-что знаетъ, какія дѣтскія болѣзни происходятъ отъ сглазу, и знаетъ отъ болѣзней заговоры и другія средства. Бабкой можетъ быть женщина, уже переставшая рожать, и наилучшей считается та, у которой дѣтей было много, и они не умирали. Ремесло деревенской бабки, за которое обыкновенно берутся бѣдныя женщины, бобылки, почти всегда соединяется съ мелкимъ знахарствомъ. Присутствіе повитухи по существу очень мало облегчаетъ больную, такъ какъ средства, которыми она обладаетъ, заключаются въ наговорахъ и разныхъ символическихъ дѣйствіяхъ; нѣкоторыя прибѣгаютъ еще къ кое-какимъ снадобьямъ изъ травъ, но употребленіе ихъ не всегда счастливо кончается. Появленіе новорожденнаго также обставляется бабкой разными заговорами и дѣйствіями. При купаніи ребенка въ корыто кладутъ нѣсколько кусочковъ хлѣба, соли и щетку изъ свиной шерсти. Родильницу (по мѣстному „породуху“) усердно посѣщаютъ сосѣдки, принося ей различныя кушанья. На третій день послѣ родовъ бываютъ „взливки“ или „узвары“, для чего приготовляютъ закуску, водку и созываютъ гостей преимущественно женщинъ. Послѣ хорошей выпивки подгулявшая бабка садится въ сани или на возъ, остальныя-же бабы берутся за оглобли и везутъ повитуху въ корчму. Бабка подгоняетъ ихъ длинной хворостиной. Поднимается шумъ, пьяный бабій крикъ, сопровождаемый смѣхомъ, понуканіемъ и остротами. Въ корчмѣ продолжается пьянство. Послѣ обряда крещенія, который бываетъ въ церкви или на дому у священника, въ домѣ родителей собираются гости. Послѣ угощенія подается „бабина каша“, которую она приноситъ съ собой. Послѣ шутливаго предложенія бабки отвѣдать ея каши присутствующіе кладутъ монеты въ горшокъ. Деньги поступаютъ бабкѣ. Затѣмъ породуха даритъ кумовьевъ и бабку. Обряды при крещеніи сопровождаются многочисленными пѣснями, въ которыхъ сыплются остроты по адресу „породухи“, бабки и въ особенности кума и кумы.

Очень интересенъ свадебный обрядъ. Родители жениха, остановивъ свой выборъ на невѣстѣ, иногда, наведя окольными путями предваритель-

ныя справки насчетъ согласія родителей дѣвушки, приглашаютъ сватовъ. Эту почетную обязанность обыкновенно выполняютъ родственники жениха, люди почтеннаго возраста и по возможности уважаемые въ селѣ. Немало бываетъ выпито водки во время предварительныхъ совѣтовъ родителей жениха со сватами. Совѣщанія ведутся не о выборѣ невѣсты, но о порядкѣ свадебнаго обряда, приглашенія гостей, о будущихъ расходахъ и т. п. Когда опредѣлится день, въ который рѣшатъ отправляться „въ сваты“ (наиболѣе благопріятнымъ днемъ считается воскресенье), тогда предварительно угощаютъ сватовъ и производятъ цѣлый рядъ гаданій, чтобы убѣдиться, насколько благопріятенъ день. Со сватами или со сватомъ отправляется обыкновенно и отецъ жениха; съ собою они берутъ бутылку водки и краюху хлѣба. Сваты, пріѣхавъ или придя къ дому невѣсты, становятся подъ окномъ и говорятъ: „Пустите, люди добрые, на ночь!“—„Здоровеньки были, идите въ хату!..“ отвѣчаютъ имъ. Войдя въ избу, сваты ставятъ на столъ бутылку съ водкой и кладутъ краюху хлѣба. Послѣ предварительныхъ разговоровъ о постороннихъ предметахъ, старшій изъ сватовъ спрашиваетъ у родителей невѣсты: нѣтъ ли у нихъ телушки для продажи, на что́ имъ отвѣчаютъ, что продали бы, если бы были купцы. Такой отвѣтъ считается благопріятнымъ, и завязывается дѣловой разговоръ. Между сватаньемъ и свадьбой бываютъ еще „запоины“. На нихъ присутствуютъ женихъ и невѣста и приглашаются наиболѣе солидные изъ родственниковъ обѣихъ сторонъ. За выпивкой (водку пьютъ ложками изъ общей чашки) ведутъ переговоры о бракѣ, порядкѣ свадбы и т. д. Въ концѣ попойки невѣста даритъ сватамъ, отцу жениха и самому жениху полотенца. Въ промежутокъ между „запоинами“ или „змовинами“ и днемъ свадьбы, когда идутъ приготовленія, подруги невѣсты собираются у нея, проводя время въ угощеніи и въ пѣніи пѣсенъ. Въ этихъ пѣсняхъ изображается грусть молодой дѣвушки, которой приходится оставлять отчій домъ и идти къ чужимъ отцу и матери; невѣста, сдѣлавшись молодухой, навсегда разстанется съ прежней веселой жизнью, съ подругами; она не покажется уже на деревенскомъ игрищѣ, въ пляскѣ, на деревенской вечеринкѣ; у нея будетъ суровой мужъ, злая свекровь. Пѣсни спрашиваютъ невѣсту, о чемъ она горюетъ, почему она проливаетъ горькія слезы: не плачетъ-ли она потому, что ей жаль разстаться со старикомъ-отцомъ, со старухой-матерью, съ роднымъ подворьемъ? Но не объ этомъ горюетъ невѣста: она оплакиваетъ свою русую косу „да дзѣвоцкою красу“. На огородѣ мята, макъ и другія „краски“ (цвѣты) заросли лебедою; почему-же дѣвушка ихъ не полетъ, почему не плететъ себѣ вѣнка? Теперь ей уже не до цвѣтовъ, потому-что пріѣхалъ женихъ. Дѣйствительно, бѣлорусская дѣвушка, начиная со „змовинъ“, много плачетъ; если она выходитъ замужъ и по любви, то всетаки, по традиціи, она оплакиваетъ свое „дзѣвоцтво“.

Церковное вѣнчаніе не играетъ существенной роли среди „вяселля“; иногда оно даже совершается за недѣлю до выполненія свадебнаго обряда, и молодые въ эти дни каждый живетъ у своихъ родителей. При вѣнчаніи и при слѣдованіи въ церковь и обратно дружки только заботятся о выполненіи разныхъ символическихъ дѣйствій для того, чтобы уберечь молодую чету отъ чаръ. Богатыя свадьбы справляются такимъ образомъ, что спачала пиръ происходитъ отдѣльно въ домѣ жениха и въ домѣ невѣсты. и только вечеромъ женихъ со своей дружиною отправляется въ домъ невѣсты. Вообще свадебный обрядъ допускаетъ нѣкоторые варіанты, хотя главнѣйшіе моменты его, какъ напр. посадъ невѣсты, каравайный обрядъ и нѣкоторые другіе, строго выполняются. Вотъ, напр., въ краткихъ чертахъ описаніе обряда, практикуемаго въ южной части Рѣчицкаго уѣзда. Здѣсь „вяселле“ совершается послѣ вѣнчанія черезъ нѣсколько дней. Утромъ, въ день, назначенный для „вяселля“, женихъ со своею дружиною закусываютъ. Послѣ закуски родители благословляютъ его вмѣстѣ съ дружиною (называемой боярами) и отправляются за невѣстой. При выходѣ поютъ:

Иванку матка родзила,
У дорогу выправляла;
Мѣсяцамъ абгарадзила,
Зарою падпяразала:
Ѣдзь, дзиця, раджоное,
На свае суджоное!

На дворѣ у невѣсты ихъ уже ожидаютъ. Здѣсь стоитъ столъ, покрытый скатертью, на немъ стоитъ чашка и лежитъ ложка. Дружина съ шумомъ подъѣзжаетъ къ воротамъ; ихъ сначала не пускаютъ, торгуются, но наконецъ впускаютъ. Отецъ жениха наливаетъ полную чашку водкой, а дружокъ изъ ложки угощаетъ всѣхъ присутствующихъ. Хоръ поетъ:

Чій, чій каравай выше?
Чіе дзицятко краше?
Нашъ, нашъ каравай выше!
Наше дзицятко краше!

Угощеніе происходитъ очень торжественно и чинно. Но чинность прерывается вдругъ тѣмъ, что одна изъ свахъ въ вывернутомъ тулупѣ обѣгаетъ всю толпу и скрывается въ сѣни. Молодежь гоняется за нею съ хлыстами и кнутами.

Послѣ этого совершается весьма важная церемонія. Женихъ со своею матерью и дружиной подходитъ къ сѣнечнымъ дверямъ избы. Въ сѣняхъ за порогомъ сидятъ невѣста, ея мать и дѣвушки. Обѣ матери имѣютъ въ рукахъ восковыя свѣчи. Когда сойдутся оба хора, поютъ:

А чій коунь, а чій коунь.
По загарадью бѣгае (2),
Да капыцячкомъ, да капыцячкомъ

Крамяни разбивае? (2)
А у крамяни, а у крамяни
Агню даспявае? (2)
Ай у крамяню, а у крамяни,
Дай же нам агню (2)
Запалици, засьвяцици жениху свячу! (2)

При этихъ словахъ свѣчи у обѣихъ матерей зажигаютъ и продолжаютъ:

Приступись, свацечко, до мяне, до мяне! (2)
И у цябе свѣчи, и у мяне свѣчи (2)
И у цябе дзиця, и у меня двиця (2),
Слѣпемо свѣчки да купки,
Зведзямо дзѣтки до хатки,
Да да аднои матки! (2)

Свахи, т. е. матери жениха и невѣсты, стоя на сѣнечномъ порогѣ, слѣпливаютъ свои свѣчи въ одну:

Міръ зъ міромъ міравалися,
Сваха зъ свахою цалавалися (2)
На лѣтнамъ морози, на сѣнничнамъ порози (2).

Свахи цѣлуются и входятъ въ хату, за ними невѣста съ дружками и женихъ съ дружиною.

Дружко поочередно приглашаетъ почетнѣйшихъ родныхъ и знакомыхъ благословить „князя и княгиню“. Молодые стоятъ посрединѣ избы. Послѣ благословенія дружко обводитъ ихъ вокругъ стола трижды. Женихъ садится затѣмъ на „куту“, невѣста — возлѣ него. Тутъ-же разсаживаются отецъ, мать, дружки и всѣ гости. Вносятъ каравай, приготовленный еще наканунѣ, украшенный цвѣтами. Отецъ жениха наливаетъ чашку водкой, а дружко обноситъ гостей ложкою водки.

Послѣ пѣнія нѣсколькихъ пѣсенъ и маленькой закуски начинается вторая часть обряда — завиваніе косы невѣсты. Избраныя свахи — завивальщицы становятся на скамейку по обѣ стороны невѣсты. Одна снимаетъ вѣнокъ съ головы невѣсты и расчесываетъ волосы ея. Другая въ это время жирно намасливаетъ ихъ. Затѣмъ сваха беретъ по пряди волосъ невѣсты и жениха, скручиваетъ ихъ и продѣваетъ черезъ кольцо. Она испрашиваетъ благословенія: „косы смалици“. Послѣ троекратнаго „Богъ благаславицъ“ другая сваха тою же свѣчей, которую скрутила на порогѣ, прижигаетъ трижды волосы молодыхъ, продѣтые черезъ кольцо. Послѣ этого на невѣсту сейчасъ-же одѣваютъ женскій головной уборъ. Раздаются отчаянныя рыданія невѣсты, всхлипыванія присутствующихъ, особенно женщинъ, и грустное, протяжное пѣніе дружекъ:

Ой, добры мой отецъ, што купіў дочцѣ чапецъ!
А лепшайшая маци, што казала завиваци...

Свахи при завиваніи поютъ:

А я табѣ, сестрычко, завиваю,
Щасцемъ, долю апсыпаю;
Ай, будзь здорова якъ вода,
Будзь богата якъ земля,
Будзь прыгожа, якъ рожа [1])!

Женихъ даритъ деньгами завивальщицъ. Послѣ обѣда и танцевъ начинается обмѣнъ подарками: дѣлятъ каравай и всѣ дарятъ невѣсту, а мать ея даритъ родню жениха. Затѣмъ весь поѣздъ удаляется вмѣстѣ съ невѣстой въ домъ жениха. Послѣ закуски молодыхъ ведутъ спать. На утро слѣдуетъ дѣленіе каравая жениха и дареніе его. Еще дня три продолжается пиръ, ходятъ другъ къ другу родня жениха и невѣсты въ такъ называемыя „перезвы". Этимъ свадьба и заканчивается.

Въ послѣднее время не всегда исполняется, или исполняется съ сокращеніями обрядъ буженія молодыхъ на утро послѣ первой брачной ночи; этотъ обрядъ называется „калинкой". Исполняется онъ такимъ образомъ. Дружина молодого утромъ является въ его домъ и съ пѣснями будитъ молодыхъ. Въ однихъ мѣстахъ „маршалокъ", т. е. старшій дружко входитъ въ клѣть, беретъ рубашку молодой, свертываетъ ее и, пришпиливаетъ къ ней красную ленту, вноситъ въ избу. Тутъ уже собралась свадебная компанія. Вскорѣ съ дружками въ избу входятъ молодой и моладая, и тогда начинается угощеніе сладкой водкой. Затѣмъ молодой съ дружиною ѣдутъ къ тестю. Иногда подымаютъ молодыхъ свахи и онѣ же везутъ сорочку къ тестю. Вообще обрядъ „калинки" сопровождается дикимъ весельемъ и пьянствомъ. Въ пѣсняхъ, наполненныхъ очень нескромными намеками, прославляется молодая. Зато, если молодая не окажется невинной, всѣ тотчасъ расходятся, и празднество прекращается.

Описаніе свадебнаго обряда представляетъ и само по себѣ непосредственный интересъ. Но онъ интересенъ еще и въ другомъ отношеніи. Народъ безсознательно выполняетъ мелочныя черты обряда. Но каждый моментъ обряда имѣетъ длинную исторію, являясь остаткомъ бытовой черты, или религіознаго вѣрованія, восходящаго къ отдаленному прошлому, часто къ первобытной культурной жизни. Въ свое время каждый моментъ обряда имѣлъ опредѣленный смыслъ. Для подтвержденія сказаннаго достаточно привести, хотя-бы нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Формы заключенія брака въ первобытной стадіи человѣческой культуры сводились сначала къ умыканію, похищенію невѣсты, затѣмъ къ куплѣ-продажѣ ея. Наша начальная лѣтопись свидѣтельствуетъ, что эти формы брака господствовали въ древнѣйшій періодъ у русскихъ славянъ. Въ бѣлорусской свадьбѣ встрѣчается рядъ моментовъ, которые являются пережитками этихъ формъ брака. Сваты,

[1]) Роза.

приходя въ домъ невѣсты, ведутъ сначала торгъ о продажѣ имъ телушки. Дружки не пускаютъ жениха въ домъ, требуя отъ него выкупа за невѣсту. Въ пѣсняхъ женихъ и его дружина изображаются воинами, которые всѣмъ полкомъ идутъ на тестя, воюютъ съ нимъ и силою отнимаютъ дѣвицу. Когда женихъ является въ домъ тестя, его сначала не пускаютъ, и женихова дружина собирается разломать ворота. Даже такой обрядъ, какъ расчесыванiе дѣвичьей косы и одѣванiе женскаго головного убора, не является случайнымъ: похищенная женщина — раба своего господина почему и не можетъ носить такого головного убора, какой носятъ свободные люди; поэтому молодой и одѣваютъ женскiй головной уборъ, расплетая косу — признакъ дѣвичества (у другихъ народовъ замужнiя женщины брѣютъ голову, какъ это дѣлалось въ древнѣйшее время и по отношенiю къ рабамъ).

Это—бытовыя черты. Но свадебный ритуалъ представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ и религiозный актъ. Земледѣлецъ совершаетъ обряды, которыми онъ желаетъ умилостивить божества, способствующiя плодородiю въ семьѣ, въ скотѣ, въ хлѣбѣ. Онъ тѣсно связанъ съ душами предковъ и совершаетъ обряды въ ихъ честь. Молодые съ обрядами и пѣснями обводятся вокругъ стола, поклоняются печи, домашнему очагу. Въ этихъ обрядахъ отразилось почитанiе предковъ. Молодую сажаютъ на посадъ, т. е. на квашню, покрытую тулупомъ шерстью вверхъ: этимъ желаютъ снискать у божествъ богатство и плодородiя (въ народномъ представленiи—мохнатый—богатый, плодородный). Нечего и говорить, что каравайный обрядъ представляетъ собою священнодѣйствiе аграрному божеству: каравай есть олицетворенiе самого божества, которому поклоняются и которое желаютъ умилостивить. Однимъ словомъ въ бѣлорусскомъ свадебномъ обрядѣ отразились очень древнiе черты вѣрованiй и быта.

Теперь перейдемъ къ *похоронному обряду* (похороны по бѣлорусски называются „хаутуры"). Погребальные обряды открываютъ передъ нами весьма интересныя черты крестьянскаго быта; отъ нихъ вѣетъ сѣдою стариною, въ нихъ мы находимъ прекрасное подтвержденiе обычаевъ нашихъ предковъ, о которыхъ имѣемъ лишь неясныя указанiя въ историческихъ источникахъ. Смерть встрѣчаетъ бѣлорусскiй крестьянинъ безстрашно и покорно, съ поистинѣ рѣдкою твердостью духа. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ наблюдатели. Завѣщанiе дѣлается обыкновенно устно, причемъ умирающiй съ поразительными подробностями дѣлаетъ свои распоряженiя, въ которыхъ онъ не забываетъ упомянуть малѣйшихъ обстоятельствъ настоящей и будущей жизни оставляемыхъ имъ близкихъ людей. Большею частью тутъ же дѣлаются и указанiя на обстановку предстоящаго погребенiя. Многiе въ среднемъ возрастѣ запасаются „смертной рубахой", а нѣкоторые —„домовьемъ", т. е. гробомъ, за много лѣтъ до смерти. Когда наступаетъ послѣдняя агонiя, умирающему даютъ въ руки „громничную"

или „страстную“ свѣчу, освященную въ страстной четвергъ. Въ домѣ воцаряется полная тишина, необходимая (по увѣренію крестьянъ) для того, чтобы душа спокойно разсталась съ тѣломъ. Какъ только въ тѣлѣ незамѣтно никакихъ признаковъ жизни, въ домѣ поднимается общій плачъ. Но нужно „обряжать“ покойника. Кто-нибудь изъ старшихъ раскладываетъ огонь, грѣетъ воду, а между тѣмъ призываются сосѣди или знакомые, которые моютъ и одѣваютъ покойника: мужчины—мужчину, а женщины—женщину. Домашніе и родственники во все время пребыванія покойника въ домѣ не предпринимаютъ никакихъ работъ. Гробъ дѣлаютъ также знакомые, или же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лица, которыя считаютъ своею обязанностью дѣлать гробы и вообще помогать домашнимъ въ погребеніи. Обыкновенно они дѣлаютъ все даромъ, считая свое дѣло христіанскою обязанностью. Покойника въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ моютъ на соломѣ, головою къ востоку. Солома эта сжигается гдѣ-либо на перекресткѣ. Вообще воду, употребленную на омовеніе, выливаютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никто не ходитъ. Лицамъ, мывшимъ покойника, непремѣнно даютъ выпить водки, иначе покойникъ не будетъ „пріять имъ“. Одѣваютъ покойника въ чистое лѣтнее платье, ноги обуваютъ въ лапти и рѣдко въ сапоги, а голову обертываютъ красной матеріей или одѣваютъ шапку, иногда же кладутъ ее въ гробъ, смотря по мѣстности. Дѣвушку и парня одѣваютъ какъ къ вѣнцу.

Когда покойника обрядили, его кладутъ на лавку подъ образами такъ, чтобы входящему въ избу голова приходилась по лѣвую руку, а ноги по правую, или-же мужчину—по правую руку отъ входа, женщину—по лѣвую. На „покутѣ“ у изголовья кладутъ кусокъ ржанаго хлѣба, но чаще зажигаютъ свѣчу, вставивъ ее въ насыпанную кучку овса или ржи. Какъ только покойникъ обряженъ, кто-либо изъ старшихъ членовъ семьи отправляется въ церковь, чтобы оттуда забрать „прочесу“, т. е. крестъ и хоругви (въ Витебской губ. въ прежнее время употреблялся еще и колокольчикъ, которымъ звонили во время хода похоронной процессіи); при этомъ онъ извѣщаетъ причтъ и даетъ „на трезвонъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ приглашается кто-либо изъ причта или изъ грамотныхъ крестьянъ для чтенія псалтыря—„псалтырникъ“, который и читаетъ псалмы до погребенія у богатыхъ, или хоть нѣсколько времени у бѣдныхъ. Одновременно извѣщаются родственники и знакомые о постигшемъ семью бѣдствіи и приглашаются на поминальный обѣдъ.

Между тѣмъ родные и знакомые изо всей деревни одинъ за другимъ сходятся отдать послѣдній долгъ покойнику—помолиться, что́ почти всякій считаетъ своею обязанностью. Женщины выражаютъ свою скорбь плачемъ, голошеніями и причитаніями, причемъ особенно усердствуютъ родственницы и люди, близкіе къ покойнику. Женщины голосятъ поочередно, одна за другой: наплакавшись вволю, голосящая отходитъ къ толпѣ, ея мѣсто запи-

маетъ другая и т. д. Причитанія, которыя говорятся при этомъ, представляютъ глубокій интересъ. Въ нихъ оплакивается горе семьи, которую покидаетъ отецъ, мать или взрослый работникъ, указывается тяжелое положеніе вдовы и т. д.; мать въ словахъ, исполненныхъ невыразимой горечи, оплакиваетъ потерю дорогого, любимаго дитяти; пересчитываются всѣ хорошія стороны характера умершаго, его отношенія къ семьѣ, сосѣдямъ, наконецъ привычки и т. п. Вообще эти причитанія полны трагизма. Нужно замѣтить, что онѣ не представляютъ собою, повидимому, уже готовыхъ, вполнѣ законченныхъ произведеній народнаго творчества, которыя, какъ пѣсни, повторяли-бы плакальщицы. Тогда конечно такой искусственной постановкой дѣла нарушался бы истинный, неподдѣльный трагизмъ. Плакальщицы знаютъ очевидно лишь схему причитанія при извѣстныхъ случаяхъ, общія мѣста ихъ, но сами варьируютъ частности, почему отъ богатства фантазіи и талантливости плачущей зависитъ форма самаго причитанія. По этой же причинѣ они разнообразны до безконечности. Въ приготовленіяхъ домашнихъ, въ посѣщеніяхъ и голошеніяхъ родныхъ и знакомыхъ, чтеніи псалтыри время проходитъ до погребенія. Погребаютъ обыкновенно на второй или третій день. Особенно интересно послѣднее выправленіе покойника изъ дому. Въ этой части похороннаго обряда наиболѣе отражаются остатки чисто языческихъ вѣрованій народа. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окуриваютъ гробъ травами, освященными 24 іюня, или въ Вербное воскресенье, или же кладутъ такія травы подъ подушку. Въ Новогрудскомъ у. гробъ обматываютъ нѣсколько разъ ярко-красной ниткой. Почти повсемѣстно кладутъ въ гробъ любимые предметы покойника: если онъ былъ плотникъ—топоръ, если особенно хорошо плелъ лапти—недоплетенный лапоть и т. д. Бываютъ даже случаи, когда просятъ у священника позволенія положить скрипку,—предметъ особенно дорогой для покойнаго; если покойный курилъ табакъ или нюхалъ, кладутъ въ гробъ люльку (трубку) или табакерку. Кромѣ того встрѣчаются указанія на то, что въ гробъ кладутъ хлѣбъ, соль, пиво, водку и пр. Еще оригинальнѣе слѣдующее. Въ Новогрудскомъ и Игуменскомъ уу. Минской губ. на голову надѣваютъ шапку и въ руки даютъ платокъ, чтобы покойникъ не встрѣтился на томъ свѣтѣ со знакомыми съ непокрытой головой и голыми руками; въ карманъ кладутъ мѣдную монету, чтобы покойникъ могъ купить себѣ мѣсто на томъ свѣтѣ. Монету бросаютъ также и въ могилу, если тамъ находятъ кости раньше погребенныхъ людей, чтобы новый покойникъ могъ купить себѣ мѣсто среди нихъ, иначе раньше погребенные будутъ его гнать. А въ одномъ случаѣ мы встрѣчаемъ разсказъ, что въ гробъ положили мыло, оставшееся отъ омовенія, и срѣзанные при этомъ ногти; послѣдніе будто-бы нужны для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ лѣстницу для восхожденія на небо. Въ Горецкомъ у. Могилевской губ. кладутъ еще восковую свѣчу для освѣщенія пути во время слѣдованія на

страшный судъ. Снарядивъ такимъ образомъ покойника, тѣло выносятъ. Существуетъ обычай выносить ногами впередъ, иначе всѣ въ домѣ перемрутъ. При выносѣ беременныя женщины уходятъ, потому что ожидаемый ребенокъ можетъ родиться блѣднымъ, какъ мертвецъ, или же мертвымъ.

Интересны обряды, съ которыми соединено желаніе, чтобы осиротѣвшая семья не нуждалась въ хлѣбѣ. Для этого при выносѣ кто-либо изъ родственниковъ или дѣлавшихъ гробъ посыпаетъ вслѣдъ гроба ячменемъ, или обсыпаютъ три раза присутствующихъ, или посыпаютъ хлѣбными зернами скамьи и полъ. Старшій въ домѣ тотчасъ по поднятіи покойника садится на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, чтобы здѣсь сидѣли всѣ живые. Покойника непремѣнно везутъ на кладбище, хотя-бы оно было и близко. При этомъ особеннымъ почетомъ пользуется везущая гробъ лошадь. Вмѣсто повода ее ведутъ за полотенце или кусокъ полотна. Въ Витебской губ. старшій въ домѣ цѣлуетъ ея копыта съ причитаніями. Предварительно ее кормятъ на дворѣ и впрягаютъ только за нѣсколько минутъ до выноса тѣла. Послѣ погребенія, на телѣгѣ, на которой везли тѣло покойнаго, никто не ѣдетъ; она нѣкоторое время должна оставаться безъ употребленія, и ее непремѣнно ставятъ оглоблями къ улицѣ, а не во дворъ. Лошадь распрягаютъ на гумнѣ, гдѣ она остается, пока не явится надобность выполнить при ея помощи какой-либо хозяйственной работы. Въ Гродненской губ. кто-либо изъ старшихъ членовъ семьи при выносѣ наливаетъ въ миску около гарнца чистой воды, всыпаетъ туда съ кварту овса и, обойдя три раза вокругъ запряженной лошади, обливаетъ ее этой смѣсью.

Со двора печальная процессія отправляется на кладбище при всеобщемъ плачѣ и соотвѣтствующихъ причитаніяхъ родныхъ. Въ присутствіи священника голошенія происходятъ сдержаннѣе. Существуетъ обычай, что дочери садятся на гробъ и, примкнувъ къ нему головами, плачутъ во все время пути. Когда процессія проходитъ по деревнѣ, хозяинъ дома, около котораго проходитъ процессія, выходитъ за ворота и набожно крестится; когда кто спитъ въ это время, его будятъ, а спящему ребенку кладутъ въ изголовье головную щетку, а въ ноги ножъ. Если провозятъ тѣло около дома, хозяинъ котораго жилъ не въ ладахъ съ покойнымъ, то онъ выходитъ изъ дому, если желаетъ простить, становится на колѣни и, взявъ немного въ руку земли, потряхиваетъ ею и говоритъ: „Добрый быў человѣкъ. Дарую я табѣ“.

Послѣ отпѣванія и засыпанія могилы всѣ бывшіе на похоронахъ возвращаются обратно въ домъ. Хозяинъ дома и кто-либо изъ старшихъ входитъ первымъ, беретъ свѣчу, горѣвшую на „покутѣ“, ударяетъ ею крестообразно въ косякъ двери и бросаетъ ее наотмашь. Бабы собираютъ овесъ и бросаютъ его на мѣсто, никѣмъ не попираемое. Старшая-же женщина, войдя въ хату, беретъ горбушку хлѣба и, скобля мѣдный грошъ, говоритъ,

оборачиваясь къ двери: „дзѣды, бацьки, матульки, дзядухни, цетухны, примице къ себѣ померщаго нашаго бацюхну (или другого кого) и живеци тамоки зъ имъ добре, не поспорце“; этимъ она включаетъ новопредставленнаго въ число умершихъ родичей. Когда всѣ собрались. начинается похоронный обѣдъ, къ которому приглашаются всѣ присутствующіе.

Садятся за столъ по старшинству, причемъ дѣлавшіе гробъ занимаютъ видное мѣсто. Причтъ, если онъ присутствуетъ, пользуется особымъ предпочтеніемъ. Главную роль изъ блюдъ играетъ ячменная каша—„куцця“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ интересный обычай — приглашеніе покойника къ обѣду. Такъ, въ Горецкомъ у. (Могилевской губ.) присутствующіе трижды пробуютъ кутью, приглашая покойника: „хадзи куцьцю ѣсци“. Вообще вѣрованіе въ то, что послѣ смерти умершій не сразу оставляетъ семью, весьма распространено. Такъ, въ Витебской губ. распространено вѣрованіе, что покойникъ впродолженіе сорока дней является въ свой и чужіе дома и можетъ наносить вредъ людямъ, съ которыми не дружилъ при жизни. Въ Могилевской губ. подъ образа ставятъ чарку съ водою, чтобы покойникъ могъ прогнать „смагу“. А въ Быховскомъ у. той же губерніи полотенце, на которомъ вели лошадь, везшую его, впродолженіе шести недѣль разстилаютъ подъ образами на лавкѣ и на него ставятъ стаканъ съ водою, которая каждый день мѣняется. Дни поминовенія раздѣляются на „трацины“ (третій день), „дзевяцины“ (девятый день), „сарачыны“ (сороковой), „паўгадки“ (полгода), „угодки“ (годъ по кончинѣ), затѣмъ „прикладзины“—добавочный день ко всѣмъ поминовеніямъ. Достаточные стараются во всѣ эти дни отслужить заупокойныя панихиды и литургіи, менѣе достаточные отслуживаютъ одну - двѣ. Но зато всякій день поминовенія сопровождается „жалóбнымъ“ столомъ, къ которому приглашаются родственники, всѣ что-нибудь дѣлавшіе при погребеніи и священникъ. На „жалобный“ столъ печется „заздароўный“ хлѣбъ и варится „сыта“ (растворъ меда); это необходимыя части стола. Если служится литургія, то часть кушаній несутъ въ церковь, а по окончаніи литургіи несутъ ихъ на могилу поминаемаго; „сыту“ несутъ послѣ литіи въ домъ священника, гдѣ и дѣлятъ между присутствующими. Интересно и то, что есть обычай, по которому кто-нибудь изъ родственниковъ постится съ утра отъ кануна дня поминовенія до окончанія литургіи. Когда соберутся всѣ къ „жалобному“ столу, священникъ благословляетъ „заздароўный“ хлѣбъ и первую частичку его даетъ постившемуся; затѣмъ одѣляетъ хлѣбомъ всѣхъ членовъ семьи покойнаго и даетъ по частичкѣ на каждую семью, участвовавшую на поминкахъ, а иногда и на каждую семью въ селѣ или въ деревнѣ.

Конечно обиліе „жалобнаго“ стола зависитъ отъ достатка семьи умершаго, а также отъ того, кто изъ членовъ семьи умеръ: поминки по дѣтямъ и вообще младшимъ членамъ не отличаются особой торжественностью и

обиліемъ стола и происходятъ въ тѣсномъ кругу семьи и близкихъ родственниковъ, но поминки по хозяину и хозяйкѣ стараются, даже и бѣдные, справлять по всей старинѣ.

Дни *общаго поминовенія* покойниковъ, или „дзяды", отличаются у бѣлоруссовъ очень интересными особенностями. Всѣхъ „дзядоў" въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ насчитываютъ четверо,—„четырадзяды": суббота передъ масляной недѣлей, предъ радоницей („радоўничные"), понедѣльникъ предъ днемъ св. Троицы („траечные") и наканунѣ дня св. Николая („Микайлаўськіе"). Каждые „дзяды" сопровождаются обильнымъ ужиномъ; число блюдъ должно быть не меньше девяти, обычно ихъ готовятъ больше. Всѣ домашніе должны собраться въ домѣ къ этой вечерѣ; если кто въ отлучкѣ то спѣшитъ домой. Интересъ „дзядоў" заключается въ слѣдующихъ обрядахъ. Приготовивъ кушанья, всѣ сосуды съ ними ставятъ на припечкѣ или на лавкѣ противъ печи. Затѣмъ хозяинъ зажигаетъ восковую свѣчу и ставитъ ее передъ иконами, въ какой-нибудь сосудъ кладетъ горячихъ угольевъ, бросаетъ туда нѣсколько кусочковъ воска и кадитъ трижды. Вся семья, по указанію домохозяина, начинаетъ молиться; молитвы сопровождаются земными поклонами. Начинается вечеря — „дзѣдованье". Во время нея хозяинъ откладываетъ на столъ по три кусочка или ложки каждаго блюда. По окончаніи ужина свѣчи тушатся хлѣбною коркою или блиномъ. При столѣ наблюдаютъ, куда идетъ дымъ отъ потушенной свѣчи: если вверхъ, все будетъ благополучно, если наклонно, и особенно въ двери,— въ семьѣ кто-либо скоро умретъ. Затѣмъ хозяйка беретъ сосудъ съ остатками пищи и разливаетъ ее на края стола. Остатки кушаній оставляютъ на столѣ до утра: души покойниковъ, по крѣпкому убѣжденію народа, слетаются ночью ужинать. Конецъ обряда заключается въ томъ, что хозяинъ или хозяйка, забравъ полную кружку воды, поливаютъ отъ стола до двери, причемъ говорятъ: „Што не доѣли, не допили, то идзиця на паперъ на дворъ". Думаютъ, что произнесеніемъ этихъ словъ удалятъ души изъ хаты до слѣдующихъ „дзядоў".

Перейдемъ теперь къ тому обрядовому кругу, которымъ начинается и оканчивается крестьянскій годъ. Эти обряды начинаются *Рождественскими Святками*, когда закрома земледѣльца уже значительно уменьшились, и онъ подумываетъ о будущемъ урожаѣ. Эти святки называются „калядою", „калядками" и считаются съ вечера 24-го декабря до полудня 7-го января. Обряды, выполняемые втеченіе коляды, весьма разнообразны и касаются всего строя крестьянской жизни. Въ эти дни крестьяне три раза справляютъ сочельникъ, который называются кутьею, именно вечеромъ 24 декабря, подъ новый годъ (богатая кутья) и наканунѣ Крещенья (голодная кутья). Главнымъ кушаньемъ во время кутьи является ячменная каша — кутья. „Богатая кутья" называется такъ потому, что она состоитъ изъ скоромныхъ

блюдъ. Она также называется кутьей „святого козлика", потому что козликъ, когда Іисусъ Христосъ лежалъ въ ясляхъ, своими рожками бросалъ на него сѣно,—„штопъ дзицятка ня змерзла"; поэтому и обращаются въ Васильевъ день, когда пьютъ водку: „святой козликъ, святой Василлейко, надзяли Боже здоровейкомъ". Голодная кутья бываетъ постной. Ужинъ въ каждую кутью отличается обиліемъ. Какъ передъ ужиномъ, такъ и послѣ него члены семьи занимаются гаданьемъ. Старшіе гадаютъ о будущемъ урожаѣ, совершаютъ обряды, вслѣдствіе которыхъ скотъ долженъ во́-время приходить съ пастбищъ домой, не отбиваясь отъ стада; выражается пожеланіе, чтобы хорошо росли огородныя овощи, сѣно. Послѣднее дѣлается такимъ образомъ: послѣ ужина всѣ отходятъ подальше отъ стола, хозяинъ садится за столъ, а противъ него садится жена. Мужъ спрашиваетъ: „бабо, чи бачишъ ты мене"? —„Не бачу".—„Кабъ-же ты не бачила за гурками, за гарбузами, за капустою свѣту"! Молодежь гадаетъ о женихахъ и невѣстахъ. Втеченіе праздничныхъ вечеровъ молодежь ходитъ по домамъ съ пѣніемъ колядокъ, а также съ козой. Хожденіе съ козой состоитъ въ слѣдующемъ: въ первый день Рождества Христова вечеромъ собирается человѣкъ пять—десять молодыхъ мужчинъ, выбираютъ изъ среды своей дѣда и такъ называемую „козу"; этому послѣднему одѣваютъ сдѣланную изъ дерева или соломы голову съ рогами, подобную козлиной, вывернутый полушубокъ и отправляются по деревнѣ съ колядой. Впереди шествуетъ „дѣдъ"; онъ же и спрашиваетъ разрѣшеніе у хозяевъ войти. Послѣдній встрѣчаетъ ихъ съ охотой. Колядники входятъ и начинаютъ пѣть колядку. Въ колядкѣ говорится объ обстоятельствахъ рожденія Спасителя. Пропѣвъ хоромъ передъ столомъ, становятся толпою около лавки; наконецъ изъ толпы выходитъ дѣдъ и велитъ козѣ поскакать да повеселить хозяевъ. Коза выходитъ, скачетъ, кланяется хозяину и хозяйкѣ, а въ это время поютъ хоромъ общеизвѣстную пѣсню: „Го, го, коза, го, го, сива"! и т. д.

Послѣ пропѣнія колядокъ серьезнаго содержанія начинаютъ пѣть юмористическія колядки, которыя прерываются шутками и остротами дѣда (всегда большого остряка) и остальныхъ, сопровождаемыя всеобщимъ смѣхомъ. Колядованіе заканчивается обращеніемъ колядниковъ къ хозяевамъ: „Да поклонись (поетъ козѣ) гаспадару, гасподыни, штобъ нашу казу дай подарыли: рашато ауса, на верхъ колбаса, рашато гречки на варенички".

Хозяйка выноситъ имъ хлѣбъ, крупу и кусокъ сала. Дѣдъ все это забираетъ, складываетъ въ мѣшокъ, благодаритъ хозяевъ, кланяется, и колядники удаляются дальше. Такимъ образомъ въ ночь они обходятъ всю деревню; свой сборъ обыкновенно продаютъ и собранныя деньги, руб. 5—12, отдаютъ въ церковь. Въ нѣкоторыхъ приходахъ этотъ обычай уже выведенъ вслѣдствіе усилій мѣстнаго духовенства. Кромѣ козы водятъ еще „медвѣдя"; переодѣтый медвѣдемъ парень выдѣлываетъ разныя штуки по приказанію

своего вожака. Хожденіе со звѣздой также весьма обычно. Накануиѣ новаго года съ колядкой небольшими группами ходятъ дѣвушки; содержаніе колядокъ, распѣваемыхъ ими, составляютъ надежды на будущій урожай и расхваливаніе красоты и удальства домашнихъ.

Кромѣ того въ колядные вечера молодежь обоего пола собирается на игрища и вечеринки. Есть нѣсколько спеціальныхъ игръ, напр., „женитьба Терешки“, „Ящеръ“ и др., которыя выполняются именно въ это время. Молодежь угощаетъ другъ друга на вырученныя хожденіемъ съ колядками деньги. Святочныя игры, благодаря большому количеству выпиваемаго вина и тому, что онѣ происходятъ по ночамъ, и наконецъ тому, что онѣ обыкновенно пародируютъ женитьбу, сопровождаются объясненіями, поцѣлуями и вообще весьма свободными отношеніями играющихъ. Пѣсни и припѣвки, которыя поются въ это время, переполнены весьма грубыми, циничными остротами.

Масляница среди бѣлорусскихъ обрядовъ не играетъ большой роли, такъ же какъ и нѣкоторые великопостные обычаи. Празднованіе Пасхи сопровождается хожденіемъ „*волочебниковъ*“. Собирается большая толпа крестьянъ во главѣ съ „починальникомъ“ и отправляется по домамъ пѣть „волочебныя“ пѣсни. Содержаніе этихъ пѣсенъ обыкновенно бываетъ таково. Въ нихъ разсказывается, что волочебники пришли къ честному мужу, къ богатому дому, и затѣмъ описывается богатство, которое они здѣсь увидѣли. Богатый, славный „гаспадаръ“ славится своимъ дворомъ. Дворъ подметенъ павлиньимъ перомъ, золотымъ крыломъ. Въ избѣ стоятъ тесовые столы; столы застланы зеленою китайкою; на столахъ стоятъ серебряные кубки; въ кубки налито зелено вино, черное пиво, да сладкій медъ. Въ „волочебныхъ“ пѣсняхъ воспѣвается нива хозяина, желтѣющая густой рожью. Хлѣвы хозяина наполнены добрыми конями. Славному „гаспадару“ помогаетъ св. Юрій, св. Илья и св. Николай. „Волочебныя“ пѣсни также воспѣваютъ доблести отдѣльныхъ членовъ семьи, хозяйки, дѣвушки, парня. Всѣ онѣ кончаются напоминаніемъ о томъ, чло „волочебниковъ“ надо одарить. Пасхальные праздники у бѣлоруссовъ кончаются „радовницей“, справляемой во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Все село высыпаетъ на кладбище, неся съ собою обильные запасы остатковъ пасхальнаго стола. Семьи располагаются вокругъ могилъ умершихъ родственниковъ. Часть принесенныхъ яствъ съѣдается тутъ-же; часть отдается нищимъ за поминаніе душъ усопшихъ. Въ этотъ день также служатъ панихиды. Къ вечеру на кладбищѣ обыкновенно раздаются голошенія женщинъ по умершимъ.

Пасха своимъ „волочебничаніемъ“ и „радовницей“ стоитъ среди весеннихъ обрядовъ нѣсколько особнякомъ. Рядъ весеннихъ праздниковъ сопровождается кликаніемъ („гуканьемъ“) весны и пѣніемъ „веснянокъ“. Первую веснянку поютъ 2-го ферваля, затѣмъ прекращаютъ пѣніе и возоб-

новляютъ его съ 9-го марта, когда зима съ лѣтомъ „сустракается". Веснянки поютъ втеченіе всего весенняго времени до Купальскаго дня. Бѣлорусскія дѣвушки обладаютъ очень обширнымъ репертуаромъ весеннихъ пѣсенъ. По своему строю коротенькія весеннія пѣсенки отличаются отъ другихъ пѣсенъ тѣмъ, что въ серединѣ пѣсни имѣютъ припѣвы въ родѣ ауканья, что звучитъ очень красиво, когда пѣсня разносится надъ широкою гладью разлившейся рѣки или въ лѣсной чащѣ. Почти каждый вечеръ весною дѣвушки нѣсколькими группами выходятъ на берегъ рѣки или озера, или за деревню въ поле; когда одна группа пропоетъ одинъ куплетъ пѣсни, другая группа подхватываетъ и поетъ или другой куплетъ, или другую веснянку. Содержаніемъ весеннихъ пѣсенъ служитъ призывъ веснѣ, распускающаяся зелень; другой отдѣлъ веснянокъ говоритъ о „залетахъ" молодого парня, козака къ дѣвушкѣ, или о сборахъ дѣвушки замужъ, о зломъ свекрѣ, нелюбомъ мужѣ и о потерѣ дѣвичьей косы. Пѣсни отличаются задушевностью тона и тихой грустью, чему соотвѣтствуютъ музыкальные мотивы.

Пѣніе веснянокъ прерывается нѣсколькими весенними обрядами, которые касаются или всего села, или же только одной молодежи. Общій весенній сельскій праздникъ—это *Юрьевъ день* (23 апрѣля). Св. Георгій считается покровителемъ лошадей и вообще рабочаго скота, который въ этотъ день обыкновенно выгоняютъ впервые на пашню. Въ Бѣлоруссіи также очень распространено представленіе о томъ, что св. Юрій „отмыкаетъ землю". Уже наканунѣ Юрьева дня хозяинъ съ пастухомъ выгоняютъ скотъ изъ хлѣва такимъ образомъ: передъ хлѣвнымъ порогомъ стелятъ шубу шерстью вверхъ и завертываютъ въ нее кусокъ хлѣба и яйцо. Скотъ выгоняютъ такъ, чтобы онъ прошелъ по шубѣ; хлѣбъ и яйцо отдается пастуху. На утро, передъ выгономъ въ поле скота животнымъ вытираютъ подгрудокъ *страстной* или *обходной* свѣчами (обходная свѣча—та, которая горѣла въ церкви въ Срѣтеніе Господне). Затѣмъ хозяинъ и хозяйка окуриваютъ скотъ „евангельской" травой (собираемой съ того мѣста, гдѣ во время крестнаго хода стоятъ священники при чтеніи Евангелія). Затѣмъ все село провожаетъ скотъ до выхода въ поле. Въ этотъ-же день хозяева обходятъ поля съ караваемъ и освященною вербою, причемъ въ пѣсняхъ выражается пожеланіе о томъ, чтобы св. Юрій „пустилъ росу" и далъ теплое лѣто. Пастухи послѣ полдня также обходятъ скотъ съ зажженной головней, горстью соли и освященною водою; все это дѣлается для того, чтобы волки не хватали скота. Дѣвушки въ этотъ день „юрятся", т. е. выбираютъ себѣ подругу на весь годъ.

Дни св. Троицы сопровождаются обрядами, въ которыхъ преимущественно принимаетъ участіе молодежь. Эта часть весеннихъ праздниковъ весьма интересна. Наканунѣ Троицына дня сѣютъ коноплю. Это дѣлаютъ обыкновенно къ вечеру, такъ какъ послѣ посѣва конопли ничего нельзя

дѣлать — иначе конопля не будетъ удачна. Вечеромъ-же подъ окнами ставятъ березки и украшаютъ зеленью внутренность избы; полъ посыпаютъ аиромъ (Acorus calamus). Въ самый Троицынъ день крестьяне приносятъ въ церковь цвѣты и травы для окропленія ихъ святою водою. Освященная въ этотъ день трава служитъ для окуриванія скота и избъ передъ грозою. Дѣвушки послѣ полудня отправляются въ лѣсъ вить вѣнки. Онѣ украшаютъ себя вѣнками, сплетенными изъ любистка, аира, полыни, буковицы, изъ вѣточекъ березы и черемухи; всѣ эти растенія считаются чародѣйственными, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя употребляются при привораживаніи. Подойдя къ рѣкѣ, дѣвушки бросаютъ вѣнки въ воду, и чей вѣнокъ скорѣе приплыветъ къ берегу, та дѣвушка раньше другихъ выйдетъ замужъ; если вѣнокъ потонетъ, то обладательница его умретъ втеченіе года. На второй день Св. Троицы дѣвушки, запасшись закуской и водкой, отправляются въ лѣсъ. Здѣсь онѣ принимаются съ пѣснями завивать вѣнки. Каждая дѣвушка выбираетъ двѣ небольшія березки и связываетъ верхушки ихъ въ видѣ вѣнка, затѣмъ съ пѣсней проходитъ подъ этими вѣнками. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣвушки вьютъ вѣнки изъ березовыхъ вѣточекъ, сорванныхъ съ тѣхъ же березокъ, которыя каждая дѣвушка связала, и съ пѣснями идутъ къ рѣкѣ гадать; въ другихъ же мѣстностяхъ дѣвушки пляшутъ и поютъ пѣсни вокругъ завитыхъ березокъ. Во всякомъ случаѣ завитыя березки остаются втеченіе недѣли; въ воскресенье дѣвушки приходятъ развивать вѣнокъ. Хорошей примѣтой считается, если березки къ тому времени не завянутъ. По выполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ дѣвушки поютъ пѣсни, въ которыхъ говорится о томъ, какъ красная дѣвица „покумилася, поголубилась съ бѣлой березонькой"; въ другихъ пѣсняхъ сравнивается ростъ и красота молодой березки съ ростомъ и красотой молодой дѣвицы, или говорится о томъ, что бѣлая кудрявая береза радуется, потому что красныя дѣвицы несутъ ей подарочки; за ними идутъ къ березкѣ съ подарочками старыя бабушки и старые старики; всѣ кланяются березѣ, потому что она бѣлая, кудрявая и моложавая. Пѣсни, съ которыми дѣвушки идутъ въ лѣсъ и обратно, говорятъ объ ожиданіи милой своего милаго.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи сохранился еще одинъ любопытный обычай, пріурочиваемый къ Троицыну дню. Этотъ обычай называется „кустомъ". Послѣ обѣда собирается компанія дѣвушекъ, выбираетъ самую красивую, одѣваетъ ее въ болѣе нарядное платье, волосы украшаетъ множествомъ лентъ, на голову кладетъ большой вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и закрываетъ лицо бѣлой вуалью. Дѣвушки водятъ „кустъ" по деревнѣ, останавливаясь передъ каждымъ домомъ, и поютъ пѣсни. Въ пѣсняхъ встрѣчается припѣвъ: „гдѣ куста водили, тамъ пшениченка родила".

Во многихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи крестьяне вѣрятъ, что около Троицына дня изъ воды выходятъ на сушу русалки; выйда изъ воды, онѣ

остаются на сушѣ втеченіе всего лѣта. Русалки днемъ ходятъ по полямъ и лѣсамъ, ночью-же качаются на деревьяхъ; крестьяне боятся встрѣчъ съ русалками, потому-что онѣ могутъ защекотать человѣка. Особенно опасной является недѣля, слѣдующая за Троицынимъ днемъ, почему она и называется *„русальной“*. Дѣвушки втеченіе этой недѣли собираются по вечерамъ и поютъ особыя „русальныя“ пѣсни, а въ послѣдній вечеръ той-же недѣли дѣвушки ходятъ въ лѣсъ и вѣшаютъ на деревья вѣнки изъ цвѣтовъ въ надеждѣ умилостивить русалокъ. Въ Рѣчицкомъ у. выполняютъ еще обрядъ провожанія русалки. Этотъ обрядъ исполняется или въ Петровскія заговѣны, или въ день Ивана Купала. Церемонія эта происходитъ слѣдующимъ образомъ: парни и дѣвушки собираются въ лѣсу и раскладываютъ нѣсколько костровъ одинъ за другимъ въ рядъ; выбравъ одну изъ дѣвушекъ, наиболѣе красивую, убираютъ ей голову вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и травъ и, ставъ по обѣ стороны ея, поютъ пѣсни. Украшенная цвѣтами дѣвица называется „русалкой“. Пропѣвъ нѣсколько пѣсенъ на мѣстѣ, дѣвушки вмѣстѣ съ русалкой удаляются къ ручью. Здѣсь онѣ поютъ и гадаютъ, а затѣмъ русалка снимаетъ съ себя вѣнокъ, вѣшаетъ его на дерево, и вся компанія возвращается къ кострамъ. Здѣсь продолжаются игры и пѣніе.

Весенніе праздники заканчиваются шумнымъ Купальскимъ вечеромъ. Канунъ и день *Ивана Купалы* справляются въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи съ различными варіаціями. Въ Бѣлоруссіи очень распространено убѣжденіе въ томъ, что въ таинственную ночь съ 23 на 24 іюня разцвѣтаетъ папоротникъ; кто найдетъ этотъ красно-огненный цвѣтокъ, тотъ будетъ обладать свѣдѣніями о зарытыхъ кладахъ. Въ эту ночь всѣ деревья и животныя разговариваютъ между собой. Разговоръ этотъ можно подслушать, много можно узнать изъ него и сдѣлаться знахаремъ. Нечистой силѣ тоже очень много работы въ этотъ день; она разъѣзжаетъ въ Купальскую ночь на лошадяхъ, почему крестьяне не выпускаютъ лошадей въ эту ночь на подножный кормъ. Въ эту ночь вѣдьма отнимаетъ молоко у коровъ, принадлежащихъ непріязненнымъ ей сосѣдкамъ, почему хозяйки принимаютъ рядъ мѣръ противъ очарованія скота. Вечеромъ наканунѣ Ивана Купала молодежь собирается около ржаного поля; здѣсь зажигаютъ костры; молодежь распѣваетъ пѣсни и прыгаетъ черезъ огонь. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ парни выходятъ группами въ поле изъ села, причемъ во главѣ каждой группы шествуетъ парень, несущій зажженое колесо (оно густо обмазывается смолой или дегтемъ) на высокомъ шестѣ. Поодаль отъ молодежи располагаются люди солиднаго возраста и проводятъ время въ бесѣдахъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ къ вечеру 24 іюня пріурочивается еще очень интересный русальный обрядъ. Дѣвушки выходятъ изъ деревни, избираютъ изъ своей среды русалку и съ пѣснями вьютъ вѣнки. Самый большой вѣнокъ одѣваютъ на голову русалкѣ; выбираютъ также маленькую дѣвочку, которая

называется дочерью русалки, и въ тоже время дѣлаютъ соломенное чучело на подобіе человѣка. Когда все готово, русалка съ распущенными волосами остается въ одной сорочкѣ, а если она посмѣлѣе, то раздѣвается и донага. Русалка со своею дочерью становится во главѣ компаніи съ пѣснею: „Поведу я русалочку до бору, а сама вернуся до дому. Проведу русалочку и въ темный боръ, а сама пойду и въ татковъ дворъ". Добѣжавъ до поля, раскладываютъ большой костеръ, бросаютъ въ него соломенное чучело, прыгаютъ вокругъ костра и поютъ купальскія пѣсни.

За Иваномъ Купалой слѣдуетъ рядъ обрядовъ, относящихся къ жатвѣ. *Время жатвы* сопровождается массою пѣсенъ лирическаго содержанія, причемъ какъ начало жатвы, такъ и окончаніе ея сопровождаются особыми обрядами. Прежде всего совершаются „зажинки". Хозяйка съ дочерьми или невѣстками отправляется на ниву и срѣзываютъ первый снопъ. Этотъ снопъ съ пѣснями несутъ домой и ставятъ его на лавкѣ подъ образами. Въ дни жатвы крестьяне иногда созываютъ „толоку", т. е. приглашаютъ сосѣдокъ помочь въ работѣ. При толокѣ хозяинъ обильно угощаетъ пришедшихъ къ нему на помощь. Ко времени толоки принаровлены особыя „толочанскія" пѣсни. Окончаніе жатвы называется „обжинками" или „дожинками". Изъ ржи дѣлаютъ вѣнокъ и крестъ; одна изъ дѣвушекъ одѣваетъ вѣнокъ на голову и идетъ въ домъ того хозяина, на полѣ котораго окончили жатву. Дѣвушки идутъ съ пѣснями, а хозяева устраиваютъ имъ обильное угощеніе. На дожинки къ каждому хозяину собирается толока, такъ какъ всѣ дѣвушки, которыя окончили жать у себя, идутъ помогать сосѣдямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ еще обрядъ „завиванія бороды". На краю поля оставляютъ недожатой ржи на снопъ. Три дѣвушки, только по три раза, обжинаютъ кругомъ эту рожь, такъ что остается только нѣсколько колосьевъ. Тогда всѣ жницы садятся вокругъ оставшихся колосьевъ, и одна изъ нихъ черезъ полу платья (чтобы земля не была голая), выпалываетъ между колосьями траву и кладетъ сюда кусокъ хлѣба съ солью. Затѣмъ она беретъ въ руки колосья, сворачиваетъ ихъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью и все это притаптываетъ къ землѣ. Всѣ жнивные обряды сопровождаются пѣснями. Въ этихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ обращеніе къ широкому полю, къ золотистой нивѣ, къ колосистому житу; выражается пожеланіе, чтобы въ полѣ жито стало густыми снопами. Въ пѣсняхъ толочанскихъ и дожиночныхъ жницы обращаются съ поздравленіями къ славному господарю, у котораго родился густой хлѣбъ, выражаютъ пожеланіе о будущемъ урожаѣ, или-же говорятъ о предстоящемъ жницамъ угощеніи. Но тяжелое время жатвы наводитъ жницъ на размышленіе о тяжелой семейной жизни.

Жнивныя пѣсни — это чудная мелодія, выливающаяся изъ женскаго сердца. Въ мотивахъ жнивныхъ пѣсенъ вы встрѣчаете отголоски самыхъ задушевныхъ мыслей женщины. Длинной чередой проходятъ передъ слу-

шателемъ отдѣльные жизненные моменты радости, горя, тревоги, тоски, ненависти и ревности, цѣлая драма разбитой жизни. Бѣлая береза осенью говоритъ со своей листвой о предстоящей разлукѣ; дѣвушка говоритъ съ матерью: „Моя матулько, моя родная! Якъ мы разстанемся!“ Пріѣдутъ сваты, возьмутъ дѣвушку; но она утѣшаетъ мать, проситъ не тужить: дочь не забудетъ о матери. Дочь убивается, горюетъ, мать обезпокоена, не предчувствуетъ-ли мать, что она попадетъ къ злой свекрови? Со слезами дочь объясняетъ матери, что ее ожидаетъ много оскорбленій и горя, много труда въ чужой семьѣ. Вообще горе женщины, переходящей изъ родной въ чужую семью, очень рѣзкими штрихами рисуется въ жнивныхъ пѣсняхъ. Какъ бы ни работала молодуха, какъ бы ни была скромна въ чужой семьѣ, все таки ею недовольны. Пойдетъ молодуха на жатву и за работой затянетъ звонкую пѣсню; услышитъ свекоръ эту пѣсню и скажетъ, что невѣстка лѣнива,— оттого и поетъ; услышитъ ея голосъ родной батюшка и скажетъ: „милая дочь, много сдѣлала, довольна работой“.

Кромѣ пѣсенъ, пріуроченныхъ къ массѣ обрядовъ, бѣлорусская народная поэзія весьма богата лирическими пѣснями. Эти пѣсни пріурочены къ извѣстнымъ временамъ года; такъ, въ Петровскій постъ поютъ петровскія пѣсни, въ Филипповъ — филипповскія и т. д. Но содержаніе ихъ одинаково. Это лирическія пѣсни, посвященныя женской долѣ. Въ пѣсняхъ бѣлоруссовъ много красоты и граціи. Когда бѣлорусская дѣвушка гдѣ-нибуь въ лѣсу или на полянѣ затянетъ веснянку, въ ея пѣснѣ отражается ликованіе весенней природы, тихая радость пробуждающейся весны; любовь и нѣга неудержимо льется въ голосѣ пѣвицы. Это — гимнъ веснѣ. Въ полѣ во время жатвы раздается тихая, грустная мелодія, способная вызвать у слушателя искреннія слезы: это молодуха оплакиваетъ свою горькую судьбу. Но когда жницы возвращаются домой, въ особенности послѣ дожинокъ, то изъ ихъ груди выливается веселая, здоровая пѣсня, въ которой чувствуется довольство послѣ упорнаго дневного труда. Мотивы пѣсенъ, пріуроченныхъ къ другимъ временамъ года, выдѣляются грустнымъ настроеніемъ, вполнѣ гармонирующимъ со словами. Всѣ наблюдатели, изучавшіе жизнь бѣлорусской деревни, отмѣчаютъ любовь бѣлорусса къ пѣнію. Музыка бѣлорусскихъ пѣсенъ отличается и отъ великорусской, и отъ малорусской. Въ бѣлорусской пѣснѣ нѣтъ той широты, размаха, по которымъ легко узнать великорусскій мотивъ. Въ бѣлорусской пѣснѣ нѣтъ и той своеобразной „веселой грусти“, которой отличается малорусское пѣніе. Мелодія бѣлорусской пѣсни нѣсколько однообразна, заунывна, но мила и граціозна. Вообще преобладаютъ минорные тона, иногда съ мажорнымъ перехватомъ или окончаніемъ. Только нѣкоторыя свадебныя пѣсни и нѣкоторыя весиянки поются въ мажорномъ тонѣ. Но преобладающій грустный тонъ въ пѣснѣ еще не значитъ, что бѣлоруссы не умѣютъ веселиться. Всѣ игривыя пѣсни, многія изъ обрядовыхъ, плясовыя отличаются веселымъ, разухабистымъ тономъ.

Вмѣстѣ съ пѣснею бѣлоруссъ любитъ и *танцы*. Несмотря на общій грустный колоритъ поэзіи танцы и пѣніе, которымъ они сопровождаются, отличаются неподдѣльной веселостью. Изъ бѣлорусскихъ танцевъ наибольшимъ распространеніемъ пользуются „лявониха“, „мяцелица“ „подушечка“ и нѣкоторые другіе; впрочемъ народные бѣлорусскіе танцы быстро вытѣсняются передѣлкой городскихъ.

Танецъ „подушечка“ состоитъ въ слѣдующемъ: парни и дѣвушки, взявшись за руки, составляютъ кругъ. Одинъ изъ парней входитъ въ середину, избираетъ дѣвушку, проплясываетъ съ нею нѣсколько разъ въ кругѣ, цѣлуетъ ее и бросаетъ, а самъ соединяется съ хороводомъ. Оставленная дѣвушка избираетъ себѣ для танца новаго парня и т. д. Хороводъ въ это время поетъ, мѣрно подплясываетъ, двигаясь то вправо, то влѣво. Танецъ „мяцелица“ отличается бурнымъ исполненіемъ. Собираются въ пары; каждая пара соединена полотенцемъ или поясомъ. Какъ только раздается музыка и пѣсня, начинается настоящая мятелица: первая пара, пройдя подъ полотенцемъ второй, пропускаетъ ее подъ свое полотенце, затѣмъ то-же продѣлываетъ съ третьей парой, третья со второй и т. д. Одновременно такимъ образомъ вертятся всѣ пары, и надо много ловкости, чтобы не быть сшибленнымъ въ этой кутерьмѣ. Движеніе паръ сопровождается мѣрнымъ притоптываніемъ въ тактъ дуды или скрипки. Танцующіе все время поютъ разухабистую пѣсню:

„Курыць, вѣиць мяцелица.
Чаму старый ня женицца?
Якъ же яму жанициси?
Усѣ будутъ дзивицца.
Ухъ, ухъ, уха-ху!
Янки голова у снягу.
— А якъ гэта да-й ня снѣгъ.
Тогда будзѣць людзямъ смѣхъ!
Ухъ, ухъ, уха-ху!
Гэта-жъ я быу на таку.
— А якъ гэта да-й ня пылъ,
То адъ дзѣуки будзиць тылъ,
Охъ, охъ, оха-хо!
Гэта-жъ на мнѣ малако.
— А якъ яго не сатремъ,
Каго въ танецъ павядзіомъ?
Охъ, охъ, аха-ха!
Гэта-жъ на мнѣ да-й мука,
— А якъ яна ня сляциць,
Кто на стараго да-й паглядзиць?
Курыць, вѣиць, закурылась,
Мая дзѣука разазлилась.
— А якъ же ей не разазлицца,
Кали старый да яѣ масцицца?
А хоць старый—не паганый,
Ящо дужый и румяный.
— А што кому до того?
Можа я пайду за яго!
Курыць, вѣиць мяцелица,
Пеунѣ (вѣрно) старый аженицца.
— А што кому да таго?
Може я люблю яго.

Вообще бѣлоруссъ охотно предается необузданному веселью, обладая очень богатымъ и разнообразнымъ подборомъ плясовыхъ припѣвокъ. Пѣсни, танцы и игры сопровождаются обильнымъ употребленіемъ вина. Любовь къ вину, пляска и веселье иногда съ большимъ комизмомъ описываются въ пѣсняхъ. Вотъ какъ, напр., бѣлоруссъ подтруниваетъ надъ своими-же грѣш-

ками въ одномъ стихотвореніи составленномъ еще въ періодъ крѣпостного права (приводимъ съ сокращеніями):

Гей, кабъ намъ быцъ вясялѣй!
Гэй, кабъ намъ быць пасмѣлѣй!
Пайдземъ, браццы, въ кабачокъ,
Выпьемъ горѣлки крючокъ.
Будземъ пиць горѣлку въ рядъ!
Пили бацки и дзѣды
И мы ступимъ въ ихъ слѣды:
Ены горя нязнавали,
Горѣлку добре сцебали (пили залпомъ).

Далѣе описывается самый пиръ:

Дзядзька сѣдзиць, пипку (трубку) курицъ,
Пьецъ горѣлку, вочми жмурицъ;
А дзядзина (тетка) не уважаецъ,
Цѣлкомъ чарочки глотаецъ.
Савка скачецъ, цешецъ, цешецъ,
Уморився, ледва дышецъ.
Силиванъ зъ Бориса шкемицъ (смѣется),
Пьецъ горѣлку, лухту (вздоръ) мелицъ;
За языкъ въ маликъ (затылокъ) зловивъ.
Ажъ лбомъ дзвери отворивъ;
Хведосъ за угломъ козлы дзере,
А Микита носомъ оре.
Ци имъ черци надавали?
Знацъ, что мѣрку перебрали?

Но тутъ является господскій экономъ съ кнутомъ въ рукахъ и разгоняетъ всю веселую компанію.

Вмѣстѣ съ пѣніемъ бѣлоруссы очень любятъ и музыку. „Музыка"— скрипачъ является любимымъ гостемъ на свадьбахъ и игрищахъ молодежи. Даже простое появленіе „музыки" въ деревнѣ вызываетъ къ нему всеобщее вниманіе, и онъ всегда можетъ быть увѣренъ, что въ воскресный день и даже подъ праздникъ получитъ и обильное угощеніе, и посильное подношеніе. Кромѣ скрипачей въ старой Бѣлоруссіи были еще „дудари". И теперь кое-гдѣ ихъ можно встрѣтить съ „дудою" въ Витебской Бѣлоруссіи. Дуда состоитъ изъ кожанаго мѣшка, видомъ своимъ напоминающаго бычачій пузырь или бурдюкъ; въ верхнюю часть дуды, образующую небольшую шейку, вставляется деревянная трубочка вершка въ четыре длиною („соска"); эта трубочка служитъ для вдуванія въ дуду воздуха. Когда черезъ эту трубочку наполнятъ воздухомъ дуду, то ее запираютъ особымъ клапаномъ, или же сворачиваютъ шейку. На нижней части корпуса, противуположной „соскѣ", вставляется другая деревянная трубочка (около 8 вершковъ длиною) съ шестью клапанами на лицевой сторонѣ и одиимъ на нижней; эта трубочка на-

зывается „пираборомъ“. Въ головкѣ этого перебора, которая находится внутри корпуса, вставляется пищикъ изъ крѣпкаго пера. Кромѣ того въ переборъ вставляются два „гудки“, т. е. длинныя трубочки не одинаковй длины; эти трубочки изъ перебора идутъ въ корпусъ дуды. Сдѣланная такимъ образомъ дуда даетъ цѣлую октаву звуковъ простой гаммы. За отсутствіемъ музыки съ его скрипкой или дударя съ дудой молодежь довольствуется самодѣльными инструментами, сдѣланными изъ лозовой коры или изъ ствола бузины — „пищиками“, „посвирѣлками“, жулейками“.

Особенную категорію музыкантовъ и пѣснопѣвцевъ представляютъ собою „лирники“. Они впрочемъ извѣстны больше въ южной части Бѣлоруссіи, и „лира“, быть можетъ, занесена сюда подъ малорусскимъ вліяніемъ. Съ „лирами“ ходятъ „старцы“ — слѣпцы. Въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи старцы ходятъ безъ „лиры“. Бѣлорусскихъ старцевъ было бы ошибочно принимать за профессіональныхъ нищихъ, т. е. бѣдняковъ, живущихъ исключительно подаяніемъ. У многихъ изъ нихъ есть не только свои избы и надѣлы земли, но и заведено хорошее хозяйство. Физическій-же недугъ побуждаетъ ихъ ходить со „старцевою торбою“. Старцы иногда ходятъ группами, человѣка по два и по три, иногда-же по одиночкѣ. Никакой „кирмашъ“, т. е. ярмарка, никакой „фестъ“, т. е. храмовой праздникъ, не обходятся безъ присутствія многочисленныхъ старцевъ. Они разсаживаются гдѣ-нибудь неподалеку отъ церкви и распѣваютъ свои „старцовскія“ пѣсни, иногда подъ однообразный аккомпаниментъ лиры. Каждая группа старцевъ окружена толпою внимательныхъ слушателей. Къ протяжному, заунывному пѣнію старца относятся съ большимъ почтеніемъ, такъ какъ ихъ пѣсни считаются поучительными. Тутъ слушатели знакомятся съ тѣми мученіями, которыя постигаютъ грѣшника въ аду, съ тою наградою, которую получаютъ люди богобоязненные и чтущіе нищихъ и т. д. Группы слушателей переходятъ отъ однихъ старцевъ къ другимъ и съ одинаковымъ умиленіемъ, глубокими вздохами и со слезами въ десятый разъ выслушиваютъ хорошо имъ знакомый стихъ. И слушатели не оставляютъ посильными подаяніями пѣвцовъ. Болѣе бѣдные изъ старцевъ ходятъ также и по деревнямъ, въ особенности лѣтомъ. Какъ только въ деревнѣ станетъ извѣстно о появленіи старца, къ нему собираются группа за группой слушатели. У каждаго старца или у группы ихъ имѣется свой „повадырь“ — мальчикъ, котораго старцы нанимаютъ для того, чтобы онъ ихъ водилъ. Среди старцевъ встрѣчаются и женщины, но бѣлоруссы предпочитаютъ слушать стихи отъ мужчинъ. Во многихъ мѣстностяхъ существуютъ особыя „старецкія“ организаціи. Всѣ старцы извѣстной округи въ извѣстномъ пунктѣ имѣютъ икону, которую считаютъ своей и въ честь которой справляютъ праздники. Во главѣ округи стоитъ особый староста, который получаетъ годовое жалованье. Всѣ старцы данной округи дѣлаютъ извѣстный взносъ. Въ дни празднованія избранной

иконы всѣ старцы собираются, причемъ дѣлается провѣрка ихъ взноса. Послѣ обѣдни устраивается „громадскій“ обѣдъ. Непремѣнной принадлежностью пира бываетъ медъ, приготовляемый самими слѣпцами. Праздникъ продолжается нѣсколько дней. Въ этомъ „старецкомъ“ обычаѣ нельзя не узнать древнихъ братчинъ, на которыя собирались всѣ братчики извѣстнаго братства, причемъ медовареніе составляло неизмѣнную принадлежность братскаго пира.

Пѣсни обрядовыя, лирическія, плясовыя, рекрутскія, „пьяницкія“, наконецъ духовные стихи, при всемъ ихъ обиліи и разнообразіи, далеко еще не исчерпываютъ богатаго запаса бѣлорусскаго пароднаго творчества. Къ этому слѣдуетъ еще добавить богатый матеріалъ народныхъ сказокъ, пословицъ, загадокъ и заговоровъ. Но бѣлорусское творчество небогато историческими пѣснями: ихъ немного, и содержаніе ихъ исключительно вращается въ области прежнихъ крѣпостныхъ отношеній. Въ прежнее время въ Бѣлоруссіи были еще извѣстны и былинныя, эпическія сказанія. Теперь-же эпосъ здѣсь неизвѣстенъ. Однако въ бѣлорусскихъ сказкахъ и въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ сохранились слѣды эпическихъ сказаній о князѣ Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ, Алешѣ Поповичѣ, объ Ильѣ Муромцѣ съ его противниками Идолищемъ Поганымъ и Соловьемъ Разбойникомъ и нѣк. др.

Бѣлорусское прошлое*).

(По поводу статей А. Пыпина, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ прошлаго года).

I.

Обозрѣвая прошлогоднюю журнальную литературу, относящуюся собственно къ Бѣлоруссіи, мы должны сознаться, что прошлый годъ не прошелъ совершенно безслѣдно въ русскихъ журналахъ въ вопросахъ, касающихся изученія роднаго нашего края. Не прошелъ безслѣдно именно потому, что въ прошлогоднихъ номерахъ „Вѣстника Европы“ появилось 4 статьи извѣстнаго ученаго А. Пыпина, посвященныя изученію Бѣлоруссіи,— „Бѣлорусская этнографія“.

Бѣлоруссія еще до сихъ поръ представляетъ для большинства русскихъ людей своего рода terra incognita; она такъ мало извѣстна въ русскомъ обществѣ, о ней такъ мало пишутъ и говорятъ, въ научномъ отношеніи она такъ мало изслѣдована, что трудъ г. Пыпина является дорогимъ вкладомъ въ литературу, относящуюся къ Бѣлоруссіи, а мы, бѣлоруссы, должны быть вполнѣ признательны маститому ученому за то, что онъ принялъ на себя трудъ разъяснить интереснѣйшіе и важнѣйшіе факты исторической и литературной жизни нашей родины.

Задача, положенная г. Пыпинымъ въ основу статей своихъ „Бѣлорусская этнографія“, заключается въ изслѣдованіи литературы, какъ польской такъ и русской, посвященной изученію Бѣлоруссіи и особенно ея этнографіи; такимъ образомъ онъ пытается прослѣдить взгляды той и другой литературы на историческую судьбу и современное положеніе этого края. Нечего и говорить о важности подобнаго рода историческаго анализа: только такимъ образомъ возможны прочная, основанныя на фактахъ историческихъ и этнографическихъ, постановка взглядовъ всего русскаго общества на прошлую судьбу и современное состояніе нашего края, а слѣдовательно

*) Печаталась въ газетѣ „Минскій Листокъ“ за 1888 г.

и постановка его будущихъ отношеній къ остальнымъ частямъ общаго нашего отечества.

Что такое именно назначеніе должны имѣть статьи „Бѣлорусская этнографія“ и по мысли самого автора, видно, какъ намъ кажется, изъ первыхъ же строкъ этого изслѣдованія. Г. Пыпинъ такъ начинаетъ свои статьи: „Можетъ быть поставленъ вопросъ: существуетъ ли „Бѣлорусская этнографія“, т. е. слѣдуетъ ли трактовать отдѣльно матерьялъ, относящійся къ этой западной отрасли русскаго племени? Существуетъ ли сама бѣлорусская народность?“ (В. Е., апрѣль, стр. 644).—Далѣе, указавъ на то, что русское общество и литература только въ недавнее время начали интересоваться одноплеменною имъ Бѣлоруссіею, только въ самое позднѣйшее время, послѣ польскаго возстанія 60-хъ годовъ, русское общество узнало новость о существованіи родственнаго ему бѣлорусскаго племени, онъ задается такимъ вопросомъ: „Существованіе бѣлорусскаго „племени“ также не подлежитъ сомнѣнію, вопросъ идетъ о томъ, на сколько и въ какихъ сторонахъ своего характера это племя отличается отъ того великаго племени, которое составляетъ зерно и господствующую народность русскаго государства? Отвѣтъ на это даютъ и исторія племени, его языкъ и бытовыя черты“ (стр. 645). Однако центръ тяжести въ изслѣдованіи г. Пыпина ложится, какъ и слѣдовало ожидать, на анализъ литературы, относящейся собственно къ этнографіи Бѣлоруссіи. Въ видѣ же отвѣта на приведенный выше вопросъ, онъ предлагаетъ небольшое вступленіе (стр. 645—666), въ которомъ пытается выяснить нѣкоторыя отношенія Бѣлоруссіи къ Польшѣ и Россіи.

Подробное изслѣдованіе этихъ отношеній не входитъ въ задачу изслѣдованія г. Пыпина. Однако изслѣдованіе историческихъ отношеній Бѣлорусскаго племени къ его сосѣдямъ, а также изслѣдованіе отношеніе его языка къ сосѣднимъ и бытовыхъ этнографическихъ особенностей, имѣютъ для насъ весьма важное значеніе. Поэтому мы, въ свою очередь, постараемся сдѣлать очеркъ историческихъ отношеній Бѣлоруссіи къ ея сосѣдямъ.

II.

Въ одной изъ прошлыхъ статей мы уже имѣли случай указать границы древней Бѣлоруссіи въ періодъ ея въ IX—XII в. Нужно замѣтить, что границы эти, съ незначительными измѣненіями, оставались въ продолженіе всей исторической жизни Бѣлорусскаго племени и остаются до настоящаго времени. Мы указали также, что страна, образовавшая впослѣдствіи Бѣлоруссію, населена была нѣсколькими племенами: Дреговичами, Кривичами (Полоцкими и Смоленскими) и Радимичами. Разсмотримъ, въ какомъ отношеніи были эти племена къ остальнымъ племенамъ древней Руси.

Древнѣйшія извѣстія о нашихъ предкахъ застаютъ ихъ уже раздѣленными на множество племенъ, поселившимися по большей части нынѣш-

ней Российской равнины; племена эти уже тогда не составляли одного общаго цѣлаго; они различались какъ по своимъ нравамъ и обычаямъ, такъ и по языку и степени образованности. Объ этомъ прямо и неоднократно упоминаетъ начальный лѣтописецъ, говоря: „Поляномъ же живущимъ особъ по горамъ симъ"—„Поляномъ же живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху Поляне, и живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ, володѣюще кождо родомъ своимъ"[1]); далѣе лѣтописецъ ясно указываетъ на то, что русскія племена имѣли между собою этнографическія различія, говоря: „Имѣющимъ бо обычаи своя, и законы отецъ своихъ и преданія кождо своя норовъ. Поляне бо своихъ отецъ обычаи имяху тихъ и кротокъ"... А Древляне „живяху звѣрьскимъ образомъ, живуще скотьскы... А Радимичи и Вятичи, и Северо одинъ обычай имяху... Сице же обычай творяху и Кривичи и прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божіа, но творяху сами себѣ законъ[2]). Эти слова начальнаго лѣтописца ясно указываютъ на то, что уже въ древнѣйшій періодъ Русскія племена не составляли одного цѣлаго.

Одно племя жило особо отъ другого, управляясь своимъ родомъ, имѣя своего князя. Лѣтопись неоднократно указываетъ на существованіе отдѣльныхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ князьковъ у древне-русскихъ племенъ: „и по сей братьи почаша, дьржати родъ ихъ княженіе въ Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дроговичи свое, а Словѣне свое въ Новгородѣ, а друзіи на Полотѣ, иже и Полочанѣ"[3]). Далѣе мы встрѣчаемъ интереснѣйшее мѣсто при описаніи Олегова похода въ Грецію въ 907 г. „И заповѣда Олегъ... даяти уклады на Русские городы... по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князи подъ Ольгомъ суще"[4]); кромѣ того лѣтопись даже называетъ по имени такихъ князей, какъ Малъ, Полоцкій Рогволодъ, разсказываетъ народное преданіе о Турѣ, Радимѣ и Вяткѣ. Эти замѣчанія лѣтописца для насъ особенно важны: они такимъ образомъ неопровержимо устанавливаютъ то положеніе, что древнерусскія племена, не составляя одного этнографическаго цѣлаго, не представляли собою ничего политически-цѣлаго. И этотъ строй государственности, положенный въ основу древне-русской жизни, сохранился надолго, до полнаго подчиненія восточной Руси Московскому началу государственности, а западной—Литовскому. Конечно, значеніе и власть племенныхъ князьковъ не слѣдуетъ представлять себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ то и другое проявляется впослѣдствіи, особенно въ Восточной Руси. Князья племени представляютъ изъ себя старѣйшинъ, которые съ по-

[1]) Ипат. стр. 4, 5 и еще см. на 7.
[2]) Ипат. стр. 7—8.
[3]) Ипат. 6 стр.
[4]) Ипат. 18 стр.

мощью вѣча правили племенемъ, т. е. творили въ немъ судъ на основаніи обычнаго права и предводительствовали на войнѣ. Уже въ X вѣкѣ мѣстные національные князья уступаютъ мѣсто князьямъ изъ одного рода Рюриковичей. Русь объединяется подъ властью одного княжескаго рода. Объединеніе это вызвано скорѣе внѣшними причинами, чѣмъ внутрениимъ стремленіемъ племенъ къ соединенію. Этнографическое различіе племенъ мѣшало во все продолженіе древняго періода къ слiянію въ одно цѣлое. Это различіе поддерживалось неудобствами географическаго положенія, занятаго Русью.

Многіе современные историки видятъ въ равнинности и обширности страны, занимавшей огромное пространство и нигдѣ не ограниченной естественными предѣлами, залогъ и причину соединенія подъ одной властью русскихъ племенъ. Однако это не совсѣмъ вѣрно. Именно равнинность и обширность Россійской низменности, покрытой сплошными непроходимыми лѣсами[1]), болотами озерами, рѣдко населенной, содѣйствовало раздѣленію, какъ этнографическому, такъ и политическому, а не соединенію Русскихъ племенъ. Разъединяющее начало, заключенное въ устройствѣ поверхности и географическомъ положеніи, состояло именно въ томъ, что сообщеніе между племенами, какъ въ обыденной жизни частныхъ лицъ, такъ и въ политической жизни племенъ, затруднялись отдаленностью ихъ другъ отъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, не легко было пробраться въ отдаленный Новгородъ или Полоцкъ; трудное и долгое путешествіе предстояло изъ Новгорода въ Кіевъ и Тмутаракань, на Крымскомъ полуостровѣ, принадлежавшую въ XI вѣкъ Руси и населенную, какъ доказываютъ изслѣдованія, русскимъ племенемъ[2]). Удобство путей сообщенія, заключающееся въ выгодномъ расположеніи рѣкъ нашей страны[3]), по возможности смягчало этотъ недостатокъ нашего географическаго положенія, давая возможность вести торговыя и политическія сношенія. Но для частныхъ лицъ, для обмѣна культурнаго, обширность страны представляла не мало препятствій; препятствія заключались также и въ природномъ характерѣ страны; рѣки, болота и непроходимый лѣсъ отдѣляли одно племя отъ другого. Препятствія эти по существу весьма незначительны, но они несомнѣнно имѣли важное вліяніе въ древности, которое сказывается по настоящее время[4]). Одно племя или даже отдѣльный родъ, окруженное рѣками, болотами, лѣсами, вырабатывали какой либо новый обычай, образовались у него новыя слова, неизвѣстныя

[1]) Лѣсами была покрыта въ древности не только сѣверная Русь, но и южная ея полоса. Объ этомъ изслѣдованіе П. В. Голубовскаго „Печенеги, Торки, Половцы.

[2]) См. Голубовскаго: „Истор. зем. Сѣверской до половины XIV в.“

[3]) См. статьи наши „Древняя Бѣлоруссія“.

[4]) Объ этомъ смотр. блестящую статью Костомарова „О федеративныхъ началахъ въ древней Руси“.

другимъ наконецъ измѣняло костюмъ и т. д., и все это могло уже служить для мѣстныхъ племенныхъ отличій[1]).

Мы указали на внутреннія причины, мѣшавшія русскимъ племенамъ слиться въ одно цѣлое. Однако, внѣшнія обстоятельства заставили ихъ вступить еще въ IX вѣкѣ въ союзъ между собою, главнымъ двигателемъ котораго были Поляне и ихъ кіевскіе князья. Внѣшнія обстоятельства эти были: съ востока походы на Русь Хазаръ, а съ сѣвера—варяжскихъ дружинъ; сюда же нужно отнести и внутреннія несогласія племенъ; кромѣ того и кіевскіе князья, усилившись добровольнымъ присоединеніемъ нѣкоторыхъ племенъ, стремились къ покоренію остальныхъ. Происходитъ борьба кіевскаго централизаціоннаго начала съ русскими племенами, устремившимися къ децентрализаціи и самовластной самостоятельности. Борьба эта продолжалась до конца X в.; послѣдними были побѣждены Родимичи Владиміромъ Святославичемъ 984 года[2]).

Первоначальное, при Игорѣ, Олегѣ, Святославѣ, подчиненіе русскихъ племенъ Кіеву выражалось въ томъ, что они платили дань [3]) кіевскимъ князьямъ; мѣстные князья еще оставались у власти надъ своими племенами. Союзъ съ сильнымъ кіевскимъ княземъ представлялся имъ выгоднымъ потому одному, что послѣдній могъ защитить ихъ отъ сосѣдей. Но пока племена имѣли своихъ князей, неоднократно мы видимъ стремленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ низвергнуть зависимость отъ Кіева: племена дѣлаютъ попытки возстать и отдѣлиться (напр. возстаніе Древлянъ въ 913 г. и др.[4]). Съ другой стороны, и Кіевскіе князья стремятся къ ниспроверженію племенныхъ князей; они стараются, вмѣсто такихъ князей, садить своихъ мужей, воеводъ. Но не всѣ племена соглашаются на это[5]); тогда князья,

[1]) Что это такъ, можно привести не мало фактовъ. Такъ, напр. извѣстно, что прозвища, даваемыя одному племени въ насмѣшку надъ другимъ, служили причиною кровавыхъ столкновеній. Когда въ 1016 г. Ярославъ сошелся на берегахъ Днѣпра съ Святополкомъ, воевода послѣдняго, желая вызвать на битву Новгородцевъ, подразнивалъ ихъ, говоря: „Что придосте съ хромцемъ симъ, (Ярославомъ) а вы плотници суще? а приставимъ вы хоромъ рубитъ нашихъ". (Ипат. 99). Новгородцы до того оскорбились этимъ, что съ особенною яростью бросились на Святополково войско и побѣдили его. И въ настоящее время мѣстныя отличія одного племени отъ другаго служатъ причиною насмѣшекъ и враждебныхъ столкновеній. Бѣлоруссъ Мозырскаго уѣзда при всякомъ удобномъ случаѣ выругаетъ своего сосѣда Волынца „хохломъ", а послѣдній Бѣлорусса „лопоцономъ".

[2]) Ипат. 55.

[3]) „Устави (Олегъ) дани Словѣнамъ, и Кривичамъ, и Мерямъ". Ипат. 13. „Иде Игорь на Древлянъ и побѣдивъ взложи на ня дань больше Ольгови" Ипат. 25. „Побѣди Святославъ. Вятичь и дань на нихъ взложи". Ипат. 14 и мн. др.

[4]) Ипат. 25.

[5]) Новгородцы требуютъ себѣ отдѣльнаго князя у Святослава, не желая управляться княжескимъ посадникомъ. См. Ипат. 45.

удовлетворяя требованіе, посылаютъ къ важнѣйшимъ племенамъ своихъ сыновей. Съ этого начинается, такъ называемый, удѣльный періодъ древнерусской исторіи. Хотя удѣльный періодъ не мало занималъ русскихъ историковъ, хотя ему посвящены труды лучшихъ изслѣдователей, но это интереснѣйшее время русской исторіи до сихъ поръ еще остается загадочнымъ, не выясненымъ.

Для объясненія сущности удѣльной системы многіе историки предлагали различныя теоріи, но однако въ дѣйствительности ни одна не оказывается состоятельной[1]). Не вдаваясь въ критическій разборъ теорій, пытающихся разъяснить удѣльный періодъ, укажемъ на главную его сущность. Въ дѣйствительности въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ русской исторіи мы замѣчаемъ: 1) проявленіе и развитіе племенной жизни народностей, составлявшихъ тогдашнюю Русь, 2) борьбу князей и 3) сліяніе княжескихъ интересовъ съ интересами земствъ. Въ чемъ же выражалось проявленіе племенной жизни русскихъ племенъ?

Прежде всего оно выразилось въ усиленія вѣча, какъ выразителя народной воли. Вообще, вѣче играетъ весьма видную роль въ удѣльный періодъ.

Развитіе самостоятельности какой либо изъ русскихъ земель шло параллельно съ развитіемъ вѣчеваго порядка. Въ развитіи вѣчеваго порядка выражалось развитіе общественнаго самосознанія племени. Какъ только вѣче принимало болѣе или менѣе устойчивое положеніе, оно немедленно требовало себѣ князя, не желая подчиняться княжескимъ чиновникамъ. Но и получивъ князя, вѣче нѣкоторыхъ городовъ, гдѣ оно получило особенное развитіе, старалось ограничить самый институтъ княжеской власти, т. е. заставить князя править на договорномъ началѣ. Вѣче стремилось по возможности уменьшить вліяніе княжеской власти на внутреннія дѣла страны, предоставивъ ему выполнять функціи верховнаго вождя въ военныхъ предпріятіяхъ и верховнаго суда въ особенно важныхъ случаяхъ. Главнѣйшая цѣль, къ которой стремилось вѣче—право выбирать князя. Полоцкое вѣче, какъ наиболѣе развившееся, достигло этого уже въ половинѣ XII в.

Особенное развитіе вѣчеваго порядка, а потому и національной само-

---

[1]) Приведемъ важнѣйшія изъ мнѣній. Карамзинъ полагалъ, что великіе князья раздавали волости своимъ дѣтямъ въ силу отеческой къ нимъ любви. Знаменитый авторъ „Исторія Россіи" С. М. Соловьевъ и его многочисленные послѣдователи—раздачу земель великимъ княземъ, какъ родоначальникомъ княжескаго дома и слѣдовательно, вся русская земля представляетъ одно родовое имѣніе княжеской семьи, а борьбу князей между собою они признаютъ борьбою за княжескія родовые счеты. Костомаровъ видитъ въ борьбѣ племенъ и князей борьбу народностей. Наконецъ еще одно важное мнѣніе проф. Сергѣевича, который видитъ въ удѣльно-вѣчевомъ укладѣ договорное начало между князьями и городами.

стоятельности мы видимъ въ жизни Полоцкаго княжества; не менѣе самостоятельности проявляетъ къ концу XII в. Смоленское вѣче; развитіе Туровскаго вѣча почти не замѣтно. Прослѣдить развитіе вѣчеваго уклада въ древнихъ бѣлорусскихъ княжествахъ весьма интересно, но мы оставимъ до другаго раза.

Въ основѣ своей развитіе вѣчеваго уклада, какъ представителя народной воли и власти, оказывало на умственную политическую жизнь страны самое благотворное воздѣйствіе и могло повести къ самимъ блестящимъ результатамъ. Но когда вѣча еще были слишкомъ молоды, началась упорная партійная борьба. Особенно эта борьба была ожесточена во второй половинѣ XII в. въ Полоцкомъ княжествѣ. Борьба партій, неустойчивость правленія, внутреннія раздоры и борьба съ пригородами: Минскомъ, Друцкомъ и др. окончательно ослабили Полоцкое княжество и способствовали его паденію. Развитіе вѣчеваго уклада Полоцкаго княжества дошло до того. что Полоцкъ превратился въ концѣ XII в. въ *республику:* объ этомъ ясно говоритъ одно извѣстіе: *Полочанъ вѣчемъ ся справляли какъ Великій Новгородъ и Псковъ*"[1]).

Другое враждебное обстоятельство, клонившее къ упадку древне-русскую жизнь, вызывавшее новыя и новыя междоусобія и ожесточенную борьбу—эта *борьба главныхъ городовъ* съ ихъ *пригородами.* Пригороды поднимали борьбу вслѣдствіи того же стремленія къ самостоятельности, вслѣдствіи развитія общественнаго самосознанія; пригороды не желаютъ управляться княжескимъ посадникомъ; они призываютъ себѣ самостоятельнаго князя. Такъ извѣстна долгая, упорная борьба Полоцкихъ пригородовъ Минска, Друцка, Городка съ Полоцкомъ. Борьба эта только ослабляла силы страны.

Кромѣ всѣхъ этихъ бѣдствій удѣльно-вѣчеваго періода нужно еще прибавить споры и борьбу князей за личные родовые счеты.

Удѣльный князь былъ лично самостоятеленъ въ распоряженіяхъ надъ своею областью и если стѣснялся, то только вѣчемъ. Но во внѣшнихъ дѣлахъ, въ отношеніяхъ къ другимъ удѣльнымъ князьямъ, въ случаѣ когда общее дѣло, напр. походъ, требовали общаго соединенія русскихъ князей, удѣльный князь повиновался великому кіевскому князю, или въ большинствѣ случаевъ общему совѣту князей.

Таково было положеніе древне-русскихъ областей до начала XIII в. Мы остановились особенно на этихъ основахъ русской жизни, потому что они имѣли, какъ увидимъ, для Бѣлоруссіи весьма важное рѣшающее значеніе въ послѣдующей жизни, въ послѣдующихъ ея отношеніяхъ къ Литвѣ и московской Руси, остановились еще и потому, что до сихъ поръ никто, насколько намъ извѣстно, не бралъ на себя труда проанализировать исто-

---

[1]) Лѣтопись Быховца въ изданіи Нарбутта.

річескія отношенія бѣлорусскихъ племенъ къ сосѣдямъ, а въ разбираемыхъ статьяхъ г. Пыпина объ этомъ сказано вскользь.

Правда, указанныя условія древне-русской жизни во многомъ содѣйствовали ослабленію внутреннихъ силъ Руси, потому что выдвигали цѣлый рядъ междуусобицъ. Однако, въ нихъ были и прекрасные зачатки будущаго; эти зачатки мы видимъ въ развитіи вѣчеваго уклада и самостоятельности отдѣльныхъ областей: эти начала могли повести къ соединенію Руси на чисто *федеративныхъ* основахъ, съ полной областной самостоятельностью; областная же самостоятельность имѣла бы то важное значеніе, что не мѣшала бы каждой составной части государства развиваться самостоятельно на выработанныхъ ею историческихъ основахъ. Но однако, пока складывался порядокъ новой жизни на Руси, зачатки которой мы указали, пока происходило броженіе, татарское иго съ одной стороны и Литовское завоеваніе съ другой пріостановили свободный ростъ русскихъ земель, и Литовцы для западной части, Монголы для восточной внесли свои своеобразныя начала, которымъ поневолѣ должны были подчиняться русскія племена, какъ подчиненныя.

Что-же такое была Литва, что она внесла съ собою въ основы древней бѣлорусской жизни, въ какія, наконецъ, условія стали подчиненные и властители?

III.

Литовское племя впервые появилось подъ этимъ именемъ на страницахъ лѣтописныхъ извѣстій въ X вѣкѣ. Оно тогда уже не представляло собою этнографическаго цѣлаго, состоя изъ нѣсколькихъ племенъ: Ятвяговъ, Пруссовъ, Жмуди, собственной Литвы, Латышскихъ племенъ и др. Однако, первыя извѣстія о Литвѣ отличаются крайнею скудностью и неопредѣленностью. Только во второй половинѣ XII в. на нее начинаютъ обращать вниманіе въ Зап. Европѣ и въ концѣ этого вѣка слагается на устьяхъ Западной Двины нѣмецкій военный орденъ, имѣющій цѣлью обращеніе язычниковъ литовцевъ въ христіанство.

Сношенія Литвы съ Русью начались съ X вѣка; сношенія эти не имѣли характера политическихъ отношеній одного государства къ другому. Какъ ни скудны извѣстія о сношеніяхъ литовско-русскихъ [1]) до половины XIII вѣка, однако можно вывести о Литвѣ заключеніе, что племена эти не составляли одного политически цѣлаго народа, дѣлились на множество самостоятельныхъ племенъ и дѣйствовали, въ столкновеніяхъ съ русскими, отдѣльными группами.

---

[1]) О нихъ см. Ипат. стр. 108, 212, 340, 355, 419, 452, 455, 456, 483, 492 503 и др. Татищевъ, т. I., стр. 318, 301 и др.

Многія изъ пограничныхъ литовскихъ племенъ платили дань полоцкимъ князьямъ, даже въ глубинѣ литовскихъ земель были литовско-русскія княжества, гдѣ князья были русскіе, зависѣвшие отъ полоцкаго. Кромѣ мирныхъ колонизаціонныхъ сношеній Кривичей и Дреговичей съ Литовцами, лѣтописи упоминаютъ только о военныхъ походахъ русскихъ князей на Литву, каковые походы, вѣроятно, вызывались отложеніемъ литовскихъ данниковъ или желаніемъ принудить платить дань еще не завоеванныя племемена. Въ такомъ видѣ представляются литовско-русскія отношенія до конца XII вѣка.

Но уже въ концѣ означеннаго вѣка и въ началѣ слѣдующаго между литовскими племенами замѣчается значительное возбужденіе. Возбужденіе это клонилось къ соединенію литовскихъ племенъ въ одно цѣлое, слѣдовательно, къ централизаціи племени и къ сплоченію его подъ властью князя. Возбужденіе это и потребность въ соединеніи вызвана была двумя или даже тремя причинами, чисто внѣшняго характера: съ сѣвера на Литву начинаетъ нападать Нѣмецкій орденъ, притѣснять и грабить покоренныя племена, обращать насильно въ христіанство и тѣмъ заставлялъ ихъ отказаться отъ родной завѣтной страны, отъ вѣры отцовъ, къ которой литвины питали глубокое и упорное почтеніе; съ лишеніемъ старой языческой религіи и съ обращеніемъ въ католичество, литовцы лишались своей національной свободы, политической независимости и должны были подчиняться власти корыстолюбивыхъ рыцарей. Въ такое положеніе стали соплеменники и сосѣди Литвы—Латыши; такая же участь грозила коренной Литвѣ и Жмуди. Литовскому народу предстояла борьба съ могущественнымъ, искуснымъ въ военномъ дѣлѣ, непріятелемъ. Между тѣмъ раздѣленіе ихъ на мелкія племена, разъединенность политическая мало указывали на возможность успѣшной борьбы. Нужно было сплотиться и сплоченіе это выразилось въ лицѣ одного великаго князя, который успѣлъ собрать литовскія силы и съ ними вступилъ въ борьбу съ рыцарями. Какъ произошелъ въ литовскихъ племенахъ этотъ переворотъ въ направленіи политической жизни,—мы не знаемъ. Извѣстія позднѣйшихъ литовскихъ лѣтописей, въ родѣ Быховца, не заслуживаютъ въ данное время вниманія: онѣ заносили только отдаленныя преданія, циркулировавшія въ народной массѣ.

Итакъ, давленіе нѣмецкихъ орденовъ была одна изъ причинъ, заставившихъ литовскія массы слиться въ одно цѣлое, хотя подчиненіе одному властелину не было въ ихъ нравахъ: любовь къ свободѣ и національной независимости была сильна въ литовскомъ народѣ; она время отъ времени проявляется въ послѣдующія эпохи, и мы видимъ немало случаевъ реакціи въ пользу возстановленія прежнихъ порядковъ.

Другая причина централизаціи литовцевъ, сплоченія ихъ, лежала въ основѣ сношеній ихъ съ Русью. Съ конца XII вѣка русскіе полоцкіе князья

все чаще и чаще вмѣшиваютъ въ свои внутреннія дѣла Литву. Она является въ видѣ вспомогательныхъ отрядовъ въ русскихъ войскахъ, заходитъ внутрь русскихъ земель. Само собою разумѣется, что подобныя отношенія не могли не отразиться на развитіи политическихъ взглядовъ литовскаго народа; знакомство съ Русью, съ русскими порядками, знакомство съ русскимъ военнымъ устройствомъ и государственными основами положило глубокій слѣдъ на созданіе порядковъ новаго литовскаго государства. Появленіе литовскихъ дружинъ съ ихъ предводителями въ предѣлахъ русской территоріи возбуждало въ нихъ желаніе захватить, пользуясь русскими междоусобицами, пограничные русскіе удѣлы. Вслѣдствіе этого мы видимъ, что первые литовскіе князья утвердились въ пограничныхъ русскихъ городахъ: въ Полоцкѣ и Новогородкѣ Литовскомъ (Новогрудкѣ) и оттуда уже распространяли, посредствомъ удачныхъ политическихъ мѣропріятій, власть свою надъ собственною Литвою. Русскіе безъ бою подчинялись литовскимъ князьямъ, напротивъ они даже сами приглашали къ себѣ князей изъ Литвы. Очень понятны причины такого отношенія русскихъ городскихъ общинъ къ своимъ иноземнымъ избранникамъ. Причины этого обусловливается, какъ внутренними, такъ и внѣшними условіями тогдашняго состоянія Западной Руси: нѣкоторыя части ея потерпѣли сильное пораженіе отъ татаръ и естественно стремились примкнуть къ сильному здоровому литовскому организму, съ другой стороны, внутренній раздоръ вѣчевыхъ общинъ, борьба и несогласіе внутри собственныхъ предѣловъ побуждали западно-русскіе города обратиться къ литовскимъ князьямъ. Соединеніе русскихъ земель съ литовскими, подъ главенствомъ князей изъ рода послѣднихъ, принесло несомнѣнную пользу обоимъ народамъ. Литовцы внеслы въ государственную и общественную жизнь современнаго русскаго общества новыя, здоровыя начала, послужили крѣпкимъ военнымъ оплотомъ со стороны сосѣдей; русское племя внесло съ своей стороны въ литовскую народную стихію свои начала, свою выработанную культуру, далеко превосходившую литовскую и стоявшую на равной степени съ западно-европейскою; русскіе поддержали и матеріально юное литовско-русское государство, они дали литовцамъ готовыя культурныя начала, готовые образцы государственнаго и общественнаго устройства, торговыя связи и проч., воспользовавшись которыми литовцы быстро поднимаются на пути гражданственности; юное государство быстро ростетъ, и уже къ концу XIV в. дѣлается грознымъ для сосѣдей, извѣстнымъ Европѣ; Литва и Русь, соединившись въ одного государство, внесли вѣрный залогъ для взаимнаго совмѣстнаго существованія. Залогъ этотъ— сознаніе взаимной полезности, сознаніе общности интересовъ обоихъ государствъ и при всемъ тамъ полнѣйшая равноправность. Это были важнѣйшія условія, на которыхъ утвердилось соединеніе двухъ народностей, различныхъ по происхожденію и языку. Обѣ народности давно знали другъ

друга, давно, повидимому, подготовилось, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, ихъ соединеніе, и потому когда оно совершилось, два народа сошлись на основахъ взаимнаго уваженія и равноправности.

Литовцы и русскіе имѣли одинаковыя права, одинаково служили князю; самою замѣчательною чертою Литовско-русскаго государства до конца XIV вѣка была *религіозная вѣротерпимость*. Въ Европѣ того времени не было государства, гдѣ бы въ такой степени была розвита терпимость къ вѣрѣ другихъ, какъ въ Литвѣ. Православіе розвивалось въ ней совершенно свободно, но въ тоже время сюда проникало и католичество (въ Вильнѣ было при Гедиминѣ два католическіе монастыря). Уже въ XIII вѣкѣ мы видимъ многихъ не только частныхъ лицъ литовскаго происхожденія, но даже князей, исповѣдующихъ православіе. Но на ряду съ нимъ господствующею религіею признавалась языческая Литовская. Замѣчательно, что такое отношеніе Литовскихъ князей къ чужой религіи вызывалось не только политическими взглядами, но полнымъ признаніемъ вѣротерпимости, какъ кореннаго убѣжденія литовскаго общества. Подтвержденіемъ этому могутъ служить слова язычника-Гедемина посламъ папы, предлагавшимъ ему креститься: „Если я когда нибудь имѣлъ намѣреніе креститься, то пусть меня самъ дьяволъ креститъ! Я дѣйствительно говорилъ, какъ написано въ грамотѣ, что буду почитать папу какъ отца, но я сказалъ это потому, что папа старше меня; всѣхъ стариковъ: и папу и Рижскаго архіепископа, и другихъ, я почитаю какъ отцовъ; сверстниковъ своихъ я люблю какъ братьевъ, тѣхъ же, кто моложе меня, я готовъ любить какъ сыновей. Я говорилъ дѣйствительно, что дозволю хрестіанамъ молиться по обычаю ихъ вѣры, Русинамъ по ихъ обычаю и Полякамъ по своему; сами же мы будемъ молиться Богу по нашему обычаю. *Всѣ мы вѣдь почитаемъ одного Бога!*“ [1]) Въ этихъ словахъ, какъ намъ кажется, выражались не одно личное мнѣніе Гедемина, но въ нихъ отражалось признаніе вѣротерпимости всѣмъ литовскимъ обществамъ.

Говоря о быстромъ ростѣ русско-литовскаго государства, нельзя не замѣтить еще того не маловажнаго обстоятельства, что Литва въ началѣ своего перваго появленія на исторической сценѣ, была въ періодѣ того воинственнаго настроенія, которое переживаютъ почти всѣ народы. Такой періодъ характеризуется всегда особеннымъ воинственнымъ одушевленіемъ народа, который устремляется съ необыкновенной энергіей къ завоеваніямъ; въ періодъ этотъ появляются замѣчательныя личности, становящіеся во главѣ народа. Нужно отдать полную справедливость, что первые литовскіе

---

[1]) В. В. Антоновичъ: „Очерки исторіи Великаго княжества Литовскаго до половины XV ст.“ Кіевъ 1872 г.

князья представляютъ собою замѣчательный примѣръ мужества, стойкости ума и энергіи въ своихъ дѣйствіяхъ, проникнутыхъ истиннымъ сознательнымъ стремленіемъ къ народной пользѣ. Рядъ этихъ князей начинается Мендовгомъ, котораго считаютъ первымъ историческимъ княземъ Литовско-русскаго государства; твердость въ политическихъ стремленіяхъ, умъ и необыкновенная энергія—характеристическія черты его: рядомъ ловкихъ политическихъ пріемовъ онъ заставляетъ всю Литву и Жмудь соединиться подъ его властью, соглашается даже креститься въ трудныхъ обстоятельствахъ, но потомъ опять переходитъ въ язычество, удививъ западно-европейскій міръ своимъ вѣроломствомъ; политикою Мендовга была начертана дальнѣйшая дѣятельность литовско-русскихъ князей, которая сводилась къ централизаціи земель собственно литовскихъ и западно-русскихъ и па упроченіе власти великаго князя. Слѣдуя централизаціонной политикѣ, русско-литовскіе князья Витень, Гедеминъ, Ольгердъ, Кейстутъ и Ягайло вскорѣ соединили подъ своею властью всѣ собственно-литовскія земли и изъ западно-русскихъ: Полоцкія, Турово-Пинскія, Волынскія, Кіевскія и Подолье. Смоленскія земли, управлявшіяся полу-самостоятельными князьями тяготѣли на Литвѣ. Ольгердъ, посредствомъ умной и дальновидной политики, даже стремился распространить свое вліяніе на Псковъ и Новгородъ, и въ этихъ республикахъ была уже подготовлена сильная партія, тяготѣвшая на Литвѣ, но верхъ взяла партія Московская.

Основы единенія Русской и Литовской народностей зиждились, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, на равноправности, взаимномъ пониманіи полезности союза и вѣротѣрпимости. Русскія области во внутренней своей жизни не лишались своихъ правъ и обычаевъ; кромѣ великаго князя, въ большинствѣ городовъ, какъ Новогрудкъ, Полоцкъ и др., были удѣльные князья, управлявшіе страною съ согласія вѣча; въ отношеніи государственнаго устройства, литовскіе князья слѣдовали русскимъ традиціямъ. Преобладаніе въ новомъ государствѣ русскихъ культурныхъ началъ было особенно замѣтно. Даже литовскимъ государственнымъ языкомъ былъ русскій языкъ. Князья опирались на русскій элементъ даже въ борьбѣ съ собственными Литовскими племенами, когда въ нихъ появлялись протесты противъ новыхъ порядковъ.

На указанныхъ основахъ взаимнаго сближенія образовалось прочное соединеніе обоихъ племенъ. Но однако политическія обстоятельства конца XIV и начала XV вѣка стали на пути соединенія. Рядъ этихъ препятствій начинается со времени принятія великимъ княземъ Ливовскимъ Ягайломъ католичества и сближенія Литвы съ Польшей.

Принимая католичество и Польскую корону, Ягайло подписалъ въ въ Кревѣ въ 1385 г. политическую унію Литвы съ Польшей. Въ 1387 г.

онъ пріѣхалъ въ Вильно крестить Литовцевъ въ католичество и въ тоже время были приняты мѣры къ подавленію греко-восточнаго исповѣданія. Ягайло велѣлъ всѣмъ литвинамъ, жившимъ въ Литвѣ и на Руси, перейти въ католичество *изъ всякой другой секты*, запретилъ католикамъ вступать въ браки съ православными. Этими мѣрами начался рядъ притѣсненій русскихъ со стороны Польско-литовскихъ государей. Посягательство на свободу православія было въ тоже время посягательствомъ на русскую культуту и на русскую народность. Отсюда возникаетъ рядъ недоразумѣній и раздоровъ.

Городельскій сеймъ 1413 года, на который съѣхались всѣ литовскіе удѣльные князья, подтвердилъ Ягайлово обѣщаніе уніи Литвы съ Польшей. Однако осуществленіе этой уніи совершилось только черезъ 2 столѣтія на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Условія Городельской уніи заключались въ томъ, что Литва соединяется съ Польшей подъ главенствомъ польскаго короля, но сохраняетъ внутреннее управленіе, согласное съ литовскими законами, избираетъ великаго князя съ согласія польскаго сейма; съ своей стороны и поляки не могутъ избирать короля безъ согласія литовскаго народа. Все внутреннее правленіе литовско-русскаго государства не подверглось измѣненіямъ, поляки допускались въ княжество наравнѣ со всѣми другими иностранцами, и не имѣли права занимать высшихъ государственныхъ должностей. На Городелськомъ-же сеймѣ были проложены первые шаги вліянія Польши въ культурномъ отношеніи на Литву. Желая сблизиться съ послѣдними, поляки стараются водворить въ ней свои государственные порядки; король, въ видѣ особой милости, даруетъ литовскому католическому дворянству польскія шляхетскія привиллегіи, гербы и т. п. Дѣйствуя подобнаго рода мѣрами, поляки постепенно старались сблизиться съ литовцами и съ тѣми русскими, которые принимали католичество.

Теперь русскому народу приходится бороться съ польскою культурой; вліяніе его на католическую Литву постепенно падаетъ; послѣдняя, принимая польскіе порядки, заражается духомъ католической нетерпимости. Русское племя, вмѣстѣ съ значительнымъ большинствомъ литовцевъ, еще не успѣвшихъ ополячиться, постоянно противопоставляетъ отпоръ польско-католическимъ притязаніямъ, оно старается поддержать всякое стремленіе къ отдѣленію Литвы отъ Польши, поддерживаетъ такихъ князей, какъ Сдвиригайло и проч. Русское вліяніе было еще сильно до самой Люблинской уніи.

Однако, несмотря на всѣ усилія польской знати подчинить своему вліянію литовскій народъ, присоединить къ королевству часть русскихъ земель и даже всю Литву имъ не удавалось до конца XVI вѣка. Не обращая вниманія на договоры и обѣщанія Ягайлы. литовцы избираютъ послѣдующихъ князей безъ согласія польскихъ сеймовъ и вообще дѣйствуютъ вполнѣ само-

стоятельно, преграждая въ то же время доступъ польскому вліянію въ краѣ, не дозволяя полякамъ долго оставаться въ литовскихъ земляхъ, покупать имѣнія и занимать значительныя государственныя должности. Литовцы хорошо понимали опасность, грозившую имъ въ случаѣ соединенія съ поляками, и открыто высказывали передъ королями желаніе, чтобы „панове поляцы не имѣли тоѣ жадости, абы тоѣ панство вашое милости отчизное было унижено и привлащено къ нимъ“.

Во второй половинѣ XVI ст. поляки воспользовались правленіемъ Сигизмунда-Августа, избраннаго на литовскій и польскій престолы, чтобы окончательно утвердить соединеніе Литвы съ Польшей. Извѣстно, что декларація объ инкорпораціи Литвы была утверждена литовско-русскими вельможами по приказанію короля, взявшаго на себя отвѣтственность за все сдѣланное противъ воли представителей Литвы и Руси. Унія 1569 года, признаваемая многими современными польскими историками за братскій союзъ друхъ государствъ, положила конецъ самостоятельному существованію литовскаго народа. Въ дѣйствительности соединилась съ Польшей не одна только Литва, но и соединенные съ нею земли бѣлорусскія и малорусскія, составлявшія чуть не девять десятыхъ всего литовско-русскаго княжества.

Оставивъ въ собственной Литвѣ нѣкоторыя автономныя права, Сигизмундъ, по требованію поляковъ, прямо присоединилъ къ польскимъ провинціямъ Украинскія земли: Кіевъ, Подолію, Волынь и Черниговъ. Такимъ образомъ Литва составилась изъ бѣлорусскихъ провинцій и собственно литовскихъ. Польскіе политики, руководившіе Люблинскимъ сеймомъ, соединяя Литву съ Польшей, приняли на себя трудную обязанность удовлетворить всѣмъ многочисленнымъ потребностямъ литовско-русскаго государства; они начали вводить свои польскіе порядки, вмѣстѣ съ которыми проникала польская національная и религіозная исключительность; поляки старались перенести свою шляхетскую республику, признававшую внѣ городовъ только два сословія: шляхту и хлоповъ, на новую почву. Послѣдующія событія ясно доказали, какіе плоды принесла злосчастная Люблинская унія.

Поляки и ихъ приверженцы въ Литвѣ торжествовали заключеніе „братскаго союза“ двухъ народовъ. Но соединеніе это готовило гибель новому государству. Въ составъ Польши вошли теперь разнородные по религіи и по національностямъ элементы, разнородные по своему географическому положенію. Польскіе политики не хотѣли, да и не могли понять нуждъ новыхъ своихъ подданныхъ. Преслѣдованіе православной вѣры, уничтоженіе всего того, что напоминало собою русское и литовское, не католическое, начавшееся непосредственно послѣ Люблинской уніи,—внесло рознь и въ безъ того уже разнородные элемены польско-литовскаго государства. Составныя части его начали стремиться къ разъединенію. Угне-

тенный православный людъ сталъ искать выхода; южно-руссы нашли для себя этотъ исходъ въ казачествѣ и Запорожской Сѣчи; бѣлоруссы, которыхъ положенiе было гораздо хуже, у которыхъ не было степныхъ пространствъ, куда бы они могли устремить свое движенiе, глухо роптали противъ новаго владычества, старались всѣми мѣрами содѣйствовать казацкимъ дружинамъ, возставшимъ противъ Польши, а часто и сами брались за оружiе.

Къ злосчастной Люблинской унiи присоединилась Брестская церковная унiя 1596 г., какъ естественное послѣдствiе первой. Это было новое посягательство, не только Польши, но и всего католическаго мiра на нацiональную самобытность западно-русскихъ земель. Брестская унiя, доставившая столько торжества католичеству, ускорила паденiе польско-литовскаго государства. Два вѣка поляки шагъ-за-шагомъ стремились къ присоединенiю Литвы и Западно-русскихъ земель, и менѣе чѣмъ въ два вѣка новое государство пало.

Когда бѣлоруссы и малоруссы поняли, наконецъ, невозможность дальше претерпѣвать польско-католическое иго, они стали искать внѣшней точки опоры, внѣшней силы, которая поддержала бы ихъ въ предстоящей борьбѣ. Такой силой была Москва, единовѣрная и родственная, на которую и обратили свои взоры западно-руссы.

IV.

Въ то время, когда Литва собирала русскiя земли на западѣ, Москва на востокѣ была занята тѣмъ-же.

Однако политика въ данномъ случаѣ той и другой имѣла важное различiе.

Московское царство возникло изъ маленькаго небольшого удѣла и причиной его возникновенiя были личныя качества первыхъ московскихъ князей. Нужно отдать полную дань справедливости, что развитiе и управленiе московскаго государства всецѣло составляетъ заслугу первыхъ князей его. Послѣ татарскаго нашествiя восточныя области Россiи пришли въ страшное запустѣнiе; города и села были раззорены; люди, кто оставался живъ, разбѣжались или попали въ плѣнъ; вся страна представляла печальную картину разрушенiя.

Въ это время выдвигаются одинъ за другимъ энергическiе московскiе князья. Они собираютъ народъ въ свой маленькiй удѣлъ, переманиваютъ бояръ и крестьянъ изъ сосѣднихъ княжествъ, даруютъ имъ всякiя льготы, строго наблюдая, чтобы ни тѣ, ни другiе не могли перейти отъ нихъ въ другой удѣлъ; они собираютъ казну, скупаютъ сосѣднiя земли, завладѣваютъ ими, выпрашиваютъ у хановъ и т. д. Всѣ московскiе князья похожи одинъ на другого, всѣ дѣйствуютъ, сознательно или безсознательно, по

строго начертанному плану, раздѣляя и губя сосѣдей, собирая по клочкамъ Русь и въ то же время пріобрѣтая всякими происками, съ помощью подарковъ, вліяніе въ Золотой Ордѣ.

Счастіе имъ благопріятствовало. Грозная Золотая Орда въ XIV в. была раздираема сама внутренними смутами: ханы смѣнялись по нѣсколько разъ въ годъ; власть ихъ совершенно упала. Для каждаго въ отдѣльности русскаго княжества она была страшна своею грозною силою и особенно грознымъ прошедшимъ. Но московскіе князья съумѣли воспользоваться ордынскими неурядицами, и такимъ образомъ сама Орда помогла ихъ возвышенію, утверждая великое княженіе за Москвою, дѣлая послѣднюю судьею надъ остальными русскими княжествами, возлагая на нее собираніе дани со всей Руси. Все это было на руку Москвѣ. Почти въ полтора столѣтія она усилилась на столько, что очутилась во главѣ восточной Руси и дала сильный отпоръ своимъ властителямъ татарамъ.

Условія возникновенія и усиленія московскаго государства были таковы, что политическій укладъ его сложился изъ трехъ главнѣйшихъ началъ, на долгое время ставшихъ основой его устройства, внутренней и внѣшней политики. Долгое и близкое сожительство съ татарами, сношенія съ ними оставили на московскомъ княжествѣ сильное вліяніе необузданнаго татарскаго деспотизма, татарскихъ понятій о властелинѣ и подчиненномъ. Съ другой стороны, не менѣе сильно было вліяніе византійское, проникшее въ Россію съ появленіемъ Софіи, жены Іоанна III. Наконецъ третье условіе,— былъ самый способъ собиранія московскими князьями русскихъ земель, большинство которыхъ досталось имъ или вслѣдствіи завоеваній, или завѣщаній и подарковъ, т. е. такимъ именно образомъ, что они становились личною собственностью князя. Народъ принималъ только пассивное участіе въ собираніи земель; дѣло это личное князей и высшей боярской клики: если народъ и сходился со всѣхъ сторонъ подъ высокую руку московскаго князя, то сходился потому, что подъ этой высокой рукой жить было спокойно и удобно; татары почти не появлялись, князья не любили вести междоусобныхъ войнъ, стремились къ захватамъ посредствомъ политическихъ сдѣлокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ, отдававшійся Москвѣ, терялъ свои политическія права: не было уже шумныхъ вѣчевыхъ сходокъ, партійной борьбы, никто не смѣлъ ратовать за народные интересы; Москва налегла всею своею тяжестью, увеличивая или уменьшая права и обязанносли своихъ подданныхъ, не желая знать ихъ нуждъ и требованій. Все это вполнѣ гармонировало съ вліяніемъ, проникшимъ изъ Орды и Византіи. Князья, по нравамъ подходя ближе къ татарамъ, во внѣшнихъ отношеніяхъ стараются подражать византійскимъ императорамъ. Уже современники Іоанна III жалуются на то, что князь оставляетъ древніе княжескіе обычаи, пренебрегаетъ совѣтами бояръ, не позволяетъ имъ перечить себѣ, и управляетъ

государствомъ самъ-третей. Ко всѣмъ этимъ порядкамъ присоединяется религіозная нетерпимость, которая поддерживалась крайнимъ упадкомъ образованности среди Московскаго государства вообще и особенно среди духовенства. За предѣлами „высокой власти" московскаго государя всѣ были бусурмане; и поляки, и турки, татары и даже православные малоруссы и бѣлоруссы, которыхъ московскіе политики не могли отличить отъ сосѣднихъ поляковъ и литовцевъ. Во главѣ московской дипломатіи стояли политики съ узкими взглядами на жизнь, на сосѣдей, не справлявшіеся съ исторіей и современнымъ положеніемъ странъ, которыя захватывали ихъ войска. Они на все смотрѣли съ своей исключительной, узкой великорусской точки зрѣнія; вездѣ примѣняли свои порядки, не справляясь съ духомъ и условіями страны; все, что не подходило подъ мѣрку великорусскихъ понятій, что хоть немножко возвышалось надъ ними въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, они стремились передѣлать, перекроить по своему. Если среди московскихъ политиковъ и поднимался какой либо честный голосъ, вродѣ боярина Ордына Нащокина, предостерегавшій ихъ отъ неминуемыхъ послѣдствій, но этотъ голосъ терялся среди криковъ узколобой дипломатіи.

Понятно, что при такихъ условіяхъ тогдашней московской политики, уже первыя столкновенія москвитянъ съ бѣлоруссами и украинцами повели къ цѣлому ряду недоразумѣній, раздоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, условія жизни бѣлорусскаго народа отличались совершенно противуположнымъ направленіемъ, сравнительно съ жизнью московской. Мы видѣли, что бѣлорусскій народъ до конца XIV вѣка, т. е. именно до того времени, когда въ Московскомъ государствѣ уже ясно обозначились указанныя нами порядки, до этого времени онъ жилъ самостоятельною жизнью, управлялся прежними вѣчевыми порядками и, какъ культурно-господствующая національность, имѣлъ огромное вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла страны. Образованіе въ немъ не только не остановилось, но напротивъ еще сильнѣе поднялось, вслѣдствіе знакомства съ европейскимъ западомъ, который тогда стремился къ выработкѣ лучшихъ соціальныхъ условій, и вообще пользовался относительною свободой.

Съ соединеніемъ Литвы съ Польшей, положеніе западно-русскаго народа ухудшилось. Однако за бѣлоруссами оставались важныя права и преимущества: такъ, бѣлорусскіе мѣщане управлялись магдебургскимъ правомъ, имѣли суды; кромѣ-того, множество бѣлоруссовъ имѣли шляхетскія права и соединенныя съ ними преимущества. Терпѣло больше всего крестьянство, на него обрушивалась вся тягость польскаго давленія. Но и въ Московскомъ государствѣ внутреннія дѣла были едвали не хуже. Никто не имѣлъ равно никакихъ правъ, всѣ одинаково были холопы; но въ этомъ то и заключалась бѣда: большій холопъ давилъ меньшаго и т. д. На меньшихъ холоповъ, т. е. на крестъ-

янство и горожанъ, обрушивалась вся тягость московскихъ порядковъ; не даромъ говорили представители на земскомъ сборѣ въ 1642 г.; „а разорены мы пуще турскихъ крымскихъ и басурманъ московскою волокитою, отъ неправдъ и несправедливыхъ судовъ". Положенiе московскихъ людей едвали было не хуже западно-русскихъ: у послѣднихъ по крайней мѣрѣ были кое какiя права, да при томъ они пользовались частыми смутами, чтобы воспользоваться прiобрѣтенiемъ новыхъ правъ, чтобы отомстить своимъ угнетателямъ, чего не могли дѣлать великорусскiе люди. Важнѣйшiя причины, заставлявшiя западно-русскiя земли искать выхода изъ польской неволи, заключались въ религiозныхъ преслѣдованiяхъ, которыя сливались и съ нацiональной нетерпимостью поляковъ. Что еще больше возбуждало бѣлоруссовъ, такъ это то, что тутъ же рядомъ съ ними жили католики, пользовавшiеся всѣми широкими правами польской шляхты. Какъ люди развитые по своему времени, большинство бѣлоруссовъ прекрасно понимали всю выгоду польскихъ шляхетскихъ правъ, и конечно, ихъ нацiональное чувство сильно оскорблялось несправедливымъ отношенiемъ къ нимъ властелиновъ.

Между тѣмъ, справедливо говоря, польская конституцiя была образцомъ свободнаго правленiя, котораго не достигало ни одно современное ему государство. Недостатокъ ея, бывшiй причиной паденiя Польши, заключался не въ самой сущности, но въ болѣе или менѣе внѣшнихъ обстоятельствахъ, именно, что польская конституцiя признавала только одно шляхетское сословiе, внѣ котораго не могло быть равноправныхъ гражданъ и, что особенно важно, она не согласовалась съ понятiями и общественною нравственностью своихъ гражданъ; простой народъ былъ совершенно устраненъ отъ правленiя, порабощенъ, такъ что изъ него не выходило на общественную арену новыхъ дѣятелей съ здоровыми жизненными задачами, а шляхетское сословiе было слишкомъ деморализовано, чтобы пользоваться своими правами безъ злоупотребленiя. Въ отношенiи къ русскимъ землямъ польская политика поступалась своей узкой шляхетско-католической точки зрѣнiя, не признавая правъ народа и вообще православныхъ. Польскiе политики, въ своемъ стремленiи централизировать разнородныя нацiональности, изъ которыхъ состояло государство, не пренебрегали никакими средствами.

Въ этомъ пунктѣ, т. е. въ стремленiи къ централизацiи нацiональностей, которыхъ историческiя и народно-бытовыя традицiи склонялись къ децентрализацiонной жизни, федеративному устройству, московское правительство имѣло полное сходство съ польскимъ. Польское начало вносило въ Бѣлоруссiю шляхетскую аристократическую республику, московское начало —боярскую олигархiю; то и другое государство совершенно исключали де-

мосъ, тогда какъ бѣлорусскій народъ былъ прежде всего, по своимъ историческимъ и народно-бытовымъ традиціямъ, въ высшей степени демократиченъ. Во всемъ не великорусскомъ московское начало видѣло вообще не русское, не православное, и стремилось къ его уничтоженію. Критеріумомъ для такого отличія русскаго отъ не русскаго часто служили въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ земляхъ однѣ внѣшнія отличія. Насколько въ этомъ отношеніи были близоруки московскіе политики, видно изъ слѣдующаго мѣста изъ манифеста Алексѣя Михайловича къ православнымъ. Польши и Литвы, когда онъ вступилъ въ предѣлы послѣдней въ 1654 г.: „и вы бы, православные христіане, освободились отъ злыхъ, въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе провождали; и сколько васъ Господь Богъ на то добро дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго пришествія раздѣленія съ поляками сотворите, какъ вѣрою такъ и чиномъ (наружностью), хохлы, которые у васъ на головахъ постригите“ (*Соловьевъ*). При такомъ узкомъ обрядовомъ отношеніи къ Западно-Русскимъ провинціямъ, которыя отвоевывали москвитяне отъ Польши, понятно, не могло произойти соединенія. Бѣлоруссы сами призывали великоруссовъ, сносились съ ними, измѣняли полякамъ, но какъ только они почувствовали на себѣ тяжесть московскаго управленія, они очутились въ безвыходномъ положеніи и начали мало по малу снова тянуть къ Польшѣ. Вступая въ подданство подъ „высокую руку“ московскаго Царя, бѣлорусскіе города, однако, старались выговорить себѣ свободу внутренняго управленія, какъ Могилевъ, Смоленскъ и др.: они стремились такимъ образомъ избѣгнуть гоненій на свою народность и православіе со стороны Польши, но свято держались старинныхъ порядковъ свободы, самоуправленія; вотъ какъ напр., договаривались Смольняне въ 1514 г. съ Иваномъ Васильевичемъ: „Даемъ вѣдати, что намъ билъ челомъ нашъ Богомолецъ, нашіе Смоленскіе вотчины Владыка Варсанофей и урядники, окольничіе, и князи, и бояре, и мѣщанѣ и черные люди, о томъ, что намъ ихъ пожаловати, *держати въ ихъ старинѣ*, какъ ихъ держалъ Князь Великій *Витовтъ*, и иные прежднiи Государи ихъ, по той утвержденной грамотѣ, какову далъ имъ Александръ король... а которые отчины за ними, а намъ въ тѣ не вступатися, а развода имъ самимъ не чинити“ и [1]) т. д. Тѣже льготы, даже такіе, какъ ношеніе національной одежды и пр. выговорилъ себѣ въ 1654 г. Могилевъ. Однако, даже даровавъ бѣлорусскимъ городамъ свободу ихъ прежняго самоуправленія, московскіе заправилы не съумѣли войти съ ними въ дружескія братскія отношенія, нарушали ихъ права, наносили обиды гражданамъ по своимъ московскимъ обычаямъ. Города стали измѣнять Москвѣ, переходить на сторону Польши. Отношенія обострялись

---

[1]) Никитинъ „Исторія города Смоленска“, приложеніе стр. XXVIII.

часто до того, что напр. Могилевцы перебили однажды 7-ми тысячный московскій гарнизонъ.

Вступая въ Бѣлоруссію, Москва не имѣла опредѣленной, напередъ выработанной соціальной системы, не знала страны, куда ее звали; она несла въ покоряемыя страны всю тягость своего воеводскаго управленія, московской волокиты; однимъ словомъ, вносила ту же деморализацію, только на восточно-русскій ладъ, какую несло польское владычество съ запада, т. е. то отъ чего бѣжали бѣлоруссы.

Въ виду такого положенія дѣлъ, соединеніе Великой Россіи съ Бѣлоруссіею не могло произойти въ XVII в. при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на слѣдующихъ отношеніяхъ Россіи къ Бѣлоруссіи, такъ какъ это повело бы насъ слишкомъ далеко и отняло бы много времени и мѣста, да при томъ характеръ этихъ отношеній достаточно выясненъ въ упомянутыхъ статьяхъ г. Пыпина. „Бѣлорусская Этнографія". Прибавимъ, что взгляды русскаго правительства на Бѣлеруссію не особенно измѣнилась и послѣ окончательнаго присоединенія ея къ Россіи. Въ 1796 г. Екатерина, присоединяя къ своимъ владѣніямъ бѣлорусскія земли, считала и особенно любила называть ихъ землями, „отъ Польши возвращенными", но „возвращеніе это понималось въ томъ смыслѣ, что Полоцкъ, Минскъ и др. города составляютъ наслѣдіе дома св. Владиміра". представительницею котораго она себя считала. Однако, въ чемъ заключалось, это „наслѣдіе", что собою оно представляло въ прошломъ и настоящемъ, объ этомъ тогдашняя дипломатія не справлялась, хотя съ особеннымъ удареніемъ указывала на то, что Россія только возвращаетъ принадлежащія ей земли по династическимъ правамъ, но неправильно „захваченныя" Польшею. Обыкновенно же до сороковыхъ годовъ настоящего столѣтія, Вѣлоруссія считалась оффиціально „Литвою", или даже, особенно западныя части ея, просто „Польшею". Вслѣдствіе такого взгляда, вмѣсто того, чтобы выдвигать мѣстный элементъ, ему покровительствовать начали выдвигать въ первое время польскій элементъ. Сюда же присоединилось гибельно подѣйствовавшее „обрусеніе" Бѣлоруссіи: посылались чиновники изъ великорусскихъ губерній, большинство которыхъ не оправдало намѣреній правительства: это были люди, не могшіе ужиться, не имѣвшіе мѣста на родинѣ или ѣхавшіе въ Бѣлоруссію изъ жажды къ быстрой наживѣ.

Такіе люди не только не привлекали къ себѣ мѣстныхъ жителей, но напротивъ отталкивали ихъ. Притомъ, неравномѣрныя отношенія къ краю, поднятіе то польскаго элемента въ немъ (при Павлѣ Петровичѣ и Алесандрѣ I), то великорусскаго, посредствомъ присланныхъ чиновниковъ, дѣйствовало крайнѣ не благопріятно на мѣстныхъ жителей: послѣдствіемъ этого мы видимъ быстрое ополяченіе края въ первое время русскаго владычества; вмѣсто того, какъ можно было бы ожидать, что здѣсь выдвигается

мѣстный бѣлорусскій элементъ, выдвигается вдругъ польскій, пришлый. Не только великорусская дипломатія, но даже ученые, какъ напр. Карамзинъ, не всегда имѣли ясное понятіе и о прошломъ о современномъ состоянія Бѣлоруссіи: они указывали на право меча, на династическія права Россіи по отношенію къ „Литвѣ“ и „Польшѣ“, т. е. по отношенію къ бѣлорусскимъ провинціямъ, забывая о томъ, что тамъ живетъ народъ, который имѣетъ большое сходство съ великоруссами, что тамъ тоже Русь (только не Великороссія).

Въ 1835 г. извѣстный историкъ Устряловъ доложилъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода Протасову и министру народнаго просвѣщенія Уварову, что литовское княжество—тоже Русь. Протасовъ, для котораго это важно было, „по политическимъ соображеніямъ“, и Уваровъ пришли отъ этого „въ восторгъ“ (выражая его на французскомъ языкѣ); они рѣшили тотчасъ-же „доложить“ объ этомъ государю. Такъ необширны были понятія русскихъ политиковъ о странѣ, которою они уже правили около полустолѣтія.

Мы остановимся пока на этихъ историческихъ данныхъ объ отношеніяхъ Бѣлоруссіи къ сосѣдямъ и постараемся опредѣлить, какое отношеніе къ нимъ она занимаетъ въ настоящее время.

Въ настоящихъ очеркахъ мы коснулись главнѣйшихъ моментовъ исторической судьбы Бѣлорусскаго народа. Уже изъ этихъ бѣглыхъ очерковъ можно, какъ кажется, вывести заключеніе, что Бѣлорусское племя имѣло свою исторію, отличительную отъ исторіи сосѣднихъ, родственныхъ ему племенъ, свои историческія традиціонныя начала, что эти начала оно когда то упорно отстаивало. Кромѣ того, Бѣлорусскій народъ имѣетъ этнографическія отличія отъ сосѣднихъ народностей, отличается отъ нихъ складомъ своего развитія, понятій и наклонностей. Въ устахъ его еще сохранилась масса пѣсенъ, многія изъ которыхъ дышутъ родной, завѣтной стариной, и рисуютъ бытовую обстановку жизни; въ нихъ воспѣваетъ бѣлоруссъ свою радость и горе; въ нихъ слышится отдаленная пѣснь языческихъ временъ, теперь уже не понятная современнымъ поколѣніямъ, предки которыхъ воспѣвали ихъ нѣкогда въ тѣнистыхъ дубровахъ предъ своими богами.

Много есть пѣсенъ, въ которыхъ бѣлоруссъ вспоминаетъ о своемъ прежнемъ несчастіи: это хватающая за душу пѣснь народа—раба, стонущаго среди гоненій, подъ игомъ чужеземной неволи...

Вообще, народное наше творчество составляетъ наше великое богатство, которымъ бѣлоруссы могутъ гордиться, которое должны поддерживать и сохранять. Наконецъ, есть еще завѣтъ у бѣлоруссовъ—свой языкъ, отличающійся отъ языковъ сосѣднихъ племенъ важными фонетическими и ле-

ксическими особенностями. Языкъ этотъ имѣетъ свою исторію: признаки его замѣтны съ очень древнихъ временъ.

На этомъ языкѣ писанъ цѣлый рядъ грамотъ, договоровъ, литературныхъ памятниковъ и даже извѣстный Литовскій Статутъ; онъ былъ государственнымъ языкомъ въ средніе вѣка, до нач. XVII вѣка, на всемъ обширномъ пространствѣ Литвы и Бѣлоруссіи. На немъ сохранилась наша обширная средневѣковая литература; наконецъ, какъ литературный языкъ, онъ извѣстенъ еще въ половинѣ наатоящаго вѣка, когда появилось не мало писанныхъ этимъ языкомъ беллетристическихъ произведеній.

Мы не станемъ подробно останавливаться на этнографическомъ отличіи бѣлоруссовъ и ихъ языкѣ, такъ какъ, полагаемъ, вопросъ этотъ достаточно обслѣдованъ научной литературой [1]).

Признавая вопросъ объ этнографискихъ особенностяхъ и языкѣ бѣлоруссовъ достаточно рѣшеннымъ и извѣстнымъ читателямъ изъ научной литературы, остановимся на томъ, что составляетъ для всякаго народа его языкъ, исторія и этнографическія особенности. Группа людей, имѣющая свои традиціонныя историческія начала, свои этнографическія особенности и языкъ, такая группа людей составляетъ уже отдѣльную народность, племя, однимъ словомъ *народный организмъ*.

Какъ зачинается каждый народный организмъ,—пока наука не даетъ намъ опредѣленныхъ формъ его зачаточнаго состояніи; этотъ вопросъ предстоитъ рѣшить антропологіи.

Зато историческія изслѣдованія даютъ намъ право вывести общія заключенія о ростѣ народнаго организма, его отправленіяхъ, силѣ и значеніи въ настоящее время. Настоящая жизнь народа есть сумма всего пережитаго имъ, какъ бы онъ не былъ молодъ,—результатъ борьбы и развитія массы предшествовавшихъ поколѣній и, наконецъ, результатъ идей, внесенныхъ разными поколѣніями, вырабатываемый и пережитый другими. Все это и составляетъ сущность жизни народнаго общественнаго организма въ данное время.

Народный организмъ не есть произведеніе данной жизни народа, но по преимуществу мы его разсматриваемъ какъ результатъ прошедшаго, какъ сумму работы предшествовавшихъ формацій поколѣній. Одно поколѣніе идетъ за другимъ, одно смѣняетъ другое,—и каждое изъ нихъ оставляетъ слѣдъ въ исторіи.

---

[1]) Укажемъ по языку труды Карскаго, Надешева, Будуэна-де-Куртенэ, Карпинскаго („Говоръ Пинчуковъ“) и мн. др. По этнографіи имѣемъ сборники Романова, Шейна, Носовича и др.

Этотъ слѣдъ каждаго поколѣнія выражается въ измѣненіи общественныхъ и бытовыхъ формъ народной жизни, что вмѣстѣ вліяетъ на нравственный и соціальный строй народа. Бытовыя и общественныя формы измѣняются у каждаго народа и въ измѣненіи этихъ формъ состоитъ прогрессъ этого народа. Каждое такое измѣненіе формъ народной жизни, внесенное или отдѣльнымъ поколѣніемъ или цѣлымъ рядомъ ихъ, удерживается въ обиходѣ жизни болѣе или менѣе продолжительно, пока, наконецъ, въ свою очередь не состарится и не вытѣсняется новою работою послѣдующихъ поколѣній.

Изъ такихъ формацій и складывается народная жизнь, народный организмъ. Сколько помнитъ себя человѣчество, сколько могли проникнуть современные ученые. археологи, филологи и антропологи, въ прошедшую доисторическую жизнь, вездѣ народный организмъ представляетъ уже результатъ жизни предшественниковъ; однако каждое поколѣніе складывается изъ отдѣльныхъ жизней индивидуумовъ и каждый отдѣльный индивидуумъ имѣетъ въ себѣ идеи времени, и по мѣрѣ силъ выполняетъ частности ихъ. Такимъ образомъ работа органическаго поколѣнія разлагается на болѣе мелкую частичную роботу индивидуумовъ.

Совокупность идей индивидуумовъ есть выраженіе работы поколѣнія. Природа общества есть природа идей и мы пока еще не знаемъ, гдѣ еще кромѣ общества, возникаютъ, рождаются идеи, будетъ ли состоять общество изъ отдѣльныхъ лицъ, или изъ многихъ. изъ цѣлаго народа.

Идеи, вырабатываемыя послѣдующими формаціями поколѣній народа, по частностямъ созидаются отдѣльными индивидуумами, которые вносятъ свою лепту въ общую сокровищницу народной жизни: изъ идей индивидуумовъ рождаются и формируются идеи общества. Но въ то же время каждое предшествующее поколѣніе его вырабатываетъ основу для послѣдующаго развитія поколѣній и отдѣльныхъ индивудумовъ. Задача работы народнаго общественнаго организма сводится къ выработкѣ высшаго, въ нравственномъ и умственномъ смыслѣ, индивидуума. Высшая степень развитія индивидуальной жизни и свободы – и есть высшая степень развитія каждаго народа въ частности, въ общемъ всего человѣчества.

Чѣмъ выше стоитъ общество, тѣмъ свободнѣе, въ нравственномъ, умственномъ и соціально-политическомъ отношеніяхъ въ немъ поставленъ индивидуумъ. Чѣмъ разнообразнѣе и свободнѣе жизнь индивидуумовъ, тѣмъ быстрѣе общество движется на пути прогресса. „Что предохраняло до сихъ поръ Европу отъ подобной участи (Китая)? Почему семья европейскихъ народовъ была до сихъ поръ не неподвижною, а постоянно совершенствующеюся частью человѣчества? Не потому, конечно, чтобы европейскіе народы

имѣли какое нибудь превосходство предъ другими народами, такъ какъ это превосходство, если оно и существуетъ, во всякомъ случаѣ есть слѣдствіе, но не причина, а потому, что они постоянно отличались большимъ разнообразіемъ характеровъ и культуры. Индивидуумы, классы общества, народы, все это представляетъ въ Европѣ весьма рѣдкое разнообразіе, и всѣ эти разнообразія стремились къ прогрессу весьма различными путями",—говоритъ извѣстный Джонъ Стюартъ Милль. „Этому разнообразію путей",—заключаетъ онъ далѣе,—„Европа и обязана, по моему мнѣнію, своимъ прогрессивнымъ развитіемъ"[1]). Въ развитіи народнаго общественнаго организма имѣетъ значеніе не одно только равномѣрное развитіе поколѣній и составляющихъ ихъ индивидуумовъ, но и другіе факты, оказывающіе на народъ то или другое воздѣйствіе. Мы не можемъ согласиться вполнѣ съ теоріей нѣкоторыхъ историковъ, извѣстною въ русской исторической наукѣ подъ именемъ *субъективной*, представителемъ которой является маститый ученый С. М. Соловьевъ; теорія эта видитъ въ народномъ общественномъ организмѣ альфу и омегу его существованія и развитія, такъ что воздѣйствіе *постороннихъ* факторовъ не можетъ оказывать на него своего вліянія: порабощенія народовъ, даже его передвиженія, появленіе сильныхъ историческихъ личностей—всѣ подобныя явленія оказываются безъ воздѣйствія на народную жизнь. Разъ зародился народный общественный организмъ, у него уже есть свои политическія и соціальныя задачи, у него уже заранѣе опредѣлена форма служенія человѣчеству и пр. Къ функціонированію этихъ задачъ стремится народъ, хотя и безсознательно; въ этомъ состоитъ его міровая миссія и цѣль жизни.

Ничто постороннее не можетъ воспрепятствовать ему къ достиженію цѣлей, появившихся при зародышномъ состояніе организма: онъ неуклонно стремится къ своимъ задачамъ. Такъ гласитъ исторія субъективная. Съ нею нельзя вполнѣ согласиться: въ дѣйствительности исторія даетъ намъ противоположные факты. Она намъ указываетъ, что различные факторы исторической жизни имѣютъ важное значеніе въ жизни народа.

Они не только усиливаютъ или замедляютъ выполненіе историческихъ функцій въ жизни народа, но и вліяютъ на умственный и соціально-политическій складъ его.

Такъ, на жизни Московскаго государства отразилось нѣсколько татарское иго, сношенія его съ Византіею, сліянія его сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ великорусскихъ колонизаторовъ съ финскими племенами и пр.; еще и до сихъ поръ вліяніе этихъ историческихъ факторовъ нельзя отрицать въ жизни современной Великороссіи.

[1]) См. его «Утилитаріанизмъ и о свободѣ», пер. Невѣдомскаго С. П. Б. 1882 г. стр. 293 и 294.

Татарско-византійское вліяніе, начиная съ XV вѣка, красной нитью проходитъ по всей политической исторіи Великорусскаго племени; мало того: оно оставило свой слѣдъ въ семьѣ, въ характерѣ великоросса. Можно-ли отрицать, какъ это дѣлаютъ субъективисты, значеніе и вліяніе татарскаго ига?

Какъ согласить сравнительно высокій уровень образованія и развитія древне-русскихъ племенъ, или ихъ соціально-политическое устройство съ послѣдующимъ рабствомъ и отупѣніемъ Московскаго народа.

Въ жизни каждаго народа мы можемъ наблюдать подобные этому примѣры воздѣйствія историческихъ факторовъ на укладъ народной жизни.

Соединеніе Бѣлоруссіи и Литвы съ Польшею ускорило политическую смерть послѣдней, подготовивъ ей тотъ историческій гробъ, куда вело ее неустройство Рѣчи Посполитой. Для Бѣлоруссіи тоже соединеніе оказалось гибельнымъ въ томъ смыслѣ, что послѣдовавшая религіозная и соціальная борьба ея населенія съ шляхтою оторвала силы Бѣлорусскаго племени отъ работы надъ саморазвитіемъ и содѣйствовало тому политическому омертвѣнію ея, которое сказалось въ послѣдующихъ событіяхъ.

И такъ, нужно признавать вліяніе на жизнь каждаго народа различныхъ историческихъ факторовъ, но задача исторіи указать, на сколько тотъ или другой факторъ имѣлъ дѣйствительное наченіе въ жизни народнаго общественнаго организма.

Таково развитіе народнаго общественнаго организма. Мы позволили себѣ остановиться на свойствахъ его потому, что намъ придется еще указать на значеніе сложившагося уже организма. Сложившійся народный организмъ имѣетъ, какъ мы видѣли, свои историческія традиціонныя начала принадлежностью его бываетъ его языкъ, литература устная или даже письменная и этнографическія особенности, связанныя болѣе или менѣе съ природными условіями мѣстоположенія народа и его истеріею; прибавьте ко всѣму этому особенности географическаго положенія и физіологическаго строя организма индивидуумовъ,— и мы получимъ признаки и качества, которыми обособляется одно племя отъ другого, одинъ народъ отъ другого, которыя даютъ ему права называться *народомъ, племенемъ* въ семьѣ другихъ народовъ.

Эти признаки племени имѣютъ великую силу для общественнаго организма; они поддерживаютъ его, идутъ и совершенствуются съ нимъ рука объ руку и, наконецъ, пока они существуютъ, будетъ существовать народъ, племя.

Особенно важнымъ тутъ является языкъ: пока въ народѣ живъ его языкъ, — живъ и самъ народъ, съ потерей его племя лишается своего *народнаго* самознанія и исчезаетъ въ массѣ поглотившей его силы.

Не мало народностей погибло, утративъ свои племенныя особенности:

на сѣверо-востокѣ такъ затерялись въ массѣ великорусскихъ колонистовъ тюрко-финскія племена, нѣмецкіе колонисты основали цѣлыя государства на развалинахъ славянскихъ племенъ, болѣе слабыхъ по своимъ особенностямъ.

Такъ умираетъ народъ, теряя свои особенности и сливаясь съ болѣе сильнымъ племенемъ, поглощающимъ его.

Но за то и наоборотъ: народъ, лишенный политической жизни, подавляемый внутреннимъ гнетомъ, иногда на цѣлыя столѣтія сходящій съ политической арены и какъ бы замирающій,—такой народъ, если онъ не потерялъ своего языка, этнографическихъ особенностей и пр.,—снова выдвигается на арену, если не политической, то по крайнѣй мѣрѣ соціальной и умственной жизни. Таковы свойства и крѣпость народнаго общественнаго организма: сохраняя свои особенности, онъ не можетъ погибнуть, затеряться, пока не свершитъ своей миссіи въ общей исторической судьбѣ міра. Такъ было со многими племенами. Не такъ то давно, въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка, многіе и забыли о существованіи нѣкоторыхъ западно-славянскихъ и юго-славянскихъ племенъ: ихъ, съ потерей политической самостоятельности, считали сходящими съ жизненной арены, жалкими остатками.

Имя нѣкогда великой Чехіи къ этому времени уже почти сошло съ карты Европы; большинство чеховъ, особенно горожанъ и дворянства, лишилось языка, и признаки чешской національности жили еще кой-гдѣ въ деревняхъ. Но это были бѣдные крестьяне, подавленные работой, забывшіе о своемъ великомъ прошломъ, шедшіе по пути онѣмеченія; многіе гнушались чешскаго имени: оно дѣлалось чуть ли не позорнымъ. Чешскіе крестьяне сохранили только свой языкъ, забытую народную поэзію, въ которой слышалась иногда отдаленная пѣснь о славномъ прошломъ.

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ—Чехія и чехи измѣнились: о нихъ заговорили европейская наука и повременная печать, чехъ съ гордостью поднялъ голову; онъ имѣетъ теперь богатую литературу, языкъ ихъ раздается съ высоты профессорской кафедры, чехи много сдѣлали въ области науки, они пріобрѣли себѣ политическія права и требуютъ автономіи: многіе, онѣмеченные уже, чехи снова возвратились въ лоно своей народности. Произошло, такимъ образомъ возрожденіе чешской народности.

Нашлись патріоты, которые напомнили чехамъ объ ихъ историческомъ славномъ прошломъ, о томъ, что ихъ языкъ, какъ и языки другихъ народовъ, былъ нѣкогда языкомъ литературы, что онъ и теперь еще не потерялъ своихъ особенностей и своей прелести и можетъ служить для развитія новой литературы.

Такимъ же образомъ и на тѣхъ же основахъ произошло возрожденіе и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Еще недавно, послѣ австро-венгерской

войны, поляки всему міру заявили, что австрійское правительство „выдумало“ русиновъ въ отпоръ польскимъ стремленіямъ. Правда, правительство дѣйствовало тогда не безъ задней мысли, желая ослабить поляковъ, но относительно русинской народности оно поступило вполнѣ справедливо, даровавъ ей кой-какія политическія права и офиціально признавъ ея существованіе; съ тѣхъ поръ литература и языкъ русиновъ получили право гражданства.

Возрожденіе сербовъ началось послѣ изданія Караджичемъ собранія сербскихъ народныхъ пѣсенъ; для возрожденія Болгарскаго племени много потрудился Венелинъ, наконецъ, начало малорусской новѣйшей литературы считается съ появленія „Энеиды“ Котляревскаго.

Конечно, возрожденіе каждой славянской народности сопровождалось массой различныхъ мелкихъ причинъ, но это были побочныя обстоятельства. Главное состояло въ томъ, что славянскія народности не успѣли утратить своихъ племенныхъ особенностей, а потому возрожденіе ихъ нужно признать обязательнымъ.

Послѣ указанія на законность возрожденія народныхъ организмовъ, при извѣстныхъ условіяхъ, для насъ возникаетъ весьма важный вопросъ: что представляетъ, по существу, возрожденіе національности—положительное для нее благо, или зло?

Вопросъ этотъ весьма важенъ, такъ какъ съ рѣшеніемъ его выясняется, слѣдуетъ ли народности стремиться къ возрожденію, или нѣтъ. Окончательный отвѣтъ на это дастъ будущее, когда будутъ подведены итоги возрожденію различныхъ народностей, проявившемуся въ нашемъ вѣкѣ. Однако, въ данное время кое-что уже можно видѣть изъ исторіи и результатовъ возрожденія славянскихъ народностей.

Когда тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ данъ толчекъ къ возрожденію народности, силы ея обновляются, въ ней начинается новая жизнь, кипучая дѣятельность на поприщѣ общественномъ и научномъ.

Дѣятельность вызываетъ новые таланты изъ среды народной. Силы, вызванныя возрожденіемъ, отдаютъ свой трудъ своей родинѣ.

Возбужденіе въ жизни народа всегда полезно, потому что оно вызываетъ усиленную дѣятельность общественную, вызываетъ новыя силы.

Во время такого возбужденнаго состоянія народъ весьма много переживаетъ, что способствуетъ быстрому его культурному росту. Исторія возрожденія славянскихъ народностей представляетъ наглядные тому примѣры. Возродившаяся Малороссія выдвинула изъ себя цѣлый рядъ свѣтлыхъ, талантливыхъ личностей, обратившихъ свои интеллектуальныя силы на пользу роднаго народа; это были: профессоръ—Бодянскій, Гулакъ-Артемовскій, Максимовичъ, Костомаровъ и др., цѣлый рядъ ученыхъ, не занимавшихъ столь высокаго общественнаго положенія, и наконецъ, солидный рядъ по-

этовъ и беллетристовъ, начиная съ Котляревскаго, Шевченка, Квитка, Гребенки и многихъ др.

Всѣ эти люди воздвиглись къ своей дѣятельности вслѣдствіе горячей любви къ своей родинѣ, ея прошедшему и настоящему, вслѣдствіе искренняго желанія помочь ей, облегчить ея страданія, вывести ее изъ мрака невѣжества, въ которомъ находилась Малороссія; большинство ихъ вышли сами изъ среды невѣжественной и это имъ придавало силы въ послѣдующей борьбѣ. Кому неизвѣстны пламенныя, хватающія за душу обращенія Шевченка къ своему пароду?

„ . . . . пошли
Подай души убогой сылу,
Щобъ огненно заговорила,
Щобъ слово пломенемъ взялось,
Щобъ людямъ сердце ростопыло
И по Украйни пронеслось.
И на Украйни свѣтылось
Те слово чистое, кадыло
Чистѣйшей истины".

Или извѣстное его:

„Обнимытежъ, браты мои,
Найменшаго брата;
Нехай маты усмихнеця,
Заплакана маты...
И забудется срамотня
Давняя годына,
И оживэ добра слава,
Слава Украины;
И свитъ ясный, не вечерній
Тыхенько засяе...

Огненныя слова Шевченка дышутъ горячей любовью къ родинѣ и ея населенію; послѣднее составляетъ отличительную черту всѣхъ, какъ современныхъ ему, такъ и послѣдующихъ и настоящихъ дѣятелей Малороссіи.

Таковы свойства не только малорусскаго возрожденія, но и всякаго славянскаго племени: въ Чехіи, въ Сербіи, въ Хорватіи—вездѣ мы встрѣчаемъ туже идею, руководящую мѣстныхъ дѣятелей: горячую самоотверженную любовь къ родинѣ, подтверждающую плодотворную дѣятельность на ея пользу.

Мы удерживаемся отъ приведенія другихъ примѣровъ, что выходитъ за предѣлы предначертанной нами статьи.

Скажемъ только, что все, что даетъ намъ въ настоящее время исторія возрожденія славянскихъ народностей, въ виду вышеприведенныхъ отли-

чительныхъ качествъ, сопровождающихъ его, оно должно быть признано великимъ благомъ для каждой народности.

Что касается собственно бѣлоруссовъ, то это племя еще ждетъ своего изслѣдователя, который бы указалъ на основанiи изученiя его прошлаго и настоящаго, положенiе его среди родственныхъ ему славянскихъ племенъ.

Въ какое отношенiе оно станетъ къ нимъ, покажетъ будущее. До сихъ поръ, къ сожалѣнiю, мы не имѣемъ ни одного труда, который бы обнималъ современное состоянiе, или прошлыя судьбы Бѣлоруссiи.

Конечно, это очень печально и вся вина въ этомъ падаетъ на ученыхъ, вышедшихъ изъ среды бѣлоруссовъ, но обратившихъ свои силы на другiе предметы.

Между тѣмъ, прошлое Бѣлорусскаго племени представляетъ для изслѣдователя не мало интереса. Исторiя его не блещетъ знаменитыми битами, завоеванiями, у него не было полководцевъ, которымъ хронисты вложили бы въ уста рѣчи, но за то исторiя его въ высшей степени интересная въ бытовомъ отношенiи, исторiя борьбы бѣлорусскихъ культурныхъ началъ съ польскими.

Въ изученiи быта народа и заключается главный интересъ исторiи; въ этомъ отношенiи наша родина представляетъ не початый край.

Остается только желать, чтобы въ самомъ скоромъ времени было изслѣдовано прошлое и настоящее Бѣлоруссiи, чтобы современники, зная его, могли начать снова культурную работу въ пользу своего племени, какъ это было и есть у другихъ, раньше насъ пробудившихся, славянскихъ народностей...

Солнышко и мѣсяцъ въ бѣлорусской свадебной поэзіи *).

Почитаніе солнца и мѣсяца, какъ божествъ-покровителей брака, представляетъ очень распространенное явленіе въ первобытныхъ языческихъ религіяхъ. Обычно мѣсяцъ является началомъ мужскимъ, женихомъ, солнце —невѣстою, хотя встрѣчаются и обратныя представленія. Эти небесныя свѣтила являются, по общему представленію аріевъ, божественною брачной парой, бракъ которой служитъ прототипомъ человѣческихъ браковъ. Какъ божествамъ, живущимъ въ бракѣ, люди отдавали подъ покровительство солнцу и мѣсяцу земные браки. Вотъ отчего въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ аріевъ мы встрѣчаемъ не мало остатковъ поклоненія этимъ божествамъ. Кромѣ того, любовь мѣсяца и солнца, ихъ бракъ, повели къ созданію прекрасныхъ поэтическихъ миѳовъ.

Уже гимны Ригъ-Веды поютъ о бракѣ Сомы-мѣсяца съ Сурьи,—солнцемъ или солнцевой дочерью. Въ германскихъ сказаніяхъ—солнце—Frau Sonne, мѣсяцъ — Herr Mond. Миѳы грековъ и римлянъ не менѣе богаты сказаніями о бракѣ солнца и мѣсяца.

Въ народныхъ воззрѣніяхъ до сихъ поръ сохраняются крупные слѣды почитанія солнца и мѣсяца, особенно послѣдняго, какъ брачныхъ божествъ; они—устроители браковъ. Нѣмецкая дѣвушка, возлюбленный которой равнодушенъ къ ней, говоритъ, обращаясь къ мѣсяцу: „Поздравляю тебя, богъ, любезное вечернее свѣтило; я охотно смотрю на тебя сегодня и всегда; покажись на краю ложа моему возлюбленному; не дай ему сна, не дай ему покоя, чтобы онъ долженъ былъ придти ко мнѣ“ (Wuttke, Deutsche Aberglaube 342). Калабрійская невѣста такъ обращается къ мѣсяцу, прося его о счастіи въ супружеской жизни: „Мѣсяцъ, святой мѣсяцъ, дай мнѣ счастливую судьбу“ (Dorza, La tradizione gr.--lat. negli d. Calabria, p. 55).

---

*) Напеч. въ „Мин. Листкѣ“ 1894 г. № 80.

Особеннымъ интересомъ отличаются литовскія пѣсни. Мы приведемъ одну изъ нихъ:

Мѣсяцъ—батюшка
Долю выдѣлялъ,
Солнце—матушка
Приданое готовила.
Сетинъ—братецъ
Въ поле провожалъ,
Звѣзды сестрицы
Кушаки ткали,
Божье дерево—мой милый
Вѣнокъ сплеталъ.

(Юшкевичъ, Литовскія нар. пѣсни, СПБ. 1867, 5 — 6).

Въ славянскихъ миѳахъ и поэзіи солнце и мѣсяцъ играютъ очень важное значеніе. Мѣсяцъ считается подателемъ здоровья, богатства. Солнце въ славянской поэзіи является то мужскимъ, то женскимъ началомъ. Великороссы называютъ его царь, князь, болгарскія пѣсни — женихомъ, хорваты представляютъ солнце статнымъ воиномъ. Но женскій обликъ солнца обычнѣе: великорусскія пѣсни называютъ его красной дѣвицей, сербы представляютъ его съ длинными волосами, а чехи знаютъ о солнцѣ—матери. Не менѣе обычно представленіе о солнцѣ и мѣсяцѣ, какъ супружеской парѣ (Hanus Machal, Nakres slovanskego bajeslovi, Praha, 1891, стр. 44—45, 47, 54; Сумцовъ, о свадебныхъ обрядахъ, 51).

Въ бѣлорусской народной поэзіи, особенно свадебной, мы находимъ очень значительные остатки почитанія мѣсяца и солнца, при чемъ первый —неизмѣнно мужское начало, второе—женское. Рядомъ съ этимъ невѣста иногда называется „зоранькой", сравнивается съ нею, такъ что наши пѣсни поютъ то о свадьбѣ мѣсяца съ солнышкомъ, то мѣсяца съ зоренькой, утренней зарей.

Въ пѣснѣ, въ которой свадебная дружина напоминаетъ, что пора невѣстѣ ѣхать въ домъ жениха, говорится, что невѣста должна просить благословенія у родителей, сосѣдей и

У яснаго солнца,
У широкаго мѣсяца,
У дробныхъ звѣздъ. (Шейнъ, Матер. II 145).

Этотъ отрывокъ интересенъ указаніемъ, что солнце, мѣсяцъ и звѣзды призываются благословить невѣсту, какъ божества - покровители брака.

Небесныя свѣтила, по понятіямъ бѣлорусса,—источники всякаго благоденствія, ихъ товарищъ—дробенъ дождикъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ одна колядка:

Застилайте столы, кладите пироги (въ жертву),

Къ намъ найдуть любые гости:
Первый гостикъ—ясенъ мѣсяцъ,
Вторый гость—жаркое солнейко;
Третій гость—дробенъ дождикъ;
Ясенъ мѣсяцъ выхваляется:
Якъ взыйду я, взыйду поздно съ вечера,
Да взрадуются купцы въ дорози,
А рыба въ морѣ, звѣри въ полѣ.

Отъ солнца „взрадуется" „людъ хрещенный", а отъ дождика—въ полѣ „всякая пашница" (Радченко, Гомельскія пѣсни, 115).

Сопоставленія невѣсты съ солнцемъ мы встрѣчаемъ въ сравненіяхъ, въ родѣ слѣдующихъ:

1) Ишло мило солнышко коло лѣсу,
Роняло искорья по закустьецу,
Ишла, ишла Машечка коло столика и т. д. (Шейнъ, Матер., II, 332).

2) На дворѣ сонейко заходзиць,
Кацяринка Марцинка проводзиць. (Янчукъ, по Минск. губ., 51).

3) Отчини, матынька, ваконца,
Вязу тебѣ невѣсту, якъ сонца. (Шейнъ, Бѣл. п., 348).

4) Адчини, мамухна ваконца,
Вотъ табѣ невѣстка, якъ сонца (Piosnki wesniacze Чечота, 44).

5) Ой, жарка, жарка да у лузи калина,
Да ще найжарчѣй таго да паненька у матки.
Па дворѣ ходзя, увесь дворъ красуя,
Да на ганю узышла, ганя зазвянѣла,
Да у хату зашла, якъ сонца узашло,
На посадзи сѣла,—якъ рожа сьпѣла. (Мое собраніе изъ Бобр. у.).

Во всѣхъ этихъ отрывкахъ очевидно сопоставленіе невѣсты съ солнцемъ.

Съ другой стороны, встрѣчаемъ сравненія невѣсты съ зарей, зоренькой, въ родѣ слѣдующихъ:

1) Што то за зора
У татки на дворѣ?
Дзѣвечка съ ципломъ ходзиць,
Дзѣвечекъ побуждаець. (Шейнъ, 87).

2) Да не зорка свѣцила,
Тамъ Гануличка ходзила,
Тамъ Ивановна ходзила,
Зъ залатыми ключами. (ib., 293).

Мѣсяцъ всегда является мужскимъ началомъ:

Да у мѣсяца два рожичька востренькихъ:
Одзинъ рожичикъ зямну воду освяцiу,
Други рожичикъ на неби звѣзду суличиу.
Ды у Андрейка два брацитки родненькихъ и т. д. (Шейнъ, Бѣлор. п., 324).

Рожки мѣсяца—два брата его. Но и самъ женихъ—мѣсяцъ. Это видно изъ слѣдующихъ сопоставленій:

1) Чи высокъ мѣсяцъ на зарѣ,
Ти хорошъ, пригожъ Иванъ на конѣ. (Радченко, Гомельскія пѣсни, 81).

2) Ой, что-жъ это за мѣсячко,
Въ ночи свѣтить, а въ день нѣ?
Ой, чтожъ это за милый,
Лѣтомъ любиць, а зимою—нѣ? (ib. 127).

3) Да аткель ясенъ мѣсяцъ изыйде?
Да аткель малады дзѣцинка придзе?
Зыйшоу ясенъ мѣсяцъ зъ зорями,
Прiѣхау малады дзѣцинка зъ сестрами (Янчукъ, по Минской губ., 57).

4) Откуль, отсюль ясный мѣсяцъ взыйшовъ,
Откуль, отсюль Игнатка пришовъ
Откуль, отсюль ясный мѣсяцъ блеснувъ,
Откуль, отсюль Игнатка у ворота скакнувъ (Дембовецкій, Опытъ, т. II, 686).

Мать родила жениха, говорится въ пѣснѣ, и
Мѣсяцемъ обгороздила
Зарей подпиразала (Шейнъ, Мат., II, 344).

Но наиболѣе интересный мотивъ—это бракъ мѣсяца и солнца, которое называется иногда красной дѣвицей, или бракъ мѣсяца съ зоренькой. Иногда невѣста мѣсяца прямо называется „дзѣвачкой“:

Да мѣсячикъ, дзяцинка, мѣсячикъ,
Чаму ты стоишъ да не сядзешъ?
Ци ты сабѣ мѣсьцяйка да не найдзешь?
Да кладзи таляро на миси,
Для свое дзѣвачки садзися (Мое собраніе).

Это поется передъ выкупомъ невѣсты; мѣсячикъ, подобно жениху, долженъ купить себѣ невѣсту. Но чаще онъ, какъ бравый молодецъ, добываетъ себѣ дѣвицу. Онъ не боится тестя и предупреждаетъ о своемъ нападеніи:

Мѣсячикъ навокала пеба ходзиць,
Малады Антоська изъ Ганнаю за столъ заходзиць.
Листэ писаци, да да цесьця,—слаци:

— Будзь сабѣ, песьця, да ня погняви,
Я у цибе буду, да тысячу люду,
Да памишь таго люду я самъ тамъ буду.
Не дзеля обѣду, не дзеля сняданья,
Але къ своей Ганнацы на заручанья (Мое собраніе).

Другія пѣсни прямо говорятъ о женитьбѣ мѣсяца и солнышка: мѣсяцъ—женихъ, солнышко—невѣста:

Божа раданька перелятѣла
Черезъ тую рыдельку (изба) Лукашкину.
Веселая рыдалька Лукашкина,
А у кути мѣсяцъ—Лукашечки.
А на палу рыдельки теплое совнушко,
Теплое совнушко—Прасковіечка (Дембовецкій, I, 524).

Приведемъ еще одну пѣсню изъ Смоленской губ.:

Изъ-за моря синяго,
Изъ-за лѣса цемнаго,
Изъ-за поля чистаго
Выхадзиу ясменъ мѣсяцъ,
По заутрань ранешенька
Выходило красно солнышко,
Ясменъ мѣсяцъ—то Иванушка,
Красно сонце—то Аленушка (Шейнъ, Мат., II, 423).

Другія пѣсни говорятъ о бракѣ мѣсяца и зораньки. Мѣсяцъ—„переборничекъ".

Перебравъ усихъ зоричекъ,
Якъ выбравъ сабѣ Зоричку,
Хоть маленьку—ясненьку,
Межъ усихъ Зоричекъ видненьку,

Такъ и переборничекъ дѣтинка—перебираетъ дѣвушекъ (Дембовецкій, I, 549).

Женихъ въѣзжаетъ съ своею невѣстою въ избу, подобно тому какъ мѣсяцъ „взводитъ зораньку":

А взыйшовъ мѣсячикъ надъ избою,
А узвелъ Зорынку за собою:
Тутъ табѣ, Зорынька, свѣту ждать.
А узъѣхавъ Іванька къ татку на дворъ,
А увезъ Марьячку за собой:
Тутъ табѣ, Марьячка, вѣкъ вѣкувать. (Романовъ, Бѣл. Сбор., I, 358).

Сродный мотивъ развивается въ одной пѣснѣ, записанной въ Смо-

ленской губ., но гораздо полнѣе; ее поютъ, когда свадебный поѣздъ отправляется въ домъ жениха:

Взошовъ мѣсячекъ
Надъ избою
Енъ узьвевъ Зораньку
За собою,
Поставивъ Зораньку
Поплечь сабѣ:
„Стой, моя Зоранька,
Якъ я стою“.
— Я уже, мѣсячекъ,
Настаявся.
„Сьвяци, моя Зоренька,
Якъ я свѣчу“.
— Ой, я уже мѣсячекъ,
Насвѣцився,
По цемныхъ тученькахъ находзився.
Узъѣхавъ Петрушка
На бацькинъ дворъ и т. д. (Шейнъ, Мат., II, 451).

Мѣсяцъ-женихъ, его невѣста—зоранька, звѣзды—его сваты:

Залѣзные калы звеняць,
Да сивы кони иржаць.
Ды узъѣхау мѣсяцъ надъ избой,
Ды ня знаць мѣсяца за звѣздами,
Только знаць мѣсяцъ по Зораньцѣ,
Ды ня знаць Хведарки за сватами,
Ды знаць Хведарку по шапоццѣ:
На имъ шапочка, какъ жаръ горыць,
За нимъ сваточки, якъ макъ цвициць. (Шейнъ, Бѣл. п., 367).

Въ одной пѣснѣ поется о свадьбѣ мѣсяцева сына и зорькиной дочери. Эта пѣсня еще замѣчательна и тѣмъ, что поется въ началѣ свадебнаго пира, т. е. собственной свадьбы, и служитъ, такъ сказать, обращенiемъ къ мѣсяцу и зоранькѣ:

Ай мѣсяць сына женицъ,
Зорка дочку замужъ даець,
Ай мѣсяцъ у радысьци,—
Зориинька у жалысьци.
— Ай свекырка сына женицъ.
Ай цещынька дочку замужъ даець,
Ай свекырка у радысьци,
Ай цещынька дый у жалысьци (Шейнъ, Мат., II, 6).

Приведенныя данныя о мѣсяцѣ, солнцѣ и зарѣ даютъ право сдѣлать тотъ выводъ, что бѣлорусская народная поэзія, преимущественно свадебная, сохранила остатки сказаній о свадьбѣ мѣсяца съ солнышкомъ или съ зарей. Эта божественная брачная пара, прототипъ человѣческаго брака, является покровительницей послѣднихъ; къ мѣсяцу и солнцу обращаются пѣсни въ надеждѣ на ихъ благословеніе, освященіе заключаемаго брака.

Свадебныя пѣсни Пинчуковъ*).

Пинщина и ея жители Пинчуки давно интересуютъ и науку и образованное общество. Это край чудовищныхъ болотъ, первобытныхъ лѣсовъ, о которомъ въ обществѣ ходитъ немало чисто миѳологическихъ разсказовъ. Онъ остается, въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ мало извѣстнымъ. Этнографическія изслѣдованія, изученіе его населенія, его нравовъ и обычаевъ, языка, экономическаго состоянія—все это почти не затронуто наукою. Одни описанія устарѣли, неполны, другія—въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ разбросаны въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ за прошлые годы, недоступныхъ для публики.

Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ я рѣшился познакомить интересующихся читателей съ маленькой частичкой изъ быта населенія этого края. Одна изъ интересныхъ особенностей Пинчуковъ—это ихъ пѣсни. Лирика ихъ отличается высокими поэтическими качествами, обнимая самыя разнообразныя стороны народной жизни. Я выбралъ отдѣлъ свадебныхъ пѣсенъ. Разбирая поэтическія мотивы этихъ пѣсенъ, можно выяснить цѣльные поэтическія образы главныхъ лицъ обряда, жениха и невѣсты, ихъ отношенія между собою, къ семьѣ своей и чужой и пр. Рядомъ съ мотивами, имѣющими интересъ только съ точки зрѣнія изученія народной лирики, мы встрѣчаемъ и мотивы изъ отдаленнаго религіозно-бытоваго прошлаго. Присутствіе послѣднихъ понятно, потому что свадебный обрядъ и пѣсни создавались вѣками и цѣлые вѣка сохраняются народомъ. Ясно поэтому, что въ народныхъ пѣсняхъ о свадьбѣ мы встрѣчаемъ и такіе мотивы, которые рисуютъ намъ брачныя отношенія въ болѣе первобытную эпоху. Выясненіе всѣхъ этихъ мотивовъ и составляетъ предметъ предлагаемаго очерка.

---

*) Напеч. въ 1893 г.

Матерьяломъ для него послужили пѣсни, записанныя лично авторомъ въ Пинщинѣ [1]). Кромѣ того я воспользовался и сборниками моихъ предшественниковъ [2]).

I.

Невѣста.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ Пинчуковъ отразились мотивы и отдаленнаго культурно-религіознаго прошлаго, и рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ картины современной повседневной жизни.

Центральными лицами, къ которымъ такъ или иначе относится большая часть пѣсенъ,—это, конечно, женихъ и невѣста, ихъ отношенія другъ къ другу, къ семьѣ своей и чужой, ихъ будущее счастье и пр.

Съ особенной симпатіей и тихою грустью относятся пѣсни къ молодой. Собираясь къ вѣнцу „дѣвонька росу брала“ съ зеленой руты: этою росою она умывается. По другой пѣснѣ, росу она собираетъ съ яблони. Русая коса ея („роса кэса“)—до пояса, „сукынька да до мураўки“ на ней „рутяный вѣночокъ, шоўковый коснычокъ“ Сама она—„чирвона-бѣла“. Въ общемъ, одна пѣсня такъ рисуетъ наружный видъ молодой:

Тонкая бы былина, чирвоная бы калина,
Высокая бы тополина.

Другая пѣсня говоритъ, что невѣста—

Наражена як панятко,
Посажена як князятко.

„Не сварыся, матка“, говорится въ другомъ мѣстѣ невѣстою, что я опоздала: въ новомъ костелѣ долго „барылася“: „стояла годину, пуки звэнчали, стояла другую—людэ не познали“:

Чи то мѣщанка, чи то боярка?
На ей сива свита зъ окладомъ шита,
Пэрсцень кованы и другъ кохаиы [3]).

Одна пѣсня дѣлаетъ очень поэтическое сравненіе невѣсты съ пчелою, хмарою, дождикомъ и пр. Мы приведемъ этотъ интересный отрывокъ, въ которомъ народная поэзія собрала всѣ любимые обороты, чтобы охарактеризовать симпатичную для нея личность:

Да сіяла нэвѣста чоронъ макъ,
Нэ ўдаваласа свюкру ў знакъ:

---

[1]) Книга вышла въ 1895 г., подъ загл. „Пѣсни Пинчуковъ“, Кіевъ.

[2]) Эти сборники: Булгаковскій „Пинчуки“ С.П.Б. 1892 г., Zieńkiewicz, Piosnki gminne Ludu Pińskiego, Kovno, 1851, ст. Бочковскаго въ IX т. Zbióra viadomosci do anthropol. kr.—Краковской Академіи Наукъ, и ст. Кольберга въ XIII т. того же собранія.

[3]) Zieńkievicz, p. 66.

Ой лисомъ шла пчолою,
Пыдъ сэло подошла хмарою,
А ў сэло узышла дождджичкомъ,
На двыръ сплыла рычкою,
А ў сини упала щукою,
А ў хату ўлизла павою,
За столомъ сѣла панею;
Іи свикратко нэ познаў,
Да іи панею назваў.

Подобныя сравненія мы встрѣчаемъ и въ другихъ пѣсняхъ. Вчера рѣчка была быстрою, говорится въ одной изъ нихъ, сегодня притихла, потому что на нее понаплыли „човнычки“, понавысли лозы:

Ты быстрая рыченька!
Ты ўчора была быстрэнька,
А тепэра стоишь тыхэнька,
— Якъ же мни быстрэнькой бути?
Що на мэне човночки наплывли,
Що на мэне лозоньки нависли!

Такъ и молодая Ганночка: вчера она была веселая, сегодня „смутненька“ сидить. Что за причина, спрашиваетъ пѣсня?

— Якъ же мни вэселэнькой бути?
Що осѣла мэне чужая сторона,
Все Януськова родина [1]).

Вообще, пѣсни охотно сравниваютъ женщину съ атмосферической водой. По одной—„бѣгло сонце противъ хмары“ и проситъ у нея спрятаться: такъ и невѣста бѣжитъ къ матери и проситъ спрятать ее отъ жениха.

Народная поэзія даетъ невѣстѣ самыя нѣжныя сравненія. Въ одной пѣснѣ она сравнивается съ „кункой“—куницей: „да ѣхалы жъ мы тымъ слѣдомъ, куды наша кунка бѣгла“. Кунка бѣжала, „росыцу потрусила“ и пригласила всѣхъ гостей на „одынъ вэчорокъ, на солодки мэдокъ“ Но особенно часто она называется „зазўлькой“,—кукушкой. Она попала на дворъ свекра, какъ лѣсная кукушка въ садъ, откуда—„сюды гляне, й туды гляне,—некуда вылятѣть“: съ одной стороны вишневый садъ, съ другой виноградъ.

Другая пѣсня спрашиваетъ:

Дэжъ наша зузулечка,
Чы у орла пыдъ крылечкомъ,
Чы у мисица ў покои,
Чы у батэньки коморы?

---

[1]) Zieńkiev. 110—112.

Ее собираются во что бы то ни стало добыть: изъ подъ крыла орла ее „выстрѣлять“, изъ покоя мѣсяца выкатять, а у батюшки выпросять. Далѣе встрѣчаемъ сравненія невѣсты съ „соколкой“, „голубкой“ и др. (Zieńkievicz, 104, 96).

Большою прелестью дышутъ сравненія невѣсты съ грустной калиной, одиноко стоящей на лугу, или съ розой, украшающей собою сады. Я приведу одну относящуюся сюда пѣсенку цѣликомъ:

Ой, шарка, шарка [1]) да калина ў лузи,
Шарчей калыны да дѣвонька у батьки!
По двору ходыла, весь дворъ скрасыла [2]),
За столомъ сѣла, якъ рожа спѣла;
Коло ее дѣвочки, якъ василечки,
Коло ее молыдки, якъ бѣлы лебедки.

Судьба дѣвушки сравнивается съ судьбой розы, стоящей „около сыножати“: розѣ не вымокать тамъ, а дѣвушкѣ не вѣковать у батюхны. Дочь у матери—„гожа якъ червона рожа“ (Bykovski, 20).

Въ другой пѣснѣ невѣста сопоставляется съ калиной, стоящей у моста. Черезъ мостъ ѣдетъ дружина з женихомъ во главѣ; онъ вынимаетъ свою „шабельку“ и собирается рубить калину, но она стала просить его: „не сѣчи, не рубай, женишок, бо мэнэ, калыну, крэль садыў“, дождь поливалъ, „а тэбѣ дѣвоньку Бэгъ годоваў“. Молодая дѣвонька „засмутила“, опечалила всю семью, подобно тому, какъ калина весь лугъ „закрасыла“:

Ой, ў лузи калына,
Ввесь лугъ закрасыла,
Наша дѣвонька да молодэнька
Увесь рыдъ засмутыла (Bykovski, 20).

Калина въ народныхъ пѣсняхъ относящихся къ невѣстѣ, служитъ не только простымъ поэтическимъ сравненіемъ, но имѣетъ связь и съ народными воззрѣніями, находящими оправданіе въ взглядахъ первобытнаго человѣка на природу вообще, какъ на обладательницу высшей производительной силы; растительность, будучи сама слѣдствіемъ великой производительной силы природы, является въ народномъ представленіи сама носительницею той силы. Такъ какъ въ извѣстный періодъ человѣческаго развитія, который можно назвать общимъ именемъ родоваго или патріархальнаго, главною цѣлью брачнаго сожительства было произведеніе потомства, способнаго продолжать служеніе домашнему очагу, культу предковъ, то человѣкъ естественно обращался ко всѣмъ тѣмъ си-

---

[1]) Шарка—красива, отъ шарыцца—красоваться.
[2]) Украсила.

ламъ природы, олицетворенной имъ въ разныхъ проявленіяхъ подъ именемъ отдѣльныхъ боговъ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, зависѣла производительная сила вновь образуемой черезъ бракъ семьи. Не забудемъ при этомъ, что во всѣхъ извѣстныхъ языческихъ свадебныхъ ритуалахъ, на ряду съ моленіями къ божеству о дарованіи новобрачнымъ потомства, мы встрѣчаемъ такія же моленія къ божеству и о дарованіи плодородія скота и умноженія другихъ богатствъ, что зависѣло отъ тѣхъ же божествъ. Вотъ почему и растительность, олицетворенная въ болѣе развитыхъ религіяхъ (какъ Сома у Индусовъ, Гаома у Иранцевъ, Фрея у Германцевъ, быть можетъ, Лада у Славянъ и пр.) и неолицетворенная—въ неразвитыхъ, такъ тѣсно связана съ свадебными обрядами и пѣснями всѣхъ народовъ. Сюда относится, напр., употребленіе вѣнковъ на свадьбахъ, украшеніе вѣтвями избъ, выставленіе деревца подъ окнами брачнаго дома или на крышѣ его, наконецъ, далѣе—употребленіе соломы и хлѣба. Люди украшаютъ себя цвѣтами и листьями, ставятъ во дворѣ деревца, углы въ комнатахъ утыкаютъ зелеными вѣтвями, полъ устилаютъ соломой, молодыхъ кладутъ спать на соломѣ, сажаютъ ихъ на хлѣбную квашню, обсыпаютъ хлѣбными зернами и пр.,—все для того, чтобы символически низвести производительную силу природы, заключающуюся въ растительности, на брачную пару и основываемое ею домохозяйство.

Но, какъ извѣстно, всѣ эти обряды достигаютъ своего апогея, когда молодыхъ ведутъ въ клѣть и когда ихъ будятъ. Во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи всѣ эти обряды извѣстны подъ общимъ названіемъ „калинка", „чирвоная", „красная, чирвоная горѣлка" и т. п. Къ этимъ обрядамъ пріурочен цѣлый рядъ пѣсенъ, въ которыхъ такъ или иначе упоминается „чирвоная калина". Здѣсь не мѣсто распространяться объ этихъ обрядахъ и пѣсняхъ: связь съ обрядами калины, ея эпитетъ „чирвоной", сопоставленія ея съ невѣстой достаточно говорятъ сами за себя. Я ограничусь лишь для подтвержденія сказаннаго приведеніемъ выдержки изъ одной пѣсни, записанной въ Игуменскомъ у. Мать невѣсту: „Ў лузи добыла", „Ў калюжцы[1]) купала, подъ бярозкою спаць клала, подъ калинкою спавивала". Невѣста ногою калинку „укранула" (ударила)—

Тая калинка капнула
Да на мой шицяньки рукавецъ,
А на мой сьличняньки падалецъ.

Послѣ сказаннаго понятно и участіе калины въ свадебныхъ пинскихъ пѣсняхъ и частое сравненіе невѣсты съ калиною. По одной изъ нихъ Ганночка „зажадала" (захотѣла) калиноваго вѣночка, проситъ отца

[1]) Лужа.

поѣхать въ долину по калину, но отецъ пріѣхалъ — калина не цвѣтетъ. Она проситъ мать, брата,—результатъ тотъ же. Тогда дѣвушка обращается къ своему милому. Янусько пріѣзжаетъ и „калинонька зацьвитае“:

Часъ и пора и годинонька
Зацьвила калинонька (Zienk., 100).

Въ другихъ пѣсняхъ дѣвушки украшаютъ гривы лошадей, которыя должны везти свадебный поѣздъ, калиною, хата родителей жениха, куда собираются везти невѣсту — „калиною обтыкана“, невѣста провожаетъ своего отца до калиноваго моста и проч.

Къ описанной характеристикѣ невѣсты остается прибавить, что пѣсни хвалятъ ее и за то, что она „тонко прала, дзвонко ткала, бѣлэнько бѣлыла“ полотенца и скатерти, раздаваемыя жениховой дружинѣ въ подарокъ. Не разъ пѣсни отмѣчаютъ и то, что невѣста „хочь вона по ночи ходыла“, не всетаки „при себѣ красу носыла“—

Да носыла красу до часу,
Дэржала праўдоньку ў сэрдэньку,

т. е. сохранила цѣломудріе.

Но не все представляется невѣстѣ и ея окружающимъ въ радужномъ свѣтѣ. Невѣста красива, наряжена „як панятко, князятко“, но ошибочно было бы думать, что она рада тому, что происходитъ вокругъ нея. Невѣста грустна, въ слезахъ. Причина ея горя—неизвѣстность будущаго. Волненіе ея доходитъ до того, что, пріѣхавъ отъ вѣнца, она не можетъ „слоўца промовыть“: „слезки да набѣгаютъ, слоўца нэ згадаютъ“. Ее легко узнать среди сіяющихъ лицъ гостей и родныхъ, потому что у нея „по плэчамъ кэска, а по личку слезка; ў ручкахъ хустанька—безъ вѣтру мае, безъ вѣтру мае, безъ сонца ссяе“.

„По плэчкамъ кэска, по лицу — слезка то вона“ — говоритъ другая пѣсня.

Въ горѣ, ожидая неизвѣстнаго будущаго, невѣста вспоминаетъ о своей долѣ и призываетъ ее: „Охъ, й доля жъ ты, доленька!“ — обращается къ ней молодая. Если доля добрая — пусть идетъ съ нею до „шлюбу“, если злая—лихая,—пусть плыветъ на море съ водою. Доля встрѣчаетъ ее на возу при отъѣздѣ въ церковь, идетъ передъ ней, но всетаки доля эта неизвѣстная, сомнительная: дѣвушка скорѣе предполагаетъ худшее.

Ненадежность будущаго заставляетъ дѣвушку дорожить настоящимъ. Она боится потерять главные аттрибуты своего дѣвичества: *дѣвичью косу*, „всему роду прыкрасу“, и *вѣнокъ*.

Коса—гордость дѣвушки. Пѣсни особенно воспѣваютъ русую косу, доходящую до пояса. „Дэржи, дѣвонька, своихъ кысъ“ предупреждаетъ ее пѣсня. Съ потерей косы женщина перестаетъ быть дѣвушкой, становится

„молодыцей“, надъ ней наляжетъ тяжелая власть мужа. Ходитъ дѣвушка по двору, „зораючи пидъ зору“, и говоритъ матери:

Знаты матинка, дождь будэ,
На мою кэску мла (мгла) падэ,
Тобѣ, батенько, жаль буде.

Коса красота дѣвушки. За нею гоняются хлопцы, ломаютъ отцовскія ворота, а потому пѣсня торопитъ родителей скорѣе пропить дочь,—„нэхай она ў косяхъ нэ ходыть, да нэхай хлопцоў нэ зводыть“. Пѣсни предупреждаютъ дѣвушку, чтобы она не давала расчесывать своихъ косъ: „Молодая дѣвонька, нэ давай кэски рваты“. Другая пѣсня совѣтуетъ ей выбѣжать на „вулоньку“:

Кидайся, мэтайся, завиватыся нэ давайся.

Но всетаки родители безжалостно пропили ея косу, братъ продалъ за канчукъ. Въ отчаяніи невѣста говоритъ:

Распустю косу по кованому поясу,
Да нехай моя русая коса шарытца,
Да нехай моя родная маты жалитца

Другая пѣсня говоритъ, что „уплеты“ (ленточки, которыми переплетаютъ косу) нужно отдать матери: пусть она, прижавъ ихъ къ сердцу, обольется горькими слезами, вспоминая о своей дочери. Мать пропиваетъ, отдаетъ свою дочь, но скоро раскается и „уплеты“ ей будутъ служить горькимъ напоминаніемъ.

Плачъ дѣвицы о косѣ носитъ глубоко поэтическій характеръ. Она плачетъ о ней, убивается, потому что коса—дѣвоцкая краса—

Да поплакала дівонька по косѣ,
Не такъ же она по косѣ,
Якъ по своей материной роскошѣ!

(Булгаковскій, 101, № 16).

Она распустила свою русую косу „по білыхъ плечицахъ“—

Ой, не жаль же мнѣ русой косы,
Що я еи распустыла,
Якъ жаль же мні свого батенька,
Що я его разгнѣвала (Булгаковскій, 101, № 15).

Дѣвушка думаетъ, что она чѣмъ либо прогнѣвила своего отца, и онъ отдаетъ ее замужъ, заставляетъ расплесть русую косу.

Дѣвушка плачетъ о косѣ больше, чѣмъ о разлукѣ съ матерью, отцомъ. Коса ея—это бѣлый жемчугъ, какъ поэтически выражается пѣсня (Булгаковскій, 101, № 14). Вышла дѣвушка и стала подъ червоной калиной, „ручки згорнула, тяжко востхнула, силненько заплакала“. Мать спрашиваетъ ее: отчего плачешь? Отецъ спрашиваетъ: жалѣешь ли меня стараго, или роднаго подворья?

Я не жалую [1]) тебе старого,
Ни подворья твого,
Якъ жалую русое косы,
Дѣвоцкое красы.
Гдзѣ дѣвочки граюць,
Косками маюць [2]),
Тамъ мене не примаюць;
А гдзѣ молодочки суму сумуютъ [3]),
Тамъ мене потребуюць. (Zieńk., 54—56).

Съ косою тѣсно связанъ другой аттрибутъ дѣвичества—вѣнокъ. Пѣсня приглашаетъ дѣвушекъ отправиться въ садъ вязать на вѣнокъ руту въ пучки. По другой пѣснѣ вѣнокъ купленъ на рынкѣ и спрятанъ „у скрынкѣ“. Снять вѣнокъ означаетъ тоже, что распустить косу, т. е. переходъ отъ дѣвичества въ замужество. Дѣвушка хотѣла еще побыть у отца—„у батэньки побыты, хороше ходиты“. Но женишокъ ей не далъ: онъ „зняў вѣночокъ, наложиў наметочокъ, зняў наметочекъ, зняў зылэнэньки, наложиу биленьки“. Вѣнокъ былъ только одинъ, но и того не пришлось износить дѣвушкѣ:

Одного была звила,
Дай й того не зносила,
Януську зложила (Zieńk., 114).

Пѣсни о косѣ и вѣнкѣ имѣютъ значенiе не только какъ превосходные образцы народной лирики. Сопоставляя ихъ съ свадебными обычаями бѣлоруссовъ и другихъ народовъ, мы находимъ въ нихъ отголоски религiозно-бытовыхъ мотивовъ. Въ настоящее время въ народномъ сознанiи, конечно, затерялась первоначальная связь грустныхъ мотивовъ пѣсенъ о косѣ дѣвушки съ другими обычаями; эту связь можно открыть лишь съ помощью сопоставленiи.

Извѣстенъ цѣлый рядъ обычаевъ изъ быта какъ европейскихъ такъ, и другихъ народовъ, которые указываютъ, что съ обрѣзанiемъ волосъ человѣкъ лишается свободы, изъ свободнаго состоянiя, переходитъ въ несвободное. Такъ, обрѣзанные волосы по древне-германскимъ и французскимъ обычаямъ служили признакомъ несвободнаго состоянiя; наоборотъ, длинные волосы—отличительный признакъ людей свободныхъ (Revue des trad. populaires, t. III, p. 403—405). Спенсеръ собралъ цѣлый рядъ данныхъ изъ быта австралiйскихъ дикарей, указывающихъ что длинные волосы могутъ

[1]) Жалѣю.
[2]) Машутъ.
[3]) Тяжелую думу думаютъ; ср. бѣл. сумно.

носить лишь свободные люди; рабы и женщины носятъ волосы коротко остриженные (Обряд. учрежд., 94—98).

Мы видѣли, что въ пѣсняхъ дѣвушка жалуется о потерѣ косы, которую продаетъ отецъ, или братъ жениху. Конечно, въ настоящее время женщины не обрѣзываютъ своихъ косъ, но въ свадебномъ ритуалѣ сохранился одинъ обычай, который символизируетъ отрѣзываніе дѣвичьей косы при переходѣ ея къ мужу. Во время обряда, называемаго посадомъ невѣсты, братъ послѣдней или дружко подстригаетъ часть волосъ или же прижигаетъ ихъ. Съ этого момента невѣста перестаетъ носить распущенные по-дѣвичьи волосы, и вскорѣ на нее надѣваютъ нарядъ замужней женщины, который, какъ извѣстно, тщательно скрываетъ волосы. Этотъ обрядъ указываетъ на то, что первоначально существовалъ обычай, требовавшій обрѣзанія волосъ дѣвушки при выходѣ ея замужъ. Судя по аналогичнымъ даннымъ, лишеніе волосъ женщины связывалось съ переходомъ ея въ несвободное состояніе, въ подчиненіе мужу.

Этотъ обычай имѣетъ тѣсную связь съ обычаями другихъ народовъ. Такъ, слѣды подрѣзыванія волосъ невѣсты, какъ актъ брачной церемоніи, мы встрѣчаемъ у др. Индусовъ, Грековъ, Эстовъ, у нѣкоторыхъ Славянъ и пр.; у Римлянъ волосы невѣсты растрепывали особымъ копьемъ; этотъ обычай сохранился почти повсемѣстно въ современной Италіи. Если съ теченіемъ времени и переставали лишать женщину ея естественнаго украшенія и начали довольствоваться лишь символизированіемъ обряда, пристригая или прижигая волосы, то всетаки обычай запрещалъ для замужнихъ женщинъ ношеніе волосъ распущенными. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли существуетъ народъ, гдѣ бы обычай позволялъ носить женщинѣ замужней непокрытые волосы или, по крайней мѣрѣ, такую же прическу, какую носятъ дѣвушки. Извѣстно, что у русскаго народа женщины всегда покрываютъ головы свои платками, дѣвушки носятъ распущенныя косы. Этотъ обычай относится и ко всѣмъ Славянамъ, др. Индусамъ, Грекамъ, Римлянамъ, Нѣмцамъ, Итальянцамъ, финскимъ племенамъ и пр. Замѣтимъ, что и среди общества, чуждаго требованіямъ народнаго обычая, принято, однако, что замужнія женщины носятъ прическу нѣсколько иную, чѣмъ дѣвушки.

Послѣ этихъ замѣчаній обратимся къ вопросу, насъ занимающему. Такимъ образомъ, понятно, что въ пѣсняхъ о косѣ, которую дѣвушка можетъ носить распущенною и которую она, съ выходомъ замужъ, должна будетъ прикрыть,—въ этихъ пѣсняхъ невѣста оплакиваетъ потерю своего дѣвичества, потерю свободы; ей придется подчиниться мужу, перейти въ чужую семью, натерпѣться горя. Пока она носила косу и вѣнокъ,—она была свободной, независимой, не знала „женоцкаго" горя. Но наступаетъ день брачныхъ обрядовъ, обычай велитъ скрыть подъ платкомъ косу,—признакъ свободнаго дѣвичества,—и молодая естественно обливается горь-

кими слезами. Ея отчаяніе выразилось въ массѣ коротенькихъ, но глубоко поэтическихъ пѣсенъ.

Мы разсмотрѣли одинъ отдѣлъ пѣсенъ, относящихся къ невѣстѣ, рисующихъ намъ обликъ ея безъ отношенія къ окружающему люду. Тихая грусть лежитъ на всемъ обликѣ молодой, но эта грусть переходитъ въ море отчаянія, когда невѣста начинаетъ прощаться съ своими родными. Мы вскорѣ перейдемъ къ разсмотрѣнію и этихъ пѣсенъ, а теперь займемся пѣснями, относящимися къ другому виновнику свадебнаго торжества—женихху, молодому.

II.

Женихъ и его дружина. Похищеніе дѣвицы.

Тогда какъ пѣсни, относящіяся къ невѣстѣ, много занимаются душевнымъ ея состояніемъ и внѣшнимъ видомъ—наоборотъ,—пѣсни о женихѣ останавливаются болѣе надъ тѣми дѣйствіями, которыя онъ совершаетъ съ своею дружиной. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ и описаніе внѣшняго вида жениха. Теща легко можетъ узнать своего новаго зятя, потому что—

Нашъ зять чернобрывый,
Пудъ имъ коникъ сывый,
И на ручкахъ соколыки,
А на ёмъ шапка красна,
Якъ зырочка ясна.

Молодой представляется въ пѣсняхъ бравымъ молодцемъ, предводителемъ боевой дружины. Пѣсни сравниваютъ его съ соколомъ, съ соболемъ, съ соловьемъ и, наконецъ, съ голубемъ. Дѣвонька ѣдетъ подъ вѣнецъ съ „паничемъ“, ее вѣнчаютъ съ „королемъ“. Его можно узнать, потому что отъ него „мэдомъ пахне, а виномъ дыше“.

Молодецъ—женихъ сидитъ на конѣ и пристально смотритъ на свою милую, какъ соколъ на соколку:

Чемъ же то за соколикъ
На воруцечкахъ сѣдитъ?
На соколку пилно глядитъ
Зъ подъ правого крильца,
Зъ подъ золотого пэрца (уменш. отъ перо).

Это не соколъ смотритъ на соколку, а молодой Янусько сидитъ на конѣ и „пилно“ смотритъ на свою Ганочку:

Зъ подъ правое ручки,
Зъ подъ білого кожушка (Zieńk., 104).

Съ большими подробностями пѣсни останавливаются на томъ, какъ

собирается женихъ добыть себѣ невѣсту, какъ онъ ее добываетъ и пр. Здѣсь мы встрѣчаемся съ переживаніемъ похищенія, умычки женщинъ. Всѣ народы, по скольку ихъ исторія и современный бытъ разслѣдованы наукою, переживали, а многіе изъ менѣе развитыхъ переживаютъ и въ настоящее время—такой моментъ въ исторіи своей, когда женщина могла сдѣлаться женою мужчины не иначе, какъ будучи похищена имъ. При болѣе первобытномъ состояніи, женщинъ похищали другъ у друга враждующія племена, обращая похищенныхъ въ своихъ женъ—плѣнницъ. Обычай брать жену изъ другого племени—рода (такъ наз. эксогамія) укореняется, дѣлается священнымъ обычаемъ. Племена, жившія въ мирѣ между собою, покупали другъ у друга женъ, а враждовавшіе—добывали силою. Обычай похищенія до того укоренился, что впослѣдствіи былъ обставленъ религіозными церемоніями (это видно изъ обрядовъ свадьбы), сдѣлался, слѣдовательно, достояніемъ религіи и началъ практиковаться даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда предварительно состоялось соглашеніе между женихомъ и родителями невѣсты. Обычай умыканія настолько силенъ, что въ пѣсняхъ и свадебныхъ обрядахъ народовъ, давно уже забывшихъ о реальномъ похищеніи женщинъ, какъ напр. у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ и др.,—всетаки до сихъ поръ встрѣчаемъ переживанія, непонятныя для самихъ исполнителей обрядовъ, воспоминанія о бытовавшемъ нѣкогда обычаѣ. Славяне тоже пережили время, когда парень долженъ былъ похищать себѣ жену. Объ этомъ вполнѣ опредѣленно свидѣтельствуютъ извѣстное мѣсто изъ лѣтописи Нестора и др. источники, а у восточныхъ великороссовъ и сербовъ и до сихъ поръ встрѣчаются случаи похищенія (такъ наз. „самокрутки“) дѣвицъ. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ славянскихъ воспоминанія объ этомъ обычаѣ очень живы.

Въ пинскихъ пѣсняхъ отраженіе сказаннаго обычая выразилось очень яркими, живыми чертами. Очень интересно то обстоятельство, что мы можемъ по пѣснямъ прослѣдить всѣ отдѣльные моменты похищенія дѣвицы; передъ нашими глазами проходитъ полная картина болѣе древнихъ бытовыхъ отношеній. Пѣсни поютъ о молодцѣ и его дружинѣ, добывающихъ дѣвицу, поютъ о томъ, какъ ее добываютъ, какъ „воюютъ“ съ тестемъ, какъ увозятъ молодую плѣнницу; въ то же время пѣсни не забываютъ и о субъективномъ состояніи дѣйствующихъ лицъ, особенно невѣсты, горе которой—любимая черта народной поэзіи.

Снаряжая сына на трудное дѣло, мать „оперезала его мѣсяцемъ, зыркою застягнула, долею опянула“. Женихъ не самъ отправляется въ дорогу: онъ собираетъ родъ весь свой, всю „родныну“; онъ припадаетъ „до ножекъ“ своему батеньку—

Мый батюхно родный, збырай мою родныноньку,
Близкую и далэкую, богатую и убогую:

Богатую да попытыса, а бидную порадытыса,
Богатая на славоньку, а бидная на порадоньку.

Родъ жениха долженъ составить дружину, съ которою онъ и ѣдетъ добывать невѣсту. Рой пчелъ хочетъ полетѣть на солодкіе меды, на желтые цвѣты. Но это не рой, это женихъ и его роднына. Онъ хочетъ поѣхать, передъ тестемъ „статы", „тэстя своеваты, собѣ дѣвоньку ўзяты". Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ женихъ сравнивается съ мѣсяцемъ: расходился ясенъ мѣсяцъ по небу, „сбираючи свои зырночки ў громаду":

Да засвѣтымо усѣ разомъ.

Такъ и молодой женишекъ собираетъ свою роднину:

Да поѣдэмо усѣ разомъ на войну,
Да звоюемо мойго тэстэнка, што ў дому,
Да возьмэмо младу дѣвоньку съ собою.

Въ другомъ варьянтѣ пѣсня кончается болѣе подробнымъ описаніемъ „войны":

Станэмо съ своимъ полкомъ пудъ ганкомъ,
Да выбьемо крамэну [1]) стѣну крамэнькомъ,
Озьмэмо молоду дѣвоньку изъ вѣнкомъ.

Упоминаніе о родѣ встрѣчаемъ и въ другихъ пѣсняхъ, связанныхъ съ тѣмъ же вопросомъ. Въ одной пѣснѣ, отражающей въ себѣ уже болѣе мирныя отношенія семьи жениха и невѣсты, женихъ проситъ своего отца пробѣжать по „роднынѣ", собирать „музыки рѣзаты"[2]), выбрать „друщатка—скакунца" (дружку—хорошаго плясуна), чтобы дружина, гдѣ стала—заиграла, гдѣ сѣла—запѣла—

Бо тамъ чужая сторона,
Щобъ не було сорома.

Родъ также присутствуетъ при пропоѣ дѣвицы, т. е. при ея куплѣ—продажѣ. Отмѣтимъ еще интересное выраженіе „рыдъ спѣваты", т. е. пѣть родъ, родовую пѣсню.

Собравъ дружину, женихъ собираетъ и все нужное для отправленія. Онъ, припавъ къ ногамъ батюхны, проситъ, чтобы тотъ приготовилъ девять коней, а десятую жеребицу „пудъ мою молодыцу". У него отборные кони, пригодные для богатырей, они стоятъ „у золота плота", воды не пьютъ, бѣлками бьютъ, дороженьку чуютъ. Женихъ самъ кормитъ ихъ передъ дорогою, коситъ сѣно и до „стаинки" носитъ. Ѣжьте, коники мои, говоритъ онъ имъ, потому что поѣдемъ на войну,—

Будэмъ тэстя воеваты,
Соби дѣвоньку браты.

Коней кормятъ пшеницею изъ новыхъ корытъ. Имъ предстоитъ „ве-

[1]) Каменную, кременную отъ слова кремень.
[2]) Отъ слова рѣзать: рѣзатый музыка—хорошо „рѣжущій", играющій на скрыпкѣ.

лыка дорога"; на этой дорогѣ трое „ворытецъ": въ однѣ ворота—„сонейко грае", въ другія—„мисячикъ" свѣтитъ, въ третьи—„женишокъ" ѣдетъ. Поѣздъ такъ хорошъ, что „мѣсто", черезъ которое онъ проѣжаетъ, „дивуе": чыйто сынъ ѣдэ?

А тому надлѣпши, кому зятемъ будэ.

Солнце и мѣсяцъ сопутствуютъ жениху. Ему приходится пройти трудный путь: невѣста предупреждаетъ его, чтобы онъ подковалъ коника „на штыры ноги". Ѣхать придется „борэмъ—корэньемъ"—„полемъ—крэменьемъ":

Быръ будэ шумэты, кремень звинэты,
Чужимъ же людэмъ за диво будэ.

Для большаго успѣха въ предпріятіи ѣдутъ ночью. Женихъ посылаетъ впередъ соловья дать вѣсть о себѣ тестю:

Ѣдэ зять воеваты,
Соби дѣвоньку браты.

Въ самомъ дѣлѣ, не съ добрыми мыслями ѣдетъ женихъ съ дружиною къ своему будущему тестю. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ пѣсня, которую я привожу цѣликомъ въ виду ея глубокаго интереса:

Жаль батюхна, жаль, жаль,
А матэры еще жальчей,
Що бэрэ дочку жоўнеръ.
Замэтай, матка, попэлъ,
Бо мы твою дочку ўхопэмъ,
Озьмэмо да рученькамы,
Повэзэмо да кониченькамы,
Ухопэмо да бѣлэнькимы,
Повэзэмо да воронэнькимы,
Озьмэмъ да повэзэмө,
Да положимо спаты,
Што схочемо, то зробымо
Да вашому дытяты,—
Съ крышокъ паляныца,
А съ дѣўчины молодыца.

Ясно, что съ невѣстой собираются расправиться какъ съ плѣнницей. Пріѣхавъ на тестевъ дворъ, дружина съ женихомъ во главѣ ведетъ себя, какъ самые страшные непріятели. Женихъ въѣхалъ на „зализный мостъ, на зализный мостъ да копытца знесъ". Желѣзные мосты дружина ломаетъ, „тонкіе обрусы" разрываетъ:

Зализные мосты ковалѝ ковáлы,
Тонкіе обрусы ткачи ткалы,
Бѣлые лебедзи на моры бѣлилы.

Не удивительно, что такихъ страшныхъ враговъ боится весь родъ

невѣсты. Боится и она сама, виновница нападенія, боится, быть можетъ, больше другихъ.

Родъ невѣсты предвидитъ нападеніе жениховой дружины. Онъ желаетъ узнать заранѣе о приближеніи врага, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ. Пѣсня обращается къ невѣстѣ:

Молодая Ганночка!
Выйди за вороцячка!
Выйди къ дороженьцы:
Ци стогне доруженька,
Ци шумитъ дубравушка,
Ци не ѣдутъ сваты твои,
Ци не везутъ розкуй—косы,
Ци не везутъ розлей—слезы? (Zieńk., 96—98).

Дружина жениха приближается шумно, на лошадяхъ, ѣдетъ открыто дорогою: топотъ лошадиныхъ копытъ далеко слышно и къ нему со страхомъ прислушивается дѣвушка. Они везутъ ей недоброе: разовьютъ (раскуютъ—раскуй—косу) ея косу, разольютъ слезу. Но вотъ женихъ приближается. Выбѣжало двое коней, Ганночка услышала въ коморѣ топотъ: „по кого, коники, бѣжице?“

Да по цебе, Ганночка, по цебе,
По твое билэе личенько,
По твою косуньку русую,
По твою слезуньку друбную,
По твое кубэльце тесовэ,
По твое подушки пуховэ. (Zieńk., 92).

Вотъ зачѣмъ бѣгутъ кони. Невѣста хочетъ спрятаться. Объ этомъ говорится въ одной пѣснѣ съ миѳологическимъ оттѣнкомъ. Солнце бѣжитъ „противъ хмары“ и проситъ его „заховать“, такъ и невѣста бѣжитъ „противъ матоньки“ и съ отчаяніемъ проситъ „заховать“ ее:

Нэ заховаю, мые дытьятко,
Сваты наихалы, щобъ тебэ ўзяты.

Дѣвица хорошо знаетъ, что женихъ, который ѣдетъ, ее „не жалуе“, и готова лучше утонуть. Она боится „того жаўнера“, что сидитъ „край ее“ и закрывается отъ него.

Но всетаки дружина съ женихомъ выпили бочку „мэдочку“ и „выѣздылы, выкрутылы отъ маты дочку“. Теперь ее собираются везти къ себѣ и сдѣлать съ нею, — „што схочемо“, сдѣлать молодицу. Женихъ не далъ невѣстѣ „хорошо пожить“ у батюхны, онъ снялъ вѣночекъ, положилъ наметочку. Но уже увезенная изъ родительскаго дома, уже въ „долинѣ“, она „еще выглядаэ роднину“, очевидно, надѣясь на помощь. Но родня не гонится, чтобъ отбить дѣвицу. Она думаетъ, что мать боится враговъ:

Да чаго, матэнько, боисса?
Чи знэваженьки боисса?
Не бойса, матенько, не бойса,
Ў чирвоны черевыкы обуйса,
Топчи ворогы пидъ ноги,
А подкиўками пороги.

Одна пѣсня, записанная у Зенькевича, напоминая собою извѣстное мѣсто изъ Слова о Полку Игоровѣ, сравниваетъ сватовъ съ сивыми голубями, косы дѣвицы—бѣлый жемчугъ, слезы ея—живое золото. Эта пѣсня богата высоко поэтическими элементами:

Зъ суботоньки на недиленку
Снивса мни сонъ дивноньки:
Сивы голубы да наленули,
Білы жемчуръ розвернули,
Живэ золото розсыпали.
— Да мое жъ дитятко роднэ!
Мало умны розумъ маешь,
Що сего сну не сгадаешь:
Сивы голубы—сваты твое;
Білы жемчугъ—коски твое;
Живэ золото—слезки твое (Zieńk., 58).

Добывъ дѣвицу, молодецъ привозитъ ее къ матери и спрашиваетъ у послѣдней:

Чи рада ты, моя матонько,
Што я зъ войны зъѣздыў,
Звоеваў да дѣвокъ—паннокъ,
Выбраў себѣ пану—молоду дѣвоньку?.

Трудно было добыть дружинѣ дѣвицу. Поэтому, сватъ, пріѣхавъ съ „войны“, приказываетъ дѣвушкамъ (женщинамъ своего рода):

Да нэ отчиняйтэ двэрыны,
Да нэ выпускайтэ звѣрыны,
Я своего коника угониў,
Покуль звѣрину половиў,
Я свое ботэньки потоптаў,
Покуль звѣрину ўсю ўлапаў.

Такъ крѣпко держатъ дорого доставшуюся роду плѣнницу.

Вотъ какъ представляютъ себѣ пинскія пѣсни похищеніе дѣвушки. Онѣ даютъ возможность прослѣдить сборы въ путь, самый процессъ борьбы и ея конецъ, и описываютъ весь этотъ процессъ въ живыхъ яркихъ краскахъ. Эта живость воспроизведенія былого культурнаго прошлаго свидѣтельствуетъ, что умычка оставила глубокіе слѣды въ міросозерцаніи Пинчука.

Разсматривая вышеприведенныя данныя съ точки зрѣнія ихъ пригодности для этнологическихъ выводовъ, мы прежде всего обратимъ вниманіе на участіе рода въ добываніи дѣвицы для одного изъ своихъ членовъ.

Женихъ является предводителемъ своего родоваго полка. Эти указанія на участіе рода глубоко замѣчательны. Мало того, мы можемъ даже составить понятіе о томъ, какъ представляютъ пѣсни себѣ этотъ родъ, дружину.

Родъ этотъ составляетъ отдѣльное цѣлое, враждебное роду невѣсты; у него есть общіе интересы—побѣдить тестя, добыть дѣвицу для одного изъ своихъ членовъ, онъ заботится о томъ, чтобы на чужихъ людяхъ ему не было „сорома", наконецъ, онъ имѣетъ одного общаго представителя въ лицѣ батюхны жениха, по приказанію котораго весь родъ собирается на войну; батюхна выправляетъ его, заботится о немъ, хотя его личнаго участія мы не видимъ въ поѣздѣ: онъ представляетъ возможность выказать свою военную доблесть молодому члену рода. Послѣднему въ первый разъ предоставляется возможность показать свое мужество въ поддержаніи родовыхъ интересовъ, показать, что онъ будетъ достойнымъ представителемъ ихъ.

Родъ невѣсты—несомнѣнно враждебенъ роду жениха Послѣдній распоряжается съ невѣстой какъ съ плѣнницей, „звѣрыной". Оба рода перебраниваются между собой:

Отсуньтэса совы,
Наленулы соколы,

говоритъ дружина жениха, выкупивъ невѣсту.

Осилы, осилы нашу пролисочку
То грыбы, то грыбыща,
Боровые масляница

коритъ невѣстина дружина женихову.
Эта враждебность обоихъ родовъ проходитъ и въ другихъ пѣсняхъ и поддерживается обрядами.

Когда пѣсни говорятъ о „родѣ", „родынѣ", то, разумѣется, представленіе ихъ объ этомъ родѣ ограничивается понятіемъ всей родни, родственниковъ, свойственниковъ. Всѣ они и составляютъ родъ, родню, какъ понимаетъ народъ эти слова въ настоящее время. Ясности представленія о строго организованности рода, какъ онъ представляется наукою, не существуетъ. Но приведенная совокупность данныхъ едва ли не указываетъ на то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ отдаленнымъ переживаніемъ родоваго быта. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что вообще большинство свадебныхъ обрядовъ, сама организація ритуала относится, повидимому, именно къ этому періоду человѣческаго развитія (О знач. дружины жениха и рода въ свад. обрядахъ см. мою ст. „Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ".

III.

Продажа невѣсты. Братъ ея.

Послѣдующая стадія въ развитіи брачныхъ формъ—именно купля-продажа дѣвушки—отразилась гораздо слабѣе въ нашихъ пѣсняхъ. Онѣ хорошо знаютъ о выкупѣ, пропоѣ невѣсты, но упоминаютъ лишь объ обычаѣ, недавая возможности возстановить весь актъ.

Пропиваетъ дѣвицу весь родъ ея, слѣдовательно, весь родъ ея участвуетъ въ ея продажѣ, а родъ жениха—въ куплѣ. Послѣдній, найдя невѣсту въ коморѣ у батюхны, говоритъ:

Мы тэбэ выпросымо, мы тэбэ выважымо
Золотою вагою, повэзэмо зъ собою.

Пріѣхали „Ильвувцы" (отъ слова Львивъ), сыплютъ червонцы на скамьи, чтобъ только мать продала невѣсту:

Торгуй, моя матэнько, нэ бэры,
Лѣпша я у тэбэ, якъ воны—

говоритъ дочь. Но мать отдаетъ ее: „наихалы тые люды, штобъ тэбэ ўзяты". Пропиваетъ весь родъ, но главную роль играетъ мать и отецъ: „Пропыў батько, пропыла маты одъ сэбэ работничку".

Другая пѣсня говоритъ:

Да запыта дівонька,
Шовкомъ хустонька нашита:
Запивавъ еи ўсей родъ,
Да еи батэнько наперужъ (Булгаковскій, 96, № 2).

Сваты особенно упрашиваютъ отца отдать дѣвицу. Зозулька ковала, что дѣвушка семь лѣтъ замужъ не пойдетъ. Но это оказалось невѣрнымъ:

Якъ прышла я изъ красокъ,
Ажъ мэнэ да запиваютъ,
Мэдъ. вино на стулъ (столъ) носять,
И мого бацюхну просять (Zieńk., 48).

Поэтому невѣста больше жалуется на отца, мать мало виновата въ ея несчастьи:

Не жаль же мнѣ завзуленьку,
Що рано заковала,

но жаль ей „на батюхна", что дѣвица у него „не вгуляла", не много „вкрасовалася, но тилько извѣнчалася" (Bykowski, 16, № 23).

Продажа и пропой невѣсты встрѣчаются часто въ пѣсняхъ, но не представляютъ ничего характернаго.

Но интересно отмѣтить роль брата въ продажѣ дѣвицы. Извѣстно, что „братъ", т. е. старшій дружко (родной братъ или ближайшій родствен-

пикъ) играетъ во всемъ свадебномъ обрядѣ крупную роль и у жениха, и у невѣсты (у каждаго свой). Этотъ „братъ" вмѣстѣ съ сватомъ руководитъ всѣмъ ритуаломъ. Въ обрядѣ, символизующемъ куплю—продажу невѣсты, „братъ" жениха покупаетъ ее у „брата" невѣсты. Пѣсни также хорошо знаютъ объ этой продажѣ братомъ сестры.

Братейко-татаринъ, онъ продалъ „кэсоньку" за канчукъ (нагайку), бѣлое лице за „шостакъ", а родную сестру отдалъ „такъ", т. е. даромъ—говоритъ пѣсня.

Расплеў братко кэску,
Да разлыў же мнѣ слёзку,
Да по бѣлому лыченьку,
По червонымъ нагрудничку—

говоритъ по адресу брата другая. Гдѣ подѣвалъ братъ „уплеты", спрашиваетъ пѣсня: бросилъ ли онъ ихъ на Дунай, или подвязалъ ими свои „ботоньки"; если подвязалъ себѣ ботоньки,—то „якъ ноженькою ступиэ",—свою сестрицу вспомнитъ. Конечно, братъ будетъ жалѣть о сестрѣ, но тогда будетъ уже поздно.

Пѣсня передъ посадомъ приглашаетъ брата сѣсть на стулъ и учиться „торговать" сестру.

Достойно замѣчанія и то, что и въ пинскія лирическія пѣсни проникла та же враждебность отношеній между братомъ и сестрой: и тамъ братъ является то главнымъ виновникомъ несчастія дѣвицы, отдавъ ее за нелюбимаго, то онъ мѣшаетъ сестрѣ соединиться съ милымъ [1]).

Интересъ пѣсенъ къ брату невѣсты объясняется не однимъ родствомъ ихъ. И въ другихъ свадебныхъ ритуалахъ братъ является распорядителемъ судьбы невѣсты, играетъ видную роль, какъ напр. у древнихъ Индусовъ (Вс. Миллеръ, Оч. арійской миѳологіи, 21—22), у южныхъ славянъ (Юридич. Вѣстн., 1877, № 1, 99) и др. У Новозеландцевъ и др. менѣе культурныхъ народовъ братъ имѣетъ фактическую власть въ распоряженіи продажей сестры и въ настоящее время (Post, Studien Zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts, p. 164). Указанные факты даютъ возможность сдѣлать тотъ выводъ, что участіе брата невѣсты въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ можетъ разсматриваться какъ отдаленный пережитокъ той эпохи человѣческаго развитія, когда родство и старшинство въ родѣ считалось только по матери, т. е. по женской линіи (т. наз. матріархатъ, материнскій родъ) и, слѣдовательно, когда братъ матери имѣлъ право распоряжаться судьбою своихъ младшихъ родственниковъ, будучи представителемъ семьи, рода (М. Ковалевскій, Первобытное право, I, 136).

[1]) См. мою статью „Женская доля въ пѣсняхъ Пинчуковъ".

IV.

Разставанiе невѣсты съ роднымъ домомъ.

Выше было сказано, что рядомъ съ остатками прошлаго быта въ пинскихъ пѣсняхъ отразились мотивы современной жизни. Нашимъ пѣснямъ извѣстны и такiя отношенiя жениха и невѣсты, когда они другъ для друга „милый“ и „милая“.

Невѣста напоминаетъ жениху—„не залецайса“ другой, „не забувайса“ дѣвоньки. Но ему и забыть трудно: куда ни пойдетъ, она у него „на умѣ“, за столъ сядетъ „край ея“.

Возьму за ручку—тэплэнько,
Къ сердцу прыгорну—мылэнько.

Она ходитъ по лѣску и „гукаетъ“ жениха: не „баўса“, потому что уже все готово для встрѣчи молодого. Она выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу и съ „цукромъ (сахаромъ) у папери“, и съ „виннымъ яблочкомъ у кишени“. Молодая проситъ молодого прiѣхать въ понедѣльникъ раненько. Но молодой говоритъ, что у нея ворота скрыпливыя, батюхно сварливый. „Я ворота подтешу, своего батюхна попросю“, отвѣчаетъ невѣста. Молода дѣвонька не правду говорила: она и замужъ пошла и женишка полюбила. Невѣста находитъ утѣху и поддержку въ молодомъ: „Нежалостливы“ батюхно выдаетъ ее противъ „нычки“, да и проводничка не даетъ, и дорожки не кажетъ, и самъ съ ней не идетъ. Гдѣ ей молодой спать: на водѣ ли, или въ зеленой дубравѣ, или у батюшки въ коморѣ? Но ее утѣшаетъ молодъ Тимыхъ:

Не журыса, мыя Прысенько,
Не будэшъ ночоваты на води,
Ни ў зеленэи дуброви,
Ни у батеньки ў каморы,—
Тай будэшъ ночоваты
Да на тэсэвэи кроваты,
Да на пуховыхъ подушкахъ,
Да на шоўковыхъ радюшкахъ.

Но даже, если невѣста и идетъ къ милому, она не знаетъ, какъ приметъ ее чужая семья, для которой она всетаки будетъ чужой. Тѣмъ тяжелѣе ея положенiе среди новой семьи, если она попала туда, какъ плѣница, или какъ купленная. Она съ грустью, съ тяжелымъ сердцемъ, часто съ упреками къ своимъ, покидаетъ родную семью и вступаетъ въ чужую. Мы разсмотримъ отношенiя ея къ той и другой семьѣ. И опять таки, и здѣсь, какъ и среди другихъ мотивовъ, отразились болѣе древнiя черты быта рядомъ съ современными. Невѣста то плачетъ, прощаясь съ домашними, посылаетъ имъ упрекъ за отдачу, пропой ея, то спокойно спѣшитъ къ жени-

ху, собирая какъ можно больше даровъ, приданого. Уже, прiѣхавъ отъ вѣнца,—она не слуга своего отца, она принадлежитъ другому, тестя она и должна слушаться. Дай. дѣвица, батюхнѣ водицы „изъ дылного колодеза, изъ крыницы“, говоритъ пѣсня—

— Уже я тебѣ, батюхна, нэ слуга,
Уже моя водыца дорога.

Подъ высокимъ лѣсомъ брала дѣвица ягоды, много ихъ набрала, но понесетъ мимо батьковаго двора на свекратковъ:

Нэ ѣстымэ мои батюхно ягыдокъ,
Бо упустыў золотой кубокъ изъ ручокъ:
Да ѣстымэ мое свекратко ягыдки,
Бо оно ўзяло золотый кубокъ ў ручки.

Дѣвушка покончила счеты съ родной семьей, но ей тяжело разстаться съ нею. Она плачетъ даже по предметамъ утвари, покидаемымъ ей:

Да нэ куръ кудаче, перьячко скаче,
Молыдая дѣвонька по кроснахъ плаче.

Но, конечно, живые люди дороже предметовъ: мать очень близка къ дочери, она приходитъ въ ужасъ при мысли о разлукѣ.

Моя матынько, моя родная,
Разлука мнѣ съ тобою!

— восклицаетъ съ отчаянiемъ молодая при мысли о разлукѣ съ матерью. Прощальныя слова дышутъ отчаянiемъ: приступы матэнько, близко-близэнько, говоритъ пѣсня, уклоню тобѣ голоўку низко-низэнько, кэсками землицу покрыю, слезками ноженьки помыю.

Въ другой пѣснѣ дочь проситъ мать полелѣять ее сегодня, потому что завтра уже не придется, завтра завладѣетъ ею Янусько:

Моя матко родна!
Полилѣй да мене циперъ,
Бо вже завтра не лилѣцимежъ,
Да у себѣ да не мѣцимежъ,
Оддаси боярамъ на руки,
Януську на вѣки (Zieńk., 116)

Одна пѣсня дѣлаетъ прекрасное сравненiе невѣсты, прощающейся съ своей матерью—съ березою разстающеюся съ дубровонькою. Дуброва защищала березу отъ вѣтра и дождя, такъ и дочь у матери важнаго, т. е. труднаго дѣла не дѣлала, только танцы водила. Вотъ эта пѣсня:

Схилилася береза
Черезъ гору въ долину,
Склонилася Ганночка
Черезъ скамлю маценцы:
— Дзякуй тоби, дубрувунька,

За твое годованьейко!
Якъ я у цибе бугала,
Буйного витру не чувала,
Друбного дщу не видала.
Склонилася Ганночка
Черезъ скамлю маценцы:
— Дзякуй тоби, моя маценка,
За твое годованьейко!
Якъ я у цибе бувала,
Важного дила не робила.
Позно по воду не ходила,
Все тихіе тоньки (танцы) водила.
Дзякуй тоби, моя матонько,
За твое годованьейко! (Zieńk).

Конечно, съ выходомъ замужъ эти порядки измѣнятся: придется „важное“ дѣло дѣлать, поздно ночью за водой идти и пр.

Но и сама мать не хочетъ разстаться съ дочерью: не хочу твоихъ низкихъ поклоновъ, говоритъ она, встань съ воза да иди за мною. Тоже говоритъ мать въ другой пѣснѣ. Дочь проситъ подать ей руку,—не вернетъ ли ее домой. Рада бъ я и обѣ подать, да нельзя вернуть назадъ, говоритъ мать. По другой пѣснѣ почти въ такихъ же словахъ невѣста прощается съ отцомъ своимъ. Ей хотѣлось бы побыть еще у батюхны, „хороше походыть“, потому что у батюхны „все горы да горы мнѣ ходити удоволи“, а „у свекраки ей гулять невульно“.

Съ упрекомъ обращается она къ матери, отдающей ее на чужую сторону на тяжелую работу, отрывающую ее отъ родного дома. Она все дѣлала, что только нужно было для матери, а та отдаетъ ее. Чѣмъ я тебѣ „даѣла“, (надоѣла), что ты отдаешь меня отъ дома, спрашиваетъ дочь.

Чи я тобѣ кошули не прала,
Чи я тобѣ постэльки не слала?
Прала тобѣ кошульку на моры,
Слала тобѣ постэльку ў каморы.

Въ другой пѣснѣ она выражаетъ туже мысль:

Я жъ тоби була женчикъ хорошіи:
Я тоби жала, гроши не брала.

Теперь ты будешь нанимать жнецовъ, платить имъ деньги, сама будешь свое добро съ поля собирать.

Но такъ или иначе молодая должна сдѣлаться членомъ новой семьи; въ этой семьѣ она съ мужемъ составитъ часть, а потомъ, быть можетъ, и сама станетъ ея главою. Поэтому, ей приходится подумать и о своемъ будущемъ достаткѣ, о томъ, чтобы ни отъ кого не было „доганы“ (упрека).

какъ говоритъ одна лирическая пѣсня, за то, что она вступила въ семью безъ статка, безъ приданаго. Тутъ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ пѣсенъ, рисующихъ выправленіе молодой. Очень замѣчательно, что молодую даритъ племя, роднына:

Нашу дѣвоньку да племмячко даруе;
Самъ Богъ сэдыть на покути, лепшую долю готуе.

Другая выражается въ томъ же смыслѣ:

У нашей дѣвоньки да вэлыкая роднына,
Якъ скинэ по шляжечку, то будэ скотына.

Такимъ образомъ родъ—племя участвовало въ защитѣ дѣвицы отъ нападенія жениха, оно, далѣе, продавало ее ему и, наконецъ, когда смѣнились бытовыя условія, выправляетъ ее въ чужую семью. Забота лежитъ не только на родныхъ отцѣ—матери, но и на цѣломъ родѣ—племени, которое прежде всего и есть господинъ надъ своими сочленами.

Но главное участіе въ выправѣ играетъ, разумѣется, мать. Она заботится и о томъ, чтобы одарить, по обычаю, всю женихову родню; невѣстѣ нечего хлопотать о томъ, что не хватитъ подарковъ: есть у нея мать, она и добудетъ, она достанетъ, „колы нэ станэ". Мать хорошо пряла, звонко ткала, бѣленько бѣлила полотно на подарки, она некоротила кросенъ, „дытьяты норовыла" и раздаетъ длинные куски полотна Еще больше заботится мать, чтобъ уложить полный „кубелъ" своей дочери. „Лады, матко, лады, ўсе ў кубелъ клады", говоритъ пѣсня, не оставляй меньшей дочери, потому что та еще не „надбала", т. е. мало еще поработала на батьковомъ хозяйствѣ. Батько въ свою очередь даритъ дочь „черною коровою". Дочь не хочетъ отъ него „ни поля, ни загына, ни межи, ни разоры, да хочу жъ я коровы, пуховые подушки, шоўковые радюжки",—говоритъ другая пѣсня. Матери же она оставляетъ все домашнее хозяйство—„новый двэръ и хлэвецъ", а себѣ желаетъ лишь „повэнъ кубэлъ платья". Молодая уѣзжаетъ со всѣмъ добромъ изъ батьковаго подворья ночью, она проситъ „свэтовую зырэньку" взойти раненько, засвѣтить ясненько, пока она выѣдетъ изъ батькового подворья:

Покиль я выкотю кублы изъ коморы,
Покиль я выведу корову изъ оборы,
На скверовы возы, що стоятъ при дорози.

Невѣста является во дворъ сквера—„повэнъ двыръ статку жене, поўну клѣть добра вэзэ, статочку до рогатого, одъ батьки да богатаго, матэри да розумной". Ее свекоръ не узналъ и „панею" назвалъ.

Такъ собирается молодая въ чужую семью. Послѣдніе мотивы уже дышутъ современнымъ порядкомъ вещей. Что же встрѣчаетъ она въ новой семьѣ?

Невѣста и семья жениха.

Уже собираясь въ новую семью, невѣста сидитъ „хмурнэнька“:

А якъ же мни бути вэсэлой,
Колы мэнэ осила чужина,
Ўсе женишкова родына.

Осѣла невѣсту чужина и даже ея наружный видъ измѣнился. Мать едва узнаетъ ее. „Учора“, т. е. у матери она была въ вѣночкѣ, а сегодня „ў сэрпаночку“, вчера была „ў чирвоному, а тепэръ ў зэлэному“. Куда ты, дѣвица, ходила, спрашиваетъ пѣсня, что головку „збэлыла“ (бѣлый женскій головной уборъ)? Она ходила въ вишневый садъ, на ея голову цвѣтокъ упалъ, „да мою голоўку убраў“.

Невесело рисуетъ пѣсня будущую семью. Куда тебя батько отдастъ, спрашиваетъ невѣсту пѣсня: „чи ў турки, чи ў татары, чи ў турэцкую зэмлю, чи ў вэлыкую сэмью?“ И такъ рисуетъ ея будущее положеніе въ этой „турецкой землѣ“:

Тамъ зэмля крэменистая,
Тамъ сэмья норовистая,
Твоего ходу пэрэхаживать муть (начнутъ),
Твое дило пэрэлаживать муть.

Темными красками описываетъ другая пѣсня свекровь, съ которой невѣстѣ больше всего придется имѣть дѣло. Чужая мать безъ вѣтру вѣетъ, безъ солнца грѣетъ, она „безъ крыўдыньки сварыть, непраўдыньку говорить“,

Якъ покорыть словами,
Обольесса слезами.

Чужая мать ждала только работницу въ домъ: „ўсю ныченьку нэ спала, тамъ собѣ робэтнычка достала“.

Радуется она. Это новая работница—„ў дымъ дымоваты (въ домъ домовать, хозяйничать), а ў поли жито жаты“—

А ў дымъ дымовыночку,
А ў поли работнычку.

Главное достоинство невѣсты, чтобы она была

И ручая, рабочая,
И до дѣла охвочая (Zieńk., 192).

Въ новой семьѣ ожидаютъ работника, на котораго всякій не прочь взвалить часть своей работы. У батьки ея были „бѣлыя“ руки, да будутъ ли бѣлыя у свекра? Вотъ какъ будутъ приказывать ей въ новой семьѣ:

Ўставай, нэвѣста, ранэнько,
Да бэжи по водыцу хутэнько,
Да помый рученьки бѣлэнько.

У свекра „ўсюды роўненько, мнѣ гуляты невольненько“. Всѣ

хвалятъ отца невѣсты, а свекра „судятъ“, не хвалятъ. Но невѣста узнала объ этомъ уже послѣ того, какъ „пироги помѣнялы, подарки подавалы“ послѣ вѣнчанія. Теперь уже поздно, пусть лучше не говорятъ: „мого сэрца нэ сушитэ“.

Въ новой семьѣ нужно угождать свекру и свекрови: свекра ей совѣтуетъ называть батькомъ; для свекрови она готовитъ тонкій кужель на подарки. Въ новую семью она входитъ „зъ дарами да зъ низэнькими уклонами, да съ тонкими кужелями“.

Этими чертами ограничиваются наши пѣсни о судьбѣ молодой въ ея будущемъ домѣ.

Черты эти сравнительно блѣдны съ тѣми густыми красками, какими рисуетъ себѣ „вэлыкую“ семью пинская женщина въ лирическихъ пѣсняхъ. Послѣднія останавливаются съ большими подробностями на различныхъ сторонахъ горькаго житья—бытья молодой женщины въ семьѣ ея мужа. Объ этомъ мнѣ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ“. *).

Теперь мы разсмотрѣли всѣ пѣсни, относящіяся собственно къ жениху и невѣстѣ и лицамъ, ихъ окружающимъ. Но на этомъ не заканчивается разнообразіе мотивовъ свадебной лирики Пинчуковъ. Намъ остается еще разобраться въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, стоящихъ отдѣльно отъ предыдущихъ: это пѣсни коровайныя; за ними слѣдуютъ пѣсни, поющія о бракѣ краснаго солнышка съ яснымъ мѣсяцемъ.

VI.

Коровайныя пѣсни.

Маленькія коровайныя пѣсни, большею частію четверостишія, занимаются описаніемъ самого коровая и способовъ его приготовленія, поясняютъ то, что дѣлаютъ коровайницы,—женщины нарочито для того избранныя и пользующіяся огромнымъ почетемъ во все время своей работы и до окончанія свадьбы.

Мать собираетъ ихъ „по мѣсяцу и по зырночкамъ и по ясному сонцу“, говоритъ пѣсня.

Къ работѣ надъ короваемъ призываютъ самого Бога:

Прибудь, прибудь
Самъ Господь до насъ,
Да тэпэрь у насъ вэсэльечко
Ў Божій часъ!.

Кудрявая коровайница печь мететъ, „хорошуха“ поправляетъ, „іи

*) См. названную мою статью „Женская доля въ пѣсняхъ Пинчуковъ“.

Бугъ помогае", разсказываетъ пѣсня. Участіе божественной силы въ печеніи коровая простирается до того, что

Самъ Бугъ коровай мѣсыть,
А Прэчистая свѣтыть,
А янголъ воду носыть,
Христосъ приступае,
Хустою накрывае.

Другая пѣсня такъ призываетъ Пречистую:

Прэчистая маты!
Ходы кѣ намъ до хаты,
Вощечку топтати,
Свѣчечокъ сукати,
Сей домъ освѣтити,
Коровай замѣсити (Zieńk., 74).

Съ той важностью, которую придаетъ короваю присутствіе божественной силы, вполнѣ гармонируютъ и описаніе самого хлѣба и эпитеты, которые ему даются. Его „гиблютъ" (мѣсятъ) „на скамьи" „золотыми перстенками". Обычный эпитетъ коровая—„ясный", другой эпитетъ—„дыўный". Его мажутъ дровинымъ масломъ (отъ коровы, въ первый разъ отелившейся), за которымъ бѣгутъ „до новой клѣти", или „до новаго мѣста". Коровай имѣетъ золотыя „вѣття":

Да зэлэнъ яворъ на дворы,
А коровай гибнуть на столи!
А у явора вѣття зэлэнэе,
А у коровая золотэе.

Одна пѣсня даетъ такое замѣчательное описаніе самого коровая:

Коло околыночку *) шишки,
По сэрэдынѣ—ўсѣ зэрночки,
Звэрху—сыръ и масло,
Ў сэрэдынѣ доля и щастэ!

„Зэрночки"—это зорочки, звѣзды.

Это описаніе дополняется другими. Коровай пекутъ на липовомъ листу:

Росты, коровай, якъ липынька,
А шишечки—якъ зэрночки (зорочки).
А гольечко якъ дубьечко!

Коровай качаютъ на серебрѣ, сажаютъ на золотѣ:

Короваю, мой раю,
Съ тобою граю,
На сребри качаю,
На золотѣ сажаю (Булгаковскій, р. 108).

Шишечки, о которыхъ поетъ пѣсня,—это звѣздочки и разныя изображенія изъ тѣста по краямъ коровайнаго хлѣба. Изображаютъ чаще всего птицъ: непремѣнно пѣтуха, перепелокъ, потомъ цвѣтки и пр. Пѣсня также говоритъ объ этомъ. Отецъ собираетъ сосѣдокъ коровай сгибать, чтобъ коровай былъ—

*) Повидимому, околыночко—кругъ, окружіе верхнее хлѣба, коло околыночку—по окруженію.

С҃ь квѣтками, зъ пэрэпелками,
Зъ дорогими да макувками (Zieńk., 70).

Наконецъ, хлѣбъ, идущій на коровай, тоже особенный. Это непремѣнно пшеница, пшеница старая, доброкачественная. „Годи“ тебѣ семь лѣтъ въ стогѣ стоять, обращается къ ней пѣсня, время изъ тебя готовить коровай—

Пшеничка друбна,
На все сподобна (Zieńk., 72).

Таково приготовленіе коровая и его внѣшній видъ.

Коровай подходитъ, растетъ необычно, ростъ его тоже замѣчателенъ. Пѣсня сравниваетъ его ростъ: „якъ хмѣль на тычини, а пшеница на нывы“. Другая пѣсня начинается тѣмъ же сравненіемъ, но затѣмъ говоритъ:

Росты, коровай, росты,
Да на гору дывыса,
Да за яблынь бэрыса,
А якъ буде коровай росты,
То мы будемъ коровай трасты.

Коровай, подходя въ квашнѣ, выбиваетъ „дубовое дэнце“. Пьяныя коровайницы тѣсто покрали „то ў мѣхъ, то ў кишеню—своимъ дѣткамъ на вэчеру“, но тѣсто „набрыняло“ (разбухло) и оборвало кишени.

Даже неодушевленные предметы выражаютъ свое удовольствіе по поводу печенія коровая:

Припечекъ рогоче,
Пичъ коровая хоче.

По изготовленіи, коровай несутъ въ клѣть.

Пѣсни описываютъ и этотъ моментъ. Даже про коровайницу, которая несетъ его, говорится, что „на іи свита шоўкомъ шита, соболями подбита“. Пѣсни обычно говорятъ, что коровай спрашиваетъ у печи, есть ли стежечка до клѣти?

Ты, коровай, нэ пытайса,
Да до клѣти добирайса.

Другая совѣтуетъ ему опереться на пирогъ и добираться до клѣти. По другимъ пѣснямъ коровай несутъ на жито: „да постаўтэ короваи да на батьковомъ жити“. Одна пѣсня въ этомъ родѣ очень интересна:

Да зышоў мисячикъ высоко,
Занэслы коровай далэко,
Да поставылы на жити,
Суды намъ, Боже, спожиты!

Коровай сравнивается съ мѣсяцемъ, выносится на жито, потому что въ немъ есть сила, способствующая плодородію поля.

Наконецъ, къ коровайнымъ же пѣснямъ относится цѣлый рядъ пѣсенъ

шуточныхъ. Короваиницы медлятъ сажать въ печь коровай: меду ли онѣ напились, или въ морѣ утонули? спрашиваетъ пѣсня, или отъ собаки не отбились, добавляетъ варьянтъ. Коровайницы напились такъ, что имъ „до дому не видно“, онѣ порастеряли свои свитки, спьяна онѣ раскрали все тѣсто и т. под.

Выше я собралъ всѣ черты пѣсенныхъ мотивовъ, характеризующія какъ самый коровай, такъ и способъ его изготовленія. Коровай, какъ обрядовый хлѣбъ, и самъ коровайный обрядъ имѣетъ огромное значеніе не только въ Пинской свадьбѣ, но также и у Бѣлорусовъ, Малороссовъ, и на всемъ пространствѣ Великороссіи; мало того, аналагичные обряды съ свадебнымъ хлѣбомъ мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ Славянъ, у народовъ Западной Европы, у древнихъ Индусовъ, Грековъ, Римлянъ и у многихъ не-арійскихъ народовъ. Это обстоятельство даетъ прочное указаніе на особенную важность обрядового свадебнаго хлѣба въ религіозномъ міровоззрѣніи различныхъ народовъ. Я буду имѣть случай говорить болѣе подробно объ этихъ обрядахъ въ другой работѣ, первыя главы которой я уже имѣлъ случай цитовать („Бѣлорусскія свадьбы въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ“) и къ которой интересующіеся могутъ обратиться. Здѣсь же я ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями, основанными на изученіи пинскихъ пѣсенъ.

Начнемъ съ общей характеристики коровая и коровайнаго обряда, какая вытекаетъ изъ предложенныхъ выше пѣсенъ.

Прежде всего печеніе коровая представляется дѣломъ особой важности: Божественная сила призывается къ короваю и охотно участвуетъ въ печеніи его. Коровай носитъ эпитетъ „дивный“, „ясный“, онъ имѣетъ золотыя вѣтви, его качаютъ золотыми перстнями, сажаютъ на серебрѣ. Эти черты указываютъ на связь нашего коровая съ божествами. Далѣе, онъ стоитъ въ тѣсной связи съ растительностью: его гольечко, какъ „дубьечко“, онъ ростетъ какъ липа, хмель, или пшеница на нивѣ.

Связь коровая съ растительностью и особенно съ хлѣбной важна. Тому, кто знакомъ съ народной религіозной символикой, будутъ вполнѣ понятны слова проф. Потебня: „Къ числу символовъ солнечнаго бога слѣдуетъ отнести и хлѣбъ“ („О знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій“, р. 39). Божества, отъ которыхъ зависитъ ростъ хлѣба, или же самъ хлѣбъ, олицетворяющій эти божества, отражаютъ въ себѣ производительныя силы природы, бога—производителя, оплодотворителя. Связь коровая съ деревомъ имѣетъ тотъ же основной смыслъ. Дубъ же считается у всѣхъ народовъ деревомъ по преимуществу антропогоническимъ: по представленію Грековъ желуди его возбуждали страсть (De Gubernatis, La Mithologie des Plantes, II, 64 и сл.). Имѣя такую тѣсную связь съ элементами растительной силы божества, коровай и самъ ростетъ необычно, съ особенною силой, о чемъ поютъ пѣсни.

Но все, что обладаетъ божественной силой, можетъ, по народнымъ

представленіямъ, передавать эту силу другимъ предметамъ и лицамъ. Вотъ почему коровай, символъ бога—производителя, несутъ, по пѣснѣ „на батьково жито“, чтобы онъ способствовалъ его росту; въ рединѣ коровая „щасте и доля“, а при несеніи выражается пожеланіе—„дай, Боже спожиты“,—говорится въ предположеніи, что его божественныя свойства полезны и людямъ.

Мы уже указали на связь нашего коровая съ солнцемъ. „Хлѣбъ вообще, говоритъ Потебня, и въ особенности коровай, сближается съ солнцемъ“ (idid, 51)—выводъ, сдѣланный на болѣе широкомъ матерьялѣ и вполнѣ подтверждаемый и нашими пѣснями. Божество, символомъ котораго служитъ коровай,—богъ, дающій всякое изобиліе, плодородіе полей, скота и людей; ему умѣстно поклоняться на свадьбахъ, посредствомъ которыхъ мужчина и женщина вступаютъ въ союзъ для произведенія потомства. Коровай символъ бога—оплодотворителя, котораго обыкновенно видятъ въ нашемъ Ярилѣ. Печеніе коровая—часть культа Ярилы - Діонисія. Въ самомъ дѣлѣ, съ этимъ не трудно будетъ согласиться, если принять въ разсчетъ то оргіастическое настроеніе, которое неизмѣнно сопутствуетъ печенію коровая: пѣсни и веселіе сопровождаются шутками и пѣснями часто совсѣмъ не двумысленнаго содержанія (какъ это бывало и въ древнихъ культахъ), изъ тѣста лѣпятъ фаллосы или же изображенія людей и животныхъ въ непозволительныхъ позахъ; такія изображенія иногда и теперь запекаютъ на короваѣ, хотя это и начинаетъ выходить изъ обычая.

VII.

Мѣсяцъ и Солнышко

Но функціи Ярилы въ народномъ представленіи тѣсно связаны съ функціями солнца, оплодотворяющаго своими лучами землю, вообще съ солярнымъ божествомъ. Ярило самъ солярное божество, то солнце, то мѣсяцъ. Свѣтило, съ которымъ связанъ коровай—и въ пинскихъ пѣсняхъ почти исключительно—мѣсяцъ.

Я напомню стихъ уже приведенной пѣсенки:

Да й зышоў мисячикъ высоко,
Занэслы коровай далэко.

Сопоставленіе съ мѣсяцемъ—очевидно. Шишки коровая—„зэрночки, зырочки“, или же въ серединѣ мѣсяцъ, окруженный звѣздочками. Напомнимъ, что и наружная форма коровая сближаетъ его съ мѣсяцемъ, окруженнымъ звѣздами: въ серединѣ коровая лѣпятъ мѣсяцъ, по краямъ—звѣзды, а затѣмъ ужъ и другія изображенія (Zieńkew., p. 68). Вотъ почему мѣсяцъ въ пѣсняхъ играетъ выдающуюся роль, тогда какъ солнце служитъ лишь для сравненій.

Мы встрѣчаемъ лишь такія сравненія, какъ „сонейко грѣе“ „сонейко

грае“, коровайницъ мать собираетъ „по ясному сонцу“. Солнце сравнивается съ невѣстой, о чемъ скажемъ ниже.

Совсѣмъ другое отношеніе къ свадьбѣ мѣсяца и звѣздъ. Мѣсяцъ свѣтитъ свадебному поѣзду. Пѣсня призываетъ его посвѣтить женихову поѣзду, когда тотъ ѣдетъ добывать невѣсту:

Свэты, свэты, ясень мисяцу, надъ намы,
Еще ѣхаты чотыры мили борами.

Но мало того, мѣсяцъ сравнивается съ мужскими дѣйствующими лицами. Мѣсяцъ—отецъ невѣсты, она —

У батюхны ў коморы
Якъ у мисяца ў колы.

Взошли два мѣсяца, говоритъ пѣсня, и оба „ясненькіе“: а у жениха два „дядухны“ и оба „радненькіе“, затѣмъ два жениховыхъ брата оба сравниваются съ мѣсяцами (Zieńkew., p. 80). Въ другой, два жениховыхъ брата называются „рожками“ мѣсяца:

У мисяца два рожки,
У Януська два братки (Zieńkew., 86)—

одинъ коня сѣдлаетъ, другой научаетъ жениха, чтобы онъ выбралъ невѣсту не въ золотѣ, а въ „розумѣ“.

Послѣднія сравненія мѣсяца важны лишь потому, что указываютъ, что въ мѣсяцѣ признавалось мужское начало. Особенный интересъ имѣютъ сопоставленія мѣсяца съ женихомъ. Шапка жениха „якъ зырочка ясна“. Мать выряжала сына,

Мисяцемъ оперезала,
И зыркою застягнула.

Цѣлый рядъ пѣсенъ, въ которыхъ говорится о добываніи невѣсты, начинается сравненіемъ:

Расходыўса мисячикъ по небу,
Да збираючи зурочки ў громаду:
Да засьвѣтимо усѣ разомъ по небу.

Здѣсь уже женихъ прямо сравнивается съ мѣсяцемъ, зырочки—его войско.

Мѣсяцъ—самъ женихъ. Это сравненіе упорно поддерживается:

Ишовъ мисячикъ до зырки,
Ишовъ молойчикъ до дивки (Bykowski, p. II. № 2).

Мѣсячикъ по небу ходитъ, какъ Янусько за столъ заходитъ —

Ясенъ мисячикъ по небу бродитъ,
Молоды Янусько за стулъ заходиць (Zieńkiew., 78).

Особенно интересно слѣдующее сравненіе:

Ишла тэщенька зорею,
А зять мисяцемъ за ею (Bykowski, 22).

Отождествленіе мѣсяца, такимъ образомъ, съ женихомъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Звѣзды, зорочка, представляются обычно женскимъ началомъ. Двѣ сестры жениха—двѣ зырночки (Zieńkiew., 80). „Тэщенько, моя зыронько",—обращается женихъ къ своей тещѣ. Мать невѣсты печалится, что женихъ разбилъ ея комору, разлучилъ ее съ дочерью, но тотъ утѣшаетъ ее:

Не журыся, моя матэнько,
Я назадъ къ вамъ іду,
Зъ святою зорою,
Изъ своею жоною;
А моя жиночка,
Якъ у неби зырочка (Bykowski, 19).

Подобное сравненіе находимъ еще въ одной пѣснѣ:

Убирайся, дѣвонько, зъ хаты да мэтэлкою,
А зъ двора пэрэпэлкою,
За ворота зыркою.

Какъ видно изъ приведенныхъ нами отрывковъ, звѣзды, зорочки представляются въ пинскихъ пѣсняхъ въ женскомъ образѣ, причемъ не разъ онѣ прямо сопоставляются съ невѣстою.

Не менѣе интересны пѣсни, относящіяся къ солнцу. Если мѣсяцъ является началомъ мужскимъ, вообще и женихомъ въ частности, то немало находимъ указаній и на то, что пѣсни олицетворяютъ солнце въ женскомъ образѣ, въ невѣстѣ.

Сонэйко колесомъ на гору идэ.
Да дѣвонька къ вѣнчанью ѣдэ.

Другая характеризуетъ невѣсту такъ: у нея

Изъ рукавицъ вѣтрецъ віе,
Изъ личенька сонце гріе,
Умна да розумна,
Хороша да богата (Булгаковскій, 107, № 40).

Лицо невѣсты—солнцы. Въ другомъ мѣстѣ невѣста уподобляется солнцу такъ:

Погледи, матинько, въ оконце,
Уже твое дитятко якъ сонце (Zieńk., 64).

Отожествленіе невѣсты съ солнцемъ несомнѣнно повліяло на связь невѣсты съ „золотомъ", часто замѣняющимъ въ народныхъ пѣсняхъ само солнце. Золото „зазьвинѣло у шкатулки"), когда невѣста заплакала (Zieńk., 66), она мететъ сѣни „золотою мэтэлкою" (ibid. 60); пріѣхавъ отъ вѣнца, невѣста разсыпаетъ золото (Булгаковскій, 98, № 7 и др.); невѣста очень часто сравнивается съ „золотымъ кубкомъ" (Zieńk., 50).

Сравненіе, отождествленіе жениха съ мѣсяцемъ, невѣсты то съ звѣздою, то съ солнцемъ, не одно поэтическое сравненіе, но имѣетъ болѣе глубокій смыслъ. Народная поэзія какъ современныхъ (Русскихъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ и др.), такъ и болѣе древнихъ народовъ (Индусовъ, Грековъ, Римлянъ и др.), даетъ возможность заключить, что въ народномъ

міровоззрѣніи существовало представленіе о бракѣ небесныхъ свѣтилъ, причемъ чаще мѣсяцъ представляется мужемъ, солнце или заря—женою, но у другихъ народовъ (напр. Грековъ) и наоборотъ. Это представленіе лежитъ въ основѣ народной миѳологіи. Чтобъ объяснить себѣ происхожденіе подобнаго вѣрованія, нужно обратить вниманіе на то, что всякая первобытная религія имѣетъ въ основѣ своей обоготвореніе производительной силы природы, покорившей впервые сознаніе первобытнаго человѣка и заставившей его поклоняться себѣ. Поклоненіе это выразилось въ массѣ различныхъ проявленій: въ почитаніи растительности, воды, огня, животныхъ, олицетворенныхъ въ видѣ отдѣльныхъ божествъ или въ непосредственномъ поклоненіи. Но и различные предметы на землѣ, животныя, воды, смѣна временъ года и т. п. считалось человѣкомъ также проявленіемъ производительной силы природы. Чтобъ объяснить себѣ происхожденіе всего, онъ бралъ аналогію изъ жизни собственной и окружающихъ его животныхъ. Какъ люди и животныя отъ сношеній самца съ самкой производятъ потомство, такъ и высшія существа, мѣсяцъ и солнце, небо и земля, вступая въ бракъ между собою, производятъ всѣ прекрасныя вещи въ этомъ мірѣ. Вотъ почему и земля называется матерью не только у Славянъ, но у Индусовъ, Грековъ, Римлянъ, Германцевъ, Галловъ и др., а небо является ея супругомъ оплодотворителемъ; средство оплодотворенія—въ Славянской миѳологіи—дождь. Такимъ образомъ, первобытная религія знаетъ двѣ высшія божественныя пары—небо и землю, мѣсяцъ и солнце.

Этимъ то и объясняется отраженіе въ свадебной поэзіи Пинчуковъ мотивовъ о мѣсяцѣ - женихѣ и солнцѣ—невѣстѣ. Отраженіе это, правда, не особенно яркое, но всетаки достаточное для того, чтобы привлечь его къ извѣстнымъ миѳологическимъ воззрѣніямъ болѣе первобытной религіи.

Обращаясь въ заключеніе къ тѣмъ даннымъ, которыя можно извлечь изъ представленнаго обзора мотивовъ пинской свадебной поэзіи, я считаю нужнымъ напомнить общіе выводы.

Пѣсни наши представляютъ мотивы культурно-историческаго и миѳологическаго характера; на ряду съ тѣми и другими мы встрѣчаемся съ картинами обыденныхъ житейскихъ отношеній уже новѣйшаго времени.

Къ мотивамъ историко-культурнаго характера относятся: 1) пѣсни объ участіи рода въ женитьбѣ и выдачѣ замужъ своихъ молодыхъ сочленовъ, 2) пѣсни о добываніи и куплѣ невѣсты, объ участіи брата ея.

Среди миѳологическихъ мотивовъ видное мѣсто занимаютъ переживанія почитанія великой производительной силы природы; почитаніе это выразилось въ поклоненіи хлѣбу и хлѣбныхъ пѣсняхъ и въ пѣсняхъ о свадьбѣ мѣсяца и солнца.

Этими выводами опредѣляется значеніе пинскихъ свадебныхъ пѣсенъ, какъ этнологическаго матеріала.

Первобытныя формы брака*).

I.

Этнологія и первобытный бракъ.—Безразличное смѣшеніе половъ.—Гетеризмъ бытовой и религіозный.

Наука о человѣкѣ, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, въ послѣднее время достигла такихъ необыкновенно важныхъ результатовъ, что взглядъ на его первобытную культуру совершенно измѣнился. Многое изъ того, что еще такъ недавно считалось вполнѣ установленнымъ, казалось истиной, оказывается діаметрально противоположнымъ тому, что добыто современной этнологіей. Современная этнологія или, какъ нѣкоторые не совсѣмъ точно называютъ ее, соціологія, является высшею точкою современнаго научнаго прогресса. Она охватываетъ всѣ отрасли знанія, стараясь выжать изъ нихъ все, что относится къ человѣку, и такимъ образомъ воссоздать его начальную исторію, исторію его культурной жизни, и искать затѣмъ уже законовъ человѣческаго развитія. Нигдѣ такъ наглядно не проявлялось значеніе и успѣхъ молодой науки, какъ въ вопросѣ объ исторіи брачныхъ и вообще семейныхъ отношеній. И это вполнѣ естественно, потому что исторія семейныхъ отношеній самымъ тѣснымъ образомъ связана съ историческимъ ходомъ прогресса вообще. По исторіи семьи и брака можно наилучшимъ образомъ слѣдить за постепеннымъ ростомъ культуры. Каждый новый шагъ въ исторіи брачныхъ формъ сопровождается высшимъ фазисомъ развитія даннаго народа. И, наоборотъ, всякое новое проявленіе высшей культуры непремѣнно идетъ параллельно съ новой высшею формой брачныхъ отношеній. Болѣе или менѣе правильная форма брачныхъ отношеній дала первый толчекъ къ установленію частной собственности, и этою первою собственностью была женщина. „Въ исторіи права собственности слѣдуетъ искать исторію брака, говоритъ Жиро-Телонъ; оба эти

---

*) Напечатано въ 1892 г.

института имѣли одну и ту же форму и повиновались однимъ и тѣмъ же законамъ развитія" [1]).

Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся представить формы брака въ ихъ постепенномъ развитіи въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ предметъ трактуется въ современной этнологической наукѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что то, что у насъ называется семьею и бракомъ, вовсе не существовало на первобытныхъ ступеняхъ развитія, не существовало также и той лѣстницы родства по матери и отцу, которую признаемъ мы. Наиболѣе первобытное состояніе половъ извѣстно подъ названіемъ *безпорядочнаго сожительства*. Оно характеризуется полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было формъ семьи и брака. У многихъ современныхъ дикарей не существуетъ даже слова, означающаго бракъ; это замѣчается, напр., у калифорнскихъ индѣйцевъ, у ашантіевъ и др.; тѣмъ болѣе не существуетъ брачныхъ обрядовъ, а у бушменовъ въ языкѣ нѣтъ даже различія замужней женщины отъ дѣвушки [2]).

Такъ, о жителяхъ Венецуэлы въ Южной Америкѣ Геррера разсказываетъ: они не соблюдаютъ никакихъ правилъ супружескаго сожительства, но берутъ столько женъ, сколько хотятъ, а женщины берутъ столько же мужей, сколько пожелаютъ; между ними не существуетъ ревности; живутъ они въ домахъ человѣкъ по 160 (G. Telon, Les origines). Среди индѣйцевъ средней Америки женщины безразлично принадлежатъ всѣмъ родственникамъ. Миссіонеры, отправлявшіеся въ 20 годахъ нашего столѣтія въ Австралію, были приведены въ ужасъ отношеніемъ между обоими полами на Сандвичевыхъ островахъ: сожительство братьевъ и сестеръ представляетъ здѣсь обычай, говоритъ одинъ изъ нихъ; туземцы не имѣли стыда и воздержанія болѣе, чѣмъ животныя: мужья имѣли по нѣсколько женъ и жены по нѣсколько мужей, и всѣ смѣшивались одни съ другими, какъ кому хотѣлось (ib. 61). Подобными описаніями полны разсказы современныхъ путешественниковъ объ австралійскихъ и американскихъ дикаряхъ. Но тѣ же данныя приводятся и древними писателями. Очень интересный разсказъ изъ жизни арабовъ приводитъ Страбонъ. Всѣ родственники имѣютъ общую собственность и одну жену. Они считаются братьями между собою и наказываютъ смертью всякое прелюбодѣяніе, каковымъ признается всякое сожительство съ представителями другого племени. Первый, кто входитъ къ общей женѣ, остается съ ней, оставивъ у дверей свою палку: она служитъ знакомъ его присутствія, и никто другой уже не войдетъ къ ней. Одинъ царь имѣлъ 15 сыновей и одну дочь, отличавшуюся красотой. Всѣ братья любили ее и посѣщали одинъ за другимъ. Наскучивъ

[1]) Les orgines du mariage et de la famille.

[2]) Леббокъ, Первобыт. Культ., p. 62—3.

безпрестаннымъ посѣщеніемъ, она сдѣлала палки точно такія же, какъ у ея братьевъ, и попеременно ставила ихъ у дверей. Наконецъ, случайно, братья открыли шутку своей сестры.

Геродотъ разсказываетъ о Тамимахъ, что „они сходились публично, какъ животныя". А Жаксмонъ тоже сообщаетъ про одного индусскаго раджу, который прогуливался съ одною изъ своихъ женъ на спинѣ слона et s'ébattoit publiquement avec sa compagne" (Letourneau, L'evolution du marige et de la famille, p. 51).

Вотъ что находимъ мы у древнихъ и новѣйшихъ писателей о первобытномъ отношеніи половъ. Изслѣдованія послѣдняго времени подтверждаютъ, что приведенные факты не представляютъ случайнаго явленія, характеризующаго одно только или нѣкоторыя племена, почему либо оказавшіяся наиболѣе безнравственными, съ нашей точки зрѣнія. Такія животныя отношенія половъ существовали у предковъ нынѣшнихъ европейцевъ. Конечно, свѣдѣнія, которыми мы обладаемъ на этотъ счетъ, не такъ положительно точны и подробны, какъ о современныхъ дикаряхъ, и это потому, что у предковъ нашихъ появилась письменность уже, разумѣется, въ иной періодъ, когда у нихъ образовалась правильная форма брачныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе народная поэзія, обычаи и обряды и древнѣйшіе юридическіе памятники оставили намъ несомнѣнные слѣды существованія первобытнаго смѣшенія половъ у древнихъ индусовъ, грековъ, латинянъ, кельтовъ, германцевъ и славянъ.

Вообще, занимаясь изслѣдованіемъ вопросовъ первобытной культуры, не слѣдуетъ забывать двухъ аксіомъ, на которыя опираются эти изслѣдованія. Первая аксіома состоитъ въ томъ, что развитіе разныхъ народовъ, какъ бы, повидимому, они не были различны по своимъ расовымъ отличіямъ, по языку и степени культуры (напр. какъ арійцы и краснокожіе или полинезійцы),—неизмѣнно проходило однѣ и тѣ же стадіи развитія. Такимъ образомъ, если мы можемъ установить, что какой нибудь обычай или институтъ, извѣстное состояніе, наконецъ, хотя бы, напр., разсмотрѣнное отношеніе половъ, присущи всѣмъ дикимъ народамъ, находящимся на извѣстной степени культуры, то отсюда мы имѣемъ право вывести заключеніе, что такое же точно состояніе переживалъ на той же ступени развитія и другой народъ, уже вышедшій изъ нея, хотя бы мы объ этомъ и не имѣли опредѣленныхъ данныхъ. Ни одинъ народъ не составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніи. И эта аксіома замѣчательно вѣрна и подтверждается тысячами фактовъ. Я не буду о ней распространяться; мы сейчасъ-же будемъ имѣть случай убѣдиться на фактахъ въ справедливости ея.

Другая столь же великая аксіома заключается въ томъ, что народныя вѣрованія, преданія, обряды и обычаи, народная поэзія, а также и право отличаются величайшей косностью. Народная пѣсня, сказка, обрядъ—

лучшая лѣтопись народной жизни. Проходятъ вѣка, тысячелѣтія, народъ достигаетъ высокой степени культуры, цивилизаціи, а все-таки въ его пѣсняхъ и преданіяхъ, обрядахъ, нравахъ мы можемъ наблюдать всю исторію его жизни, начиная отъ самыхъ раннихъ ступеней цивилизаціи, начиная съ того стаднаго состоянія, которое только что было нами обрисовано. Разумѣется, это источники косвенные для исторіи народной жизни, но памятники столь же несомнѣнные, какъ и разсказы очевидцевъ. Мы будемъ имѣть случай не разъ убѣдиться, какъ тщательно народныя вѣрованія и поэзія сохраняютъ черты первобытной жизни, иногда съ мельчайшими подробностями. Методъ, который служитъ для открытія чертъ первобытной жизни, въ современныхъ намъ вѣрованіяхъ народа, извѣстенъ въ соціологіи подъ названіемъ метода переживаній, терминъ, впервые пущенный въ ходъ Леббокомъ. Вотъ, съ помощью этого метода переживаній и открываются отголоски первобытной жизни у народовъ, уже давно вступившихъ на путь цивилизаціи.

После сказаннаго, которое всегда нужно имѣть въ виду при послѣдующихъ замѣчаніяхъ, перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію предмета.

Итакъ, переходя къ народамъ индоевропейскимъ, мы прежде, всего, остановимся на древнихъ народахъ. Послѣ изслѣдованія В. Ф. Миллера о бытовыхъ чертахъ въ книгахъ Ригъ-Ведъ, древнѣйшаго памятника идусскаго творчества, едва ли можно сомнѣваться въ отсутствіи безпорядочнаго сожительства среди индусовъ первобытнаго періода. Названный ученый находитъ въ гимнахъ Ригъ-Веды слѣды сожительства брата съ сестрой, отца съ дочерью, нѣсколькихъ мужчинъ съ одною женщиною и пр. [1]) Въ современномъ индусскомъ свадебномъ ритуалѣ невѣста на вопросъ жреца, кто былъ ея любовникомъ до брака, непремѣнно должна назвать чье либо имя, хотя бы таковаго не было; это свидѣтельствуетъ о существовавшей нѣкогда свободѣ половъ [2]).

Не менѣе убѣдительно и греческое преданіе о Кекропсѣ, по которому этотъ герой впервые установилъ правильный бракъ, возложивъ на супруговъ обязанность быть вѣрными другъ другу; слѣдовательно, греческое преданіе тѣмъ самимъ указываетъ, что былъ моментъ, когда сношенія между полами не были регулированы ничѣмъ (Paul Gide, „Etude sur la condition de la femme dans le droit ancien et mederne").

О древнихъ галлахъ мы имѣемъ свидѣтельство Цезаря, что они имѣли по нѣсколько женъ, общихъ для всѣхъ братьевъ, и родители жили съ дѣтьми (Ковал., Перв. пр., II, 7).

Что касается славянъ, то еще Несторова лѣтопись отмѣчаетъ, что

---

1) Очерки арійской миѳологіи т. I.

2) Ковалевскій, Первоб. право, II, p. 12.

Радимичи и др. племена не имѣли браковъ, похищали себѣ женъ, жили по-скотски и не имѣли стыденія къ снохамъ. Въ томъ же духѣ описываетъ нравы древнихъ чеховъ Козьма Пражскій [3]).

Не увеличивая своего изложенія примѣрами, я остановлюсь лишь на томъ, какъ стоитъ въ настоящее время въ наукѣ этотъ вопросъ о первобытномъ стадномъ состояніи общества. Джонъ Леббокъ въ своей „Первобытной культурѣ" особенно напираетъ на это безразличіе въ половыхъ отношеніяхъ и на отсутствіе того, что можно было бы назвать бракомъ въ первобытномъ обществѣ. Но уже Спенсеръ въ своей критикѣ (Основанія соціологіи, т II, гл. III) Леббоковской теоріи сильно сомнѣвается въ совершенномъ отсутствіи индивидуальнаго брака на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія. Онъ приводитъ два аргумента, подрывающихъ Леббоковскую теорію. Во-первыхъ, что слѣдуя Леббоку, рядомъ съ коммунизмомъ въ отношеніяхъ къ женщинамъ существовалъ коммунизмъ въ отношеніи къ какой бы то ни было собственности. Индивидуальнии бракъ начинается тогда, когда проявляется въ дикарѣ стремленіе къ частной собственности которую имѣлъ мужчина. Но ничто не доказываетъ, по мнѣнію Спенсера, чтобы не существовало частной собственности на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія: имѣлъ же дикарь стрѣлы, оружіе, которое составляло его личную собственность и т. д. Отсюда и стремленіе имѣть отдѣльную женщину.— Другой аргументъ тотъ, что уже у высшихъ животныхъ наблюдается нѣкоторый подборъ семьи и, что самцы вовсе не безразлично относятся къ той или другой самкѣ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ предполагать о существованіи нѣкотораго подбора среди дикарей. Мысль высказанная Спенсеромъ, поддерживается многими этнологами. Профессоръ Ковалевскій ограничиваетъ также сферу смѣшенія половъ, ссылаясь на изслѣдованія въ области зоологіи, [1]) а Летурно въ своемъ сочиненіи „L'Evolution du mariage et de la famille" первыя три главы посвящаетъ разбору брачныхъ и семейныхъ, если такъ можно выразиться, отношеній среди животныхъ и приходитъ къ тому же выводу.

Такимъ образомъ, по мнѣнію большинства этиологовъ, безраличное общеніе половъ въ древнѣйшій періодъ предполагается болѣе или менѣе ограниченнымъ нѣкоторымъ подборомъ группъ, живущихъ въ коммунальномъ бракѣ. Какъ выражается этотъ подборъ въ наиболѣе дикомъ состояніи, они не даютъ опредѣленнаго отвѣта. Теперь перейдемъ къ тѣмъ

---

[3]) Объ этомъ и др. свидѣтельствахъ о гетеризмѣ у славянъ см ст. М. Ковалевскаго въ анг. журналѣ „Folk Leore" „Marriage amorg the early slavs", (изъ лекцій его въ Оксфордѣ), 1890 го да, декабрь. Ср. также, „Rites et usages nuptiaux d'Ukraine" par Volkov, въ жур „l'Antropologie", 1891 г., № 2, 4, 5.

[1]) См. его Первоб куль ура, II. То же онъ пов оряетъ и въ своихъ послѣднихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Стокгольмѣ „Tableau des origines de la famille et de la propriété", 1890 г.

переживаніямъ въ бытовой и религіозной сферѣ человѣческой жизни, которая оставила намъ переживанія эпохи первобытнаго общенія половъ. Явленіе это—*гетеризмъ*. Гетеризмъ—явленіе уже болѣе позднее, замѣчаемое даже въ эпоху установившихся брачныхъ и семейныхъ отношеній среди народовъ, у которыхъ преобладающею формою является уже монологическій бракъ. Такимъ образомъ, гетеризмъ—сопутствующее обстоятельство другимъ болѣе высокимъ формамъ брака, представляетъ собою лишь переживанія первобытнаго коммунизма.

Гетеризмъ проявляется въ двухъ видахъ: въ началѣ, какъ только въ данномъ племени начинаетъ устанавливаться индивидуальный бракъ, а таковой бракъ, какъ увидимъ ниже, начался съ похищенія женъ, а потомъ съ купли ихъ, — онъ представляетъ реальное явленіе. Отношенія между полами еще не регулированы, понятія о томъ, что мы называемъ нравственностью не существуетъ. Женщина вовсе не обязана воздерживаться въ половомъ отношеніи до того времени, пока случайно она будетъ похищена или куплена мужчиною. Дѣло другое, когда она будетъ похищена или куплена: тогда она становится вполнѣ собственностью своего мужа, его рабою и не можетъ располагать собою безъ позволенія мужа. Оттого то мы замѣчаемъ среди дикарей такое явленіе: цѣломудренность дѣвушки нисколько не цѣнится, напротивъ, считается почетнымъ, если она пріобрѣтетъ себѣ приданое проституціею; но зато замужнія женщины отличаются вѣрностью своимъ мужьямъ. Такъ, напр., въ Нука-Гава и вообще во всей Полинезіи дѣвушки не выходятъ замужъ до 19—20 лѣтъ и въ это время они пользуются полной свободой Среди жителей Америки замѣчается то же самое. Среди племени Хинукъ дѣвушки продаютъ себя, и родители получаютъ плату. То же самое встрѣчаемъ и у Эскимосовъ, Кафровъ, на Борнео и пр. (Letourneau, p. 63). Японскіе нравы въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны. Здѣсь дѣвушка пользуется большимъ почетомъ, если она добудетъ себѣ приданое проституціею. Отецъ и мать ей въ этомъ всячески способствуютъ. Напротивъ, дѣвушка, отдавшаяся своему любовнику безъ согласія отца, наказывается имъ 60 ударами за то, что уворовала имущество, принадлежащее отцу (G. Telon, p. 47—48). Замужняя женщина можетъ располагать собою лишь съ согласія мужа. Гостепріимные эскимосы считаютъ того мужа самымъ почтеннымъ, который безъ всякаго колебанія предлагаетъ свою жену гостю. Такіе обычаи гостепріимнаго гетеріума извѣстны всѣмъ краснокожимъ, американскимъ и африканскимъ племенамъ, а также и древнимъ грекамъ и римлянамъ. Ликургъ предоставляетъ мужьямъ предлагать своихъ женъ друзьямъ, если они сочтутъ ихъ достойными. Въ Спартѣ же одобрялось поведеніе стараго мужа, если онъ заботился о прінсканіи для жены молодого любовника.—Сократъ, какъ передаетъ преданіе, предложилъ свою жену другу своему Алкивіаду, а Катонъ Старшій сдѣ-

лалъ то же самое для Гортензія (Плутархъ, Letourneau, p. 65—67). Только что описанный родъ гетеріума можно бы назвать бытовымъ, потому что онъ имѣетъ тѣсную связь съ бытовою стороною жизни. Онъ стоитъ на срединѣ между устанавливающимися формами индивидуальнаго брака, когда еще отголоски первобытнаго смѣшаннаго состоянія половъ довольно сильны и когда еще вовсе не установилось понятіе о томъ, что мы называемъ нравственностью. Онъ свидѣтельствуетъ лишь о поворотномъ пунктѣ въ этомъ отношеніи.

Но слѣдуетъ еще различать другого рода гетеризмъ—религіозный. Начало его кроется въ томъ же первобытномъ состояніи, но мотивы, которыми онъ поддерживается среди сравнительно высоко культурныхъ обществъ, совершенно другіе. Извѣстно, что многія бытовыя черты обыденной жизни съ теченіемъ времени постепенно переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ видѣ обычая предковъ и наконецъ получаютъ религіозное освященіе, становятся какъ бы частью самой религіи, настолько тѣсно сливаются съ нею, что уже трудно отличить начальныя бытовыя черты. Давленіе этихъ привычекъ, обычаевъ, мы сами испытываемъ въ повседневной жизни. У насъ, напр., существуетъ обычай ѣсть на Рождество непремѣнно колбасы и вообще свинину, справлять масляницу, печь пироги на Пасху и т. д.; изъ года въ годъ исполняемъ мы это требованіе обычая, хотя прекрасно понимаемъ, что онъ не имѣетъ вовсе соотношенія съ тѣмъ религіознымъ торжествомъ, къ которому мы его пріурочиваемъ. Такова сила обычая! Но для крестьянина пирогъ на Пасху, колбаса на Рождество уже не просто обычай, а законъ, и, вѣроятно, не многіе изъ нихъ смотрятъ на это иначе, какъ не на требованія религіи. Но чѣмъ далѣе мы переходимъ въ глубь вѣковъ, тѣмъ крѣпче сила обычая, обычай—законъ самый строгій, а законъ бытовой—это законъ религіи. Оттого-то мы видимъ, какъ множество самыхъ обыкновенныхъ бытовыхъ отношеній становится со временемъ непреложнымъ закономъ общественной жизни. Мы будемъ еще имѣть возможность въ этомъ убѣдиться. А теперь замѣтимъ, что и первобытныя отношенія половъ, въ силу указанной живучести преданія, получили съ теченіемъ времени религіозное освященіе. Простой обычай, доставлявшій дѣвушкамъ половую свободу, съ теченіемъ времени, при установленіи индивидуальныхъ браковъ, съ установленіемъ болѣе прочнаго понятія о нравственности, доходитъ до того, что лишеніе дѣвушки цѣломудрія до брака становится обычаемъ и его беретъ подъ свое покровительство религія.

Нужно замѣтить, что весьма важные религіозные мотивы содѣйствовали такому переходу Дѣло въ томъ, что основной мотивъ всѣхъ первоначальныхъ религій—это поклоненіе живительному, оплодотворяющему началу. Первый древнѣйшій богъ индусовъ это *Сома*—самецъ, быкъ. Въ многочисленныхъ пѣсняхъ Ригъ-Веды, посвященныхъ ему, самымъ почетнымъ

для него эпитетомъ считается „самецъ“—„orshan“, что значитъ въ то же время и быкъ—какъ наглядное проявленіе той же силы. Богъ Зендъ-Авесты, не менѣе древняго памятника Иранцевъ,—„быкъ, рожденный единымъ“ [1]). Очевидно, первобытнаго человѣка поражала прежде всего творческая сила природы. Онъ видѣлъ, какъ земля, смоченная дождемъ, производила растенія, какъ солнце, появляясь на небѣ, оживляло все своимъ свѣтомъ и т. д. Беря для объясненія этой живительной силы солнца и земли матерьялъ изъ собственной жизни, онъ, конечно, видѣлъ въ солнцѣ величайшую оплодотворительную силу, сравнивая его съ мужчиной. Отсюда и поклоненіе солнцу. Эта идея проникаетъ рѣшительно всѣ первобытныя религіи. Съ теченіемъ времени понятія осложняются, пантеонъ боговъ увеличивается, старые боги замѣняются новыми, носящими не столь грубый характеръ, но старая идея живетъ и переживаетъ самую религію. Мы видимъ культъ Венеры въ Римѣ, Милиты и Астарты въ Вавилонѣ, Аѳродиты, Вакха и Пріапа у грековъ, наконецъ Ярилы или Тура (быка) у древнихъ славянъ и т. д.

Такое широкое распространеніе поклоненія оплодотворяющему началу вполнѣ объясняетъ намъ идею религіознаго гетеризма; дѣвушка предъ вступленіемъ въ бракъ, должна была искупить себя, отдавъ свою невинность Богу. „Женщина, — оставляя дѣвичество, — говоритъ Жиро-Телонъ,—должна слѣдовать примѣру великой матери, ненасытной земли и имѣть одну только цѣль—оплодотвореніе. Богиня требуетъ отъ всякой дѣвушки своего народа, чтобы она отдавалась всякому, кто потребуетъ; бракъ, т. е. связь исключительно съ однимъ человѣкомъ,—это нарушеніе божественныхъ законовъ. Всякое препятствіе со стороны человѣка принципу произведенія есть грѣхъ передъ богиней, которая одна можетъ по своей прихоти разорвать цѣпи и освободить женщину отъ оковъ цѣломудрія“ („Les origines“ p. 20).

Эта религіозная концепція повела къ религіозному гетеризму, нѣсколько примѣровъ котораго мы приведемъ.

У нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ женщина должна провести первую брачную ночь въ безпорядочномъ половомъ сожитіи То же самое извѣстно о жителяхъ Америки. Однородныя явленія разсказываютъ древніе писатели о гетеризмѣ на о. Самосѣ, во Ѳракіи, Коринѳѣ, въ Александріи у ливійцевъ и др. (Страбонъ, Діодоръ).

У Аѳинянъ тотъ же обычай мы видимъ при совершеніи мистерій въ честь Афродиты, въ Римѣ во время вакханалій и др.

Геродотъ передаетъ такой разсказъ о посвященіи вавилонскихъ дѣвушекъ. Ни одна изъ нихъ не могла выйти замужъ, прежде чѣмъ не отда-

---

[1]) См. Куликовскаго „Опытъ изученія вакхическихъ культовъ“ и его же „Къ вопросу о религіозныхъ представленіяхъ о быкѣ“ Зап. Новорос. универс., т. 43.

валась какому нибудь иностранцу у храма Милиты и не получала отъ него какой нибудь мелкой монеты, которая для нея служила затѣмъ талисманомъ.

Въ Индіи это религіозное проституированіе имѣетъ мѣсто и въ настоящее время. Здѣсь даже существуютъ храмы, въ которыхъ дѣвушки посвящаютъ себя, видя въ этомъ служеніе божеству. Въ Гоа, Калькуттѣ и др. жрецы сами принимаютъ на себя обязанность божества, вступающаго въ связь съ дѣвушкой.

Въ средневѣковой Европѣ этотъ гетеризмъ выразился въ jus primae noctis, правѣ первой ночи. Съ жрецовъ, представителей божества, это право перешло къ владѣльцамъ. Отъ нихъ начало зависѣть позволеніе вступить въ бракъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освященіе этого позволенія посредствомъ права первой ночи.

Довольствуясь этими наглядными примѣрами, я перехожу дальше къ указанію слѣдовъ тѣхъ же культовъ въ языческой религіи славянъ и въ обрядахъ современныхъ.

Въ миѳологіи русскихъ славянъ богъ-оплодотворитель извѣстенъ подъ названіемъ Ярилы, иногда же онъ называется въ древнихъ поученіяхъ Туромъ, что свидѣтельствуетъ о поклоненіи быку, какъ наглядному выраженію силы плодородія природы. Образъ Ярилы далеко не исчезъ, какъ и самое имя, изъ вѣрованій различныхъ уголковъ русскаго населенія, причемъ остатки поклоненія Ярилѣ носятъ вполнѣ опредѣленный видъ оргіастическихъ культовъ.

Ближайшій интересъ для насъ представляетъ бѣлорусское преданіе о Ярилѣ. По разсказу Деревлянскаго, бѣлоруссы представляютъ себѣ его молодымъ, красивымъ, разъѣзжающимъ на бѣломъ конѣ; онъ покрытъ бѣлою мантіею и на головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ цвѣтовъ. Празднество его происходитъ 27 апрѣля (вѣроятно, 24). Вечеромъ дѣвицы избираютъ одну изъ себя Ярилою, одѣваютъ ее такъ, какъ представляютъ себѣ Ярилу, сажаютъ на бѣлого коня. Вокругъ пляшетъ хороводъ дѣвицъ съ вѣнками на головахъ, причемъ поютъ пѣсни [1]).

Смыслъ праздника ясенъ: онъ совершается весною, когда земля, оплодотворенная весенними лучами солнца, рождаетъ всякое изобиліе. Цвѣты, употребляемые при этомъ случаѣ служатъ символомъ растительной силы земли. Этотъ праздникъ совпадаетъ съ днемъ св. Георгія, сюда же относяться и празднества Купалы; это потому, что черты языческихъ боговъ разложились на христіанскихъ святыхъ въ народномъ воззрѣніи: народъ подыскивалъ въ житіяхъ святыхъ сходныхъ чертъ съ своими богами, и черты послѣднихъ перенесъ на первыхъ.

---

[1]) Ж. М. Нар. Пр. 1846, кн. 1, Прибавл., 20—21.

Не менѣе интересны также похороны „Кострубоньки“ у малороссовъ или „Костромы“ у великороссовъ. Это также весенній праздникъ. Онъ состоитъ въ томъ что женщины дѣлаютъ соломенное изображеніе Кострубоньки—Ярилы со всѣми его естественными частями, поютъ, пляшутъ и пьянствуютъ и наконецъ голосятъ, какъ бы погребая его, причемъ допускается свобода тѣлодвиженій, а ночной мракъ покровительствуетъ свободѣ отношеній между полами [2]).

Собранія, на которыхъ въ религіозныхъ видахъ допускается свобода въ отношеніяхъ половъ, практиковались въ средневѣковой Руси, и остатки ихъ можно наблюдать среди народа и въ настоящее время. Я сдѣлаю два—три указанія на этотъ счетъ.

Одинъ итальянскій путешественникъ XVI в., Роккалини, описываетъ намъ одинъ изъ такихъ празднествъ въ Московіи. Ѣдучи ночью, онъ и проводникъ сбились съ дороги и наконецъ случайно забрѣли въ какое то селеніе, здѣсь ихъ ввели въ просторную избу. Здѣсь онъ увидѣлъ большое собраніе женщинъ и мужчинъ, плясавшихъ и пѣвшихъ пѣсни, опьяненныхъ винными парами. Черезъ нѣкоторое время тушили лучину, освѣщавшую избу, и присутствующіе предавались разврату. Такъ повторялось нѣсколько разъ въ ночь. Одинъ изъ присутствующихъ объяснилъ Рокколини, что подобныя собранія въ извѣстные дни года составляютъ обычай этой страны (ст. Веселовскаго, въ Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этн. т. II.).

Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ отраженія тѣхъ же „звѣринскихъ обычаевъ“, о которыхъ говоритъ еще лѣтопись.

Но далѣе, ученые согласны и въ томъ, что и наши извѣстные „вечорки“, малорусскія „вечерницы“, великорусскія „посидѣлки“ носятъ въ основѣ своей тѣже черты первобытнаго гетеризма. На вечоркахъ, въ настоящее время носящихъ въ общемъ вполнѣ невинный характеръ (за исключеніемъ подгородныхъ селъ — здѣсь другія условія), дозволяется обычаемъ извѣстная свобода отношеній: всякій парень можетъ разговаривать, позволять себѣ нѣкоторыя шутки съ дѣвушкой, какихъ въ другое время этикетъ не дозволяетъ. Мало того, во многихъ мѣстностяхъ сохранился даже обычай, по которому дѣвушка осмѣивается и даже изгоняется изъ собранія, если она отталкиваетъ подсѣвшаго и шутящаго съ ней парня, хотя бы онъ ей не нравился: такъ требуетъ обычай.

Наши свадебные обряды также не лишены многихъ чертъ, указывающихъ на то, что одинъ изъ основныхъ мотивовъ свадебнаго обряда въ первобытномъ обществѣ—это поклоненіе, восхваленіе Бога-оплодотворителя. Въ самомъ дѣлѣ женитьба, въ глазахъ первобытнаго человѣка, имѣла главною цѣлью соединеніе двухъ лицъ для произведенія себѣ подобныхъ

[2]) См. ст. Ерименко о Ярилѣ въ Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этн., т. II.

Это считалось важнѣйшею, священнѣйшею обязанностью человѣка. Отсюда ясно, что поклоненіе Ярилѣ въ свадебномъ ритуалѣ играетъ видную роль.

Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи (въ Минск. губ.) послѣ брачной ночи совершается такъ называемый „карагодъ“. Молодыхъ ведутъ на гумно и обводятъ трижды вокругъ снопа соломы, стоящаго посрединѣ, затѣмъ ихъ и присутствующихъ угощаютъ. Этотъ снопъ соломы, если мы сравнимъ его съ празднествомъ „Кострубоньки“, изображеніе котораго дѣлается также изъ соломы, то въ немъ нетрудно увидѣть остатокъ поклоненія Ярилѣ. Куль соломы—это его изображеніе или же pars pro toto (черта, свойственная всѣмъ народамъ).

Сюда же относятся и свадебные подарки, дѣлаемые самимъ женихомъ или его отцомъ лично невѣстѣ. Такимъ подаркомъ чаще всего бываетъ монета или нѣсколько монетъ, подаваемыхъ невѣстѣ въ водкѣ или въ водѣ. Подобный обычай извѣстенъ не только бѣлоруссамъ и славянамъ вообще, но онъ практикуется, наприм. у итальянцевъ и у французовъ [1]). Эту плату обыкновенно считаютъ какъ плату за невинность невѣсты, остатки того времени, когда она собирала, какъ мы видѣли себѣ приданое проституціею. Интересно, что во многихъ мѣстностяхъ Франціи и Италіи существуетъ обычай, что всякій можетъ танцевать съ невѣстой, если дастъ ей какой нибудь подарокъ [1]). Въ этомъ обычаѣ нельзя не видѣть переживанія искупленія невѣсты передъ вступленіемъ въ бракъ, когда она могла принадлежать въ первую ночь всѣмъ мужчинамъ, обычай—потомъ перешедшій на сеньеровъ и помѣщиковъ, какъ мы уже видѣли.

Отъ этихъ переживаній первобытнаго состоянія половъ перейдемъ къ разсмотрѣнію простѣйшихъ формъ брака.

II.

Бракъ по группамъ. Поліандрія. Левиратъ. Снохачество.

Въ прошломъ очеркѣ мы разсматривали наиболѣе первобытную форму общенія между полами—это безпорядочное половое сожительство и вырожденіе его—гетеризмъ. Конечно, эти отношенія далеки отъ того, что мы называемъ бракомъ, до котораго вообще человѣчество не такъ скоро дошло. Первые зародыши болѣе или менѣе правильныхъ отношеній кроются въ системахъ первобытнаго родства. Вполнѣ понятно, что, при от-

---

[1]) Carrence, le mariage chez nos péres, Pitré Biblioteca delle tratizioni popolari siciliani, vol. XV. Usi e cotumi, v. II.

[1]) Salomono Marino, „Archivio per lo studio delle tradiozioni popolari“, 1890 г. Exeniae nuptialiae.

сутствіи какой бы то ни было правильности въ сношеніяхъ, не можетъ быть установлено родство ребенка. Въ началѣ ребенокъ не принадлежитъ никому. Даже нѣтъ связи между нимъ и матерью: богатая южная природа, неприхотливость первобытной жизни позволяютъ матерямъ очень рано оставлять на произволъ судьбы своихъ дѣтей. У нѣкоторыхъ дикарей матери оставляютъ дѣтей на шестомъ, даже третьемъ году жизни, а иногда ихъ просто убиваютъ, особенно дѣвочекъ. такъ какъ они служатъ лишь бременемъ для племени.

Ребенокъ, такимъ образомъ, теряя связь съ своими родителями, чувствуетъ таковую лишь съ своимъ племенемъ, среди котораго онъ растетъ. Онъ дѣлается, сыномъ этого племени и на всѣхъ взрослыхъ смотритъ какъ на отцовъ и матерей, на старыхъ, какъ на дѣдовъ и бабокъ, а на ровесниковъ—какъ на братьевъ и сестеръ. Выростая, онъ постепенно самъ доходитъ до степени отца и дѣда по отношенію ко всѣмъ младшимъ по возрасту. Такимъ образомъ устанавливается отношеніе, связь, даннаго субъекта къ своему племени и въ этой группировкѣ лежатъ зачатки правильнаго брака.

Многіе дикари и по настоящее время пользуются такой системой несложнаго родства и другой. Она преобладаетъ у краснокожихъ Сѣв. Америки, у всѣхъ Малайцевъ, остатки ея находятъ у Черкесовъ и др. европейскихъ народовъ. Для иллюстраціи я приведу классическій примѣръ такой системы у жителей Гавайи въ Полинезіи. Въ общемъ ихъ система повторяется почти у всѣхъ Малайцевъ, но въ данномъ племени она поддерживается съ замѣчательной строгостью.

По описанію знаменитыхъ изслѣдователей Фирена и Хоудита (Kamilaroi and kurnai), Гавайцы раздѣляются на двѣ большихъ группы—Камилароевъ у Курнаевъ. Каждая группа въ свою очередь распадается на нѣсколько трибъ. Такъ, Курнаи раздѣляются на Кумитовъ и Кроки. Каждая триба, далѣе, раздѣляется на женщинъ и мужчинъ — это простѣйшее дѣленіе.

Для означенія женщины въ языкѣ прибавляется *гор:* всѣ мужчины или Кумиты или Кроки, всѣ женщины Кумитъ-горъ или Кроки-горъ. Всѣ Кумиты между собою братья, младшіе изъ нихъ—сыновья ихъ. старшіе—отцы. Всѣ Кумитъ-горъ—сестры, старшія изъ нихъ матери, младшія—дочери.

Тоже самое дѣленіе и у трибы Кроки. Такимъ образомъ, здѣсь мы уже замѣчаемъ родство, которое принимается въ разсчетъ при половыхъ отношеніяхъ. Ни одинъ Кумитъ не можетъ жениться на Кумитъ-горъ, потому что она его или сестра, или мать. или дочь, смотря по возрасту. Но всякій Кумитъ считается мужемъ всякой Кроки-горъ, т. е. женщины изъ другой трибы, всякій Кроки можетъ быть мужемъ всякой Кумитъ-горъ.

Такъ и въ обыденной жизни всякій Кумитъ называетъ всякую женщину изъ трибы Кроки (слѣдов. Кроки-горъ) своею женой послѣдняя его—своимъ мужемъ: другихъ обозначеній не существуетъ. Подобныя же дѣленія у другого племени Камилароевъ и вообще у многихъ австралійцевъ, краснокожихъ и у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ.

Однако и при такой группировкѣ еще не существуетъ индивидуальныхъ браковъ. Мужчины Кумитъ вовсе не заключаютъ какой нибудь опредѣленной связи съ женщиной Кроки; всѣ изъ нихъ мужья и жены и встрѣчаются, гдѣ попало. Всякій живетъ среди своей трибы, среди своихъ „братьевъ", „сестеръ", „матерей", и „отцовъ". Дѣти, рождающіяся отъ Кроки-горъ—принадлежатъ трибѣ Кроки, считаются общими дѣтьми, слѣдовательно всякая дѣвушка изъ племени Кроки будетъ женой всякому мужчинѣ изъ трибы Кумитъ, хотя бы то былъ ея отецъ. Это родство по группамъ наблюдается очень бдительно и всякое отступленіе считается прелюбодѣяніемъ и виновные наказываются.

Мало того, даже женщины, похищенныя изъ какого нибудь враждебнаго племени, рѣдко поступаютъ во владѣніе похитителя; онѣ считаются принадлежащими всему племени, составляютъ его собственность. Но среди этихъ же племенъ замѣчаются уже и признаки индивидуальнаго брака. Начальники или вообще болѣе выдающіеся изъ племени часто монополизируютъ ту или другую женщину на время или даже навсегда, разумѣется, если она изъ другого рода.

Другіе мужчины принуждены съ этимъ согласиться, уступая силѣ. Только во время праздниковъ или общественныхъ собраній, вожди должны давать полную свободу своимъ женамъ.

Болѣе опредѣленный шагъ къ индивидуальному браку мы замѣчаемъ у многихъ племенъ въ обычаѣ заключенія брака на извѣстное время, напр., на нѣсколько мѣсяцевъ, годъ и болѣе. У нѣкоторыхъ же племенъ существуетъ обыкновеніе, чтобы мужъ и жена не расходились ранѣе года или трехъ по рожденіи ребенка. Такимъ образомъ, здѣсь уже замѣчается созданіе родственной связи между ребенкомъ и его родителями.

Однако, слабость сознанія родственной связи между ребенкомъ и родителями его вызвала еще одинъ фазисъ въ развитіи брачныхъ отношеній. Мы уже видѣли, что на самой первобытной ступени развитія дитя признается сыномъ, дочерью цѣлаго рода племени. Но постепенно связь его съ общиной уменьшается, зато выдвигается другая болѣе естественная—это связь ребенка съ матерью. При безразличныхъ отношеніяхъ отецъ, разумѣется, не всегда извѣстенъ, но мать знаетъ свое дитя и естественное чувство подсказываетъ ей близость къ нему.

Та стадія развитія въ сферѣ брачныхъ отношеній, въ которой признается родство ребенка съ матерью, въ которой уже образуется семья, цент-

ромъ коей является мать,—такой періодъ составляетъ *поліандрія* или *многомужество*. При многомужествѣ женщина имѣетъ неопредѣленное число мужей, связь съ которыми устанавливается тѣмъ или другимъ способомъ и уже есть то, что мы называемъ заключеніемъ брака; здѣсь мы видимъ ограниченіе первобытной неопредѣленности въ половомъ сношеніи, но отецъ все таки не играетъ существенной роли, онъ далеко еще не всегда извѣстенъ. Центромъ образующейся семьи является женщина. Родство считается только по ней, наслѣдство распредѣляется точно также, близость къ отцу не имѣетъ значенія, наконецъ главою такого рода—племени является старшій по материнскому родству—дядя или братъ. Такъ, напр., въ древнемъ Египтѣ престолъ переходитъ къ старшей дочери, и фараономъ былъ ея мужъ (обыкновенно старшій братъ)

На первоначальной ступени своего развитія пробивающееся стремленіе къ ограниченію первобытнаго стаднаго состоянія половъ черезъ многомужество мало чѣмъ отличается отъ первой. Весь успѣхъ состоитъ въ томъ, что вмѣсто всякаго мужчины, цѣлаго племени или опредѣленной группы, мужемъ женщины можетъ быть только то или другое количество мужчинъ, неродственное между собою; выборъ зависитъ отъ женщины, связь заключается торжественно и на извѣстныхъ условіяхъ, напр., на извѣстное время. Но женщина остается въ своей семьѣ, и мужъ ея является лишь временнымъ посѣтителемъ. Классическимъ образцомъ такой поліандріи считаютъ ученые племя Наировъ на Малабарскомъ берегу въ Индіи, какъ описываютъ его португальскіе путешественники конца прошлаго вѣка.

Высокая цивилизація и богатство Наировъ и въ тоже время низкая нравственность ихъ поразили первыхъ европейскихъ путешественниковъ.

Семья Наировъ состоитъ изъ матери, ея дѣтей и ея братьевъ и часто состоитъ изъ 80—100 человѣкъ. Мужья наирскихъ женщинъ лишь временные гости, являющіеся въ опредѣленные дни. Братъ матери — главное лицо въ семьѣ, ему повинуются всѣ племянники и племянницы, они называютъ его кормильцемъ, и смерть его оплакивается всѣми. Дѣти оплакиваютъ смерть дяди и наслѣдуютъ ему, но не своему отцу или отцамъ, которые вовсе не пользуются привеллегіею траура по себѣ со стороны своихъ дѣтей и жены. Мать пользуется высокимъ почтеніемъ, за ней слѣдуетъ ея младшая сестра и т. д. Все общее имущество принадлежитъ также женщинамъ.

Наирскія дамы могутъ имѣть сколько угодно мужей, но довольствуются обыкновенно 8—12. Мужъ является въ опредѣленный день и долженъ облегчать трудъ своей жены. Въ свою очередь, мужчины могутъ имѣть также по нѣсколько женъ. Путешественники удивляются отсутствію ревности среди нихъ.

Интересны способы заключенія брака. Женщина получаетъ право рас-

полагать собою съ 10 — 12 лѣтъ. Мать устраиваетъ большой праздникъ приглашаетъ друзей и знакомыхъ. Одинъ изъ молодыхъ людей объявляетъ себя супругомъ молодой дѣвушки и торжественно вѣшаетъ ей на шею золотую монету на шолковомъ шнуркѣ, которую она потомъ всегда носитъ. Заявившій согласіе быть мужемъ дѣвушки не можетъ однако быть таковымъ впослѣдствіи; если онъ не родственникъ, ему позволяется пробыть всего нѣсколько дней съ новой „замужней“ женщиной; если же родственникъ— дѣло ограничивается одной только церемоніей, и мать обязана найти кого нибудь для сожительства съ своей дочерью на нѣсколько послѣ-свадебныхъ дней; это считается почетнымъ. По прошествіи дней 4—5, молодая женщина получаетъ право располагать собою; мать и ея старшій братъ стараются рекомендовать ей возможно большее число мужей, что считается почетнымъ (Giraud Telon, „Les origines“ p. 156 и сл.).

Такова типическая форма поліандріи въ ея первобытномъ грубомъ видѣ; какъ видитъ читатель, она мало еще отличается отъ стадности, хотя уже и составляетъ шагъ впередъ. И чѣмъ большее ограниченіе въ подборѣ женъ и мужей, тѣмъ большій шагъ впередъ дѣлаетъ развитіе человѣческихъ расъ. Болѣе высокій видъ многомужества бываетъ уже тогда, когда одна жена имѣетъ нѣсколько родственныхъ между собою мужей, обыкновенно братьевъ. Болѣе тѣсный кругъ мужей и родственныя отношенія способствуютъ большей близости ихъ къ общей семьѣ, связь между дѣтьми и отцами—братьями, очевидно, крѣпче. Оттого на этой ступени поліандрическаго брака мы уже наблюдали образованіе семьи: она состоитъ изъ жены, дѣтей и мужей, живущихъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, мужчина—отецъ приближается къ такому положенію, когда онъ становится кормильцемъ своихъ дѣтей, а водвореніе послѣдняго въ домѣ произвело совершенный переворотъ въ брачиыхъ отношеніяхъ, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи. Хотя виды поліандрической семьи на разныхъ ступеняхъ ея развитія встрѣчаются у очень многихъ народовъ Азіи, Африки и Америки, но мы не будемъ останавливаться на перечисленіи ихъ; приведемъ только нѣсколько чертъ такой семьи у Тодасовъ, какъ образецъ указаннаго нами высшаго порядка многомужества.

„Когда имѣется четверо или пятеро братьевъ и когда старшій изъ нихъ, достигнувъ брачнаго возраста, возьметъ себѣ жену, то эта жена заявляетъ притязаніе и на всѣхъ остальныхъ его братьевъ, какъ на своихъ мужей, такъ что, подростая и достигая возраста зрѣлости, всѣ они послѣдовательно сожительствуютъ съ нею, какъ мужья; точно также, когда у жены имѣется сестра или нѣсколько сестеръ, эти сестры, по мѣрѣ достиженія ими брачнаго возраста, становятся поочередро женами мужа или мужей своей старшей сестры; такимъ образомъ, семья, состоящая изъ нѣсколькихъ братьевъ, можетъ смотря по обстоятельствамъ, имѣть или одну жену на всѣхъ или нѣсколько, но будетъ ли ихъ одна или нѣсколько, во всякомъ случаѣ, вся

семья живетъ подъ одною кровлею, и всѣ они сожительствуютъ другъ съ другомъ безъ всякого разбора". Такъ описываетъ эту поліандрическую семью путешественникъ Шортъ (Спенсеръ, Инд. Соц. 709, II).

Дальнѣйшимъ вырожденіемъ этихъ обычаевъ признаютъ два ея явленія—снохачество и левиратъ. Они основаны на требованіи со стороны другихъ мужчинъ семьи, родственниковъ мужа, предъявляемомъ къ женѣ послѣдняго. При этомъ—снохачество это такое явленіе, когда подобное требованіе предъявляется къ женѣ родственника при его жизни, а левиратъ — только послѣ его смерти.

Такъ у Реддіевъ въ Южной Индіи женщина выходитъ замужъ за мальчика 5—6 лѣтъ, тогда съ нею живетъ кто-либо изъ родственниковъ мужа по матери или же отецъ его; дѣти, происшедшія отъ такого сожительства. считаются его дѣтьми. Снохачество водилось на всемъ великорусскомъ сѣверѣ, гдѣ женили младшихъ сыновей для того, чтобы имѣть въ семьѣ работницу.

Въ послѣднее время такіе порядки вызываютъ сильный протестъ въ молодомъ поколѣніи. [1]) Еще Ломоносовъ возмущался ими. Классическимъ образцомъ левирата служитъ извѣстный разсказъ Библіи о томъ, какъ Воозъ долженъ былъ наслѣдовать землю и жену брата своего Елимелеха, Руѳь. Принадлежитъ ли снохачество и левиратъ къ такимъ формамъ семейныхъ отношеній, которыя свойственны всему человѣчеству на извѣстной ступени развитія, или же являются свойственнымъ только нѣкоторымъ народомъ,— трудно сказать. Во всякомъ случаѣ оба явленія имѣютъ весьма широкое распространеніе среди древнихъ и новыхъ народовъ.

Слѣдуетъ только дополнить о причинахъ, которыми поддерживается существованіе обѣихъ формъ среди народностей, практикующихъ высшія формы брака.

Основаніе снохачества и левирата лежитъ, какъ мы сказали, въ устройствѣ и воззрѣніяхъ поліандрической семьи. Но съ теченіемъ времени взглядъ на женщину, положеніе ея самое измѣнились. Женщина сдѣлалась рабой не только своего мужа, но и цѣлой семьи; владыкой въ семьѣ сдѣлался старшій изъ мужчинъ. Женщина покупалась или похищалась съ цѣлью пріобрѣсти работницу; кромѣ личнаго труда, отъ этой работницы требуется еще и произведеніе потомства, новыхъ работниковъ. Отецъ, пріобрѣтая женщину въ этихъ видахъ для своего малолѣтняго сына, разумѣется, долженъ озаботиться, чтобы въ будущей семьѣ этого сына было побольше работниковъ: когда сынъ подраститъ, подрастутъ и дѣти его жены, которыя будутъ помогать ему. Это узаконяетъ сожительство родственника съ женою мало-

1) Многочисленные примѣры снохачества на Руси собраны у Смирнова „Очеркъ семейныхъ отнош. по обычн. праву русск. нар.", а также въ ст. Весина „Великорус. въ его свад. обряд. и пѣсняхъ" въ „Русской Мысли" за 1891 годъ.

лѣтняго ея мужа; отсюда ясна живучесть снохачества. Но съ другой стороны, въ случаѣ смерти мужа, остающуюся вдову родственники покойнаго стараются удержать за собой, какъ работницу и производительницу новыхъ членовъ. На женщину уже затраченъ капиталъ, она сдѣлалась собственностью всей семьи.

Ясное дѣло, что семья покойнаго не хочетъ выпускать отъ себя доходную статью, извлекаетъ изъ нея всѣ выгоды. Братъ или другой ближайшій родственникъ вдовы дѣлается ея мужемъ и пріобрѣтаетъ всѣ права на жену, дѣтей и имущество умершаго. Это, въ свою очередь, поддерживаетъ левиратъ.

III.

Похищеніе женщинъ и купля—продажа.

Въ бракахъ по группамъ кроется дальнѣйшее развитіе брачныхъ формъ. Оно состоитъ въ томъ, что индивидуальному браку, въ самыхъ зачаточныхъ стадіяхъ его, сопутствуетъ непремѣнное условіе,—чтобы мужчина бралъ себѣ жену уже не изъ противоположной группы, съ которой разрѣшается бракъ, а изъ другого племени. Это и есть такъ наз. *эксогамія*, т. е. бракъ не въ средѣ своего племени. Въ противоположность эксогаміи существуетъ—эндогамія, т. е. бракъ индивидуальный въ средѣ самого племени (не семьи или рода даже). Какъ та, такъ и другая форма встрѣчаются и въ очень первобытныхъ обществахъ, и въ сравнительно культурныхъ, поэтому затрудненіе состоитъ въ томъ, какая форма брака предшедствуетъ другой. Несомнѣненъ фактъ, что эксогамія имѣла огромное вліяніе на развитіе брачныхъ формъ и должна быть признана въ тоже время такимъ явленіемъ, которое было или есть на извѣстной ступени развитія у всѣхъ народовъ; если нѣкоторые народы пережили періоды чистой эксогаміи, то всетаки мы можемъ найти у нихъ весьма осязательныя переживанія этого періода. Замѣтимъ здѣсь же, что съ эксогаміей сливается похищеніе женщинъ по той простой причинѣ, что при враждебномъ отношеніи первобытныхъ племенъ, мужчина не иначе могъ добыть себѣ жену изъ чуждаго племени, какъ похитивъ ее.

Итакъ, эксогамію всѣ ученые признаютъ непремѣннымъ фазисомъ въ развитіи брака. Но вопросъ спорный, что вызвало развитіе ея. Вопросъ этотъ впервые былъ поднятъ англійскимъ ученымъ Макъ-Леннаномъ въ его знаменитомъ „Primitive Mariage". Причина, вызвавшая эксогамію, по его мнѣнію,—избіеніе дѣвочекъ въ средѣ племени, какъ лишняго бремени (очень распространенный фактъ, но едва ли безусловно повсемѣстный). Но послѣ основательной критики Герб. Спенсера это положеніе едвали можно

принимать въ разсчетъ. Спенсеръ, среди другихъ соображеній, видитъ начало эксогаміи въ захватѣ плѣнницъ и въ постоянной борьбѣ среди племенъ, сопровождающей человѣческое общество на первыхъ ступеняхъ его развитія. Хотя эта гипотеза далеко не обнимаетъ всѣхъ фактовъ, имѣющихся въ распоряженіи науки, и противъ абсолютнаго признанія ея могутъ быть сдѣланы весьма вѣскія возраженія, тѣмъ не менѣе она хоть отчасти удовлетворяетъ истинному положенію вещей по крайней мѣрѣ на самыхъ первобытныхъ ступеняхъ культуры. Поэтому, доводы Спенсера принимаются въ разсчетъ какъ учеными, придающими особенную важность похищенію женъ (М. Ковалевскій и др.), такъ тѣми, которые или придаютъ ему малое значеніе (Летурно), или же считаютъ эндогамію болѣе важной формой въ развитіяхъ брака (Жиро Телонъ). Но всѣ, приводя означенную гипотезу, дѣлаютъ оговорки, свои дополненія и т. п., потому что она всетаки не объясняетъ вполнѣ удовлетворительно причинъ возникновенія эксогаміи, ея живучести и тѣсной связи съ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Нѣмецкій же ученый Постъ ставитъ эксогамію въ связь съ родовымъ бытомъ (Studien zur Entcwiklungsgeschichte des Familienrechts, 1890).

Такимъ образомъ вопросъ этотъ въ наукѣ далеко не можетъ считаться выясненнымъ; остается лишь одинъ неопровержимый фактъ—это всеобщность эксогамическихъ браковъ и связаннаго съ ними похишенія женъ *). Къ разсмотрѣнію этихъ фактовъ мы и перейдемъ.

Похищеніе въ чистомъ видѣ встрѣчается у народовъ Африки, Австраліи, у большинства азіатскихъ племенъ. У этихъ дикихъ народцевъ женщина служитъ предметомъ добычи, какъ и всякая другая вещь. Какъ только мужчина достигаетъ зрѣлаго возраста, онъ долженъ похитить себѣ жену, одну или нѣсколько, сообразно съ своимъ состояніемъ. Жены въ тоже время служатъ и рабынями своего господина. Онѣ не только готовятъ пищу, блюдутъ домашнее хозяйство, кормятъ дѣтей и пр., но на ихъ же обязанности лежитъ и снабженіе пищей господина и всей семьи. Мужъ занимается только войной и охотой. Само похищеніе сопровождается необычайною жестокостью. Я разскажу для примѣра, объ обычаѣ похищенія у Тасманійцевъ. У нихъ похищеніе уже бываетъ часто симулированное, т. е. такое, которое совершается по предварительному обоюдному согласію мужчины и женщины. Сравнительно мирныя отношенія способствуютъ этому, но тѣмъ не менѣе самый образъ похищенія совершается съ необычайной жестокостью. Желающій похитить располагается и сторожитъ вблизи стоянки того племени, изъ котораго онъ рѣшился похитить. Лишь

---

*) Въ этомъ отношеніи весьма любопытную статью напечаталъ извѣстный антропологъ Тайлоръ, переведенную на русскій яз. въ „Этногр. Обозр.“. Здѣсь онъ показываетъ на цифровыхъ данныхъ соотношеніе эксогаміи къ эндогаміи.

только женщина остается одна, безъ мужчины, онъ быстро набрасывается на нее, сваливаетъ ее ударомъ кинжала, хватаетъ за волосы и тащитъ въ ближайшій лѣсъ, гдѣ уже поджидаютъ его товарищи, готовые защищать. Тутъ похититель, въ ихъ присутствіи, насилуетъ женщину, и съ этого момента она становится его женой. Иногда цѣлая дружина мужчинъ нападаетъ на спящее селеніе, связываетъ и уноситъ женщинъ. Жизнь красивой австраліянки—это безконечный рядъ похищеній ея то однимъ, то другимъ племенемъ. Обиженное племя рѣдко переноситъ обиду; оно старается войной, опустошеніемъ, или подобнымъ же похищеніемъ вознаградить себя (Летурно, р. 111—112). Отъ этого безконечные счеты и войны.

Этого примѣра достаточно, чтобы понять характеръ похищенія въ первобытномъ обществѣ. Предки теперешнихъ культурныхъ народовъ практиковали тоже самое. Уже индусскій кодексъ Ману назначаетъ наказаніе похитителю. Факты похищенія извѣстны изъ Библіи, изъ миѳовъ грековъ и римлянъ; у германцевъ и кельтовъ оно практиковалось въ эпоху ихъ столкновенія съ римлянами. Относительно славянъ всѣмъ извѣстны слова нашей начальной лѣтописи, гдѣ она говоритъ, что нѣкоторыя племена умыкали себѣ женъ и пр.

Умыканіе еще живетъ и теперь на почвѣ Европы. Оно до послѣдняго времени было одною изъ обычныхъ формъ брака на Кавказѣ (см. „Адаты Кавказскихъ Горцевъ“ Леонтовича). Похищеніе на паперти церкви, передъ самымъ вѣнчаніемъ съ другимъ, считается актомъ подвига у Сицилійцевъ и похититель не преслѣдуется (Pitrè, Biblioteca, v. XV). Очень интересны остатки похищенія у насъ на Сѣверѣ Россіи. Это такъ наз. браки самокруткой. Если родители невѣсты не желаютъ ее выдать за сватающагося парня, онъ съ дружиной друзей похищаетъ ее съ улицы, съ поля; односельцы и родственники, узнавъ о похищеніи, стараются отнять дѣвушку, иногда завязывается даже серьезная драка. Увезши дѣвушку, похититель вѣнчается съ нею въ ближайшемъ селѣ, и потомъ оба являются съ повинной къ родителямъ невѣсты; тѣ сначала не хотятъ простить, но потомъ дѣло улаживается и справляется свадьба. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такое похищеніе считается обычаемъ и совершается съ согласія родителей невѣсты (Якушкинъ, Об. право, предисл., Весинъ—ст. въ „Р. М.“ 1892 года).

Похищеніе женъ настолько тѣсно связано съ общимъ ходомъ развитія каждаго народа, что оно оставило весьма глубокіе слѣды въ обычаяхъ и обрядахъ современныхъ культурныхъ народовъ. Эта связь съ обрядами несомнѣнно указываетъ на то, что похищеніе впослѣдствіи получало религіозный характеръ и такой его характеръ отразился во многихъ частяхъ свадебнаго ритуала, создавшагося, разумѣется, уже въ эпоху мирнаго сожительства племенъ, когда похищеніе, какъ грабежъ, было немыслимо.

Всѣмъ извѣстенъ, напр., одинъ моментъ бѣлорусской свадьбы, когда поѣзжане жениха съ воинственными криками подъѣзжаютъ къ дому невѣсты, стучатъ въ ворота и требуютъ чтобъ ихъ пустили. Послѣ долгихъ споровъ ихъ впускаютъ, они въ шапкахъ вваливаются въ хату, и послѣ угощенія стараются увести невѣсту силою; родственники и дружки послѣдней ее защищаютъ, происходитъ серьезная свалка двухъ подвыпившихъ кампаній. Аналогичный обрядъ извѣстенъ и у южныхъ славянъ, скандинавовъ, жителей Валлиса и др., но здѣсь дружина жениха является вооруженною, стрѣляетъ подъ окнами и пр.

Во всѣхъ этихъ обрядахъ нельзя не узнать симуляціи того же похищенія. Въ Тверской губ., у тамошнихъ бѣлоруссовъ, женихъ собираетъ дружину, произноситъ съ ней клятву „стоятъ другъ за друга“ и отправляются вмѣстѣ раздобывать дѣвушку (Этн. Сб., т. I). Наконецъ, многія мелкія черты свадебнаго ритуала символически указываютъ на то подчиненное положеніе женщины, въ которомъ она должна оказаться послѣ брака, какъ похищенная или купленная своимъ мужемъ.

Обычай купли явился уже какъ результатъ болѣе мирныхъ отношеній племенъ. Сосѣднія племена по разнымъ причинамъ могли завязать между собою мирныя сношенія, напр. для торговыхъ цѣлей и пр. Тогда борьба изъ за похищеній становилась тягостной, во многихъ случаяхъ наконецъ опасной, и вотъ постепенно устанавливается обычай купли. Къ тому же присоединяется, по вѣрному замѣчанія Летурно, и поддерживаетъ этотъ обычай—власть отца, владыки рода; дѣвушка его семьи становится доходной статьей для него. Продавая ее, онъ такимъ образомъ вознаграждаетъ себя за тотъ кормъ, который ей давалъ, и за ту ея работу, которой онъ воспользовался бы, если бы она оставалась дома. Обычай купли очень распространенъ. Незачѣмъ перечислять народности, среди которыхъ онъ существуетъ. Достаточно напомнить, что онъ распространенъ среди сѣверныхъ и восточныхъ нашихъ инородцевъ, на Кавказѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи и Сербіи. Среди кавказскихъ горцевъ, татарскихъ племенъ и др., плата за невѣсту называется *калымъ*. Обычай послѣдняго времени требуетъ, чтобы этотъ калымъ или часть его поступала въ пользу невѣсты, въ качествѣ приданаго, но раньше такого обычая небыло: родители невѣсты могли дать что нибудь и не дать ей, независимо отъ полученнаго ими калыма. Многіе ученые видятъ въ обычаѣ передавать калымъ, или часть его невѣстѣ начало приданаго: сначала родители передаютъ дочери своей часть калыма, затѣмъ весь, прибавляя приданое и отъ себя; такимъ образомъ получилъ начало институтъ приданого. Обычай платы за невѣсту исчезъ, а обычай дачи приданого остался, какъ выраженіе уже естественной любви родителей къ дѣтямъ. Одно происхожденіе съ калымомъ имѣютъ и наши вѣновыя записи, практиковавшіяся еще въ эпоху треть-

яго Статута; но уже женихъ прямо дарилъ передъ бракомъ невѣсту, а потому эти записи могутъ быть сопоставлены и съ извѣстнымъ римскимъ институтомъ donum ante nuptias, а, можетъ быть, и съ нѣмецкимъ обычаемъ утренняго дара послѣ брачной ночи (Morgengabe).

Въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ мы встрѣчаемъ многочисленныя черты обряда купли—продажи невѣсты. Напомнимъ, что сюда относится вся процедура сватовства. Въ многихъ мѣстностяхъ сваты вовсе не говорятъ о невѣстѣ: разговоръ ведется о *прадажѣ телушки* и пр. Потомъ извѣстенъ также обычай выкупа невѣсты, какъ одна часть свадабнаго ритуала: дружки окружаютъ невѣсту и не даютъ ее свату, пока тотъ не выкупитъ. Сродные обычаи извѣстны всѣмъ индоевропейскимъ народамъ.

Свадебный ритуалъ, какъ уже было замѣчено, полонъ символическими выраженіями того подчиненнаго положенія женщины, въ которое попадала она, какъ купленная или похищенная мужемъ. Извѣстенъ, напр., обрядъ разуванія невѣстою жениха, какъ символъ ея подчиненія. Брачное кольцо имѣетъ тоже значеніе: первоначально кольцо давалось только невѣстѣ (у римлянъ непремѣнно желѣзное) и въ немъ справедливо видятъ символъ цѣпи, которая связывала жену съ мужемъ. И у насъ, и у южныхъ славянъ, невѣста входя въ домъ жениха, цѣлуетъ руки своего будущаго свекра и свекрови; тоже практикуется и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сициліи. Наконецъ, тоже значеніе имѣетъ подрѣзываніе женской косы,—это знакъ ея рабства. Остриженные волосы—признакъ не свободнаго состоянія, и у дикарей жены всегда почти носятъ коротко остриженные волосы (Спенсеръ, обрядовыя учрежденія) и т. д.

Сказаннаго достаточно, чтобы значеніе и отраженіе купли—продажи невѣсты въ народномъ міровоззрѣніи было достаточно ясно.

Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ[1]).

Потребность въ широкомъ изученіи особенностей русскихъ говоровъ давно уже чувствовалась въ нашей наукѣ. Въ изслѣдованіи русской діалектологіи одинаково заинтересованы не только спеціалисты-филологи, но и этнографы и историки. Поэтому нельзя не отнестись вполнѣ сочувственно на призывъ къ работѣ въ этомъ направленіи такого почтеннаго журнала какъ «Живая Старина». Отдѣльныя работы по описанію различныхъ говоровъ тѣмъ болѣе своевременны, что уже начатъ общій обзоръ русской діалектологіи такимъ извѣстнымъ ученымъ, какъ профессоръ Соболевскій.

Важность выясненія отдѣльныхъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ чувствуется едва-ли не сильнѣе, чѣмъ другихъ частей Россіи. Поэтому, авторъ настоящихъ замѣтокъ рѣшился подѣлиться съ читателями «Живой Старины» имѣющимися у него матеріалами по бѣлорусской діалектологіи. Нижеслѣдующія замѣтки не будутъ имѣть опредѣленнаго плана; авторъ предполагаетъ остановиться лишь на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся изъ извѣстныхъ ему говоровъ Минской губерніи. Главная цѣль замѣтокъ—описать менѣе извѣстныя особенности говоровъ, и лишь въ первомъ очеркѣ авторъ дозволитъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя общія замѣчанія объ особенностяхъ бѣлорусскаго нарѣчія вообще, что вполнѣ умѣстно, потому что говоръ Ново-Сверженской волости, какъ лежащей въ Минскомъ уѣздѣ, принадлежитъ къ центральнымъ бѣлорусскимъ. Матеріалы для настоящихъ замѣтокъ—исклю-

---

[1]) Ст., помѣщ. въ „Живой Старинѣ“, 1893 г., кн. 1.

чительно рукописные, имѣющіеся въ распоряженіи автора. По нѣкоторымъ мѣстностямъ они собраны лично авторомъ, по другимъ—доставлены изъ надежныхъ источниковъ [1]).

I. Говоръ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда.

Матеріалъ, которымъ я пользуюсь,—это записи пѣсенъ и сказокъ, сдѣланныхъ для меня въ этой мѣстности гг. Демидовичемъ и Ярмаковичемъ. Записи были сдѣланы по моей просьбѣ и по моимъ указаніямъ. Главнымъ образомъ я заботился о точности записи, которая, думаю, и достигнута въ возможной мѣрѣ. Количество записей—до 500 пѣсенъ и до 50 сказокъ.

Ново-Сверженская волость расположена въ юго-зап. части Минскаго у., по верхнему Нѣману, на пограничьи съ Новогрудскимъ уѣздомъ. Замѣчу, что большинство записей относится къ д. Нейгертово этой вол., Кнотовщизнѣ, с. Никольску. Такимъ образомъ, избранная нами мѣстность можетъ быть отнесена къ центральной части Бѣлорусскаго нарѣчія, считая Минскій и Новогрудскій уѣзды его типичными представителями.

А. Гласныя *О*, *Е*, *Ѣ*.

Изъ гласныхъ, звуки *о* и *е* представляютъ наиболѣе интересныя особенности не только даннаго говора въ средѣ бѣлорусскихъ, но и всего бѣлорусскаго нарѣчія. Прежде всего *о* и *ѣ* на значительномъ пространствѣ этого нарѣчія являются звуками двоегласными: *Оу*, *уо*, и *іе*; двоегласіе это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что звуки *о* и *у*, *і* и *е* настолько тѣсно сливаются, что представляютъ одинъ звукъ—дифтонгъ, слышимый въ одной мѣстности рѣзче, въ другой весьма близко подходящій, а иногда совсѣмъ превращающійся въ чистый *о* и *е*. Съ другой стороны, будучи безударными, эти звуки

[1]) Автору не удалось выполнить своего плана, и данная статья осталась неоконченной.

представляютъ другое замѣчательное явленіе бѣлорусскаго вокализма—явленіе аканья.

Разсмотримъ сначала безударное *о* и *е*, *ѣ*.

Всякое безударное *о* произносится какъ *а*. Это явленіе наблюдаемъ какъ въ серединѣ словъ, такъ и на концѣ. Вообще, кажется, оно не имѣетъ исключеній въ данной мѣстности, если не считать таковыми случайнаго расположенія словъ въ пѣснѣ или рѣчи, гдѣ на *о* лежитъ логическое удареніе, или наконецъ обмолвокъ или описокъ въ записяхъ. Такъ, въ серединѣ словъ мы встрѣчаемъ: дзѣвачкуомъ, дзѣвачке, ў канцѣ, пасјолъ, акѐпца, сь пуоўначи, пахавайма, патъ ганачкамъ. Въ суффиксахъ и флексіяхъ: жалка, сильня, вѣрня, праваю рукуой, дзѣтакъ. зъ сынуочкамъ, за вуйськамъ, дрыўлянаи, зь бѣлаи, станьма, пахавайма, жита (им. вин. ед.) [1]) и проч. Эти примѣры убѣдительно свидѣтельствуютъ, что независимо отъ мѣста, занимаемаго безударнымъ *о* въ словѣ, оно переходитъ въ *а*. Однако есть разница въ природѣ этого *а*, какъ мнѣ кажется: *а* изъ *о*, стоящее передъ ударнымъ слогомъ и непосредственно послѣ него, слышится явственно, какъ *а*; стоящее же на второмъ отъ ударяемаго слогѣ, послѣ или передъ нимъ, имѣетъ звукъ менѣе чистый, средній между *а* и *о*; послѣднее относится и къ тѣмъ случаямъ, когда безударнымъ *о* кончается слово. Поэтому не одинаково явственно слышимъ *а* въ: канцѣ, дѣтакъ, гадоуў и въ: ганачкамъ, пахавайма, жалка, жита, равнымъ образомъ, во флексіи *ага* при довольно явственномъ конечномъ *а*, предыдущее *а* неявственно: зялѐнага. Г. Карскій объясняетъ подобные случаи тѣмъ, что *о* здѣсь можетъ переходить въ *а*, но можетъ и не переходить [2]). Мнѣ кажется, что переходъ всегда происходитъ, но звукъ получается неявственный.

Къ переходу *о* въ *а* тѣсно примыкаетъ замѣна *е* безударнаго и *ѣ*—чрезъ ј*а*, *а*. Еще К. Аппель указалъ, что правильная замѣна въ этомъ случаѣ наблюдается лишь тогда, когда *е* стоитъ передъ ударнымъ слогомъ [3]). На этотъ случай мы находимъ полное подтвержденіе въ

---

[1]) Приводимыя слова я оставляю въ той формѣ, въ какой онѣ встрѣчены въ текстѣ записей.

[2]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, р. 43.

[3]) Ст. О бѣлорусскомъ нарѣчіи, Р. Фил. Вѣстн., 1880, № 2, стр. 198 и сл.

Ново-Сверженскомъ говорѣ: *сялд*, *вялйкая*, *сьвячу*, *сягбня*, *вялйць*, *цьвярбзый*, *бяруоза*, *дзячйна*, бяда, вяпуокъ, бялѣй, пясуочакъ, сястра, вясна, сьвятлица и т. д. Однако, для *е* собственно мы наблюдаемъ достаточно правильный переходъ его въ *я* и тогда, когда оно стоитъ послѣ слога ударнаго: вѐрнямся, кàмянь, Марусянька, вы́вяду, яснюсянька, галаснюсянька, мйляньки. Въ суффиксахъ и флексіяхъ: сукянь, бываяшъ, дзякуямъ, пракатаямся, рапитаямся, зрѣя, бушуя, идзѣця, іешця, пеця, (пеитe). чуя и др.

Такъ какъ *р* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи абсолютно твердо, то *е* и *ѣ* послѣ него замѣнились не *я*, а *а*: страчауся, рашато, горай, (горѣй, хуже), чаравики, выразали, ракрутачки, сустрачаци, наракаць, рака (рѣка), гора (горе), прасъ (презъ—чрезъ, когда оно свое удареніе передаетъ слѣдующему слову), у рацдѣ и др.

Послѣ шипящихъ, которыя, какъ извѣстно, въ бѣлорусскомъ тверды: пясочакъ, грошай, грача, хоча, плача, чеша, речанька, плачамъ, уяжанька, ручачку, жана, вечара, жанитися, лутшай, ручаньки, щаку, ращашу, щапята [1]), чаравики, пацалую, цапы и пр. Аналогично: сардэньку и сабѣ.

Явленіе *аканья* представляетъ одно изъ важнѣйшихъ отличій бѣлорусскаго нарѣчія, хотя оно извѣстно южно-великорусскому говору, а также немногимъ сѣверно-великорусскимъ, но здѣсь оно является болѣе или менѣе спорадически и не отражается такъ рѣзко на всемъ строѣ говора. Безсоновъ даже высказываетъ мысль, что южно-великорусское аканье есть отраженіе, заимствованіе аканья бѣлорусскаго [2]). Это послѣднее вполнѣ возможно, но, разумѣется, московское аканье не есть «передѣлка» съ половины XVII ст., какъ выражается Безсоновъ, а скорѣе болѣе глубокій слѣдъ колонизаціоннаго движенія кривичей въ области Окскаго бассейна, продолжавшагося много столѣтій и закончившагося раньше окончательнаго обособленія бѣлорусскаго нарѣчія отъ праязыка русскаго. Бѣлорусское аканье [3])

---

[1]) Но ручаемъ проф. Соболевскій производитъ отъ *ручай*. Ж. М. Н. Пр. 1885, VI, р. 305.

[2]) Бѣлорусскія пѣсни, р. V.

[3]) Объ аканьѣ въ Моск. пам. пол. XIV ст. см. Соболевскій, Лекціи по ист. р. яз., р. 69 г. (1-ое изд.).

замѣчается уже въ самомъ нач. XV в. Въ договорѣ Полоцка съ Ригою 1405 г. мы встрѣчаемъ всякоя [1]). Въ памятникахъ половины и конца этого стол. оно является уже господствующимъ: гр. 1478 г. зъ *а*бого, ст*а*ить, п*а*сле, [2]), въ Четьѣ 1489 г. оно представляетъ обычное явленіе: пр*а*щаеть, б*а*гата, в*я*сло, весел*я* и пр. [3]). Однако аканье было извѣстно и раньше, по крайней мѣрѣ *я* изъ *ѣ* находимъ уже въ половинѣ XIV в.: покол*я* (грам. 1340) и дотол*я* (1383 г.) и нѣк. др. [4]). При консервативности письма, оно въ первое время, въ XIV и нач. XV в., встрѣчается рѣдко, но съ конца XV и въ XVI в.—становится явленіемъ обычнымъ. Аканье, начавшееся въ древнихъ кривичскихъ и московскихъ говорахъ, окрѣпло на почвѣ чисто бѣлорусской, послѣ окончательнаго обособленія кривичскихъ и дреговичскихъ говоровъ. *О* безударное потемнѣло въ сознаніи народа, начало колебаться и перешло въ *а*. Но *а* изъ *е* пережило еще посредственный переходъ: сначала явились *о* изъ *е*, затѣмъ уже это *о* перешло въ а [5]). Колебаніе звука *е* относится къ очень раннимъ особенностямъ [6]) бѣлорусскаго нар.—къ XIII ст., напр. ч*о*ловека, въ грам. Смол. кн. въ Ригу 1284: наш*о*му, ваш*о*му [7]). Хотя эта черта не была преобладающею въ говорѣ, и на ряду съ развитіемъ *о* изъ *е* мы встрѣчаемъ уже переходъ этого новаго *о* въ *я* (съ XV в.), однако подобные примѣры проходятъ и въ XIV и XV вв.: *ажо* (грам. XIV в.), ц*о*ловати (гр. 1389 г. [8]); ковор*ъ*, хоч*о*мъ и др. примѣры изъ Четьи 1489 [9]).

---

[1]) Соболевскій. Полоцко-Смоленскій говоръ. Р. Фил. Вѣстн. 86 г., № 1, р. 11.

[2]) Ibidem.

[3]) Карпинскій, Четья 1489 г. (изъ Р. Ф. В.), р. 10, 9.

[4]) Недешевъ, Историч. Обзоръ зв. и морфол. особ. бѣлор. гов., р. 18 (отт.), но не доколя, какъ думаетъ г. Недешевъ. Ср. рец. Соболевскаго, Ж. М. Нар. Пр., 1885, № VI, р. 305.

[5]) Соболевскій, Къ ист. русск. акающихъ говоровъ, Р. Фил. Вѣстн. 1884, № 3, р. 106.

[6]) Соболевскій, Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В. 1886, № 1, 13. Но въ др. р. памятн. эта черта встрѣчается уже въ XII в. (См. объ Антихристѣ, Галицкій Выголексинскій сб. и др.). Соболевскій, Лекціи, р. 52.

[7]) Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В., 81, № 1, В.

[8]) Ibidem, р. 10, 11.

[9]) Карпинскій, 10.

Когда закончился этотъ переходъ *е* въ *а*, неизвѣстно; въ настоящее время онъ едва ли слышимъ гдѣ нибудь въ Бѣлор., но еще въ Статутѣ 1588 г. г. Карскій отмѣчаетъ формы: нашого, едучого, мачохи, чоловекъ [1]). Однако сомнительнымъ кажется, чтобы всякое *а* изъ *е* прошло черезъ *о* и чтобы былъ такой моментъ въ языкѣ, когда бы послѣднее явленіе было всеобщимъ, или по крайней мѣрѣ преобладающимъ. Встрѣчающіеся одновременно факты (съ XV в.) *о* изъ *е* и *а* изъ *е* черезъ *о* противорѣчатъ послѣднему: появленіе *о* изъ *е* предшествовало появленію *а*, но и послѣднее явилось непосредственно за первымъ, а въ началѣ могло быть и одновременнымъ прямо изъ *е*. Очевидно, что подъ вліяніемъ общаго процесса въ языкѣ, перехода отъ *о* и *е* (черезъ *о*) къ *а*, отдѣльныя реченія могли непосредственно перемѣнять *е* на *а*, недожидаясь посредственной ступени. Это возможно тѣмъ болѣе, что *о* изъ *е* мы чаще всего встрѣчаемъ послѣ шипящихъ (отвердѣніе которыхъ началось очень рано) и сравнительно въ другихъ немногихъ случаяхъ (говоръ въ Четьѣ 1489 г. и др.).

Покончивъ съ аканьемъ, перейдемъ къ другимъ случаямъ перехода безударнаго *о* и *е*.

Прежде всего встрѣчаемъ переходъ безударнаго *о* въ суффиксахъ и флексіяхъ въ *у*: прыгод*у*ньки, на рокитав*у*мъ кусту, ў бѣл*у*й свиц*и*, б*у*осиньк*у*й (дат. п.). вар*уо*ж*у*ньки, субот*у*ньки, ўдов*у*нька, на прав*у*й, на лѣв*у*й, при ясн*у*й, па нов*у*мъ, па ж*уо*ўт*у*мъ и др.

Такимъ образомъ, этотъ переходъ мы встрѣчаемъ лишь въ суффиксахъ *онька*, *енька* и въ дат. и предл. пад. женск. р. и твор. муж. им. прилаг. Кажется, указанными случаями и исчерпывается данное явленіе Ново-Сверженскаго говора. Въ серединѣ словъ встрѣтилось гр*у*маду (ср. *оу*беспечили въ Стат. 1588) [2]).

Смѣна *о* на *ы*, происшедшая, какъ думаетъ К. Аппель, уже послѣ перехода *о* въ *а* [3]) отражается въ говорѣ данной мѣстности лишь въ нѣсколькихъ примѣрахъ: зъ др*ы*ўлянаи хаты, др*ы*жиць, под*ы*шодши,

---

[1]) Р. Ф. Вѣстн., Къ ист. зв. и ф. бѣл. рѣчи, 1890 г. и 4. р. 203.

[2]) Карскій, Р. Ф. Вѣстн., 1890 г., № 4, 208.

[3]) Р. Фил. В., 1880, № 2, р. 208.

яблычки, крывавыя, дабрысьцы (полагаемъ, что эту форму народъ связываетъ съ бродить, бродъ).

Въ настоящее время явленіе перехода безударнаго *о* въ *ы* свойственно только сѣв.-восточн. бѣлорусскимъ говорамъ: приведенные у К. Аппеля примѣры всѣ относятся къ Витебскому, Лепельскому и Суражскому уу., нѣсколько словъ взяты изъ Дисненскаго и Быховскаго уу. Западно-бѣлорусскимъ говорамъ оно извѣстно лишь въ немногихъ случаяхъ, хотя это явленіе здѣсь не ново: ср. въ Четьѣ 1489—дрыжаху, крывавы [1]).

Послѣдніе примѣры изъ Четьи, а также и наши примѣры представляютъ *ы* послѣ *р*; другихъ примѣровъ, кажется, нѣтъ, а потому они скорѣе соотвѣтствуютъ малор. кривави, въ которомъ *и* объясняется проф. Соболевскимъ какъ рефлексъ древняго глухаго звука [2]). Примѣръ подышолъ можетъ быть объясненъ и изъ подъ-исшолъ [3]).

Равнымъ образомъ нашъ говоръ не представляетъ выдающихся особенностей перехода неударнаго *е*, *ѣ*. Переходъ *ѣ* въ *и* въ срединѣ словъ встрѣченъ нами лишь въ зацьвитала, цьвила, усьмихнуўся. Кажется, другихъ примѣровъ не встрѣчается. Зато переходъ *ѣ* во флексіяхъ дат. ж. и мѣстн. пад. въ *и*, а послѣ шипящихъ, *ц* и *р*—въ *ы* можетъ быть признанъ общимъ правиломъ: ў лѣс*и*, ў няволи, ў касьцели, ў зьвинтары, дзѣўцы, сиротуньцы, на садзи, у начы, на рѣчцы, ў матаньнцы, па галовачцы, ў гòры, на моры и пр. Ср. въ грам. 1396 г.: на рецѝ, при вѣри и др. [4]).

Е въ нѣкоторыхъ суффиксахъ также можетъ переходить въ *и*: бѣлинька, ранинька, прыкраснинькі, хуцинька, въ префиксѣ *пре*: прыкрасна; въ серединѣ словъ только: семдзисятъ, дзисяткаў, падлица, циперъ, пинекъ; частица *не* обыкновенно произносится *ни*, рѣже *ня*; наконецъ, въ мѣстоим. *миня*, *цибе* (вин. п., дат. *табѣ*), *мине* (вин. п.), *сибе*, *сибя*. Перехода въ флексіяхъ глаг. 2 л. ед. ч. *ешъ* въ *ишъ*,

---

[1]) Карпинскій, р. 6.

[2]) Очерки изъ ист. русск. яз., р. 73, и рец. на кн. Карскаго. Журн. М. Нар. Пр., 1887 г., № 5, 146; Потебня, Замѣтки о малор. нар., р. 12.

[3]) Соболевскій, Ж. М. Нар. Пр., 1885 г., № 6, р. 305.

[4]) Недешевъ, 19.

въ родѣ будз*иш*ъ и пр. въ нашемъ говорѣ не встрѣчается. Оно болѣе присуще сѣверо-восточн. говорамъ.

Отмѣтимъ еще *е*=*ю* въ флексіяхъ: на крайнюмъ, на синюй и др.; сюда же относятся формы: Василюнку и усюхъ=всѣхъ.

Перейдемъ теперь къ ударнымъ *о*, *е*, *ѣ*. Важнѣйшимъ явленіемъ представляется здѣсь переходъ *о* въ *уо*, а *ѣ* въ *іе*. Разсмотримъ, въ какихъ случаяхъ встрѣчаемъ первое явленіе, и постоянное ли оно или спорадическое.

Самый большой рядъ словъ съ *уо* тотъ, гдѣ ударное *о* находится передъ двумя или болѣе согласными, также передъ согласнымъ *j*, или передъ однимъ согласнымъ, кончающимъ собою слогъ. Вотъ рядъ примѣровъ: буольша, нявуольна, кукуольначка, дуонька, буольна, пуойдзяшъ, гуорка (горько), туольки, вуозьмуцъ, сакуолъ, вуочками, пахуотъ, злуотнички, волачуобнички, руодняньки, рабуотнячки, чабуоръ (родъ травы), буорку, падвуорья, кракуось (растеніе), сяруотъ, халуодная, ўспуомни, буорздыхъ, вячуорки, друобны, гуорняцца (горнется, прихиляется), гуорница, плуотничкаў. адбуорначка, збуорщикъ, пярабуорщикъ, пуочка, муожна, загуонъ, вуотка, куопка, жуонка, руозна, пуозна, галуоўка, пзнуоў (снова), дуоўга, сьвякруоў, пуоўначъ. наруоўя (норовъ, наровье), здаруоўя, вуоўкъ, пятруоўка, малуойчикъ, вуойська, буойся, малуойця, вуойту, муой, твуой, разбуой, пастуой и мн. др.

Исключенія на данные случаи сравнительно рѣдки, и, быть можетъ, объясняются, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вліяніемъ русскаго языка или меньшею отчетливостью произношенія; вообще въ прозѣ, въ разговорной рѣчи, такихъ исключеній больше: *уо* чаще переходитъ въ чистое *о*, чѣмъ въ пѣсняхъ. Но и въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: хлопчики, тонки (обычно), хвосцики, напомщики, скароджано, успомни, конь, злосьци; сюда же—Христосъ, васкросъ. Къ этому относятся и случаи чистаго *о* передъ *дз* изъ *д* общерусскаго: ходзяць, ў народзи, малодянкуй, годзи, на слабодзи и мн. др. Вообще можно сказать, что *дз* изъ *д* не вліяетъ на удлиненіе *о* въ *уо*.

Напротивъ, въ коренныхъ слогахъ, гдѣ за *ó* слѣдуетъ одна согласная, мы встрѣчаемъ повсемѣстно чистое *о*; воля, выносяць, Сóнайка, воранъ, хоча, скочила, заборы, дароги. горай, скоса, корань,

повадъ, поламъя, варотами, укрою, дарози, ў новую росячи, просячи, рожа, поле, ко́ничакъ, сосянка, цихоня, наровячи, дуброва, вози, соли, пяро, зловяць, звоняць, сиро́та, гожы, широкая, ночы, моры, косы, могуць. харомы, высокуй, божа, паложымъ, чырвоны, раскоши, паходамъ, бочачка, словамъ, да дому и мн. др.

И въ этомъ случаѣ исключенія нерѣдки, особенно въ пѣсняхъ, хотя почти нѣтъ примѣровъ, которые строго выдерживались бы повсюду. Такъ, встрѣчаемъ: звуощикъ, малуодушку, даруожачку, рыбалуовы, ўдуовушку, гавуорыць, луожа,варуоцячакъ, баруодачку, баруопушку, галуовакъ, малуодакъ, карчуомачки, пуовяпъ, пуовяньки, стуоликамъ, на дуобакъ и нѣк. др. Указанные только что примѣры легко могутъ быть объяснены вліяніемъ другихъ словъ, въ которыхъ *уо* обычно.

Въ словахъ съ конечнымъ *о* ударнымъ послѣднее всегда чистое: дно, вжо, зяляно́, вино, адно, яво, русо́. пяро́, братко́, чутко́, лицо́, хто, што, харашо и др.

Мы говорили до сихъ поръ только о коренныхъ слогахъ; обратимся къ флексіямъ и суффиксамъ. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ едва-ли не слѣдуетъ принять за общее правило, что здѣсь *о* не переходитъ въ *уо*, то же относится и къ *о*, соединяющему суффиксы съ корнемъ такъ наз. соединительному. Возьмемъ рядъ примѣровъ: кусочакъ, листочакъ, пясоцкія, кляновы, дзявоцкія, дубокъ, цисовы, дзѣвачокъ, мужычокъ, кулачокъ, вяночки, паповы, платочками, саладокъ, мядокъ, заручоная, разлучоная, травою, чаўномъ, маладоя, сястрою, рудои, булавой, самому, ўдавою, кумою, рукавомъ, вадою, виномъ, друго́га, варанога, маладога, маладой, радной, чужой, бядою и др. Исключенія рѣдки и невыдержаны; напр.: на живуога, залатуому, пабяруомъ, дзѣвачкуомъ, на аднуомъ, варагуомъ, сўуцуомъ, варанцуомъ, галубуомъ, саруочку, чахуотка, тынуочакъ и др.

Въ виду важности разсматриваемаго явленія мы привели возможно большее число примѣровъ, чтобы имѣть право обобщить его. Приведенныя данныя прежде всего убѣдительно свидѣтельствуютъ, что переходъ *о* ударнаго въ *уо*, т. е. двоегласность его въ данномъ говорѣ представляетъ собою явленіе не спорадическое, но въ извѣстныхъ случаяхъ обычное и необходимое: именно, *уо* является въ корен-

ныхъ, закрытыхъ слогахъ, гдѣ за *о* слѣдуютъ двѣ или болѣе согласныя, или одна согласная, заканчивающая слово. Наоборотъ—*о* передъ одной согласной (незаканчивающей слога), конечное, въ суффиксахъ и флексіяхъ—остается чистымъ. Качество согласныхъ не имѣетъ значенія. Примѣры, противорѣчащіе указаннымъ правиламъ, должны быть признаны исключеніями, случайными отступленіями.

О йотированное (*jo*), если въ словѣ лежитъ удареніе тамъ, гдѣ и въ великорусскомъ, обладаетъ тѣми же свойствами, напр.: судз*jo*нушку, вяс*j*олъ, зял*j*оны, ма*jo*. Отмѣтимъ форму руча*jó*мъ, происшедшую вслѣдствіе несмягчаемости *ч*; въ оконч. 3 л. ед. ч. глаголовъ: жив*j*оцъ, бяр*j*оцъ, завядз*j*оцъ, вяз*j*оцъ, пас*j*оцъ, идз*j*оцъ, няс*j*оцъ и др. Отмѣтимъ необычныя въ великор. формы: хростъ (крестъ), *пас*j*олъ* (посолъ) и даже бяс*j*оду.

Остается отмѣтить еще извѣстныя въ бѣлор. ф.: сьвякрыви, чарнабрывы, форма — змыю [1]); а также единичные случаи *е*, *э* изъ *о*: акэнца, вянэчки, послѣднее—полонизмъ: wianeczki.

Здѣсь же умѣстно указать на: тудэю (изъ тудою), кудэю и тудэма, кудэма.

Ѣ въ бѣлор. вообще отличается своею мягкостью сравнительно съ великор.; оно стоитъ только послѣ мягкихъ йотированныхъ согласныхъ, какъ уже замѣтилъ проф. Потебня [2]) (говоримъ о *ѣ* ударяемомъ). Такимъ образомъ бѣлоруссы говорятъ *б*j*ѣ*лый, зьв*j*ѣръ, чалав*j*ѣкъ, и пр.; однако Ново-Сверженскій говоръ представляетъ собою еще бо̄льшую особенность: ударяемое *ѣ* въ немъ растягивается въ *іе*. Трудно сказать, всякое ли ударное *ѣ* произносится какъ *іе*, или же только въ нѣкоторыхъ словахъ: записывателемъ это написаніе употребляется въ весьма многихъ словахъ, хотя встрѣчаемъ и простое *ѣ*. Такимъ образомъ встрѣчаемъ: jiесци, біелы, ніетъ, ў ліеси, сьвіетъ, jiещця, табіе, сабіе, сіели, хліеба, віенчикъ, нявіехна, сьніежуньки, біелы, біедны, ў Масквіе, сіера (сѣрая) и друг. Слова jiесьця, jiещця сопро-

[1]) См. Аппеля, О бѣлор. нар., Р. Ф. В., 1880, № 2, 210; Потебня, Два изслѣдованія и пр., 59.

[2]) Зам. о малор. нар., 46.

вождаю написаніемъ j, потому что въ Бѣлорусскихъ говорахъ слова, начинающіяся мягкой гласной, всѣ, какъ кажется, йотируютъ начальную гласную. Трудно подвести подъ общее правило, когда *ѣ* выговаривается чисто, когда—какъ *іе*. Насколько мнѣ приходилось слышать въ другихъ мѣстностяхъ,—долгота *ѣ*, въ которомъ слышится *іе*, болѣе замѣтна тогда, когда бѣлоруссъ дѣлаетъ особенное удареніе на этомъ слогѣ.

На этомъ основаніи, мнѣ кажется, можно объяснить, почему иногда въ словѣ свѣтъ, напр., ясно можно различить сьв*іе*тъ, иногда просто сьв*ѣ*тъ. Съ другой стороны, приведенные примѣры, кажется, даютъ право заключить, что *іе* изъ *ѣ* появляется передъ твердымъ согласнымъ: св*іе*тъ, но б*ѣ*ляньки, б*ѣ*дняньки, при б*іе*дны. Третья, наконецъ причина появленія *іе*—скопленіе мягкихъ согласныхъ передъ нимъ; сьн*іе*жуньки, сьв*іе*тлинька, сьп*іе*лянька. Послѣдній случай *іе* въ говорахъ Мозырскаго у., какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, является очень обычнымъ.

Такъ какъ *р* въ бѣлор. абсолютно твердое, то оно съ *ѣ* не соединяется, а развиваетъ послѣ себя звукъ *ые*, иногда прямо *ы* (рыку, дат. п.—сястры, ў кары—въ корѣ и др.); гар*ые*лку, сустр*ые*ў: р*ые*чка, р*ые*чы и др.

Аналогичное явленіе послѣ шипящихъ: ў конц*ые* (въ концѣ), па щац*ые* (по щекѣ) и др.; замѣчательно, что въ рѣдкихъ случаяхъ и *е* ударное, очевидно, по аналогіи съ *ѣ*, переходитъ въ *іе*; п*іе*чка. ман*іе*рка, м*іе*ду, пасьц*іе*ль, тр*іе*ска, *іе*сцъ (есть) и др. Примѣры рѣдки.

Во флексіяхъ дат. ж. и предл. муж. и ж. р. *ѣ* переходитъ въ *и*: пры сьвяч*и*, ў агн*и*, ў пячы и др. Въ срединѣ словъ въ мѣст. ўс*и*мъ, зач*ы*мъ, т*ы*мъ (тѣмъ), ч*ы*мъ (чѣмъ).—*Е* въ *ю* въ суф.: яснюсянька, галаснюсянька, бялюсянька и пр. Ударное *е*=*и*: м*и*лъ.

Изъ обзора особенностей ударныхъ *о* и *ѣ* въ нашемъ говорѣ, видно, что важнѣйшая ихъ черта—способность переходить въ *уо*, *іе*; на нихъ мы нѣсколько остановимся прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изученію.

Профессоръ Потебня неоднократно и настойчиво утверждаетъ, что *уо* изъ *о* и *іе* изъ *ѣ* есть особенность исключительно малорусская, встрѣчаемая въ сѣверныхъ говорахъ этого нарѣчія и этой особенности

«вовсе нѣтъ» ни въ бѣлорусскихъ, ни въ великор. говорахъ [1]), отрицая указанія Максимовича [2]), что произношеніе ударнаго *о* какъ *у* болѣе свойственно бѣлор. говорамъ, чѣмъ малор., хотя послѣдній, очевидно, опирался на извѣстномъ ему произношеніи. Подобную мысль почтенный ученый высказываетъ неоднократно: форма *воол* (откуда *вуол*, вуол *вул*, и пр.) «не можетъ быть общерусской» [3]). Мысль эта высказана почтеннымъ ученымъ много разъ [4]) и при томъ такъ категорически, что изслѣдователямъ нечего было и думать найти подобное явленіе въ Бѣлоруссіи.

Такое категорическое заявленіе оказывается преждевременнымъ. Приведенные нами примѣры говорятъ о томъ, что дифтонги *уо* и *іе* свойственны въ сильной степени одному изъ срединныхъ говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія, составляютъ его неизмѣнную и важную примѣту. Но до сихъ поръ на эту особенность бѣлорусскаго нарѣчія не было обращено вниманія изслѣдователями просто потому, что имѣющіяся записи такъ еще не совершенны, что въ нихъ едва отражается эта тонкая, но характерная особенность. Однако и теперь можно собрать нѣсколько указаній на то, что и въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Такъ для Минской еще губ. мы имѣемъ рядъ прекрасныхъ записей изъ д. Подлѣсья Слуцкаго у., сдѣланныхъ г. Копацемъ и разбросанныхъ по сборнику г. Шейна [5]): дор*уо*жки, п*уо*дзо, во*у*ита, гор*іе*лочку, бес*іе*да, дз*іе*, п*іе*чъ, св*іе*чачку, кл*іе*тачку и мн. др. [6]). Встрѣчаемъ также и въ другихъ мѣстахъ Минскаго у. (д. Ячонка): выб*іе*гла, таб*іе*, зацв*іе*тана, и др. [7]), Слуцкаго у. (д. Семежево)—гол*уо*вку [8])—въ д. Островкахъ—б*уо*ръ, т*уо*мъ, р*уо*дная, к*уо*ски

---

[1]) Зам. о малор. нар., 30.

[2]) Ист. р. слов., 112.

[3]) Къ ист. звуковъ русск. яз. Фил. Зап., 1876 г., т. I, 47.

[4]) См. еще, напр., Замѣтки о малор. нар., р. 5 и др.

[5]) Матерьялы для изуч. быта и яз. русск. нас. Сѣв.-Зап. Края, т. I, ч. 1.

[6]) Ibidem, p. 27, 28, 22, 98, 347—350 и мн. др. Ср. разсказъ, написанный Слуцкимъ нар. въ „Календарѣ Сѣв.-Зап. Края“ на 1889 г., издав. подъ ред. М. Запольскаго.

[7]) Матерьялы, ч. 1, 150.

[8]) Ibidem, ч. 2, p. 208.

и мн. др.[1]). Въ Новогрудскомъ у. встрѣчаемъ формы б*у*гъ, ў вялпк*у*й[2]), въ Игуменскомъ у.—*су* войны, широк*у*й[3]), въ Бобруйскомъ—в*у*нъ[4]), въ Борисовскомъ—гр*у*мадою[5]); имѣемъ многочисленныя указанія для Мозырскаго у: въ с. Мелешковичахъ (недалеко отъ Мозыря): ў нов*уо*мъ, ў бѣлесеньк*уо*й, черв*уо*нцеў, пир*уо*хъ и др.[6]). Относительно Бобруйскаго у. добавимъ, по личнымъ наблюденіямъ, что подъ городомъ говорятъ—др*уо*бный, в*уо*лъ даже *уо*чань (очень) и др. Въ западной части Мозырскаго у., на основаніи имѣющихся у насъ записей, говорятъ:—в*уо*лъ, св*іе*тъ, но подъ вліяніемъ сосѣднихъ Пинчуковъ и в у л ъ, свэтъ. Объ этомъ говорѣ мы скажемъ подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ статей. Въ Пинскомъ говорѣ дифтонговъ почти нѣтъ, но зато чистое *у* на мѣстѣ ударнаго *о* обычно: в*у*лъ, к*у*нь, др*у*бны, р*у*дны и т. п. О Пинскомъ говорѣ будемъ еще особо говорить въ слѣд. статьѣ. Наконецъ, юговосточный уголъ Минской губ., по сдѣланнымъ нами записямъ изъ Дерновичской волости Рѣчицкаго у., знаетъ *оу* на мѣстѣ *о* и *іе* на мѣстѣ *ѣ*: ст*оу*лька, Б*оу*гъ, к*оу*нь, л*іе*съ, сьв*іе*тъ и пр.

Послѣ этого, правда, бѣглаго обзора данной особенности въ говорахъ других частей Минской губ. едва ли можетъ оставаться сомнѣніе въ томъ, что она свойственна въ большей или меньшей мѣрѣ всѣмъ говорамъ губ. Только наши печатные источники на этотъ счетъ еще очень не полны и не точны[7]).

Мало того, не только въ Минской губ., но въ Могилевской (формы б*у*гъ, в*у*лъ, ст*у*лько и др. въ записяхъ сказокъ г. Романова обычны и свойственны едва ли не всей губ., но не въ одинаковой степени[8]), въ бѣлорусскихъ частяхъ Гродненской губ.[9]), въ Смоленской

---

[1]) Ibidem, ч. 2. 290 и слѣд.

[2]) Ibidem, ч. 1, 245, 246.

[3]) Ibidem, 480, 501.

[4]) Ibidem, ч. 2, 267.

[5]) Ibidem, ч. 1, p. 486.

[6]) Ibidem, 58, 59, 95.

[7]) Для мѣстностей, гдѣ лично нами не сдѣланы наблюденія, мы пользовались сборн. г. Шейна, но о записяхъ его см. рец. въ „Кіевской старинѣ", 1892 г. Май.

[8]) По выраженію собирателя, *о* произносится „почти какъ *у*" (вып. II, предисл. XV), т. е. мы имѣемъ *оу*, *уо*.

[9]) У Бобровскаго (Гродн. губ.) имѣемъ Б*уо*гъ, весел*іе*чко, и др., Ч. I, p. 828. Ср. Этногр. Сборн., т. Ш, p. 98—99. (Замѣтки о зап ч. Гродн. губ.)—*цвјѣтъ*. *руокъ* и др.

губ. (прим. въ сборникѣ Добровольскаго) мы встѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Только о Витебской губ. трудно сказать что либо опредѣленное въ данное время.

Такимъ образомъ, дифтонги *у͡о*, *о͡у*, а также отчасти и *і͡е*, при болѣе внимательномъ изученіи бѣлорусской діалектологіи, должны быть признаны какъ основные признаки бѣлорусскаго нарѣчія.

Что касается до характера дифтонговъ *у͡о*, *і͡е*, то еще г. Житецкій замѣтилъ, что перезвуки эти съ долготой на *о* и *е*, т. е. *уō* *іē* не имѣютъ ничего общаго съ малорусскими говорами и характеризуютъ скорѣе нарѣчіе бѣлорусское [1]). Малорусское *і* изъ *о* и *ѣ* получилось при посредствѣ ряда перезвуковъ изъ долгихъ *оо*, *ее* черезъ *уо*, первоначальные *уо*, *уō*, *юо*, *іоō*, въ послѣдующія *уи*, *уі*, *юі*, еще и теперь слышимые въ нѣкоторыхъ карпаторусскихъ говорахъ и въ сѣв. части Черниговской губ. (*куінь*, *муий*); рядомъ съ дифтонгомъ *уо*, *іо* явились чистые *у*, *ю* которыя затѣмъ большею частью перешли въ общемалорусское *і*, оставивъ лишь слабые слѣды въ окраинныхъ говорахъ. На существованіе посредствующей ступени въ переходѣ малор. *о* въ *і* черезъ *у* указалъ еще Головацкій. Потебня, а затѣмъ г. Житецкій дополнили это мнѣніе указанною послѣдовательностію перехода. Мнѣнія обоихъ изслѣдователей по существу сходны. Проф. Потебня удовольствовался указаніемъ ряда перезвуковъ *конь*, *куэнь*, *кунь*, *куйнь*, *кинь*, *кінь* [2]); для *ѣ* онъ указываетъ перезвуки ē долгое равное великор. *е*, *ъє*, (м. б. *є*) , ьи, (*свеет*, *свъет*, *свьит*, *світ* [3]). Но г. Житецкій, разсматривая природу этихъ перезвуковъ, пришелъ къ заключенію, что малорусское *і* изъ *о* и *ѣ* получилось именно вслѣдствіе долготы первой гласной дифтонговъ *уо* и *іе* [4]). Съ этими перезвуками имѣютъ связь и *ы*, *э* изъ *о* (*кынь*, *бэкъ*, *быгъ* въ Пинскомъ говорѣ). Г. Житецкій считаетъ развитіе *ы* при посредствѣ *у* [5]); это объясненіе, кажется,

---

[1]) Очеркъ звуковой ист. малор. нар., 115.

[2]) Два изслѣдованія..., р. 103—104

[3]) Ibidem, 112.

[4]) Оч. звук. ист. малор. нар. 115. Впрочемъ долгота *уо* имѣется въ виду и Потебней, когда онъ, въ позднѣйшемъ своемъ соч., ставитъ рядъ: *воол*, *вуōл*, *вуол*, *вул* и пр. Къ ист. звук. русск. языка. Фил. зап., 1876, I, 47.

[5]) Оч. звук. ист. 113.

ближе къ истинѣ, чѣмъ если признавать *быгъ* пинское за отвердѣніе въ немъ малор. *і*. Пинскій говоръ является переходнымъ, въ немъ господствуетъ *ы* изъ *о*, а *уы* и *э* является болѣе или менѣе спорадически: малорусскаго же *і* изъ *о* въ немъ нѣтъ; потому, можно думать, что оно въ немъ и не развилось. Затѣмъ, появленіе твердаго открытаго *э* (бэкъ) можно предположить при посредствѣ дифтонга *ые*, который въ немъ иногда можно даже различить: *быегъ вы̑елъ*; ср. съ этимъ им. множ. косарые=касарэ.

Такимъ образомъ, малорусское нарѣчіе получило свои два важнѣйшіе признака—*і* изъ *ѣ* и *о* посредствомъ цѣлаго ряда перезвуковъ, послѣдовательно развившихся въ языкѣ. Причина, вызвавшая неустойчивость ударныхъ *о* и *ѣ*, ихъ потемнѣніе и растяженіе,—паденіе глухихъ звуковъ. Это послѣднее явленіе въ исторіи славянскихъ языковъ отразилось болѣе или менѣе во всѣхъ языкахъ въ колебаніи чистоты *о* и *ѣ*, какъ ударныхъ, такъ и безъ ударенія. Въ чешскомъ появился перезвукъ *ů*, близкій къ нашему *уо* (*rů*d, bůh), въ польскомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ дало *у* чистое (bóg, ród). Русскій языкъ выдѣлился изъ старославянскаго до окончательнаго паденія въ немъ глухихъ. Паденіе ихъ совершилось уже на русской почвѣ, почему мы и видимъ различныя степени измѣненія *ѣ* и *о* въ трехъ важнѣйшихъ нарѣчіяхъ русскаго языка, великорусскомъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ. *О* начало колебаться и въ результатѣ дало малорусское *і* при посредствѣ *уо*, а *ѣ* ū.

Въ нарѣчіяхъ бѣлорусскомъ и великорусскомъ преобладающею явилась вторая часть дифтонговъ ō и *е* которая и дала въ великорусскомъ чистое *о* и *е* (ѣ), а въ бѣлорусскомъ, въ средней и западной части его,—большею частью остались перезвуки *уō*, *іе* съ наклонностью къ чистымъ *о* и *е*, и чѣмъ восточнѣе, тѣмъ эта наклонность къ чистымъ *о*, *е* ярче, вслѣдствіе сосѣдства съ великорусскими говорами (въ Смоленской губ.). Только о сѣв. части бѣлорусскихъ говоровъ, т. е. о говорѣ собственно Полоцкихъ Кривичей трудно сказать что либо опредѣленное. Если бы отсутствіе этихъ особенностей не было отмѣчено въ предѣлахъ послѣднихъ говоровъ, то мы могли бы считать наши особенности остатками чертъ собственно Дреговичскаго

нарѣчія, такъ мало извѣстнаго намъ въ древнѣйшую пору, пот что южныя и западныя окраины бѣлор. нарѣчія обладаютъ въ сильной мѣрѣ *уо* и *іе*.

Разсматриваемыя особенности съ трудомъ и теперь находятъ себѣ выраженіе въ нашей этнографической литературѣ, а потому неудивительно, что онѣ еще больше затрудняли переписчиковъ, и намъ трудно прослѣдить исторію этихъ особенностей. Однако на нихъ мы можемъ указать въ Четьѣ 1489 г.: апустоломъ, докоуле, оттоуле [1]). Впрочемъ, исторія бѣлор. нарѣчія едва затронута изслѣдователями (Недешевъ, проф. Владимірова о языкѣ Скорины, Очерки проф. Соболевскаго, статьи Карпинскаго и Карскаго въ „Р. Фил. В.") Быть можетъ, послѣдующее изученіе памятниковъ дастъ намъ болѣе опредѣленныя указанія и на этотъ счетъ.

Съ вопросомъ о перезвукахъ *уо* и *іе* тѣсно связанъ вопросъ о пограничныхъ говорахъ между малорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчіями. Какъ извѣстно, говоры эти, и особенно Заблудовскій Гродненской губ., характеризуются, въ той или другой степени, присутствіемъ этихъ перезвуковъ.

Проф. Потебня перечисляетъ въ своемъ сочиненіи „Два изслѣдованія" и проч. слѣдующія мѣстности съ перезвуками *оу*, *у*: въ Сосницкомъ у. Черниг губ. (*тум*, *пуд*; по Кулишу *вуэл*), въ западн. части Вол. губ. (*рузно*, *стуй*, *муй*), въ Заблудовскомъ Гродн. губ. (*беруозка* [2]). Позже, въ „Замѣтк. о малор. нар." онъ дополняетъ эти свѣдѣнія еще указаніями па уу. Пружанскій, Бѣльскій. Кобринскій, Брестскій Гродненской губ. [3]), Кролевецкій и Козелецкій Черниг. губ. Гораздо неопредѣленнѣе у него свѣдѣнія о переходѣ *о* въ *уо* въ Угорщинѣ и вообще въ Галиціи, гдѣ, повидимому, этотъ перезвукъ болѣе приближается къ *уи*, *уй*. Этотъ перечень мѣстностей очень не полонъ. Во первыхъ, не хватаетъ свѣдѣній о средней части полосы, раздѣляющей оба нарѣчія, между Черниговской и Гродненской губ. Здѣсь,

---

[1]) Карпинскій, р. 11

[2]) Два изслѣдованія, 101.

[3]) Р. 28; Повидимому, эти уѣзды онъ выдѣляетъ въ „Бѣлостоцкій говоръ". Но это неясно: въ данной полосѣ столько перекрестныхъ говоровъ. что рѣчь о „Бѣлостоцкомъ" едва ли возможна.

впрочемъ, встрѣчаемъ также тѣ же перезвуки; такъ, наприм., въ Дерновичской волости, занимающей южный уголъ Рѣчицкаго у., существуетъ *оу* (*тоу*лька) въ тѣхъ же случаяхъ, что и вообще въ Бѣлорусскомъ; затѣмъ онъ извѣстенъ всей при-Припятской полосѣ Мозырскаго у., а въ Лахвинской волости, сосѣдней съ Пинскимъ у., есть *у* при рѣдкомъ *оу*, въ самомъ Пинскомъ у. есть *у*, *э*, *ы*. На крайнемъ западѣ пограничной полосы можно указать на Кошольское, Хотычское и отчасти Клепавицкое разнорѣчія [1]) (уу. Бѣльскій, Радинскій и Константиновскій) и т. д. Однимъ словомъ важно, что перезвуки *уо*, отчасти *іе* встрѣчаемъ въ ихъ типичной формѣ именно на границѣ бѣлорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ.

Обыкновенно эти разнорѣчія считаютъ наиболѣе архаичными остатками болѣе древняго періода въ малорусскомъ нарѣчіи. Главнымъ показателемъ этого признаются именно разсматриваемые перезвуки. Примѣрами изъ этихъ говоровъ, особенно изъ Заблудовскаго, широко пользуется Потебня въ своихъ сочиненіяхъ о малорусскомъ нарѣчіи, г. Житецкій пошелъ еще дальше, ища въ этихъ говорахъ разъясненія современныхъ звуковыхъ особенностей малорусск. нар., ставя очень высоко ихъ архаическія черты.

Несомнѣнно, что малор. *і* изъ *о* и *ѣ* прошло рядъ дифтонговъ, подобіе которыхъ видимъ въ этихъ говорахъ. Но слѣдуетъ ли искать архаичныхъ чертъ этого нарѣчія въ говорахъ именно этихъ мѣстностей,—это еще вопросъ. Дѣло въ томъ, что эти говоры, сохранивъ *уо* и *іе*, въ тоже время обладаютъ значительнымъ количествомъ признаковъ бѣлорусскаго нарѣчія. Въ нихъ преобладаетъ мягкость звуковаго строя (исключаемъ Пинскій говоръ), часто *дзеканье* и *цеканье*, твердость шипящихъ, твердость *р*, иногда даже перемежающееся *аканье*. Присутствіе послѣднихъ признаковъ неостанавливаетъ названныхъ изслѣдователей признавать говоры малорусскими, разъ въ нихъ есть *уо*, *іе*.

Мы бы черезчуръ отступили отъ намѣченной нами задачи, если бы взялись за подробное изслѣдованіе особенностей этихъ говоровъ и

[1]) Житецкій, Оч. зв. ист. малор. нар., прил.; также сообщ. свящ. Желиховскаго. Р. Ф. В., 1834 г., кн., р. 256. О Константин. у. Сѣдлецкой губ. см. Янчука, Малороссійскія свадьбы.

ихъ сравненія съ бѣлорусскими. Этотъ вопросъ требуетъ специальной работы, для которой однако существующія записи представляютъ пока очень неблагодарный матеріалъ. Обращая на этотъ вопросъ вниманіе изслѣдователей, мы позволимъ себѣ остановиться лишь на Заблудовскомъ говорѣ.

Всякому, знакомому съ сочиненіями проф. Потебни, извѣстно, что этотъ говоръ играетъ очень большую роль въ его работахъ. Факты этого говора въ работахъ уважаемаго ученаго приводятся чуть не на каждой страницѣ, но почти вездѣ съ замѣчаніями, что въ Заблуд. гов. встрѣчается такая особенность, какая не свойственна малор. нар.; это естественно потому, что заблуд. говоръ вполнѣ бѣлорусскій. Характеризуя говоръ, онъ заявляетъ, что однѣ изъ особенностей встрѣчаются въ малорус. говорахъ, другія предполагаются ими [1]). Въ Малорусскомъ предполагаются, а въ бѣлорусскихъ—составляютъ обычное явленіе. Въ Заблудовѣ встрѣчаются: *д'=дз*, *т'=ц*; *е*—смягчается, *ы* и *и* различаются, *о=уо*, *е=іоо*, *ѣ=jѣ*, *г=h*, *дj=дж*, *в=у*, *у=в*, *л=в* и др. [2]) особенности вполнѣ бѣлорусскія. Отсутствуетъ аканье, которое пока однако должно оставаться подъ сомнѣніемъ [3]). Непонятное въ малор. *а=ые* въ *удыерыть*—представляетъ обычную бѣлор. форму [4]). *Р*—твердое, *ѣ* послѣ него=*ые*: *рыечка*, *рѣчка* и др., какъ въ бѣлорусскомъ. Заблудовскій говоръ не можетъ быть признанъ никоимъ образомъ за малорусскій говоръ, а слѣдовательно и типичные въ немъ *уо* и *jѣ*—черты бѣлорусскія. И другіе пограничные говоры соединяютъ въ себѣ тѣ или другія черты бѣлорус. и малорус. нарѣчій: опредѣленно отнести ихъ къ тому или другому, безъ натяжекъ, трудно.

Но перезвуки *уо* и *іе* здѣсь едвали не черта бѣлорусская. Въ сосѣднихъ малор. говорахъ (т. е. въ средней части Черниговск. губ. и средней Волыни, хотя въ западн. части есть *пузно*, *рузно*), эти особенности не встрѣчаются, да и вообще не играютъ никакой роли въ малор. нар., кромѣ переходныхъ предполагаемыхъ перезвуковъ. Въ

---

[1]) Два изслѣдованія, 143.

[2]) Ibidem.

[3]) Зам. о малор. нар., р. 97; въ нѣск. пѣсняхъ изъ Заблудова, напечатанныхъ съ сборн. Гильдебранта. встрѣчаемъ *горѣлке, адзинъ* и др.

[4]) Ibidem, 97.

бѣлор. нар., во всей срединной и южной его территоріи они составляютъ коренную особенность. Между тѣмъ сохраненіе одинаковыхъ перезвуковъ въ сѣв. части Черниговской губ. и въ южной Гродненской, въ двухъ противоположныхъ концахъ, иначе не можетъ быть объяснено, какъ только вліяніемъ бѣлорусск. нар. Допустимъ, въ Полѣсьи, въ лѣсахъ (хотя Брестъ и Гродно были очень видными пунктами въ Польско-Литовскую эпоху, а Брестъ и въ древнѣйшемъ періодѣ: здѣсь было постоянное движеніе, что должно было-бы вліять на ускореніе жизни языка),—здѣсь могли сохраниться архаичныя черты въ языкѣ, особенно, если вспомнимъ, что близкое къ этому имѣемъ и въ Зап. Волыни. Но какимъ образомъ сохранились архаичныя особенности на такомъ перекрестномъ пунктѣ, какъ пограничье Сѣверянъ и Радимичей,—территорія, черезъ которую проходила борьба Кіева съ Черниговымъ и Суздалемъ, территорія, на которой впослѣдствіи столкнулись интересы великорусскіе, малорусскіе и бѣлорусскіе? Однимъ словомъ, здѣсь мы менѣе всего можемъ ожидать архаизмовъ малор. языка: перезвуки *уо*, *іе* здѣсь являются, какъ и въ большинствѣ Гродненскихъ разнорѣчій, и поддерживаются подъ вліяніемъ сосѣдняго бѣлорусскаго нарѣчія. Или это нарѣчіе уступаетъ въ этихъ пунктахъ напору малорусскихъ элементовъ, но оставляетъ свое вліяніе въ этихъ и другихъ чертахъ, или же, наоборотъ, оно расширяется на этихъ окраинахъ, вытѣсняя элементы малорусскіе.

Покончивъ съ звуками *о* и *е*, перейдемъ къ другимъ звукамъ нашего говора.

Звуки *ы*, *и*. Сравнительно съ общебѣлор. употребленіемъ этихъ звуковъ Ново-Сверженскій говоръ не представляетъ особенностей. Произношеніе обоихъ звуковъ какъ и въ великорусскомъ. Нѣкоторыя замѣны являются лишь случайными явленіями, большею частью въ сферѣ отдѣльныхъ словъ. Встрѣчаемъ замѣну *ы* черезъ *у*: въ префиксѣ — в*у*хадзили и въ словѣ кал*у*белька. На мѣстѣ *ы* является *а*—*ватруся*—вытрусь, очевидно, вслѣдствіе перехода ударенія на *у*, аналогія съ *отырaться—отруся*. Въ суфиксѣ *ышко*—*ы* смѣняется *ю*, *у*: сон*ю*шко, акуон*ю*шко, судзен*у*шк*у*. Болѣе крупное явленіе—это смѣна *и* на *е*. Оно бываетъ очень рѣдко въ корняхъ словъ, всегда подъ удареніемъ: прас*е*дживали, *се*дзя. Съ этимъ явленіемъ интересно сопоставить: не

прѣтемо въ Четьѣ 1489 г.[1]). Зато въ повелит. множ., подъ ударенiемъ, смѣна *и* черезъ *е*—явленiе необходимое: пятужеця, шлеця́ся, прывяжеця, учинеця, побудзеця, прывядзеця, п а к а ж е ц я, сячеця, прасьцеця и др. Явленiе—давнишнее: въ Четьѣ 1489 г.; пустѣте, творѣте, говорѣте, помолѣтеся (Карпинскiй, р. 9).

Конечное *ы* въ им. множ. подъ ударенiемъ переходитъ въ дифтонгъ *ые*, который иногда слышится просто какъ открытое э: з а л а т *ые*, ключ*ые*, а р м *ые*, вал*ые*, бар*ые*, звяр*ые*, л и с т *ые*, сиуц*ые*, варанц*ые*, мяд*ые*, сват*ые*, вятр*ые*. Послѣ гортанныхъ это конечное *ые* (на мѣстѣ *и*) встрѣчается рѣже, произносится какъ среднее между *ые* и *ие*: палк*ие*, гаршк*ие*, луч*ие*, жалк*ие*; сюда же отдѣльныя: голуб*ые*, даждус*пе*.

Въ срединѣ словъ, смѣна *ы* на *ые* встрѣтилась только въ чат*ые*ры и кват*ые*ра.

А не представляетъ также никакихъ особенностей. О смѣнѣ неударяемаго *о* въ *а* мы уже говорили. Отмѣтимъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ смѣны *а* другими гласными; *а* смѣняется *е*: глецзячи, проглѐдзяла, ре́бячи (отъ рабить).[2]) *А* ослабляется въ *iа* въ нарѣчiяхъ: вѣрн*я*, сильн*я* (здѣсь *я* изъ *о*). *Я* смѣняетъ *е* въ род. п. мѣстоим. *мине*, *тибе*, *сибе*.

Союзъ *якъ* (какъ) почти всегда *икъ*; *я* смѣнилось подъ влiянiемъ ударенiя—*е*: да *паесу*.

Въ *разный* произносится правильно *уо*: *руозны*.

Конечное *я* въ частицѣ *ся* колеблется, склоняясь часто къ *е*: *закацилаcе*, *захацѣлосе* и пр.

---

[1]) Карпинскiй. 9.

[2]) Ср. светого, сентебря, завезалъ и др. въ Четьѣ 1489 г., Карпинскiй, 9. и изъ Сб. XVII в.: гледи, пометають и др., Карскiй, Р. Ф. В., 1890 2. 284.

Статистическіе очерки Сѣверо-Западнаго края[1]).

I.

Населеніе и пространство.

Сѣверо-Западный край Россіи, въ который входятъ 7 губерній: Минская, Виленская, Могилевская, Витебская, Гродненская, Ковенская и Смоленская[2]), населенный кореннымъ бѣлорусскимъ и литовскимъ племенемъ, заключаетъ въ себѣ, по исчисленію Стрѣльбицкаго, 6583,61 кв. миль; пространство это настолько велико, что оно превышаетъ многія европейскія государства, напр. менѣе чѣмъ вдвое больше Турціи (3910 кв. миль), болѣе Норвегіи (5,909 кв. м.), Великобританіи (5713 кв. м.) и др.

На всемъ этомъ пространствѣ живетъ, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, *до 9.646.746 душъ* обоего пола[3]), что по плотности составитъ почти 1465 чел. на 1 кв. милю. Однако, всѣ губерніи населены далеко неравномѣрно и настолько, что въ самой плотно населенной Ковенской губ.

---

[1]) Напечатана въ 1888 г. Матерьяломъ для этой статьи, кромѣ памятныхъ книжекъ, издаваемыхъ губ. статистическими комитетами, послужили главнымъ образомъ губернаторскіе обзоры и изданія Центральнаго Статистическаго Комитета. Объ обзорахъ не упоминается въ текстѣ, потому что на нихъ нельзя было ссылаться, когда печаталась статья.

[2]) Смоленскую губ совершенно несправедливо многіе относятъ къ центральнымъ губ.; между тѣмъ она, по устройству поверхности, географическому положенію, почвѣ и экономическому состоянію, а въ особенности, по своему населенію, какъ одна изъ Бѣлорусскихъ губ., несомнѣнно принадлежитъ къ группѣ губ. Сѣверо-Западн. края. Это признаютъ и такіе маститые знатоки Россіи, какъ Семеновъ и др.

[3]) Распредѣленіе населенія въ частности по губерніямъ представляется въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Минская губ. 1,680 тыс. (сотни и проч. мы отбрасываемъ), 2) Ковенская—1521 т., 3) Гродненская—1,353 т., 4) Смоленская—1311 т., 5) Витебская—1267 т., 6) Могилевская—1263 т. и 7) Виленская—1253 т.

приходится 2061 чел. на одну кв. м., а въ самой мало населенной Минской губ. только 1013 чел. [1]).

Незначительную плотность народонасоленія Минской губ, конечно, нужно объяснить тѣмъ, что губернія эта, занимая огромное пространство (1659,14 кв. м.), покрыта большею частью озерами, болотами, лѣсами или вообще неудобной для поселеній землей. Такъ, изъ всей плошади Минской губ., пахатной земли только 24.2% (1,818,612 дес.), остальная же земля покрыта лѣсомъ (38,3%), лугами, выгонами и проч. (14,5%), болотами и вообще неудобной для пашни (23% или 1,735,328 дес.).

Замѣтимъ еще одно немаловажное обстоятельство, указывающее на гораздо болѣе значительную разницу въ плотности населенія. Разсмотрѣніе плотности населенія по губерніямъ, какъ административнымъ единицамъ, не совсѣмъ удобно и не совсѣмъ вѣрно представляетъ общую картину края, потому что административное дѣленіе далеко не совпадаетъ съ природнымъ географическимъ характеромъ мѣстности; такъ, напр., Минскій и Новогрудскій уѣзды, сравнительно возвышенные, съ незначительнымъ пространствомъ неудобной земли (въ первомъ 7,3% общаго количества, а во второмъ 7,5%); между тѣмъ въ Мозырскомъ такой земли — 33,8%; подъ озерами въ первыхъ двухъ уѣздахъ считается менѣе одной квадр. версты, тогда какъ, напр., въ Пинскомъ, по исчисленію Стрѣльбицкаго, 47 кв. в., а въ Мозырскомъ 43,9 кв. в.; Минскій и Новогр. у.у. плотно (сравнительно съ остальными частями, конечно) населены (въ Минскомъ 1,505 чел. на 1 квадр. милю, въ Новогрудскомъ 2,245 чел.), а между тѣмъ въ административномъ отношеніи составляютъ одно цѣлое съ такими, мѣстностями, какъ Пинскій, Мозырскій уѣзды: въ первомъ на 1 квадр. м. приходится 712 чел., во второмъ—387. Гораздо болѣе ясное представленіе о распредѣлененіи народонаселенія въ нашемъ краѣ можно получить, если раздѣлить его на природныя географическія части. Такое дѣленіе наиболѣе удачно устанавливаетъ, какъ намъ кажется, извѣстный географъ Семеновъ [2]); поэтому постараемся представить данныя о плотности населенія согласно предлагаемому имъ раздѣленію на *типическія* мѣстности.

Три губерніи *литовской* группы (Гродненская [3]), Ковенская и Вилен-

[1]) По относительной плотности народонаселенія губ. стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Ковенская—2061 чел. на 1 кв. м., 2) Гродненская—1920 ч., 3) Виленская—1920 ч., 4) Витебская—1545 ч., 5) Могилевская—1441 ч., 6) Смоленская—1287 чел. и 7) Минская—1013 чел.

[2]) См. „Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣсть Европейской Россіи". Изд. центральнаго статистическаго комитета, вып. V. С.-Пет. 1882, стр. 1—10.

[3]) Замѣтимъ, что названіе Литовской губ., приданное г-мъ Семеновымъ Гродненской губ., не совсѣмъ вѣрно: литовцы, въ числѣ нѣсколькихътыс. челов., на-

ская) представляютъ двѣ мѣстности, собственно *типическую Литовскую* и т. н. *Бѣловѣжскую* (три уѣзда Гродненской губ.: Слонимскій, Кобринскій Пружанскій); послѣдняя представляетъ собою *переходную* мѣстность отъ первой къ Пинскому Полѣсью. *Литовская типическая мѣстность* составляетъ въ общемъ составѣ своемъ 1,911 кв. миль[1]), съ народонаселеніемъ въ 3,690,000 чел., что на одну квадратную милю составитъ 2,459 челов. Это самая плотно населенная мѣстность Сѣверо-Западнаго края. Отъ нея идетъ переходъ къ бѣдно-населенному болотистому Пинскому Полѣсью и к другимъ частямъ Минской губ. Эту переходную мѣстность и составляетъ такъ назыв. Бѣловѣжская мѣстность, плотность населенія которой представляетъ значительную разницу съ предыдущей, именно на 1 кв. м. приходится 1.485 чел. (303 кв. м., съ населеніемъ въ 450 тыс чел.).

Съ другой стороны, *Литовская мѣстность* отдѣляется на юго-востокѣ отъ Полѣсья переходною мѣстностью—тремя уѣздами Минской губерніи (Минскій, Новогрудскій и Слуцкій), которая имѣетъ весьма значительную плотность населенія въ 2,018 чел.; эта мѣстность занимаетъ всего 330 кв. м., съ народонаселеніемъ въ 666 тыс. человѣкъ.

Замѣчательную разницу въ распредѣленіи населенія мы видимъ между только что указанными мѣстностями и Полѣсьемъ, которое занимаетъ остальную часть Минской губ. (кромѣ уѣзда Минскаго, Слуцкаго и Новогрудскаго), т е. все теченіе Припети и сѣверную часть ея бассейна и теченіе Березины; мѣстность эту можно назвать *Пинско-Березинскимъ Полѣсьемъ.* По устройству поверхности, распредѣленію водъ и почвъ она представляетъ обширное, однообразное пространство, весьма низменное[2]), лѣсистое[3]), съ большимъ количествомъ болотъ и озеръ и съ почвой, состоя-

селяютъ лишь самую сѣверную часть этой губ., остальная часть населена черноруссами и бѣлоруссами, а западныя окраины—поляками (мазурами); однако, мы удерживаемъ названіе мѣстностей г-на Семенова, независимо отъ того, насколько они удачны.

[1]) Замѣтимъ, что цифры пространства, принятыя центральнымъ статистическимъ комитетомъ, разнятся отъ чиселъ, предлагаемыхъ Стрѣльбицкимъ; мы вездѣ будемъ придерживаться послѣдняго источника.

[2]) Исключеніе составляетъ, повидимому, только сѣверная часть Борисовскаго уѣз., высшая точка котораго поднимается надъ уровнемъ моря на 947,7 англ. ф. (Домашковичи); остальная мѣстность Пинско-Березинскаго Полѣсья поднимается, въ среднемъ, на 550 ф. (въ Игуменскомъ у. высшая точка 773 ф., низшая—448, въ Бобруйскомъ высшая—662, низшая 546 ф., въ *Пинскомъ* высшая (с. Лощинъ) поднимается на 589 ф., низшая (уровень воды въ р. Пинѣ у г. Пинска) на 435 фут. Между тѣмъ высшая точка Минскаго уѣзда (Лысая Гора) 1,129 ф., низшая 687 ф., въ Слуцкомъ у. высшая точка 752 ф., низшая 570 ф.; отсюда видно, какая огромная разница существуетъ между двумя мѣстностями Минской губ. (См. „Матерьялы для ст. и геогр. Р. Минская губ.“ Зеленскаго, т. I, стр. 118.

[3]) Лѣсная площадь этихъ уѣздовъ занимаетъ 28 %.

щей изъ суглинка и супеска и только мѣстами торфяную. Вслѣдствіе этихъ причинъ, мѣстность Пинско-Березинскаго Полѣсья незначительно населена: на обширномъ пространствѣ въ 1,329 кв. м. живетъ всего 1.013,000 чел. или 761 на 1 кв. м. Нѣсколько въ лучшихъ условіяхъ находится т. н. *Бѣлорусское Полѣсье*, состоящее изъ всей Могилевской губ., части Витебской (кромѣ у. Динабургскаго, Рѣжицкаго, Велижскаго, Люцинскаго и Дрисненскаго) и изъ Смоленскаго, Духовщинскаго, Дорогобужскаго, Краснинскаго, Ельнинскаго и Рославскаго у. Смоленской губ.: она зинимаетъ 1,758 кв. м., съ населеніемъ въ 2,625 тыс. чел. или 1,500 ч. на 1 кв. м.

Еще болѣе поразительна незначительность населенія въ мѣстности *Полѣсья верховьевъ Западной Двины* (Велижскій у. Витебской губ. и Бѣльскій и Порѣчскій Смоленской губ.); тамъ приходится всего 573 челов на 1 кв м. (пространство 468 кв. м., населеніе 268 т.); мѣстность эта, покрытая озерами, представляетъ переходъ къ сѣверной озерной области Новгородской и Псковской губ.

Разсмотримъ еще 2 мѣстности: т. н. *Инфлянтскую* (уѣз. Дрисненскій, Рѣжицкій, Люцинскій и Динабургскій Витебской губ.), въ которой плотность на 1 м. 1,617 ч. и *Вяземскую*, составляющую переходъ отъ Бѣлорусской области къ центральной Московской; плотность населенія составляетъ здѣсь 914 чел. на 1 кв. м.

Не менѣе интересны данныя по статистикѣ городского и сельскаго населенія; данныя эти во многомъ уясняютъ также и распредѣленіе населенія. Приведемъ только процентное отношеніе городскихъ жителей къ остальной массѣ населенія: болѣе всего живетъ въ городахъ Гродненской губ., именно 17 % всего населенія, затѣмъ въ Витебской 16,7 %, въ Минской 14 %, Виленской 10,8 %, Ковенской 9,52 %, Смоленской 8,3 % и Могилевской 8,3 %. Если принять въ разсчетъ только одно не городское населеніе, то окажется, что плотность его увеличится въ губ., въ которыхъ наименьшій процентъ городскихъ жителей; особенно увеличеніе это замѣчательно въ Ковенской губ., въ которой, при значительной плотности населенія, процентъ городского населенія весьма не великъ.

Въ Минской губ., болѣе другихъ рѣдко населенной, дѣйствительное распространеніе (не городского) населенія даетъ цифру на 1 кв. м. гораздо менѣе высчитанной нами, потому что процентъ городского населенія довольно великъ. А въ мѣстности, названной нами Пинско-Березинскимъ Полѣсьемъ, плотность на 1 кв. м. даетъ всего 666 челов., если изъ общаго числа жителей отбросить городское населеніе.

Теперь обратимся къ распредѣленію народонаселенія по *вѣроисповѣданіямъ*. Около половины всего народонаселенія исповѣдываютъ *православную религію*, именно 4,265,000 чел., что составитъ 44,21 % количества всего населенія края; наиболѣе православныхъ въ Смоленской губ. — 1,280 тыс.,

что составитъ 98 % всего населенія губ. или 30 % всего православнаго населенія Сѣверо-Западнаго края; такимъ образомъ, можно сказать, что эта губ. населена собственно православными, представители другихъ религій составляютъ въ ней незначительное меньшинство (катол. 3,000 и евреевъ 5,500 чел.). Крайне незначительно число православныхъ въ Ковенской губ., всего 33 тыс. чел., что составитъ 2,17 % населенія губерніи. Православное населеніе Ковенской губерніи составляетъ, вѣроятно, по преимуществу, контингентъ служащихъ, притомъ населеніе это болѣе или менѣе пришлое, болѣе половины его живетъ въ городахъ (11,650 мужск. и 3,390 женск.), въ уѣздахъ же живетъ всего до 18,000 чел. Въ остальныхъ губ. процентное отношеніе православныхъ къ общему количеству населенія выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Минской губ. 69 %, въ Могилевской 83,06 %, въ Гродненской 53,33 %, въ Витебской 53,1 % и въ Виленской 27,13 % [1]).

Что касается до представителей римско-католической религіи, то ихъ во всѣхъ губерніяхъ оказывается 2.645,000 чел. или 27,42 % всего населенія. Больше всего католиковъ, конечно, въ Ковенской губ. — 1,104 тыс. менѣе всего въ Смоленской—3,000 [2]).

Представители еврейской религіи составляютъ третью по количеству группу населенія Сѣверо-Западнаго края; ихъ можно насчитать до 1,362 тыс. душъ, что составитъ 14,12 % общаго населенія края. Однако, въ частности по губерніямъ, процентное отношеніе еврейскаго населенія къ общему числу населенія какой либо изъ губ. гораздо значительнѣе; исключеніе составляетъ только Смоленская губ., въ которой еврейскій элементъ крайне незначителенъ, всего 0,42 % или около $5^1/_2$ тыс. чел.

Въ остальныхъ 6 губерніяхъ процентъ евреевъ гораздо выше 14,12%, за исключеніемъ Могилевской (13%) и Витебской (11,47%); такъ, въ Гродненской губ. еврейское населеніе составляетъ 20,34% всего населенія, въ Минской 19,34%, въ Ковенской 16,2% и въ Виленской 15,6% [3]). Слѣдовательно, въ Гродненской и Минской губ. на каждые 100 душъ остального населенія приходится въ 1-ой 26 ч. евреевъ, во 2-ой 24 чел.

Въ заключеніе интересно было бы привести данныя о раздѣленіи жителей Сѣверо-Западнаго края по національностямъ. Но такъ какъ offи-

---

[1]) Вотъ эти цифры: въ Смоленской губ. 1,280 тыс. правосл., въ Минской 1,159 тыс., въ Могилевской 1.049,000, въ Гродненской 721,000, въ Витебской 673,000 и въ Виленской 300,000 чел.

[2]) Въ остальныхъ губерніяхъ: въ Виленской 684,000, въ Гродненской 345,000, въ Витебской 315.000, въ Минской 170,000, въ Могилевской 25,000.

[3]) Предлагаемъ числа еврейскаго населенія въ губерніяхъ: въ Минской 325 тыс., въ Гродненской 275 тыс. д., Ковенской $247^1/_2$ т. д., Витебской 150 т. д., Могилевской 164 т. д. и въ Смоленской $5^1/_2$ тыс. д.

ціальные источники объ этомъ умалчиваютъ, мы оставляемъ этотъ вопросъ до другого раза (о сословіяхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить).

II.

Народное образованіе.

Образовательныя средства всего населенія Сѣверо-Западнаго края заключаются въ нѣсколькихъ разрядахъ учебныхъ заведеній, какъ то: народныя школы, церковно-приходскія, разныхъ наименованій городскія училища, духовныя училища, гимназіи, прогимназіи и нѣсколько спеціальныхъ учебныхъ заведеній, кромѣ того существуютъ частныя и училища исключительно для евреевъ. Такимъ образомъ, всѣ училища можно подвести подъ слѣдующія категоріи: городскія учебныя заведенія всѣхъ наименованій, въ которыхъ воспитываются представители всѣхъ исповѣданій (кромѣ военныхъ училищъ и духовныхъ семинарій), сельскія училища вмѣстѣ съ церковно-приходскими школами, которыми исключительно пользуются лица крестьянскаго сословія, наконецъ частныя и спеціально еврейскія училища.

Разсмотримъ прежде общія данныя о народномъ образованіи.

Всѣхъ училищъ въ 7 губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края насчитывается 5,756; въ частности, по вышеуказаннымъ категоріямъ, они раздѣляются слѣдующимъ образомъ: въ городахъ разныхъ наименованій учебныхъ заведеній 287, сельскихъ 4,068 и спеціально еврейскихъ 839; остальныя училища—частныя и ремесленныя школы.

Общее число учащихся во всѣхъ заведеніяхъ составляетъ 184,164 душъ обоего пола; это число, согласно указаннымъ категоріямъ, распадается на слѣдующія части: учащихся въ городахъ 32,457, въ сельскихъ школахъ 131,168 и въ спеціально еврейскихъ 16,897 душъ обоего пола.

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что среднимъ числомъ на губернію приходится всего 822 учебныхъ заведеній и 28,881 учащихся; между тѣмъ среднее количество населенія на губернію составляетъ около 1,378,000 душъ обоего пола, такъ что на ,6716 человѣкъ приходится 1 школа, или на каждые 1,000 душъ населенія учащихся 22 чел. Недостатокъ въ образовательныхъ средствахъ становится еще виднѣе, если примемъ во внима- количество населенія въ школьномъ возрастѣ: извѣстно, что на 2,000 населенія приходится лицъ школьнаго возраста, т. е. мальчиковъ отъ 7—15 и дѣвочекъ отъ 7—14 лѣтъ, около 337; слѣдовательно, въ дѣйствительности получаетъ образованіе едва только около 11,4% того числа населенія, которое должно бы было въ данный періодъ воспитываться въ каждой губерніи.

Вышеизложенные средніе выводы нѣсколько иначе представляются

въ частности по губерніямъ. Принимая во вниманіе только абсолютное количество учащихся въ каждой губерніи, то получимъ слѣдующія данныя.

Въ губерніяхъ:

1) Гродненской уч.	39,269	дѣтей обоего пола.
2) Минской „	37,893	„ „ „
3) Могилевской „	34,623	„ „ „
4) Виленской „	25,066	„ „ „
5) Витебской „	17,794	„ „ „
6) Смоленской „	15,313	„ „ „
7) Ковенской „	14,206	„ „ „

Изъ этихъ данныхъ видно, что количество учащихся не пропорціонально количеству населенія въ губерніяхъ, такъ какъ по количеству населенія Минская губ. занимаетъ первое мѣсто, Ковенская второе и т. д.

Между тѣмъ, по количеству учебныхъ заведеній губерніи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) въ Минской губерніи	1,315	учебныхъ заведеній
2) „ Могилевской „	1,293	„ „
3) „ Гродненской „	1,088	„ „
4) „ Виленской „	738	„ „
5) „ Витебской „	584	„ „
6) „ Смоленской „	509	„ „
7) „ Ковенской „	229	„ „

Порядокъ въ распредѣленіи школъ довольно близокъ къ порядку распредѣленія учащихся по губерніямъ. Кромѣ того, на распредѣленіе школъ естественно должна была бы оказывать вліяніе и плотность населенія: въ мѣстахъ болѣе плотно населенныхъ относительное количество школъ должно было бы быть меньше, но за то количество учащихся въ каждой школѣ больше; наоборотъ, въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ число учащихся въ каждой школѣ должно уменьшаться, но за то увеличиваться количество школъ. Въ этомъ случаѣ разстояніе мѣстожительства учащихся отъ школы, если оно велико, затрудняетъ посѣщеніе училища учениками. Обширность района, на который распространяется дѣйствіе учебнаго заведенія, составляетъ отличительную черту условій народнаго образованія въ нашемъ краѣ.

Приведемъ по этому поводу данныя въ связи съ среднимъ количествомъ учащихся въ каждомъ учебномъ заведеніи:

Губерніи:	Кв. в. приходится на одно уч. зав.	Кв. миль пр. на 1 учебное заведеніе.	Среднее число учащихся на 1 уч. зав.
1) Ковенская	156	3,2	62 об. пола.
2) Витебская	66,2	1,4	30 „ „

3) Минская	61	1,26	28 „ „
4) Виленская	50,6	1,09	34 „ „
5) Смоленская	38	2	30 „ „
6) Могилевская	32,7	0,67	26 „ „
7) Гродненская	31,3	0,65	37 „ „

Въ среднемъ для всего Сѣверо-Западнаго края выйдетъ, что одна школа захватываетъ районъ въ 55,5 кв. верстъ или 1,14 кв. м. и на одну школу учащихся приходится 32 души обоего пола. Слѣдовательно, районы, захватываемые каждою школою, настолько велики, что не могутъ удовлетворять нуждамъ населенія. Въ самомъ дѣлѣ: на пространствѣ 3,2 кв. м., которое составляетъ районъ каждаго училища въ Ковенской губ., живетъ 6,600 чел., между тѣмъ изъ нихъ обучаются толко 62, т. е. почти 0,9%. Вообще, отношеніе учащихся къ общему числу населенія крайне незначительно и въ среднемъ учащіеся составляютъ 2,01% всего населенія края. Меньшій процентъ въ Ковенской губ., именно 0,9%, высшій въ Гродненской—3% [1]). Количество душъ мужского и женскаго населенія, на которое приходится въ среднемъ одна школа, 1676 [2]).

Приведемъ еще характерныя данныя объ отношеніи учащихся къ количеству всего населенія. Оказывается, что 1 учащійся приходится на 107 душъ обоего пола въ Ковенской губ., на 85 въ Смоленской губ., на 70 чел. въ Витебской губ., на 50 ч. въ Виленск., на 42 въ Минской губ. и на 33 въ Могилевской губ., т. е. въ среднемъ одинъ учащійся на 52 чел. Теперь обратимся къ отношеніямъ учащихся обоихъ половъ между собою и къ остальному населенію. Дѣти мужского пола получаютъ образованіе въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ дѣвочки. Процентъ послѣднихъ по отношенію ко всему количеству женскаго населенія крайне незначителенъ; такъ, въ Мигилевской губ. 1 учащаяся приходится на 126 душъ женскаго пола всего населенія губ., или 14,4% всѣхъ учащихся, въ Ковенской губ. 1 дѣвочка приходится на 313 душъ женскаго пола, или 10,6% всѣхъ учащихся, въ Гродненской губ. одна на 132, или 12,6% и т. д.

Мы разсмотрѣли общія данныя о народномъ образованіи. Приведемъ еще сравненіе количества дѣйствительно учащихся съ тѣми, которые должны бы были получать образованіе въ данное время. Если предположимъ школьный возрастъ для мужского пола отъ 7 до 15 лѣтъ, а для женщинъ отъ 7—14, то получимъ (посредствомъ таблицы возрастовъ Буняковскаго), что на каждые 10,000 душъ населенія приходится въ данномъ возрастѣ

---

[1]) Въ остальныхъ губерніяхъ: въ Минск. 2,3%, въ Витебск. 1,4%, въ Виленск. 2%, въ Смоленск. 1,15% и въ Могилевск. 2,7%.

[2]) Въ частности по губ.: въ Ковенской 1 школа приходится на 6613 душъ, въ Смоленской на 2576, въ Витебской на 2126, въ Виленской на 1622, въ Минской на 1271, въ Гродненской на 1242 и въ Могилевской на 976 душъ обоего пола.

1,827 душъ мужского пола и на 10,000 женщинъ 1,544 душъ, всего на 20,000 душъ обоего пола выходитъ 3,371 чел. Такимъ образомъ, мы получимъ слѣдующую таблицу, указывающую, сколько могло бы быть приблизительно въ данное время учащихся и какой процентъ въ дѣйствительности учится:

Губерніи:	Число лицъ въ школьномъ возрастѣ.	Изъ нихъ обучается.
Гродненская	227,879	17,2%
Могилевская	212,878	15,91%
Минская	283,114	13,75%
Виленская	211,193	12,34%
Витебская	218,553	8,28%
Смоленская	220,969	6.98%
Ковенская	256,364	5,11%

Всего въ школьномъ возрастѣ до 1,626,000 душъ обоего пола, изъ которыхъ получаетъ образованіе только 11,32%, остальныя 88.68% вовсе не получаютъ хотя бы начальнаго образованія.

Впрочемъ, данныя эти значительно видоизмѣняются, какъ увидимъ далѣе, если разсматривать вопросъ о народномъ образованіи, насколько имъ могутъ пользоваться различныя группы населенія.

Въ заключеніе общаго обзора не безъинтересно было бы прослѣдить ростъ дѣла по народному образованію. Полное разсмотрѣніе этого вопроса повело бы насъ очень далеко, въ виду чего мы ограничимся только нѣкоторыми данными, именно, указаніемъ насколько подвинулось дѣло народнаго образованія за послѣднія 15 лѣтъ (1872—1887 г.). Ниже мы представляемъ таблицу, показывающую количество населенія въ 1872 году, число учебныхъ заведеній всѣхъ родовъ, число учащихся въ нихъ, а также увеличеніе школъ и учащихся за 15 лѣтъ.

Губерніи.	Школъ въ 1872 г.	% увеличенія за 15 лѣтъ.	Учащихся въ 1872 г.	% увеличенія. за 15 лѣтъ.	% увеличенія населенія за 15 лѣтъ.
Минская	527	150%	20358	86%	33%
Гродненская	456	139	17594	123	29
Виленская	384	100	15329	63	14
Витебская	258	126	9982	78	33
Могилевская	253	411	9836	252	17
Ковенская	216	6	10189	39	26
Смоленская	202	152	7540	103	—

Изъ этой таблицы мы видимъ, что процентъ возрастанія школъ и количества учащихся идетъ значительно быстрѣе возрастанія народонаселенія, откуда слѣдуетъ, что край значительно прогрессируетъ по пути образованія. Болѣе быстрое возрастаніе количества школъ сравнительно съ количествомъ учащихся свидѣтельствуетъ также, что населеніе не въ доста-

точной степени пользуется имѣющимися въ его распораженіи учебными заведеніями и что при данномъ числѣ школъ количество учащихся могло бы быть значительно больше. Особенно выдающееся явленіе между этими данными составляетъ незначительность увеличенія числа школъ и количества учащихся въ Ковенской губерній.

Разсмотрѣвши общія условія состоянія дѣла народнаго образованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, перейдемъ къ вопросу, какими образовательными средствами пользуются различныя группы населенія. Въ данномъ случаѣ можно, какъ намъ кажется, раздѣлить народонаселеніе Сѣверо-Западнаго края на три главныя группы: 1) крестьянское сословіе, 2) дворянство, духовенство и др. и 3) евреи. Первая группа пользуется исключительно сельскими народными училищами и церковно-приходскими школами (процентъ крестьянъ, обучающихся въ среднихъ и городскихъ учебныхъ заведеніяхъ не болѣе 1%), вторая группа пользуется городскими училищаму и средними учебными заведеніями и, наконецъ, третья, евреи, имѣютъ исключительно свои школы, но въ то же время пользуются другими учебными заведеніями.

Наиболѣе неблагопріятно отзывается незначительное количество народныхъ школъ на крестьянскомъ сословіи: имъ приходится испытывать всю тяжесть неудобства, заключающагося въ томъ, что каждая школа захватываетъ весьма большой районъ. Такъ, начальныхъ народныхъ училищъ въ Сѣверо-Зап. краѣ 4068, такъ что каждая школа захватываетъ районъ въ 78 кв. в. Несмотря на такое неудобство, замѣтно особенное стремленіе крестьянъ къ образованію; данныя показываютъ, что процентное отношеніе крестьянъ не только не меньше, какъ слѣдовало бы ожидать, учащихся изъ другихъ сословій, но даже превосходитъ ихъ и превосходитъ значительно. Такъ, число школъ и учащихся вмѣстѣ съ процентнымъ отношеніемъ ко всему числу учащихся, выражается по губерніямъ въ слѣдующихъ данныхъ:

	Учащихся.	Школъ.	% всѣхъ учащихся.
Минская	30910	1249	82%
Гродненская	28264	724	72%
Могилевская	28428	1063	72%
Виленская	15584	585	62%
Ковенская	10186	182	72%
Витебская	9970	310	56%
Смоленская	7828	429	51%

Эта таблица показываетъ, что учащіеся крестьянскаго сословія составляютъ значительное большинство въ 71%; этотъ значительный процентъ объясняется не только тѣмъ, что крестьяне составляютъ большинство населенія, но и тѣмъ, что относительное количество учащихся изъ нихъ гораздо больше учащихся изъ другихъ сословій. Въ самомъ дѣлѣ: всѣхъ городскихъ

учебныхъ заведеній насчитывается 287 съ 32457 учащимся [1]); ими пользуется 1,513,000 населенія (за исключеніемъ евреевъ), такъ что учащіеся составляютъ едва только 1,1%, между тѣмъ учащіеся изъ крестьянъ составляютъ 1,9% крестьянскаго сословія; кромѣ этого нужно замѣтить, что въ городскихъ училищахъ еще обучаются евреи (числа ихъ за недостаткомъ данныхъ нельзя опредѣлить точно) и крестьяне (почти 1% учащихся въ городскихъ школахъ) такъ, что процентъ учащихся въ городахъ мѣщанъ, дворянъ и духовенства долженъ быть ниже 1,1%, а процентъ обучающихся въ начальныхъ школахъ изъ крестьянскаго сословія повысится съ 1,9%, что составитъ болѣе 2% изъ всего крестьянскаго населенія.

Приведемъ еще интересныя данныя объ отношеніи числа школъ къ числу учащихся. Оказывается, что на 1 сельскую школу приходится 32 учащихся обоего пола [2]), а въ городскихъ на 1 училище—113 учащихся; притомъ 1 сельская школа приходится на 1,664 душъ крестьянскаго населенія, а 1 городская на 5,272. Дѣтей крестьянскаго сословія въ школьномъ возрастѣ около 1,148,000 душъ обоего пола, изъ которыхъ обучаются 11,4%.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить еще одно немаловажное обстоятельство, во многомъ могущее иллюстрировать состояніе начальнаго образованія, именно отношеніе числа школъ къ числу крестьянскихъ дворовъ и селеній.

Губерніи:	Дворовъ на 1 школу.	Селеній на 1 шк. почти.
Ковенская	411	59
Витебская	302	45
Смоленская	287	23
Виленская	139	20
Могилевская	118	4
Гродненская	117	5
Минская	83	2

Эти цифры еще разъ доказываютъ, что каждая школа занимаетъ слишкомъ большой районъ, что положительно препятствуеъ дѣлу начальнаго образованія.

---

[1]) По губерніямъ эти числа распредѣляются слѣд. обр.:

Могилевская	4057 учащихся и	43 учебныхъ заведеній.
Смоленская	6827 „ „	43 „ „
Ковенская	2646 „ „	25 „ „
Гродненская	3338 „ „	34 „ „
Виленская	5557 „ „	47 „ „
Витебская	4638 „ „	50 „ „
Минская	5375 „ „	45 „ „

[2]) По губерніямъ: въ Ковенской 55 учащ. на 1 шк., въ Гродненской 39, въ Витебской 32, въ Виленской 29, въ Могилевской 27, въ Минской 24 и въ Смоленской 18.

Между тѣмъ совокупность всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ показываетъ, что крестьянское сословіе, не смотря на множество препятствій, ревностно стремится къ образованію настолько, что процентъ учащихся въ немъ выше процентнаго отношенія другихъ сословій. Явленіе это не случайное; оно поддерживается народомъ изъ года въ годъ. Такъ, 15 лѣтъ тому назадъ, въ 1872 году, начальныхъ школъ было 1,663 во всѣхъ 7 губ., а городскихъ 643 [1]), но въ продолженіе 15 лѣтъ первыхъ увеличилось на 2,405, или по 160 въ годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ количество учащихся увеличилось на 72,347, т. е. по 4,823 ежегодно.

Въ заключеніе обзора состоянія начальнаго обученія въ нашемъ краѣ нужно замѣтить, что преобладающій характеръ школъ—школы для дѣтей обоего пола; число спеціально мужскихъ или женскихъ школъ крайне незначительно. За то большую половину всѣхъ школъ составляютъ церковно-приходскія школы, именно 2,591; въ нихъ учится 51,074 душъ обоего пола.

Что касается до школъ, предоставленныхъ исключительно евреямъ, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ, то ихъ въ 6 губерніяхъ (кромѣ Смоленской, гдѣ ихъ нѣтъ) насчитывается 839 съ 16,897 учащихся. Если мы примемъ во вниманіе, что еврейскаго населенія въ краѣ 1,363,000 душъ обоего пола, то увидимъ, что одна школа приходится на 1,612 чел. всего еврейскаго населенія, или на 20 учащихся; эти общія данныя показываютъ, что положенія и образованіе для евреевъ также не блистательно.

Было бы весьма интересно привести данныя о расходахъ по народному образованію, но, къ сожалѣнію, источники наши не заключаютъ этихъ данныхъ.

III.

Поземельная собственность.

Приступая къ изложенію статистическихъ данныхъ о поземельной собственности, мы прежде всего должны указать на то, что въ нашихъ источникахъ, „Памятныхъ книжкахъ“ и губернат. обзорахъ почти вовсе не имѣется по этому вопросу никакихъ свѣдѣній; только въ „Памятной книжкѣ Ковенской губ.“ помѣщены весьма интересныя „Свѣдѣнія о числѣ сельскихъ обществъ, селеній и участковъ по волостямъ, числѣ душъ по ревизіи и о наличномъ составѣ крестьянскаго населенія, а равно о количествѣ земли и о цѣнахъ на оную по выкупнымъ и люстраціоннымъ актамъ и въ настоящее время за 1886 г. ,

[1]) Въ числѣ городскихъ школъ въ данныхъ Центр. статистич. ком. поставлены и городскія еврейскія, вотъ почему цифры городскихъ школъ за 1872 г. (673) больше нашей 283 (наши цифры безъ еврейскихъ школъ).

да въ „Памятной книжкѣ Минской губерніи“ сдѣланы выдержки изъ изданій Центральнаго статистическаго комитета. Конечно, нельзя не пожалѣть объ этомъ важномъ недостаткѣ изданій нашихъ статистическихъ комитетовъ. Въ виду этого мы воспользовались данными о поземельной собственности, изданными Центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Чтобы уяснить себѣ сущность сельско-хозяйственныхъ условій Сѣверо-Западнаго края, разсмотримъ прежде всего общее распредѣленіе поземельной собственности по угодьямъ.

По даннымъ Центральнаго статистическаго комитета, вся площадь семи губерній Сѣверо-Западнаго края представляетъ 29,797,963 десятины; число это нѣсколько меньше вычисленнаго Стрѣльбицкимъ, именно на 3.385,474, 5 дес., что составитъ почти 10,2% недочета; недочетъ падаетъ на рѣки, озера, дороги и проч. пространства; недочетъ произошелъ также, вѣроятно, и отъ неточности данныхъ комитета.

Означенное число десятинъ распредѣляется по угодьямъ слѣдующимъ образомъ: площадь пахатной земли составляетъ 30,8% (9,165,989 дес.), лѣсной площади 33,2% (9,994,441 дес.), подъ лугами 19,5% и, наконецъ, остальныя 16,5% составляютъ земли неудобныя [1]). Само собою разумѣется, что при далеко не одинаковыхъ условіяхъ, въ которыя поставлены различныя мѣстности Сѣверо-Западнаго края, распредѣленіе земель по угодьямъ значительно измѣняется; чѣмъ плотнѣе населеніе какой либо мѣстности, тѣмъ относительное количество пахатныхъ земель больше, такъ какъ населеніе края преимущественно земледѣльческое, кромѣ того нужно брать во вниманіе природныя условія мѣстности, насколько онѣ благопріятствуютъ разработкѣ пахатныхъ полей. Въ самомъ дѣлѣ, въ трехъ болѣе плотно населенныхъ губерніяхъ мы замѣчаемъ и относительно преобладающее количество пахатныхъ земель надъ остальными; такъ, наиболѣе пахатныхъ земель въ Виленской губ., гдѣ приходится 40,2%, въ Гродненской 39,6% и въ Ковенской 36,2%, а во всѣхъ трехъ губерніяхъ въ среднемъ 38,6%. Такимъ образомъ, эти губерніи представляются наиболѣе обработанными; причина эта заключается какъ въ плотности ихъ населенія, такъ и въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ устройства поверхности; притомъ всѣ три губерніи сравнительно съ остальными лежатъ выше надъ уровнемъ моря и заключаютъ въ себѣ гораздо меньше озеръ, болотъ и проч. неудобной земли. Въ остальныхъ четырехъ губорніяхъ условія для хлѣбопашества менѣе удобны и притомъ онѣ менѣе населены, вслѣдствіе чего и относительное количество пахатныхъ земель значительно меньше; въ Минской г. прихо-

---

[1]) „Статистическій Временникъ Россійской Имперіи“. Серія III, вып. IV, С.-Петербургъ. 1884.

дится 24,2% пашни, въ Витебской 27,2%, въ Могилевской 28,7 и въ Смоленской (болѣе другихъ возвышенной) 29,3; въ среднемъ для четырехъ губерній составитъ 26,8% пахатной земли общаго пространства.

Сообразно съ мѣстными условіями и съ количествомъ пахатной земли измѣняется и относительная площадь лѣсовъ, луговъ, выгоновъ и неудобной земли. Въ трехъ губерніяхъ: Гродненской, Ковенской и Виленской лѣса занимаютъ 25,4%, тогда какъ въ остальныхъ губерніяхъ 37,6%; разница весьма значительная. Въ Минской губ. лѣса занимаютъ 38,3% всей площади; въ ней же находится наибольшее количество неудобной земли, именно 23% (1,735,325) дес.

Приведенныя данныя по губерніямъ о раздѣленіи поземельной собственности далеко не точно характеризуютъ поверхность Сѣверо-Западнаго края мы уже имѣли случай указать, что административные районы, на которые раздѣленъ край, вовсе не соотвѣтствуютъ природнымъ условіямъ его географическаго положенія. Это несоотвѣтствіе отражается и на распредѣленіи поземельной собственности. Такъ, напр., въ Минской губ. болѣе возвышенные уѣзды—Новогрудскій, Слуцкій и Минскій заключаютъ отъ 37,6% до 47,1% пахатной земли, тогда какъ въ среднемъ для всей губерніи едва приходится 24,2%, такъ какъ Пинскій уѣздъ заключаетъ 16,4% пашни; еще большую разницу замѣчаемъ въ Смоленской губ.: Бѣльскій уѣздъ ея содержитъ 11,1% пашни, между тѣмъ какъ Сычевскій 44,4%; разница въ томъ и другомъ случаѣ настолько значительная, что нѣтъ возможностя разсматривать каждую губернію, какъ одно цѣлое, но нужно въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ раздѣленію на указанные нами районы, болѣе соотвѣтствующіе дѣйствительному положенію мѣстности.

Дѣйствительно, обращаясь къ даннымъ, согласно указанному нами раздѣленію Сѣверо-Западнаго края на мѣстности, мы замѣчаемъ, что количество пахатной земли постепенно уменьшается съ переходомъ отъ болѣе плотно населенныхъ мѣстностей (и въ то же время болѣе возвышенныхъ, а слѣдовательно и болѣе удобныхъ къ хлѣбопашеству) къ менѣе плотно населеннымъ. Такъ, на западѣ густо населенная литовская типическая мѣстность заключаетъ въ себѣ весьма значительный процентъ пахатныхъ земель—39,9%, относительное количество пахатныхъ земель съ переходомъ къ мѣстности Пинско-Березинскаго Полѣсья постепенно уменьшается и въ послѣдней мѣстности оно едва составляетъ 19,7% общаго количества земли. Разность эта весьма значительна, но она происходитъ не вдругъ, а постепенно; переходъ этотъ явно отражается на *переходныхъ* мѣстностяхъ отъ литовской типической къ Пинско-Березинскому Полѣсью; такъ, въ переходной Бѣловѣжской мѣстности пахатныя земли занимаютъ 31% (429,884 дес.), а въ Минской (Слуцкій, Новогрудскій и Минскій уѣзды) 41,6% (628,857

дес.); отсюда видно, что эти три уѣзда Минской губ. ближе подходятъ къ собственно литовской мѣстности, нежели бѣловежская. Обширныя болота, лѣса, множество рѣкъ и проч. и къ тому же еще мало плодородная почва, характеризующіе остальную часть Минской губ., представляютъ весьма мало удобствъ для земледѣлія, такъ что въ Пинско-Березинскомъ Полѣсьи количество пахатныхъ земель составляетъ 19,7%; при этомъ наименьшій процентъ падаетъ на Пинскій уѣздъ—16,4% и на Мозырскій 16,9%. Къ востоку отъ этой мѣстности, во всей Могилевской губ., части Смоленской (уѣзды Смоленскій, Краснинскій, Рославльскій, Ельнинскій, Дорогобужскій и Духовщинскій) и къ сѣверо-востоку въ части Витебской (уѣзды Лепельскій, Невельскій, Городокскій, Полоцкій, Себежскій и Витебскій) поверхность снова повышается и плотность населенія увеличивается (въ Пинско-Березинскомъ Полѣсьѣ 761 чел. на 1 кв. милю, а въ Бѣлорусскомъ 1,500 чел.), а потому и относительное количество пахатныхъ земель увеличивается до 29,4% (2,871,381 дес.), а на самой восточной окраинѣ Сѣверо-Западнаго края, въ *Вяземской* мѣстности, оно достигаетъ 41,5%, что составляетъ уже переходъ къ московской центральной области.

Сѣверныя части находятся далеко не въ лучшихъ условіяхъ; напротивъ, условія для земледѣлія тамъ настолько хуже, что въ мѣстности, названной нами Полѣсьемъ верховьевъ Западной Двины, пахатныя земли едва достигаютъ 14,7%, а въ Инфлянтской—20,7%.

Считаемъ не лишнимъ привести всѣ эти данныя въ сводной таблицѣ:

Мѣстности.	Общее количество земли.	Пахатной.	Процентн. отношенія.
Литовская типическ. . . .	8.545,455 дес.	3.408,279 дес.	39,9%
Бѣловѣжская	1.338,257 „	422,884 „	29%
Пинско-Берез. Полѣс. . .	6.025,342 „	1.189,755 „	19.7%
Минская	1.511,123 „	628,857 „	41,6%
Бѣлорусск. Пол.	8.044,419 „	2.374,381 „	29,5%
Пол. верх. Зап. Двин. . .	1.650,170 „	242,515 „	14,7%
Инфлянтская	1.432,371 „	396,621 „	20,7%
Вяземская	1.199,825 „	494,197 „	41,5%

Площадь лѣсовъ, луговъ и выгоновъ, а также и неудобной земли находится въ полной зависимости отъ относительнаго количества площади пахатныхъ земель. Такъ, въ Литовской типической мѣстности, съ преобладающимъ количествомъ пахатной земли, лѣсная площадь занимаетъ 24,5%, а луга и выгоны тоже 24,5%, остальныя же около 11% составляетъ неудобная земля. Въ переходной Бѣловѣжской мѣстности лѣса занимаютъ 29% (415,548 дес.), въ Минской 25,6% (382,694 дес.), а въ Пинско-Березинскомъ Полѣсьи 41,6% (25.041,988 д.). Однако по относительному количеству лѣсной площади эта мѣстность должна считаться на 2-мъ мѣстѣ: первая въ этомъ отношеніи—Полѣсье верховьевъ Западной Двины, гдѣ при-

ходится 51$^0/_0$ лѣсной площади (842,573 дес.). Менѣе всего лѣсу, конечно, въ западныхъ окраинахъ и восточныхъ: въ Литовской типической мѣстности—24,5$^0/_0$ и въ Вяземской 24$^0/_0$. [1]).

Остальное пространство поземельной собственности состоитъ изъ луговъ, выгоновъ и неудобной земли. Какъ мы уже замѣтили, площадь луговъ въ общемъ занимаетъ 19,5$^0/_0$ всей поверхности Сѣверо-Западнаго края, а неудобная земля 16,5$^0/_0$; въ частности колебанія по мѣстностямъ бываютъ весьма значительны; такъ, въ типической Литовской мѣстности луга занимаютъ 24,5$^0/_0$, а неудобная земля лишь около 11$^0/_0$, тогда какъ въ Пинско-Березинскомъ Полѣсьи луговъ 12$^0/_0$, а неудобной земли 26,5$^0/_0$, менѣе всего неудобной земли въ Минской мѣстности, 5,8$^0/_0$ ея пространства.

Обратимся теперь къ даннымъ, указывающимъ распредѣленіе поземельной собственности между различными группами населенія.

Отличительною чертою Сѣверо-Западнаго края является крупное землевладѣніе. Частнымъ личнымъ собственникамъ принадлежитъ въ краѣ 53,2$^0/_0$ всей поземельной собственности; остальное пространство распредѣляется между крестьянами, которымъ принадлежитъ 10.623,172 десятины, или около 37.3$^0/_0$, казною (немного менѣе 8$^0/_0$), церкви принадлежитъ 0,66$^0/_0$ всей земли (въ томъ числѣ церквамъ 173,148 десятинъ или монастырямъ 17,552 дес.); остальныя земли, въ количествѣ около 0,84$^0/_0$, принадлежатъ городамъ, различнымъ обществамъ и проч.

Разсматривая данныя о частной поземельной собственности въ частности по губерніямъ, можно замѣтить, что и тутъ преимущество находится на сторонѣ западныхъ губерній, Виленской, Гродненской и Ковенской; въ первой изъ нихъ частичная собственность составляетъ 46,9$^0/_0$, во второй 40$^0/_0$, а въ послѣдней 48,6$^0/_0$, а въ общемъ по тремъ губерніямъ 45$^0/_0$ (4.332,000 дес.) всей земли. Въ то же время относительное количество крестьянскихъ земель увеличивается до 45$^0/_0$, т. е. гораздо выше указанной нами средней нормы для всего края. Въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ вла-

---

[1]) Приводимъ данныя о количествѣ лѣсовъ по мѣстностямъ:

Мѣстности.	Количество лѣсн. площ.	$^0/_0$ къ общ. числу дес. мѣстн.
Литовская типическая . . .	2.107,824 д.	24,5$^0/_0$
Пинско-Берез. Полѣсье . .	2.504,988 „	41,6$^0/_0$
Бѣловѣжская	415,548 „	29,$^0/_0$
Минская	382,694 „	25,6$^0/_0$
Бѣлорусское Полѣсье . . .	2.980,839 „	37,$^0/_0$
Полѣс. верх. Зап. Дв. . . .	842,573 „	51,$^0/_0$
Инфляндтская	472,922 „	33,$^0/_0$
Вяземская	287,052 „	24,$^0/_0$

дѣльческая собственность является преобладающею: въ Минской губ. она составляетъ 60,7% всей земли, въ Могилевской губ. 57%, въ Витебской губ. 55% и въ Смоленской губ. 53,9%, что въ среднемъ составитъ 57%. Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ большое различіе относительнаго количества земель въ частной собственности между первою группою губерній и второю: въ частности же въ первой группѣ рѣзко выдѣляется Гродненская губ., гдѣ эти земли составляютъ 40% и Ковенская губ. (48,6%); разница эта происходитъ, повидимому, отъ того, что въ Гродненской губ. весьма значителенъ процентъ казенной земли (до 480 тыс. дес.), именно 16%, чего не замѣчается ни въ какой другой губ. Сѣверо-Западнаго края; въ ней же наибольшій процентъ (2%) земель въ собственности церкви, кампаній (вслѣдствіе развитія фабрично-заводской промышленности) и другихъ учрежденій. Въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ частная поземельная собственость распредѣляется съ менѣе замѣтной разницей; она является сильно преобладающей въ Минской губ. (60,7) и менѣе преобладающею въ Смоленской (53,9%). Однако, распредѣленіе ея по уѣздамъ въ первой изъ нихъ значительно видоизмѣняется; такъ, въ Игуменскомъ уѣздѣ количество частной поземельной собственности восходитъ до 73,3%, а наименьшее въ Борисовскомъ нисходитъ до 52,9%; разница, какъ мы видимъ, настолько значительная, что средняя цифра не можетъ служить достаточно вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительнаго распредѣленія собственности. Тоже мы замѣчаемъ и относительно другихъ губерній: въ Оршанскомъ уѣздѣ, Могилевской губ., 64,5% находится въ частномъ владѣніи, а въ Горецкомъ всего лишь 43,3%, въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губ., 71,9%, а въ Сычевскомъ лишь 35,1% и т. д. Раздѣленіе по принятымъ нами мѣстностямъ въ данномъ случаѣ не можетъ установить болѣе или менѣе соотвѣтствующей средней цифры, такъ какъ размѣръ частной поземельной собственности во многомъ часто зависитъ отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Притомъ не столько важно для страны само количество частной поземельной собственности, какъ размѣръ ея во владѣніи отдѣльныхъ собственниковъ; важно также, насколько размѣръ частной собственности вліяетъ на крестьянское хозяйство, принимая во вниманіе не абсолютное количество крестьянскихъ земель, но размѣръ ихъ на каждый дворъ или душу. Къ этимъ вопросамъ мы еще обратимся.

Разсмотримъ составъ земель, находящихся въ частной собственности. Въ общемъ составѣ владѣльческія земли Сѣверо-Западнаго края заключаютъ въ себѣ около 12.420,124 дес. удобной земли, или до 80% всей земли, остальные 20% считаются неудобною. Количество пахатныхъ земель весьма незначительно, всего около 18,4% (2.851,498 дес.). За то лѣсная площадь владѣльческихъ земель составляетъ почти половину ихъ зе-

мель, 47,1⁰/₀ или 7.320,656 дес., что составитъ почти 73,5⁰/₀ всѣхъ лѣсовъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ частности по губерніямъ данныя эти представляютъ не малую разницу.

Наибольшій процентъ пахатныхъ земель приходится въ трехъ западныхъ губерніяхъ Гродненской, Ковенской и Виленской, въ общемъ 34,1⁰/₀ (1.304,349 дес.); изъ нихъ ниже общей нормы въ Ковенской губ. 29,6⁰/₀, въ Гродненской губ. пахатныхъ земель наиболѣе, именно 38,7⁰/₀. Въ группѣ остальныхъ четырехъ губерній процентъ пахатныхъ владѣльческихъ земель крайне незначителенъ, въ среднемъ не превышаетъ 18⁰/₀. Въ частности изъ губерній въ наименѣе благопріятныхъ, въ этомъ отношеніи, условіяхъ находится Смоленская, въ которой пахатныя владѣльческія земли занимаютъ 12,5⁰/₀ всего пространства владѣльческихъ земель; Витебская и Могилевская губерніи находятся въ этомъ отношеніи почти при одинаковыхъ условіяхъ: въ первой изъ нихъ изъ владѣльческихъ земель пахатныя составляютъ 17,5⁰/₀, а во второй 17,8⁰/₀; въ Минской этотъ процентъ повышается до 22,1⁰/₀; послѣднее обстоятельство зависитъ отъ того, что часть ея, какъ мы уже указали, находится совершенно при другихъ условіяхъ, чѣмъ остальные уѣзды; въ этихъ уѣздахъ процентъ пахатной земли почти вдвое выше остальныхъ уѣздовъ; такъ, въ Минскомъ уѣздѣ онъ равенъ 41,6⁰/₀ (63,537 дес.), а въ Новогрудскомъ 35,8⁰/₉, между тѣмъ какъ въ Рѣчицкомъ лишь 15,9⁰/₀.

Площадь лѣсовъ и луговъ соотвѣтствуетъ большему или меньшему количеству площади пахатныхъ земель. Площадь лѣсовъ на владѣльческихъ земляхъ въ Могилевской, Смоленской и Витебской губ. почти одинакова, именно: въ первой она занимаетъ 68,4⁰/₀ (1228 тысячъ дес.), во второй 67,8⁰/₀ (540,548 дес.) и въ послѣдней 67,4⁰/₀ (1,000 тыс. дес.). Въ остальныхъ четырехъ губ. лѣсная площадь занимаетъ 42,4⁰/₀. Такимъ образомъ, въ среднемъ для всего Сѣверо-Западнаго края владѣльческая лѣсная площадь занимаетъ 47,1⁰/₀, или 7.320,656 дес. Луга же занимаютъ почти 9⁰/₀.

Обратимся теперь къ распредѣленію частной поземельной собственности между владѣльцами. Вообще всѣхъ частныхъ владѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ считается 64,709; они владѣютъ, какъ мы уже указали, 15.132,336 дес. земли, такъ что средній размѣръ имѣній равенъ около 234 дес. земли. Размѣръ этотъ довольно значителенъ и по своей величинѣ онъ превосходитъ Московскую и центральную земледѣльческую области, такъ какъ въ первой на одного владѣльца приходится 86 дес., а во второй 123. По губерніямъ средній размѣръ собственности распространяется далеко не одинаково. Такъ, наименьшій средній размѣръ ея въ 95 дес. въ Гродненской губ., тогда какъ наибольшій въ Минской достигаетъ 470 дес. на одного владѣльца [1]). Большой интересъ имѣетъ распредѣленіе

[1]) Въ остальныхъ губ.: въ Виленской 181 дес., въ Ковенской 202. въ Витебской 336, въ Могилевской 204 и въ Смоленской 170 десятинъ. (Стат. позем. собств. нас. м. Ц. Ст. К. V).

собственности по размѣрамъ владѣній на крупную, среднюю и мелкую собственность. Если сочтемъ владѣльцевъ, имѣющихъ собственность, менѣе 100 дес. за мелкихъ собственниковъ, имѣющихъ же не болѣе 1,000 дес. за среднихъ и, наконецъ, имѣющихъ болѣе тысячи за крупныхъ землевладѣльцевъ, то окажется, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ: мелкихъ собственниковъ 55,531, которымъ принадлежитъ 1,118 тыс. дес. земли, что на каждаго владѣльца составитъ менѣе 20 дес., среднихъ 10,534, которымъ принадлежитъ 3,557 тыс. дес., что на каждаго человѣка составляетъ по 337 дес., и, наконецъ, крупныхъ владѣльцевъ 2,644; имъ принадлежитъ 10.457,000 дес., т. е. почти $^2/_3$ всей земли, принадлежащей частнымъ владѣльцамъ, болѣе $^1/_3$ всей земли въ краѣ; крупные собственники, въ числѣ 2644 лицъ, владѣютъ почти такимъ количествомъ земли, какъ почти 7 милліонновъ человѣкъ крестьянъ, которые имѣютъ всего лишь 10,623 тыс. дес., т. е. всего на 200 тыс. дес. больше крупныхъ помѣщиковъ; на каждаго такого владѣльца приходится почти 4000 десятинъ. Интересно разсмотрѣть данныя, указывающія процентное отношеніе числа поземельныхъ собственниковъ мелкихъ, крупныхъ и среднихъ къ общему ихъ числу, а также процентное отношеніе занимаемыхъ ими земель. Для краткости приведемъ слѣдующую таблицу:

Губерніи.	% собственниковъ.			% собственности.		
	Мелкихъ.	Средн.	Крупн.	Мелкой.	Средней.	Крупной.
Виленская	78	18	3	12	32	56
Ковенская	74	23	3	12	36	52
Гродненская	91	7	2	10	29	61
Минская	79	14	7	3	11	86
Витебская	72	21	7	5	22	73
Могилевская . . .	84	11	5	7	20	73
Смоленская	79	18	3	9	35	56

Тѣ же данныя гораздо опредѣлительнѣе выражаютъ характеръ землевладѣнія, если мы сгруппируемъ ихъ по принятымъ нами мѣстностямъ:

Мѣстности.	% собственниковъ.			% собственности.		
	Мелк.	Средн.	Крупн.	Мелк.	Средн.	Крупн.
Литовская	83	15	2	12	34	54
Бѣловѣжская	79	17	4	6	26	68
Бѣлорусское Полѣсье .	80	15	5	8	28	64
Пинско-Берез. Пол. . . .	80	13	7	2	8	90
Минская мѣстн.	76	19	5	7	22	71
Инфлянтская	66	24	10	3	14	83
Вяземская мѣстн.	86	12	2	7	33	59
Пол. верх. Зап. Двин. . .	76	18	6	8	27	66

Изъ этой таблички ясно видно, что преобладающій характеръ землевладѣнія—крупная поземельная собственность; процентъ мелкой и даже

средней собственности вообще крайне незначителенъ; онъ повышается только въ Литовской типической мѣстности вслѣдствіе развитія въ ней имѣній мелкопомѣстной шляхты.

Разсмотримъ теперь условія крестьянскаго землевладѣнія.

Крестьянскому сословію Сѣверо-Западнаго края принадлежитъ около $^1/_3$ всей земли, именно 10.623,000 десят. Въ частности по губерніямъ крестьянская собственность является преобладающею въ западныхъ губерніяхъ: Виленской, Ковенской и Гродненской, гдѣ процентное отношеніе ея выше средняго для всего края, именно: въ первой крестьянскія земли занимаютъ около 41%, во второй около 45% и въ послѣдней до 42%. Почти въ такомъ же отношеніи находится и Смоленская губернія, въ которой крестьянскія земли составляютъ 43%. Процентъ крестьянскихъ земель въ разсмотрѣнныхъ нами губерніяхъ, какъ мы видимъ, не великъ, если принять во вниманіе численность крестьянскаго сословія. Однако же, въ остальныхъ трехъ губерніяхъ относительная численность крестьянскихъ земель еще незначительнѣе; изъ нихъ въ Минской она нисходитъ до 26%, въ Витебской 37%, въ Могилевской 39%.

Если разсматривать тѣ же данныя по мѣстностямъ, то замѣчаемъ значительную разницу въ распредѣленіи крестьянскихъ земель: въ типической литовской мѣстности крестьянскія земли составляютъ 44% всей земли; число это постепенно понижается въ Пинско-Березинскому Полѣсью, гдѣ, какъ мы видѣли, особенно развито крупное землевладѣніе; такъ въ Бѣловѣжской мѣстности крестьянскія земли составляютъ 37%, въ Минской 36%, а въ Пинско-Березинскомъ Полѣсьи едва достигаютъ 26%. Къ востоку отъ послѣдняго замѣчаемъ снова увеличеніе крестьянскихъ надѣльныхъ земель —въ Бѣлорусскомъ Полѣсьи онѣ составляютъ 40%, а на восточной окраинѣ, въ Вяземской мѣстности, достигаютъ наибольшей относительной величины 55%. Въ мѣстности Полѣсья верховьевъ Западной Двины 36% и въ Инфляндской мѣстности 37%.

Что касается до состава земель, принадлежащихъ крестьянамъ, то пахатныя земли составляютъ преобладающую часть крестьянскихъ владѣній. Имъ принадлежатъ до 6.195,536 десятинъ пахатныхъ земель, что составляетъ 58,3% всей земли, обладаемой ими, или 21,8% всѣхъ земель Сѣверо-Западнаго края, или ок. 68% всей пахатной земли. Такимъ образомъ, оказывается, что крестьяне, обладая лишь 37,3% всей поземельной собственности, одной пахатной земли имѣютъ 21,8% всего пространства, или 68% всей пахатной зепли, и слѣдовательно, процентъ разработанной крестьянской земли несравненно выше помѣщичьей. За то несомнѣнно долженъ быть чувствителенъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ недостатокъ лѣсовъ, выгоновъ и луговъ. Въ этомъ отношеніи луга занимаютъ второе по пространству мѣсто среди крестьянскихъ владѣній, именно около 2.155,000

дес., или 20,4% всѣхъ крестьянскихъ земель. Лѣса и выгоны занимаютъ почти одинаковую площадь, именно по 8% (лѣса около 874 тыс. дес., выгоны около 857 тыс. дес.), остальное пространство поземельной собственности признается неудобной.

Такимъ образомъ, количество луговъ въ сравненіи съ остальной собственностью можно признать достаточнымъ, но лѣса рѣшительно мало; при этомъ крестьянскіе лѣса большею частью дровяные, строевой лѣсъ у нихъ чрезвычайная рѣдкость.

Чтобы лучше выяснить отношеніе различныхъ составныхъ частей крестьянской поземельной собственности, съ раздѣленіемъ ея на губерніи и мѣстности, представимъ процентное отношеніе различныхъ угодій въ сводной таблицѣ:

% отношеніе къ общему числу крестьянскихъ земель:

Губерніи:	% пахат земли.	% луговъ.	% выгоновъ.	% лѣсовъ
Витебская	57	22	7	8
Смоленская	58	22	3	12
Могилевская	58	18	5	14
Минская	57	19	9	10
Гродненская	65	16	12	2
Виленская	66	18	9	2
Ковенская	61	27	12	2
Въ среднемъ	58%	20%	8%	8%

Группируя тѣ же данныя по принятому нами раздѣленію на мѣстности, получимъ слѣдующіе выводы:

% отношеніе къ общему числу крестьянскихъ земель:

Мѣстности.	% пахат. земли.	% луговъ	% выгон.	% лѣсовъ
Литовская типическая	60	20	13	2
Пинско-Берез. Пол.	58	21	10	14
Бѣловѣжская	59	23	13	1
Минская	69	16	10	3
Бѣлорусское Полѣсье	58	16	4	11
Пол. верх. Зап. Двин.	39	23	3	23
Инфлянтская	58	25	11	2
Вяземская	58	22	4	5

Данныя эти могутъ нѣсколько уяснить, насколько природныя условія благопріятствуютъ разработкѣ пахатныхъ земель: процентъ ихъ въ Полѣсьѣ верховьевъ Западной Двины, вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ условій мѣстности, незначителенъ, тогда какъ въ Литовской типической мѣстности

онъ довольно высокъ. Кромѣ первыхъ изъ этихъ мѣстностей въ остальныхъ пахатныя земли составляютъ большую половину крестьянскихъ земель. Относительное количество луговой площади въ общемъ должно быть достаточно, но лѣсная площадь занимаетъ весьма малое пространство и въ Бѣловѣжской мѣстности нисходитъ до 1%.

Чтобы уяснить окончательно характеръ крестьянскаго землевладѣнія въ нашемъ краѣ, обратимся къ даннымъ о пользованіи землей каждой единицей крестьянскаго сословія.

Крестьянское сословіе по своей численности составляетъ значительную часть населенія Сѣверо-Западнаго края, именно до 2.901 тыс. человѣкъ. Оно составляетъ 13.012 сельскихъ обществъ, обнимающихъ 69.977 селеній, такъ что каждое крестьянское общество, заключая въ среднемъ болѣе 5 селеній, состоитъ почти изъ 530-ти душъ обоего пола и владѣетъ 816,4 дес. земли, которая по угодіямъ распредѣляется слѣд. образ.: пахатной земли 476,1 дес., луговъ 166 дес., выгоновъ 66 дес., лѣсной площади почти столько же—67 дес.; остальная земля признается неудобной.

Число обществъ и среднее количество составляющихъ его душъ выражается по губерніямъ въ слѣдующихъ данныхъ:

Губерніи.	Число крест. обществъ.	Населеніе об. пола.
Витебская	1020	867
Смоленская	4134	266
Могилевская	1934	518
Минская	1647	679
Гродненская	2319	380
Виленская	984	887
Ковенская	983	1025

Особенно интересно прослѣдить, какъ распространены различные составныя части поземельной собственности по обществамъ. Обращаясь къ этого рода даннымъ можно представить распредѣленіе угодій на крестьянскія земли въ слѣдующемъ видѣ:

Одному крестьянскому обществу (наличный составъ см. выше) принадлежитъ:

Количество земли въ десятинахъ:

	Пахатн.	Луговъ.	Выгоновъ	Лѣсн. площади.
Витебской	743	284	97	102
Смоленской	241	99	14	55
Могилевской	457	130	37	104
Минской	678	221	111	117
Гродненской	361	90	69	10
Ковенской	577	409	177	34
Виленской	897	240	134	21

Таблица эта показываетъ, что земельныя угодія въ различныхъ частяхъ края раздѣлены совершенно не равномѣрно; такъ въ Виленской губ., при 897 дес. пахатной земли, находящейся во владѣніи каждаго крестьянскаго общества, луговой площади находится всего 240 дес., а лѣсной лишь 21, тогда какъ въ Витебской, при 743 дес. пахатной земли считается 284 дес. луга и 102 дес. лѣсу; мѣжду тѣмъ, средняя цифра населенія каждаго виленскаго общества (887 человѣкъ) даже больше витебскаго (867 челов.) и т. д.

Вообще, при довольно равномѣрномъ распредѣленіи относительнаго количества пахатныхъ земель, распредѣленіе остальныхъ угодій крайне неравномѣрно и должно весьма неблагопріятно отзываться на благосостояніи крестьянскаго хозяйства.

Нужно замѣтить, что этотъ недостатокъ, если разсматривать его по принятымъ нами мѣстностямъ, оказывается еще чувствительнѣе. Такъ, хотя каждое общество Минской губ., состоящее, какъ мы указали, изъ 679 человѣкъ, при 1112 дес. всей земли, владѣетъ въ общемъ 117 дес. лѣсу, но въ одной части ея, въ Пинско-Березинскомъ Полѣсьи, каждое крестьянское общество изъ 523 человѣкъ, при 1062 дес. всей земли, владѣетъ 145,4 лѣсу, а въ другой Минской мѣстности, при 1235 дес. земли, которыми владѣетъ каждое крестьянское общество изъ 966 человѣкъ, состоитъ подъ лѣсомъ всего 34,9 дес. Данныя этого рода весьма интересны; мы приведемъ, для краткости, сводную ихъ таблицу:

Каждое крестьянское общество владѣетъ десятинами:

Мѣстности.	Число крест обществъ.	Число душъ об. пола на 1 крест. общ.	Всей земли.	Луговъ	Выгоновъ	Лѣса.
Литовская типическая	3527	684	1017	209	136	23
Бѣловѣжская	759	436	652	139	89	7,5
Пинско-Берез. Полѣсье	1221	523	1062	222,8	104	145,4
Минская	426	966	1235	206	131	34,3
Бѣлорусское Пол. . .	435	600	638	124	30,1	82
Пол. верхов. Зап. Дв.	1025	252	492	126,6	15,6	114
Инфляндская	309	1194	1629	431	183,6	50
Вяземская	1319	317	485	109	17,4	24

Сравненія приведенныхъ нами данныхъ о количествѣ десятинъ съ количествомъ ихъ владѣльцевъ уже показываютъ, что земли далеко, въ общемъ, недостаточно для населенія; недостатокъ этотъ является еще рѣзче, если мы разсмотримъ данныя о количествѣ крестьянской поземельной собственности по отношенію къ каждому отдѣльному представителю сословія.

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что на одну душу обоего пола приходится всей земли 1,54 дес., а пахатной лишь 0,89 дес. Такимъ образомъ

надѣлъ на каждую душу обоего пола, въ общемъ, весьма незначителенъ; но въ нѣкоторыхъ частяхъ разсматриваемаго нами края онъ еще менѣе. Болѣе значительнымъ онъ оказывается въ губерніяхъ менѣе плотно-населенныхъ, и наоборотъ.

Вотъ данныя о количествѣ всей и пахатной земли на каждую душу обоего пола наличнаго населенія:

Число десятинъ на душу обоего пола:

	всей	пахатной.
Минская	1,73	1,06
Смоленская	1,73	0.90
Виленская	1,54	0,97
Могилевская	1,51	0,88
Гродненская	1,45	0,94
Ковенская	1,44	0,74
Витебская	1,29	0,75

IV.

Сельское хозяйство.

Разсмотрѣвши условія землевладѣнія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, небезъинтересно будетъ взглянуть, какъ отзывается на странѣ выше обслѣдованное распредѣленіе поземельной собственности.

Земледѣліе является почти единственною отраслью сельскаго хозяйства. Хотя по количеству луговъ и выгоновъ край занимаетъ довольно удобное положеніе, но скотоводство крайне не развито и едва ли удовлетворяетъ нуждамъ мѣстнаго населенія. Такъ, напримѣръ, въ Минской губерніи въ 1886 году числилось всего рогатаго скота 646,169 штукъ, лошадей 246,131, простыхъ овецъ 462,169 штукъ и т. д.; конечно, такое количество скота для болѣе чѣмъ полуторамилліоннаго населенія губерніи весьма незначительно и, пожалуй, не удовлетворяетъ мѣстнымъ нуждамъ, если принять во вниманіе, что скотъ, особенно рогатый, весьма плохихъ породъ.

Съ другой стороны, и фабричная промышленность, кромѣ Гродненской губерніи, незначительна, сосредоточивается почти исключительно въ центральныхъ городахъ, а потому сельскій людъ и тутъ не можетъ находить себѣ заработка.

Въ виду этого, земледѣліе представляется не только важнѣйшею отраслью экономическаго благосостоянія страны, но и единственнымъ источникомъ народнаго богатства.

Приступая къ изложенію состоянія нашего земледѣлія, мы ограничимся только изложеніемъ результатовъ сельскаго хозяйства за прошлый годъ, съ указаніемъ, насколько результаты эти удовлетворяютъ нуждамъ населенія.

Прошлый 1887 годъ былъ наиболѣе счастливый въ сельско-хозяйственномъ отношеніи: согласно даннымъ, опубликованнымъ Центральнымъ статистическимъ комитетомъ, урожай этого года повсемѣстно почти въ Россіи далъ блестящіи результатъ; такъ, рожь дала средній урожай самъ — 5,2, озимая пшеница 7,5, яровая пшеница 5,0, ячмень 5,6, овесъ 4, гречиха 2,9 и картофель 4,8. Урожайный годъ отразился благопріятно и въ нашемъ краѣ: рожь дала наивысшій урожай, въ среднемъ, самъ—5,8, озимая пшеница—5,6, яровая пшеница—5,1, ячмень—4,4 и наименьшій урожай далъ овесъ—самъ 3,6, а картофель почти самъ—5,4. Такія высокія цифры средняго урожая, при малоплодородной почвѣ, составляютъ явленіе исключительное, такъ какъ средній обыкновенный урожай рѣдко въ общемъ превосходитъ самъ 3.

Вообще, въ семи губерніяхъ было собрано ржи озимой и яровой 12 008,727 четвертей, пшеницы 669,709 четвертей, овса 8,342,800 четвертей, ячменя 2,917,402 четверти и картофеля 19,849,660 четвертей. Большая часть сбора приходится на земли, принадлежащія крестьянамъ, такъ какъ они, какъ мы уже указали, владѣютъ значительною частью всей пахатной земли; крестьяне, почти безъ исключеній, пользуются трехпольной системой обработки земли, тогда какъ у помѣщиковъ, особенно крупныхъ, преобладаетъ четырехпольная система и даже многопольная.

Такъ, на крестьянскихъ земляхъ было собрано:

Озимой и яровой ржи	8.299,798	четвертей,	или	69,1% всего сбора.
Озимой пшеницы . . .	244,983	„	„	54,3% „ „
Яровой пшеницы . . .	244,983	„	„	78,5% „ „
Овса	5.715,200	„	„	68,2% „ „
Ячменя	1 991,804	„	„	68,3% „ „
Картофеля	9.367,473	„	„	73% „ „

При этомъ нужно замѣтить, что въ среднемъ владѣльческія земли даютъ большій урожай, чѣмъ крестьянскія; это происходитъ потому, что крестьянскія земли менѣе удобряются и притомъ болѣе истощены трехпольной системой. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, для примѣра, средній урожай ржи на одну десятину крестьянской и владѣльческой земли, по губерніямъ:

Губерніи.	Средній урожай на 1 дес.		Средній посѣвъ на 1 дес.	
	На владѣльческой землѣ	На крестьян. землѣ.	На владѣльческой землѣ	На крестьян. землѣ.
	Четвертей.		Мѣръ.	
Виленская	4,3	3,3	7,0	7,5
Витебская	4,8	4,0	4,8	8,3
Гродневская	4,8	4,2	7,0	6,9

Ковенская	6,6	5,3	8,8	8,6
Минская	4,1	3,8	7,2	7,2
Могилевская	4,2	3,9	8,5	8,5
Смоленская	6,0	5,0	10,1	10,8

Эти данныя показываютъ, что почти при одинаковомъ среднемъ посѣвѣ на крестьянской и владѣльческой землѣ, урожай на землѣ послѣднихъ гораздо выше первыхъ какъ мы видимъ въ Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской губ.; или же даже при меншемъ посѣвѣ на владѣльческой землѣ, урожай на ней получается большій, чѣмъ на крестьянской, какъ въ губ. Смоленской, Витебской; въ Ковенской губ. посѣвъ на крестьянской землѣ только на 0, 2 мѣры менше владѣльческой, но за-то сборъ у владѣльцевъ больше, чѣмъ у крестьянъ на 1, 3 четверти. Тоже самое мы замѣчаемъ и относительно другихъ хлѣбныхъ растеній.

Особенно сильно отражается истощенность крестьянской земли на посѣвѣ пшеницы; такъ, напримѣръ, въ Витебской губерніи средній посѣвъ озимой пшеницы на крестьянской землѣ равенъ 9 мѣрамъ, на владѣльческой 8,1, а между тѣмъ сборъ въ первомъ случаѣ составляетъ лишь 3,8 четвер. съ десятины, а во второмъ 5,6; въ Ковенской губ., при 8,5 мѣрахъ посѣва, крестьяне получаютъ 6,4 четверти того же зерна, а владѣльцы, при 8,2 мѣрахъ посѣва, собираютъ 7,2 четверти на десятину; въ Гродненской губерніи крестьяне сѣяли 7,2 мѣры озимой пшеницы, а владѣльцы 6,9, но первые получили только 4,8 четверти, а вторые—5,4. Такое же колебаніе замѣтно и относительно другихъ хлѣбовъ, хотя не столь рѣзко. Такимъ образомъ, совокупность этихъ данныхъ доказываетъ, что качество владѣльческой земли несравненно лучше крестьянской; крестьянская земля сравнительно съ владѣльческой значительно истощена и для растеній, требующихъ хорошей почвы, какъ пшеница, она даетъ, даже при значительномъ урожаѣ прошлаго года, весьма ничтожный результатъ. Отсюда вытекаетъ важное слѣдствіе, что почва крестьянскихъ полей не способна производить дорогого въ торговлѣ растенія—пшеницы, что должно отзываться крайне невыгодно на крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ какъ имъ приходится сѣять на своихъ поляхъ менѣе цѣнныя растенія; съ другой стороны, вообще, въ случаѣ неурожая, тягость его всецѣло должна отозваться на крестьянахъ, такъ какъ у нихъ земли недостаточно и она малоплодородна.

Вообще, какъ недостатокъ земли, такъ и ея малоплодородность весьма неблагопріятно отзываются на благосостояніи крестьянскаго сословія. Такъ, не смотря даже на то, что прошлый годъ далъ особенно блестящій результатъ, который случается только въ нѣсколько лѣтъ, даже и послѣ такого года нельзя признать вполнѣ обезпеченнымъ наше крестьянство отъ недостатка въ хлѣбѣ, отъ того, что оно вмѣсто ржи будетъ потреблять менѣе питательное вещество картофель и проч. Такъ, на настоящій годъ, не смо-

тря на хорошій урожай, по разсчету, не хватаетъ для продовольствія населенія важнѣйшаго продукта—ржи. Если примемъ на каждую душу населенія въ среднемъ по одной четверти ржи, $^1/_2$ четверти остальныхъ хлѣбовъ и 2 мѣры картофеля[1]) на продовольствіе въ продолженіе года, принявъ при этомъ во вниманіе количество, нужное для обсѣмененія на слѣдующій годъ (предполагая размѣръ посѣва прошлаго года), то окажется, что на этотъ годъ *ржи не хватило* для населенія 441,255 четвертей, или 4,58% количества ржи нужнаго для продовольствія населенія.

Недостатокъ этотъ долженъ пополниться или прикупкою на сторонѣ, или болѣе усиленнымъ употребленіемъ прочихъ хлѣбныхъ продуктовъ и картофеля.

Недостатокъ во ржи распространяется только на пять губер. Сѣверо-Западнаго края, въ слѣдующемъ размѣрѣ (за вычетомъ количества нужнаго на обсѣмененіе): въ Могилевской губ. недостаетъ 239,070 четвертей или 19% колич.,

въ Витебской губ.	47,209	четвертей	или	19% колич.
„ Виленской „ . . .	144,531	„	„	11,4% „
„ Минской „ . . .	66,399	„	„	3,9% „
„ Гродненской	37,285	„	„	2,7% „

Въ остальныхъ двухъ губерніяхъ, Ковенской и Смоленской оказывается излишекъ ржи: въ первой на 84,053 четверти, во второй на 209,186.

Кромѣ того здѣсь не принято во вниманіе, что извѣстное количество ржи ежегодно потребляется винокуренными заводами.

Недостатокъ ржи восполняется или прикупкою ея, взамѣнъ остатка отъ прочихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, или же большимъ потребленіемъ картофеля или другихъ хлѣбовъ; кромѣ того, многіе изъ малоземельныхъ крестьянъ арендуютъ земли у сосѣднихъ помѣщиковъ.

Что касается сбора остальныхъ хлѣбовъ, то онъ оказывается для настоящаго года благопріятнымъ на столько, что даетъ чистый остатокъ (за вычетомъ на обсѣмененіе и продовольствіе по $^1/_2$ четверти на душу), почти въ 3,845 тыс. четвертей, которыя по губерніямъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Четвертей.
Въ Смоленской губерніи остается	1.294.822
„ Ковенской „ „	795,442
„ Могилевской „ „	544,353
„ Минской „ „	505,115
„ Витебской „ „	409,870
„ Гродненской „ „	186,940
„ Виленской „ „	101,047

[1]) Такой разсчетъ принимается и центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Почти $^2/_3$ настоящаго остатка приходится на долю крестьянскихъ земель, именно 2.506,977 четвертей; этотъ остатокъ, хотя неравномѣрно, падаетъ на 6 губерній, и только въ одной Виленской недостаетъ въ общей сложности 4,002 четвертей, въ остальныхъ губерніяхъ остатокъ отъ сбора на крестьянскихъ земляхъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Остается четвертей.	Чистый остатокъ на одну душу четвертей.
Въ Смоленской	1.050,471	0,95
„ Ковенской	412,258	0,41
„ Могилевской	359.596	0,36
„ Витебской	304,237	0,34
„ Минской	285,052	0,27
„ Гродненской	95,993	0,11

Въ среднемъ остатокъ для всего края составитъ 0,36 четверти на душу.

Теперь обратимся еще къ весьма важному продукту нашего сельскаго хозяйства—картофелю. Урожай прошлаго года составляетъ 12.849,660 четвертей. Если положимъ на годовое продовольствіе на 1 душу по двѣ мѣры его, то получится, за вычетомъ посѣва, чистый остатокъ въ 7.368,631 четверть, что въ общемъ дастъ на одну душу 0,77 четвертей.

Кромѣ продовольствія населенія, извѣстная часть хлѣба и картофеля уходитъ на винокуренные заводы; такъ, въ Минской губ. они потребляютъ ежегодно до 811 тысячъ четвертей озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ и 656,749 четвертей картофеля, въ Гродненской 290,484 четверти озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ и 712,679 четвертей картофеля [1]).

Изъ обзора данныхъ о состояніи урожая за прошлый годъ, мы видимъ, что, не смотря на то, что почти всѣ силы страны устремлены на добываніе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, ихъ все-таки добывается недостаточно, даже для мѣстнаго населенія, хотя прошлогодній урожай былъ изъ наиболѣе выдающихся. Въ виду этого и центральный статистическій комитетъ призналъ половину Сѣверо-Западнаго края не обезпеченнымъ на настоящій годъ въ продовольственномъ отношеніи: изъ 66 уѣздовъ, составляющихъ край, 32 признаны имъ не обезпеченными, а именно: въ Витебской губ. 10 (всѣхъ уѣздовъ 12), въ Минской губ. 7 (всѣхъ 11), въ Виленской губ. 5 (всѣхъ 7), въ Гродненской губ. 3 (всѣхъ 11), въ Смоленской губ. 3 (всѣхъ 11), въ Ковенской губ. 2 (всѣхъ 7) и въ Моги-

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы не рѣшаемся привести данныя о количествѣ выкуриваемаго матерьяла на заводахъ другихъ губерній, такъ какъ мы не считаемъ имѣющіяся у насъ данныя вполнѣ достовѣрными.

левской губ. 2 (всѣхъ 9). Такимъ образомъ, нѣтъ губерніи, которая могла бы вполнѣ прокормить себя даже въ самый урожайный годъ. Недостатокъ въ хлѣбѣ больше всего, конечно, отзывается на землевладѣльческомъ сословіи, т. е. на крестьянахъ, для которыхъ земледѣліе составляетъ почти единственный источникъ къ жизни.

Мы уже видѣли, что почти 650 тысячъ четвертей ржи не хватаетъ крестьянамъ собственно на продовольствіе; остатокъ остальныхъ хлѣбовъ по 0,36 четвертей на душу и 0,77 четверти картофеля слишкомъ не великъ, чтобы удовлетворить какъ недостатокъ въ ржаномъ хлѣбѣ, такъ и прочія нужды жителей; другія доходныя статьи крестьянскаго хозяйства, при современномъ его положеніи, крайне незначительны и рѣдко идутъ въ продажу; большею частью онѣ съ трудомъ удовлетворяютъ нужды семей; а вѣдь на этотъ, исчисленный нами, незначительный остатокъ крестьянинъ долженъ платить подати, одѣваться, покупать лѣсъ (по крайней мѣрѣ строевой, но большею частью и дровяной) и пр. Администрація предпринимаетъ зависящія отъ нея мѣры къ тому, чтобы, на случай неурожая, населеніе не осталось въ безвыходномъ положеніи, но мѣры эти, какъ кажется, врядъ ли могутъ оказывать серьезную поддержку: ссуды изъ запасныхъ продовольственныхъ магазиновъ и капиталовъ разрѣшаются къ выдачѣ только въ случаѣ голода, происшедшаго отъ неурожая; поэтому въ настоящемъ году въ большей половинѣ края не предполагалось вовсе выдавать ссудъ на обсѣмененіе и продовольствіе. Конечно, предусмотрительно приготовленная администраціею помощь зерномъ или денежными ссудами бѣднѣйшимъ крестьянамъ, въ случаѣ неурожайнаго года, положительно необходима, предупреждая разореніе массы земледѣльцевъ.

Устроенные въ нашихъ губерніяхъ запасные продовольственные магазины не могутъ оказать серьезной поддержки населенію, такъ какъ располагаютъ, по оффиціальнымъ счетамъ, самыми скудными средствами.

Такъ, во всѣхъ семи губерніяхъ, по счетамъ, числилось въ запасныхъ магазинахъ въ 1887 году 1,549,324 чет. озимаго зерна и 893,831 чет. ярового. Уже само по себѣ это количество весьма незначительно для семимилліоннаго почти населенія крестьянъ, такъ какъ на продовольствіе и обсѣмененіе имъ необходимо ежегодно до 15 милліоновъ четвертей разнаго рода хлѣба. Слѣдовательно, въ случаѣ неурожая, запасные магазины могли бы, если бы дѣйствительно ихъ содержаніе соотвѣтствовало оффиціальнымъ отчетамъ, едва удовлетворить шестой части населенія, а между тѣмъ мы видѣли, что даже въ наиболѣе урожайный годъ почти половина Сѣверо-Западнаго края признана не обезпеченною въ продовольственномъ отношеніи и, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ четвертая или пятая частъ населенія можетъ обратиться въ магазины за ссудами на обсѣмененіе и даже на продовольствіе.

Но нужно еще принять во вниманіе, что, какъ количество запасныхъ магазиновъ, такъ и количество ихъ хлѣбныхъ запасовъ далеко неравномѣрно распредѣляются по губерніямъ края. Такъ, въ Смоленской губерніи числится запаснаго хлѣба 180,086 чет. озимаго и ярового, что составляетъ около 6,5% количества нужнаго на продовольствіе и обсѣмененіе, въ Витебской губ. 160.731 четверть, или 8%; между тѣмъ въ послѣдней, какъ мы указали, даже въ урожайный годъ 10 уѣздовъ не обезпечены, а въ первой 3.

Впрочемъ, въ другихъ губерніяхъ количество числящагося номинальнаго запаснаго хлѣба нѣсколько выше: въ Минской губ. сохраняется 746,613 чет. озимаго и ярового, или 34%, въ Гродненской—419,029 чет. или 24%, въ Могилевской—384,950 чет. или 14% и въ Ковенской—384,947 чет. или 17% изъ количества нужнаго на обсѣмененіе и продовольствіе. Замѣтимъ, однако, что указанное нами количество хлѣба только номинальное, такъ какъ значительная часть его находится въ ссудахъ и недоимкѣ.

Въ прошломъ году находилось въ ссудѣ въ 6 губерніяхъ (кромѣ Смоленской) 315,605 четв. озимаго и 122,165 четв. ярового хлѣба, или почти 19,2% всѣхъ запасовъ. При этомъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ процентъ этотъ гораздо выше; такъ, въ Витебской губерніи 69% всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ находятся въ ссудахъ и недоимкѣ (115,943 четв.), въ Виленской 31,2%, въ Могилевской губерніи 16,8% и въ Гродненской 2%.

Кромѣ запасныхъ магазиновъ, въ губ. есть еще продовольственные капиталы съ тѣмъ же назначеніемъ.

Они раздѣляются на нѣсколоко родовъ, имѣющихъ въ виду различные классы населенія. Наибольшей суммы достигаетъ, такъ называемый, сословный или мѣщанскій продовольственный капиталъ, до 400 тысячъ руб. въ 6-ти губерніяхъ, за исключеніемъ Могилевской, капиталы которой не приведены въ извѣстность.

Въ частности по губерніямъ и эта сумма разбивается на слишкомъ незначительныя части: въ Смоленской губерніи числится всего 15,071 руб. 14 коп., въ Виленской 11,568 р. 29 коп., въ Ковенской 81,712 руб.

Собственно сельскій продовольственный капиталъ еще менѣе значителенъ; такъ, въ Ковенской губерніи его считается всего 41,950 р., въ Витебской 32,821 р 84 коп. и т. д. Вообще, продовольственные капиталы слишкомъ не велики и притомъ въ большинствѣ губ. не приведены въ извѣстность, или, быть можетъ, ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Замѣтимъ еще, что почти всѣ губ. находятся въ неоплатныхъ долгахъ въ государственный продовольственный капиталъ; такъ, Смоленская губ. должна 951,118 руб. 50 коп., Витебская 599,331 р. 62 к., Виленская 375,350 р. 78 коп. и проч.

Подводя итоги сказанному нами о современномъ положеніи кресть-

янскаго хозяйства, можно, какъ кажется, вывести заключенiе. что крестьяне владѣютъ слишкомъ незначительною, въ общемъ, частью поземельной собственности, размѣры которой принимая при этомъ во вниманiе малоплодородiе и истощенность почвы, не могутъ удовлетворять нужды земледѣльческаго класса даже при благопрiятныхъ условiяхъ, и что принятые въ настоящее время мѣры на случай бѣдствiя отъ неурожая не могутъ оказать серьезной поддержки населенiю; конечно, такое печальное положенiе массы крестьянства могло бы улучшиться, если бы они могли имѣть заработки на сторонѣ, но такихъ заработковъ нѣтъ, за исключенiемъ сплава лѣса и возки его къ пристанямъ; фабрики и заводы, въ общемъ, незначительные въ краѣ, какъ увидимъ, не могутъ оказывать серьезной поддержки; а между тѣмъ съ истребленiемъ лѣсовъ или съ уменьшенiемъ вывоза его въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вслѣдствiе новаго закона, уменьшаются даже заработки при сплавѣ. Обѣднение массы и увеличенiе числа свободныхъ рукъ, вслѣдствiе незначительности крестьянскихъ надѣловъ, отражается и на сравнительно низкой заработной платѣ; такъ, поденная плата работнику, даже въ лѣтнее время, падаетъ до 20—30 коп., а работницѣ отъ 15 до 25 (на хозяйскихъ харчахъ), тогда какъ въ центральной Московской области и въ южныхъ губ. плата эта утраивается и больше.

V.

Фабрично-заводская промышленность.

Большее или меньшее развитiе фабрично-заводской промышленности страны имѣетъ важное экономическое значенiе въ жизни ея населенiя; кромѣ того, что усиленiе промышленной дѣятельности скопляетъ капиталы въ рукахъ нѣкоторыхъ предпринимателей, что увеличиваетъ общее богатство страны, но оно даетъ средство для заработка болѣе или менѣе значительной бѣднѣйшей части населенiя. Промышленность Сѣверо-Западнаго края стоитъ настолько низко, что она ни въ томъ, ни другомъ отношенiи не можетъ оказывать значительнаго влiянiя на экономическiй строй жителей; между тѣмъ усиленiе ея было бы особенно желательнымъ и выгоднымъ въ виду того, что, какъ мы уже видѣли, земледѣльческая часть населенiя не можетъ быть обезпеченною въ жизни добыванiемъ однихъ лишь сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, и потому нѣкоторая часть рукъ свободна и можетъ съ успѣхомъ обратить свои силы на фабрики и заводы.

Въ тоже время нельзя сказать, чтобы географическiя условiя мѣстности могли не благопрiятствовать развитiю промышленности и торговли; кажется, напротивъ, что положенiе Сѣверо-Западнаго края между торговымъ центрами—Центральной Московскою областью, первою въ Россiи въ тор-

гово-промышленномъ отношеніи, Петербургомъ и Варшавой со всѣмъ Привислянскимъ краемъ, съ одной стороны, и съ другой—между Ригой съ Балтійскимъ моремъ и Кіевомъ и Одессой,—должно бы вызывать въ краѣ торгово промышленное движеніе, затѣмъ, обиліе горючаго матеріяла, незначительная цѣна на рабочія руки и дешевизна мѣстныхъ произведеній все способствуетъ упроченію промышленности.

Однако, обращаясь къ статистическимъ даннымъ о нашей фабрично-заводской промышленности, можно видѣть, что она находится въ крайне низкомъ состояніи и только начинаетъ зарождаться въ нашемъ краѣ.

Такъ, всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ семи губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края считается до 4852,[1]), которые вырабатываютъ на сумму въ 37,955,285 р. и даютъ работу 25,777 рабочимъ. Уже по этимъ общимъ даннымъ нельзя не видѣть, что какъ число мѣстъ производства, такъ и сумма производительности и количество рабочихъ рукъ, занятыхъ на этихъ фабрикахъ и заводахъ въ сущности весьма незначительны, сравнительно съ обширнымъ пространствомъ и девятимилліоннымъ населеніемъ края. Послѣднее особенно бросается въ глаза, если мы сравнымъ настоящія данныя съ данными о фабрично-заводской промышленности сосѣднихъ губерній.

Сосѣдняя Кіевская губернія съ населеніяемъ въ 2,938,645 душъ обоего пола, при условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ для земледѣлія, доставила на своихъ фабрикахъ и заводахъ въ 1887 г. различиыхъ произведеній на сумму 70,753,577 рублей, т. е. почти вдвое больше, при чемъ эта сумма меньше суммы производства 1886 года на 3,026,321 рубль; всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ этой губерніи насчитывается всего лишь 643 съ 34,685 рабочими.

Приведенныя данныя о количествѣ фабрикъ и заводовъ Сѣверо-Западнаго края. въ сравненіи съ кіевскими указываютъ, что промышленность его *преимущественно* мелкая, служащая для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Такъ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ каждая фабрика и заводъ вырабатываетъ въ среднемъ на незначительную сумму въ 7822,6 рубля и на ней работаютъ всего 5—6 человѣкъ, такъ что *каждый* рабочій вырабатываетъ различныхъ произведеній на 1472,5 р. Мелко-промышленный характеръ дѣятельности нашего края еще болѣе уясняется въ сравненіи съ Кіевскою губерніею, въ которой преобладаетъ крупная фабричная и заводская промышленность. Такъ, въ послѣдней каждая фабрика, въ среднемъ, вырабатываетъ на 110,036,6 рубля посредствомъ 54 рабочихъ.

---

[1]) По свѣдѣніямъ 1887 года по пяти губ.; по Могилевской же и Гродненской свѣдѣнія за 1886 годъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію данныхъ о распредѣленіи мѣстъ производства и суммы производительности въ частности, по губерніямъ Сѣверо-Западнаго края. Самая промышленная изъ губерній оказывается Гродненская, которая при 603 фабрикахъ и заводахъ съ 12,302 рабочими производитъ на сумму 8,255,092 рубля, что составитъ 21,7% всей суммы производства края; за ней слѣдуетъ Минская губернія съ общей суммой производства въ 7,468,604 р., или 19,64% всего производства (при 612 фабрикахъ и заводахъ и 3,555 рабочихъ), третья—Смоленская съ суммою производства на 7,083,172 р. (при 972 фабр. и зав. и 6,836 рабочихъ), четвертая—Ковенская—на 4,846,923 р. (при 955 фабр. и зав. и 3,685 рабочихъ), пятая—Виленская на 4,236,408 р. (при 413 фабр. и зав. и 3,090 рабочихъ), шестая—Могилевская, производящая на 3,868,120 р. (510 фабр. и зав. и 3,354 рабочихъ) и, наконецъ, послѣдняя—Витебская съ суммой производства на 2,196,966 рублей при 787 фабрикахъ и заводахъ съ 3,035 рабочихъ.

Мы уже указали, что наша промышленность принадлежитъ къ числу мелкихъ; очевидность этого, какъ намъ кажется, заключается въ незначительной средней суммѣ производительности каждаго промышленнаго заведенія.

Большія мануфактуры съ милліонными оборотами—весьма рѣдки и находятся въ особенно промышленныхъ мѣстностяхъ - въ Гродненской губ. и Смоленской: такъ, напримѣръ, въ послѣдней, въ с. Ярцевѣ Духовщинскаго уѣзда находится ткацкая и бумаго-прядильная фабрика Хлудовыхъ съ оборотомъ въ 3,799,517 рублей при 2,636 рабочихъ.

Фабрики и заводы другихъ мѣстностей рѣдко имѣютъ обороты даже на нѣсколько сотъ тысячъ рублей; напротивъ, преобладаютъ небольшія промышленныя заведенія съ оборотомъ въ нѣсколько сотъ рублей при 1—5 рабочихъ. По общей суммѣ производительности на каждую фабрику выше всѣхъ губерній стоитъ Гродненская, въ которой на каждую фабрику приходится, въ среднемъ, произведеній на 13,689,9 рубля; наименьшая сумма производительности падаетъ на фабрики Витебской губ.—по 2778,9 рубля на каждую; въ остальныхъ губ. средняя сумма производства на каждое промышленное заведеніе выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Минской—по 12,122 р., въ Виленской—по 10,258,4 р., въ Могилевской—по 7,585 р., въ Смоленской—по 7,287,2 р. и въ Ковенской губерніи—на каждую фабрику или заводъ, въ среднемъ, выходитъ по 5,072,2 рубля суммы производства. Такимъ образомъ, приведенныя данныя достаточно характеризуютъ направленіе промышленной дѣятельности Сѣверо-Западнаго края.

Такъ какъ фабрично-заводская промышленность нашего края по преимуществу стремится удовлетворить мѣстныя потребности, то она не

имѣетъ опредѣленныхъ районовъ дѣятельности, но распространена довольно равномѣрно по всему краю; число городовъ и уѣздовъ, дѣятельность которыхъ простирается до милліонныхъ оборотовъ, крайне незначительно, и притомъ тѣ изъ иихъ отличаются наиболѣе обширною дѣятельностью, въ которыхъ значительно мѣстное потребленіе, или тѣ, которые находятся на торгово-промышленныхъ путяхъ, благопріятствующихъ мѣстной дѣятельности; въ послѣднемъ случаѣ производство достигаетъ обширныхъ размѣровъ, такъ что продукты идутъ за границу района дѣятельности.

Къ числу центровъ, въ которыхъ сильна фабрично-заводская дѣятельность, нужно отнести прежде всего почти всѣ губернскія города Сѣверо-Западнаго края, такъ какъ наличное населеніе ихъ, въ общемъ, довольно значительно, да при томъ они, по своему положенію, становятся естественными центрами мѣстнаго спроса. Изъ губернскихъ городовъ наибольшею дѣятельностью замѣчательны Ковно и Вильно: въ первомъ находится 49 фабрикъ и заводовъ съ 1210 рабочими, которые производятъ на сумму 1,580,296 р., что составитъ 30,4% всего производства губерніи; въ Вильнѣ считается 37 фабрикъ и заводовъ съ 790 рабочими съ суммою производства въ 1,281,185 р.

Остальные губернскіе города производятъ менѣе чѣмъ на милліонъ рублей; меньше всего дѣятельность въ Витебскѣ: въ немъ считается 43 фабрики и завода, при 137 рабочихъ, съ суммою производства на 150,167 руб., или только почти на 7% всего производства губерніи, хотя оно весьма незначительно. Дѣятельность остальныхъ губернскихъ городовъ выражается въ слѣдующихъ данныхъ:

Города:	Число фабрикъ и заводовъ.	Сумма производства.	Число рабочихъ.	% отнош. къ общей суммѣ производ. губ.
Смоленскъ	42	796,168	445	11,1
Гродно	32	695,036	961	8,3
Минскъ . . .	51	657,011	475	8,8
Могилевъ	135	278,556	300	7,2

Другихъ мѣстностей, городовъ и уѣздовъ, съ значительными производствами весьма немного; дѣятельность ихъ обусловливается, въ большинствѣ случаевъ, удобнымъ географическимъ положеніемъ. Такъ, на западѣ, выдаются по суммѣ производительности нѣкоторые города и уѣзды Гродненской губерніи: изъ нихъ особенно выдѣляется Бѣлостокъ съ уѣздомъ, такъ какъ самъ городъ доставилъ въ 1886 году произведеніи на сумму въ 2,097,707 р., а уѣздъ на 3,280,908 р. (въ городѣ 76 фабр. и заводовъ съ 2,541 рабочимъ, въ уѣздѣ 132 съ 5182 рабочими); другой изъ выдающихся городовъ Гродненской губ., кромѣ самого Гродно,—Брестъ, производящій на сумму въ 174,253 р. на своихъ 34 фабрикахъ и заводахъ.

Значительная фабрично-заводская дѣятельность Гродненской губ., особенно Бѣлостока и его уѣзда, легко объясняется тѣмъ, что онъ служитъ естественнымъ продолженіемъ района промышленности Привислянскаго края и тѣмъ, что Гродненская губ. находится на выгодномъ пути изъ этого края въ центральную Россію.

Минская губ. представляетъ нѣсколько значительныхъ мѣстностей фабрично-заводской дѣятельности, сообразно съ природными условіями; болѣе другихъ выдѣляется Пинскъ съ уѣздомъ: въ городѣ находится 26 фабрикъ и заводовъ съ производствомъ 552,890 р., а въ уѣздѣ 51 фабрика и заводъ съ производствомъ на 1,150,560 р.; кромѣ этого замѣчательны: Бобруйскій уѣздъ (городъ производитъ на 253,728 р., уѣздъ—на 522,104 руб.), Рѣчицкій (одинъ уѣздъ доставляетъ произведеній на 1,150,155 р. при 54 фабрикахъ и заводахъ), Слуцкій и Новогрудскій уѣзды. Особенно выдающееся производство Пинскаго и Рѣчицкаго уѣздовъ зависитъ отъ ихъ важнаго положенія при рѣчной системѣ Припяти: первый находится у верховьевъ ея, а второй при истокахъ ея въ Днѣпръ.

Отмѣтимъ еще нѣкоторые изъ важнѣйшихъ пунктовъ промышленной дѣятельности въ другихъ губерніяхъ. Такъ, въ Ковенской губ., кромѣ Ковна и его уѣзда, замѣчателенъ г. Шавли съ уѣздомъ, въ которомъ считается 151 фабрика и заводъ съ производствомъ на 1,272,353 р Въ Виленской губ. наиболѣе производительнымъ оказывается, кромѣ Виленскаго, Свенцянскій уѣздъ съ производствомъ на 519,353 р. Въ Витебской—только Рѣжицкій и Динабургскій уѣзды: въ первомъ считается 92 фабрики и завода съ производствомъ на 540,227 р. (кромѣ города), а во второмъ—30 фабр. и зав. съ суммою производства на 492,344 р. Въ Могилевской губ. выдѣляется своею промышленностью Гомель съ уѣздами, въ которыхъ находится 45 фабрикъ и заводовъ съ производствомъ на 1,330,105 р. при 1,032 рабочихъ. Наконецъ въ Смоленской губ., кромѣ губернскаго города и Духовщинскаго уѣзда, замѣчателенъ Рославльскій уѣздъ съ 32 фабр. и заводами и суммою производства на 619,142 р. и Сычевка, производящій на 353,455 р.

Мы указали главнѣйшіе пункты фабрично-заводской промышленности Сѣверо-Западнаго края, чтобы выяснить характеръ распространенія ея; однако, это еще болѣе выясняется. если обратить вниманіе на мѣстности съ наименьшею производительностью. Данныя этого рода весьма интересны и поучительны, и мы. для краткости, приведемъ тѣ изъ городовъ, которыхъ общая сумма производительности менѣе 10,000 р. и изъ уѣздовъ тѣ, которыхъ сумма производства не превышаетъ 25 тыс. рублей. Вотъ эти данныя:

Города и уѣзды:	Число фабрикъ и заводовъ.	Сумма производства. Рубли.	Число рабочихъ.
Новоалександровскъ г. . . .	7	5,030	13
Докшицы зашт. г.	7	3,963	7
Рѣчица г.	5	4,038	8
Несвижъ г.	3	2,514	4
Новогрудокъ г.	4	3,552	11
Мозырь г.	6	3,965	9
Дрисса г.	5	3,007	11
Лепель г.	7	7,852	25
Люцынъ г.	5	2,150	9
Невель г.	21	9,373	39
Мстиславль г.	3	3,802	4
Сѣнно г.	2	300	3
Чириковъ г.	12	5,710	21
Порѣчье г.	11	5,610	25
Юхновъ г.	6	1,030	10
Соколка г.	3	10,000	15
Полоцкій уѣзд.	24	21,450	63
Витебскій уѣзд.	36	20,780	159

Приведенныя нами данныя достаточно, какъ намъ кажется, характеризуютъ общее состояніе фабрично-заводской дѣятельности Сѣверо-Западнаго края.

Мы разсмотрѣли общія условія состоянія нашей промышленности и степень распространенія ея по различнымъ мѣстностямъ края.

Теперь перейдемъ къ вопросу о главнѣйшихъ видахъ промышленности.

Почти всѣ фабрики и заводы нашего края обрабатываютъ мѣстное сырье, растительное или минеральное. Издѣлія послѣдняго рода не многочисленны и служатъ только для мѣстнаго потребленія.

Главнѣйшую роль въ промышленности играютъ продукты сельскаго хозяйства, какъ напр.: хлѣбъ, картофель, кожи, сало, пенька, шерсть (почти исключительно въ Гродненской губерніи и только въ небольшомъ количествѣ въ Минской) и др., а также лѣсъ, но въ крайне незначительномъ количествѣ.

Важнѣйшими продуктами нашей фабрично-заводской промышленности являются: винокуреніе, пивовареніе, мукомольное дѣло, выдѣлка кожи, мыловареніе, свѣчные заводы, сыроварни, маслобойни и проч.

Первое мѣсто въ нашей промышленности занимаютъ винокуренные заводы, общая сумма производительности которыхъ за прошлый годъ со-

ставляетъ почти $^1/_3$ всего производства края, именно 11,181,665 руб. Всѣхъ винокуренныхъ заводовъ считается 446, съ 3,361 человѣкомъ рабочихъ; слѣдовательно, каждый заводъ, въ среднемъ, вырабатываетъ на 25,071 руб., при 7—8 раб.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и главнѣйшее наше производство, винокуреніе, носитъ характеръ мелкаго производства, между тѣмъ какъ въ другихъ губерніяхъ средняя сумма производительности достигаетъ несравненно большей средней величины; такъ, напримѣръ, въ Кіевской губ. каждый винокуренный заводъ вырабатываетъ спирта на 169,183 р., т. е. почти въ семь разъ больше, причемъ на кіевскихъ заводахъ каждый рабочій вырабатываетъ на сумму 12,564 р., тогда какъ у насъ всего лишь 3,324 р.

Частныя данныя, по губерніямъ, указываютъ на значительно неравномѣрное производство спирта въ каждой отдѣльной мѣстности, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Губерніи:	Число винокуренъ.	Сумма производства.	% отношеніе ея ко всему производству губ.	Средняя сумма производства на каждый заводъ.	Число рабочихъ.
		Рубли.		Рубли.	
Минская	1[illegible]0	5,344,171	71,56%	44,518	830
Могилевская . . .	89	1,555,964	40,2%	17,483	835
Виленская	71	1,550.984	36,6%	21,845	410
Ковенская	23	1,020,647	21,02%	44,380	113
Витебская . . .	32	373,901	17,02%	11,684	230
Гродненская . . .	73	735,715	8,9%	10,078	519
Смоленская . . .	38	602,281	8,5%	15,849	424

Другимъ важнымъ потребителемъ нашего хлѣбнаго продукта является пивовареніе. Всѣхъ пивоваренныхъ заводовъ считается 270 съ 1,079 рабочими; сумма производства ихъ 2.307,453 р. составляетъ 6,08% всего производства края.

Наибольшимъ производствомъ пива выдѣляется Гродненская (58 заводовъ, съ суммой производства на 530,222 р.), Ковенская (80 заводовъ, на 655,664 р.) и Виленская (54 зав., на 487,862 р.); въ остальныхъ губерніяхъ производство его сравнительно незначительно и въ Могилевской считается всего 10 заводовъ, съ производствомъ на 75,165 р.

Кромѣ пивоваренныхъ и винокуренныхъ заводовъ потребителями собственно хлѣбныхъ продуктовъ являются крахмальные, солодовенные, медоваренные и дрожжевые заводы; но они не представляютъ болѣе или менѣе значительныхъ промышленныхъ предпріятій и сумма ихъ оборотовъ, при сравнительно большомъ количествѣ, ограничивается сотнями рублей, а иногда даже и десятками.

Слѣдуетъ указать также еще на заводы, обдѣлывающіе хлѣбные продукты. Въ хозяйственномъ отношеніи развитіе крупныхъ (паровыхъ) мукомольныхъ и круподерныхъ заводовъ представляло бы не мало выгоды для края въ сельско-хозяйственномъ отношеніи: мука и крупа, выдѣлываемая на подобныхъ паровыхъ заводахъ, оказывается несравненно доброкачественнѣе, чѣмъ на нашихъ деревенскихъ первобытныхъ мельницахъ и круподерняхъ; затѣмъ, на паровыхъ заводахъ при молоніи гораздо меньше теряется зерна и продуктъ обходится гораздо дешевле.

Поэтому нельзя не пожалѣть; что промышленность этого рода находится въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Такъ, въ Могилевской губ. вовсе не было въ 1886 году паровыхъ мельницъ. Въ остальныхъ губ., хотя оффиціальное число ихъ довольно значительно, однако, данныя по нѣкоторымъ губерніямъ заключаютъ въ себѣ и болѣе крупныя обыкновенныя водяныя мельницы, да притомъ и общая сумма ихъ производительности настолько низка, что доказываетъ весьма незначительную ихъ дѣятельность, а, слѣдовательно, и полезность. Такъ, въ 6 губерняхъ (кромѣ Могилевской) считается 859 мукомоленъ съ 1,407 рабочими; общая сумма ихъ производства составляетъ 1 мил. р. или 2,68% всего производства края. Частныя данныя по губерніямъ указываютъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ количество мукомоленъ и сумма ихъ производства нисходятъ до ничтожной величины. Такъ:

	Мукомоленъ	Сумма производительности.	Число рабочихъ.
въ Гродненской . .	10	36,569	44
„ Смоленской . .	190	37,789	209
„ Виленской . . .	2	132,710	22
„ Минской . . .	24	239,580	87
„ Витебской . .	185	252,824	344
„ Ковенской	447	354,056	701

Еще незначительнѣе количество круподеренъ: ихъ всего считается 53 съ 71 рабочимъ и съ суммою производства на 80,712 р., или 0,213% всего производства.

Изъ другихъ заводовъ, обдѣлывающихъ сельско-хозяйственные продукты, наиболѣе значительны по суммѣ производства кожевенные и свѣчные заводы; первыхъ считается 593 съ 1,733 рабочими и съ производствомъ въ 2.136,704 р., или 5,6% общей суммы производства.

Свѣчныхъ заводовъ, которыхъ считается въ 6 губерніяхъ (кромѣ Виленской, гдѣ ихъ не показано) 47, съ производствомъ на 1.179,910 р., или 3,11% всего производства, съ 220 рабочими. Остальныя производства еще менѣе значительны; такъ, производительность маслобоенъ, которыя встрѣчаются только въ 3 губерніяхъ (въ Гродненской 21, въ Минской 10 и въ Могилевской 76), составляетъ 311,633 р., или 0,82% всего производства Сѣверо-Западнаго края.

Производство мыловаренныхъ заводовъ и сыроваренныхъ по суммѣ своей почти одинаково: первыхъ 68, съ производствомъ на 183,134 руб., а вторыхъ 66, съ производствомъ на 189,375 рублей.

Есть еще нѣсколько мелкихъ производствъ: канатныя фабрики (35, съ производствомъ на 80,528 р.), медоваренные, солодоваренные и проч., но онѣ незначительны.

Чтобы яснѣе представить состояніе промышленности каждой губерніи Сѣверо-Западнаго края и состояніе обработки въ нихъ важнѣйшихъ продуктовъ нашего сельскаго хозяйства мы предлагаемъ ниже сводную таблицу, съ указаніемъ на процентное отношеніе суммы каждаго производства ко всему производству губерніи; чтобы указать на характеръ самихъ промышленныхъ заведеній, мы прилагаемъ среднюю сумму (въ рубляхъ) производительности каждаго изъ нихъ: наконецъ, въ итогѣ предлагается средняя сумма производительности каждаго завода или фабрики и процентное отношеніе даннаго производства къ суммѣ производительности всего края.

Губерніи.	Винокурен. заводы.		Пивоварен. заводы.		Кожевенные заводы.		Свѣчные заводы.		Мукомольни		Круподерни.		Маслобойни.		Сыроварен. заводы.		Мыловарен. заводы		Канатныя фабрики.	
	Сумма производительн. кажд. зав	% общ. произв.	Сумма производ. кажд. завода.	% общ. произв.	Сумма производ кажд. завода.	% общ. произв	Сумма производ. кажд. завода.	% общ. произв	Сумма производ. кажд. завода.	% общ. произв.	Сумма производ. кажд. завода.	% общ. произв.	Сумма производ. кажд. завода.	% общ. произв	Сумма производ. кажд. завода.	% общ. произв.	Сумма производ. кажд. завода.	% общ. произв.	Сумма производ. кажд. завода.	% общ. производ.
Минская .	44,518	71,56%	2,423	1,04%	1,292	1,04%	176,355	2,12%	9,982	3 2%	1899	0,3%	24096	3,2%	1446	0,13%	5571	0,67%	1754	0,09%
Могилевская	17,483	40,2%	7,516	1,9%	1,807	6,5%	804	0,15%	—	—	1446	1,5%	642	1,3%	1300	0,14%	2170	1,12%	4064	1,5%
Виленская .	21,845	36,6%	9,034	11,5%	1,582	8,2%	—	-	66,350	3,14%	—	—	—	—	—	—	4662	0,44%	—	—
Ковенская	44,380	21,06%	8,195	13,5%	783	2,09%	235,588	19,0%	793	7%	—	—	—	—	—	—	8109	1,118%	1726	1,19%
Витебская .	11,681	17,02%	7,891	9,4%	3,983	28,3%	4,788	1,08%	1,365	12%	88	00,4%	—	—	—	—	3741	0,85%	395	0,07%
Гродненская	10,078	8,9%	9,142	6,4%	3,375	1,3%	489	0,08%	3,657	0,44%	—	—	1076	0,27%	670	0,16%	2629	0,25%	—	—
Смоленская	15,849	8,5%	2,741	3,6%	1,232	8,7%	4,381	0,60%	199	0,53%	—	—	—	—	3004	4,08%	6750	0,19%	191	0,017%
	25,071	29%	8,546	6%	3,604	70%	25,105	3,1%	1,226	2,7%	1504	0,2%	2912	0,8%	2869	0,49%	4949	0,48%	2301	0,21

Мы привели данныя о важнѣйшихъ производствахъ, обрабатывающихъ наши сельско-хозяйственныя продукты. Они показываютъ, что почти половина (45%) нашей обрабатывающей промышленности занята обработкою произведеній сельскаго хозяйства. Далѣе, данныя эти свидѣтельствуютъ, что промышленность этого рода вообще мелкая, не исключая даже и винокуренія; различныя части ея довольно равномѣрно распредѣляются между всѣми губерніями, за рѣдкими исключеніями.

Обратимся теперь къ изслѣдованію другихъ видовъ нашей промышленности. По важности своей, нужно на первомъ планѣ поставить послѣ заведеній, обрабатывающихъ сельско-хозяйственные продукты,—фабрики и заводы, обрабатывающіе мѣстные ископаемые продукты, частью лѣсные продукты. Такихъ продуктовъ не много и они мало цѣнные, но имѣютъ важное значеніе въ обыденной жизни населенія, особенно бѣднѣйшей его части, какъ, напр., кирпичное производство, стекляное, гончарное. Всѣ промышленныя предпріятія этого рода носятъ тотъ же характеръ мелкой промышленности; они разбросаны по всему краю, управляются небольшимъ числомъ рабочихъ (1—5 человѣкъ, рѣдко болѣе), и имѣютъ незначительную сумму годовыхъ оборотовъ; кромѣ того, они раздробляются на множество мелкихъ производствъ, согласно разнообразнымъ потребностямъ мѣстной жизни. Однако, судя по количеству мѣстъ производства ихъ и суммы производительности, трудно допустить, чтобы заведенія, даже и этого рода, могли удовлетворять мѣстнымъ потребностямъ,—такъ они въ общемъ незначительны.

Приведемъ въ одной общей таблицѣ итоги производства.

Губерніи.	Кирпичн. заводы.		Стеклян. заводы		Гончарные заводы.		Известковые заводы.		Изразцовые заводы.		Лѣсопильные заводы.		Спичечные заводы.		Скипидарн и смолян з.		Дегтярные зоводы.	
	Средняя сумма производств кажд завода.	% общ. произв губ.	Средняя сумма производств кажд. завода.	% общ. произв. губ	Средняя сумма производств кажд завода.	% общ произв. губ.	Средняя сумма производств. кажд завода.	% общ. произв. губ.	Средняя сумма производств кажд. завода.	% общ. произв. губ.	Средняя сумма производств кажд. завода.	% общ. произв. губ.	Средняя сумма производств. кажд. завода.	% общ. произв. губ.	Средняя сумма производств. кажд. завода.	% общ. произв. губ	Средняя сумма. производств. кажд. завода	% общ. произв. губ.
Виленская . . .	2963	0,63	12,612	1,2	—	—	4884	0,7	1200	0,021	14,466	1	3,000	0,07	1420	0,03	—	—
Смоленская . .	708	0,91	56,146	4,9	54	0,01	905	0,1	—	—	11,214	3	10,833	0,9	—	—	110	0,15
Могилевская .	661	0,5	15,047	1,6	67	0,027	208	0,005	6307	1,3	27,557	2,1	17,656	1,1	1720	0,8	—	—
Витебская . . .	608,3	2,5	51,950	2,3	83	0,6	383	0,32	3250	0,3	933	0,2	30,750	2,8	—	—	45	0,004
Минская. . . .	940,3	0,74	10,000	0,13	829	0,5	897	0,035	6669	0,3	7,732	0,8	1,671	0,1	1309	2,1	1176	0,4
Гродненская. .	320,5	2,1	5,300	0,13	81	0,003	833	0,03	509	0,1	4,313	0,2	999	0,026	857	0,16	—	—
Ковенская. . .	1399	2	5,738	0,12	530	0,24	1082	0,4	—	—	7,770	1,5	4,662	0,4	—	—	—	—
ИТОГО . . .	1219	1,1	28,306	2,4	402	0,17	1125	0,2	2821	0 23	9,496	1,4	9,370	0,5	1350	0,6	311	0,1

Въ приведенной таблицѣ собраны всѣ данныя о производствѣ нашихъ естественныхъ продуктовъ. Какъ видно, оно не велико и едва достигаетъ 5,6% суммы всего производства. Незначительность производства объясняется, конечно, бѣдностью страны. Между тѣмъ нѣкоторые изъ указанныхъ родовъ промышленности имѣютъ важное значенiе въ жизненномъ обиходѣ нашего земледѣльческаго сословiя, какъ то: гончарное (выдѣлка простой глиняной посуды), дегтярное и др. Кирпичное и известковое производства, не смотря на хорошее качество нашей глины, не могли у насъ сильно развиться вслѣдствiе обилiя и дешевизны въ краѣ лѣса. Замѣтимъ еще, что приведенныя данныя достаточно опредѣленно подтверждаютъ высказанное нами раньше положенiе относительно мелко-промышленнаго направленiя нашей фабрично-заводской дѣятельности. Намъ остается еще обратить вниманiе на два рода промышленныхъ заведенiй, имѣющихъ также повсемѣстное значенiе,—на гвоздевыя фабрики и чугунно-литейные заводы; первыя занимаютъ значительное мѣсто въ нашей промышленности: ихъ въ 3-хъ губ. считается 9 съ производствомъ на 1,522,312 р., или 4% всего производства; чугунно-литейныхъ заводовъ считается 11, съ производствомъ на 2,211,154 р.

Мы разсмотрѣли данныя о трехъ группахъ промышленности: 1) занимающуюся обработкою сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, 2) занимающуюся обработкою естественныхъ произведенiй страны и 3) занимающуюся обработкою металловъ. Почти вся наша промышленность обращена на эти три группы производительности. Общiй выводъ изъ полученныхъ нами данныхъ указываетъ на характеръ ея: она обращаетъ свои силы почти исключительно на мѣстныя произведенiя, избирая притомъ такiя производства, которыя доставляютъ необходимые предметы въ жизненномъ обиходѣ населенiя. Въ виду повсемѣстнаго спроса на такiя произведенiя, объясняется значительное количество мѣстъ производства и въ то же время незначительная сумма ихъ годовыхъ оборотовъ, такъ какъ они удовлетворяютъ потребностямъ незначительной группы мѣстнаго населенiя.

Такой выводъ представляютъ общiя данныя, такъ какъ до 70% суммы всего производства падаетъ на три выше указанныя группы. Однако, частныя данныя по губернiямъ измѣняютъ нѣсколько вышеизложенныя положенiя; именно, оказывается, что двѣ изъ губернiй, Смоленская и Гродненская, кромѣ обработки предметовъ мѣстнаго потребленiя, успѣваютъ въ производствѣ другихъ предметовъ, которыми они могутъ, судя по суммѣ производительности, вести болѣе или менѣе обширную торговлю за предѣлами мѣстнаго раiона. Къ такимъ предметамъ нужно отнести издѣлiя писчебумажныхъ, ткацкихъ, бумагопрядильныхъ фабрикъ и проч.

Для подтвержденiя сказаннаго о составѣ промышленности каждой губ., приведемъ сводную таблицу процентныхъ отношенiй первыхъ трехъ группъ, указанныхъ нами, ко всему производству губернiй.

Производства.

Губерніи.	I группа.	II группа.	III группа.	Общій итогъ.
Ковенская	65%	5%	19%	89%
Минская . . .	83%	5%	0,65%	88,65%
Витебская . . .	68%	9%	0,2%	77,2%
Могилевская . .	52%	7%	5%	64%
Виленская	60%	4%	11%	75%
Смоленская . . .	26%	10%	0,04%	36,04%
Гродненская . . .	18%	3%	0,9%	21,9%

Приведенныя процентныя отношенія вполнѣ характеризуютъ направленія производствъ по каждой изъ группъ. Гродненская и Смоленская губерніе направляютъ свою дѣятельность на другія производства, о которыхъ сейчасъ скажемъ, типа крупной фабричной промышленности. Среднею между ними и остальными губерніями стоитъ Виленская губ. Первыя же двѣ, по характеру своей промышленности, находятся подъ вліяніемъ сосѣднихъ губерній. Гродненская—Привислянскаго края, Смоленская—Московской области; одна и другая составляютъ естественныя окраины восточной и западной промышленныхъ областей. Усиленіе прочихъ производствъ Виленской губ. объясняется центральнымъ положеніемъ ея среди Сѣверо-Западнаго края и удобствами въ торговомъ отношеніи; она, очевидно, стремится превратиться въ одну изъ такихъ промышленныхъ окраинъ.

Теперь нужно обратиться къ составу производствъ, не подходящихъ подъ вышеуказанныя рубрики группъ, и имѣющихъ мѣсто преимущественно въ Гродненской и Смоленской губ., и отчасти въ Виленской.

Изъ этихъ производствъ мы должны прежде всего обратить наше вниманіе на табачныя фабрики; хотя онѣ имѣютъ повсемѣстное распространеніе и съ значительною суммою производства, однако мы не причислили ихъ къ одной изъ указанныхъ группъ, потому что онѣ не обрабатываютъ мѣстныхъ продуктовъ.

Производство табачныхъ фабрикъ составляетъ 2,371,713 р.; при этомъ считается 68 фабрикъ при 3708 рабочихъ; такимъ образомъ табачное производство составляетъ около 6% всего производства.

Приведемъ небезынтересныя данныя о распредѣленіи этого производства по губерніямъ.

Губерніи.	Число производствъ	Сумма производства.	% отн. ея къ общ. суммѣ произв.	Средняя сумма производ. каждой фабр.	Число рабочихъ.	Среднее число рабочихъ каждой фабр.
Гродненская . .	16	950,755	11,5%	59,435	1666	104
Виленская . . .	7	461,752	10,9%	65,966	339	48
Смоленская . .	4	444,822	6,3%	111,203	107	27
Ковенская . . .	11	242,182	5%	22,017	710	65
Витебская . . .	10	137,943	6,3%	13,794	303	30
Могилевская . .	6	81,893	2,1%	1364	153	25
Минская	14	52,386	0,7%	13,669	430	31

Намъ остается еще сказать о нѣк. крупныхъ производствахъ, не входящихъ въ составъ первыхъ трехъ группъ

Изъ такихъ производствъ отмѣтимъ писчебумажныя фабрики, которыя находятся въ двухъ губерніяхъ: въ Виленской 3 съ суммою производ. на 348000 р. или почти 8%, и въ Могилевской—1 съ произв. на 707600 р. или почти 19% произв. губ.—Въ Смоленской губ. выдѣляется по своему производству 1 ткацкая и бумагопрядильная фабрика, которая при 2626 рабочихъ, доставила произведеній въ прошломъ году на 3,799,517 р., что составитъ почти половину производительности губерніи. Ткацкія фабрики находятся еще въ небольшомъ числѣ въ Гродненской губ. (9), производящихъ на 55.870 р. Вообще Гродненская губернія по направленію своей промышленности, значительно отдѣляется отъ другихъ, равно какъ и Смоленская. Такъ, приведемъ важнѣйшія производства.

Фабрики.	Число фабрикъ	Сумма производительн. рублей.	% общ. произв. губ.	Средняя сумма произв. кажд. ф. рублей.	Число рабочихъ
Суконныя	26	365,249	4,4%	14,044	634
Сукон.-картовыя.	142	3.826,885	46,3%	26,815	5814
Шерстяныя . .	25	577,164	7%	23,088	740
Шолковыя . . .	2	345,000	4,1%	172,500	410

Приведенныя данныя достаточно характеризуютъ состояніе и напраленіе промышленности Гродненской и Смоленской губ.: въ общемъ, онѣ близко подходятъ подъ типъ крупной промышленности, а по составу своему совершенно отличаются отъ прочихъ губерній Сѣверо-Западнаго края.

Въ заключеніе нашего очерка о фабрично-заводской промышленности слѣдовало бы упомянуть о положеніи рабочихъ, но оффиціальныя данныя за прошлый годъ, имѣющіяся у насъ подъ руками, не упоминаютъ объ этомъ; данныя же, собранныя фабричными инспекторами, были своевременно опубликованы въ газетахъ.

Зная общее состояніе нашей промышленности въ настоящее время, небезъинтересно будетъ оглянуться назадъ и познакомиться съ ростомъ ея до послѣдняго времени.

Общее впечатлѣніе отъ данныхъ о ростѣ нашей фабрично-заводской промышленности состоитъ въ томъ, что промышленность увеличивается крайне медленно и весьма неравномѣрно. Увеличеніе довольно замѣтно, если разсматривать данныя съ 60-хъ годовъ; послѣднее же десятилѣтіе отличается сильными колебаніями. При весьма незначительномъ, въ общемъ, и не постоянномъ ростѣ за послѣднее десятилѣтіе, настоящее состояніе промышленности значительно понизилось сравнительно съ предшествующими годами.

Только двѣ губерніи, Ковенская и Смоленская, выработали произведеній въ 1887 году на большую сумму, чѣмъ въ какой либо изъ предшествовавшихъ годовъ; для всѣхъ остальныхъ губерній сумма производательности этого года ниже какого либо изъ предшествовавшихъ. Годы наивысшаго производства—1883—1884 почти для всѣхъ губерній; въ эти годы наша промышленность поднялась до наивысшей своей величины; затѣмъ начинается поворотъ, въ смыслѣ уменьшенія производительности губерній, происходящій, какъ слѣдуетъ полагать, отъ извѣстнаго экономическаго кризиса, послѣдовавшаго за этими годами и продолжающагося, отчасти, до послѣдняго времени. Таково общее положеніе дѣлъ.

Мы уже замѣтили, что увеличеніе производительности страны замѣтно только за большой періодъ времени; въ послѣднее десятилѣтіе усиленіе промышленной дѣятельности незначительно. Принявъ во вниманіе періодъ времени съ шестидесятыхъ годовъ, мы замѣчаемъ, что наибольшее усиленіе промышленной дѣятельности замѣтно въ Минской и Ковенской губ. Такъ, въ первой изъ нихъ за послѣдніе 27 лѣтъ (отъ 1861—1887 г., включ.) сумма производства увеличилась въ 13 разъ: въ 1861 г. въ ней считалось всего 70 фабрикъ съ суммою производства на 564,443 р. Производство Ковенской губ. за тоже время увеличилось въ 10 разъ: въ ней въ 1861 г. считалось фабрикъ и заводовъ 317 съ 1148 рабочими и производствомъ на 468,163 р. Такимъ образомъ производительность Минской губ. увеличивалась, въ среднемъ, почти по 259 тыс. р. въ годъ, а Ковенской почти по 162 тыс. р.

Это только двѣ губ., въ которыхъ сумма производства увеличилась такъ значительно; въ остальныхъ увеличеніе гораздо меньше; такъ въ Грод-

ненской губ. оно произошло въ 2,6 раза съ 1860 г. или всего на 4787 тыс. р., въ Витебской (съ 1862 г.) въ 2,2 раза или на 1,227 тыс. р., въ Виленской (съ 1868 г.)—въ 3,6 раза, или на 3113 тыс. р., и въ Смоленской (съ 1866 г.) въ 2,8 раза. Ежегодное увеличенie производительности этихъ губ. выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Гродненской губ. сумма производительности ежегодно увеличивалась въ среднемъ по 146 тыс. р., въ Виленской по 155 тыс. р., въ Витебской—по 15,600 р. и въ Смоленской—208 тыс., рублей. Указанное нами увеличенie, въ сущности, незначительно, если сравнить съ другими губернiями, гдѣ въ тѣ же перiоды сумма производительности увеличилась на десятки миллiоновъ рублей, а въ Московской губ. съ 1868 г. болѣе, чѣмъ на 100 милл. р.

Медленными шагами промышленность наша шла до конца 70-хъ годовъ, съ этого времени производительность увеличилась, но въ то же время замѣтно сильное колебанiе, а съ 1883—84 г. и паденiе. Въ самомъ дѣлѣ, приведемъ данныя за послѣднее шестилѣтiе (1881—1886 годъ включ.) общей суммы производства всѣхъ губернiй.

Годы.	Сумма производительности. Рубли.	Увеличенiе (+) или уменьшенiе ея сравн. съ предш. год.	% увеличенiя или уменьшенiя.
1881	34.795,524		
1882	36.435,418 +	1.639,894 +	+ 4,7%
1883	38.197,371 +	1.761,953 +	+ 4,8%
1884	40.266,416 +	2.069,045 +	+ 5,3%
1885	35.892,706 —	4.373,710 —	+ 10,9%
1886	36.059,378 +	166,672 +	+ 0,9%

Изъ этой таблички видно, что промышленность наша съ 1881 года подвинулась впередъ на весьма незначительную сумму, а наивысшая точка ея развитiя приходится на 1884 г., съ которой она замѣтно пала въ два послѣдующiе года.

Группируя тѣ же данныя по губернiямъ, принявъ во вниманiе отчеты за цѣлое десятилѣтiе (съ 1878 г.), нельзя не замѣтить значительной разницы въ развитiи нашей промышленности въ различныхъ губернiяхъ края.

Такъ, представимъ данныя, показывающiя колебанiя суммы производства сравнительно съ каждымъ предшествовавшимъ годомъ.

Годъ.	Г У Б Е Р Н І И.						
	Гродненск.	Виленская.	Могилевск.	Смоленск.	Минская	Ковенская.	Витебская.
	Увеличеніе суммы (+) или уменьшеніе (−) суммы производ. ср. съ предыд. г. (въ рубляхъ).						
1879	− 366,218	+ 223,169	+ 21,650	+1,737,982	—	—	—
1880	− 709,508	− 425,812	− 177,041	−2,198,363	+ 149,686	− 316,480	—
1881	+ 470,551	+ 688,484	+ 249,013	+1,537,410	+ 638,856	− 160,991	—
1882	− 130,906	+ 248,408	+ 222,128	+ 523,222	+ 554,003	+ 689,094	− 151,059
1883	+1,240,378	+1,474,888	+ 136,113	−1,062,422	− 469,659	+ 188,678	+ 253,977
1884	+1,416,374	+ 414,997	+ 529,939	+1,644,438	+ 639,030	− 388,872	+ 315,777
1885	−1,327,614	−1,642,280	− 503,762	−1,036,443	− 285,940	− 358,484	+ 781,413
1886	+ 518,219	+1,046,111	+ 342,976	− 370,473	−1,074,426	+ 719,746	−954,421
1887	—	− 500,237	− 753,575	+1,620,278	+ 347,117	+ 346,923	+ 81,826

Вышеприведенныя данныя указываютъ на значительное колебаніе производительности.

Притомъ, въ большинствѣ случаевъ, вслѣдъ за поднятіемъ ея слѣдуетъ паденіе; наивысшаго уровня своего она достигаетъ въ періодъ 1883—84 года. Размѣры паденія суммы производства, превышающіе часто милліонъ рублей, при незначительномъ общемъ уровнѣ промышленности, должны были крайне неблагопріятно отзываться на общемъ экономическомъ строѣ страны.

Отношеніе данныхъ этой таблицы къ общей суммѣ производства каждаго года еще болѣе уяснится, если привести процентное отношеніе этихъ же данныхъ къ суммѣ производительности каждаго предшествующаго года.

Годы	Губерніи.						
	Гродненская.	Виленская.	Могилевск.	Смоленск.	Минская.	Ковенская.	Витебская.
	Процентное отнош. увелич. (+), или уменьшеніе (—) суммы производительности кажд. послѣд. года къ предыдущему.						
	проц.	проц.	проц.	проц.	проц.	проц	проц.
1879	— 3,5	+ 8	+ 0,7	+37	—	—	—
1880	— 7	—14	— 5	- 34	+ 2	— 9	—
1881	+ 5	+27	+ 8	+34	+ 9	— 5	—
1882	— 4	+ 8	+ 7	+ 9	+ 7	+21	— 8
1883	+13	+42	+ 4	—17	— 6	+ 4	+14
1884	—14	+ 8	+15	+31	+ 8	- 0,9	+15
1885	—15	—31	—12	—17	— 3	— 8	+24
1885	+ 7	+30	+10	— 6	- 13	+19	—31
1887	—	—10	—20	29	+ 5	+ 4	+ 4

Такимъ образомъ. за означенный періодъ послѣдовало абсолютное уменьшеніе суммы производства только въ Гродненской губ.: въ 1878 г. она равнялась 10.277,564 р., слѣдовательно, до 1887 г. уменьшилась на 2.022,474 р., или 20%. Въ остальныхъ губерніяхъ замѣтно абсолютное повышеніе суммы производительности: менѣе всего она увеличилась въ Могилевской губ.—на 58,441 р., или 1,6% (въ 1878 г. равнялась 3.047,104 р.), въ Минской на 488,667 р., или 7% (въ 1879 г. равнялась 6.979,937 р.), въ Витебской на 302,513 р., или 16% (въ 1881 г. равнялась 1.894,453 р.), въ Ковенской на 1.049,617 р., или 28% (въ 1878 г. равнялась 3.797,309 р.) и въ Смоленской на 2.395,083 р., или 51% (въ 1878 г. равнялась 4.688,089 р.); наивысшій процентъ увеличенія дала Виленская губ. – 55%, или 1.484,728 р (въ 1878 г. сумма производительности равнялась 2.748,680 руб.).

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ о различныхъ причинахъ, обусловливающихъ ростъ промышленности нашихъ губерніи; причины эти заключаются какъ въ географическомъ положеніи ихъ, такъ и въ направленіи самой промышленности въ различныхъ частяхъ края. Такъ, изъ предыдущаго мы видѣли, что промышленность 5 нашихъ губерній (Могилевской, Минской, Виленской, Витебской, Ковенской) направлена на обработку мѣст-

ныхъ сырыхъ произведеній; съ увеличеніемъ населенія увеличивался и спросъ на эти продукты, увеличилось также количество мѣстныхъ произведеній (напр. разнаго рода хлѣба, вслѣдствіе большого количества воздѣлываемыхъ полей и проч.)

Наконецъ, и рабочіе, обрабатывающіе на фабрикахъ и заводахъ мѣстные продукты, стоятъ предпринимателямъ дешевле, вслѣдствіе несложности самой работы (напр. на винокуренныхъ заводахъ и пр.) и привычки къ ней мѣстнаго населенія. Вслѣдствіе этихъ причинъ мы и замѣчаемъ значительный ростъ въ этихъ губерніяхъ промышленной дѣятельности. Замѣтимъ еще, что на такого рода производство экономическій кризисъ послѣдняго времени не могъ оказать сильнаго вліянія (кромѣ, и то отчасти, вывоза спирта).

Медленный же ростъ производства этихъ губерній зависитъ отъ незначительнаго увеличенія спроса на нихъ и вообще отъ медленнаго теченія жизни въ нашемъ краѣ.

Нѣсколько иначе стоитъ положеніе другихъ двухъ губерній, Гродненской и Смоленской.

Гродненская губ., какъ мы уже замѣтили, и по характеру своей промышленности, и по торговымъ связямъ, всецѣло зависитъ отъ Привислинскаго края, который служитъ рынкомъ для ея произведеній. Между тѣмъ промышленность послѣдняго, какъ наиболѣе связанная съ Западной Европой, потерпѣла въ послѣднее время, вслѣдствіе экономическаго кризиса, серьезные убытки; только въ самое послѣднее время товары ея начали появляться на московскихъ и петербургскихъ рынкахъ, что вызвало жалобу въ департаментъ торговли и мануфактуръ, поданную московскими фабрикантами, объ ограниченіи ввоза произведеній Привислинскаго края. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ промышленность Гродненской губ. въ послѣднее время значительно пала.

Сказанное нами съ достаточной точностью подтверждается какъ на общихъ, выведенныхъ нами данныхъ, такъ и въ частности—на производствѣ суконныхъ фабрикъ этой губ. Вообще, суконныя фабрики имѣютъ въ ней преимущественное значеніе, такъ какъ на ихъ долю приходится болѣе половины всего производства; за ними, по важности, слѣдуютъ шерстяныя фабрики и шелковыя. Поэтому, производительность Гродненской губерніи основывается по преимуществу на хорошемъ сбытѣ этого рода произведеній; улучшеніе или ухудшеніе его отражается на всей губерніи. Такъ, данныя о производствѣ суконныхъ, суконно-кортовыхъ и кортовыхъ фабрикъ за восьмилѣтіе, съ 1879 г. по 1886 г. включительно, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1879 г.—6,3 мил. р., въ 1880 г. 5,7 (—8,6%), въ 1881 г. 6,09, въ 1882 г. 6,05, въ 1883 г. 6,08, въ 1884 г. 2, въ 1885 г. 4,8, въ 1886 г. 4,2.

Особенно выдающееся явленіе представляетъ послѣдній, 1886 годъ: тогда какъ все производство губерніи увеличилось на 7% (518 тыс. руб.), сравнительно съ предшествующимъ годомъ, производство суконныхъ фабрикъ пало до 616 тыс. руб. Эти факты достаточно уясняютъ положеніе означеннаго рода мануфактуры, медленность ея развитія, неустойчивость ея современнаго состоянія и, если дѣла и дальше пойдутъ такимъ же образомъ, то и паденіе. Гродненская мануфактура не имѣетъ своихъ постоянныхъ рынковъ, но всецѣло зависитъ отъ Привислинскаго края, и болѣе всего отъ Варшавы; чѣмъ больше рынковъ для сбыта имѣетъ привислинская мануфактура, тѣмъ лучше пойдутъ дѣла гродненскихъ фабрикантовъ; при ухудшеніи дѣлъ первой, послѣдніе остаются на второмъ планѣ и принуждены сокращать свои операціи.

Смоленская губернія находится въ другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Рынки сбыта ея произведеній въ Москвѣ, на Нижегородской ярмаркѣ и далѣе къ востоку; она производитъ по преимуществу простые товары (ситцы, миткаль и проч.), которые отчасти расходятся на мѣстѣ, и большею частью, вмѣстѣ съ московскими товарами такого же рода, въ восточныя области Россіи, въ Азію и на Кавказъ. Экономическій кризисъ не могъ оказать тутъ сильнаго вліянія; даже, напротивъ, началъ оказывать весьма благотворное вліяніе; московскіе и владимирскіе фабриканты обратились къ изысканію новыхъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ и въ последнее время сдѣлали большіе успѣхи въ Средней Азіи. Все это хорошо повліяло на промышленность Смоленской губерніи и она значительно поднялась за послѣднее время.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы успѣли коснуться различныхъ сторонъ жизни нашего края. Однако, трудъ нашъ въ такомъ видѣ далеко нельзя назвать законченнымъ, полнымъ; мы не коснулись еще нѣкоторыхъ сторонъ, весьма даже существенныхъ, экономической жизни разбираемаго нами раіона. Такъ, напримѣръ, мы не сказали ничего о торговлѣ и промыслахъ сельскаго и городского населенія и проч., принуждены были отказаться отъ изслѣдованія нѣкоторыхъ частностей изъ вопросовъ, уже отчасти изслѣдованныхъ нами и проч. Причина, заставившая насъ отказаться говорить о томъ или другомъ предметѣ, — недостаточность, неполнота существующихъ источниковъ, часто даже совершенное отсутствіе въ нихъ важнѣйшихъ данныхъ. Такъ, о торговлѣ оффиціальные источники судятъ по количеству взятыхъ торговыхъ свидѣтельствъ, билетовъ и проч. Врядъ ли кажется, можно судить о торговлѣ по этимъ источникамъ, особенно въ нашемъ краѣ, гдѣ каждый еврей является торговцемъ, совершаетъ часто значительные обороты, а между тѣмъ немногіе изъ нихъ берутъ свидѣтельства; да и сами эти документы вовсе не могутъ указывать на сумму тор-

говыхъ оборотовъ, но невольно является недовѣріе къ выставленнымъ цифрамъ; какимъ методомъ собиранія пользовались составители? Вѣдь у насъ, какъ извѣстно, даже большіе коммерческія фирмы не ведутъ книгъ, торговыхъ записей и пр.; если же нѣкоторыя еврейскія фирмы и ведутъ, то на еврейскомъ языкѣ, слѣдовательно, недоступномъ для составителей отчетовъ. Болѣе заслуживаютъ довѣрія отчеты начальниковъ рѣчныхъ дистанцій о прохожденіи чрезъ ихъ округи грузовъ, доставляемыхъ на рѣчныхъ судахъ; но даже и этихъ данныхъ мы не можемъ собрать. Вообще торговля Сѣверо-Западнаго края, по ея исключительному положенію и способу веденія, требовала бы серьезнаго изслѣдованія людей науки, на что не могутъ разсчитывать наши статистическіе комитеты. (Подобное изслѣдованіе было сдѣлано Янсономъ въ 60-хъ годахъ. „Пинскъ и его раіонъ". Спб. 69 г. Въ настоящее время эта работа, весьма добросовѣстная и интересная, во многихъ отношеніяхъ устарѣла, конечно).

Въ такомъ видѣ приходится встрѣчать не только данныя о торговлѣ, но даже и такія, собираніе которыхъ не можетъ встрѣтить большихъ затрудненій; такъ, не точны свѣдѣнія о народномъ образованіи, о санитарномъ состояніи и др. Вообще, бѣдность, неполнота, неопредѣленность статистическихъ данныхъ о Сѣверо-Западномъ краѣ поразительны. О вполнѣ научномъ трудѣ по разнообразнымъ вопросамъ нашей жизни, при настоящемъ положеніи источниковъ, еще нечего и думать. Мы съ трудомъ могли собрать хоть общія данныя, изложенныя въ предыдущихъ очеркахъ, а между тѣмъ мы имѣли возможность пользоваться всѣми изданіями центральнаго и губернскихъ статистическихъ комитетовъ и всетаки оказалось невозможнымъ обслѣдовать многіе изъ вопросовъ, имѣющихъ существенную важность.

Въ заключеніе нашихъ очерковъ приведемъ данныя о состояніи податной части въ губерніяхъ нашего края. По смѣтѣ на 1887 г. ожидалось къ поступленію всѣхъ сборовъ, окладныхъ и неокладныхъ, 8,168,021 руб. недоимочныхъ и оклада 20,177,313 р., а всего 28,345,334 р., что на каждую душу наличнаго населенія составляетъ около 3 р., а на каждую мужскую рабочую душу (отъ 18 до 60 лѣтъ) почти по 12,5 р. Однако, цифра предположенныхъ сборовъ въ продолженіе года измѣнилась оттого, что къ нимъ были еще причислены нѣкоторые сборы, именно: недоимокъ на 1,335,914 руб. и оклада на 2,888,575 руб., всего на 4,224,489 р. Слѣдовательно, всего, вмѣстѣ съ причисленными налогами, подлежало взысканію 32,569,823 руб., или около 14 р. на рабочую душу.

Изъ этой общей суммы въ теченіе года было исключено недоимокъ на 1,533,807 р. и дѣйствительно взыскано было съ населенія: недоимокъ на 2,158,593 р. и окладныхъ сборовъ на 18,802,081 р.; всего 20,960,674 р., что составитъ на наличную душу 2 р. 15 к., а на рабочую душу почти $9^{1}/_{2}$ р

Вотъ данныя о налогахъ, сгруппированныя въ таблицу:

Губерніи:	Взысканіе податей и налоговъ. (Руб.)	На 1 душу обоего пола всего населенія приход. Рубли.
Минская	8,030,549	4,8
Могилевская	2.220.769	1,8
Смоленская	2,241,022	1,7
Ковенская	2.484,726	1,63
Виленская	1,967,045	1,5
Гродненская	2,131,871	1,5
Витебская	1,844,693	1,45

Сюда не вошли городскіе налоги, слѣд., общая сумма взимаемыхъ налоговъ нѣсколько увеличится.

Укажемъ, далѣе, на важнѣйшія статьи губернскихъ доходовъ. Болѣе одной трети настоящихъ сборовъ входитъ въ составъ неокладныхъ налоговъ по вѣдомствамъ разныхъ министерствъ (напр., за сѣнокосы, охоту, продажу лѣса и проч., по вѣдомству мин. гос. им., за гербовый сборъ и проч.).

Именно, по окладу 1886 года полагалось взыскать по неокладнымъ сборамъ 9,718,625 р.; въ продолженіе года къ нимъ было причислено 3,170,836 р., а дѣйствительно было получено отъ населенія 7,217,113 р.

Остальные налоги составляютъ окладные сборы, именно взыскано было ихъ 13,742,561 р.

Окладные сборы состоятъ изъ подушнаго оклада, выкупныхъ платежей, взимаемыхъ исключительно съ крестьянъ (подушной подати взимаются только недоимки, такъ какъ сама она, какъ извѣстно, отмѣнена); далѣе, изъ налоговъ, взимаемыхъ въ пользу духовенства съ лицъ польскаго происхожденія и имѣній, имъ принадлежащихъ (на дняхъ и эта повинность отчасти отмѣнена), и наконецъ, различныхъ земскихъ сборовъ, взимаемыхъ съ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ.

Такимъ образомъ, недоимки по подушной подати было взыскано въ прошломъ году во всѣхъ губерніяхъ 77,103 р., что на каждую крестьянскую душу составитъ немного болѣе одной копейки *).

Выкупные платежи составили въ прошломъ году 9.169,933 р. (недоимочныхъ 703,869 р. и окладныхъ 8.466,124 р.). Слѣдовательно, на каждую десятину крестьянской земли приходится по 86 коп., а на одну крестьянскую душу по 1 р. 35 к.

*) Всего крестьянскаго сословія считается 6,7 0,820 д. обоего пола.

Остальные окладные сборы составляютъ 4.575,568 р.; часть ихъ, въ количествѣ 648,006 р., недоимки и оклады, взимается исключительно съ лицъ польскаго происхожденія, а остальные 3.925,502 р. составляютъ поземельный сборъ и земскіе государственные сборы.

Въ общемъ на десятину изъ этихъ сборовъ приходится почти по 15 коп. Изъ этихъ окладныхъ сборовъ крестьянское сословіе вноситъ менѣе $^1/_3$ ихъ, именно около 1,593 тыс. р.; остальная сумма вносится частными собственниками.

Изъ всѣхъ этихъ сборовъ, на одну душу крестьянскаго сословія, безъ различія возраста, приходилось: недоимки по подушной подати 1 коп., выкупныхъ платежей 1 р. 35 коп. и поземельныхъ сборовъ 23,6 к., слѣдовательно всего 1 р. 59,6 коп. Такъ какъ крестьянъ мужского пола въ рабочемъ возрастѣ можно считать приблизительно около 1,769 тыс. чел., то всѣхъ вышеназванныхъ статей сборовъ на каждую рабочую душу крестьянскаго сословія пришлось: недоимки подушной подати 4,3 к., выкупныхъ платежей 5 р. 18 к., поземельнаго налога и земскихъ сборовъ 90 копеекъ, а всего 6 р. 12,3 коп. Впрочемъ, сумма эта, въ дѣйствительности, будетъ больше, потому что въ нашъ разсчетъ не вошли волостные сборы, которые доходятъ мѣстами до 1 рубля. Поэтому, въ среднемъ, можно положить на каждую рабочую душу крестьянскаго сословія по 7 р., кромѣ этого крестьянинъ уплачиваетъ еще косвенные налоги въ видѣ акциза, гербоваго сбора, что можетъ составить еще 1 р.

Кустарные промыслы Минской губерніи*).

Какъ въ наукѣ, такъ и въ обществѣ укоренилось мнѣніе, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ совершенно отсутствуютъ кустарные промыслы. Мнѣніе это настолько сильно, что даже спеціальная комиссія по изслѣдованію этихъ промысловъ и сельскаго хозяйства, изучая кустарное производство промышленной полосы Россіи и отчасти черноземной, ограничилась лишь нѣсколькими замѣчаніями, слишкомъ поверхностными, о состояніи сельскихъ промысловъ въ Бѣлоруссіи. Такъ, комиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ одномъ изъ своихъ докладовъ заявила, что въ Бѣлоруссіи, несмотря на скудную почву, крестьяне занимаются почти исключительно однимъ земледѣліемъ, а изъ подспорныхъ промысловъ берутся только за самые простые, какъ сплавъ лѣса, извозъ (Тр. ком. IV, 19 прил. I, отд. I). Относительно Смоленской губ. въ частности таже комиссія заявляетъ, что значительное число рабочихъ дней теряется непроизводительно, такъ какъ работникамъ очень часто нечего дѣлать, въ особенности раннею весною. Впрочемъ, относительно нѣкоторыхъ губерній можно найти въ трудахъ этой же комиссіи лишь неопредѣленныя указанія на выдѣлку здѣсь посуды, осей, саней, бочекъ и др. промыслы.

Однако, если мы обратимъ вниманіе на причины, вызывающія вообще въ Россіи кустарную промышленность, то найдемъ, что и въ нашемъ краѣ онѣ не только существуютъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще въ большей силѣ, чѣмъ въ губерніяхъ фабричныхъ или черноземныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ мы встрѣчаемъ ту же недостаточность земельнаго надѣла, малоплодородность почвы, продолжительность свободнаго отъ полевыхъ работъ времени, да еще ко всему этому присоединяется отсутствіе фабрикъ и заводовъ, которыя могли бы предъявлять спросъ на рабочія руки, и вообще незначительность отхожихъ промысловъ. Лѣсные промыслы занимаютъ весьма немного рабочихъ рукъ. Такъ, въ Минской губерніи, мѣстѣ ихъ наибольшаго развитія, занято ими было въ 1887 г. немного болѣе 73 тыс. человѣкъ, что составитъ около 6% населенія. Слѣдовательно, въ нашемъ

*) Въ дополненіе къ предыдущей статьѣ помѣщаемъ наст. ст., напечатанную въ 1890 г.

краѣ существуютъ причины аналогичныя тѣмъ, которыя вызвали развитіе кустарныхъ промысловъ въ черноземной полосѣ

Съ другой стороны, если разсмотрѣть относительное число ремесленниковъ, имѣющихъ свидѣтельства на ремесло, той же самой Минской губерніи, то ясно станетъ, что они не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ полуторамилліоннаго населенія губерніи. Такъ, всѣхъ городскихъ ремесленниковъ въ ней было въ 1887 г. 23,373 человѣка, мастеровъ и рабочихъ, что составитъ всего лишь 1,4% населенія губерніи, такъ что на каждаго ремесленника приходится по 73 человѣка остальнаго населенія. Совершенно ясно, что 1,4% населенія, занимающіеся ремеслами, не могутъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ остальныхъ жителей губерніи, особенно если принять въ разсчетъ разнообразныя потребности болѣе зажиточныхъ классовъ. Слѣдовательно, естественно, что для потребностей крестьянскаго населенія губерніи существуетъ особый классъ промышленниковъ земледѣльцевъ, которыхъ въ наукѣ и въ обществѣ принято называть кустарями. Предположеніе о существованіи кустарной промышленности можно сдѣлать уже по сопоставленіи вышеуказанныхъ данныхъ, хотя въ русской экономической наукѣ существуетъ взглядъ, подтвержденный заявленіями оффиціальныхъ комиссій, что въ Бѣлоруссіи вообще отсутствуетъ эта часть промысловъ. Такой взглядъ установился вслѣдствіе того, что наша окраина вовсе не подвергалась изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи.

Если же мы изслѣдуемъ изданные недавно Минскимъ статистическимъ комитетомъ*) матеріалы о кустарной промышленности, то при первомъ же взлядѣ на общіе итоги можно уже заключить, что этотъ родъ промысловъ занимаетъ видное число крестьянскихъ рабочихъ рукъ. не уступающее губерніямъ, въ которыхъ кустарный промыселъ считается занимающимъ видное мѣсто. Такъ, въ 9-ти уѣздахъ Минской губерніи занимаются кустарными промыслами 20,216 крестьянъ почти исключительно муж-

*) Матерьялы эти изданы при Памятной Книжкѣ по Минской губерніи на 1890 г. Эти данныя далеко не могутъ быть признаны полными; въ нихъ вошли далеко не всѣ мѣстности, даже пріобрѣвшія себѣ извѣстность на болѣе или менѣе обширный районъ. Такъ напр., извѣстные во всемъ при-Припятьи жители мѣст. Петрикова, почти поголовно занимающіеся всю зиму шитьемъ сапоговъ, продающіе свои издѣлія не только на ярмаркахъ южной части Минской губ., но и сосѣднихъ губерній, вовсе не названы въ опубликованныхъ данныхъ. Тоже случилось и съ выдѣлкою деревянной посуды въ м. Лахвѣ, хорошо извѣстной въ томъ же районѣ. Несмотря на недостатки, данныя эти весьма важны, такъ какъ нельзя не признать за ними извѣстной доли правдивости. Къ сожалѣнію, форма, въ которой онѣ изданы, весьма неудобна для пользованія: издатели не примѣнили къ изданію ихъ самыхъ обыкновенныхъ пріемовъ при статистическихъ изданіяхъ. Было бы весьма желательно, чтобы и другіе комитеты послѣдовали примѣру Минскаго и собрали бы свѣдѣнія о кустарной промышленности.

чинъ, живущихъ въ 646 селеніяхъ; промыслы ихъ раздѣляются на 25 видовъ. Эта цифра вовсе не можетъ быть признана преувеличенною: насколько намъ извѣстно, сюда не вошли многія селенія, въ которыхъ процвѣтаютъ тѣ или другіе промыслы (Петриково, Лахва и др.). Правда, сюда вошло не мало простыхъ сельскихъ ремесленниковъ, которыхъ не всѣ причисляютъ къ кустарямъ. Какъ бы то ни было, но это количество сельскихъ промышленниковъ не уступаетъ по количеству многимъ промышленнымъ и черноземномъ губерніямъ. Такъ, въ Полтавской губ. всѣхъ ремесленниковъ 26,352 д. об. п. изъ коихъ собственно кустарей всего лишь 3728 чел.; въ Ставропольской губ. кустарей всего 2470 чел.

Указанное число кустарей (20,216 ч.) по уѣздамъ Минской губерніи распредѣляется слѣдующимъ образомъ.

Уѣзды.	Число кустарей.	% отнош. ихъ общ. числу по губ.	% отнош. къ насел. уѣзда.
Мозырск	5817	48,8%	5%
Новогруд.	4587	22,7%	2,1%
Слуцкій	3406	20%	2%
Игуменскій	2908	14,5%	1,6%
Пинскій	707	3,5%	0,4%
Борисовскій	665	3,3%	0,42%
Рѣчицкій	678	3,3%	0,5%
Бобруйскій.	551	2,7%	0,36%
Минскій	350	1,7%	0,24%

Если эти поуѣздныя данныя сопоставить съ таковыми же другихъ губерніи, то окажется, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ уѣздовъ не уступаютъ въ этомъ отношеніи уѣздамъ съ наиболѣе развитыми кустарными промыслами промышленной полосы. Такъ, наприм., въ Егорьевскомъ уѣздѣ всѣхъ сельскихъ ремесленниковъ 4750 чел., въ Разянскомъ 4000, Касимовскомъ 3800; Спасскомъ 4000, Сапожковскомъ 2400 и т. д. Всѣ эти данныя указываютъ на то, что кустарная промышленность Минской губ., а, вѣроятно, и всего Сѣверо-Западнаго края вовсе не находится въ такомъ первобытномъ состояніи, какъ объ этомъ обыкновенно думаютъ, и что слѣдовало бы обратить болѣе серьезное вниманіе какъ изслѣдователямъ, такъ и правительственнымъ сферамъ, въ которыхъ въ послѣднее время возникъ серьезный вопросъ объ оказаніи раціональной поддержки кустарямъ.

Разсмотримъ теперь отдѣльные виды кустарной промышленности Мин

ской губ. и сумму производства ихъ. Мы уже сказали, что промыслами занимается 20,216 чел., которые вырабатываютъ на сумму до 300 т. руб. въ годъ. Замѣчательно, что усиленіе промышленной дѣятельности среди крестьянъ въ томъ или другомъ уѣздѣ вездѣ обусловливается большимъ или меньшимъ числомъ свободныхъ рукъ. Это можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ чиселъ, въ которыхъ мы обозначили количество пахатной надѣльной земли на душу об. пола и процентное отношеніе числа кустарей и суммы производства каждаго уѣзда къ общей суммѣ ихъ по губ.

Уѣзды.	Десят. пахат. надѣл. земли.	% отнош. рабочихъ.	% суммы ихъ произ. въ общ. сум.
Минскій	1,09	1,7	4,3
Бобруйскій	1,24	2,7	12,3
Рѣчицкій	1,52	3,3	8
Борисовскій	1.03	3,3	8
Пинскій	0,88	3,5	3 7
Игуменскій	0,97	14,5	16,7
Слуцкій	0,86	20	18
Новогрудскій	0,79	22,7	9,1
Мозырскій	1,09	48	19,2

Эта табличка ясно доказываетъ, что количество крестьянской земли играетъ весьма видную роль въ развитіи сельской промышленности: въ уѣздахъ, въ которыхъ крестьянскій надѣлъ больше, сельская производительность имѣетъ сравнительно весьма скромные размѣры и наоборотъ. Если мы при этомъ припомнимъ отношеніе кустарей каждаго уѣзда къ общему числу его жителей, каковыя данныя мы привели нѣсколько выше, то еще болѣе убѣдимся, что чѣмъ меньше надѣльной земли, тѣмъ большее число рукъ занято промыслами. Въ приведенныхъ данныхъ можно указать лишь на два явленія, повидимому, противорѣчащія вышесказанному—именно сильное развитіе промысловъ въ Мозырскомъ уѣздѣ, средній надѣлъ котораго довольно значителенъ, и низкое состояніе промысловъ въ Пинскомъ уѣздѣ при весьма низкомъ надѣлѣ. Но это обстоятельство легко объясняется, если принять во вниманіе чрезвычайно низкую по качественности почву Мозырскаго уѣзда и развитіе сплавнаго и лѣсного отхожихъ промысловъ въ Пинскѣ.

Изслѣдуя, далѣе, характеръ сельской промышленности данной губерніи, нужно замѣтить, что она носитъ на себѣ характеристическія черты мѣстныхъ природныхъ условій съ одной стороны и служитъ, очевидно, для

удовлетворенія несложныхъ потребностей крестьянскаго населенія, съ другой.

Всѣ 25 видовъ сельскихъ промысловъ, для большаго удобства при обозрѣніи, можно раздѣлить на пять группъ.

Первая группа, куда мы относимъ всѣ издѣлія изъ дерева *), занимаетъ весьма видное мѣсто: этимъ промысломъ занято 8,832 рабочихъ, т. е. 41% всего числа, вырабатывающихъ на сумму въ 132 тыс. руб., или 46% всей суммы. Почти всѣ промыслы этой группы распространены по всѣмъ уѣздамъ губерніи, охватывая собою 232 селенія. Наиболѣе важными изъ нихъ является телѣжный промыселъ, которымъ занято 2,487 челов., вырабатывающихъ на сумму въ 19,899 руб., или 6,5% общ. суммы, затѣмъ слѣдуютъ столярное и плотничье ремесло, (194 раб., на сумму 16,416 руб., или 58% вс. с.), бондарнымъ промысломъ занято 1,327 ч., зарабатывающихъ 12,339 р., и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ группа промысловъ, матеріаломъ для которыхъ служитъ скотоводство **); ими занято 4,341 чел., или 21% общаго числа работающихъ, на сумму 64 тыс. руб., или 2,2% всей суммы. По количеству суммы производства кожевенный промыселъ занимаетъ въ этой группѣ первенствующее значеніе: имъ занято 163 чел., производящихъ на 22,486 руб., что составитъ 7,8% всей суммы; затѣмъ шерстяной промыселъ даетъ 13,604 руб. 3,871 кустарямъ, производствомъ обуви занято 65 чел., зарабатывающихъ на 8,560 руб. Промыслы свѣчной, клееварный, выдѣлка волоса не имѣютъ, по незначительности ихъ суммы производства, вовсе какого либо значенія.

Выдѣлка земледѣльческихъ орудій и металлическое производство (ножи, косы, серпы и т. п.) также занимаютъ видное мѣсто среди другихъ отраслей производства: ими занято 938 чел., вырабатывающихъ на 38 тыс. рублей. Эти промыслы распространены повсемѣстно.

Обработка минеральныхъ богатствъ страны (гончарный промыселъ и обработка камня) имѣетъ весьма незначательное распространеніе: имъ занято 394 чел., зарабатывающихъ въ годъ немного болѣе 8 тыс. руб.

Затѣмъ въ послѣднюю группу мы выдѣляемъ разнаго рода мелкіе промыслы, преимущественно домашняго характера.

Ими занято сравнительно довольно значительное число рабочихъ (5,353 чел.), но незначительность общей суммы производства (45 тыс. руб., т. е. почти по 9 руб. на рабочаго) указываетъ на ихъ небольшое значеніе въ сельско-хозяйственномъ обиходѣ. Только одинъ портняжный промыселъ,

*) Промыслы: бондарный, телѣжный, мелкихъ деревянныхъ издѣлій (посуда и др.), токарныя издѣлія, корзиночный гонка смолы и дегтя, а также изготовленіе матерьяловъ для деревянныхъ издѣлій.

**) Промыслы: шерстяное производство, кожевенный, скорняжный, шорный, обувь, свѣчной, клееварный, обдѣлка волоса.

который мы отнесли къ этой группѣ, занимаетъ 726 рабочихъ, которые вырабатываютъ 5,8% общей суммы.

Послѣ указанія на предметы обработки нашей сельской промышленности, интересно было бы выяснить какъ способы обработки разныхъ видовъ промышленности и способы сбыта получаемыхъ произведеній, такъ и значеніе ея въ сельско-хозяйственномъ быту, и, наконецъ, самую качественную сторону произведеній этой промышленности. Къ сожалѣнію, для выясненія этихъ важныхъ вопросовъ имѣющіеся матеріалы не даютъ ровно ничего. Единственно, что возможно опредѣлить болѣе или менѣе, да и то чисто апріорнымъ путемъ, это значеніе нашей кустарной промышленности въ сельско-хозяйственномъ обиходѣ. Значеніе различныхъ родовъ промышленности для крестьянина достаточно выясняется изъ сопоставленія среднихъ данныхъ о прибыляхъ, получаемыхъ однимъ рабочимъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что развитіе кустарныхъ промысловъ, особенно если они не успѣли получить въ данной мѣстности правильной организаціи, зависитъ какъ отъ большей или меньшей степени интенсивности затрачиваемаго труда, такъ и отъ матерьяловъ для обработки и самыхъ орудій обработки произведеній; конечно, тутъ еще нужно принять въ разсчетъ условія рынка. При чисто земледѣльческомъ характерѣ населенія данной мѣстности, кустарный промыселъ является лишь подспорьемъ въ сельско-хозяйственномъ быту, занимающимъ свободныя руки, когда нѣтъ полевыхъ или домашнихъ работъ. Поэтому, крестьяне преимущественно избираютъ тотъ родъ ремеслъ, который не требуетъ постояннаго труда въ продолженіе года, къ которому земледѣлецъ можетъ обратиться только въ свободное время. Съ другой стороны, на обученіе какому нибудь ремеслу болѣе или менѣе трудному нѣтъ у крестьянина достаточно времени, такъ какъ онъ уже съ десяти лѣтъ работникъ въ семьѣ. Наконецъ, дороговизна орудій обработки, устройство мастерской, необходимость имѣть оборотный капиталъ для закупокъ матерьяловъ для издѣлій, неудобство сбыта, неустойчивость рыночныхъ цѣнъ и т. д. вліяютъ на развитіе тѣхъ или другихъ видовъ кустарныхъ промысловъ. Конечно, во многихъ великорусскихъ уѣздахъ эти причины теперь уже не имѣютъ такого вліянія, что зависитъ отъ правильной во многихъ мѣстностяхъ организаціи сбыта произведеній и отъ слишкомъ незначительныхъ надѣловъ, которымъ бываетъ занята лишь часть семейства.

Однако, въ Минской губерніи всѣ указанныя нами условія сельской промышленности имѣютъ весьма важное значеніе. Это довольно ясно видно изъ разсмотрѣнія средняго заработка въ различныхъ видахъ производства.

Такъ, въ среднемъ каждый рабочій получаетъ въ годъ 14,3 руб. Такая незначительная сумма, конечно не можетъ служить серьезнымъ подспоріемъ въ хозяйствѣ. Промыселъ является у нашего крестьянина не спеціальнымъ занятіемъ, а побочнымъ, къ которому онъ прибѣгаетъ во всякое

время и который не требуетъ оборотнаго капитала, устройства мастерской и проч.

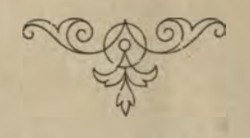
Такимъ образомъ, наиболѣе распространенными промыслами являются такія, какъ: плетеніе корзинъ и метелокъ, пряжа и издѣлія изъ льна и пеньки, деревянныя издѣлія (посуда и др.), вышиваніе, вязаніе, шерстяное производство, бондарный и телѣжный промыслы. Для всѣхъ ихъ не требуется затраты оборотнаго капитала, мастерской и, наконецъ, на нихъ можетъ быть употреблено свободное зимнее время. Поэтому неудивительно, что этими промыслами занято 80% (16,156 человѣкъ) всѣхъ кустарей губерніи. Зато и заработная плата каждаго рабочаго сравнительно незначительна: во всѣхъ промыслахъ она менѣе 10 руб., но зато большинствомъ ихъ можетъ заниматься семья, женщины и дѣти (плетеніе корзинъ, метелокъ, тканіе и др.) Даже разсматривая тѣ же данныя по уѣздамъ, мы замѣчаемъ, что эти производства носятъ тотъ же характеръ, исключенія очень рѣдки. Такъ, напримѣръ, въ Минскомъ уѣздѣ на каждаго занимающагося телѣжнымъ промысломъ приходится 200 рублей заработка, что указываетъ на спеціализацію его. Почти всѣ вышеназванные промыслы открываютъ себѣ рынокъ въ окрестныхъ селеніяхъ или ближайшихъ городахъ.

Промыслы, требующіе болѣе постоянной работы или же оборотнаго капитала, хотя и занимаютъ меньшее число рукъ, но за то доставляютъ больше прибылей рабочему. Такъ отъ 10 до 25 рублей въ годъ зарабатываетъ 1096 человѣкъ, или 5% всѣхъ кустарей, на сумму всего 24,850 р. Сюда принадлежатъ занимающіеся гончарнымъ дѣломъ, портняжнымъ, токарными издѣліями изъ кости и дерева. Максимумъ суммы производства въ гончарномъ дѣлѣ возрастаетъ (въ Рѣчицкомъ уѣздѣ) до 100 руб. на рабочаго.

Затѣмъ слѣдуетъ значительная группа (1369 чел., или 7%) лицъ, занимающихся приготовленіемъ матерьяловъ для деревянныхъ издѣлій (осей, ободьевъ и др.), скорняжнымъ промысломъ, изготовленіемъ земледѣльческихъ орудій, металлическими производствами и обдѣлкою камня. Въ среднемъ они зарабатываютъ отъ 25 до 50 руб. въ годъ каждый. Отъ 50 до 75 зарабатываютъ 62 челов. шорниковъ и свѣчниковъ. Занимающіеся столярнымъ о плотничьимъ ремесломъ (194 чел.) вырабатываютъ отъ 75 до 100 руб.

Такимъ образомъ, мы видимъ постепенно восходящій рядъ отъ мелкаго и мелкоприбыльнаго производства, занимающаго огромное число рукъ, къ болѣе крупному. Въ послѣднемъ уже видна нѣкоторая спеціализація промысла, когда онъ начинаетъ быть главнѣйшей статьей бюджета, что видно изъ средней суммы прибылей. При томъ тутъ уже требуется предварительная подготовка и оборотный капиталъ (шорное, металлическое производство и др.). Поэтому число рабочихъ, получающихъ отъ 100 до 150

руб. въ годъ, хотя сравнительно не велико (77 чел., 0,3%), но указываетъ на болѣе или менѣе постоянное занятіе данными ремеслами (производство обуви и клеевареніе, максимумъ перваго достигаетъ въ Минскомъ уѣздѣ до 500 р. на человѣка, въ Бобруйскомъ до 300 руб. и т. д.). Кожевники получаютъ заработка отъ 150 до 200 руб. въ годъ (163 чел.), а занимающіеся гонкой смолы и дегтя по 483 руб., а наибольшій заработокъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ превышаетъ 600 руб.



Оглавленіе.

Имѣютея въ продажѣ книги того же автора:

Государственное хозяйство Вел. кн. Литовское при Ягеллонахъ. Т. I. К. 1901. . . . . . 4 р.

Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI в. К. 1905. . . . . 3 р. 50 к.

Идеалы декабристовъ. М. 1907. . . . . . 1. р. 25 к.

Мемуары декабристовъ (Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла, съ вводной статьей). К. 1907. 1 р. 50 к.

Тайное общество декабристовъ. М. 1907. . 1 р. 25 к.

Украинскія староства въ перв. пол. XVI в. К. 1908. . . . . 1 р.

Книга для чтенія по русской исторіи. Т. I. М. 1904. . . . . 3 р

Веревныя и разрубныя книги Сѣвернаго края. Спб. 1905. . . . . 1 р.

Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до к. XII ст. К. 1891. . . . . 1 р. 50 к.

Акты Литовско-русскаго государства. В. I. (1340—1524 г.). М. 1899. . . . . 1 р 50 к.

Пѣсни Пинчуковъ. К. 1895 . . . . 2 р.

Баркулабовская лѣтопись. К. 1909. . . . . 25 к.

Документы Моск. Арх. Мин. Юст. Т. I. М. 1897. . . . . 2 р.